✝

ВОСПОМИНАНІЯ

Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода
КНЯЗЯ Н. Д. ЖЕВАХОВА.

ПЕРВЫЙ ТОМЪ.

Сентябрь 1915 г. — Мартъ 1917 г.

«Мнѣ отмщеніе Азъ воздамъ.»
(Посл. къ Римл. XII, 19.)

МЮНХЕНЪ
1923.

Типографія Р. Ольденбургъ.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Подъ кроткимъ, гуманнымъ, просвѣщеннымъ и демократическимъ жидовскимъ правленіемъ, изданіе этой книги стоитъ десять билліоновъ германскихъ марокъ. Въ «темную» эпоху «Кроваваго Самодержавія», у насъ въ Россіи, это же изданіе обошлось бы въ двадцать тысячъ рублей.

Винбергъ.

Отъ издателя.

Многіе русскіе эмигранты пишутъ свои воспоминанія; многіе, съ различныхъ точекъ зрѣнія, стремятся подвести итоги пережитымъ годамъ испытаній, выпавшихъ на русскую долю.

Когда такія записки, воспоминанія или замѣтки обрисовываютъ событія искренно, правдиво и добросовѣстно, когда онѣ написаны внѣ предвзятыхъ мыслей, пристрастныхъ предубѣжденій и тенденціозной партійности, — онѣ всегда интересны и представляютъ собой болѣе или менѣе цѣнный и содержательный вкладъ въ томъ матеріалѣ, которымъ впослѣдствіи будетъ пользоваться историкъ, изучая, въ объективномъ отдаленіи отъ нашихъ переживаній, современную намъ эпоху. Кромѣ того, всѣ эти мысли и мнѣнія, увѣковѣченныя печатнымъ словомъ, полезны и для современниковъ, помогая имъ разбираться въ весьма сложныхъ явленіяхъ нашего лихолѣтія и приходить къ обобщающимъ выводамъ.

Еще больше интереса пріобрѣтаетъ подобная литература въ тѣхъ случаяхъ, когда авторомъ ея является кто либо изъ людей, выдвинутыхъ на верхи жизни государственной или общественной, вліявшій, или по крайней мѣрѣ пытавшійся вліять, на очередные повороты колеса Исторіи.

Среди такого рода «воспоминаній» совершенно исключительное мѣсто должна занять книга князя Николая Давыдовича Жевахова, по глубокому своему содержанію, по вложенной мысли, по легкому, интересному и талантливому изложенію, по чарующей искренности, которой отъ нея вѣетъ. Я почелъ для себя особою честью издать эту книгу, и ея появленіе въ печати доставляетъ мнѣ высокое нравственное удовлетвореніе.

Думаю, что, ознакомившись съ трудомъ князя, такое же удовлетвореніе получитъ каждый чуткій, вдумчивый и честный русскій человѣкъ, исповѣдующій монархическія убѣжденія, преслѣдующій національные идеалы, христіански думающій и чувствующій. . .

Много есть причинъ, почему такъ должно быть: многіе характерные штрихи, которыми отмѣчены «Воспоминанія» князя, обезпечиваютъ успѣхъ книги среди русскихъ читателей.

Я не буду говорить о себѣ, ибо я могу быть пристрастенъ: очень ужъ я очарованъ книгой; очень ужъ полно мое чувство солидарности съ каждой мыслью, съ каждымъ замѣчаніемъ, съ каждымъ выводомъ князя. Но, разсуждая совершенно объективно, внѣ личныхъ впечатлѣній, достоинства книги сами за себя говорятъ и, разумѣется, въ «рекламѣ» (да простится мнѣ это пошлое слово) не нуждаются.

Я, однако, останавливаюсь на нихъ, но конечно не для рекламы, а для запечатлѣнія того большого значенія, какое будетъ имѣть книга въ русской жизни, какъ только эта жизнь

вновь вступитъ въ здоровое русло христіанской и національной эволюціи.

Всѣ мы числимся Христіанами, по нашимъ актамъ крещенія и паспортамъ; но только нѣкоторая часть изъ насъ составляетъ меньшинство Христіанъ вѣрующихъ и способныхъ воспринимать религіозныя настроенія; еще меньше тѣхъ, кто мистически чувствуетъ; еще гораздо меньше такихъ, которые во всемъ существѣ своемъ мистически проникнуты религіозными вѣрованіями и идеалами; наконецъ, совсѣмъ мало тѣхъ одухотворенныхъ людей, которые никогда не разстаются со своимъ ярко зажженнымъ факеломъ Вѣры, освѣщая имъ свой жизненный путь, и отъ видимой всѣми «реальности» жизни не отдѣляютъ той, для большинства невидимой, но всегда дѣйственной и видимой для избранныхъ, реальности, которая составляетъ духовную область жизни, основной и всеобъемлющій ея смыслъ.

Къ этому послѣднему меньшинству принадлежитъ князь Жеваховъ. И среди этого то меньшинства, мало извѣстнаго широкимъ свѣтскимъ кругамъ русскаго общества, отодвинувшагося отъ шума мірской суеты, мудрая и чуткая духомъ и сердцемъ наша Государыня Императрица Александра Θеодоровна съумѣла найти и избрать, и посовѣтовать помощника Государю для важнѣйшаго отдѣла государственнаго управленія, для Управленія Церковнаго. . .

Какъ я уже упомянулъ, «Воспоминанія» князя написаны чрезвычайно откровенно и искренно: въ каждомъ словѣ чувствуется, что оно исходитъ изъ души ясной и свѣтлой, и что авторъ говоритъ съ читателемъ «какъ на духу», раскрывая весь свой богатый запасъ знаній, мыслей и чувствъ. Нѣту фальши, нѣту притворства, нѣтъ пристрастнаго желанія выставить себя другимъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. И потому читатель, прочитавши книгу, знаетъ автора и, какъ мнѣ думается, не можетъ не относиться къ нему сочувственно.

Узнавши автора, читатель неминуемо приходитъ къ заключенію, что для возглавленія управленія Православною Церковью трудно было сдѣлать лучшій выборъ, какъ не остановившись на этомъ right man in the right place.

И лишній разъ русскій читатель пойметъ и оцѣнитъ, увы — запоздалымъ сожалѣніемъ или укоромъ совѣсти, какъ проникновенно, какъ участливо и добросовѣстно наши Государь и Государыня относились къ трудному, отвѣтственному, великому дѣлу, Божіей Волей предназначенному Божіему Помазаннику, Котораго, въ годы благостнаго Его Правленія, Россія не доросла оцѣнить, Которымъ позорно мало дорожила и Котораго малодушно не съумѣла оберечь.

Такой помощникъ Государя, какимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, обрисовывается князь Жеваховъ, есть для Россіи

желанный типъ государственнаго человѣка: свято чтущій долгъ Присяги, всей душой любящій своего Царя, Ему самоотверженно преданный, знающій до основанія дѣло ему порученное, выросшій и воспитанный въ національной связи со своимъ народомъ, хорошо его изучившій, понимающій его нужды и знающій его бытъ; поверхъ всѣхъ этихъ качествъ — глубоко вѣрующій сынъ Православной Церкви.

Еслибъ у Царя было побольше такихъ вѣрныхъ и достойныхъ слугъ, никакая революція не удалась бы въ Россіи...

Переходя къ разбору книги, не въ мѣру нетерпѣливый и поверхностный читатель, можетъ быть, упрекнетъ автора за нѣкоторыя подробности, кажущіяся по первому впечатлѣнію имѣющими слишкомъ личный и субъективный характеръ. Вообще говоря, субъективность есть неотъемлемое право каждаго автора мемуаровъ; однако въ данномъ случаѣ упрекъ былъ бы несправедливъ и по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что, если тотъ же читатель глубже вникнетъ въ смыслъ всего прочитаннаго, то онъ пойметъ, что введенныя подробности необходимы для цѣльности получаемаго впечатлѣнія.

Что же касается живого, талантливаго изложенія книги, читаемой на каждой страницѣ съ неослабѣвающимъ интересомъ, то въ этомъ отношеніи — думается мнѣ — самый строгій критикъ останется удовлетвореннымъ.

Искренно и правдиво пишетъ князь о всемъ, что видѣлъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Читая эти личныя переживанія, читатель составляетъ себѣ очень ясное представленіе о всемъ проклятомъ времени подготовки и развитія діавольскаго заговора противъ Россіи и ея Святого Царя. Мнѣ кажется, что книга не только не страдаетъ отъ того, что, описывая событія, авторъ ограничивается только тѣмъ, чего былъ лично участникомъ или свидѣтелемъ, но даже — выигрываетъ въ живости и яркости повѣствованія и достовѣрности приводимыхъ фактовъ.

Въ одномъ письмѣ своемъ ко мнѣ, авторъ самъ слѣдующимъ образомъ высказывается по этому поводу:

«Всѣхъ насъ, имѣвшихъ счастье соприкасаться съ Дворомъ, считали, что мы всѣхъ знаемъ, знаемъ чуть ли не закулисныя тайны каждаго имени, всплывавшаго на поверхность жизни. Поэтому я не удивился, когда меня спросили, почему я такъ мало написалъ о С. П. Бѣлецкомъ и ничего не написалъ о другихъ нашумѣвшихъ именахъ? Да потому, что я сидѣлъ въ своей скорлупѣ и никого не зналъ. Съ Бѣлецкимъ я встрѣтился мелькомъ, во Дворцѣ, о чемъ написалъ, и дальнѣйшихъ сношеній съ нимъ не имѣлъ.

«О Симановичѣ, Манасевичѣ, Батюшинѣ и другихъ зналъ только изъ газетъ, но никого изъ нихъ, равно какъ знаменитаго Князя М. М. Андроникова, даже никогда и не видѣлъ.

«Я ничего не утаивалъ и ничего не скрывалъ, а писалъ лишь о людяхъ, съ коими соприкасался. Нужно имѣть въ виду, что я не позволилъ себѣ дать мѣсто въ моихъ запискахъ ни одному свѣдѣнію, мнѣ точно неизвѣстному; я описывалъ только факты»...

Мнѣ пока удалось издать только первый томъ «Воспоминаній» князя Николая Давыдовича, обнимающій періодъ съ 1915 го по 1917 ый годы. Но у автора готовы и второй, и третій томы, составляющіе продолженіе этихъ воспоминаній съ 1917 го по 1923 ій годы. Эти послѣдующія части, пожалуй, еще интереснѣе, чѣмъ начало. Отъ отзывчивости читателей зависитъ, чтобъ онѣ скорѣе появились въ печати: ибо — увы! — наши бѣженскія средства очень стѣснены, а дороговизна бумаги и прочихъ расходовъ по типографіи — съ каждымъ днемъ увеличивается, уже и теперь достигая прямо таки астрономическихъ цифръ. Поэтому, для изданія слѣдующихъ томовъ, мы находимся въ зависимости отъ степени скорости распродажи перваго тома. Чѣмъ скорѣе раскупится I томъ, тѣмъ скорѣе появится II-ой, отъ успѣха котораго, въ свою очередь, будетъ зависѣть появленіе III Тома.

Новыхъ книгъ за послѣднее время скопляется на книжномъ рынкѣ сравнительно много. Но такія книги, какъ Жевахова, всегда и были, и останутся рѣдкими. Было бы обидно и досадно, еслибъ русскіе читающіе круги ихъ не оцѣнили по достоинству и не оказали имъ заслуженнаго вниманія.

Будемъ надѣяться, что русское сердце русскаго читателя откликнется интересомъ и сочувствіемъ къ этой вдохновенной книгѣ и поддержитъ желаніе автора послужить спасительному, святому дѣлу просвѣщенія тѣхъ, которые часто плохо поступали только потому, что не знали, а еще чаще потому, что были введены въ обманъ.

Авторъ написалъ свои книги не въ погонѣ за литературной славой или за денежной наживой. Онъ писалъ для того, чтобы вплести вѣнокъ вѣрноподданнической любви въ неувядаемую, лучезарную славу, которой осѣнены Державныя Имена нашихъ благостныхъ, мужественныхъ, самоотверженныхъ и многострадальныхъ Государя и Государыни, являющихъ высшій образецъ Христіанской одухотворенности и Монаршаго Величія.

Этой основной мыслью автора благоговѣйно проникнута вся книга, и это именно составляетъ для меня ея самое драгоцѣнное достоинство. Поэтому, всей душой отдавшись работѣ по выпуску ея въ свѣтъ, я въ скромной, пассивной роли издателя нашелъ высшую степень духовной радости, ибо думается мнѣ, что посильнымъ содѣйствіемъ своимъ я также въ нѣкоторой мѣрѣ выполнилъ свой вѣрноподданническій долгъ.

Мюнхенъ, 1-го Октября 1923 года. **Ф. Винбергъ.**

Предисловіе.

Въ жизни каждаго человѣка, какъ въ зеркалѣ, отражаются промыслительные пути Божіи, и въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто разсмотритъ свою жизнь съ этой точки зрѣнія. Все случайное и непонятное, все то, что являлось часто результатомъ непродуманныхъ дѣйствій и поспѣшныхъ рѣшеній, всѣ такъ называемыя удачи и неудачи въ жизни, радости и печали, все это, разсматриваемое въ связи съ конечными итогами жизни, являетъ удивительную и стройную цѣпь причинъ и слѣдствій, свидѣтельствующую о Томъ, Кто управляетъ судьбами міра и человѣка, подчиняя ихъ Своимъ непреложнымъ законамъ.

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, жизнь каждаго человѣка явилась бы поучительнымъ свидѣтельствомъ тѣхъ откровеній Божіихъ, какія никогда не прекращались, тѣхъ неустанныхъ заботъ, предупрежденій, предостереженій и безмѣрныхъ милостей, какія постоянно изливались Господомъ на грѣшныхъ людей и какія бы обогатили человѣчество новыми запасами потусторонняго знанія, если бы люди были болѣе внимательны къ окружающему, менѣе горды и не отрицали бы того, чего, по уровню своего духовнаго развитія, не понимаютъ.

Бѣглыми штрихами я зарисовалъ одинъ изъ эпизодовъ моей жизни, приведшій къ знакомству съ Императрицей Александрой Өеодоровной, память о Которой будетъ всегда жить въ моемъ сердцѣ, полномъ глубочайшаго преклоненія предъ высотой и чистотой Ея духовнаго облика.

Еще задолго до своего личнаго знакомства съ Ея Величествомъ, я зналъ отъ близкихъ ко Двору лицъ природу той атмосферы, какая окружала Дворъ, зналъ содержаніе духовной жизни Царя и Царицы, Ихъ преимущественные влеченія и интересы. Но зналъ я также и то, что среди близко стоявшихъ къ Царской Семьѣ лицъ не было почти никого, кто бы понималъ природу духовнаго облика Ихъ Величествъ и давалъ бы ей вѣрную оцѣнку. Густая толпа чуждыхъ мнѣ по убѣжденіямъ лицъ, плотнымъ кольцомъ окружавшая Дворъ, заслонявшая отъ народа Царя и Царицу, ревниво оберегала свои привилегіи царедворцевъ и никого не подпускала къ Царю. При этихъ условіяхъ, у меня не могло быть даже мысли о личномъ знакомствѣ съ Ихъ Величествами, и таковое никогда бы не состоялось, если бы Св. Іоасафъ Бѣлгородскій чудесно не привелъ меня въ 1910 году къ Государю Императору, а въ 1915 году къ Императрицѣ.

Съ этого послѣдняго событія изъ моей жизни, полнаго глубокаго мистическаго содержанія, я и начну. . .

Я писалъ свои «Воспоминанія» по памяти, наскоро, между дѣломъ, и допускаю неточности въ датахъ, нѣкоторыя отступленія отъ выраженій, взятыхъ въ ковычки, и даже незначительныя мелкія ошибки, не говоря уже о пропускахъ, вызванныхъ тѣмъ, что не все сохранилось въ памяти. . . Но эти дефекты не отразились на главномъ, на существѣ приводимыхъ фактовъ. Факты эти были, и оттого, что ихъ могутъ не признать уста нежелающихъ это сдѣлать, отъ этого они не исчезнутъ ни изъ исторіи, ни изъ совѣсти этихъ лицъ.

Останавливаясь на нѣкоторыхъ фактахъ, имѣвшихъ личное значеніе, съ нѣкоторыми, быть можетъ, излишними подробностями, я не желалъ бы, однако, чтобы меня заподозрили въ намѣреніяхъ, какихъ не было у меня... Я имѣлъ въ виду не личную реабилитацію, но реабилитацію старой Россіи, ея стараго уклада жизни, основаннаго на старыхъ истинахъ, возвѣщенныхъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и такъ жестоко подмѣненныхъ новыми теоріями человѣческаго измышленія: реабилитацію всего, что было унижено и оплевано для успѣха революціонныхъ достиженій.

Въ частности, я желалъ показать:

1. Высоту нравственнаго величія и чистоты Государя Императора и Государыни Императрицы, на которой Они стояли, и которую толпа не понимала только потому, что эта высота была уже недосягаемою для уровня средняго человѣка; желалъ подчеркнуть преступленіе однихъ и недомысліе другихъ, допускавшихъ самый фактъ общенія Ихъ Величествъ съ людьми недостойными.

2. Я желалъ показать, до чего великъ былъ дурманъ, проникшій во всѣ слои русскаго общества и охватившій даже правительство и армію, если въ разрушеніи русской государственности принимали участіе не только враги Россіи, но и тѣ, коимъ была ввѣрена охрана Россіи, и которые стояли на стражѣ ея интересовъ.

3. Я желалъ показать, насколько велико было отступленіе русскаго общества отъ вѣры въ Промыслъ Божій, и до чего возгордился человѣкъ, забывшій, что судьбы міра и человѣка находятся въ рукахъ Божіихъ, и что нарушеніе установленныхъ Богомъ законовъ влечетъ неизбѣжную гибель человѣка и всѣхъ его начинаній, по завѣту Божьему: „Мнѣ отмщеніе — Азъ воздамъ“.

Н. Ж.

Подворье
Святителя Николая.
9/22 Марта 1923 г.
г. Бари.

ГЛАВА I.

Общее собраніе братства Св. Іоасафа 4 сентября 1915 года. Докладъ полковника О.

4 Сентября 1915 года, въ годовщину прославленія Св. Іоасафа, Чудотворца Бѣлгородскаго, въ Вознесенскомъ храмѣ состоялось обычное архіерейское богослуженіе, а вечеромъ того же дня — Общее Собраніе членовъ братства Святителя Іоасафа. Предсѣдателемъ братства, послѣ генералъ-адъютанта адмирала Д. С. Арсеньева, былъ избранъ генералъ-отъ-инфантеріи Л. К. Артамоновъ, а товарищами предсѣдателя были протоіерей А. І. Маляревскій и я. Не помню, что помѣшало мнѣ быть на Общемъ Собраніи, какому суждено было не только оставить глубочайшій слѣдъ въ моей жизни, но и сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ одного изъ этаповъ этой жизни...

Вечеромъ, 5 Сентября, явился ко мнѣ протоіерей А. І. Маляревскій и, выражая сожалѣніе о моемъ отсутствіи на вчерашнемъ торжествѣ, разсказалъ подробно обо всемъ, что случилось.

«Кончилась обѣдня» — началъ о. Александръ — «отслужили мы молебенъ, съ акафистомъ, Угоднику Божію и разошлись по домамъ, съ тѣмъ, чтобы собраться вечеромъ въ церковномъ домѣ на Общее Собраніе. Генерала не было, Васъ тоже; открывать собраніе пришлось мнѣ. Прочиталъ я отчетъ за истекшій годъ, а далѣе должны были слѣдовать выборы новыхъ членовъ, рѣчи и доклады и все, что обычно полагается въ этихъ случаяхъ. Вышло же нѣчто совсѣмъ необычное... Не успѣлъ я сойти съ кафедры, какъ замѣтилъ, что ко мнѣ пробирается черезъ толпу какой то военный, безцеремонно расталкивая публику и держа въ высоко поднятой рукѣ какую то бумагу... Онъ очень нервничалъ и, подойдя вплотную ко мнѣ, спросилъ меня:

«Вы предсѣдатель братства Святителя Іоасафа?»...

«Нѣтъ» — отвѣтилъ я — «я товарищъ предсѣдателя.»

«Кто же предсѣдатель, кто сегодня предсѣдательствуетъ?» — нетерпѣливо и крайне взволнованно спрашивалъ меня военный.

«Предсѣдательствую я» — отвѣтилъ я.

«Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ сдѣлать докладъ братству» — сказалъ военный. Я пробовалъ отклонить это намѣреніе, ибо имя этого военнаго не значилось въ числѣ докладчиковъ, я видѣлъ его въ первый разъ, доклада его не читалъ, а его внѣшность, возбужденное состояніе духа, не располагали меня къ довѣрію, и я опасался какихъ либо неожиданностей...

Однако, военный, видя мое замѣшательство, мягко успокоилъ меня, заявивъ:

«Докладъ мой важности·чрезвычайной, и малѣйшее промедленіе будетъ грозить небывалыми потрясеніями для всей Россіи»...

Онъ выговорилъ эти слова такъ увѣренно, съ такимъ убѣжденіемъ и настойчивостью, что, застигнутый врасплохъ, я только и могъ сказать въ отвѣтъ: «Читайте.»

«Я до сихъ поръ не могу очнуться отъ впечатлѣнія, рожденнаго его докладомъ» — говорилъ протоіерей А. Маляревскій.

«Кто же этотъ военный, о чемъ онъ говорилъ?» — спросилъ я.

«Это полковникъ О., отставной военный докторъ на фронтѣ. Я отмѣтилъ наиболѣе существенныя мѣста доклада и могу воспроизвести его почти стенографически. Вотъ что сказалъ полковникъ:

«Милостивые Государи... Я не буду заранѣе радоваться, ибо не знаю, кого вижу въ вашемъ лицѣ... Но то, что вы составляете собою братство имени величайшаго Угодника Божія Іоасафа, даетъ мнѣ надежду возбудить въ васъ вѣру въ мои слова. До сихъ поръ меня только гнали и преслѣдовали столько же злые, сколько и темные люди; уволили со службы, заперли въ домъ для умалишенныхъ, откуда я только недавно выпущенъ, и все только потому, что я имѣлъ дерзновеніе исповѣдать свою вѣру въ Бога и Его Святителя Іоасафа... Вѣрить же — значитъ дѣлать и другихъ звать на дѣло... Я и зову, я умоляю... Не удивляйтесь тому, что услышите, не обвините заранѣе въ гордости, или «прелести». Духъ Божій дышетъ, идѣже хощетъ, и не нужно быть праведникомъ, чтобы снискать милость Божію. Тамъ, гдѣ скрываютъ эту милость, тамъ больше гордости, чѣмъ тамъ, гдѣ громко славословятъ Бога. Въ положеніи военнаго и, притомъ, доктора, принято ни во что не вѣрить. Я это знаю, и мнѣ трудно вызвать довѣріе къ себѣ, и, если бы вопросъ касался только меня одного, то я бы и не дѣлалъ этихъ попытокъ, ибо не все ли равно мнѣ, за кого меня считаютъ другіе люди... Но вопросъ идетъ о всей Россіи и можетъ быть даже о судьбѣ всего міра, и я не могу молчать, какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что получилъ отъ Угодника Іоасафа прямое повелѣніе

объявить людямъ волю Бога. Развѣ я могу, поэтому, останавливаться предъ препятствіями, развѣ меня можетъ запугать перспектива быть снова схваченнымъ и посаженнымъ въ съумасшедшій домъ, развѣ есть что либо, что удержало бы даже самаго великаго грѣшника отъ выполненія воли Божіей, если онъ знаетъ, что дѣйствительно Богъ открылъ ему Свою волю?!

Вотъ я и прошу васъ, обсудите мой докладъ, разсмотрите его со всѣхъ сторонъ, а потомъ и рѣшайте, точно ли мнѣ было откровеніе Свыше, или только померещилось мнѣ; въ здравомъ ли умѣ я излагаю вамъ свой докладъ, или и точно я душевнобольной человѣкъ и дѣлюсь съ вами своими галлюцинаціями...

Года за два до войны, слѣдовательно въ 1912 году, явился мнѣ въ сновидѣніи Святитель Іоасафъ и, взявъ меня за руку, вывелъ на высокую гору, откуда нашему взору открывалась вся Россія, залитая кровью.

Я содрогнулся отъ ужаса... Не было ни одного города, ни одного села, ни одного клочка земли, не покрытаго кровью... Я слышалъ отдаленные вопли и стоны людей, зловѣщій гулъ орудій и свистъ летающихъ пуль, зигзагами пересѣкавшихъ воздухъ; я видѣлъ, какъ переполненныя кровью рѣки выходили изъ береговъ и грозными потоками заливали землю...

Картина была такъ ужасна, что я бросился къ ногамъ Святителя, чтобы молить Его о пощадѣ. Но отъ трепетанія сердечнаго я только судорожно хватался за одежды Святителя и, смотря на Угодника глазами, полными ужаса, не могъ выговорить ни одного слова.

Между тѣмъ Святитель стоялъ неподвижно и точно всматривался въ кровавыя дали, а затѣмъ изрекъ мнѣ:

«Покайтесь... Этого еще нѣтъ, но скоро будетъ»...

Послѣ этого дивный обликъ Святителя, лучезарный и свѣтлый, сталъ медленно удаляться отъ меня и растворился въ синеватой дымкѣ горизонта.

Я проснулся. Сонъ былъ до того грозенъ, а голосъ Святителя такъ явственно звучалъ, точно наяву, что я вездѣ, гдѣ только могъ, кричалъ о грядущей бѣдѣ; но меня никто не слушалъ... Наоборотъ, чѣмъ громче я кричалъ о своемъ снѣ, тѣмъ громче надо мною смѣялись, тѣмъ откровеннѣе называли меня съумасшедшимъ. Но вотъ подошелъ Іюль 1914 года...

Война была объявлена... Такого ожесточенія, какое наблюдалось съ обѣихъ сторонъ, еще не видѣла исторія... Кровь лилась потоками, заливая все большія пространства... И въ этотъ грозный часъ, можетъ быть, только я одинъ понималъ весь ужасъ происходящаго и то, почему все это происходитъ и должно было произойти... Грозныя слова Святителя «скоро будетъ» исполнились буквально и обличали невѣровавшихъ.

И, однако, всѣ, попрежнему, были слѣпы и глухи. Въ Штабѣ разговаривали о политикѣ, обсуждали военные планы, размѣряли, вычисляли, соображали, точно и въ самомъ дѣлѣ война и способы ея ликвидаціи зависѣли отъ людей, а не отъ Бога. Слѣпые люди, темные люди!.. Знали ли они, что эти десятки тысячъ загубленныхъ молодыхъ жизней, это море пролитой крови и слезъ, приносились въ жертву ихъ гордости и невѣрію; что никогда не поздно раскаяться, что чудо Божіе никогда не опаздываетъ, что спасеніе возможно въ самый моментъ гибели, что разбойникъ на Крестѣ былъ взятъ въ рай за минуту до своей смерти, что нужно только покаяться, какъ сказалъ Св. Іоасафъ?! А ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ становилось все больше; сметались съ нашего кроваваго пути села и деревни, цвѣтущія нивы; горѣли лѣса, разрушались города, не щадились святыни... Я содрогался отъ ужаса при встрѣчѣ съ такимъ невозмутимымъ равнодушіемъ; я видѣлъ, какъ притуплялось чувство страха предъ смертью, но и одновременно съ этимъ чувство жалости къ жертвѣ; какъ люди превращались въ дикихъ звѣрей, жаждущихъ только крови... Я трепеталъ при встрѣчѣ съ такимъ дерзновеннымъ невѣріемъ и попраніемъ заповѣдей Божіихъ, и мнѣ хотѣлось крикнуть обѣимъ враждующимъ сторонамъ: «довольно, очнитесь, вы христіане; не истребляйте другъ друга въ угоду ненавистникамъ и врагамъ христіанства; опомнитесь, творите волю Божію, начните жить по правдѣ, возложите на Бога упованіе ваше: Господь силенъ и безъ вашей помощи, безъ войны, помирить васъ»...

И, въ изнеможеніи, я опускался на колѣни и звалъ на помощь Святителя Іоасафа и горячо Ему молился.

Залпы орудій сотрясали землю; въ воздухѣ рвались шрапнели; трещали пулеметы; огромныя, никогда невиданныя мною молніи разрѣзывали небосклонъ, и оглушительные раскаты грома чередовались съ ужаснымъ гуломъ падающихъ снарядовъ... Казалось, даже язычники должны были проникнуться страхомъ, при видѣ этой картины гнѣва Божьяго, и сознать безсиліе немощнаго человѣка... Но гордость ослѣпляла очи... Чѣмъ больше было неудачъ, тѣмъ большими становились ожесточеніе и упорство съ обѣихъ сторонъ. Создался невообразимый адъ... Какъ ни храбрился жалкій человѣкъ, но всѣ дрожали и трепетали отъ страха. Дрожала земля, на которой мы стояли, дрожалъ воздухъ которымъ мы дышали, дрожали животныя, безпомощно оглядываясь по сторонамъ, трепетали бѣдныя птицы, растерянно кружившіяся надъ своими гнѣздами, охраняя птенцовъ своихъ. Зачѣмъ это нужно — думалъ я — зачѣмъ зазнавшійся человѣкъ такъ дерзко попираетъ законы Бога; зачѣмъ онъ такъ слѣпъ, что не видитъ своихъ злодѣяній, не вразумляется примѣрами прошлаго...

И исторія жизни всего человѣчества, отъ сотворенія міра и до нашихъ дней, точно живая, стояла предо мною и укоряла меня...

Законы Бога вѣчны, и нѣтъ той силы, какая бы могла измѣнить ихъ; и всѣ бѣдствія людей, начиная отъ всемірнаго потопа и кончая Мессиной, Санъ-Франциско и нынѣшней войною, рождены одной причиною и имѣютъ одну природу — упорное противленіе законамъ Бога. Когда же одумается, опомнится гордый человѣкъ; когда, сознавъ свой грѣхъ, смирится и перестанетъ испытывать долготерпѣніе Божіе!.. И въ страхѣ за грядущее будущее, въ сознаніи страшной виновности предъ Богомъ, у самаго преддверія справедливой кары Божіей, я дерзнулъ возопить къ Спасителю: «Ради Матери Твоей, ради Церкви Православной, ради Святыхъ Твоихъ, въ землѣ Русской почивающихъ, ради Царя-Страдальца, ради невинныхъ младенцевъ, не познавшихъ грѣха, умилосердись, Господи, пожалѣй и спаси Россію и помилуй насъ»...

Близокъ Господь къ призывающимъ Его.

Я стоялъ на колѣняхъ съ закрытыми глазами, и слезы текли по щекамъ, и я не смѣлъ поднять глазъ къ иконѣ Спасителя... Я ждалъ... Я зналъ, что Господь видитъ мою вѣру и мои страданія, и что Богъ есть Любовь, и что эта Любовь не можетъ не откликнуться на мою скорбь...

И вѣра моя меня не посрамила...

Я почувствовалъ, что въ мою комнату вошелъ Кто-то, и она озарилась свѣтомъ, и этотъ свѣтъ проникъ въ мою душу... Вмѣсто прежняго страха, вмѣсто той тяжести душевной, какая доводитъ невѣрующихъ до самоубійства, когда кажется, что отрѣзаны всѣ пути къ выходу изъ положенія, я почувствовалъ внезапно такое умиленіе, такое небесное состояніе духа, такую радость и увѣренное спокойствіе, что безбоязненно открылъ свои глаза, хотя и зналъ, что въ комнату вошелъ Нѣкто, озарившій ее Своимъ сіяніемъ.

Предо мною стоялъ Святитель Іоасафъ.

Ликъ Его былъ скорбенъ.

«Поздно» — сказалъ Святитель: «теперь только одна Матерь Божія можетъ спасти Россію. Владимірскій образъ Царицы Небесной, которымъ благословила меня на иночество мать моя, и который нынѣ пребываетъ надъ моею ракою въ Бѣлгородѣ, также и Песчанскій образъ Божіей Матери, что въ селѣ Пескахъ, подлѣ г. Изюма, обрѣтенный мною въ бытность мою епископомъ Бѣлгородскимъ, нужно немедленно доставить на фронтъ, и пока они тамъ будутъ находиться, до тѣхъ поръ милость Господня не оставитъ Россію. Матери Божіей угодно пройти

по линіямъ фронта и покрыть его Своимъ омофоромъ отъ нападеній вражескихъ... Въ иконахъ сихъ источникъ благодати, и тогда смилуется Господь по молитвамъ Матери Своей.»

Сказавъ это, Святитель сталъ невидимъ, и я очнулся. Это второе видѣніе Угодника Божія было еще явственнѣе перваго, и я не знаю, было ли оно наяву, или во снѣ... Я, съ удвоенною настойчивостью, принялся выполнять это прямое повелѣніе Божіе, но, въ результатѣ, меня уволили со службы и заперли въ съумасшедшій домъ... Я бросался то къ дворцовому коменданту, то къ А. А. Вырубовой, то къ митрополитамъ и архіереямъ; вездѣ, гдѣ могъ, искалъ приближенныхъ Царя; но меня отовсюду гнали и ни до кого не допускали... Меня или вовсе не слушали, или, слушая, дѣлали видъ, что мнѣ вѣрятъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мнѣ никто не вѣрилъ, и всѣ одинаково считали меня душевно-больнымъ.

Наконецъ, только сегодня я случайно узналъ, что въ Петербургѣ есть братство Святителя Іоасафа... Я забылъ всѣ перенесенныя страданія, все передуманное и пережитое и, измученный, истерзанный, бросился къ вамъ...

Неужели же и вы, составляющіе братство Угодника Божія, прогоните меня; неужели даже вы не повѣрите мнѣ и, подобно многимъ другимъ невѣрамъ, признаете меня психически больнымъ...

Помните, что прошелъ уже цѣлый годъ со времени вторичнаго явленія Святителя Іоасафа, что я уже цѣлый годъ скитаюсь по разнымъ мѣстамъ, толкаюсь къ разнымъ людямъ, дабы исполнить повелѣніе Святителя, и все напрасно... А война все больше разгорается, и не видно конца; а ожесточеніе все увеличивается, а злоба съ обѣихъ сторонъ растетъ...

Или и вы, можетъ быть, думаете, что побѣда зависитъ отъ количества штыковъ и снарядовъ... Нѣтъ, судьбы міра и человѣка въ рукахъ Божіихъ, и будетъ такъ, какъ повелитъ Господь, а не такъ, какъ захочется людямъ...

Спѣшите же исполнить повелѣніе Святителя Іоасафа, пока есть еще время его исполнить... Тотъ, Кто далъ такое повелѣніе, Тотъ поможетъ и выполнить его... Снаряжайте же немедленно депутацію къ Государю; добейтесь того, чтобы святыя иконы Матери Божіей были доставлены на фронтъ; и тогда вы отвратите гнѣвъ Божій на Россію и остановите кровопролитнѣйшую изъ войнъ, какія видѣлъ міръ. Не подвиговъ и жертвъ требуетъ отъ васъ Господь, а даруетъ Свою милость Россіи... Идите навстрѣчу зову Господню; а иначе, мнѣ страшно даже выговорить, иначе погибнетъ Россія, и погибнете вы сами за гордость и невѣріе ваши»...

«Вотъ какой докладъ былъ полковника» — сказалъ протоіерей А. Маляревскій: «нужно ли говорить о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ докладъ на присутствовавшихъ. . . Дивны дѣла Божіи. . . Что вы думаете, что скажете?» — спросилъ меня о. Александръ.

«Вы знаете, батюшка, что я думаю и что скажу Вамъ» — отвѣтилъ я: «Я вѣрю каждому слову полковника». . .

«Спаси Васъ Господи! Я зналъ, что Вы такъ скажете. . . Значитъ, нужно спѣшить, нужно что то предпринимать, не теряя времени; нужно сейчасъ же довести о повелѣніи Святителя Іоасафа до свѣдѣнія Государя Императора» — сказалъ протоіерей А. І. Маляревскій.

«Но кто же это сдѣлаетъ?» спросилъ я: «теперь вѣдь «мистики» боятся какъ огня; кто же изъ окружающихъ Царя повѣритъ разсказу полковника О.; кто отважится открыто исповѣдать свою вѣру въ наше время, если даже и имѣетъ ее?». . .

«Вы», отвѣтилъ о. Александръ.

Я удивленно посмотрѣлъ на о. протоіерея.

«Наоборотъ, мнѣ кажется, что Вамъ это легче сдѣлать» — сказалъ я: «Настоятельствуя въ церкви принца Ольденбургскаго, Вы легко можете разсказать обо всемъ принцу, а принцъ доложитъ Государю». . .

«Нѣтъ, нѣтъ!» — категорически возразилъ о. Александръ: «сдѣлать это придется Вамъ; такъ и смотрите на это дѣло, какъ на миссію, возлагаемую на Васъ Святителемъ, Вашимъ Покровителемъ. . . Отказываться Вамъ нельзя. . . Дѣло это деликатное, и браться за него нужно съ осторожностью. . . Здѣсь еще мало вѣрить, а нужно съумѣть передать свою вѣру другому. Не всякій это сдѣлаетъ, да не всякому можно и поручить такое дѣло. . . У Васъ есть придворныя связи; подумайте, поищите путей, но мысли сей не оставляйте, ибо дѣло это Ваше». . .

Упоминаніе о придворныхъ связяхъ способно было вывести меня изъ равновѣсія, и я горячо возразилъ протоіерею:

«Что Вы говорите, откуда же у меня эти придворныя связи. . . Развѣ Вы не знаете, что, со времени моей первой аудіенціи у Государя Императора, прошло уже четыре года; что, прощаясь со мною, Государь нѣсколько разъ сказалъ буквально: «такъ будемъ же встрѣчаться», а затѣмъ нѣсколько разъ освѣдомлялся обо мнѣ, желая меня видѣть; а окружавшіе Царя не подпускали меня ко Двору и всякій разъ говорили, что я въ отъѣздѣ. . . Гдѣ же эти мои связи, когда, получивъ придворное званіе, я до сихъ поръ не имѣлъ возможности даже представиться Его Величеству; когда придворная камарилья ревниво не допускаетъ къ Царю новыхъ лицъ. . . У меня не только придворныхъ, но и никакихъ связей никогда не было и нѣтъ. Всѣ мои знакомства ограничиваются лишь Маріинскимъ Двор-

цомъ, средою моихъ сослуживцевъ по Государственной Канцеляріи, и внѣ стѣнъ этого Дворца у меня нѣтъ вліятельныхъ знакомыхъ... Быть придворнымъ кавалеромъ не значитъ еще имѣть придворныя связи; а для такого дѣла, какъ настоящее, еще мало шапочнаго знакомства: нужны обоюдная вѣра и взаимное довѣріе другъ къ другу... Нѣтъ, эта миссія не для меня; я даже не могу думать о ней» — закончилъ я.

«Какъ Вамъ будетъ угодно» — отвѣтилъ протоіерей: «настаивать не смѣю, а кромѣ Васъ никто этой миссіи не выполнитъ, и никому другому я о ней и докладывать не посмѣю; иначе, чего добраго, несчастнаго исповѣдника вѣры снова засадятъ въ съумасшедшій домъ»...

«А Вы лично убѣждены въ томъ, что полковникъ не душевно-больной человѣкъ?» — спросилъ я протоіерея.

«Не знаю, не знаю» — отвѣтилъ о. Александръ: «полковника я видѣлъ вчера въ первый разъ и ничего о немъ не знаю.»

«Такъ какъ же быть? я совсѣмъ теряюсь... Пришлите его, по крайней мѣрѣ, ко мнѣ, чтобы я могъ лично поговорить съ нимъ»...

«Это невозможно: послѣ доклада полковникъ скрылся, и никто не знаетъ, гдѣ онъ, откуда явился и куда направился» — отвѣтилъ протоіерей.

«Тогда ужъ я затруднился бы исполнить Вашу просьбу, если бы даже и имѣлъ возможность» — отвѣтилъ я.

О. Александръ всталъ и началъ прощаться.

«Куда же Вы спѣшите?» — остановилъ я о. протоіерея: «нужно же до чего нибудь договориться; что же дѣлать? Я ничего не знаю и не придумаю»...

«Какъ положитъ Вамъ Господь Богъ на душу, такъ и поступите» — отвѣтилъ о. Александръ: «въ человѣческихъ дѣлахъ нужна и помощь человѣческая, а въ дѣлахъ Божіихъ такой помощи не нужно... Умолчать о доложенномъ я не могъ, а какъ Вы воспримете мой докладъ — не умѣю сказать... Воспримете такъ, какъ Господь положитъ Вамъ на душу; а какова будетъ воля Господня о Васъ, тоже сказать не умѣю»...

«Ну, да это же Ваша обычная манера» — сказалъ я, улыбнувшись: «придти, набросать мнѣ въ голову разныхъ мыслей и оставить меня одного разбираться въ нихъ... Останьтесь же минутку, обсудимъ совмѣстно, что дѣлать... Нельзя же махнуть рукою на этотъ докладъ; нельзя же допустить, чтобы полковникъ имѣлъ бы дерзновеніе говорить отъ имени Святителя Іоасафа и приписывать Святителю то, чего Угодникъ Божій не говорилъ... На людей клевещутъ; но чтобы клеветали на святыхъ — этому повѣрить, думается мнѣ, невозможно... Значитъ, одно изъ двухъ: или видѣніе Святителя Іоасафа дѣйствительно было, или полковникъ душевно-больной

человѣкъ и дѣлился своими галлюцинаціями... Въ этомъ нужно разобраться, прежде чѣмъ предпринимать какіе либо шаги»... «Не знаю, не знаю» — снова повторилъ о. Александръ: «знаю лишь, что мое посѣщеніе и сдѣланный Вамъ докладъ не были случайными; а что выйдетъ изъ этого, не знаю... Если Господь укажетъ Вамъ вѣрный путь къ Царю и поведетъ Васъ этимъ путемъ, значитъ — явленіе Святителя Іоасафа было истиннымъ. А если Вы такого пути не найдете, значитъ — и не огорчайте себя упреками, что не исполнили воли Божіей... Больше ничего не могу сказать и ни совѣтовать, ни настаивать на какихъ либо рѣшеніяхъ не берусь. Что положитъ Вамъ Господь Богъ на душу, то и сдѣлайте» — сказалъ протоіерей А. Маляревскій, прощаясь со мною.

ГЛАВА II.

Гофмейстерина Е. А. Нарышкина.

Еще долго послѣ ухода протоіерея А. І. Маляревскаго я оставался наединѣ со своими мыслями, обдумывая, что предпринять.

Я хорошо сознавалъ, что съ той точки зрѣнія, какой обычно придерживается такъ называемый здравый смыслъ, казалось дикимъ отвлекать вниманіе Государя Императора, занятаго серьезною работою на фронтѣ, содержаніемъ доклада полковника О., къ тому же недавно еще выпущеннаго изъ больницы для душевно-больныхъ. Но я зналъ также и цѣну этому «здравому смыслу» и то, что онъ находится въ непримиримой враждѣ съ вѣрою, отрицаетъ то, чего не усваиваетъ и не понимаетъ, и по этой причинѣ отвергаетъ чудо, ибо не постигаетъ его природы... И въ то время, какъ одинъ тайный голосъ настойчиво требовалъ, чтобы я не срамился и бросилъ бы безъ вниманія бредни полковника О., другой голосъ, наоборотъ, говорилъ мнѣ: «вѣрь.»

И я повѣрилъ... Убѣжденіе въ правдивости доклада и въ томъ, что полковникъ О. снискалъ себѣ, своей глубокой вѣрой, милость Божію и удостоился дивнаго посѣщенія Святителя Іоасафа, было такъ велико, какъ если бы Святитель явился лично ко мнѣ... И въ этотъ моментъ, когда, наряду съ моею вѣрою, я проникся страхомъ Божіимъ при мысли о томъ, какъ близокъ Господь къ призывающимъ Его, я вдругъ вспомнилъ о гофмейстеринѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Нарышкиной, съ которой недавно познакомился, и которая благоволила ко мнѣ, какъ автору книжки, посвященной памяти ея друга, усопшей

княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой... На другой же день, утромъ, я протелефонировалъ гофмейстеринѣ и въ тотъ же день, въ три часа, былъ принятъ ею въ ея квартирѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ. Разсказавъ въ подробностяхъ содержаніе доклада полковника О. и свою бесѣду съ протоіереемъ А. І. Маляревскимъ, я сказалъ Е. А. Нарышкиной:

«Я не знаю, какое впечатлѣніе производитъ на Васъ докладъ полковника О.; но я этому докладу вѣрю, ибо выдумать его было бы невозможно и безцѣльно; кажется еще никто не дошелъ до того, чтобы клеветать на Матерь Божію и Святыхъ»...

«Я тоже вѣрю» — отвѣтила Е. А. Нарышкина — «и очень благодарю Васъ, что Вы разсказали мнѣ объ этомъ. Теперь, вѣдь, ко мнѣ рѣдко ѣздятъ: теперь идутъ больше къ Распутину... Вотъ посмотрите книгу для записей аудіенцій у Ея Величества. Къ Императрицѣ идутъ, но чрезъ другія двери; а въ книгѣ почти нѣтъ записей»... Гофмейстерина даже не догадывалась о томъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвели на меня ея слова. Въ устахъ Е. А. Нарышкиной, глубоко преданной Царской Семьѣ и любящей Ее, эти слова, конечно, имѣли другое значеніе; однако, посмотрѣвъ на нее съ грустью, я подумалъ: «зачѣмъ она говоритъ объ этомъ мнѣ, чужому человѣку, котораго видитъ у себя въ первый разъ? Неужели она не сознаетъ, что такими ненужными откровенностями лишь увеличиваетъ число враговъ Императрицы, что къ ея словамъ прислушиваются, и что ея положеніе при Дворѣ не позволяетъ ей такъ говорить»...

Но, думая такъ, я хорошо сознавалъ, до чего далека была благороднѣйшая Елисавета Алексѣевна отъ тѣхъ побужденій, какими руководились враги Россіи и династіи, распространяя завѣдомую клевету, связанную съ легендами вокругъ имени Распутина... Я видѣлъ въ словахъ гофмейстерины лишь отраженіе общаго психоза, охватившаго столицу и заставлявшаго отмежевываться отъ Распутина изъ одного только малодушія, изъ опасенія быть заподозрѣннымъ въ общеніи съ нимъ. Въ это время уже всякое назначеніе на тотъ или иной постъ, всякое высокое положеніе при Дворѣ приписывались вліянію Распутина, и, чѣмъ ближе къ Ихъ Величествамъ стояли люди, тѣмъ болѣе они старались сбросить съ себя тяготѣвшее надъ ними подозрѣніе въ близости къ Распутину, тѣмъ краснорѣчивѣе его осуждали. Психозъ былъ до того великъ, что о Распутинѣ особенно громко кричали даже тѣ люди, которые никогда его не видѣли, кто повторялъ ходячую о немъ молву съ единственной цѣлью подчеркнуть свою лойяльность, любовь къ Россіи и преданность династіи, не догадываясь даже о томъ, что эти крики достигали обратныхъ цѣлей, что они были вызваны кучкою людей, работавшихъ надъ разрушеніемъ государ-

ства и пользовавшихся именемъ Распутина, какъ однимъ изъ пріемовъ для своей преступной работы. И, смягчая впечатлѣніе отъ ея словъ, я сказалъ:

«Повѣрьте, Елизавета Алексѣевна, что разговоры о Распутинѣ вреднѣе самого Распутина. Это — частная сфера Ихъ Величествъ, и мы не вправѣ ея касаться. Если бы о Распутинѣ меньше говорили, то не было бы и пищи для тѣхъ легендъ, какія распространяются умышленно для того, чтобы дискредитировать престижъ династіи. Ничтожныхъ людей всегда было и будетъ много. Сегодня они ищутъ у Распутина; завтра будутъ пресмыкаться предъ другими. Но опасность вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что именемъ Распутина пользуются для революціонныхъ. цѣлей, и что широкая публика, вмѣсто того, чтобы замалчивать это имя и противодѣйствовать натиску революціонеровъ, только помогаетъ имъ. Святымъ же Распутина никто не считаетъ»...

«Напрасно Вы такъ думаете» — живо возразила Е. А. Нарышкина: «Распутина считаютъ святымъ не только Ихъ Величества, но и многіе другіе. Вотъ, Анечка Вырубова, напримѣръ. Когда, послѣ крушенія Царско-Сельскаго поѣзда, она, израненная, лежала подъ обломками вагона, то не вспомнила ни о Спасителѣ, ни о Божіей Матери, а громко кричала: «старецъ Григорій, помоги мнѣ»... Также и Ихъ Величества. Сколько разъ Императрица желала познакомить меня съ Распутинымъ, но я не только отклоняла такое знакомство, но даже ни разу его не видѣла. Я сказала Императрицѣ, что стоитъ мнѣ только увидѣть Распутина, чтобы я сейчасъ же умерла, послѣ чего Ея Величество перестала настаивать болѣе... Когда я, въ другой разъ, указала Ея Величеству на соблазнъ, рождаемый Распутинымъ, и сослалась на отношеніе къ нему іерарховъ Церкви, то Государыня убѣжденно отвѣтила мнѣ:

«Офиціальная Церковь всегда распинала своихъ пророковъ»...[1])

Также слѣпо вѣритъ Распутину и Государь Императоръ. Какъ то однажды Его Величество сказалъ мнѣ:

«Если бы не молитвы Григорія Ефимовича, то меня бы давно убили»...

«Что Вы, Ваше Величество» — не удержалась я: «грѣшно такъ говоритъ; за Васъ молится вся Россія.»

«Нѣтъ, нѣтъ» — все болѣе воодушевляясь, говорила Е. А. Нарышкина: «пробовали открывать глаза на Распутина; но цѣли не достигли, а себѣ повредили»...

«Я этому нисколько не удивляюсь» — отвѣтилъ я — «ибо пробовали какъ разъ тѣ люди, которые не имѣли авторитета

---

[1]) «L'Eglise officielle a toujours persécuté ses prophètes»...

въ духовной области... Съ моей точки зрѣнія, никакой борьбы съ Распутинымъ не нужно по принципіальнымъ соображеніямъ: во-первыхъ потому, что его значеніе преувеличивается умышленно, съ преступными цѣлями; во-вторыхъ потому, что не подобаетъ подданнымъ Царя предъявлять Государю какія либо требованія, а тѣмъ болѣе посягать на волю Монарха, да еще въ частной жизни Его Величества. Нужно знать, что Распутинъ является тѣмъ рычагомъ, за который хватаются, съ цѣлью свергнуть династію и вызвать революцію; личность же его не имѣетъ никакого значенія. Слѣдовательно, нужно бороться не съ Распутинымъ, а съ тѣми, кто пользуется имъ для революціонныхъ цѣлей, главнымъ образомъ, съ Думою. Между тѣмъ, огромное большинство, точно нарочно, играетъ на руку революціонерамъ и борется съ тѣми, кто вѣритъ въ святость Распутина... Какое же значеніе, въ широкомъ смыслѣ, имѣютъ эти вѣрующіе люди, какой вредъ они приносятъ государству своею вѣрою?! Никакого!.. Наоборотъ, если это искренно вѣрующіе, значитъ они очень хорошіе люди; пусть себѣ вѣрятъ... Вѣдь никто изъ вѣрующихъ въ Распутина не видѣлъ его отрицательныхъ сторонъ и не допускаетъ ихъ, а видѣлъ только положительныя. Какую же опасность для Россіи представляетъ ихъ вѣра въ Распутина? Но, если Вы думаете иначе и полагаете, что, въ угоду общимъ крикамъ о Распутинѣ, какъ государственной опасности, его нужно удалить отъ Двора, тогда нужно признать, что неудачными были и практиковавшіеся донынѣ способы борьбы, неподходящими были и люди, выступавшіе на арену борьбы»...

«Что же, по Вашему, нужно дѣлать?» — спросила меня Е. А. Нарышкина, нѣсколько задѣтая моими словами...

«Нужно, чтобы Ихъ Величества имѣли случай увидѣть истинныхъ старцевъ и сравнить ихъ съ Распутинымъ. Защищая въ лицѣ Распутина мистическое начало Православія, Царь и Царица, естественно, не могутъ руководствоваться мнѣніемъ о Распутинѣ генераловъ и флигель-адъютантовъ. Въ этой области даже голосъ офиціальной Церкви не будетъ имѣть значенія, тогда какъ сужденіе какого либо старца Оптиной пустыни, Глинской, Саровской, или Валаама, конечно, въ состояніи будетъ поколебать, а, можетъ быть, и переставить точки зрѣнія Ихъ Величествъ на Распутина»...

«Гдѣ теперь эти старцы!» — вздохнула Е. А. Нарышкина...

«Они есть и всегда будутъ» — убѣжденно отвѣтилъ я: «Я подчеркиваю столько же значеніе личности старца, сколько и самый принципъ, ибо совершенно недопустимо, чтобы устраненіе Распутина отъ Двора могло бы послѣдовать противъ воли Ихъ Величествъ. Никто изъ подданныхъ Царя, уважающихъ принципъ власти, не можетъ посягать на волю Монарха безъ

того, чтобы не колебать устоевъ государства, и требованіе объ удаленіи Распутина, отъ кого бы ни исходило, всегда будетъ противогосударственнымъ актомъ»...

Разговоръ начиналъ принимать оборотъ, одинаково тягостный для объихъ сторонъ. Я не могъ не замѣчать того непріятнаго впечатлѣнія, какое производили на гофмейстерину мои слова, и это связывало и стѣсняло меня. Я зналъ, что всякій разъ, когда я дѣлалъ попытки останавливать разговоры о Распутинѣ, или высказывалъ, въ эти моменты массоваго психоза, мнѣнія, шедшія въ разрѣзъ съ общепринятыми, мои слова толковались какъ заступничество за Распутина и навлекали на меня всякія подозрѣнія. Да и трудно было не имѣть такихъ подозрѣній въ то время, когда люди, изъ одного только опасенія прослыть «распутинцами», что являлось смертнымъ приговоромъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія, этого идола, которому всѣ служили и во власти котораго находились, старались точно перекричать другъ друга, изощряясь во всевозможныхъ обвиненіяхъ Распутина во всякаго рода преступленіяхъ. При этихъ условіяхъ даже молчаніе истолковывалось, какъ соучастіе въ этихъ преступленіяхъ; тѣмъ болѣе невыгодное впечатлѣніе производило нежеланіе вторить этимъ слухамъ, высказываніе недовѣрія къ нимъ, или опроверженіе ихъ. Тѣ, кто вѣрно понималъ психологію момента и видѣлъ во внѣ отраженіе глубоко скрытой подпольной работы агентовъ революціи, осуществлявшихъ заданія «Незримаго Правительства»; тѣ, кто зналъ, кѣмъ и съ какою цѣлью была создана вакханалія вокругъ имени Распутина, тѣ не только не поддерживали ее, какъ бы отрицательно ни относились къ Распутину, какъ къ таковому, а недоумѣвали и удивлялись тому непростительному легкомыслію, съ которымъ люди, принадлежавшіе къ самымъ разнообразнымъ кругамъ общества, позволяли завлекать себя въ сѣти, разставленныя агентами революціи, и содѣйствовать ихъ преступной работѣ.

Но Е. А. Нарышкина, конечно, не могла видѣть этихъ глубоко скрытыхъ корней революціи, воспринимала лишь внѣшніе факты, видѣла лишь то, что лежало на поверхности, и неудивительно, что, слушая меня, дѣлала невѣрные выводы, толкуя ихъ не въ мою пользу. Можетъ быть, желая противопоставить моимъ сужденіямъ мнѣнія другихъ лицъ, съ которыми она бесѣдовала по этому вопросу, гофмейстерина неожиданно спросила меня:

«А Вы не знакомы съ А. Н. Волжинымъ?! Онъ былъ у меня вчера. Неправда ли, какой это милый человѣкъ! О немъ говорятъ, какъ о будущемъ Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода»...

Я подумалъ, что, вѣрно, А. Н. Волжинъ, поддаваясь общему психозу, поддерживалъ мнѣніе гофмейстерины о государ-

ственной опасности Распутина, что дѣлали какъ тѣ, кто въ такую опасность дѣйствительно вѣрилъ, такъ и тѣ, кто аккомпанировалъ ходячему мнѣнію о Распутинѣ, желая застраховать себя отъ всякихъ подозрѣній.

«Я недавно познакомился съ Александромъ Николаевичемъ, у графини С. С. Игнатьевой» — отвѣтилъ я — «но близко еще не знаю его»...

Наступила короткая пауза.

Я всталъ, чтобы откланяться... Прощаясь со мною, Е. А. Нарышкина сказала:

«Завтра я буду въ Царскомъ Селѣ. Если Вы пріѣдете ко мнѣ въ Большой Дворецъ, къ 3 часамъ, то къ этому времени я успѣю переговорить обо всемъ съ Ея Величествомъ.»

Въ назначенный часъ я пріѣхалъ въ Большой Дворецъ и засталъ у гофмейстерины личнаго секретаря Ея Величества, графа П. А. Апраксина, съ которымъ, незадолго передъ тѣмъ, познакомился у писателя Е. Поселянина.

Посвятивъ графа въ дѣло, Е. А. Нарышкина очень любезно и съ увлеченіемъ начала разсказывать о своемъ свиданіи и бесѣдѣ съ Императрицею.

«Когда я назвала Ваше имя» — обратилась ко мнѣ гофмейстерина — «то Ея Величество прервала меня, спросивъ: «какой это князь Ж., тотъ ли, кто написалъ книги о Святителѣ Іоасафѣ, а теперь строитъ церковь въ Бари?»... Я отвѣтила утвердительно, послѣ чего Ея Величество замѣтила: «въ такомъ случаѣ, пусть князь и ѣдетъ за иконами и сопровождаетъ ихъ въ Ставку. Передайте князю, что я сегодня же сдѣлаю всѣ нужныя распоряженія и дамъ указанія графу Ростовцову.» Императрица съ чрезвычайной любовью и глубокимъ вниманіемъ отнеслась къ Вашему докладу... Видите ли, князь, какъ быстро и успѣшно я выполнила Ваше порученіе» — закончила Е. А. Нарышкина, съ очаровательной улыбкой: «завтра, въ 2 часа, графъ Яковъ Николаевичъ будетъ ждать Васъ въ Зимнемъ Дворцѣ.»

Поблагодаривъ гофмейстерину за ея сердечное участіе и помощь, я немедленно же вернулся въ Петроградъ, торопясь сообщить результаты свиданія съ Е. А. Нарышкиной протоіерею А. І. Маляревскому.

Событія завлекали меня въ донынѣ чуждую мнѣ придворную сферу. Я опасался, что буду въ ней чужимъ, и что мнѣ будетъ трудно слиться съ нею.

ГЛАВА III.

Графъ Я. Н. Ростовцовъ.

Еще нѣсколько дней тому назадъ я считалъ совершенно несбыточною просьбу протоіерея А. I. Маляревскаго довести до свѣдѣнія Ихъ Величествъ содержаніе доклада полковника О.; а между тѣмъ эта просьба была уже наполовину исполнена. То, что я случайно вспомнилъ о гофмейстеринѣ Е. А. Нарышкиной, у которой раньше никогда не бывалъ, и которая знала меня лишь по наслышкѣ; то, что гофмейстерина не только не усомнилась въ правдивости доклада полковника О., а отнеслась къ нему съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и вызвала участіе Императрицы, еще болѣе утвердило мою вѣру въ содержаніе доклада и въ то, что Господь благословляетъ предпринятое начинаніе.

Я не зналъ графа Ростовцова и нигдѣ раньше съ нимъ не встрѣчался. Я ѣхалъ къ графу, слѣдуя лишь указаніямъ гофмейстерины Е. А. Нарышкиной; но не зналъ, о чемъ буду бесѣдовать съ нимъ. Подъѣхавъ къ канцеляріи Ея Величества, помѣщавшейся въ Зимнемъ Дворцѣ, со стороны Дворцовой набережной, я доложилъ о себѣ графу и былъ немедленно принятъ послѣднимъ. Графъ уже былъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ и ждалъ меня. Однако подробностей, вызвавшихъ мою командировку въ Ставку, графъ не зналъ и, интересуясь ими, сталъ меня разспрашивать о нихъ.

«Какъ рѣдки теперь истинно религіозные люди!» — воскликнулъ графъ, когда я закончилъ свой разсказъ. «Какъ мало настоящей вѣры... Въ народѣ ея не существуетъ вовсе: тамъ суевѣріе; для интеллигенціи же вѣра только придатокъ свѣтскаго обихода... А тамъ, гдѣ она еще теплится, тамъ она, все же, мертва. Люди вѣрятъ теоретически; но вѣрою, какъ движущимъ началомъ, какъ элементомъ возрождающимъ, оживляющимъ, создающимъ опредѣленныя понятія и налагающимъ опредѣленныя обязанности, не пользуются... Моральное достояніе людей покоится на идейныхъ основахъ, чуждыхъ вѣрѣ и черпающихъ свое начало изъ совершенно иного источника. Тамъ все, что угодно, кромѣ вѣры. Тамъ понятія о долгѣ, фамильной чести и традиціяхъ рода, гордость, личное самолюбіе, но не вѣра, не сознаніе отвѣтственности, не загробная жизнь, не страхъ Божій»...

Я слушалъ съ раскрытыми отъ удивленія глазами, не вѣря своимъ ушамъ... Это говорилъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, одинъ изъ великолѣпныхъ представителей большого свѣта, придворный кавалеръ, коему вопросы вѣры должны были,

казалось, быть столь чуждыми, такими далекими... Я любовался молодымъ графомъ, его изящными манерами царедворца, простотою обращенія и искренностью, и думалъ: «Такъ говорили со мною старцы Оптиной пустыни, духовники мои... Вотъ какими людьми окружаетъ Себя Императрица... Какими холодными, неприступными, гордыми, ни во что невѣрующими, кажутся всѣ эти царедворцы, пресыщенные благами жизни, не окунувшіеся въ глубины житейскаго омута, не извѣдавшіе горя и страданій, и какими они являются на самомъ дѣлѣ... И лучше, и чище, и благороднѣе, и благочестивѣе, и смиреннѣе многихъ сотень и тысячъ людей, ихъ осуждающихъ по злобѣ, по зависти къ ихъ преимуществамъ»...

И, обращаясь къ графу, я сказалъ:

«Огромное большинство людей, по гордости своего ума, не сознаетъ того, что является лишь игрушкою въ рукахъ діавола, о которомъ, въ нашемъ обществѣ, не принято даже говорить, чтобы не показаться не свѣтскимъ и смѣшнымъ... Я ничѣмъ инымъ не могу объяснить той странной позиціи, какую занимаетъ человѣкъ въ отношеніи Бога. Люди точно требуютъ отъ Бога доказательствъ Его бытія, а все то, что выходитъ за предѣлы ихъ пониманія, называютъ «мистикою»... Доказательства же на каждомъ шагу... Онѣ и въ явленіяхъ природы, и въ явленіяхъ повседневной жизни, и въ непреложности законовъ возмездія, находящихъ отзвукъ въ укорахъ совѣсти... Стоитъ только смириться, чтобы открылись духовныя очи, и непонятное стало яснымъ»...

«Да, да» — живо подхватилъ графъ: «Люди даже не предполагаютъ, до чего близокъ Господь, и какими нѣжными заботами Свыше они окружены. Благодать Божія еще не покидаетъ людей, и они думаютъ, что такъ будетъ продолжаться всегда... Мы даже не представляемъ себѣ тѣхъ моментовъ исторіи, когда благодать отступала отъ людей, и на нихъ обрушивались кары Божіи, до того страшны эти страницы исторіи... А огромное большинство людей продолжаетъ пребывать въ невѣріи и, потому, не замѣчаетъ и признаковъ надвигающагося гнѣва Божія... Со мною былъ удивительный случай, какой еще болѣе укрѣпилъ мою вѣру... Вы вѣрно слыхали?! Много лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ необычайный сонъ. Никогда никакимъ снамъ я не вѣрилъ; сонъ показался мнѣ даже нелѣпымъ, и я вскорѣ забылъ о немъ... Мнѣ казалось, что я поднимаюсь на воздушномъ шарѣ высоко, высоко, подъ самыя небеса... Вдругъ газъ загорается, и шаръ стремительно падаетъ на землю... О спасеніи не можетъ быть и рѣчи, гибель неизбѣжна... Въ этотъ ужасный моментъ я слышу голосъ съ неба, повелѣвающій мнѣ ухватиться за одну изъ веревокъ, коими шаръ былъ опоясанъ... Я инстинктивно повинуюсь этому голосу, карабкаюсь

на поверхность шара, стараясь удерживаться на упругихъ частяхъ его, гдѣ еще имѣлся газъ, падаю вмѣстѣ съ шаромъ на землю и . . . просыпаюсь.

Никогда не летавшій на шарѣ и не собиравшійся летать, я, конечно, не придалъ сну никакого значенія и настолько основательно забылъ о немъ, что не вспомнилъ о немъ даже тогда, когда мои знакомые потащили меня въ Воздухоплавательный Паркъ и предложили совершить совмѣстно съ ними воздушную прогулку. Если бы я вспомнилъ тогда о снѣ, то, будучи вѣрующимъ, не рѣшился бы, разумѣется, искушать Господа и отъ такой прогулки, конечно, отказался бы. Но сонъ былъ такъ давно; я совершенно забылъ о немъ и охотно присоединился къ нашей компаніи. Погода была великолѣпная, вѣтра никакого, и шаръ плавно поднимался вверхъ. Въ корзинѣ помѣстилось шесть человѣкъ, въ томъ числѣ и молодожены Палицыны, Вы ихъ знаете... Ничто не предвѣщало катастрофы. Вдругъ мы почувствовали запахъ гари; въ тоже мгновеніе показалось надъ корзиною огромное пламя... Моментъ . . . и огонь, точно острый ножъ, перерѣзалъ веревки, державшія корзину, и мои спутники упали на землю... Въ этотъ ужасный моментъ, когда, согласно всѣмъ требованіямъ науки, я долженъ былъ потерять сознаніе и способность мыслить, я вдругъ вспомнилъ со всѣми подробностями свой сонъ, и только благодаря этому не растерялся. Я ухватился за одну изъ веревокъ, болтавшихся надъ корзиною, и въ то время, когда мои спутники падали на землю, я повисъ въ воздухѣ и летѣлъ, съ ужасающей быстротою, внизъ, вмѣстѣ съ шаромъ... Сознаніе ни на минуту не покидало меня, а, наоборотъ, обострилось настолько, что я точно слышалъ голосъ съ неба, прозвучавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ во снѣ, и сообразовался съ нимъ, мѣняя свое мѣсто, по мѣрѣ сгоранія газа, и отыскивая упругія части шара, гдѣ газъ еще держался, карабкаясь съ одного мѣста на другое... Оставляя за собою густые клубы дыма, шаръ, съ быстротою молніи, падалъ на землю... Однако, газъ не успѣлъ еще сгорѣть прежде, чѣмъ шаръ достигъ земли, и, потому, замедляя постепенно свой полетъ, шаръ грузно опустился на землю, и я упалъ точно на стогъ сѣна, не получивъ даже царапины... Мои же спутники были частью убиты, частью искалѣчены... Скажите же, могу ли я, послѣ этого, не вѣрить «мистикѣ»? Нѣтъ, не всѣ положенія здраваго смысла можно возводить въ теоріи, отрицающія надъ нашими жизнями Промыслительную Руку Господню» — закончилъ графъ.

Чудесное спасеніе графа Я. Н. Ростовцова было совсѣмъ недавно, и столица еще не переставала говорить объ этомъ, объясняя чудо исключительнымъ благочестіемъ графа.

«Не чудо родило Вашу вѣру, а, наоборотъ, Ваша вѣра вызвала это чудо» — сказалъ я: «Кто дѣйствительно вѣритъ, тотъ дѣлается свидѣтелемъ сплошныхъ чудесъ; кто же сначала требуетъ чуда, чтобы потомъ повѣрить, тотъ никогда его не дождется»...

«Да, дивны дѣла Божіи» — вздохнулъ графъ.

«А этотъ случай, докладъ полковника О., который познакомилъ меня съ Вами и привелъ меня сегодня къ Вамъ, развѣ не чудо?» — спросилъ я. «Вы, вѣрно, мало еще знакомы съ личностью недавно прославленнаго Угодника Божія, Святителя Іоасафа, и съ особенностями Его духовнаго склада... Я заинтересовался психологіей Его характера, этимъ сочетаніемъ молитвенной настроенности, доходившей до предѣловъ созерцанія, съ тѣми пріемами отношенія къ служебному долгу, какіе примѣнялись Святителемъ въ сферѣ Его церковно-государственной дѣятельности. Съ одной стороны безграничное милосердіе и незнающая предѣловъ любовь къ ближнему, съ другой — необычайная строгость къ грѣху, къ проступкамъ и преступленіямъ, за что позднѣйшіе біографы Святителя называли Его даже жестокосерднымъ... Жизнь Святителя была непрерывной борьбою съ мягкотѣлостью и теплохладностью, и эта борьба поражала своей смѣлостью и размахами. Святитель не смѣшивалъ христіанскаго милосердія съ сентиментальностью; не заботился о томъ, что скажетъ свѣтъ, какъ будутъ относиться къ нему лично; не покупалъ популярности и любви къ себѣ цѣною измѣны долгу и правдѣ... Онъ былъ чистъ и безупреченъ и ничего не долженъ былъ міру и, кромѣ Бога, никого не боялся... Въ этомъ — источникъ Его прямолинейности и строгости... Въ наше время всеобщаго непротивленія злу и сентиментальности, когда власть или боится проявлять себя, или, въ погонѣ за популярностью, измѣняетъ своему долгу, личность Богомъ прославленнаго Угодника пріобрѣтала въ моихъ глазахъ двойное значеніе, и я настолько увлекся своей работою по собиранію матеріаловъ для жизнеописанія Святителя, что даже покинулъ Петроградъ и свою службу въ Государственной Канцеляріи, отдавшись всецѣло своей частной работѣ... Казалось бы, что отъ этого долженъ былъ произойти только ущербъ въ сферѣ моихъ служебныхъ интересовъ... Мои частыя отлучки, конечно, не могли нравиться моему начальству, и, тяготясь своей службою въ Маріинскомъ Дворцѣ, сознавая, что нельзя служить одновременно двумъ господамъ, я два раза заявлялъ о своемъ желаніи выйти въ отставку. Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ, что моя частная работа не только возвращала меня обратно въ Государственную Канцелярію, но и довела меня до Государя Императора, заинтересовавшагося моими книгами; а вотъ теперь Святитель Іоасафъ посылаетъ меня въ Ставку»...

Не знаю, какъ долго бы продолжалась моя бесѣда съ обаятельнымъ графомъ, если бы въ кабинетъ не вошелъ помощникъ графа, камергеръ Никитинъ, съ цѣлымъ ворохомъ бумагъ къ подписи.

Просмотрѣвъ нѣкоторыя изъ нихъ, графъ сказалъ мнѣ:

«Ассигновка будетъ готова завтра; распоряженіе по поводу вагона-салона, который будетъ ожидать Васъ въ Харьковѣ, и въ которомъ будутъ слѣдовать иконы въ Ставку, министръ путей сообщенія А. Ф. Треповъ сдѣлаетъ, надѣюсь, сегодня же. Вамъ же остается только исходатайствовать отпускъ у Государственнаго Секретаря, послѣ чего я и сдѣлаю докладъ Ея Величеству»...

Сердечно простившись съ графомъ, я уѣхалъ въ Государственную Канцелярію. Предстояла тягостная и до крайности трудная миссія переговорить съ Статсъ-Секретаремъ С. В. Безобразовымъ объ отпускѣ. Прошло всего нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ каникулъ. Не всѣ мои сослуживцы даже съѣхались. Въ моемъ отдѣленіи никого еще не было; передать свою работу редактора Полнаго Собранія Законовъ было некому... Все это, въ связи съ моими частыми отлучками изъ Петрограда, нервировало меня. Я не могъ не чувствовать къ себѣ того отношенія, какое не высказывается, но отъ этого становится вдвойнѣ тягостнымъ и обиднымъ... Но я не могъ также разрушить всякаго рода сомнѣнія и предположенія, подчеркивая значеніе мотивовъ моихъ отлучекъ изъ Петрограда, ибо зналъ, что эти мотивы имѣли значеніе только въ моихъ глазахъ, и въ «мистику» никто не вѣрилъ.

Но въ данномъ случаѣ было еще одно деликатное соображеніе, какое до крайности меня смущало. Я ѣхалъ «просить» объ отпускѣ въ то время, когда имѣлъ уже Высочайшее повелѣніе Государыни Императрицы ѣхать въ Ставку, переданное мнѣ чрезъ гофмейстерину Е. А. Нарышкину и графа Я. Н. Ростовцова, и это повелѣніе послѣдовало не только не по волѣ, но даже безъ вѣдома моего начальства... И, хотя я сознавалъ, что, докладывая гофмейстеринѣ содержаніе моей бесѣды съ протоіереемъ А. І. Маляревскимъ, менѣе всего могъ думать, что выборъ Императрицы падетъ на меня, а былъ убѣжденъ, что такая миссія будетъ возложена на кого либо изъ приближенныхъ ко Двору; хотя я и зналъ, что въ отношеніи своего начальства не сдѣлалъ ни малѣйшаго промаха, однако не могъ отрѣшиться отъ нѣкотораго смущенія и обдумывалъ вопросъ о томъ, что лучше — просить объ отпускѣ, или объ отставкѣ...

Мои колебанія были столь сильны, что ни въ этотъ, ни въ послѣдующіе дни, я ни въ какія бесѣды съ С. В. Безобразовымъ не вступалъ, а рѣшилъ дождаться исхода переговоровъ съ графомъ Я. Н. Ростовцовымъ.

Прошло нѣсколько дней.

Я снова поѣхалъ въ канцелярію Ея Величества.

«У меня уже все готово» — встрѣтилъ меня графъ: «написанъ даже докладъ Ея Величеству»...

И, передавая мнѣ бумагу, графъ просилъ меня прочитать ее.

«Нѣтъ, графъ, этого доклада нельзя подавать Императрицѣ» — сказалъ я, прочитавъ бумагу.

«Почему? — спросилъ меня графъ, удивленно посмотрѣвъ на меня.

«Изъ за этого мѣста, гдѣ Вы спрашиваете, не будетъ ли Ея Величеству угодно дать мнѣ личныя указанія предъ отъѣздомъ. Это мѣсто легко можетъ навести Императрицу на мысль объ аудіенціи»...

«Конечно» — отвѣтилъ графъ — «но именно это я и имѣлъ въ виду. Вы ѣдете въ Ставку, будете видѣть Государя и Наслѣдника, и совершенно естественно, что, получивъ командировку отъ Императрицы, Вамъ нужно откланяться Ея Величеству... Притомъ вѣдь Государыня можетъ быть пожелаетъ передать чрезъ Васъ какія либо порученія Его Величеству... Что же Васъ смущаетъ?! Я думаю, что Вамъ не слѣдовало бы уклоняться отъ аудіенціи» — говорилъ графъ.

Не знаю, въ состояніи ли я былъ передать графу то волненіе, какое испытывалъ въ тотъ моментъ, и объяснить причины, удерживавшія меня отъ знакомства съ Ея Величествомъ.

«Знаете ли, графъ» — началъ я — «что и до сихъ поръ еще я не рѣшился просить свое начальство объ отпускѣ: до того смущаетъ меня и самая командировка въ Ставку, и тотъ туманъ, какой сталъ уже витать вокругъ моего имени... Люди злы... Вы знаете, чѣмъ вызвана командировка, Кто даетъ ее мнѣ, и Вы, такъ же какъ и я, вѣрите, что посылаетъ меня въ Ставку Святитель Іоасафъ... А много ли людей мы найдемъ, которые такъ думаютъ?.. Не будутъ ли люди говорить, что я самъ придумалъ себѣ эту командировку, не припишутъ ли мнѣ самыхъ грязныхъ, недостойныхъ намѣреній?! И это даже тогда, когда моя командировка окончится только выполненіемъ возложеннаго на меня порученія и не оставитъ послѣ себя никакихъ другихъ результатовъ... Что же будутъ говорить злые люди тогда, когда Вы присоедините къ моей командировкѣ еще Высочайшую аудіенцію у Ея Величества... Представившись Государынѣ Императрицѣ теперь, предъ своимъ отъѣздомъ, я буду вынужденъ ходатайствовать объ аудіенціи и послѣ своего возвращенія, и это подастъ только поводъ къ всевозможнымъ сужденіямъ... Вѣдь теперь спекулируютъ и на вѣрѣ и святыню пускаютъ въ ходъ для карьерныхъ цѣлей, и Вы не осудите меня за желаніе отмежеваться отъ такихъ людей... Я смотрю на свою миссію, какъ на порученіе, возло-

женное на меня Святителемъ Іоасафомъ, и хотѣлъ бы, чтобы ничто человѣческое къ этой миссіи не пристало, и чтобы она была выполнена внѣ какихъ либо земныхъ соображеній... Я хотѣлъ бы и поѣхать, и вернуться обратно такъ, чтобы объ этомъ никто не зналъ, и чтобы результаты моей миссіи не давали бы никому повода дѣлать невѣрные выводы»...

Внимательно слушалъ меня графъ и затѣмъ сказалъ:

«Я понимаю васъ... Вы хотите остаться въ тѣни... Я перепишу докладъ и измѣню заключительныя строки»...

Крѣпко пожавъ мою руку и вручивъ всѣ нужныя бумаги, графъ сердечно простился со мною, пожелавъ успѣшно выполнить святую миссію.

Прошло еще нѣсколько дней, явились незначительныя препятствія, задержавшія меня въ Петроградѣ, и, получивъ отпускъ, я могъ уѣхать въ Ставку только въ двадцатыхъ числахъ Сентября.

ГЛАВА IV.

Свиданіе съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода А. Н. Волжинымъ. Прощальная бесѣда съ протоіереемъ А. І. Маляревскимъ. Отъѣздъ изъ Петрограда.

Протоіерей А. І. Маляревскій всячески торопилъ меня съ отъѣздомъ изъ Петрограда, и я былъ радъ, когда получилъ возможность сказать, что всѣ препятствія къ отъѣзду уже устранены, и остается только телеграфировать Преосвященнымъ Харьковскому и Курскому о днѣ моего прибытія.

«А у Оберъ-Прокурора Св. Синода Вы были»? — спросилъ меня неожиданно о. Александръ.

«Нѣтъ» — отвѣтилъ я — «зачѣмъ?»...

«А какъ же Вы возьмете иконы, не спросясь хозяина... Нужно, чтобы и Преосвященные были предувѣдомлены Оберъ-Прокуроромъ о Вашей командировкѣ и успѣли бы сдѣлать нужныя распоряженія на мѣстахъ»...

Ничего не оставалось, какъ отправиться къ А. Н. Волжину, всего нѣсколько дней тому назадъ назначенному Оберъ-Прокуроромъ.

Освѣдомившись столько же о самой командировкѣ, сколько и объ обстоятельствахъ, ее вызвавшихъ, и о томъ, кто далъ ее мнѣ, А. Н. Волжинъ проявилъ ко мнѣ самое нѣжное вниманіе.

Я мало зналъ А. Н. Волжина... Мнѣнія о немъ были различны, и я не прислушивался къ нимъ. Однако мои друзья предостерегали меня отъ излишней довѣрчивости къ нему и называли его неискреннимъ. Этого рода предостереженія были обычными, и я настолько уже привыкъ къ нимъ, что не придавалъ имъ значенія, а послѣ своего свиданія съ новымъ Оберъ-Прокуроромъ находилъ ихъ даже неосновательными. А. Н. Волжинъ очаровалъ меня своею любезностью и именно тѣми качествами, какія за нимъ отрицались... Онъ проявилъ въ отношеніи меня, съ которымъ былъ очень мало знакомъ, столько довѣрія и искренности, что заподозрить его въ лицемѣріи я никакъ не могъ.

Свою бесѣду со мной А. Н. Волжинъ началъ съ указанія на чрезмѣрную трудность своего положенія, на массу дѣлъ и отсутствіе помощниковъ и, въ заключеніе, воскликнулъ:

«Вы не повѣрите, какое тяжелое наслѣдство досталось мнѣ послѣ Саблера... Запущенность въ дѣлахъ неимовѣрная»...

Можетъ быть, при меньшей довѣрчивости къ людямъ, я и долженъ былъ удивиться такому признанію со стороны А. Н. Волжина, съумѣвшаго втеченіе двухъ-трехъ дней послѣ вступленія въ должность Оберъ-Прокурора разобраться въ сложныхъ дѣлахъ своего вѣдомства и замѣтить эту «неимовѣрную запущенность». Можетъ быть, я долженъ былъ найти параллели съ В. К. Саблеромъ, всю жизнь свою вѣдавшимъ церковныя дѣла, нѣсколько рискованными для А. Н. Волжина, никогда этими дѣлами не занимавшагося; однако въ тотъ моментъ эти мысли не являлись ко мнѣ, и, въ отвѣтъ на горькія жалобы новаго Оберъ-Прокурора, я, въ утѣшеніе, сказалъ ему:

«На Ваше вѣдомство всегда сыпались жалобы со всѣхъ сторонъ; но это, вѣдь, и неудивительно ... 200 лѣтъ существуетъ Синодъ, а втеченіе этого времени ничто въ немъ не измѣнилось, и даже штаты остались прежними»...

«Да, да» — живо возразилъ А. Н. Волжинъ: «вы всѣ такъ говорите, а помочь мнѣ никто не хочетъ... Ну вотъ и помогите мнѣ»...

Не зная еще, что А. Н. Волжинъ обращался съ такою просьбою ко всякому посѣтителю, я былъ даже польщенъ его словами и, по возвращеніи изъ Ставки, обѣщалъ снова посѣтить его.

Меня тронула эта просьба о помощи, и я увидѣлъ въ ней ту непосредственность и откровенность, какихъ не замѣчалъ у другихъ министровъ, не только никогда не жаловавшихся на свою безпомощность, а, наоборотъ, подчеркивавшихъ полноту своей власти и свои знанія. Сопоставляя съ ними новаго Оберъ-Прокурора, я дѣлалъ выводы въ пользу А. Н. Волжина и желалъ искренно и безкорыстно оправдать его довѣріе ко мнѣ. Я зналъ, что дѣла вѣдомства были новыми для А. Н. Волжина,

какъ зналъ и то, что онъ не былъ знакомъ съ личнымъ составомъ своего вѣдомства, съ представителями котораго мнѣ приходилось такъ часто сталкиваться, и я имѣлъ въ виду предложить новому Оберъ-Прокурору цѣлую программу реорганизаціи вѣдомства, указать на то, что никакія частичныя измѣненія въ механизмѣ Синодальнаго управленія не достигнутъ цѣли, пока Церковь не будетъ изъята изъ вѣдѣнія Государственной Думы, пока Синодъ не будетъ разгруженъ отъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію епархіальныхъ архіереевъ, пока, наконецъ, не будутъ порваны тѣ нити, какія, въ лицѣ нѣкоторыхъ Синодальныхъ чиновниковъ, связываютъ Синодъ съ лѣвыми представителями Думы... Параллельно съ этимъ, я считалъ первѣйшей задачей Оберъ-Прокурора учрежденіе при Синодѣ Кодификаціоннаго Отдѣла и созданіе писаннаго церковнаго законодательства, находя совершенно недопустимымъ оставлять въ обращеніи Уставъ Духовныхъ Консисторій, изданный въ 1842 году и въ значительной своей части отмѣненный позднѣйшими узаконеніями, не вошедшими однако въ послѣдующія его изданія, включительно до 1916 года...

Я усматривалъ въ этихъ мѣропріятіяхъ фундаментъ для всѣхъ послѣдующихъ реформъ, какія бы сдвинули Синодъ съ мертвой точки, оживили бы церковную жизнь Россіи, перестроивъ ее на каноническихъ началахъ, что казалось мнѣ невозможнымъ въ настоящее время, когда церковно-государственныя функціи Синода взаимно пересѣкались и даже враждовали между собою. Я былъ убѣжденъ, что церковная жизнь государства должна находиться въ исключительномъ вѣдѣніи іерарховъ, регулирующихъ ее въ строгомъ соотвѣтствіи съ требованіями «Книги Правилъ», созывающихъ два раза въ годъ помѣстные Соборы и, въ цѣляхъ объединенія дѣятельности послѣднихъ, Соборы окружныхъ митрополитовъ; что функціи Оберъ-Прокурора должны быть ограничены и заключаться не въ контролѣ дѣятельности іерарховъ, а лишь въ согласованіи ея съ требованіями общегосударственными, вслѣдствіе чего роль Оберъ-Прокурора свелась бы къ роли Государственнаго Секретаря, а Синодъ превратился бы въ Государственную Канцелярію по церковнымъ дѣламъ, съ самыми разнообразными и сложными функціями, которыя не задѣвали бы, однако, спеціально церковныхъ, и не стѣсняли дѣятельности Собора епископовъ, какъ единственнаго органа, которому надлежало бы вѣдать церковную жизнь Россіи.

Такой реформированный Синодъ, или точнѣе Главное Управленіе по дѣламъ Церкви, включая въ своемъ составѣ и департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, и церковно-кодификаціонный отдѣлъ, и финансовый, и хозяйственный, и юридическій, существенно бы отличался отъ нынѣш-

няго, гдѣ всѣ эти функціи смѣшивались съ дѣлами, связанными съ Синодомъ, какъ соборомъ епископовъ, гдѣ Синодъ былъ одновременно и канцеляріей этого Собора, находившейся въ вѣдѣніи и подчиненіи Оберъ-Прокурора, или, вѣрнѣе, ареною борьбы іерарховъ съ Оберъ-Прокуратурою.

Какъ, однако, ни важно было подѣлиться этими мыслями съ новымъ Оберъ-Прокуроромъ, человѣкомъ вѣрующимъ и преисполненнымъ, какъ мнѣ казалось, благихъ намѣреній, однако я считалъ моментъ для бесѣды съ нимъ неподходящимъ и мысленно откладывалъ ее до возвращенія своего изъ Ставки.

«Кстати» — сказалъ А. Н. Волжинъ — «Вы будете въ Бѣлгородѣ... Поставьте за меня свѣчку Святителю Іоасафу и, если Васъ не затруднитъ, справьтесь о старушкахъ Л. Это мои родственницы, Бѣлгородскія старожилки: Вы, вѣрно, слышали о нихъ?»..

«Да, это имя мнѣ знакомо и даже встрѣчается въ 4-мъ томѣ моего изданія о Святителѣ» — отвѣтилъ я.

Любезно простившись со мной и пожелавъ мнѣ счастливаго пути, А. Н. Волжинъ направилъ меня къ своему Товарищу, П. Д. Истомину, вскорѣ послѣ этого покинувшему свой постъ, а этотъ послѣдній просилъ меня обратиться къ директору канцеляріи Оберъ-Прокурора В. И. Яцкевичу, который и заготовилъ нужныя бумаги Преосвященнымъ Харьковскому и Курскому.

Вечеромъ того же дня пріѣхалъ ко мнѣ протоіерей А. І. Маляревскій.

«Все уже сдѣлано» — сказалъ я о. Александру: «Преосвященнымъ будутъ посланы соотвѣтствующія увѣдомленія, и, кромѣ того, я заручился еще и личнымъ удостовѣреніемъ, какое, въ случаѣ надобности, будетъ предъявлено Владыкамъ.»

«И съ Оберъ-Прокуроромъ видѣлись?» — спросилъ меня о. Александръ.

«Да» — отвѣтилъ я: «производитъ самое лучшее впечатлѣніе... Благожелателенъ, простосердеченъ, не рисуется своими знаніями, а, наоборотъ, откровенно признается въ своемъ безсиліи, и даже проситъ помочь ему... Ни хитрости, ни лицемѣрія я въ немъ не подмѣтилъ... Жалуется на запущенность въ дѣлахъ вѣдомства и на тяжелое наслѣдіе Саблера»...

«Ну да, это такъ нужно, конечно... Всякій новый начальникъ долженъ жаловаться на своего предшественника: это ужъ обычай такой, прости Господи»...

Я невольно улыбнулся...

«Ну, вотъ! а теперь поѣзжайте себѣ съ Богомъ» — сказалъ о. Александръ: «И мѣсяца не прошло, какъ все совершилось во славу Божію. Только, какъ пріѣдете въ Харьковъ, не за-

будьте сказать архіепископу Антонію[1]) о крестномъ ходѣ. Великая это святыня — обрѣтенная Святителемъ Песчанская икона Божіей Матери... И встрѣтить, и проводить ее нужно крестнымъ ходомъ»...

«Да, да: объ этомъ уже я позабочусь» — сказалъ я въ отвѣтъ.

«Когда же Вы думаете ѣхать, послали ли уже телеграммы?» спросилъ меня о. Александръ.

«Нѣтъ еще, и посылать не хочется» — отвѣтилъ я.

«Устали отъ хлопотъ?! Ничего, во славу Божію трудились; въ дорогѣ отдохнете» — успокаивалъ меня о. протоіерей.

«Нѣтъ, не усталъ, а раздумалъ ѣхать» — отвѣтилъ я.

О. Александръ, съ тревогою и безпокойствомъ, посмотрѣлъ на меня.

«Видите ли, батюшка» — сказалъ я — «до сихъ поръ я двигался по инерціи, и хотя тѣ мысли, какія я хочу высказать Вамъ, и преслѣдовали меня, но я на нихъ не останавливался, ибо иначе пришлось бы прекратить всѣ начатыя хлопоты. Но теперь, когда все уже закончилось, и я могу обнять все дѣло въ его цѣломъ, эти мысли вновь завладѣли мною, и я не могу въ нихъ разобраться: Если бы Вы не пришли ко мнѣ, то я бы полетѣлъ къ Вамъ за разъясненіями, въ зависимости отъ которыхъ и рѣшилъ бы вопросъ, ѣхать ли мнѣ въ Ставку, или отказаться отъ этой миссіи»...

Протоіерей А. І. Маляревскій даже перепугался и забросалъ меня вопросами: «Вѣдь въ первый разъ Государь Императоръ такъ милостиво принялъ Васъ, что, навѣрное, помнитъ Васъ. Чего же Вамъ смущаться!.. Или, можетъ быть, Вы перестали вѣрить въ явленіе Святителя Іоасафа и Его грозное повелѣніе, или смущаетесь тѣмъ, что говорятъ по поводу Вашей командировки злые люди?!»...

«Нѣтъ, батюшка... Кто разъ видѣлъ Царя, тотъ захочетъ и во второй разъ удостоиться этой радости... И не это меня смущаетъ. Считаться съ тѣмъ, что говорятъ злые люди, я также не могу; что же касается моего отношенія къ явленію Святителя полковнику О., то именно потому, что я вѣрю въ это явленіе, именно по этой причинѣ я и не могу отдѣлаться отъ мыслей, какія меня тревожатъ. Вѣдь Святитель Іоасафъ явился не мнѣ, а полковнику О. Почему же не полковникъ, а я долженъ ѣхать въ Ставку?! Угодно ли это Святителю?.. Не предвосхищаю ли я миссіи полковника, не сажусь ли въ чужое кресло?!

Можетъ быть, все дѣло, съ самаго начала, было поведено неправильно; можетъ быть, я не долженъ былъ вовсе разсказывать гофмейстеринѣ Е. А. Нарышкиной содержаніе доклада

[1]) Нынѣ митрополитъ Кіевскій, предсѣдатель Высшаго Церковнаго Управленія заграницей.

полковника, а долженъ былъ ограничиться только просьбою исходатайствовать полковнику О. аудіенцію у Ея Величества, чтобы онъ лично обо всемъ разсказалъ... Вспомните, что полковникъ говорилъ о «депутаціи» къ Царю... Можетъ быть онъ, бѣдный, не надѣясь, по смиренію своему, на возможность единолично выполнить миссію Святителя, разсчитывалъ войти хотя бы въ составъ депутаціи... Не обидимъ ли мы полковника, если я одинъ поѣду въ Ставку; не навлечемъ ли и гнѣва Святителя?! Вотъ Вы все говорите, что это мое дѣло, что меня посылаетъ въ Ставку Святитель Іоасафъ... И, пока я этому вѣрилъ, до тѣхъ поръ, какъ видите, и работалъ энергично... А вотъ теперь эта вѣра моя и поколебалась, и я не знаю, кого хочетъ послать въ Ставку Святитель — меня, или полковника; и то, что я этого не знаю, то мучитъ меня и волнуетъ»...

«Искушеніе, князь, искушеніе»: убѣжденно сказалъ протоіерей А. І. Маляревскій. «Врагъ подстерегаетъ всякое доброе намѣреніе... Гоните его отъ себя... Если бы Господь не благословлялъ Вашей поѣздки, то и не допустилъ бы ее»...

«Смотрите, батюшка, чтобы не согрѣшить... Вопросъ идетъ о спасеніи всей Россіи... Если моя поѣздка не будетъ угодна Божіей Матери и Святителю, тогда вся отвѣтственность должна будетъ пасть на меня... Гдѣ полковникъ?.. Можетъ быть, можно взять его съ собою и представить Государю?»...

«Адреса своего полковникъ не оставлялъ» — отвѣтилъ о. протоіерей — «и никто не знаетъ, гдѣ онъ. Послѣ своего доклада, онъ не являлся ко мнѣ. Если онъ въ Петроградѣ, то не могъ не слышать о Вашей командировкѣ. Почему же онъ не явился ни къ Вамъ, ни ко мнѣ, и не заявилъ о своемъ желаніи присоединиться къ Вашей поѣздкѣ въ Ставку?! Возможно, что его и нѣтъ въ Петроградѣ... Да и кто бы рѣшился ходатайствовать о Высочайшей аудіенціи никому неизвѣстному полковнику?! Тревоги Ваши отъ врага... Вы вѣдь не просили о командировкѣ... Гофмейстерина Е. А. Нарышкина тоже не просила Государыню командировать Васъ; я тоже не думалъ о возможности Вашей личной поѣздки, а разсчитывалъ, что, въ лучшемъ случаѣ, пошлютъ какого нибудь генералъ-адъютанта, или свитскаго генерала... А, если вышло такъ, что ѣхать приходится Вамъ, значитъ — такова воля Божія; значитъ — такъ угодно Матери Божіей и Святителю Іоасафу... Нѣтъ, нѣтъ, пусть Ваши мысли не смущаютъ Васъ... Это — искушеніе, чтобы вызвать уныніе и отнять вѣру въ святость миссіи Вашей... Имѣйте сами эту вѣру и въ другихъ возгрѣвайте»...

«Я поѣду» — отвѣтилъ я: «но боюсь, что убѣжденія въ необходимости именно моей поѣздки у меня не будетъ»...

«Напрасно» — возразилъ о. Александръ: «Ваши мысли таковы, что послѣдовательное проведеніе ихъ должно вызвать Вашъ формальный отказъ отъ Высочайшей командировки. А, какъ Вы думаете, не порадовался бы врагъ такому рѣшенію?»....

«Пожалуй, что порадовался бы» — отвѣтилъ я.

«Въ такомъ случаѣ и все, что вызвало бы такое рѣшеніе, нужно приписать его козням ъ» — сказалъ протоіерей А. І. Маляревскій.

Убѣжденный доводами о. Александра, я въ тотъ же вечеръ отправилъ нужныя телеграммы, а на другой день выѣхалъ въ Бѣлгородъ съ тѣмъ, чтобы оттуда слѣдовать въ Харьковъ.

ГЛАВА V.

Бѣлгородъ и Харьковъ. Встрѣча и проводы Песчанской Иконы Божіей Матери.

Въ Бѣлгородѣ я пробылъ только нѣсколько часовъ. Встрѣтившій меня на вокзалѣ о. благочинный проводилъ меня въ Свято-Троицкій монастырь, къ мощамъ Святителя Іоасафа, а затѣмъ я прошелъ къ Преосвященному Никодиму[1]), епископу Бѣлгородскому, отъ котораго получилъ предназначенный для Ставки Владимірскій образъ Божіей Матери. Послѣ совершеннаго Владыкою напутственнаго молебна, исполнивъ порученія Оберъ-Прокурора, я отбылъ на вокзалъ и со слѣдующимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, предувѣдомленный о моемъ пріѣздѣ, архіепископъ Антоній уже ожидалъ меня.

Согласно распоряженію архіепископа, Песчанскій образъ Богоматери долженъ былъ, ко времени моего пріѣзда въ Харьковъ, быть привезенъ изъ села Песковъ настоятелемъ Песчанскаго храма, священникомъ Александромъ Яковлевымъ, на котораго возлагалось и порученіе сопровождать образъ въ Ставку. Былъ разработанъ также и порядокъ шествія крестнаго хода для встрѣчи святыни... Съ вокзала чудотворный образъ Богоматери долженъ былъ быть перенесенъ крестнымъ ходомъ въ ближайшую къ вокзалу церковь и оставаться тамъ всю ночь, а на другой день, этимъ же порядкомъ, доставленъ обратно на вокзалъ и установленъ въ салонъ-вагонѣ, для слѣдованія въ Ставку. Пріѣхавъ въ Харьковъ, я еще не засталъ святой иконы, прибытіе которой ожидалось лишь къ 5 часамъ пополудни.

---

[1]) Замученъ большевиками въ Бѣлгородѣ, въ 1919 году.

Къ этому времени на вокзалѣ собралось все Харьковское духовенство, съ архіепископомъ Антоніемъ во главѣ, и гражданскія власти, съ губернаторомъ Н. А. Протасовымъ. Огромныя толпы двигались по направленію къ вокзалу, и скоро вся предвокзальная площадь была запружена народомъ. Лишь немногіе счастливцы могли пробраться на перронъ; всѣ же прочіе терпѣливо ждали прибытія святыни на площади... Крыши домовъ, балконы, заборы и даже деревья были усѣяны народомъ, охваченнымъ тѣмъ настроеніемъ, какое и непонятно, и не можетъ быть объяснено не испытавшимъ его...

Въ полномъ облаченіи ожидало духовенство прибытія святыни.

Вотъ показался поѣздъ. На перронъ вышелъ архіепископъ Антоній, въ сопровожденіи своихъ викаріевъ и прочаго духовенства, и встрѣтилъ святыню, благоговѣйно приложившись къ чудотворному образу.

Шествіе началось... Народъ почтительно разступался, давая дорогу.

Еще моментъ, и дивный образъ Богоматери показался народу, стоявшему на площади. Я никогда не забуду этого момента...

Я чувствовалъ, какъ волна религіознаго экстаза захватила меня и уносила все дальше и дальше отъ земли... Я не видѣлъ ни чудотворнаго образа, ни людей, которые несли его и шли за нимъ; я видѣлъ только Божію Матерь, Ея Пречистый Ликъ, Ея безмѣрную любовь, изливаемую на грѣшныхъ, немощныхъ людей... И то, что испытывалъ я, то испытывали, вмѣстѣ со мною, всѣ эти десятки тысячъ народа, и я понималъ, почему эти люди плакали, почему оглашали воздухъ громкими стенаніями и рыданіями, почему эта огромная толпа, всегда живая и жизнерадостная, всегда гордая и самоувѣренная, вдругъ смолкла и приникла... Потому что въ этой толпѣ не было ни одного человѣка, который бы не содрогнулся при встрѣчѣ со святынею, озарившей его внутреннюю, грѣховную скверну и смирившей его; потому что всѣ вдругъ почувствовали тотъ страхъ Божій, который обезцѣнилъ въ ихъ глазахъ все земное и напомнилъ о Страшномъ Судѣ Господнемъ...

И слезы раскаянія смывали эту скверну и дѣлали человѣка смѣлѣе и дерзновеннѣе, и онъ, съ надеждою, простиралъ свои грѣшныя руки къ Богоматери и тянулся къ Ней, и покорно шелъ за толпою, сосредоточенный и смиренный...

Крестный ходъ медленно подвигался впередъ...

Густое облако молитвенныхъ волнъ стояло надъ толпою... Невидимыя нити соединяли небо и землю... Начинало смеркаться...

И на фонѣ вечерняго полумрака это шествіе чуд
иконы Божіей Матери въ храмъ, эта необычайная пр
съ высоко поднятыми хоругвями и зажженными свѣчам
слезы и рыданія заглушались перезвономъ церквей и хор
пѣвчихъ, гдѣ общее горе и страданія и затаенный страхъ з
исходъ ужасной войны связали всѣхъ надеждою на помощь Матери Божіей — производила потрясающее впечатлѣніе...

Только къ полуночи крестный ходъ дошелъ до ближайшаго къ вокзалу храма, гдѣ чудотворная икона Богоматери была встрѣчена Харьковскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ, архимандритомъ Митрофаномъ[1]), и гдѣ впродолженіе всей ночи служились молебны о ниспосланіи побѣды на фронтѣ.

Я шелъ за процессіей вмѣстѣ съ губернаторомъ Н. А. Протасовымъ.

Толпа плотнымъ кольцомъ окружала насъ... Кто то дотронулся до меня...

Я оглянулся... Подлѣ меня шелъ какой то нищій, въ лохмотьяхъ... Когда наши глаза встрѣтились, онъ загадочно, шепотомъ, сказалъ мнѣ:

«Цѣлый годъ тебя ждали... Спѣши, чтобъ не было поздно»...

Въ этотъ моментъ толпа оттѣснила его, и я потерялъ его изъ виду...

Я спросилъ губернатора, что могли означать его слова; но никто не могъ объяснить ихъ...

Поздней ночью я вернулся къ архіепископу Антонію, у котораго имѣлъ пребываніе... Архіепископъ также не могъ объяснить мнѣ загадочныхъ словъ нищаго. На другой день святая икона была такъ же торжественно, крестнымъ ходомъ, перенесена обратно на вокзалъ и установлена въ салонъ-вагонѣ, въ которомъ и должна была слѣдовать въ Ставку.

Моментъ прощанія съ иконою вызывалъ такія сцены, какихъ я никогда не видѣлъ, какихъ никогда не могло себѣ представить никакое воображеніе.

«О, русскій народъ» думалъ я, глядя на эти душу раздирающія сцены — «до какой высоты ты способенъ подниматься, въ какія заоблачныя, небесныя дали способна залетать душа твоя»...

Какъ въ зеркалѣ отражало это прощаніе сокровенныя думы и мысли плачущихъ, тѣ чувства, какія живутъ на днѣ души и прячутся отъ людей, все то дорогое и цѣнное, и нѣжное, что не выносится наружу, а отдается только Богу... Тамъ была та безконечная любовь русскаго народа къ Матери Божіей, та несомнѣнная вѣра въ Ея небесную помощь, какая ждетъ

---

[1]) Нынѣ епископъ Сумской, викарій Харьковской епархіи.

ворить чудо; тамъ было такое раскаяніе, и самобиче-
.акія изгоняютъ всякую стыдливость, и робость, и сму-
, какія съ корнемъ вырываютъ всякій грѣхъ, все то, что
ило и терзало человѣка, о чемъ напоминала совѣсть...

Салонъ-вагонъ былъ засыпанъ цвѣтами...

Подлѣ чудотворнаго образа стояли ставники и горѣли свѣчи...

По очереди входили въ вагонъ прощаться съ иконою...

Вслѣдъ за архіепископомъ Антоніемъ вошелъ въ вагонъ и губернаторъ Н. А. Протасовъ. Опустившись на колѣни, онъ долго молился предъ святымъ образомъ, съ умиленіемъ приложился къ нему и затѣмъ простился со мною, трижды облобызавшись со мной...

Могъ ли я думать, что это прощаніе будетъ послѣднимъ, и я не увижу болѣе этого замѣчательнаго человѣка...

Вскорѣ губернаторъ скончался, и его похороны повторили картину описаннаго крестнаго хода... За нѣсколько мѣсяцевъ своего управленія Харьковской губерніей, онъ стяжалъ себѣ такую необычайную славу, что его считали святымъ. «Это были не похороны, а открытіе мощей»: говорили мнѣ бывшіе на погребеніи Н. А. Протасова.

Въ 5 часовъ дня, 3-го Октября, поѣздъ медленно отошелъ изъ Харькова.

ГЛАВА VI.

По пути въ Ставку. Бесѣда съ священникомъ Александромъ Яковлевымъ.

Когда поѣздъ тронулся, то, находясь еще подъ впечатлѣніемъ Харьковскаго крестнаго хода, я сказалъ о. Александру Яковлеву:

«Какъ неправы тѣ, кто видитъ въ крестномъ ходѣ только церемонію, а высокій религіозный подъемъ, какой въ этихъ случаяхъ всегда наблюдается, приписываетъ массовому гипнозу... Природа этого подъема совсѣмъ иная...

Здѣсь не только выраженіе собирательной воли къ добру, но и моментъ массоваго пробужденія отъ грѣха, когда раскаяніе одного заражаетъ другого, когда вдругъ вся внутренняя скверна озаряется какимъ то небеснымъ свѣтомъ, и видна даже пылинка грѣховная, гдѣ то глубоко спрятавшаяся; когда требованія совѣсти настолько обостряются, что даже малѣйшій грѣхъ тяжелымъ камнемъ давитъ сознаніе, и является потребность очиститься»...

«Что же удивительнаго, что такъ объясняютъ» — отвѣтилъ о. Александръ: «наукѣ теперь больше стали вѣрить, чѣмъ Церкви Божіей; а про то забываютъ, что хотя наука и многое пріоткрыла, да не все, а, когда дойдетъ до своего предѣла, тогда и Церкви не станетъ отрицать, а сольется съ нею... Загордился человѣкъ, вѣритъ лишь тому, до чего своимъ разумомъ дошелъ; а разумъ то не у всѣхъ одинаковъ, вотъ потому и вѣры нѣтъ... Да и на что она такимъ людямъ, коли они своимъ разумомъ живутъ, да на него полагаются?!»...

«Да, да» — отвѣтилъ я: «удивительно это стремленіе гордаго человѣка засадить каждую Божественную истину въ скорлупу своего разума... Что влѣзетъ въ эту скорлупу, тому и вѣрятъ и того не отрицаютъ; а что не влѣзетъ, то отвергается... Это называется «научнымъ обоснованіемъ»... Какъ будто такое обоснованіе является большимъ авторитетомъ, чѣмъ слово Божіе... Вы знаете, батюшка, до чего теперь додумались въ Америкѣ?»...

«Любопытно послушать» — отвѣтилъ о. Александръ.

«Замѣтили тамъ люди, что при общей молитвѣ настроеніе гораздо болѣе повышенное, чѣмъ когда молятся врозь, и что Господь чаще внимаетъ, когда молятся вмѣстѣ, и что такія молитвы доходнѣе къ Богу... И вотъ, стали люди собираться, иной разъ уже не въ храмахъ, ибо храмы не вмѣщали молящихся, а на площадяхъ, или даже за городомъ, и тамъ возносить свои горячія молитвы къ Богу... А въ моменты какихъ либо бѣдствій, разсылались даже приказы по всей Америкѣ, чтобы въ назначенный часъ возносились бы повсюду моленія къ Богу. Особенно подчеркивалось, чтобы эти моленія возносились не только въ опредѣленный день, но и въ опредѣленный часъ, въ назначенную минуту...

И Господь Милосердный внималъ этой массовой молитвѣ...

И какъ же, Вы думаете, американцы объяснили милость Божію и то, что Господь услышалъ ихъ просьбы и исполнилъ ихъ?!. Объяснили «научно»...

Они создали цѣлую теорію о «молитвенныхъ волнахъ», о такъ называемыхъ «флюидахъ», и даже фотографировали эти «волны», какія отражались на пластинкѣ въ видѣ электрическихъ нитей, исходившихъ отъ каждаго человѣка и поднимавшихся къ небу, причемъ эти нити не у всѣхъ были одинаковы... У однихъ онѣ были ярче и длиннѣе, у другихъ короче и блѣднѣе... На пластинкѣ, точнѣе — на фотографическомъ снимкѣ, эти нити выражались въ видѣ бѣлыхъ линій, частью пересѣкавшихъ одна другую, частью параллельно восходившихъ къ небу... Все это можетъ быть и очень хорошо, но почему же не вѣрить просто, почему эта страсть къ «научному обоснованію» явленій духовной природы!.. Очень возможно, что

такія молитвенныя волны дѣйствительно существуютъ и, конечно, несомнѣнно, что «флюиды» молящагося разнятся отъ «флюидовъ» человѣка, сидящаго въ театрѣ; но зачѣмъ же уподобляться Ѳомѣ невѣрному и забывать обращенныя къ нему слова Спасителя: «Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня... Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе.» (Іоан. 20, 29.)

«Что же, американцы думаютъ, что открыли что нибудь новое?» — спросилъ о. Александръ: «а не помнятъ ли они, какъ Моисей еще заставлялъ Израильтянъ молиться вмѣстѣ съ нимъ, подымая руки къ небу... И когда всѣ стояли колѣнопреклоненно, съ воздѣтыми къ небу руками, тогда Господь внималъ ихъ молитвамъ; а какъ опускали руки, Господь отвергалъ ихъ, и молитва отдѣльныхъ лицъ не доходила къ престолу Божію... Да и Церковь наша призываетъ къ общей молитвѣ: на то вѣдь и храмы Божіи установлены»...

«Наука, конечно, великій даръ Божій» — сказалъ я — «и отрицать ее нельзя, и стремиться къ ней нужно; но, когда человѣкъ пытается залѣзать туда, куда не слѣдуетъ, когда, съ помощью науки, желаетъ изучить природу духовныхъ явленій, постигаемыхъ, къ тому же, совершенно другимъ путемъ, тогда получается впечатлѣніе, что онъ точно провѣряетъ Господа Бога и не вѣритъ Ему на слово. Не знаніе, вѣдь, даетъ вѣру, а вѣра — знаніе»...

«Грѣхи наши тяжкіе» — вздохнулъ о. Александръ: «прогнѣвляетъ человѣкъ Господа; охъ, какъ прогнѣвляетъ»...

Поѣздъ быстро мчался впередъ; маленькія станціи мелькали одна за другой. Вѣсть о слѣдованіи въ Ставку чудотворнаго и повсемѣстно чтимаго образа Божіей Матери быстро разнеслась повсюду... Не только большія, но и малыя станціи были запружены народомъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, встрѣчавшимъ святую икону... Всѣ уже знали, что Царица Небесная спѣшитъ на фронтъ помогать Царю спасать Россію; всѣ желали приложиться къ образу и вознести свои молитвы... И было невыразимо больно видѣть, когда поѣздъ пролеталъ мимо малыхъ станцій, не останавливаясь на нихъ, какъ народъ медленно расходился по домамъ, покидая станцію... На большихъ же станціяхъ, во время остановокъ, служились безпрерывно молебны, и повторялись тѣ же сцены, что и въ Харьковѣ... Въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и зажженными свѣчами, встрѣчали мѣстное духовенство и народъ святую икону, и поѣздъ задерживался на станціяхъ даже долѣе положеннаго времени...

Задумчиво сидѣли мы въ салонъ-вагонѣ и оба молчали...

Огромное количество свѣчей озаряло Пречистый Ликъ Богоматери...

Только теперь я разсмотрѣлъ чудотворный образъ и замѣтилъ, какое множество драгоцѣнностей украшало его, какъ крупны были тѣ бриллiанты, коими былъ унизанъ вѣнчикъ вокругъ Пречистой Главы Матери Божiей...

А эта икона стояла въ сельскомъ храмѣ!..

«Отчего Вы такъ поздно прiѣхали?» — вдругъ неожиданно спросилъ меня священникъ Яковлевъ.

Я встрепенулся и мгновенно вспомнилъ, что этотъ же вопросъ предложилъ мнѣ нищiй, въ лохмотьяхъ, при крестномъ ходѣ въ Харьковѣ, и что никто не могъ объяснить мнѣ его загадочныхъ словъ...

«Почему поздно?» — испугался я.

«Мы Васъ еще въ прошломъ году ждали» — началъ свой разсказъ священникъ Яковлевъ: «живетъ въ нашемъ селѣ старичекъ Божiй; великiй онъ праведникъ; мы такъ и почитаемъ его за прозорливца... Въ самомъ началѣ войны, значитъ, примѣрно, въ концѣ Августа прошлаго года, было ему видѣнiе Святителя Iоасафа... Явился къ нему Угодничекъ Божiй и крѣпко выговаривалъ за грѣхи людскiе и сказалъ, что обижаютъ люди Господа неправедною жизнью и грѣхами своими, что приближается уже время Суда Божiя надъ людьми, что и война послана въ наказанiе, чтобы одумались и образумились люди и покаялись, и горемъ, страданiями и слезами очистили свои души... Грозилъ Святитель, говоря, что отступитъ Господь отъ людей и отниметъ до времени благодать Свою отъ Россiи... Но, по милосердiю Своему, чтобы люди не отчаялись, не попуститъ Господь погибнуть Землѣ Русской, но что до тѣхъ поръ не вернетъ Своей благодати, пока люди не призовутъ на помощь Царицу Небесную, ибо теперь только одна Матерь Божiя можетъ помочь людямъ и замолить грѣхи ихъ у престола Всевышняго и спасти Россiю. Сказавъ это, старичекъ Божiй повелѣлъ намъ собирать деньги на крестный ходъ и нести нашу чудотворную Песчанскую икону Матери Божiей на фронтъ, и добавилъ: «Матери Божiей самой угодно пройти по линiямъ фронта и благословить армiи наши.» Тутъ, извѣстное дѣло, нѣкоторые и усомнились и указывали старичку, что не только на фронтъ, но даже и въ Ставку никого безъ разрѣшенiя не пускаютъ; но старичекъ пригрозилъ маловѣрамъ и твердо замѣтилъ имъ:

«Не сомнѣвайтесь: прiѣдетъ посолъ Царскiй... Война послана въ наказанiе, а не на погибель нашу... Еще терпитъ Господь Милосердный, и, если послушаютъ Святительскаго гласа Угодника Божьяго Iоасафа, да сдѣлаютъ то, что Онъ приказалъ сдѣлать, выполняя волю Матери Господней, то не бойтесь: одолѣетъ Пречистая супостатовъ, и не ради васъ

грѣшниковъ, а ради Царя, Помазанника Своего, помилуетъ Россію... А какъ не послушаются Святителя, да не повѣрятъ Его словамъ, тогда познаютъ люди такую скорбь, что и сказать нельзя, и даже подумать страшно, и лучше не дожить до лютаго часа того»...

Мы и начали собирать деньги и тысячъ пять собрали, и все ждемъ и ждемъ Васъ; наконецъ и ждать перестали... А, чтобы не было соблазна, я и вернулъ обратно деньги»...

Съ затаеннымъ дыханіемъ я прислушивался къ каждому слову священника Яковлева... Трудно передать, что я испытывалъ въ эти моменты встрѣчи съ еще однимъ новымъ свидѣтельствомъ безграничнаго милосердія Божія къ людямъ и грубаго отвѣтнаго невниманія послѣднихъ къ голосу Всеблагого Творца...

«А потомъ» — продолжалъ священникъ Яковлевъ — «вышелъ приказъ отъ благочиннаго везти нашу икону въ Харьковъ... Мы и догадались, зачѣмъ; народъ и повалилъ къ старичку, кто за разспросами, а кто просто хотѣлъ повиниться предъ нимъ за маловѣріе свое»...

«Что же, старичекъ» — прервалъ я разсказъ о. Александра — «сказалъ что нибудь?»..

«Горько кручинился старичекъ Божій, но говорилъ съ неохотою... Можетъ быть и зналъ что нибудь, да сказывать не хотѣлъ; а все больше повторялъ то, что прежде говорилъ: «какъ повѣрятъ Святителю Іоасафу, тогда еще смилосердится Господь; а какъ не повѣрятъ, тогда наступятъ бѣды одна другой горьше, и ни откуда уже не будетъ помощи» — сказалъ батюшка.

«А не говорилъ ли старичекъ, что теперь уже поздно ѣхать на фронтъ, что Господь прогнѣвался за то, что мы цѣлый годъ не исполняли повелѣнія Святителя Іоасафа?» — спросилъ я.

«Нѣтъ, этого не говорилъ» — отвѣтилъ о. Александръ.

«Батюшка» — спросилъ я снова — «а Вы сообщали кому нибудь о явленіи Святителя старцу? Зналъ ли объ этомъ архіепископъ Антоній и, если зналъ, то почему же не довелъ до свѣдѣнія Царя?»...

«О томъ, зналъ ли о видѣніи нашего старичка Божьяго Владыка, намъ неизвѣстно: люди мы маленькіе, съ архіереями не сообщаемся; а нашему благочинному, какъ же, сейчасъ же обо всемъ донесли. Сами же мы вѣрили попросту и, какъ сказалъ старичекъ, такъ и сдѣлали, чтобы быть готовыми на случай выйдетъ приказъ выступать съ крестнымъ ходомъ, чтобы деньги, значитъ, были наготовѣ. А доносилъ ли благочинный архіепископу или нѣтъ, того не знаемъ...

Сомнѣній не было...

Было очевидно, что Святитель Іоасафъ явился одновременно полковнику О. на фронтѣ и благочестивому старцу въ селѣ Пескахъ.

И я разсказалъ священнику Яковлеву подробности доклада полковника на Общемъ Собраніи братства Святителя Іоасафа, о безуспѣшныхъ попыткахъ полковника довести объ этомъ докладѣ до свѣдѣнія Государя Императора, о бывшемъ видѣніи еще за два года до войны, объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ мою командировку въ Ставку, и, въ заключеніе, добавилъ:

«Я узналъ о докладѣ полковника О. лишь 5 Сентября, вечеромъ. На другой же день я предпринялъ уже нужные шаги для того, чтобы освѣдомить Ея Величество объ этомъ докладѣ... Государыня Императрица узнала обо всемъ 7-го Сентября и въ тотъ же часъ сдѣлала всѣ нужныя распоряженія Своему секретарю, графу Ростовцову. Около трехъ недѣль потребовалось для выправки разныхъ бумагъ и документовъ, получивъ которые я сейчасъ же поѣхалъ въ Бѣлгородъ, а оттуда къ Вамъ»...

«Дивны дѣла Божіи» — сказалъ разстроганный о. Александръ, выслушавъ мой разсказъ... «Не только насъ, грѣшныхъ, но и Васъ, значитъ, предувѣдомилъ Святитель... Коли бы послушались Святителя въ первый разъ, то не было бы войны» — убѣжденно сказалъ о. Александръ...

«Я тоже такъ думаю» — отвѣтилъ я.

«А помните ли Вы» — вдругъ, неожиданно, сказалъ священникъ Яковлевъ — «какія побѣды были у насъ на фронтѣ, въ самомъ началѣ войны... Даже нѣмецкую границу наши войска перешагнули... Правъ, значитъ, былъ нашъ старичекъ, когда сказалъ, что не для гибели, а для покаянія въ грѣхахъ нашихъ ниспослалъ Господь эту войну... Вотъ тутъ то и нужно было сейчасъ же взмолиться къ Матери Божіей и идти крестнымъ ходомъ, съ нашей иконою, на фронтъ, и тѣмъ исполнить повелѣніе Святителя... Господь бы и помиловалъ Россію за молитвы Своей Матери и попридержалъ враговъ, и не попустилъ бы войнѣ продолжаться дальше... Тогда вѣдь всѣ въ одинъ голосъ кричали, что война только на три мѣсяца разсчитана... Можетъ быть, и точно, Господь установилъ такой срокъ и ждалъ, что люди покаятся... Воля Божія помочь была, да, видно, человѣческой воли не было... Тутъ то и пошло пораженіе за пораженіемъ, отступленіе за отступленіемъ, и чѣмъ бы все это несчастье кончилось, если бы Самъ Царь не пошелъ на фронтъ, да въ Свои Царскія руки команду не взялъ — одному Богу извѣстно... Ради Царя, Помазанника Своего, Господь отогналъ врага и еще милуетъ Россію... Можетъ быть, и сейчасъ еще не поздно»...

Помолчавъ немного, точно обдумывая мысль, о. Александръ какъ то особенно выразительно сказалъ:

«Нѣтъ, нѣтъ, не поздно еще, спасетъ Господь Россію; иначе не попустилъ бы намъ, грѣшнымъ, ѣхать сейчасъ въ Ставку; не прошли, значитъ, еще, уготованные Господомъ сроки... Лишь бы тамъ вняли голосу Святителя» — какъ то неувѣренно кончилъ священникъ Яковлевъ.

Еще долго длилась моя бесѣда съ достойнѣйшимъ сельскимъ пастыремъ, такъ располагавшимъ къ себѣ своимъ простосердечіемъ и искренностью, своей глубокой вѣрой и любовію къ Святителю...

Приближалась ночь; простившись съ святынею, прочитавъ вечернія молитвы, мы разошлись каждый въ свое купэ...

На прощаніе, о. Александръ сказалъ мнѣ:

«А какъ же объяснитъ наука это одновременное явленіе Святителя Іоасафа нашему старичку въ селѣ и полковнику О. на фронтѣ?»...

ГЛАВА VII.

Прибытіе въ Могилевъ.

«Могъ ли я, никому неизвѣстный сельскій священникъ, думать когда нибудь, что увижу Царя Батюшку» — сказалъ мнѣ на другой день о. Александръ.

«И не только Царя, но и Наслѣдника увидите; и даже, можетъ быть, чрезъ нѣсколько часовъ, на вокзалѣ: ибо навѣрное и Государь, и Цесаревичъ выйдутъ, вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ, навстрѣчу Царицѣ Небесной» — отвѣтилъ я.

«Спаси ихъ Матерь Божія» — сказалъ священникъ Яковлевъ и перекрестился.

«А замѣтили Вы, батюшка, что Царица Небесная прибываетъ въ Ставку какъ разъ къ самому дню Тезоименитства Наслѣдника-Цесаревича... Сегодня вѣдь 4-ое Октября, а завтра 5-ое».

«Да, да», — живо отозвался о. Александръ — «значитъ, крестный ходъ придетъ въ соборъ къ началу всенощной... Лишь бы только поѣздъ не опоздалъ»...

«Это ничего, если и опоздаетъ: безъ Царя всенощной не начнутъ, да и начинать будетъ некому, потому что и протопресвитеръ, и прочее духовенство пойдутъ съ крестнымъ ходомъ» — отвѣтилъ я.

«Пожалуй, что и такъ» — согласился о. Александръ.

Поѣздъ уже приближался къ Могилеву.

До сихъ поръ, проѣзжая огромныя пространства, мы не замѣчали никакихъ признаковъ войны, точно ея и не было вовсе. Но, по мѣрѣ приближенія къ Ставкѣ, намъ все чаще и чаще попадались транспортные поѣзда, эшелоны войскъ, двигавшіеся по направленію къ Ставкѣ и обратно. Ближайшія къ Могилеву станціи также отражали картину военнаго времени, и на перронѣ, кромѣ сѣрыхъ шинелей, никого не было.

Священникъ Яковлевъ и я, оба нѣсколько взволнованные, высматривали изъ окна вагона, разсчитывая увидѣть на перронѣ Государя, Наслѣдника и духовенство, съ протопресвитеромъ Шавельскимъ во главѣ.

«Хоругвей что то не видать» — сказалъ о. Александръ.

«Крестный ходъ ожидаетъ, вѣрно, на площади, предъ вокзаломъ» — отвѣтилъ я. Постепенно замедляя ходъ, поѣздъ грузно остановился у перрона.

Нашъ вагонъ-салонъ былъ прицѣпленъ къ послѣднему вагону и находился въ концѣ поѣзда. . . Мы не выходили изъ него, ожидая, что кто нибудь выйдетъ навстрѣчу святынѣ. Прошло, однако, нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, а къ намъ никто не приходилъ. . . Никого не было и на станціи: военные, въ походной формѣ, лѣниво прохаживались по перрону взадъ и впередъ, очевидно даже не зная о прибытіи святыни. . .

«Что бы это значило» — думали мы оба, не рѣшаясь, однако, высказывать другъ другу своихъ тревогъ и опасеній. . . «Развѣ телеграмма случайно не дошла? нѣтъ, не можетъ быть этого». . .

Вдругъ появился секретарь протопресвитера Е. И. Махароблидзе, и мы радостно и облегченно вздохнули. . . Я зналъ его давно по его участію въ дѣлахъ братства Святителя Іоасафа, гдѣ онъ исполнялъ иногда мелкія секретарскія обязанности.

«О. протопресвитеръ прислалъ автомобиль» — скороговоркою сказалъ онъ — «только, къ сожалѣнію, подъѣхать къ главному подъѣзду вокзала теперь нѣльзя; придется небольшое разстояніе пройти пѣшкомъ. . . Но это недалеко, совсѣмъ близко; разрѣшите, я проведу Васъ» — говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и точно не замѣчая стоявшаго рядомъ со мною священника Яковлева.

«Зачѣмъ автомобиль?» — нетерпѣливо сказалъ я: «Я пройду со всѣмъ крестнымъ ходомъ». . .

Е. И. Махароблидзе замялся.

«Крестнаго хода не будетъ» — смущенно сказалъ онъ.

«Какъ не будетъ! что Вы говорите такое, Ексакустодіанъ Ивановичъ!» — воскликнулъ я въ изумленіи: «развѣ протопресвитеръ не получилъ моей телеграммы?»

«Никакъ нѣтъ; телеграмма получена вчера... Я не знаю... Я не знаю... Такъ распорядился протопресвитеръ» — растерянно отвѣчалъ Е. И. Махароблидзе.

Я переглянулся со священникомъ Яковлевымъ и прочиталъ въ его глазахъ такую невыразимую скорбь, такое горе, что мнѣ стало жалко его...

Для сельскаго пастыря, воспитаннаго въ условіяхъ, создающихъ опредѣленныя точки зрѣнія на начальство, и связывающаго высоту служебнаго положенія съ высотою личныхъ качествъ, такое отношеніе протопресвитера къ святынѣ явилось неожиданнымъ ударомъ и глубоко оскорбило его религіозное чувство.

«Какіе проводы, и какая встрѣча!» — подумали мы: «вмѣсто крестнаго хода, съ Царемъ во главѣ, вмѣсто торжественной встрѣчи чудотворнаго образа Божіей Матери, прибывшаго въ Ставку по повелѣнію святителя Іоасафа для спасенія Россіи, будущее которой становилось все болѣе грознымъ и тревожнымъ — на вокзалѣ одинъ Е. И. Махароблидзе, съ автомобилемъ.

И, хотя я зналъ протопресвитера Шавельскаго и то, что это мало вѣрующій человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ прогрессивныхъ батюшекъ, для которыхъ священнодѣйствіе являлось только обязанностью службы, однако такого небреженія къ святынѣ я не могъ ожидать... Тѣмъ меньше могъ допустить его проникнутый благоговѣйнымъ почитаніемъ святыни настоятель Песчанскаго храма, священникъ А. Яковлевъ, свидѣтель безчисленныхъ чудесъ, изливаемыхъ на вѣрующихъ отъ иконы, самою Матерью Божіею названной «источникомъ благодати» для всей Россіи. Съ большимъ трудомъ, священникъ Яковлевъ, я и Е. И. Махароблидзе вынесли святую икону, высотою свыше двухъ аршинъ и вѣсомъ около двухъ пудовъ, изъ вагона и, съ еще большимъ трудомъ, донесли ее до автомобиля, бережно прикрывая дорожнымъ пледомъ драгоцѣнныя украшенія ея. Окруженные толпою зѣвакъ, мы долго мучились, пока помѣстили икону въ небольшой, грязный, походный автомобиль, съ брезентовымъ верхомъ, установивъ ее такъ, какъ перевозятъ зеркало, или картину въ рамѣ... Е. И. Махароблидзе сѣлъ впереди, рядомъ съ шофферомъ, а священникъ Яковлевъ и я кое-какъ примостились, стоя одною ногою на ступенькахъ и держась то за икону, то другъ за друга, чтобы не свалиться. Автомобиль быстро помчался впередъ... Никогда не высыхающія въ провинціальныхъ городахъ лужи забросали и святыню, и насъ грязью...

«Что бы сказалъ Царь» — думали мы оба — «если бы увидѣлъ этотъ переѣздъ нашъ, съ величайшей святыней, прибывшей на именины Наслѣдника, спѣшащей на помощь Царю въ

одинъ изъ самыхъ ужасныхъ моментовъ исторіи, когда, по свидѣтельству Святителя Іоасафа, никто, кромѣ Матери Божіей, уже не могъ спасти Россію!»

Мы подъѣхали къ собору.

Ни вокругъ собора, ни въ самомъ соборѣ никого не было. Только сторожъ ходилъ съ тряпкой въ рукахъ и сметалъ пыль.

Снова засуетился Е. И. Махароблидзе и побѣжалъ искать людей, чтобы съ ихъ помощью вынести икону изъ автомобиля.

Однако, никого не удалось найти, и, когда Е. И. Махароблидзе вернулся, то мы, общими усиліями, вытащили икону и внесли ее въ соборъ.

Посреди храма стояли два аналоя, на которыхъ лежали Θеодоровская икона Божіей Матери и образъ Преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Мы не знали, куда установить прибывшую икону. . . Протопресвитеръ не озаботился даже приготовить мѣсто для святыни.

Священникъ Яковлевъ чуть не плакалъ отъ огорченія.

Въ этотъ моментъ протопресвитеръ вышелъ изъ алтаря и, холодно поздоровавшись со мною, едва протянувъ руку священнику Яковлеву, распорядился поставить икону на полъ, у праваго клироса, прислонивъ ее къ стѣнкѣ.

«Но отсюда Государь даже не увидитъ иконы» — сказалъ я протопресвитеру.

«Завтра найдемъ другое мѣсто, а сейчасъ некогда» — небрежно отвѣтилъ о. Шавельскій: «нужно начинать всенощную; прибудутъ Государь съ Наслѣдникомъ». . .

Сказавъ это, протопресвитеръ направился въ алтарь, пригласивъ и о. Александра слѣдовать за собою. Я остался одинъ въ соборѣ, и Е. И. Махароблидзе указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ былъ стоять, вмѣстѣ съ Царской свитой.

Вскорѣ пріѣхалъ министръ Двора графъ В. Б. Фредериксъ, дворцовый комендантъ генералъ В. Н. Воейковъ, затѣмъ Великій князь Георгій Михаиловичъ, генералъ М. В. Алексѣевъ, позднѣе Великій князь Димитрій Павловичъ и др.

Съ минуты на минуту ждали Государя.

Однако протопресвитеръ, не ожидая прибытія Его Величества, началъ всенощную, что, повидимому, никого, кромѣ о. Александра и меня, не удивило.

Вдругъ послышался шумъ подъѣзжавшаго автомобиля, и Е. И. Махароблидзе бросился открывать боковую дверь собора, примыкавшую къ лѣвому клиросу, гдѣ было Царское мѣсто.

Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ медленно входили въ храмъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Я не сводилъ глазъ съ Царя.

Какъ измѣнился Государь за эти пять лѣтъ, истекшихъ съ момента моей послѣдней встрѣчи... И мельчайшія подробности аудіенціи воскресали въ моей памяти, и въ ушахъ еще звучали привѣтливыя слова Государя, сказавшаго мнѣ при прощаніи: «такъ будемъ же встрѣчаться»... Но прошло пять лѣтъ, и я видѣлъ Государя только издалека, хотя и зналъ, что Государь освѣдомлялся обо мнѣ и пригласилъ бы къ Себѣ, если бы не вѣрилъ тѣмъ, кто говорилъ Царю, что я въ отъѣздѣ...

Съ какою любовью глядѣлъ я на Царя, съ какою болью читалъ въ скорбномъ выраженіи Его чудныхъ глазъ ту муку и страданія, какія Царь выносилъ на Своихъ плечахъ за грѣхи Россіи...

Нѣсколько разъ мои глаза встрѣчались съ глазами Государя; я видѣлъ, какъ часто Царь оглядывался въ мою сторону и смотрѣлъ на меня, точно стараясь припомнить знакомое лицо, какое гдѣ то видѣлъ...

И эти движенія Государя наводили меня на мысль о томъ, что, можетъ быть, Его Величеству даже не докладывалось о моемъ пріѣздѣ, ничего не говорилось о томъ, чѣмъ этотъ пріѣздъ вызванъ, что Государь даже не знаетъ о прибывшей въ Ставку святынѣ...

Я любовался этими движеніями и тою непосредственностью, какая за ними скрывалась... Я зналъ уже немножно Царя по первой аудіенціи и то, что у Государя не было ни одного искусственнаго жеста, не было ничего дѣланнаго, что Царь былъ воплощеніемъ искренности и простоты... И, глядя теперь, какъ Государь оглядывался на молящихся, зная, что сотни глазъ устремлены на Него и слѣдятъ за каждымъ Его движеніемъ, я мысленно спрашивалъ себя, какимъ образомъ Государь, прошедшій школу придворнаго этикета, связанный положеніемъ Монарха величайшей въ мірѣ Имперіи, могъ сохранить въ Себѣ такую непосредственность и простоту, такія искренность и смиреніе....

Наслѣдника я раньше никогда не видѣлъ и теперь увидѣлъ въ первый разъ. Это былъ уже большой и стройный мальчикъ; таже простота и искренность отражались въ каждомъ Его движеніи и располагали къ Нему.

Прошло не болѣе четверти часа, и всенощная кончилась...

Въ первый разъ я былъ на всенощной, какая длилась не болѣе двадцати минутъ...

Государь и Наслѣдникъ медленно сходили съ амвона...

Въ сѣверныхъ дверяхъ иконостаса показался священникъ Яковлевъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за каждымъ движеніемъ Государя...

Окидывая всѣхъ печальнымъ взоромъ, Государь съ Наслѣдникомъ направлялся къ выходу изъ собора...

Впереди бѣжалъ Е. И. Махароблидзе, торопясь распахнуть боковую дверь.

Ни Государь, ни Наслѣдникъ даже не оглянулись въ сторону чудотворнаго образа Божіей Матери.

Было ясно, что протопресвитеръ даже не докладывалъ Государю о прибытіи Святыни въ Ставку.

Государь уѣхалъ.

Священникъ Яковлевъ вышелъ изъ алтаря, подошелъ къ святой иконѣ и, опустившись на колѣни, долго молился.

Простившись съ иконою, я, вмѣстѣ съ нимъ, вышелъ изъ храма.

Предчувствіе чего то ужаснаго и неотвратимаго сковало наши уста.

Мы шли вмѣстѣ и оба молчали. . .

То, что для священника Яковлева являлось лишь выраженіемъ нерадѣнія протопресвитера къ святынѣ и такъ изумляло его и оскорбляло религіозное чувство смиреннаго сельскаго батюшки, то вызывало во мнѣ гораздо болѣе глубокія переживанія и причиняло мнѣ тѣмъ большую боль, что я не могъ высказать ее о. Александру.

Я не хотѣлъ посвящать его въ тѣ сомнѣнія и колебанія, какія возникали у меня предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, когда мнѣ казалось, что не я, а полковникъ О. долженъ выполнить повелѣніе Святителя Іоасафа, и когда я былъ близокъ къ рѣшимости отказаться отъ командировки въ Ставку...

Я не могъ подѣлиться съ нимъ и тѣми мыслями, какія явились только теперь, и какія говорили мнѣ, что я не долженъ былъ отклонять предложеніе графа Ростовцова объ аудіенціи у Ея Величества, что мнѣ слѣдовало лично довести до свѣдѣнія Императрицы о докладѣ полковника О. и заручиться всѣмъ тѣмъ, что обезпечило бы успѣхъ моей миссіи, включительно до письма Ея Величества къ Государю Императору.

Я сознавалъ, какую огромную отвѣтственность предъ всей Россіей взялъ на себя, и боялся, что не въ силахъ буду выполнить возложенную на меня задачу.

И потому, какъ ни возмущали меня дѣйствія протопресвитера Шавельскаго и его пренебрежительное отношеніе къ святынѣ, но я видѣлъ въ нихъ и тотъ сокровенный смыслъ, какого не могъ видѣть священникъ Яковлевъ, и какой рождалъ во мнѣ мучительную боль отъ сознанія, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Господь не благословляетъ моей миссіи; можетъ быть, мои ощущенія, заставлявшія меня колебаться предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, не обманывали меня, и, можетъ быть, неправъ былъ протоіерей А. Маляревскій, настоявшій на моемъ отъѣздѣ. . .

«Не будемъ унывать» — сказалъ я, въ утѣшеніе самому себѣ, стараясь въ тоже время успокоить и о. Александра: «завтра, послѣ обѣдни, мы увидимъ Государя и тогда обо всемъ разскажемъ лично; ибо, кромѣ насъ, конечно, никто этого не сдѣлаетъ... Увидимъ мы завтра и архіепископа Константина... Я давно знаю и люблю Владыку: онъ поможетъ намъ».

«Дай Богъ» — отвѣтилъ священникъ Яковлевъ.

Было только 7 часовъ... Чрезъ полъ-часа мы вышли изъ гостинницы и направились въ одно изъ зданій, принадлежавшихъ Штабу, куда военныя и гражданскія власти сходились къ завтраку и обѣду, и куда мы были приглашены. Тамъ, среди этихъ служащихъ, были и мои знакомые по Петербургу и бывшіе сослуживцы по Государственной Канцеляріи, и меня интересовало свиданіе съ ними, съ цѣлью ознакомиться съ общимъ положеніемъ на фронтѣ и свѣжими новостями, ежедневно прибывавшими въ Ставку. Тамъ только я могъ застать и протопресвитера Шавельскаго...

ГЛАВА VIII.

Въ офицерскомъ Собраніи.

Помѣщеніе, куда мы вошли, напоминало собою, какъ по виду, такъ и по настроенію находившихся въ немъ лицъ, курзалъ, клубъ, или офицерское собраніе въ провинціальномъ городѣ, затерявшемся гдѣ то въ захолустьѣ.

Изъ передней дверь вела въ продолговатую комнату, гдѣ были разставлены небольшіе квадратные столы, покрытые бѣлой скатертью, съ приготовленными уже для ужина приборами, предназначенные для штабныхъ служащихъ. Далѣе, въ глубинѣ, поперекъ комнаты, стоялъ длинный столъ для высшихъ чиновъ. Тамъ были мѣста генерала Алексѣева и его приближенныхъ. Лакеи, съ салфетками въ рукахъ, бѣгали между столиками, разставляя бутылки съ виномъ. Налѣво отъ передней находилась небольшихъ размѣровъ квадратная комната, въ углу которой стояло піанино, а посреди — круглый столъ, съ разложенными на немъ, въ безпорядкѣ, разорванными журналами и газетами...

Сюда собирались послѣ завтрака и обѣда, и эта комната являлась чѣмъ то вродѣ гостинной и курительной.

Мы вошли въ нее... Здѣсь уже находились незнакомыя намъ лица и нѣсколько священниковъ, прибывшихъ съ фронта и вновь назначенныхъ. Между этими лицами шла оживленная

бесѣда: они весело разговаривали, балагурили и громко смѣялись. Мало по малу, одинъ за другимъ, они переходили въ столовую и занимали мѣста за столиками, продолжая начатый разговоръ и бросая на ходу недокуренныя папиросы на полъ... Скоро столовая наполнилась вошедшими... Каждый спѣшилъ занять свободный столикъ... Ни священникъ Яковлевъ, ни я не знали, были ли мѣста нумерованы, и садился ли каждый на свое мѣсто, или же выбиралъ любое, оставшееся свободнымъ; и потому мы стояли въ нерѣшительности, не зная, куда намъ идти, и искали глазами свободное мѣсто...

Въ этотъ моментъ вошелъ, вѣрнѣе вбѣжалъ, въ столовую, необычайно быстрою походкою, ни на кого не глядя, съ опущенными внизъ глазами, точно стѣсняясь присутствовавшихъ, генералъ Алексѣевъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

«Не хотите ли къ намъ, за общій столъ?» и, не дождавшись моего отвѣта, такъ же быстро прошелъ къ своему мѣсту. Не желая оставлять священника Яковлева среди совершенно ему незнакомыхъ людей и не зная, относилось ли приглашеніе также и къ о. Александру, я оставался въ нерѣшительности до тѣхъ поръ, пока насъ не замѣтили мои знакомые, сидѣвшіе за маленькимъ столикомъ, и пригласили къ себѣ.

Занявъ мѣсто, я сталъ искать глазами протопресвитера Шавельскаго, но нигдѣ не находилъ его.

Въ столовой царилъ тотъ характерный шумъ, какой наблюдается въ ресторанахъ, когда обѣдаютъ одновременно десятки лицъ, и лязгъ посуды, ножей и вилокъ, чередуясь съ хлопаніемъ вытаскиваемыхъ изъ бутылокъ пробокъ, смѣшивается съ гуломъ разныхъ голосовъ... Я не выносилъ этого шума, и онъ всегда мнѣ былъ противенъ... По этой причинѣ я никогда не принималъ приглашеній на званые обѣды, ибо не понималъ, какъ можно дѣлать изъ обѣда занятіе и просиживать часами за обѣденнымъ столомъ...

Наблюдая эту картину, это настроеніе тѣхъ людей, которые находились, казалось, у самаго порога бездны и своими усиліями сдерживали натискъ врага, стремившагося свергнуть въ эту бездну всю Россію, я дѣлалъ невольныя параллели между тыломъ и фронтомъ, между Могилевомъ и Ставкою, между этимъ Офицерскимъ Собраніемъ и тѣмъ, что находилось за его порогомъ...

И чѣмъ глубже я всматривался въ эти параллели, тѣмъ понятнѣе были мнѣ рѣчи моихъ собесѣдниковъ, тѣмъ мрачнѣе казались перспективы, тѣмъ безнадежнѣе положеніе... Не оживленіе и веселіе окружающихъ вызывало у меня мрачныя мысли и рождало уныніе; даже не слѣпая увѣренность въ побѣдѣ, какая, какъ психологическій факторъ, была цѣнной, смущала меня... Все это имѣло свое объясненіе, отражало

физическую потребность разсѣяться, отдохнуть отъ напряженной работы и было мнѣ понятно... Но я не могъ понять того, какимъ образомъ всѣ эти самоувѣренные и самонадѣянные люди связывали свою увѣренность въ побѣдѣ только съ стратегическими соображеніями, и не постигали того, что воля Божія можетъ обезцѣнить всѣ эти соображенія, опрокинуть всѣ человѣческіе расчеты, и что нужно считаться съ этой волей и служить ей. Не понималъ я и того, какъ могло согласоваться настроеніе людей, бывшихъ въ Офицерскомъ Собраніи, съ тѣмъ настроеніемъ, какое царило не только повсемѣстно въ Россіи, и за порогомъ этого Собранія, когда въ томъ же Могилевѣ нельзя было встрѣтить ни одного человѣка, на лицѣ котораго не отражались бы безъисходное горе и глубокая скорбь, когда отовсюду только и слышались жалобы на чрезмѣрную работу въ Ставкѣ, отъ которой люди сбивались съ ногъ, когда даже для молитвы къ Богу не хватало времени, и всенощная длилась только двадцать минутъ...

Страннымъ казалось мнѣ и то, что эти же самые люди, по выходѣ изъ Офицерскаго Собранія, точно сговорившись, надѣвали на себя маску унынія и принимали озабоченный видъ, и я спрашивалъ себя, гдѣ же истинное отраженіе дѣйствительнаго положенія на фронтѣ: тамъ ли, въ столовой Офицерскаго Собранія, гдѣ весело смѣялись и разсказывались анекдоты, или здѣсь, на улицѣ, гдѣ люди шли съ поникшей головою...

«Вѣрно, Вы даже не предполагали, что увидите здѣсь такое оживленіе, спокойствіе и хладнокровіе» — сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ по Государственной Канцеляріи.

«Да, не предполагалъ» — отвѣтилъ я: «и не только оживленіе и хладнокровіе, но я вижу здѣсь такое веселіе, какого давно уже не замѣчалъ даже въ столицѣ. Точно Вы не въ Ставкѣ, вблизи фронта, точно и войны нѣтъ никакой»...

«Браво, браво, князь» — чуть не захлопалъ въ ладоши мой собесѣдникъ.

«Это оттого, что ни въ комъ изъ насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ исходѣ войны; что всѣ, начиная отъ генерала и кончая солдатомъ, скованы увѣренностью въ самой блестящей побѣдѣ... Вдребезги разнесемъ Тевтонію.»..

«Да на чемъ же Вы строите такую увѣренность?» — спросилъ я удивленно...

«Какъ на чемъ?! На всемъ!» Я вопросительно посмотрѣлъ на собесѣдника.

«Это все Петербургъ наводитъ на всѣхъ панику» — продолжалъ онъ: «если бы Вы знали, какъ отравляетъ насъ этотъ вѣчно ноющій тылъ, эти бабьи страхи... Когда Вы вернетесь

въ Петербургъ, то разскажите всѣмъ, что Вы здѣсь видѣли.. Скажите, что мы здѣсь чуть только не танцуемъ.»..

«Вамъ виднѣе» — отвѣтилъ я — «но у меня лично такой увѣренности нѣтъ. Я понимаю, что прифронтовой службѣ полезно питать преувеличенныя надежды, чтобы своимъ настроеніемъ вдоховлять фронтъ, но....

«Нѣтъ, нѣтъ» — перебилъ меня мой собесѣдникъ, — «мы искренно исповѣдуемъ свою увѣренность: Германія будетъ побѣждена, она должна быть побѣждена!»

«Можетъ быть и будетъ» — отвѣтилъ я — «но въ томъ, что она должна быть побѣждена, я сомнѣваюсь, ибо одинаково невыгодно какъ Россіи уничтожать Германію, такъ и Германіи Россію»...

«Ну, да: Вы извѣстный германофилъ» — отвѣтилъ мой бывщій сослуживецъ.

«Нѣтъ, не потому; а потому, что, кромѣ воли двухъ враждующихъ сторонъ, изъ которыхъ каждая, естественно, хочетъ остаться побѣдительницею, есть еще третья воля, найболѣе безпристрастная... Одни называютъ эту волю — волей Божіей, а другіе — законами исторической необходимости. Война съ Германіей есть безуміе съ обѣихъ сторонъ. Каждая изъ этихъ сторонъ воюетъ, въ сущности говоря, противъ самой себя.. Побѣда или пораженіе Германіи будетъ побѣдою или пораженіемъ Россіи. Господь не допуститъ такой явной безсмыслицы, и война кончится въ ничью»...

Мой собесѣдникъ разсмѣялся и, наклонившись ко мнѣ, шепотомъ сказалъ мнѣ:

«Вы знаете, если бы кто нибудь услышалъ Ваши слова, то Васъ бы повѣсили.»

«Дѣйствительно, ради этого не стоило бы пріѣзжать къ Вамъ въ Ставку» — отвѣтилъ я, улыбаясь...

«А союзныя обязательства, а это постоянное стремленіе Германіи колонизировать Россію, ея наглый тонъ, съ какимъ она диктовала намъ свои требованія, наконецъ ея отношеніе къ Сербіи, поведеніе въ Бельгіи, развѣ Вы все это забыли? Давно было пора обуздать эту вѣчную угрозу европейскому миру.»..

«Нѣтъ, не забылъ» — отвѣтилъ я — «но эти причины, оправдывающія войну, растворяются въ одной, запрещающей нашу войну съ Германіей. А Вы забыли, спрошу и я Васъ, въ свою очередь, что Россія и Германія являются единственными въ Европѣ монархіями, не по имени, а по структурѣ и существу, единственнымъ оплотомъ монархическаго начала, единственнымъ барьеромъ, сдерживающимъ натискъ революціи... Рисуете ли Вы себѣ тѣ результаты, какія сдѣлаются неизбѣжными въ томъ случаѣ, если Россія побѣдитъ Германію, а Гер-

манія выведетъ изъ строя Россію? Придетъ Англія и превратитъ Россію въ колонію, какъ сдѣлала съ Египтомъ. Меня еще въ гимназіи, когда я былъ въ 3-мъ классѣ, учили, что Англія является хищнымъ ястребомъ, живущимъ чужой добычей; что знаменитый Британскій Музей состоитъ только изъ награбленныхъ сокровищъ другихъ народовъ... Потому то я и являюсь германофиломъ, что отдаю себѣ ясный отчетъ въ той исторической роли, какую играла Англія по отношенію къ Россіи. Германія не могла играть такой гнусной роли хотя бы потому, что для нея не выгоденъ разгромъ Россіи; а для Англіи это выгодно... И Франція, и Англія одинаково боятся могущества какъ Россіи, такъ и Германіи, и тѣмъ больше — взаимной дружбы послѣднихъ; поэтому къ разрыву между нами и нѣмцами были направлены всѣ ихъ усилія... А мы, какъ всегда, опростоволосились... Попались на удочку этихъ интригъ и нѣмцы.»..

«Вотъ Вы и скажите объ этомъ генералу Алексѣеву: смотрите, онъ еще сидитъ за столомъ; спѣшите, а то онъ сейчасъ выбѣжитъ отсюда» — сказалъ мой собесѣдникъ, сдерживаясь отъ смѣха.

«Княже, княже, видно, что Вы только что изъ Питера прибыть изволили... Вѣдь Петербургъ бредитъ о мирѣ, развѣ мы этого не знаемъ... Но что же получится?! Повторится исторія Японской войны, когда Петербургъ вырвалъ побѣду изъ рукъ Линевича, а Витте подписалъ позорный миръ въ Портсмутѣ.»..

Упоминаніе о графѣ С. Ю. Витте заставило меня вспомнить одинъ изъ эпизодовъ прошлаго года, когда русскіе, застигнутые войной, не могли возвращаться домой чрезъ Германію, а устремлялись въ Италію, чтобы изъ Бриндизи ѣхать въ Константинополь, а оттуда въ Одессу. Среди этихъ русскихъ, заѣхавшихъ сначала въ Бари, гдѣ я въ то время находился, занятый постройкою храма Святителю Николаю, а затѣмъ собравшихся на пароходѣ въ Бриндизи, были графъ С. Ю. Витте, С. С. Манухинъ, бывшій тогда вице-предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, свѣтлѣйшій князь П. П. Волконскій, княгиня М. Барятинская, графъ А. Тышкевичъ, В. Малама и др... Всѣ до крайности возмущались звѣрствами нѣмцевъ и на всѣ лады обсуждали случай съ г-жею Туганъ-Барановской, которую нѣмцы выбросили изъ вагона на полотно желѣзной дороги, и гдѣ она, израненная, скончалась въ страшныхъ мученіяхъ...

«Этого быть не можетъ... Это клевета на нѣмцевъ!» — закричалъ графъ С. Ю. Витте.

«Война съ нѣмцами безсмысленна... Уничтожить Германію, какъ мечтаютъ юнкера, невозможно... Это не лампа, какую можно бросить на полъ, и она разобьется... Народъ,

съ вѣковою культурою, впитавшій въ свою толщу наиболѣе высокія начала, не можетъ погибнуть... Достояніе культуры принадлежитъ всѣмъ, а не отдѣльнымъ народамъ, и нельзя безнаказанно посягать на него»...

Я вспомнилъ, какія горячія возраженія послѣдовали тогда со стороны спутниковъ графа, охваченныхъ общимъ негодованіемъ противъ нѣмцевъ и проникнутыхъ симпатіями къ Англіи. Возражая имъ, графъ, въ свою очередь, горячился и сказалъ:

«Да поймите же, что намъ не выгоденъ разгромъ Германіи, если бы онъ даже удался. Результатомъ этого разгрома будетъ революція сначала въ Германіи, а затѣмъ у насъ.»

И сказавъ эти слова, Графъ С. Ю. Витте расплакался, какъ ребенокъ.

Я вспомнилъ объ этомъ эпизодѣ и разсказалъ о немъ своему собесѣднику.

«Что-же,» — отвѣтилъ онъ — «революція въ Германіи возможна; но что она будетъ въ Россіи, это ужъ Витте перехватилъ черезъ край»...

«Всѣ Вы здѣсь дѣти Сазоновской школы» — сказалъ я — «всѣ Вы англоманы; но въ вопросахъ широкой политики нужно принимать во вниманіе не личныя симпатіи къ націи, а политическія выгоды; а въ томъ и сказывалось роковое значеніе нашей дипломатіи, что она всегда забывала эту истину. Вотъ Вы сказали, что Германія всегда являлась угрозою европейскому миру... А я скажу Вамъ, что, если бы между Россіей и Германіей существовала подлинная дружба, то никакая война въ Европѣ не была бы возможна... Потому то Германія и бряцала оружіемъ, что не была увѣрена въ насъ, что мы бросались то въ объятія Франціи, то въ объятія Англіи, и естественно, что Германія боялась нашего союза съ ея врагами. Есть кто то третій, кому выгодна гибель и Германіи, и Россіи.»..

«Книга Нилуса» — перебилъ меня мой собесѣдникъ и закатился смѣхомъ.

Онъ смѣялся такимъ заразительнымъ смѣхомъ, что я только и могъ сказать ему: «да перестаньте же, на насъ всѣ смотрятъ»...

Но онъ не унимался и, трепля меня за рукавъ, сказалъ мнѣ дѣланно-серьезнымъ тономъ:

«Знаете, князь: Вы дѣйствительно пріѣхали въ самый разъ.. Тащите сюда скорѣе всю Ставку; смотрите, тамъ еще всѣ сидятъ за столомъ; скажите имъ: «поворачивайте оглобли... Повоевали съ Германіей, и будетъ съ васъ: а теперь кидайтесь на Англію, а затѣмъ на Францію, чтобы всѣмъ досталось понемножку; а то, что же, въ самомъ дѣлѣ, насѣдаете на одну Германію и рвете ее на клочья...

Гдѣ же тутъ справедливость!.. Ахъ, какъ досадно, что Вы не привезли съ собою Нилуса... И что бы было взять его съ собою!.. Если пріѣдете въ другой разъ, непремѣнно привезите его съ собою... Хорошо?»..

«Хорошо» — отвѣтилъ я, любуясь жизнерадостностью моего собесѣдника.

«Держите его, держите!» — полушопотомъ закричалъ онъ, указывая на генерала Алексѣева, сорвавшагося съ своего мѣста и почти выбѣгавшаго изъ столовой.

«Ахъ, досада какая, упустили... А теперь не догонишь его и съ гончими.»..

Обѣдъ кончился. Шумно раздвигались стулья, и столовая быстро опустѣла.

Бесѣдовавшій съ какимъ то незнакомымъ мнѣ священникомъ, о. Александръ подошелъ ко мнѣ, и я сталъ прощаться съ моимъ собесѣдникомъ.

«Не забудьте же Нилуса» — сказалъ онъ, дѣлая серьезную мину и крѣпко пожимая мою руку.

Въ крайне подавленномъ состояніи духа возвращался я, вмѣстѣ съ священникомъ Яковлевымъ, въ гостинницу...

Я былъ увѣренъ, что, заранѣе предувѣдомленный о моемъ пріѣздѣ въ Ставку, протопресвитеръ Шавельскій сдѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія къ достойной встрѣчѣ святынь; но вотъ первый день моего пребыванія въ Ставкѣ уже кончился, а о моемъ пріѣздѣ никто даже не зналъ, и появленіе мое въ Офицерскомъ Собраніи явилось для всѣхъ неожиданнымъ.

Прибывъ съ вокзала прямо въ Соборъ ко всенощной, я услышалъ отъ генерала Воейкова, въ отвѣтъ на мою просьбу доложить Его Величеству о миссіи, возложенной на меня Государынею, что вопросъ касается не коменданта, а протопресвитера... Но протопресвитеръ, немедленно послѣ окончанія всенощной, куда то скрылся, и я не могъ найти его. Меня направили въ Офицерское Собраніе; но и тамъ его не оказалось... Сказали, что протопресвитеръ, вѣроятно, обѣдаетъ съ Государемъ... Все это нервировало меня... Но особенно угнетало меня то, что священникъ Яковлевъ, смиренный сельскій пастырь, былъ свидѣтелемъ той картины, какую видѣлъ въ Офицерскомъ Собраніи, и какая такъ поразила его; и я понималъ, почему онъ такъ глубоко вздыхалъ и отмалчивался...

Мы молча простились съ нимъ, и каждый ушелъ въ свой номеръ.

Я рѣшилъ отправиться къ протопресвитеру Шавельскому завтра, рано утромъ, до начала литургіи, въ его канцелярію, какая помѣщалась въ Штабѣ.

ГЛАВА IX.

Протопресвитеръ Г. І. Шавельскій.

Я шелъ по улицамъ, разукрашеннымъ, по случаю Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, флагами... Было только 8 часовъ утра... Встрѣчныхъ было мало... Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ я нашелъ канцелярію протопресвитера. Въ первой комнатѣ сидѣлъ за столомъ Е. И. Махароблидзе... Онъ былъ правой рукою всесильнаго протопресвитера, и въ его движеніяхъ сказывалась увѣренность человѣка, довольнаго своимъ положеніемъ. Протопресвитеръ находился въ смежной комнатѣ. Я прошелъ къ нему...

«Вотъ видите, какъ мы живемъ здѣсь» — сказалъ мнѣ Г. І. Шавельскій, указывая рукою на стоявшую въ углу кровать: «вотъ и все наше убранство... Здѣсь моя квартира, здѣсь и канцелярія.»..

Не желая терять времени, я перешелъ непосредственно къ тому, что меня угнетало, и сказалъ протопресвитеру:

«Никогда бы я не подумалъ, что Вы окажете такой пріемъ чудотворному образу Божіей Матери, предъ которымъ самъ Святитель Іоасафъ колѣнопреклоненно молился, со слезами... Я былъ увѣренъ, что Вы встрѣтите святыню еще болѣе торжественно, чѣмъ ее встрѣчали въ Харьковѣ и по пути слѣдованія въ Ставку, когда даже на маленькихъ станціяхъ, ночью, духовенство и народъ, съ хоругвями и свѣчами въ рукахъ, ждали прибытія поѣзда, чтобы приложиться къ иконѣ, и служились непрерывно молебны о ниспосланіи побѣды на фронтѣ...

Мнѣ казалось, что Вы встрѣтите Царицу Небесную на вокзалѣ крестнымъ ходомъ, съ Царемъ во главѣ, пройдете съ вокзала въ Соборъ, отслужите предъ Нею молебенъ и поставите икону на подобающее святынѣ мѣсто; а увидѣлъ я только одного Е. И. Махароблидзе, съ брезентовымъ автомобилемъ, на которомъ разъѣзжаютъ солдаты»...

«Какіе тамъ крестные ходы!» — запальчиво отвѣтилъ Г. Шавельскій: «это архіепископу Антонію дѣлать нечего; онъ и устраиваетъ крестные ходы, да всенощныя служитъ по пяти часовъ; а намъ здѣсь некогда. По горло заняты.»..

Я обомлѣлъ отъ этихъ словъ; однако, не допуская еще такого издѣвательства надъ религіознымъ чувствомъ, я спокойно сказалъ о. Шавельскому:

«Позвольте, здѣсь, вѣрно, какое то недоразумѣніе... Вы должно быть не знаете, что я командированъ въ Ставку по повелѣнію Ея Величества, и того, чѣмъ вызвана моя командировка... И что, по возвращеніи въ Петербургъ, я долженъ буду представить Государынѣ докладъ о своей поѣздкѣ...»

Г. I. Шавельскій промолчалъ...

Разсказавъ о докладѣ полковника О., о бывшихъ ему дважды явленіяхъ Святителя Іоасафа, о такомъ же явленіи старцу въ селѣ Пескахъ, я добавилъ:

«Совершенно не подобаетъ мнѣ утверждать пастыря Церкви въ вѣрѣ; однако же я думаю, что Вы берете на себя великую отвѣтственность, не выполняя повелѣнія Святителя Іоасафа... Если бы я былъ даже невѣрующимъ, то и тогда одновременное явленіе Святителя въ разныхъ мѣстахъ двумъ разнымъ лицамъ, одному — живущему въ мѣстѣ пребыванія святой иконы, въ селѣ Пескахъ, а другому — находящемуся на фронтѣ, и переданное имъ одинаковое повелѣніе Божіе, поколебало бы мое невѣріе... Святитель приказалъ не только привезти святыя иконы въ Ставку и здѣсь ихъ оставить, а повелѣлъ обойти съ ними фронтъ и предупредить, что такова воля Матери Божіей, и что только при этомъ условіи Господь помилуетъ Россію; а Вы не встрѣтили святыни на вокзалѣ и не предувѣдомили Царя.»..

«Да развѣ мыслимо носить эту икону по фронту!» — возразилъ протопресвитеръ:

«Въ ней пуда два вѣсу... Пришлось бы заказывать спеціальныя носилки...

А откуда же людей взять... Мы перегружены здѣсь работой, съ ногъ валимся. Все это Ваша мистика; это Петербургъ ничего не дѣлаетъ, ему и снятся сны; а намъ некогда толковать ихъ, некогда заниматься пустяками» — говорилъ о. Шавельскій, все болѣе раздражаясь.

«Такъ неужели же Вы дерзаете вовсе не исполнить повелѣнія Святителя?» — спросилъ я изумленно: «если Вы берете на себя эту смѣлость, тогда отслужите, хотя бы, всенародный молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ, здѣсь на площади, въ присутствіи Государя», сказалъ я протопресвитеру.

«Некогда! Съ утра до ночи люди въ Штабѣ, за работою», отрѣзалъ онъ. Я откланялся.

Чрезъ полъ-часа этотъ человѣкъ пошелъ въ соборъ служить обѣдню. Никакое горе, никакое несчастіе, казалось, не могло нанести мнѣ большаго удара, чѣмъ эти слова, этотъ тонъ, это глумленіе надъ вѣрою, со стороны того, кто являлся духовнымъ пастыремъ арміи и флота...

«Да вѣдь этотъ одинъ человѣкъ погубитъ всю Россію», думалъ я, возвращаясь въ гостинницу... «Бѣдный Царь, бѣдная Россія.»..

Мнѣ знакомъ былъ этотъ типъ людей, и психологія о. Шавельскаго меня не удивляла... Случайные сановники рѣдко привыкаютъ къ своему положенію настолько, чтобы не имѣть нужды подчеркивать его, и часто дѣлаютъ это такими способа

ми, какіе только выдаютъ ихъ скромное прошлое. Не заносчивость и самоувѣренность о. Шавельскаго, граничившія съ невоспитанностью, шокировали меня, а удивляло меня то искусство, съ которымъ этотъ маловѣрующій и ловкій человѣкъ могъ войти въ довѣріе къ столь глубоко религіозному и мистически настроенному Государю и пользоваться чрезвычайнымъ расположеніемъ какъ Его Величества, такъ и Государыни Императрицы.

Православіе для него — мистика... Какая же религія не мистична... Тогда это не религія, а философія...

Священникъ Яковлевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія и бросился мнѣ навстрѣчу съ разспросами...

Какъ, однако, ни было велико мое негодованіе, я, все же, смягчилъ свое впечатлѣніе отъ бесѣды съ протопресвитеромъ: мнѣ было жалко смиреннаго сельскаго пастыря; мнѣ не хотѣлось обнажать предъ нимъ картину дѣйствительности и показывать тѣ черныя пятна, какими эта картина была покрыта...

Но мудрый батюшка и безъ моей помощи многое видѣлъ. Отъ его взора не укрывалось то, чего онъ не ожидалъ увидѣть, и, какъ бы отвѣчая на невысказанныя мною мысли, о. Александръ часто повторялъ:

«Охъ, будетъ горе, будетъ... сами люди накликаютъ его... Вотъ искушеніе... Сама Матерь Божія протягиваетъ имъ Свои Пречистыя руки, а люди того не замѣчаютъ... Теперь и злодѣи, по селамъ, каются, ибо видятъ карающую Десницу Божію; смиряются, проникаются страхомъ Божіимъ; а тутъ самъ протопресвитеръ не боится Бога.»...

Раздался благовѣстъ... Мы направились къ собору.

ГЛАВА X.

Тезоименитство Наслѣдника Цесаревича.

Въ соборъ, по случаю Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, впускали по билетамъ. Я этого не зналъ и билета не имѣлъ; но его замѣнилъ мой придворный мундиръ, благодаря которому меня пропустили безпрепятственно. Богослуженіе еще не начиналось, но храмъ уже былъ переполненъ.

По лѣвую сторону отъ входа, вдоль стѣны, стояли гражданскія власти города и чины судебнаго вѣдомства; по правую — должностныя лица Ставки, впереди которыхъ было отведено особое мѣсто для свиты Государя.

Увидя меня, Е. И. Махароблидзе быстро подбѣжалъ ко мнѣ и указалъ мнѣ мѣсто среди лицъ Государевой свиты.

Священника Яковлева онъ провелъ въ алтарь къ протопресвитеру. Я увидѣлъ подлѣ себя великихъ князей Георгія Михаиловича и Дмитрія Павловича, министра Двора графа В. Б. Фредерикса, Дворцоваго коменданта генерала В. Н. Воейкова, графа А. Н. Граббе и др. Впереди всѣхъ прочихъ стоялъ генералъ М. В. Алексѣевъ, а за нимъ генералъ Пустовойтенко. Проявляя большую распорядительность, Е. И. Махароблидзе носился по собору, подбѣгая то къ одному сановнику, то къ другому, указывалъ мѣста, устанавливалъ порядокъ.

Я искалъ глазами чудотворный образъ Матери Божіей.

На прежнемъ мѣстѣ его не было.

Улучивъ моментъ, я спросилъ Е. И. Махароблидзе, куда поставили образъ.

«А вотъ здѣсь» — отвѣтилъ онъ: «вчера еще успѣли сдѣлать подставку»...

Дѣйствительно, пройдя нѣсколько шаговъ къ срединѣ храма, я увидѣлъ икону: она была установлена на подставку и подвинута вправо, къ южнымъ дверямъ иконостаса, однако, все же, стояла сбоку, на значительномъ разстояніи отъ средины храма, и не привлекала ничьего вниманія. Можно было подумать, что этотъ образъ, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ иконъ, разставленныхъ въ храмѣ, принадлежалъ собору и давно уже стоитъ на томъ мѣстѣ...

Оглянувшись случайно, я замѣтилъ, среди стоявшихъ по лѣвой сторонѣ собора чиновъ судебнаго вѣдомства, одного изъ своихъ бывшихъ товарищей по Кіевской 2-ой гимназіи, гдѣ я учился до перехода своего въ Коллегію П. Галагана... Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, онъ стоялъ въ густой толпѣ и чрезъ головы окружавшихъ жадно разсматривалъ меня съ ногъ до головы и ловилъ каждое движеніе, желая обратить на себя мое вниманіе...

Когда то онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ моего класса и очень возносился своими отмѣтками, а теперь — членомъ Могилевскаго Окружного Суда и ... являлъ собою типичную фигуру провинціальнаго судебнаго чина...

«Колесо фортуны...», подумалъ я. «Еще не кончился твой бѣгъ... Сегодня я наверху, а завтра будетъ, можетъ быть, онъ... Кто же изъ насъ очутится наверху, когда колесо перешагнетъ порогъ, отдѣляющій небо и землю, и навѣки остановится!»...

«Заступись за насъ, Матерь Божія, когда Господь будетъ судить насъ на Страшномъ Судѣ Своемъ... Нужно будетъ подойти къ нему, послѣ службы» — пронеслось въ моемъ сознаніи...

Вдругъ все стихло.

Настала торжественная минута.

Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, Государь медленно входилъ въ соборъ. За Государемъ шелъ Наслѣдникъ... Сотни глазъ слѣдили за Ихъ движеніями, точно въ первый разъ видѣли Царя...

Началась литургія, какую совершалъ протопресвитеръ Шавельскій, въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ, въ томъ числѣ и съ священникомъ Яковлевымъ... Не прошло и получаса, какъ литургія кончилась, и на средину храма вышелъ архіепископъ Константинъ для молебна о здравіи Августѣйшаго Именинника. Я не сводилъ глазъ съ Государя и мысленно спрашивалъ себя, знаетъ ли Государь о прибытіи святынь въ Ставку, или еще не знаетъ, и передалъ ли протопресвитеръ Шавельскій Его Величеству содержаніе моей утренней бесѣды съ нимъ, или скрылъ ее отъ Государя.

«Вчера, за всенощной, чудотворный образъ Богоматери былъ поставленъ протопресвитеромъ на полъ, въ углу у праваго клироса» — говорилъ я себѣ — «и Государь могъ и не замѣтить его... Но сегодня образъ уже установленъ на подставку и нѣсколько выдвинутъ впередъ. Если Государь подойдетъ къ образу и приложится къ нему, значитъ — протопресвитеръ сообщилъ Государю о святынѣ; а если не приложится и пройдетъ мимо, значитъ — ничего не сообщалъ...» И я, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Государя и боялся пропустить моментъ.

Молебенъ кончился.

Раздалось Царское многолѣтіе.

Стоя на амвонѣ у Царскихъ вратъ, архіепископъ Константинъ, держа обѣими руками крестъ, благословлялъ во всѣ стороны стоявшихъ въ храмѣ.

Государь и Наслѣдникъ подошли къ кресту и, медленно сойдя съ амвона, направились къ выходу, даже не взглянувъ на чудотворный образъ Богоматери...

Такъ же, какъ и вчера, Е. И. Махароблидзе бѣжалъ впереди и быстро распахнулъ боковыя двери храма.

Государь уѣхалъ.

Провожая глазами Государя, я мысленно спрашивалъ себя: «зачѣмъ протопресвитеръ такъ горько обидѣлъ Государя и Наслѣдника; зачѣмъ не сказалъ, что чудотворный образъ Матери Божіей, точно по особому произволенію Божію, прибылъ въ Ставку ко дню Ангела Цесаревича?.. Развѣ Государь могъ бы пройти мимо этой великой святыни, если бы зналъ, что она находится въ храмѣ, если бы зналъ, съ какою цѣлью она прибыла въ Ставку, если бы зналъ о всѣхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ мою командировку... Бѣдный Царь!.. Всѣ пресмыкаются, раболѣпствуютъ; но именно самые ближайшіе къ Царю люди, болѣе другихъ взысканные Царскими ми-

лостями, оказываются самыми недостойными этихъ милостей, найбольшими измѣнниками и предателями... Вездѣ ложь, вездѣ лицемѣріе, предательство и измѣна»...

И предо мною воскресали картины Харьковскаго крестнаго хода, тѣ слезы и молитвы, съ какими провожали святую икону, шествовавшую въ Ставку во исполненіе повелѣнія Матери Божіей для спасенія Россіи.

Вслѣдъ за Государемъ, стали покидать соборъ и лица Свиты Его Величества. Я улучилъ моментъ и, подойдя къ Дворцовому Коменданту, сказалъ ему:

«Еще вчера я прибылъ сюда по повелѣнію Ея Величества; а между тѣмъ никакъ не могу добиться ни аудіенціи у Его Величества, ни, хотя бы, доклада Государю о прибытіи привезенныхъ мною святынь въ Ставку. Государь и до сихъ поръ не знаетъ объ этомъ»...

«Обратитесь къ протопресвитеру» — лаконически отвѣтилъ генералъ В. Н. Воейковъ.

«Еще вчера обращался, но протопресвитеръ, повидимому, ни о чемъ не докладывалъ Его Величеству» — отвѣтилъ я.

«Вы, вѣрно, получите приглашеніе къ Высочайшему завтраку: тогда сами обо всемъ разскажете»...

«Но кто же передастъ мнѣ такое приглашеніе, когда никому неизвѣстно о моемъ пріѣздѣ?» — спросилъ я, недоумѣвая...

«Пришлютъ въ гостинницу», отвѣтилъ мнѣ на ходу генералъ Воейковъ и скрылся въ толпѣ.

Я былъ до крайности раздосадованъ. Всѣ куда то спѣшили, ни у кого не было времени, и никто ничего не зналъ.

Идти снова къ протопресвитеру, послѣ моей утренней бесѣды съ нимъ, я не могъ себя заставить; идти въ гостинницу наводить справки о приглашеніи къ Высочайшему завтраку, въ то время, когда никто не зналъ, въ какой гостинницѣ я остановился, было также безсмысленно... Я рѣшилъ дождаться выхода изъ храма священника Яковлева и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать къ архіепископу Константину и просить помощи Владыки... До завтрака оставалось еще больше часу, и я надѣялся, что архіепископъ будетъ приглашенъ къ Высочайшему столу и тогда обо всемъ подробно разскажетъ Его Величеству. У выхода собора меня ждалъ мой бывшій товарищъ по гимназіи. Я перебросился съ нимъ нѣсколькими любезными словами, подивились мы оба, что съ того времени прошло почти 30 лѣтъ, незамѣтно промелькнувшихъ, и разошлись въ разныя стороны, оставляя на память взаимные привѣты.

Черезъ десять минутъ священникъ Яковлевъ и я входили въ покои архіепископа Могилевскаго.

ГЛАВА XI.

Архіепископъ Константинъ.

Архіепископа Константина я зналъ давно и нерѣдко встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ. Это былъ одинъ изъ немногихъ Преосвященныхъ съ университетскимъ образованіемъ, принявшій иночество по убѣжденію, что сразу сказывалось въ каждомъ его движеніи, и что особенно влекло меня къ нему.

По этимъ движеніямъ я почти безошибочно опредѣлялъ настроеніе Преосвященныхъ, съ коими встрѣчался.

Тѣ изъ нихъ, для которыхъ иночество было лишь фундаментомъ ихъ духовной карьеры, какъ то очень быстро распоясывались, когда достигали предѣльныхъ ступеней: переставали слѣдить за своей внутренней жизнью, смѣшивались съ настроеніями окружавшихъ ихъ лицъ и особенно внимательно слѣдили за правилами и требованіями свѣтскаго обихода. Наоборотъ, тѣ, кто въ иночествѣ видѣлъ найлучшій способъ возношенія души къ Богу, путь къ нравственному усовершенствованію и очищенію, тѣ, не обращая вниманія на мірскіе обычаи и условности, относились къ себѣ съ удвоеннымъ вниманіемъ и вкладывали въ каждое свое слово и дѣйствіе мысль о той отвѣтственности, какую они взяли на себя, давая иноческіе обѣты Богу.

И, чѣмъ ближе къ закату склонялась ихъ жизнь, тѣмъ строже они были къ себѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе и внимательнѣе они относились къ своему иноческому долгу, тѣмъ больше сказывалась пройденная ими иноческая школа.

Архіепископъ Константинъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. . . Въ его движеніяхъ сказывались не только пріемы хорошо воспитаннаго человѣка, но и эта школа, наложившая на него отпечатокъ работы надъ собою, нѣжной привѣтливости и благодушія; а умные глаза его говорили, что все на свѣтѣ суета, и напрасны всѣ тревоги и огорченія, и ничего этого не нужно. . .

Владыка только что вернулся изъ собора и, направляясь въ столовую пить чай, пригласилъ и насъ съ собою.

Я подробно разсказалъ о цѣли своего пріѣзда въ Ставку, объ отношеніи протопресвитера Шавельскаго и, въ заключеніе, выразивъ сожалѣніе, что не предувѣдомилъ заблаговременно Владыку о своемъ пріѣздѣ, убѣждалъ Преосвященнаго въ точности выполнить повелѣніе Святителя Іоасафа и подробно донести обо всемъ Его Величеству.

«Если бы и предувѣдомили, то я бы, все равно, ничего не могъ сдѣлать» — отвѣтилъ мнѣ упавшимъ голосомъ Владыка: «Мы забываемъ даже, что находимся въ Ставкѣ; занимаемся

нашими обычными епархіальными дѣлами; Государя видимъ рѣдко... Позовутъ къ Царю — идемъ; а нѣтъ — сами не смѣемъ являться... Таковъ уже заведенный здѣсь порядокъ. Шавельскій — здѣсь все... Онъ безотлучно при Государѣ, и завтракаетъ, и обѣдаетъ, и вечера тамъ проводитъ; а я и мой викарій — мы въ сторонѣ, развѣ только въ высокоторжественные дни увидимъ Государя въ соборѣ, или къ завтраку, иной разъ, позовутъ... Вотъ и сегодня — Тезоименитство Наслѣдника Цесаревича, а я не знаю, буду ли приглашенъ къ Высочайшему завтраку, или обѣду»...

«Неужели Вы не получили приглашенія? Кто же разскажетъ Царю о прибывшихъ въ Ставку святыняхъ!» — съ отчаяніемъ въ голосѣ спросилъ я архіепископа.

«Не знаю» — съ грустью отвѣтилъ Владыка.

«Владыка, это совершенно невозможно» — сказалъ я: «Вы должны видѣть Государя, если не за завтракомъ, то послѣ завтрака, среди дня, когда хотите, но поѣхать къ Царю Вы обязаны; это Вашъ архипастырскій долгъ; иначе Вы прогнѣваете Святителя Іоасафа... Государь долженъ знать все, о чемъ я разсказалъ Вамъ сейчасъ... Кромѣ Васъ никто не разскажетъ объ этомъ Государю. Протопресвитеръ этого не сдѣлаетъ; меня къ Царю не пускаютъ; дворцовый комендантъ посылаетъ меня къ о. Шавельскому; а о. Шавельскій даже слышать не хочетъ объ иконахъ и говоритъ, что ему некогда заниматься пустяками. Что же будетъ?! Я боюсь за Россію... Такое отношеніе къ повелѣнію Святителя Іоасафа не можетъ кончиться добромъ»...

Архіепископъ глубоко вздохнулъ и, безнадежно махнувъ рукой, сказалъ мнѣ, съ любовью:

«И понимаю Васъ, и сочувствую Вамъ, и тревоги сердца Вашего раздѣляю; но таковы уже здѣсь порядки, и я безсиленъ измѣнить ихъ»...

Я понялъ, что означали эти слова...

Архіепископъ Константинъ и его викарій, Преосвященный Варлаамъ, епископъ Гомельскій, не только не играли никакой роли въ Ставкѣ, но и находились подъ гнетомъ всесильнаго протопресвитера Шавельскаго, крайне недружелюбно относившагося къ монашеству вообще... Во избѣжаніе треній, они оба сторонились отъ Г. І. Шавельскаго, какъ сторонились отъ него и всѣ прочіе епископы, не скрывавшіе, притомъ, и непріязни къ нему...

При всемъ томъ, я отвѣтилъ архіепископу:

«Нужно было бы начинать очень издалека, чтобы объяснить ту отчужденность между Царемъ и епископатомъ, какая существуетъ теперь... Раньше было не такъ... Раньше ближайшими совѣтниками Царя были служители Церкви, и епи-

скопы шли къ Царю, въ минуту государственной опасности, или наканунѣ важныхъ рѣшенiй, не ожидая, подобно мiрянамъ, аудiенцiй... Да и не подобаетъ архипастырямъ ставить себя, въ отношенiи къ Царю, въ положенiе своихъ пасомыхъ. Неужели Вы думаете, что Государь, который такъ глубоко религiовенъ и такъ тяготится требованiями придворнаго этикета, удивился бы, если бы Вы, помимо о. Шавельскаго, или кого либо иного, прiѣхали бы къ Государю, сославшись на крайне важное, срочное, не терпящее отлагательства, дѣло, и затѣмъ разсказали бы обо всемъ, что отъ меня услышали?.. Государь былъ бы не только благодаренъ Вамъ, но и несомнѣнно выразилъ бы Свое неудовольствiе протопресвитеру Шавельскому, который скрылъ отъ Царя объ этомъ... Вѣдь вопросъ идетъ о спасенiи всей Россiи»...

Не знаю, что отвѣтилъ бы мнѣ архiепископъ, если бы въ этотъ моментъ не раздался въ передней звонокъ. Откуда то выбѣжавшiй служка побѣжалъ открывать дверь... Въ столовую вошелъ протопресвитеръ Шавельскiй и, молча поздоровавшись со всѣми, сѣлъ за столъ. Я посмотрѣлъ на Владыку... На лицѣ его отражались не то робость, не то смущенiе.

Старушка, мать архiепископа, съ которою Владыка жилъ, засуетилась и, предложивъ протопресвитеру стаканъ чаю, поднесла его о. Шавельскому.

Онъ былъ непрiятенъ, сосредоточенъ, непривѣтливъ и угрюмъ. Присутствiе священника Яковлева, видимо, стѣсняло его. Наскоро выпивъ стаканъ чаю, о. Шавельскiй быстро всталъ изъ за стола и вышелъ въ слѣдующую комнату. За нимъ послѣдовалъ архiепископъ... Я остался въ столовой, будучи увѣренъ, что Владыка используетъ прiѣздъ протопресвитера и поддержитъ мое ходатайство о докладѣ Государю по поводу прибывшихъ въ Ставку святынь.

Но почти въ тотъ же моментъ Владыка позвалъ меня и, входя въ прiемный залъ, я услышалъ, какъ протопресвитеръ сказалъ архiепископу:

«Торопитесь, ибо до завтрака осталось десять минутъ»...

Архiепископъ засуетился и быстро вышелъ въ сосѣднюю комнату.

«Вы тоже приглашены къ Высочайшему завтраку» — сказалъ о. Шавельскiй, обращаясь ко мнѣ.

«А священникъ Яковлевъ?» — спросилъ я.

«Неудобно, знаете ... сельскiй священникъ»: отвѣтилъ протопресвитеръ.

Я вспыхнулъ. Возражать было безполезно; однако я сказалъ о. Шавельскому: «Бѣдный батюшка! онъ такъ надѣялся, что увидитъ Государя, и будетъ такъ обиженъ»..

Въ дверяхъ показался архіепископъ въ лентѣ и при звѣздахъ и, вмѣстѣ съ протопресвитеромъ, быстро направился къ выходу.

Я вернулся въ столовую проститься съ матушкой и священникомъ Яковлевымъ. О. Александръ растерянно посмотрѣлъ на меня: мнѣ было до боли жаль его. За эти нѣсколько дней одинаковыхъ ощущеній и переживаній, я такъ сроднился съ нимъ, такъ полюбилъ его...

Быстро спустившись съ лѣстницы, я еще засталъ у подъѣзда Владыку съ протопресвитеромъ... Они никакъ не могли помѣститься въ узкой пролеткѣ, запряженной въ одну лошадь... Было очевидно, что для меня не могло быть мѣста, и я торопливо направился къ губернаторскому дому пѣшкомъ, боясь опоздать къ завтраку.

Обида, нанесенная о. Шавельскимъ достойнѣйшему пастырю церкви, глубокой болью отзывалась во мнѣ...

«Сколько преступленій совершается именемъ Царя» — думалъ я. «Развѣ Матерь Божія не заступится за о. Александра, развѣ такое униженіе Ея вѣрнаго служителя не новый грѣхъ, допущенный о. Шавельскимъ? Здѣсь нѣтъ ни князя, ни сельскаго священника: здѣсь только слуги, выполняющіе повелѣніе Святителя Іоасафа... И, среди нихъ, настоятель того храма, гдѣ пребываетъ чудотворный образъ Матери Божіей — слуга большій... Какая слѣпота духовная и, наряду съ нею, какая гордыня зазнавшагося человѣка!.. Чѣмъ же все это кончится!» — думалъ я.

«А это приглашеніе къ Высочайшему завтраку?.. Если бы протопресвитеръ не встрѣтилъ меня, случайно, за десять минутъ до завтрака, у архіепископа, то какимъ образомъ я бы могъ попасть на этотъ завтракъ?!. Не могъ, вѣдь, онъ передавать мнѣ приглашеніе на завтракъ безъ вѣдома Государя, или лицъ, составляющихъ списки приглашаемыхъ къ Высочайшему столу... Значитъ, протопресвитеръ зналъ, что я включенъ въ этотъ списокъ на сегодняшній день... Но тогда, почему же онъ не сообщилъ мнѣ объ этомъ ни за утренней бесѣдою, ни въ соборѣ, послѣ окончанія богослуженія?.. Развѣ онъ зналъ, что я поѣду къ архіепископу, и онъ застанетъ меня у Владыки?.. Ясно мнѣ, что Сама Матерь Божія хочетъ, чтобы я лично передалъ Государю повелѣніе Святителя Іоасафа... и я это сдѣлаю»: такъ думалъ я, подходя къ губернаторскому дому.

Въ передней толпились приглашенные къ завтраку и затѣмъ поднимались во второй этажъ. Я послѣдовалъ за ними.

———————

ГЛАВА XII.

Высочайшій завтракъ.

Въ небольшомъ пріемномъ залѣ губернаторскаго дома, примыкавшемъ съ одной стороны къ кабинету Государя, а съ другой — къ столовой, собрались уже всѣ приглашенные къ завтраку, въ числѣ не болѣе 15 человѣкъ. Здѣсь были министръ Двора, графъ В. Б. Фредериксъ, генералы Алексѣевъ, Воейковъ, князь Долгорукій, Пустовойтенко, одинъ генералъ съ польской фамиліей, о которомъ въ Петербургѣ говорили, какъ объ измѣнникѣ и предателѣ, флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ, Могилевскій губернаторъ Пильцъ, вице-губернаторъ князь Друцкой-Сокольнинскій и еще нѣсколько неизвѣстныхъ мнѣ лицъ...

Всѣ были въ походной формѣ, при орденахъ, и только одинъ англичанинъ, котораго называли то репортеромъ какой то англійской газеты, то агентомъ англійской миссіи при Ставкѣ, былъ одѣтъ болѣе чѣмъ запросто, въ мягкой сѣрой рубахѣ, съ огромнѣйшимъ цвѣтнымъ галстухомъ, покрывавшимъ даже ремневый поясъ, коимъ онъ былъ сильно перетянутъ... Такъ одѣваются обыкновенно играющіе въ футболъ или теннисъ.

Всѣ стояли полукругомъ, противъ дверей кабинета Государя, причемъ лѣвое крыло полукруга примыкало къ дверямъ столовой, а правое касалось противоположной стѣны и упиралось почти въ самую дверь кабинета Его Величества. Я стоялъ въ концѣ праваго крыла... Въ залѣ царило гробовое молчаніе. Переговаривались шепотомъ, и только одинъ протопресвитеръ Шавельскій, точно умышленно желая подчеркнуть свои исключительныя привилегіи, старался держать себя не только свободно, но и развязно, переходя отъ одного сановника къ другому и заводя громкій разговоръ, какой, однако, ни съ кѣмъ не завязывался... Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ смотрѣли на дверь Царскаго кабинета, какая должна была ежеминутно раскрыться...

Томительное ожиданіе длилось не долго.

Въ дверяхъ показались Государь и Наслѣдникъ.

Подойдя къ моему сосѣду, Государь молча протянулъ ему руку и затѣмъ приблизился ко мнѣ...

По выраженію глазъ Государя я угадалъ, что Государь узналъ меня...

Привѣтливо протянувъ Свою руку, Государь пристально посмотрѣлъ на меня и такъ же молча подошелъ къ слѣдующему. За Государемъ шелъ Наслѣдникъ, повторяя каждое движеніе Отца, и, очаровательно улыбаясь, протянулъ мнѣ свою маленькую руку.

Я не зналъ, на кого смотрѣть: на Государя ли и Его характерныя движенія, въ коихъ сказывалось столько породы и царственнаго благородства, или на Наслѣдника, Который былъ въ праздничномъ настроеніи и съ трудомъ удерживался, чтобы не разсмѣяться, и Который Своимъ появленіемъ какъ то сразу измѣнилъ атмосферу сдержанности, царившую въ залѣ, послѣ чего всѣ почувствовали себя увѣреннѣе и свободнѣе.

Молча обойдя всѣхъ стоявшихъ въ залѣ, Его Величество прослѣдовалъ въ столовую. Это была небольшая, продолговатая комната; за столомъ могло помѣститься не болѣе 20 человѣкъ. Здѣсь уже находились великіе князья Георгій Михайловичъ и Димитрій Павловичъ. Государь подошелъ къ закусочному столику, гдѣ на первомъ мѣстѣ красовалась мать всѣхъ закусокъ — селедка, и гдѣ, кромѣ нея, кажется, ничего не было больше.

Вслѣдъ за Государемъ, стали занимать мѣста и остальные.

По правую руку Государя сидѣлъ генералъ Алексѣевъ; за нимъ великій князь Димитрій Павловичъ, архіепископъ Константинъ, какой то неизвѣстный мнѣ генералъ и протопресвитеръ Шавельскій.

По лѣвую руку — Наслѣдникъ Цесаревичъ, затѣмъ великій князь Георгій Михаиловичъ, рядомъ съ нимъ незнакомый мнѣ генералъ, подлѣ котораго было мое мѣсто, а дальше — вицеадмирала Карцова и еще какихъ то военныхъ.

Противъ Государя сидѣли министръ Двора, графъ В. Б. Фредериксъ, генералы Воейковъ, князь Долгорукій, Пустовойтенко и др...

Всѣ сидѣли молча, изрѣдка, вполголоса переговариваясь съ сосѣдями.

Только Государь оживленно бесѣдовалъ съ генераломъ Алексѣевымъ, причемъ отъ моего взора не укрылось то исключительное расположеніе, какое Государь питалъ къ Своему Начальнику Штаба, и которымъ генералъ Алексѣевъ впослѣдствіи такъ безсовѣстно злоупотребилъ.

Я увидѣлъ генерала Алексѣева впервые только въ Ставкѣ, а раньше не зналъ его: на меня онъ произвелъ вполнѣ отрицательное впечатлѣніе. Его блуждающіе, маленькіе глаза, смотрѣвшіе изподлобья, бѣгали по сторонамъ и всегда чего то искали, точно высматривали что либо. Я не понималъ, почему онъ былъ окруженъ такимъ всеобщимъ поклоненіемъ... Можетъ быть, онъ и былъ цѣннымъ для Ставки человѣкомъ; но его внѣшность, такъ же какъ и внѣшность генерала Рузскаго, не располагала къ нему и не вызывала довѣрія, тѣмъ больше симпатіи. Оба эти генерала казались мнѣ людьми себѣ на умѣ, и въ движеніяхъ ихъ не замѣчалось благородства, того неуловимаго нѣчто, что отличаетъ искреннихъ и простосердечныхъ людей...

Внимательно слѣдя за бесѣдою Государя съ генераломъ Алексѣевымъ, я сопоставлялъ мягкія, полныя изысканной учтивости, движенія Государя съ рѣзкими, угловатыми движеніями Алексѣева, возмущаясь тѣмъ, какъ могъ генералъ Алексѣевъ, сдѣлавшійся генералъ-адъютантомъ Государя, не усвоить себѣ обычныхъ требованій воспитанности и не знать того, что отвѣчать собесѣднику, имѣя во рту не пережеванную еще пищу, считается, при всякихъ условіяхъ, неприличнымъ...

Свободнѣе всѣхъ держалъ Себя за столомъ Наслѣдникъ. Онъ искренно, по дѣтски, веселился и шалилъ, и Государь не разъ останавливалъ Его. Сидѣвшій же рядомъ съ Наслѣдникомъ великій князь Георгій Михаиловичъ только и дѣлалъ, что укрощалъ безудержную веселость Цесаревича...

Завтракъ былъ очень скромный и короткій... Подъ конецъ подали шампанское. Тостовъ не было, но Наслѣдникъ, перемигиваясь съ сидѣвшими за столомъ, приглашалъ выпить за Его здоровье и дѣлалъ это такъ уморительно, все время оглядываясь на Государя, что мы всѣ любовались Имъ.

Что за прелестный ребенокъ былъ Онъ! Сколько непосредственности и искренности, сколько безграничной ласковости и привѣтливости сказывалось въ каждомъ Его движеніи... Не было въ Немъ ничего дѣланнаго, ничего привитаго пріемами этикета...

Я разговаривалъ все время съ своимъ сосѣдомъ, вице-адмираломъ Карцовымъ, съ которымъ, менѣе чѣмъ чрезъ полтора года, встрѣтился при исключительно трагической обстановкѣ, въ министерскомъ павильонѣ Государственной Думы, куда въ первый же день революціи 1917 года были заключены, арестованные Временнымъ Правительствомъ, министры и другіе сановники...

Въ припадкѣ остраго помѣшательства, вице-адмиралъ Карцовъ пронзилъ себя тогда насквозь штыкомъ, выхваченнымъ имъ у караульнаго солдата, и отвѣтнымъ выстрѣломъ часового едва не былъ убитъ...

Вскорѣ былъ поданъ кофе, каждому на отдѣльномъ изящномъ серебрянномъ приборѣ. Государь закурилъ папиросу, послѣ чего стали курить и другіе. Завтракъ кончился.

Вставъ изъ за стола, Государь перекрестился и затѣмъ вышелъ въ залъ.

За Государемъ вышли всѣ остальные и въ прежнемъ порядкѣ выстроились полукругомъ противъ двери кабинета Его Величества.

Мое мѣсто оказалось на этотъ разъ въ срединѣ полукруга, противъ Государя, стоявшаго въ центрѣ, у стѣны...

Глаза Государя и мои встрѣтились, и Его Величество, съ привѣтливой улыбкой, подходилъ ко мнѣ...

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу...

Глаза всѣхъ стоявшихъ въ залѣ устремились на меня...

Я чувствовалъ на себѣ взоръ протопресвитера Шавельскаго, слѣдившаго за каждымъ моимъ движеніемъ.

ГЛАВА XIII.

Бесѣда съ Государемъ Императоромъ.

«Я помню Васъ, когда Вы были у Меня въ первый разъ, въ Царскомъ Селѣ, незадолго предъ прославленіемъ Святителя Іоасафа» — сказалъ мнѣ Государь, привѣтливо протягивая руку.

«И въ этотъ разъ я имѣю счастье представляться Вашему Императорскому Величеству по милости Святителя Іоасафа» — отвѣтилъ я.

Что же теперь — подумалъ я — ожидать новыхъ вопросовъ, заставлять Государя выдумывать новыя темы разговора?.. И это будетъ называться соблюденіемъ придворнаго этикета... Я зналъ, до чего Государь тяготился необходимостью подыскивать темы разговора съ мало знакомыми лицами и какъ былъ доволенъ, когда видѣлъ предъ Собою человѣка, не связаннаго условностями придворнаго этикета, и слышалъ его непринужденную рѣчь... Не могъ я забыть и впечатлѣній отъ первой аудіенціи, когда, вопреки даннымъ мнѣ наставленіямъ, обязывавшимъ меня отвѣчать только на вопросы Государя, я подробно разсказывалъ о Святителѣ Іоасафѣ и вызвалъ у Государя живѣйшій интересъ къ разсказу. И, хотя меня очень связывало присутствіе постороннихъ лицъ, зорко слѣдившихъ за мною и вслушивавшихся въ каждое произнесенное мною слово, хотя я и видѣлъ, что протопресвитеръ Шавельскій не спускаетъ съ меня глазъ и точно гипнотизируетъ меня, однако предметъ бесѣды былъ столь важенъ, а убѣжденіе, что никто, кромѣ меня, не скажетъ Царю правды, было столь велико, что я, не обращая вниманія на окружавшихъ, не ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ Государя, сказалъ Его Величеству:

«Я прибылъ въ Ставку еще вчера, по повелѣнію Ея Величества»...

«Какъ... Вы пріѣхали по порученію Императрицы?.. Я ничего не зналъ. Мнѣ никто ничего не сказалъ» — удивился Государь.

Вотъ моментъ разоблачить дѣйствія о. Шавельскаго — подумалъ я. Совершенно очевидно, что Государыня, получивъ докладъ графа Ростовцова уже послѣ моего отъѣзда въ Ставку,

не успѣла предувѣдомить Государя о моей командировкѣ; а отъ протопресвитера Шавельскаго, или отъ кого либо другого, Государь узналъ лишь о моемъ пріѣздѣ, но зачѣмъ я пріѣхалъ, и чѣмъ былъ вызванъ мой пріѣздъ — не зналъ. Однако я удержался отъ того, чтобы дать выходъ своему недоброму чувству къ протопресвитеру, и сказалъ Государю: «Да, Ваше Величество, и, если Вы разрѣшите, то я разскажу, чѣмъ вызвано повелѣніе Императрицы»...

«Да, да, разскажите. Я долженъ знать объ этомъ» — живо отвѣтилъ Государь.

«Въ одной изъ моихъ книгъ, какія я имѣлъ счастье поднести Вашему Величеству на первой аудіенціи, помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ Святитель Іоасафъ обрѣлъ чудотворный образъ Матери Божіей, тотъ самый, какой, по повелѣнію Ея Величества, я привезъ вчера въ Ставку. Однажды Святитель увидѣлъ во снѣ очень запущенный, ветхій храмъ, гдѣ производился ремонтъ и гдѣ, въ углу, среди кучи сора, были свалены разныя иконы... Отъ одной изъ нихъ, озаренной необычайнымъ сіяніемъ, исходилъ ослѣпительный лучъ свѣта, и Святитель, приблизившись къ иконѣ, услышалъ гласъ: «смотри, что сдѣлали съ Моей иконою служители алтаря сего... По особому произволенію Господа, эта икона является источникомъ благодати для веси сей и всей страны, а, между тѣмъ, остается въ такомъ поруганіи»... Внѣшній видъ храма глубоко запечатлѣлся въ памяти Святителя: при слѣдующихъ объѣздахъ своей епархіи, Святитель пристально всматривался въ каждую церковь, отыскивая ту, какую видѣлъ во снѣ, пока не нашелъ ее въ селѣ Пескахъ, Изюмскаго уѣзда.

Вѣсть объ обрѣтеніи чудотворной иконы быстро разнеслась повсюду, и Песчанскій образъ Божіей Матери скоро сдѣлался извѣстнымъ во всей Россіи, изливая на вѣрующихъ обильныя чудеса милости Божіей, что удостовѣряется, между прочимъ, и тѣми драгоцѣнностями, коими украшена эта, стоящая въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ, икона.

Вотъ эту то икону, вмѣстѣ съ Владимірской иконою Божіей Матери — материнскимъ благословеніемъ Святителя на иночество — и приказалъ Святитель Іоасафъ доставить на фронтъ, явившись одновременно одному благочестивому старцу, живущему въ селѣ Пескахъ, и полковнику О., бывшему тогда на фронтѣ... Это было еще въ прошломъ году; но мало кто повѣрилъ такому явленію Святителя»...

«Это всегда такъ» — сказалъ Государь: «теперь вѣрующихъ мало»...

«Но, давая такое повелѣніе» — продолжалъ я — «Святитель Іоасафъ сказалъ въ то же время, что эта война послана Господомъ въ наказаніе людямъ за грѣхи ихъ, и что только

одна Матерь Божія можетъ теперь спасти Россію, и что нужно, чтобы святыя иконы — крестнымъ ходомъ прошли бы вдоль фронта...

Втеченіе свыше года полковникъ О. добивался, чтобы исполнили повелѣніе Святителя, но безуспѣшно. Только 4-го Сентября этого года ему удалось сдѣлать свой докладъ на Общемъ Собраніи Братства Святителя Іоасафа въ Петроградѣ и найти людей, которые ему повѣрили. Узнавъ объ этомъ, я, чрезъ гофмейстерину Е. А. Нарышкину, довелъ о содержаніи доклада до свѣдѣнія Ея Величества, и Государынѣ Императрицѣ было угодно повелѣть мнѣ доставить святыни въ Ставку»...

«Ничего объ этомъ Я не зналъ» — сказалъ Государь, выслушавъ мой разсказъ — «благодарю Васъ»...

Затѣмъ, помолчавъ нѣкоторое время и точно обдумывая что то, Государь спросилъ меня:

«Какъ долго Вы думаете оставить святыни въ Ставкѣ?»...

«Это зависитъ отъ усмотрѣнія Вашего Величества» — отвѣтилъ я.

«А когда престольный праздникъ Песчанскаго храма?» — спросилъ Государь.

«Лѣтомъ» — отвѣтилъ я.

«Пожалуй это будетъ долго: не хотѣлось бы Мнѣ лишать народъ утѣшенія на Рождественскихъ праздникахъ и въ эти великіе дни оставлять Песчанскій храмъ безъ его святыни... Оставьте иконы до праздниковъ, а въ серединѣ Декабря пріѣзжайте за ними и отвезите ихъ обратно» — сказалъ Государь, протягивая мнѣ руку.

Пропустивъ нѣсколькихъ лицъ, стоявшихъ подлѣ меня, Государь подошелъ къ англичанину и вступилъ съ нимъ въ оживленную бесѣду на англійскомъ языкѣ... Потому ли, что англичанинъ держался очень бойко, потому ли, что разговоръ велся на иностранномъ языкѣ, но только Государь чувствовалъ Себя свободнѣе и очень непринужденно и весело бесѣдовалъ съ англичаниномъ, который громко смѣялся и заражалъ своимъ смѣхомъ и Государя.

Затѣмъ Государь подошелъ къ архіепископу Константину, и здѣсь произошла неловкость. Архіепископъ не рѣшился начать разговоръ, а Государь не нашелся, что сказать смущенному Владыкѣ. Томительная минута молчанія разрѣшилась тѣмъ, что Государь принялъ благословеніе архіепископа и молча отошелъ отъ него, послѣ чего удалился въ Свой кабинетъ.

Глядя на эту нѣмую сцену, я думалъ:

«Мое ли дѣло было говорить Государю о томъ, о чемъ я говорилъ?.. Это долженъ былъ сдѣлать архіепископъ, или протопресвитеръ, а не я. И не на общемъ пріемѣ, стоя, когда приходится ловить каждую минуту, сокращая разсказъ до

послѣдней возможности, оставляя многое неподчеркнутымъ, не выясненнымъ, а въ частной бесѣдѣ съ Государемъ, наединѣ, при условіяхъ, которыя позволили бы Государю вникнуть въ разсказъ, спокойно обдумать его и вынести Свое рѣшеніе. Развѣ мыслимо втеченіе нѣсколькихъ минутъ разсказать все то, что переживалось годами!.. Если бы архіепископъ взялъ на себя эту задачу, то не вышло бы неловкости, не пришлось бы тогда Владыкѣ ожидать вопросовъ Государя и, притомъ, въ тотъ самый моментъ, когда Владыка могъ и долженъ былъ бы сказать только одну фразу, прося Государя принять его послѣ завтрака, наединѣ... Тогда бы у Государя получилось полное и ясное представленіе о нарисованной мною бѣглыми штрихами картинѣ, и Государь могъ бы глубже проникнуться значеніемъ того повелѣнія Божьяго, какое, устами Святителя Іоасафа, было возвѣщено людямъ... А еще лучше было бы, если бы Владыка, или протопресвитеръ, заранѣе подготовили бы Государя, ознакомивъ Его Величество съ главнымъ и предоставивъ мнѣ ограничиться лишь подробностями... Въ предѣлахъ своихъ возможностей, я, какъ мнѣ казалось, сдѣлалъ все, что могъ... Но у меня не было увѣренности, что Государь получилъ изъ моего краткаго разсказа именно то впечатлѣніе, какое бы обезпечило должное отношеніе къ словамъ Святителя Іоасафа... Тема разсказа была трудная, а моментъ еще труднѣе...

Начался разъѣздъ.

Наслѣдникъ, между тѣмъ, оставался въ залѣ и, не обращая вниманія на присутствовавшихъ, весело рѣзвился, подбѣгая то къ одному, то къ другому, и съ избыткомъ вознаграждалъ отсутствіе Отца, предъ Которымъ, все же, на людяхъ, стѣснялся.

Я искренно любовался и восхищался Имъ и тою непосредственностью, какая была Имъ унаслѣдована отъ Государя. Это былъ уже большой мальчикъ, однако совершенно далекій отъ сознанія того положенія, какое готовила Ему жизнь... Въ Немъ не было ничего дѣланнаго и искусственнаго, никакихъ намековъ на тщеславіе... Его движенія отражали не только безоблачную чистоту, но и задушевность, сердечность и простоту, и говорили о тѣхъ методахъ воспитанія, какіе примѣнялись Его мудрою Матерью, озабоченной прежде всего нравственной стороною воспитанія Своихъ дѣтей...

Простившись съ Наслѣдникомъ, я вышелъ изъ залы, торопясь въ гостинницу, гдѣ меня ожидалъ священникъ А. Яковлевъ.

Разсказавъ о. Александру о своихъ впечатлѣніяхъ, я снова уѣхалъ въ городъ, чтобы сдѣлать визиты епископу Варлааму Гомельскому, губернатору и вице-губернатору, и въ тотъ же день, вечеромъ, вмѣстѣ съ священникомъ А. Яковлевымъ, покинулъ Ставку.

ГЛАВА XIV.

Возвращеніе въ Петроградъ.

На вокзалѣ я разстался съ священникомъ А. Яковлевымъ. Онъ уѣхалъ въ одну сторону, я — въ другую. Сердечно простился я съ о. Александромъ до новой встрѣчи въ Декабрѣ. Ѣдущихъ было мало; оставшись въ купе, я погрузился въ тяжелыя думы...

Гдѣ, собственно, происходитъ война и съ кѣмъ — думалъ я... Съ нѣмцами, на передовыхъ позиціяхъ фронта, или въ Ставкѣ?!. Неужели же нѣтъ никого, кто бы не видѣлъ, что происходитъ въ дѣйствительности!..

Въ Ставкѣ нѣтъ ни одного человѣка, способнаго понять глубокую натуру Государя. Если не всѣми, то значительнымъ большинствомъ религіозность Государя объясняется «мистикой», и люди, поддерживающіе вѣру и настроеніе Государя — въ загонѣ... Государь не только одинокъ и не имѣетъ духовной поддержки, но и въ опасности, ибо окруженъ людьми чуждыхъ убѣжденій и настроеній, хитрыми и неискренними... Даже архіепископъ Константинъ, умный и хорошій человѣкъ, является на общемъ фонѣ только зрителемъ, и, по свойству своего характера, тихаго и робкаго, неспособнаго къ борьбѣ, не играетъ никакой роли въ Ставкѣ. А его викарій, епископъ Варлаамъ, даже не видитъ Царя и въ высокоторжественные дни...

Между тѣмъ борьба была нужна...

На этомъ гладкомъ фонѣ, полированномъ внѣшней субординаціей, гдѣ все, казалось, трепетало имени Царя, все склонялось, раболѣпствовало и пресмыкалось, шла закулисная, ожесточенная борьба еще болѣе ужасная, чѣмъ на передовыхъ позиціяхъ фронта... Тамъ была борьба съ нѣмцами, здѣсь — борьба между «старымъ» и «новымъ», между вѣковыми традиціями поколѣній, созданными религіей, — и новыми вѣяніями, рожденными теоріями соціализма, между слезами и молитвами шедшихъ за Харьковскимъ крестнымъ ходомъ и тѣмъ, что нашло такое яркое отраженіе въ словахъ протопресвитера Шавельскаго: «некогда заниматься пустяками»... Я осязательно почувствовалъ весь ужасъ положенія и тѣмъ больше, что самая война казалась мнѣ ненужной и, сама по себѣ, являлась побѣдою этого «новаго», къ чему такъ неудержимо стремились тѣ, кто ее вызвалъ, и за которыми такъ легкомысленно шли всѣ отвернувшіеся отъ «стараго».

На что же надѣются эти «новые» люди!..

Неужели они искренно не вѣрятъ тому, что судьбы міра и человѣка дѣйствительно въ рукахъ Божіихъ, и что это не

фраза, а непреложный фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ исторія міра; что всѣ ихъ измышленія, соображенія, планы и расчсты — все это только игра въ карточные домики, тѣмъ болѣе рискованная, чѣмъ больше они ей вѣрятъ...

Если даже духовному вождю арміи и флота «некогда заниматься пустяками», т. е. молиться Богу, просить заступничества Матери Божіей, то что же говорить объ остальныхъ?! На кого же надѣются эти люди?! Куда же они ведутъ Царя и Россію?!

Молитвенный подъемъ былъ и останется единственнымъ импульсомъ, двигающимъ человѣчество навстрѣчу его благу; всѣ завоеванія человѣческаго генія, въ чемъ бы ни находили своего выраженія, на полѣ ли брани, въ тиши ли кабинета, связывались съ вознošеніемъ духа къ небу; все получало свое начало изъ того источника, который отрывалъ, въ эти моменты, человѣка отъ земли и уносилъ его въ заоблачную сферу, въ ту самую область, какую эти самонадѣянные и гордые люди окрестили именемъ «мистицизмъ», забывая, что внѣ этого «мистицизма» только пошлость, только земля, и нѣтъ ни науки, ни поэзіи, ни музыки, ни художества, ни всего того, что возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка и такъ неразрывно связывается съ религіей...

На чемъ же будетъ держаться армія?..

Отвлеченныя понятія о долгѣ и патріотизмѣ чужды ея пониманію... Русская армія была сильна только своею вѣрою, а безъ нея это не армія, а сборище злодѣевъ и разбойниковъ... Или вожди этого не знаютъ?.. Неужели они не понимаютъ, что стоило бы чудотворному образу Божіей Матери показаться въ крестномъ ходѣ на фронтѣ, чтобы, возрожденная духомъ, армія сдѣлала бы чудеса?.. Или, зная это, они не желаютъ побѣды?.. Если Харьковскій крестный ходъ явилъ такую потрясающую картину религіознаго подъема, какой не забудетъ никто, кто эту картину видѣлъ, то что же было бы на фронтѣ, предъ лицомъ непосредственной опасности?..

Исчезла куда то вѣра... Нѣтъ ея ни у пастырей, ни у пасомыхъ...

А безъ нея — все ничто...

И никогда еще будущее Россіи не рисовалось мнѣ столь грознымъ и тревожнымъ, какъ въ эти моменты моего личнаго соприкосновенія съ людьми и настроеніями, царившими въ Ставкѣ...

«Богъ поругаемъ не бываетъ... Быть бѣдѣ!» — носилось въ моемъ сознаніи.

Печально было и мое свиданіе съ протоіереемъ А. І. Маляревскимъ.

«Бѣдный Государь, бѣдный Государь» — восклицалъ о. протоіерей, слушая мой разсказъ: «Да, свершается воля Господня. А мы, съ Вами, сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ... И потрудились, и поустали, и перестрадали»...

«А, все же, батюшка — сказалъ я — вотъ я и домой уже вернулся; а нѣтъ у меня, и теперь даже, увѣренности въ томъ, что выполнилъ я свою миссію такъ, какъ бы слѣдовало ее выполнить... Можетъ быть, если бы не я, а кто нибудь другой, поважнѣе меня, поѣхалъ бы въ Ставку, то съ нимъ и разговаривали бы иначе, чѣмъ со мною... Я тамъ почти никого не зналъ, да и проталкиваться впередъ никогда не умѣлъ... А можетъ быть и соизволенія Божьяго не было»...

«Увидимъ послѣ, Богъ Самъ покажетъ» — отвѣтилъ какъ то особенно выразительно протоіерей Маляревскій: «теперь же садитесь за докладъ Ея Величеству, да и Оберъ-Прокурора не забудьте; и ему обо всемъ разскажите»...

ГЛАВА XV.

Докладъ Графу Я. Н. Ростовцову.

Мысль о докладѣ Ея Величеству даже не являлась мнѣ...

Я имѣлъ въ виду только личный докладъ графу Я. Н. Ростовцову и, наскоро заготовивъ отчетъ о путевыхъ издержкахъ, отправился къ графу въ Зимній Дворецъ. Это было 9-го Октября 1915 года, на другой день по возвращеніи моемъ изъ Ставки.

Съ большимъ вниманіемъ выслушалъ графъ мой разсказъ, переживая вмѣстѣ со мною скорбныя впечатлѣнія...

«Особенно тяжело было видѣть этотъ контрастъ между проводами святынь изъ Харькова и встрѣчею ихъ въ Ставкѣ» — говорилъ я: «признаюсь, я совершенно упустилъ изъ виду день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича и вспомнилъ о немъ лишь 4-го Октября, подъѣзжая къ Могилеву. Согласно маршруту, я долженъ былъ пріѣхать въ Ставку 6-го Октября; но въ Бѣлгородѣ, вмѣсто того, чтобы пробыть сутки, я оставался только нѣсколько часовъ и успѣлъ въ тотъ же день выѣхать въ Харьковъ, куда икона прибыла тоже днемъ раньше, чѣмъ предполагалось... Святыня, точно по особому произволенію Божію, прибыла въ Ставку къ самому дню Ангела Цесаревича, за четверть часа до начала всенощной въ соборѣ; а ее никто даже не встрѣтилъ... Ни за всенощной, ни на другой день, за обѣдней, Государь и Наслѣдникъ даже не приложились къ иконѣ, ибо ничего не знали о ней... Протопресвитеръ Шавель-

скій даже не предувѣдомилъ Государя... Развѣ это не вызовъ Богу...

А между тѣмъ въ Ставкѣ царитъ такая увѣренность въ побѣдѣ, какая вызывала и сейчасъ вызываетъ во мнѣ самое безграничное недоумѣніе... На чемъ же строютъ люди свои расчеты, если считаютъ «пустяками» обращеніе къ Богу и Матери Божіей за помощью?! Вѣдь они совершаютъ двойное преступленіе и противъ Бога, и противъ Царя, такъ глубоко религіознаго, такъ искренно возлагающаго Свои упованія на Господа Бога.»..

Не удержалось у меня въ памяти то, что высказалъ графъ Ростовцовъ по поводу моего разсказа... Я излагаю факты дѣйствительности, а не вымыслы, и предпочитаю опускать факты, не сохранившіеся въ памяти, чѣмъ искажать ихъ. Помню лишь, что, когда, вручивъ свой отчетъ объ израсходованной мною ассигновкѣ на поѣздку въ Ставку, я сталъ откланиваться, то графъ удержалъ меня, сказавъ:

«Не лучше ли бы было, если бы Вы сдѣлали личный докладъ Ея Величеству... Я бы испросилъ Вамъ аудіенцію... Вы были въ Ставкѣ, видѣли Государя и Наслѣдника, могли бы разсказать о своихъ впечатлѣніяхъ... Императрица такъ безпокоится о здоровьѣ Наслѣдника, что была бы только рада услышать свѣжія вѣсти изъ Ставки, тѣмъ болѣе такія утѣшительныя, какъ Вами привезенныя...

«Да, Наслѣдникъ, слава Богу, выглядываетъ превосходно» — отвѣтилъ я — «но это единственная радостная вѣсть, какую бы я могъ сообщить Ея Величеству... Все прочее очень нерадостно и только бы огорчило Императрицу... Вѣдь скрыть отъ Государыни правду, умышленно умолчать о главномъ, не сказать того, что, по моимъ наблюденіямъ, только одинъ Государь стоитъ на вѣрномъ фундаментѣ, всѣ же прочіе сошли съ этого фундамента и повернулись спиною къ Богу и неизвѣстно на кого и на что надѣются, я бы не могъ... А какой удѣльный вѣсъ въ глазахъ Ея Величества могли бы имѣть мои слова?.. Получилось бы впечатлѣніе сплетни... Но и помимо этихъ соображеній, я не могу отрѣшиться и отъ общихъ, какія высказывалъ Вамъ предъ своимъ отъѣздомъ въ Ставку... Моя аудіенція у Императрицы подастъ только лишній поводъ къ кривотолкамъ... Хорошо еще, что Распутина я не видѣлъ уже пять лѣтъ; иначе бы сказали, что и командировку въ Ставку я получилъ чрезъ его посредство... Нѣтъ, графъ, усердно прошу Васъ, разскажите сами Ея Величеству обо всемъ, что нужно; а я бы хотѣлъ остаться въ сторонѣ.»..

«Хорошо, князь; какъ разъ сегодня, въ 2 часа дня, я долженъ быть съ докладомъ у Ея Величества и доложу о Вашемъ

возвращеніи... Но мнѣ, все же, казалось бы, что Вамъ слѣдовало бы поѣхать въ Царское» — сказалъ графъ Ростовцовъ.

Обѣщаніе графа освободить меня отъ аудіенціи ободрило меня, и я сказалъ въ заключеніе:

«Кромѣ всего прочаго, не могу Вамъ не признаться, что великосвѣтскія дамы всегда наводили на меня панику... Я чувствовалъ на себѣ ихъ устремленный взоръ, видѣлъ, что онѣ гораздо болѣе слѣдили за тѣмъ, кто какъ ступитъ, какъ повернется и себя держитъ, чѣмъ за тѣмъ, что имъ разсказывалось, и это меня всегда до крайности связывало и стѣсняло, и я даже боюсь ѣхать къ Императрицѣ»...

Графъ улыбнулся и, привѣтливо пожимая мою руку, сказалъ:

«Такъ всѣ говорятъ, кто ни разу не видѣлъ Ея Величества... Тамъ одна простота и сердечность.»

Простившись съ графомъ, я поѣхалъ въ Государственную Канцелярію...

ГЛАВА XVI.

Въ Государственной Канцеляріи.

Отношеніе протопресвитера Шавельскаго къ святынѣ вызвало осужденіе со стороны и тѣхъ моихъ сослуживцевъ, міросозерцаніе которыхъ даже не соприкасалось съ областью мистическаго.

«Печальное, но, къ сожалѣнію, обычное явленіе» — сказалъ одинъ изъ нихъ:

«Психологія духовныхъ сановниковъ всегда казалась мнѣ странной. По мѣрѣ движенія вверхъ по ступенямъ іерархической лѣстницы, они старались все глубже проникать въ донынѣ чуждую имъ среду, приноравливаться и приспособляться къ ней, и все болѣе заражались мірскими настроеніями, удалялись отъ вѣры, а затѣмъ и перестали даже выносить вѣрующихъ мірянъ. Они забывали, при этомъ, что, стремясь къ одной цѣли, достигали какъ разъ противоположную... Развѣ «духовный сановникъ» не есть нѣчто взаимно другъ друга исключающее!.. И неужели ленты и звѣзды на рясѣ могутъ кому нибудь импонировать!.. Онѣ только унижаютъ рясу... И насколько простенькій, смиренный батюшка, если онъ, къ тому же, сельскій, въ заброшенномъ какомъ нибудь селѣ, притягательнѣе пышныхъ Владыкъ»...

«А митрополитъ Макарій?» спросилъ я.

«Святые въ счетъ не идутъ» — отвѣтилъ онъ — «и, притомъ, развѣ къ нему идутъ потому, что онъ митрополитъ Московскій... Къ нему идутъ, потому что онъ — Макарій»...

«Это вѣрно» — отвѣтилъ я: «митрополитъ Макарій великій праведникъ, и, глядя на него, я не знаю, чему удивляться, безмѣрному ли милосердію Божію, являющему въ наши дни такихъ людей, или безмѣрной гордынѣ и слѣпотѣ человѣка, не замѣчающаго ихъ... Вѣрно и то, что Вы говорите о духовныхъ сановникахъ, между которыми люди, подобные митрополиту Макарію, всегда составляли исключеніе... Но мнѣ кажется, что къ этимъ сановникамъ и нельзя подходить съ общими мѣрками: они воплощаютъ собою церковно-государственную власть, какая налагаетъ на нихъ массу разнородныхъ внѣшнихъ обязанностей, заставляетъ противъ воли соприкасаться съ міромъ и заражаться мірскимъ настроеніемъ... Тамъ же, гдѣ они, по высотѣ своей настроенности, не соприкасаются съ внѣшностью, тамъ, говорятъ, упущенія въ дѣлахъ, тамъ жалобы... Посмотрите, какъ преслѣдуютъ митрополита Макарія, какъ его гонятъ, какъ насильно стаскиваютъ его съ высоты, на которой онъ стоитъ... И это дѣлаютъ даже тѣ, кто не отрицаетъ его святости, дѣлаютъ въ искренномъ убѣжденіи, что митрополитъ Макарій глубокій старецъ и, не разбираясь въ дѣлахъ, впадаетъ въ ошибки... И никому изъ этихъ гонителей не придетъ мысль, что точки зрѣнія святого не могутъ совпадать съ обычными точками зрѣнія, что здѣсь не старость, а мудрость, до которой еще нужно дорости, чтобы понять ее; что люди до того далеко ушли отъ этой мудрости, что перестали ее узнавать, перестали понимать... Нѣтъ, вопросъ гораздо глубже...

Великое несчастіе въ томъ, что не всѣ пастыри могутъ быть Макаріями; однако центръ, все же, не въ этомъ мѣстѣ, не въ томъ, что пастыри плохи, а въ томъ, что міросозерцаніе всего человѣчества оторвалось отъ своей религіозной основы, что разорвалась нить, связывающая небо и землю, и нѣтъ потребности связать ее; что духъ времени побѣждаетъ духа вѣчности, что утрачена вѣра въ безсмертіе и загробную жизнь... Отсюда всѣ бѣды и несчастія каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ... Отсюда это «некогда заниматься пустяками», иначе — молиться Богу, глумленіе надъ явленіями высшаго порядка, пренебреженіе къ голосу Божьему... Нужно вернуться и повернуть жизнь къ ея религіозному центру, къ ея источнику — Богу. Тогда все станетъ яснымъ и понятнымъ; тогда не будутъ называть съумасшедшими тѣхъ, кого называютъ сейчасъ за то, что они не порвали съ этимъ центромъ; тогда другими станутъ и наши идеалы, одухотворится жизнь, люди перестанутъ говорить на разныхъ языкахъ»... Обратите вниманіе на тѣ слагаемыя, изъ которыхъ теперь составляется челов-

ческая мысль, требующая общаго признанія. Тамъ не только трафареты, но и трафареты преступные: тамъ теоріи, черпающія свои корни въ талмудѣ и ведущія къ одной цѣли — уничтоженію христіанства. И эти теоріи добросовѣстно изучаются и проводятся въ жизнь близорукими христіанами; на этихъ теоріяхъ зиждятся наука и литература; эти теоріи заложены въ основу государственныхъ преобразованій, составляютъ фундаментъ прессы, руководящей общественнымъ мнѣніемъ и направляющей ее въ заранѣе намѣченное русло. Это называется «прогрессомъ»; въ порабощеніи христіанскаго міра юдаизмомъ сказывается движеніе впередъ, къ которому такъ лихорадочно стремятся всѣ, кто боится прослыть отсталымъ; а попытки охранить вѣковыя начала христіанской культуры осуждаются какъ невѣжество, какъ возвращеніе къ «старому», къ предразсудкамъ, якобы созданнымъ темнотою и суевѣріемъ, какое изъ корыстныхъ цѣлей поддерживается «попами»... Развѣ Вы не замѣчаете, что теперь христіанину стало даже стыдно признаваться въ томъ, что онъ христіанинъ, что онъ еще вѣренъ Богу и считаетъ себя обязаннымъ выполнять заповѣди Божіи!.. Нѣтъ, дѣло не только въ недостаткахъ пастырей, а въ самомъ духѣ времени, отравленномъ гонителями христіанства. Здѣсь уже не единичные грѣхи и преступленія, а массовая хула на Духа Святаго, что не простится»...

«Конечно» — отвѣтилъ мой сослуживецъ — «главное въ этомъ; но, все же, на общемъ фонѣ безвѣрія нѣтъ болѣе уродливаго явленія, какъ безвѣріе духовенства, и особенно его высшихъ представителей... Я почти не встрѣчалъ вѣрующихъ архіереевъ»...

Я невольно разсмѣялся и сказалъ: «это уже Вы перехватили; все же, слава Богу, пастыри, подобные о. Шавельскому, составляютъ исключеніе»... Однако, сказавъ это, я вспомнилъ свою бесѣду съ митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ и заключительныя слова этой бесѣды: «чѣмъ ближе узнаете нашихъ Владыкъ, тѣмъ дальше отъ нихъ будете»...

Я сталъ прощаться...

«Куда же Вы такъ скоро?»..

«Завтра нужно быть у Оберъ-Прокурора, и я спѣшу написать краткую докладную записку» — отвѣтилъ я.

«Развѣ и А. Н. Волжину нуженъ отчетъ о Вашей поѣздкѣ, зачѣмъ?» — удивился мой сослуживецъ.

«Нѣтъ, не отчетъ, а наброски по нѣкоторымъ вѣдомственнымъ мѣропріятіямъ: онъ просилъ меня помочь ему»...

«О, простота и наивность!» — воскликнулъ мой товарищъ: «неужели Вы и въ самомъ дѣлѣ ему вѣрите?!..»

«Почему же не вѣрить?» — спросилъ я удивленно — «почему я долженъ вездѣ и всегда видѣть лицемѣріе и ко-

варство? Я всегда всѣмъ вѣрю. . . Вѣдь Вы не станете бросаться съ кулаками на перваго встрѣчнаго, котораго Вы не знаете, и который ничѣмъ Васъ не обидѣлъ. . . Вы не сдѣлаете этого, можетъ быть, и при встрѣчѣ съ Вашимъ врагомъ. . . Не то же ли самое и здѣсь? . . Вѣдь, не довѣряя другому, относясь къ его словамъ какъ къ звукамъ, не имѣющимъ значенія, питая подозрѣніе, я вѣдь первымъ оскорбляю его, наношу ему обиду... Для чего же я буду это дѣлать?! . .»

«Для того, чтобы не попадаться впросакъ и, въ лучшемъ случаѣ, не очутиться въ смѣшномъ положеніи. . . Этого требуетъ житейская мудрость и ничего больше» — отвѣтилъ мнѣ простодушно мой сослуживецъ: «Развѣ Васъ мало обманывали? Нельзя же всѣхъ считать своими преданными друзьями». . .

«А я всегда всѣхъ считалъ и буду считать друзьями, доколѣ они не докажутъ противнаго, ибо лучше всѣмъ вѣрить, чѣмъ никому не вѣрить» — отвѣтилъ я.

«Напрасно. . . Знаете ли Вы, какой помощи ожидаетъ А. Н. Волжинъ отъ Васъ?» . .

«Какой?» — спросилъ я.

«Ему просто хочется узнать отъ Васъ біографіи Синодальныхъ чиновниковъ; а о вѣдомственныхъ реформахъ онъ даже не вспомнитъ въ разговорѣ съ Вами, тѣмъ болѣе, что Вы скоро будете его замѣстителемъ, и онъ это чувствуетъ.»

Я остолбенѣлъ. . . Это былъ первый слухъ о моемъ назначеніи, неизвѣстно откуда вышедшій, кѣмъ и съ какими цѣлями распространяемый. Я, съ удивленіемъ, посмотрѣлъ на своего собесѣдника и сказалъ ему:

«Вотъ до чего великъ гипнозъ, рождаемый «слухами». . . Вы вѣрно даже не подмѣтили того, какое противорѣчіе заключается въ Вашихъ словахъ. . . Если новый Оберъ-Прокуроръ дѣйствительно собирается покидать свой постъ, чрезъ мѣсяцъ послѣ своего назначенія, то зачѣмъ же ему наводить справки о своихъ подчиненныхъ, да еще у того, кого онъ считаетъ своимъ будущимъ замѣстителемъ. . . Если же онъ интересуется такими справками, значитъ и не думаетъ объ отставкѣ. . . Вы повторяете такія нелѣпости, какія будутъ имѣть только тотъ результатъ, что вызовутъ недовольство моего начальства и осложнятъ мое положеніе среди моихъ сослуживцевъ. . . Развѣ помощники Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта, да еще сверхштатные, назначались когда либо министрами?» . .

«А вотъ увидите. . . Вывезетъ редакція церковныхъ законовъ Россійской Имперіи» — отвѣтилъ мой сослуживецъ.

«Такой редакціи даже не существуетъ» — сказалъ я: «кодификаціей церковныхъ законовъ я занимаюсь лишь между дѣломъ. . . Мое же дѣло — редакція Полнаго Собранія Законовъ той же Имперіи, тотъ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода,

куда никто не шелъ, и гдѣ мои предшественники сидѣли по 40 лѣтъ на одномъ мѣстѣ... Знаете ли Вы, что когда мнѣ предложили завѣдываніе этой заколдованной редакціей, то мои друзья отговаривали меня, говоря, что я испорчу свою служебную репутацію, ибо туда шли найменѣе способные люди?.. Но я принялъ назначеніе, ибо эта редакція, освобождая меня отъ всякаго рода совѣщаній и засѣданій, давала мнѣ больше свободнаго времени, нужнаго мнѣ для совершенно другихъ дѣлъ... Одно Бари требуетъ поѣздокъ заграницу два раза въ годъ, а, кромѣ Бари, у меня и много другихъ внѣслужебныхъ занятій... Развѣ мое начальство не знаетъ объ этомъ и развѣ будетъ поддерживать мое движеніе впередъ?! Потому то я и занимаю «сверхштатную» должность... Нѣтъ, съ моего мѣста далеко не уѣдешь: гдѣ сядешь, тамъ и слѣзешь.»..

«Сѣсть то Вы точно сѣли въ яму; но слѣзете въ Синодѣ» — отвѣтилъ онъ.

Откуда эти слухи, кто распускаетъ ихъ? — думалъ я, прощаясь съ своимъ сослуживцемъ... Въ 3 часа я уже былъ дома и съ увлеченіемъ принялся за докладную записку Оберъ-Прокурору. Работа интересовала меня; закончивъ ее, я остался ею доволенъ, что не всегда случалось со мною...

Словамъ своего сослуживца о лицемѣріи и коварствѣ А. Н. Волжина я не придалъ никакого значенія.

ГЛАВА XVII.

Думы.

Было 8 часовъ вечера. Въ тяжеломъ раздумьѣ сидѣлъ я одиноко въ своемъ кабинетѣ. Картины прошлаго, какъ звенья невидимой цѣпи, воскресали въ моей памяти. И на общемъ фонѣ неяснаго и туманнаго, неразгаданнаго и непонятнаго, я улавливалъ точно Невидимую Руку, какая боролась со мною, разрушала всѣ мои планы и расчеты, сворачивала съ пути, на которомъ я стоялъ, и переставляла на другой, требовала подчиненія, не считаясь съ моей волей, съ моими желаніями...

Прошло уже 10 лѣтъ съ того дня, когда я, противъ воли своей, разстался съ деревней, съ должностью Земскаго Начальника, съ которой такъ сроднился, которая причиняла мнѣ такъ много страданій и, въ тоже время, давала такъ много чистыхъ радостей... Какъ тяжела была эта разлука, какъ ненуженъ переѣздъ въ столицу, гдѣ все было чужимъ для меня, гдѣ я былъ для всѣхъ чужой!.. Какимъ преступленіемъ казалось мнѣ бросить начатое дѣло, уйти оттуда, гдѣ я былъ такъ нуженъ

крестьянамъ, гдѣ было столько начатаго и незаконченнаго дѣла... Но все было противъ меня, начиная съ отца, толкавшаго меня въ Петербургъ, глубже меня понимавшаго дѣйствительность и не раздѣлявшаго моихъ идейныхъ заблужденій... И въ Маѣ 1905 года я былъ причисленъ къ Государственной канцеляріи... Чуждая среда, чужіе люди, чужое дѣло... Безмѣрная тоска и томленіе... Поиски выхода... Бесѣды со старцами...

А осенью того же года разразилась революція: горѣли помѣщичьи усадьбы, вѣсти съ родныхъ мѣстъ были одна ужаснѣе другой и.. я повѣрилъ старцу, сказавшему мнѣ: «не скорби, былъ бы убитъ; а Богъ вездѣ»...

Прошелъ годъ... Снова тоска и томленіе духа; рвалась душа къ живому дѣлу, задыхалась въ блестящихъ стѣнахъ Маріинскаго дворца, не выносила канцелярской работы, противилась самому существу ея...

Куда идти... Или обратно въ деревню, гдѣ не было коллизій, гдѣ нравственный и служебный долгъ жили въ дружбѣ; или туда, куда идутъ не потерявшіе вѣры въ загробную жизнь, куда, съ ранняго дѣтства, стремилась моя душа, боявшаяся обнаружить свою тайну... Пусть такой выходъ кажется дикимъ, пусть монашество признается привилегіей простого народа, пусть еще думаютъ такъ; но придетъ часъ, когда перестанутъ такъ думать, когда поймутъ, что внѣ Бога нѣтъ жизни, что міръ оторвался отъ своего религіознаго центра и катится въ бездну, увлекая за собою живущихъ; что истинная жизнь не въ достиженіяхъ и созиданіяхъ, а въ чистотѣ помысловъ, въ честности съ самимъ собою, въ гармоніи духа, въ томъ, чего нельзя достигнуть, живя въ міру, гдѣ побѣждаютъ натискъ и злоба, и гдѣ нѣтъ мѣста слабымъ, не умѣющимъ бороться.

«Спасай душу, пока не поздно» — услышалъ я внутренній голосъ и, какъ ни мучительна была борьба съ внѣшностью и ея вліяніями, я раззорилъ свое гнѣздо и, порвавъ связи съ Петербургомъ и службою,.. бросился на Валаамъ.

Страшно было думать дальше... Одна ужасная картина смѣнялась другою, еще болѣе ужасною... Выборгъ, бесѣда съ архіепископомъ Сергіемъ Финляндскимъ, его изумленіе и отзывы о «мужицкомъ царствѣ», Сердоболь, замерзшее Ладожское озеро, прерванное сообщеніе съ Валаамомъ, возвращеніе въ Петербургъ и кошмарный ночлегъ въ «Финляндской гостинницѣ», бѣгство въ Зосимову Пустынь, къ старцамъ Герману и Алексѣю, отъѣздъ въ Кіевъ, свиданіе съ родителями, драмы, скорби, упреки и.. обратное возвращеніе въ Петербургъ, водвореніе у пріютившей меня бабушки Аделаиды Андреевны Горленко...

Здѣсь наступилъ перерывъ испытаній... Здѣсь было много солнца; святая старица горѣла огнемъ вѣры, примирила меня съ міромъ, послала мнѣ навстрѣчу протоіерея А. І. Маляревскаго, дала мнѣ дѣло, какое заставляло меня забыть всѣ перенесенныя скорби и поглотило все мое время, всѣ мои мысли — дѣло Св. Іоасафа — коимъ она жила, о которомъ всю жизнь свою мечтала...

Такъ кончился 1906 годъ, годъ муки и терзаній...

Наступилъ ужасный Январь 1907 года.

Смерть любимаго начальника, Статсъ-Секретаря С. Ф. Раселли; на другой день смерть отца; внезапный отъѣздъ въ деревню на погребеніе отца; снова разрывъ съ Петербургомъ и службою и странствованіе свыше года по Россіи, въ поискахъ матеріаловъ для начатаго труда о Святителѣ Іоасафѣ...

Какъ кротъ, зарылся я глубоко въ свою работу, жилъ въ міру внѣ міра, между чердаками и подвалами покрытыхъ пылью монастырскихъ архивовъ, выпуская въ свѣтъ одну книгу за другой... А Кто то Невидимый точно стоялъ за моей спиною, опрокидывалъ мои планы и расчеты и, когда работа кончилась, привелъ меня не въ келію монастыря, а въ... Царское Село, къ Царю.

А я все еще не понималъ этой невидимой борьбы, все еще продолжалъ просить Бога склониться къ моей волѣ, услышать мои просьбы, исполнить мои желанія, вмѣсто того, чтобы смириться и научиться распознавать волю Божію и просить у Бога силъ ее исполнить...

И, когда кончилось «дѣло Св. Іоасафа», я не зналъ, что дѣлать дальше и куда идти, и искалъ новыхъ выходовъ... На службѣ мнѣ не везло и не могло быть удачи... Частыя отлучки изъ Петербурга и смерть прежняго начальника, за недѣлю до своей смерти обѣщавшаго представить меня къ должности Старшаго дѣлопроизводителя Государственной Канцеляріи, затормозили мое движеніе, а отказъ отъ «кодификаціи« и переходъ въ редакцію Полнаго Собранія Законовъ и совсѣмъ закрылъ мнѣ выходы изъ тупика...

Опять затосковала душа и, забывъ прежніе уроки, стала искать новыхъ компромиссовъ между міромъ и монастыремъ... Такъ возникло «братство Св. Іоасафа», завязались знакомства съ людьми одинаковаго настроенія, съ разными обществами и кружками; здѣсь получила свое начало и та книжка,какую я посвятилъ памяти незабвенной княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой... Могъ ли я когда либо думать, что эта книжка познакомитъ меня съ гофмейстериной Е. А. Нарышкиной и окажетъ услугу въ тотъ именно моментъ, когда помощь гофмейстерины была особенно нужной, и никто, кромѣ нея, не могъ бы оказать ее!

Но и эта жизнь не удовлетворяла меня: атмосфера столичнаго общества давила. Ненужнаго было больше, чѣмъ нужнаго. Моментъ . . и снова бѣгство изъ Петербурга, снова разрывъ съ службою. . . Такъ возникло «Барградское дѣло». . . Подальше отъ міра, подальше отъ людей, думалъ я по пути къ Угоднику Николаю. . . Горячо принялся я за работу, а, когда наладилъ ее, то. . . получилъ придворное званіе, привязавшее меня не только къ міру, но и къ Царю.

И я, въ третій разъ, вернулся въ Государственную Канцелярію и . . на этотъ разъ уже окончательно смирился, отдавъ и себя, и жизнь свою водительству Промысла Божія. . .

Я стоялъ въ сторонѣ отъ себя и сдѣлался только зрителемъ своей собственной жизни, какая стала протекать внѣ моихъ желаній и требованій моей воли. Удачи и неудачи не задѣвали меня, и я разсматривалъ ихъ какъ нѣчто отъ меня независимое; мнѣ казалось страннымъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ полнымъ равнодушіемъ. . . И, чѣмъ больше я всматривался въ свою жизнь, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе замѣчалъ заботы чьей то Невидимой Руки, какая слагала мою жизнь точно по заранѣе намѣченному Ею плану. . . Все раньше непонятное и необъяснимое, всѣ эти отдѣльные ,не связанные между собою факты, такіе ненужные и болѣзненные, все, что причиняло мнѣ такъ много горя и страданій, все это, разсматриваемое въ общей цѣпи звеньевъ, пріобрѣтало не только глубокій смыслъ, но и получало свое объясненіе и приводило къ благу. И мнѣ казалось, что, если бы я не противился этой волѣ, не настаивалъ бы на своей, то не было бы и горя и страданій, источникъ которыхъ вытекалъ изъ этого противленія, изъ недовѣрія къ Богу, изъ личной гордости и самоувѣренности, изъ недостатка смиренія... Съ того момента, когда, промѣнявъ блестящія стѣны Маріинскаго дворца на грязные чердаки и подвалы монастырскихъ архивовъ, я приступилъ къ «дѣлу Св. Іоасафа», съ этого момента вся послѣдующая моя жизнь стала слагаться по плану, точно заранѣе намѣченному Святителемъ Іоасафомъ. . . Всѣ мои знакомства, всѣ такъ называемыя «связи», все, что сблизило меня съ церковно-общественными кругами, примирило меня съ собою, установило душевное равновѣсіе — все это далъ мнѣ Святитель Іоасафъ.

Не Онъ ли, уже два раза приводившій меня къ Царю, хотѣлъ довести теперь и до Царицы; а я упирался и отклонилъ настоянія графа Ростовцова — вдругъ пронеслось у меня въ сознаніи... Можетъ быть, я и въ этотъ разъ не распозналъ Его воли. . .

И эта мысль перепугала меня. . . И не съ кѣмъ было подѣлиться. . .

Вдругъ раздался звонокъ. . . Въ надеждѣ встрѣтить протоіерея А. І. Маляревскаго, я выбѣжалъ въ переднюю. . .

Навстрѣчу шли мой сослуживецъ, помощникъ Статсъ-Секретаря А. И. Балабинъ, и кузенъ, баронъ Р. Ф. Бистромъ.

«Все Вы подъ небесами летаете, да по Царямъ ѣздите» — привѣтствовалъ меня баронъ, а намъ даже не разскажете, гдѣ были и что видѣли»...

«Знаете ли» — отвѣтилъ я — «сколько разъ мнѣ приходилось разсказывать о своей поѣздкѣ... Счетомъ не менѣе двадцати разъ, и въ такомъ порядкѣ. Сначала гофмейстеринѣ Е. А. Нарышкиной, затѣмъ графу П. А. Апраксину, графу Я. Н. Ростовцову, Оберъ-Прокурору Св. Синода А. Н. Волжину, сослуживцамъ по Государственной Канцеляріи, и не всѣмъ сразу, а чуть ли не каждому въ отдѣльности, епископу Бѣлгородскому Никодиму, архіепископу Харьковскому Антонію, Харьковскому губернатору Н. Протасову, священнику А. Яковлеву, протопресвитеру Г. І. Шавельскому, архіепископу Могилевскому Константину, Государю Императору, епископу Варлааму Гомельскому, а сегодня опять другимъ товарищамъ по службѣ... Нѣтъ больше силъ. Спросите кого нибудь изъ этихъ лицъ»...

«А мнѣ и не разсказали» — разсмѣялся баронъ...

«Не разсказалъ, ибо даже не предполагалъ, что Вы можете интересоваться церковными вопросами: наши интересы никогда не попадались другъ другу навстрѣчу»...

«Не скажите — я всегда интересовался «мистикою»...

Въ устахъ барона это было смѣшно: сказавъ это, онъ самъ разсмѣялся...

Неожиданный телефонный звонокъ прервалъ нашу бесѣду...

Было 11½ часовъ вечера; въ этотъ поздній часъ я рѣдко разговаривалъ по телефону. Я подошелъ къ письменному столу и взялъ трубку.

«Не можетъ быть!» — почти вскрикнулъ я отъ волненія...

«Что случилось?» — въ одинъ голосъ спросили меня баронъ и А. И. Балабинъ, увидя полную растерянность на моемъ лицѣ... «Пожаръ, убили кого либо?»..

«Камергеръ Никитинъ сообщаетъ отъ имени графа Ростовцова, что Императрица ожидаетъ меня завтра въ 12 часовъ, и что я долженъ выѣхать въ Царское Село съ поѣздомъ, отходящимъ въ 11½ часовъ утра» — отвѣтилъ я упавшимъ голосомъ...

«Вполнѣ естественно» — отвѣтилъ А. И. Балабинъ: «Вы были въ Ставкѣ по порученію Ея Величества, и понятно, что Императрица не удовлетворилась докладомъ графа Ростовцова, а желаетъ разспросить Васъ о подробностяхъ»...

«Какъ ни упирайтесь, а теперь уже ѣхать нужно» — сказалъ баронъ: «по моему, Вамъ не нужно было отклонять предложенія графа Ростовцова, а слѣдовало представиться Ея Величеству и предъ отъѣздомъ въ Ставку»...

«Я и самъ нашелъ это нужнымъ, но было уже поздно... Можетъ быть, если бы я это сдѣлалъ, то и миссія моя удалась бы больше»...

Гости стали прощаться, оставивъ меня въ крайне угнетенномъ состояніи духа. Не то смущало меня, что злые языки будутъ по своему объяснять Высочайшую аудіенцію у Императрицы, а смущали меня неизвѣстность, при какихъ обстоятельствахъ послѣдовалъ мой вызовъ въ Царское Село, невозможность предварительнаго свиданія съ графомъ Ростовцовымъ, обѣщавшимъ мнѣ не настаивать на аудіенціи; смущало то, что Императрица, къ Которой я питалъ чувства благоговѣйнаго почитанія, могла объяснить мое желаніе уклониться отъ аудіенціи другими причинами и отнести меня къ числу тѣхъ, кто не понималъ Ее и осуждалъ, и избѣгалъ встрѣчи съ Нею...

И еще долго послѣ ухода гостей я оставался наединѣ со своими тяжелыми мыслями и перекрестными вопросами, и не могъ разобраться въ нихъ...

Вдругъ, неожиданно, точно яркій лучъ солнца, озарила меня мысль о томъ, что я вѣдь не только не искалъ этой аудіенціи, а, наоборотъ, всячески уклонялся отъ нея и, если, при всемъ томъ, аудіенція неизбѣжна, значитъ такова воля Божія, а, потому, не нужно ни робѣть, ни смущаться... Эта мысль дала мнѣ такъ много спокойствія и радости... Я вновь увидѣлъ Промыслительную Руку Божію надъ собою и отдавалъ себя Ея водительству.

Такъ кончился день 9-го Октября 1915 года.

ГЛАВА XVIII.

Аудіенція у Ея Величества.

На другой день, въ 11 часовъ утра, я стоялъ уже у желѣзнодорожной кассы Царскосельскаго вокзала... Придворный мундиръ и треуголка обращали на себя вниманіе... Какой то генералъ, въ папахѣ и казачьей формѣ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

«Вы, вѣрно, къ Ея Величеству?»..

«Да», отвѣтилъ я.

«Я тоже; будемъ ѣхать вмѣстѣ» — сказалъ онъ, замѣтно волнуясь.

Я потерялъ его изъ виду, но, занявъ мѣсто въ вагонѣ, снова встрѣтился съ нимъ.

«Вы, вѣрно, часто видѣли Императрицу» — обратился онъ ко мнѣ — «скажете какъ... я, знаете, въ первый разъ».

«Я тоже въ первый разъ», отвѣтилъ я.

Подлѣ насъ, въ вагонѣ, сидѣлъ еще одинъ штатскій, со складной треуголкой въ рукахъ, тоже, очевидно, вызванный къ Ея Величеству.

Онъ пристально всматривался въ меня и затѣмъ сказалъ: «Мы знакомы съ Вами, князь, не узнаете?»..

Я посмотрѣлъ на него, но, какъ ни старался вспомнить, гдѣ его видѣлъ, ничего не могъ вспомнить...

«Я Бѣлецкій, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ» — сказалъ онъ: «Вы были у меня, въ Департаментѣ полиціи, въ бытность мою вице-директоромъ, за кодификаціонными справками... Давно это было, впрочемъ»...

«У Васъ памятъ лучше чѣмъ у меня» — отвѣтилъ я — «теперь вспомнилъ... Вы тоже къ Ея Величеству?»..

«Да» — отвѣтилъ С. П. Бѣлецкій — «и тоже въ первый разъ».

Въ оживленной бесѣдѣ мы не замѣтили, какъ подъѣхали къ перрону Царскосельскаго вокзала, гдѣ три придворныхъ лакея, въ красныхъ ливреяхъ, уже ожидали насъ.

На площади, у подъѣзда Царскаго павильона, стояли три придворныхъ кареты. Въ первую карету сѣлъ казачій генералъ, во вторую — я, въ третью — С. П. Бѣлецкій. Въ этомъ порядкѣ насъ и вызывали къ Императрицѣ. Не успѣли мы войти въ гостинную Ея Величества, какъ тотчасъ же явился придворный лакей и вызвалъ генерала. С. П. Бѣлецкій и я остались въ гостинной и стали осматриваться... Прелестная, свѣтлая, почти квадратная комната была убрана съ большимъ вкусомъ, но очень просто. Стѣны были увѣшаны картинами и портретами, между которыми выдѣлялись небольшого размѣра портретъ Государя, висѣвшій высоко, надъ дверьми, ведущими въ корридоръ, и огромный, во весь ростъ, портретъ Императрицы, поразительнаго сходства и замѣчательной работы. Въ глубинѣ комнаты стояли два рояля въ такомъ положеніи, что сидѣвшіе за роялемъ могли видѣть другъ друга, находясь одинъ противъ другого. Масса маленькихъ столиковъ, диванчиковъ, съ живописно разставленными вокругъ мягкими креслами, дѣлали комнату уютной, несмотря на ея большіе размѣры. Прошло не болѣе 10 минутъ, какъ изъ кабинета Ея Величества вышелъ казачій генералъ и, быстро простившись съ нами, направился, въ сопровожденіи придворнаго лакея, къ выходу. Въ этотъ же моментъ вошелъ въ гостинную другой лакей и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Ея Величество проситъ.»

Я послѣдовалъ за нимъ по направленію къ корридору. У первой двери, направо, стоялъ огромнаго роста негръ, весь въ

бѣломъ, съ бѣлой чалмой на головѣ; когда я подошелъ къ двери, онъ, не сходя съ своего мѣста, быстро и очень ловко раскрылъ ее.

Въ глубинѣ комнаты стояла предо мною Императрица.

Улыбка кротости, смиренія и какой то покорности судьбѣ отражалась на страдальческомъ лицѣ Ея.

Я сдѣлалъ низкій поклонъ и, подойдя къ Ея Величеству, поцѣловалъ протянутую мнѣ руку.

«Я давно уже слышала о Васъ и слѣдила за Вашей работою въ Бѣлгородѣ и Бари и хотѣла познакомиться съ Вами... Садитесь пожалуйста сюда» — встрѣтила меня такими словами Императрица, указывая кресло подлѣ Себя.

Это было сказано такъ просто, такъ естественно, какъ не говорила со мною ни одна изъ тѣхъ свѣтскихъ дамъ столичнаго beau-mond'а, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться... Я сразу почувствовалъ ту искренность, какая дала мнѣ увѣренность въ себѣ и позволила говорить безъ той связанности, какая является, когда нѣтъ увѣренности въ отвѣтной искренности собесѣдника. Впрочемъ, и съ внѣшней стороны, Императрица не была похожа на этихъ дамъ. Ея поношенное, темно-лиловое платье было не первой свѣжести и не отвѣчало требованіямъ моды; длинная нитка жемчуга вокругъ шеи, спускавшаяся до пояса, была единственнымъ украшеніемъ туалета; но главное, что отличало Императрицу отъ дамъ большого свѣта, было это отсутствіе напыщенности и рисовки, чистота и непосредственность движеній, отсутствіе заботы о производимомъ впечатлѣніи... Я видѣлъ предъ собою простую, искреннюю, полную безконечнаго доброжелательства, женщину, кроткую и смиренную...

«Гдѣ же эта надменность и высокомѣріе?» — пронеслось въ моемъ сознаніи въ этотъ моментъ моей первой встрѣчи съ Государыней.

«Вы были въ Ставкѣ» — сказала Императрица, однако такимъ тономъ, который говорилъ, что вопросъ предложенъ только между прочимъ и не является главнымъ. И, дѣйствительно, когда я сталъ разсказывать о своихъ впечатлѣніяхъ, начавъ прежде всего говорить о Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, то Императрица прервала меня, сказавъ:

«Да, да, Я знаю; теперь Онъ здоровъ и чувствуетъ Себя лучше»...

Упоминаніе о Ставкѣ дало иной ходъ мыслямъ, и Императрица, точно обращаясь къ Самой Себѣ, воскликнула съ неподдѣльной горечью и страданіемъ:

«Ахъ, эта ужасная война! сколько гибнетъ молодыхъ жизней, сколько вокругъ горя и страданій»...

«И тѣмъ болѣе ужасно, что и поводовъ для войны нѣтъ» — отвѣтилъ я: «Это война между Франціей и Германіей, на русской почвѣ, задуманная Англіей, которая всегда боялась нашей дружбы съ нѣмцами»...

Сказавъ это, я очень смутился, сознавая, что, быть можетъ, мнѣ не слѣдовало, при первой встрѣчѣ съ Императрицею, говорить столь же откровенно, какъ говорятъ люди давно знающіе другъ друга... Но тонкости дипломатическихъ ухищреній, составляющихъ объемистый кодексъ правилъ этикета, не давались мнѣ; я говорилъ о томъ, что думалъ, и смутился не потому, что пожалѣлъ о своей искренности, а потому, что не былъ увѣренъ, какъ отнесется къ ней Государыня Императрица.

Ея Величество посмотрѣла на меня чрезвычайно добрыми глазами и затѣмъ сказала:

«Россія, вѣдь, всегда попадала въ такія положенія»...

Этотъ отвѣтъ мгновенно вернулъ мнѣ спокойствіе, и мои глаза сказали Императрицѣ: «какъ, однако глубоко Вы понимаете милую, но глупую Россію»...

«Мы ничего не можемъ сдѣлать безъ союзниковъ» — продолжала Императрица — «мы связаны со всѣхъ сторонъ и, что ужаснѣе всего, не имѣемъ мира внутри государства... Эти непонятныя отношенія между Церковью и государствомъ, и въ такое время, когда такъ нужны взаимное пониманіе и поддержка... Церковь и государство точно враги стоятъ другъ противъ друга; линіи церковной и государственной жизни разошлись въ разныя стороны... Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нужно думать о томъ, чтобы сблизить эти линіи, ввести ихъ въ общее русло... Вѣдь у Церкви и государства общія задачи, общія цѣли; откуда же это раздѣленіе, эта вражда?! Что нужно сдѣлать, какъ Вы думаете?.. Объясните Мнѣ, разъясните»...

Менѣе всего я былъ подготовленъ къ такимъ сложнымъ государственнымъ вопросамъ, и они застали меня врасплохъ.

«Ваше Величество» — отвѣтилъ я — «и вражда между Церковью и государствомъ, и война, со всѣми ея ужасами, вытекаютъ изъ одного источника... Источникъ этотъ чрезвычайно глубокъ и коренится въ нѣдрахъ Библейскихъ временъ; но, разливаясь на поверхности и отравляя своимъ ядомъ всю вселенную, этотъ источникъ оставляетъ самые разнообразные слѣды, и нужно умѣть не только замѣчать, но и различать ихъ... Наружность ихъ обманчива, привлекательная внѣшность скрываетъ смертельный ядъ. Однимъ изъ этихъ слѣдовъ, однимъ изъ величайшихъ обмановъ современности, является идея парламентаризма, враждебная идеѣ государства, провозгласившая принципъ коллективной мысли. Коллективной мысли вообще не существуетъ... Есть вождь, и есть толпа,

слѣпо повинующаяся своему вождю и идущая за нимъ. Такимъ вождемъ является Царь, Помазанникъ Божій, и тогда Онъ ведетъ за Собою народъ по путямъ закона Божьяго и низводитъ на Свой народъ благодать Божію... Такимъ вождемъ можетъ быть президентъ республики, который ведетъ народъ свой по путямъ закона человѣческаго, и тогда страна раздирается всевозможными партійными раздорами, и благодать Божія отходитъ отъ народа и его вождя. Такимъ вождемъ можетъ быть и всякій другой человѣкъ, кто, идя навстрѣчу инстинктамъ народныхъ массъ, используетъ эти инстинкты для своихъ корыстныхъ цѣлей... Подрывъ священныхъ устоевъ Самодержавія начался давно, но никогда не исходилъ изъ толщи народной, а всегда отъ отдѣльныхъ злонамѣренныхъ лицъ... Манифестъ 17-го Октября 1905 года объ учрежденіи Государственной Думы былъ вырванъ изъ рукъ Царя небольшой горстью этихъ злонамѣренныхъ лицъ, запугавшихъ правительство угрозою революціи. Это былъ только обычный пріемъ съ цѣлью ограничить Самодержавныя права Монарха и свести Россію съ ея историческаго пути на путь парламентарный.

А это послѣднее требовалось для объединенія революціонной дѣятельности. Народъ же никогда не мечталъ о представительномъ строѣ и всегда оставался вѣренъ Царю... Съ момента своего возникновенія Дума, прикрываясь именемъ народа, стала въ оппозицію къ Царю и Его правительству... Иначе и быть не могло, ибо въ этомъ ея задача. Сейчасъ не только Церковь, но и государство въ тискахъ Думы... Дума — очагъ революціи... Ее нужно разогнать, упразднить. Пока же этого не будетъ сдѣлано, до тѣхъ поръ никакія реформы ни въ области государственной, ни, тѣмъ болѣе, въ области церковной, невозможны...

Для реформъ нужны кредиты, но Дума ихъ не отпуститъ...»

Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слушала Императрица мои слова, а, по выраженію глазъ Ея Величества, я видѣлъ, что повторяю только собственныя мысли Государыни... И, когда я остановился, то Императрица сказала мнѣ:

«Вотъ, вотъ, это какъ разъ то, о чемъ я всегда говорю... Ахъ, эта Дума, какой это ужасъ... Но неужели же нельзя ничего сдѣлать теперь же, сейчасъ... Можетъ быть, пока война кончится, были бы возможны хотя бы частичныя реформы въ церковной области... Какія?.. Во время войны такъ трудно предпринимать что либо крупное»...

«Такой частичной реформой было бы изъятіе Церкви изъ вѣдѣнія Думы; но и для этого потребовался бы актъ Высочайшей воли Монарха, указъ Самодержца. Интересы правительства и Думы противоположны... Члены Думы являются пред-

ставителями не широкихъ массъ населенія, а очень небольшихъ, революціонно настроенныхъ группъ, и соглашеніе съ ними невозможно, ибо эти группы не выражаютъ воли народной, не стремятся къ благу народа, а стремятся къ тѣмъ цѣлямъ, какія могутъ быть достигнуты лишь послѣ разрушенія государственности. Но и изъятіе церковныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія Думы явилось бы только палліативомъ... Дума не переставала бы мѣшать церковной работѣ, какъ мѣшаетъ и сейчасъ, и достигнуть единства въ сферѣ церковно-государственной работы было бы трудно... Съ момента учрежденія Думы, законодательная дѣятельность Россіи не только затормозилась, но и пріостановилась... Жизнь предъявляетъ требованія, государственный механизмъ работаетъ съ крайнимъ напряженіемъ, вырабатываетъ законопроекты, отвѣчающіе самымъ насущнымъ нуждамъ народа, а, когда эти законопроекты попадаютъ въ Думу, то тамъ и остаются безъ движенія, умышленно задерживаются, или же вовсе отвергаются... Каждый членъ Думы считаетъ себя обязаннымъ не только вмѣшиваться въ спеціальныя отрасли государственнаго управленія, гдѣ онъ ничего не понимаетъ, но и контролировать дѣятельность министровъ, точно въ этомъ его задача... Масса времени тратится на полемику между министрами и членами Думы, на ненужные запросы, а продуктивная работа начинается лишь послѣ роспуска Думы, когда законопроекты получаютъ законодательную санкцію въ порядкѣ 87-ой статьи. Сейчасъ возможны только такія реформы, какія не связаны съ испрошеніемъ кредитовъ у Думы и касаются вопросовъ внутренняго распорядка въ узкой сферѣ церковнаго управленія... Нужно сократить разстояніе между пастыремъ и паствой, приблизить пастыря къ народу, выработать систему опредѣленныхъ обязательствъ къ Церкви, какихъ въ Православной Церкви вовсе нѣтъ... Сейчасъ нѣтъ никакой связи между пастыремъ и прихожанами, между Церковью и этими послѣдними... Кто хочетъ идти въ Церковь — идетъ; кто не хочетъ идти — не идетъ... Кто выполняетъ требованія религіи, а кто не выполняетъ ихъ; все зависитъ отъ доброй воли единицъ, и не паства идетъ за своимъ пастыремъ, а, наоборотъ, пастыри плетутся за паствой. Отсюда ближайшими задачами въ сферѣ церковнаго управленія явились бы образованіе митрополичьихъ округовъ, сокращеніе территоріальныхъ размѣровъ епархій и приходскій уставъ; но, конечно, такой уставъ долженъ былъ бы покоиться на совершенно другихъ началахъ, а не на тѣхъ, какія выработаны прогрессивною общественностью и разными комиссіями»...

«Все это очень вѣрно, что Вы говорите» — отвѣтила Императрица... «Я во всемъ съ Вами согласна. Это разстояніе между пастырями и паствой, о которомъ Вы говорите, причи-

няетъ Мнѣ такую боль... Духовенство не только не понимаетъ церковно-государственныхъ задачъ, но не понимаетъ даже вѣры народной, не знаетъ народныхъ нуждъ и потребностей... Особенно архіереи... Я многихъ знаю; но всѣ они какіе то странные, очень мало образованы, съ большимъ честолюбіемъ... Это какіе то духовные сановники; но служители Церкви не могутъ и не должны быть сановниками... Народъ идетъ не за сановниками, а за праведниками... Они совершенно не умѣютъ привязать къ себѣ ни интеллигенцію, ни простой народъ... Ихъ вліяніе ни въ чемъ не сказывается, а, между тѣмъ, русскій народъ такъ воспріимчивъ. Я не могу видѣть въ этомъ наслѣдія историческихъ причинъ... Раньше Церковь не была во враждѣ съ государствомъ; раньше іерархи помогали государству, были гораздо ближе къ народу, чѣмъ теперь»...

«Духъ времени былъ не тотъ» — отвѣтилъ я — «а теперь вся жизнь оторвалась отъ своего религіознаго центра, и пастыри и архипастыри становятся все менѣе нужными паствѣ, не нужнымъ становится даже Самъ Господь Богъ; люди начинаютъ устраиваться безъ Бога и обходиться безъ Него... Впрочемъ, уровень нравственной высоты духовенства понизился, и не только вслѣдствіе этихъ общихъ причинъ, но и отъ многихъ другихъ... Матеріальная необезпеченность духовенства, особенно сельскаго, поставившая духовенство въ зависимость отъ паствы, не могла не отразиться на этомъ уровнѣ; отсутствіе способовъ воздѣйствія на паству, вполнѣ неизбѣжное при отсутствіи приходской организаціи и нынѣшнемъ положеніи пастыря, у котораго, кромѣ силы личнаго нравственнаго вліянія, нѣтъ другого орудія, чтобы управлять паствой... Въ этомъ отношеніи католическая церковь имѣетъ значительно большія преимущества. Тамъ положеніе ксендза совсѣмъ другое, и не онъ зависитъ отъ паствы, а, часто, паства зависитъ отъ него и духовно, и матеріально... Тамъ, вѣдь, большинство — лица съ высшимъ образованіемъ; у насъ же образовательный стажъ духовенства крайне низкій... Несомнѣнно также, что и указъ Императора Павла объ орденахъ отразился на общемъ уровнѣ духовенства... Правда, этотъ указъ былъ меньшимъ зломъ, допущеннымъ во избѣжаніе большаго; однако, все же, его вліяніе было отрицательнымъ и создало именно то сословіе духовныхъ сановниковъ, о которомъ Ваше Величество говорили»...

Здѣсь Императрица меня прервала и чрезвычайно оживленно сказала мнѣ: «Я какъ разъ теперь читаю переписку Императора Павла съ митрополитомъ Платономъ по вопросу объ орденахъ духовенству, вызвавшую, потомъ, этотъ самый указъ, о которомъ Вы говорите... Какъ глубоко былъ правъ митрополитъ, и какъ ошибался Императоръ Павелъ... Конечно, этотъ указъ нужно отмѣнить... Духовный санъ такъ

высокъ, что, самъ по себѣ, является самымъ высокимъ отличіемъ и небесною наградою для каждаго вѣрующаго христіанина, и земныя отличія только унижаютъ его... Однако же, нравственная высота вытекаетъ изъ другого источника и съ внѣшностью не соприкасается... Сельское духовенство находится въ неизмѣримо худшемъ положеніи, чѣмъ городское, однако ближе къ Богу... Архипастыри вполнѣ обезпечены, а между тѣмъ среди нихъ такъ мало истинныхъ пастырей... А Синодъ!» — воскликнула Императрица съ горечью: «Знаете ли Вы дѣло по вопросу о прославленіи Святителя Іоанна Тобольскаго?»..

«Я слышалъ о немъ, но подробностей не знаю» — отвѣтилъ я.

«Я разскажу Вамъ», сказала Императрица.

«Народъ обратился къ епископу Варнавѣ съ просьбой возбудить въ Синодѣ ходатайство о прославленіи Святителя Іоанна. Синодъ заслушалъ въ засѣданіи это ходатайство и отказалъ въ просьбѣ, признавъ такое ходатайство «неблаговременнымъ»... Что значитъ это слово, этотъ странный мотивъ... Развѣ можно признавать вѣру благовременной, или неблаговременной... Вѣра всегда благовременна... И знаете ли, чѣмъ мотивировалъ Синодъ эту неблаговременность... Тѣмъ, что не кончилась еще война... Но вѣдь это свидѣтельствуетъ уже о полномъ незнакомствѣ съ психологіей народа, съ природою его религіозныхъ вѣрованій... Подъемъ религіознаго чувства наблюдается именно въ моменты народныхъ бѣдствій, горя и страданій, и нельзя же подавлять его. Изнемогая подъ бременемъ испытаній, народъ довѣрчиво протягиваетъ свои руки къ своему мѣстно чтимому святому, проситъ его помощи, надѣется, что Господь, по молитвамъ его, прекратитъ ужасы войны; а Синодъ говоритъ: «подождите, пока кончится война; а теперь еще нельзя называть вашего мѣстно чтимаго праведника святымъ и нельзя ему молиться». А, послѣ войны, этотъ праведникъ сдѣлается святымъ, и тогда будетъ можно??!!.

Что же это такое?!. Вѣдь это уже соблазнъ!.. Епископъ Варнава, самъ вышедшій изъ народа, это понимаетъ... Онъ знаетъ народную вѣру и умѣетъ говорить съ народомъ: народъ идетъ за нимъ и вѣритъ ему... Конечно, епископъ Варнава не удовлетворился такимъ отвѣтомъ Синода и повторилъ свое ходатайство, послѣ чего Синодъ предписалъ комиссіи произвести обычное обслѣдованіе чудесъ, совершавшихся у гроба Святителя Іоанна Тобольскаго... Но отъ этого получился еще большій соблазнъ... Синодъ призналъ число обслѣдованныхъ случаевъ благодатной помощи Божіей, по молитвамъ Угодника, недостаточнымъ и предписалъ дополнить число новыми данными... «Скажите» — все болѣе оживляясь, спросила Импера-

трица — «развѣ допустимы такіе пріемы?! Развѣ можно измѣрять святость — ариѳметикой?!»

Я невольно улыбнулся... Бесѣда вошла уже въ то русло, гдѣ обѣ стороны чувствовали себя непринужденно... Я восхищался Императрицей и проникался все болѣе горячимъ чувствомъ къ Ней...

Государыня, между тѣмъ, продолжала:

«Я не понимаю этихъ людей... Они враждебны къ епископу Варнавѣ, называютъ его огородникомъ... Но это и хорошо: народу нужны пастыри, которые бы понимали его и имѣли общій языкъ съ нимъ... Сановники народу не нужны... Между тѣмъ наши епископы стремятся не въ народъ, а въ великокняжескіе салоны и великосвѣтскія гостинныя... Но салоны и гостинныя — не Россія.

Россія — это нашъ сѣрый, заброшенный, темный, неграмотный народъ, жаждущій хорошаго пастыря и хорошаго учителя, но не имѣющій ни того, ни другого... Вмѣсто того, чтобы идти въ толщу народную, епископы только и думаютъ о Патріархѣ... Но, что же дастъ Патріархъ, приблизитъ ли онъ пастыря къ паствѣ, дастъ ли народу то, что нужно?.. Прибавится лишь число митрополитовъ, и больше ничего; а разстояніе между пастыремъ и народомъ, между Церковью и государствомъ, еще болѣе увеличится... Какъ Вы думаете?!.»

«Я тоже не связываю съ патріаршествомъ никакихъ послѣдствій, способныхъ урегулировать общецерковные недочеты» — отвѣтилъ я — «и, притомъ, мнѣ кажется очень подозрительнымъ, что за патріаршествомъ гонятся обѣ стороны, и правые и лѣвые, и друзья, и враги Церкви... Идея власти чужда Православію... Наша Церковь была сильна не тогда, когда стремилась къ господству надъ государствомъ, а когда возвышалась надъ нимъ своимъ смиреніемъ и чистотою. Идея патріаршества не имѣетъ и канонической почвы. Главою Церкви былъ ея Создатель, Господь Іисусъ Христосъ... Однако, послѣ Своего вознесенія на небо, Господь не передалъ главенства надъ Церковью ни одному изъ Апостоловъ, а послалъ вмѣсто Себя Духа Святаго и этимъ, какъ бы, предопредѣлилъ соборное начало управленія церковью на землѣ, подъ Своимъ главенствомъ. Эта точка зрѣнія усвоена и «Книгою Правилъ», т. е. собраніемъ постановленій Апостольскихъ и Вселенскихъ Соборовъ, установившихъ принципъ равенства власти епископовъ. Отсюда вытекаетъ и требованіе о созывѣ, два раза въ годъ, помѣстныхъ соборовъ, которые объединяли бы дѣятельность епископовъ. Идея же Синода, подъ предсѣдательствомъ Патріарха, такъ же далека отъ канонической почвы, какъ и организація Синода въ его нынѣшнемъ видѣ... Учрежденіе митрополичьихъ округовъ, помѣстные соборы епископовъ, безъ участія

міранъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита того или иного округа, два раза въ годъ, въ указанные «Книгою Правилъ» сроки, затѣмъ всероссійскіе соборы митрополитовъ, въ случаѣ надобности — несомнѣнно вернули бы Церкви ея каноническое устройство... При этомъ нынѣшній Синодъ неизбѣжно бы остался, но видоизмѣнилъ бы только свои функціи и занялъ бы въ отношеніи къ Церкви такое же положеніе, какое Государственная Канцелярія занимаетъ въ отношеніи государства... Область непосредственно церковная, распредѣленная между помѣстными и всероссійскими соборами, отошла бы отъ него, а область церковно-государственная не только бы осталась, но, въ нѣкоторомъ отношеніи, даже расширилась бы... Такъ, совершенно необходимо было бы учредить при Синодѣ самостоятельный Кодификаціонный Отдѣлъ и создать писанное церковное законодательство... Теперь его вовсе нѣтъ, и этотъ пробѣлъ даетъ Думѣ поводъ для всевозможныхъ нападокъ и обвиненій... Детали, конечно, выработала бы сама жизнь; но мнѣ думается, что внѣ намѣчаемаго пути нѣтъ другого для согласованія церковнаго устройства съ каноническими требованіями... Если же Церковь сойдетъ съ указаннаго пути и объединится въ лицѣ единоличной власти патріарха, то поставитъ себя въ очень рискованное положеніе предъ своими врагами, ибо справиться съ однимъ патріархомъ будетъ легче, чѣмъ съ соборомъ епископовъ... Отсюда могутъ произойти расколы и раздѣленія, и нестроенія внутри церковной ограды»... Съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слушала меня Императрица и, когда я кончилъ, то неожиданно спросила меня:

«Скажите Мнѣ, отчего Вы не служите въ Синодѣ? Я вижу, что Вы такъ близко знаете церковныя дѣла и такъ ясно понимаете. что нужно»...

Я не хотѣлъ излагать Ея Величеству подробности своихъ служебныхъ мытарствъ и кратко отвѣтилъ:

«Раньше я дѣлалъ многія попытки поступить на службу въ Синодъ и обращался къ каждому Оберъ-Прокурору; но всѣ мои попытки оканчивались неудачно... Тогда, оставаясь въ Государственной Канцеляріи, я занялся изданіемъ книгъ о Святителѣ Іоасафѣ... Сейчасъ я состою въ должности помощника Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта и не стремлюсь уже болѣе въ Синодъ, тѣмъ болѣе, что Государственный Секретарь С. Е. Крыжановскій, признавая всю важность церковнаго законодательства, возложилъ на меня трудъ составленія сборника церковныхъ законовъ, и этой работою я сейчасъ занятъ»...

«Нѣтъ, нѣтъ» — возразила Императрица — «Вы должны служить въ Синодѣ, и это будетъ. Нельзя отдаваться слу-

женію Церкви между дѣломъ, урывками... Вы это дѣло знаете и должны посвятить себя спеціальной службѣ въ Синодѣ... Волжинъ, кажется, хорошій человѣкъ. Вы его знаете?» спросила меня Императрица.

«Да, Ваше Величество, онъ вѣрующій и мнѣ очень нравится, хотя встрѣчался я съ нимъ только нѣсколько разъ и мало его знаю» — отвѣтилъ я.

«Я хотѣла бы еще разъ видѣть Васъ» — сказала Императрица: «такъ много бы нужно было еще сказать Вамъ и посовѣтоваться; такъ много дѣла, а вездѣ все такъ запущено, такъ мало дружной работы, всѣ работаютъ врозь и смотрятъ въ разныя стороны... Мнѣ нужно еще поговорить съ Вами» — сказала Императрица въ заключеніе, любезно протягивая мнѣ руку и стараясь улыбнуться...

И улыбка этой святой женщины превратилась въ гримасу... Бѣдная, Она отвыкла отъ радостей: Ей такъ рѣдко приходилось улыбаться...

Безконечно тронутый лаской и вниманіемъ Императрицы, я поцѣловалъ протянутую руку и откланялся Ея Величеству.

Дорого, безконечно дорого было для меня это вниманіе, эта чарующая простота, эта нѣжная привѣтливость, такая чистая, такая искренняя; но еще дороже было то довѣріе, какимъ наградила меня Императрица, и какое я увезъ съ собою, съ готовностью оправдать его цѣною какой угодно жертвы...

Выходя изъ кабинета Ея Величества, я былъ похожъ на того, кто только что блестяще выдержалъ трудный экзаменъ... Я чувствовалъ, что духовно сроднился съ Императрицей, что Ея мысли — мои мысли; я глубоко понималъ Ея психологію и Ея точки зрѣнія и вытекавшіе изъ нихъ взгляды и искренно раздѣлялъ ихъ... Однако, я не былъ увѣренъ въ томъ, какое впечатлѣніе вынесла Императрица изъ бесѣды со мною. Мнѣ казалось, что многое было сказано, но еще больше оставалось недосказаннымъ; что, хотя роль Думы и была отмѣчена вѣрно, но что нужно было развить свои мысли настолько, чтобы установить взглядъ на войну не какъ на тормазъ для какихъ либо начинаній, а, наоборотъ, какъ на толчокъ къ этимъ начинаніямъ. Мнѣ казалось, что интересы Думы настолько рѣзко расходятся съ государственными интересами, что война никогда не кончится, доколѣ дѣятельность Думы и ея многоразличныхъ развѣтвленій, въ образѣ всевозможныхъ комитетовъ, обществъ и союзовъ, не будетъ въ корнѣ пресѣчена, что вся дѣятельность Думы только опирается на войну, какъ на явленіе, оправдывающее ея преступные замыслы. При этихъ условіяхъ, откладывать ликвидацію Думы до окончанія войны казалось мнѣ равносильнымъ закрѣпленію ея позицій, коими она

завладѣла, передавъ прогрессивной общественности узурпированныя ею функціи государственной власти...

Въ гостинной ожидалъ меня С. П. Бѣлецкій... На немъ лица не было... Онъ страдалъ отъ нетерпѣнія и думалъ, что о немъ забыли... Аудіенція длилась полтора часа, если не больше... Увидавъ меня, С. П. Бѣлецкій быстро вскочилъ и, слѣдуя за вызвавшимъ его лакеемъ, успѣлъ на ходу сказать мнѣ:

«Пожалуйста, подождите меня; будемъ вмѣстѣ завтракать»...

Я кивнулъ головою въ знакъ согласія и остался въ гостинной, стараясь привести въ систему все сказанное мною Ея Величеству...

Мысли бродили на поверхности, и я не могъ угнаться за ними...

Вдругъ дверь кабинета неожиданно раскрылась, и въ гостинной появился С. П. Бѣлецкій...

«Видите ли, я не заставилъ Васъ ждать такъ долго, какъ Вы меня» — сказалъ онъ, улыбаясь...

«Отчего же такъ скоро? — удивился я — «о чемъ же Вы говорили?»...

«О Васъ» — отвѣтилъ С. П. Бѣлецкій.

Я засмѣялся и подумалъ, что вѣрно онъ выдержалъ экзаменъ менѣе удачно, чѣмъ я.

Но Бѣлецкій совершенно серьезно сказалъ мнѣ:

«Нѣтъ, князь, я Васъ увѣряю, что Императрица говорила со мною только о Васъ: Вы произвели огромное впечатлѣніе на Ея Величество; Вамъ предстоитъ широкое государственное поприще» — скороговоркою, ему свойственной, мягкимъ, бархатнымъ голосомъ проговорилъ С. П. Бѣлецкій.

Мы вышли изъ дворца. У подъѣзда стояли двѣ придворныя кареты, какія должны были отвезти насъ въ большой Екатерининскій дворецъ завтракать...

«За завтракомъ все разскажу Вамъ» — сказалъ С. П. Бѣлецкій, садясь въ карету. Чрезъ нѣсколько минутъ мы входили въ одну изъ прелестныхъ комнатъ Екатерининскаго дворца, посреди которой стоялъ небольшой квадратный столъ, покрытый бѣлоснѣжной скатертью, накрытый на двѣ персоны... Придворные лакеи ждали насъ, выражая знаки почтительной предупредительности.

«Видите ли, князь» — началъ Бѣлецкій, садясь за столъ: — «новый Оберъ-Прокуроръ Синода, Волжинъ, плохо справляется со своей задачей... Выборъ оказался неудачнымъ... Но человѣкъ онъ недурной... Ему, вотъ, и подыскиваютъ помощника, человѣка не только знающаго самое дѣло, но и личный составъ іерарховъ...

Вы въ полной мѣрѣ удовлетворяете этимъ требованіямъ... Вы человѣкъ, кромѣ того, молодой, и разъѣзды, въ случаѣ надобности, Васъ не утомили бы. На Вашу кандидатуру уже указывали нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта, и Ея Величество имѣла Васъ въ виду и желала лично познакомиться съ Вами. Сегодня же Вы произвели такое исключительно благопріятное впечатлѣніе на Императрицу, что Государыня рѣшила остановиться на Васъ и совершенно опредѣленно мнѣ объ этомъ сказала... Скажу Вамъ, что Ея Величество осталась въ восторгѣ отъ бесѣды съ Вами и сказала, что Вы точно знали всѣ Ея мысли и повторяли ихъ, и что Она во всемъ была съ Вами согласна.

Разумѣется, я далъ о Васъ самый блестящій отзывъ» — закончилъ Бѣлецкій.

«Въ кредитъ» — отвѣтилъ я — «ибо я даже не узналъ Васъ: такъ мало мы знали другъ друга»...

С. П. Бѣлецкій улыбнулся и сказалъ:

«Нѣтъ, совершенно искренно... Вы гораздо больше извѣстны въ церковныхъ кругахъ, чѣмъ Волжинъ... Если бы Императрица знала Васъ раньше, то Волжина никогда бы не назначили Оберъ-Прокуроромъ. Ваша кандидатура выдвигалась гораздо раньше, чѣмъ его... Вы, вѣрно, даже не знали объ этомъ?»...

«Въ первый разъ слышу» — отвѣтилъ я съ удивленіемъ.

«О ней стали говорить уже тогда, когда Вы издали свои книги о Святителѣ Іоасафѣ... Да, кажется, и въ Государственной канцеляріи Вы занимаетесь какой то спеціальной церковной работой, я слышалъ... По крайней мѣрѣ въ междувѣдомственныхъ комиссіяхъ по церковнымъ дѣламъ Вы всегда были представителемъ Государственной канцеляріи, мнѣ говорили»...

«Да, но, все же, какимъ образомъ я могу разсчитывать на министерскій постъ, или на постъ товарища министра, состоя лишь въ 5-мъ классѣ должности и будучи помощникомъ Статсъ-Секретаря»...

«Отчего же, какая же разница между директоромъ департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и помощникомъ Статсъ-Секретаря?» — сказалъ С. П. Бѣлецкій.

«Да, но А. Н. Волжинъ, кажется, тайный совѣтникъ, гофмейстеръ, значительно старше меня»...

«Все это пустяки» — отвѣтилъ С. Бѣлецкій — «и не имѣетъ значенія... А сейчасъ и тѣмъ больше... Теперь, при общемъ шатаніи и неустойчивости во взглядахъ, когда честное служеніе монархической идеѣ объясняется низменными мотивами личнаго свойства, самое цѣнное качество — это преданность Монарху, и съ этой стороны мы всѣ хорошо Васъ знаемъ; а чинъ или служебное положеніе ничего не значатъ. Церковное

дѣло Вы знаете, личный составъ іерарховъ Вамъ также извѣстенъ, и Вы, во всякомъ случаѣ, имѣете значительно большія преимущества, чѣмъ Волжинъ»...

«Но я такъ мало знаю А. Н. Волжина, а онъ меня еще меньше... Захочетъ ли онъ взять меня въ свои сотрудники... Говорятъ, что онъ очень мнителенъ и неискрененъ, подозрителенъ и вездѣ видитъ интриги... Я лично не могу объ этомъ судить, но отзывы о немъ очень разнообразны, и меня уже много разъ предостерегали отъ него... Если же онъ и дѣйствительно мало свѣдущъ, тогда, конечно, не возьметъ въ помощники того, кто, по общему мнѣнію, возможно и ошибочному, знаетъ больше его... Это, вѣдь, общій принципъ людей ограниченныхъ... А потомъ, все же, классъ должности явится, мнѣ кажется, препятствіемъ и въ томъ случаѣ, если бы не было другихъ»...

«Сегодня Вы въ 5-мъ классѣ, а завтра будете въ 4-мъ... Это зависитъ отъ Васъ», отвѣтилъ Бѣлецкій.

«Какъ?» — удивился я.

«Переходите въ мое вѣдомство... Въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, какъ разъ, имѣется вакансія... 4-й классъ должности и 10000 рублей жалованья»...

«Съ удовольствіемъ, но только при одномъ условіи: если должность эта совмѣстима съ моею, ибо съ Государственной Канцеляріей я, по многимъ причинамъ, не хотѣлъ бы разставаться... Нельзя ли безъ жалованья, сверхъ штата?» — спросилъ я.

«Это еще проще. Если Вы согласны, то я сегодня же переговорю съ министромъ, а чрезъ нѣсколько дней мы и представимъ Васъ, и Вы, въ качествѣ члена Главнаго Управленія по дѣламъ печати, очень пригодитесь Судейкину» — сказалъ Бѣлецкій.

Судейкинъ былъ однимъ изъ друзей дѣтства моего родственника А. С-ко, и меня интересовало знакомство съ нимъ и совмѣстное сотрудничество по вопросамъ, въ области которыхъ печать имѣла такое исключительное значеніе.

«Охотно, только сверхъ штата, съ оставленіемъ помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта» — отвѣтилъ я.

«Очень радъ» — сказалъ Бѣлецкій... «Можетъ быть, въ случаѣ надобности, и Вы, когда нибудь, мнѣ поможете въ чемъ нибудь» — добавилъ онъ, какъ бы мимоходомъ...

Сердечно простившись, мы уѣхали въ разныя стороны. С. П. Бѣлецкій — на вокзалъ, торопясь въ Петербургъ, я же къ сестрѣ, жившей въ Царскомъ Селѣ.

ГЛАВА XIX.

Правда.

Такова правда, впослѣдствіи такъ преступно извращенная, создавшая легенды о посредничествѣ Распутина въ дальнѣйшихъ событіяхъ, приведшихъ къ моему назначенію Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода.

Странно не то, что такія легенды сопровождали каждое новое назначеніе — такова уже была тактика революціонеровъ — а страннымъ былъ тотъ массовый гипнозъ, благодаря которому этимъ легендамъ вѣрили даже тѣ люди, которые должны были бороться съ ними и пресѣкать вздорные слухи, разсчитанные на спеціальныя цѣли унизить престижъ династіи и подорвать довѣріе къ вѣрнымъ слугамъ Царя и Россіи. И этотъ гипнозъ былъ до того великъ, что никакія опроверженія клеветы и гнусной лжи не достигли бы цѣли. Впрочемъ, онѣ были и фактически невозможны, ибо печать находилась въ рукахъ враговъ Россіи и династіи. И потребовались ужасы революціи и моря крови, гибель Россіи, кража частной переписки Ихъ Величествъ, для того, чтобы гипнозъ разсѣялся, и стало возможнымъ оцѣнивать факты прошедшаго внѣ связи съ тою окраскою, какую имъ придавали революціонеры и ихъ вольные и невольные пособники. Теперь и имя Распутина перестало вызывать панику, и тѣ, кто видѣлъ въ немъ источникъ зла, создававшаго угрозу самому бытію Россіи, недоумѣваютъ, не находя среди его «ставленниковъ» ни одного изъ тѣхъ роковыхъ людей, которые опрокинули Престолъ Божьяго Помазанника и погубили Россію.

Совершенно несомнѣнно, что Распутинъ, вращавшійся въ самой толщѣ народной, не могъ не слышать объ именахъ, выплывавшихъ на поверхность, прославляемыхъ, или осуждаемыхъ народною молвою, какъ не могъ не слышать и отголосковъ закулисныхъ интригъ противъ Царя и династіи, и, будучи фанатически преданнымъ Царю, естественно дѣлился съ Государемъ и Императрицею своими впечатлѣніями, указывая на людей, преданность которыхъ Царю не вызывала сомнѣній.

Но вѣдь это дѣлалъ не только одинъ Распутинъ, но и всѣ окружавшіе Царя люди, выдвигавшіе своихъ кандидатовъ, и опубликованная частная переписка Ея Величества къ Государю Императору не даетъ никакихъ указаній на то, что рекомендаціи Распутина всегда и во всѣхъ случаяхъ предпочитались рекомендаціямъ прочихъ людей... Напротивъ, на отвѣтственные посты назначались часто люди, не только никогда не видѣвшіе Распутина, но и опредѣленно враждебно къ нему на-

строенные. Нужно удивляться не тому, что Распутинъ рекомендовалъ Царю преданныхъ Престолу людей, если даже считать такой фактъ безспорнымъ, а тому, что характеристики этого малограмотнаго крестьянина были часто очень мѣткими; но сдѣлать отсюда выводъ, что онъ выдвигалъ своихъ кандидатовъ изъ корыстныхъ побужденій, или что эти послѣдніе входили съ Распутинымъ въ предварительныя сдѣлки, какъ утверждали въ предреволюціонное время тѣ, кто дѣлалъ революцію, и какъ, съ неменьшимъ азартомъ, кричатъ и теперь, могутъ только гг. Гольденвейзеры и К°.

Вотъ, что пишетъ А. А. Гольденвейзеръ въ своей статьѣ «Послѣдняя Царица» (Руль, Февраль 1923, № 680, 691).

«. . . Техника назначеній, которая выработалась у насъ въ послѣдніе годы монархіи, обозначается въ письмахъ[1]) съ большою рельефностью. Аспирантъ на ту или иную должность заручался содѣйствіемъ Распутина; тотъ прямо, или черезъ Вырубову, сообщалъ имя кандидата государынѣ; эта же послѣдняя упорно воздѣйствовала на царя, пока не добивалась желательнаго назначенія. Такимъ путемъ получили должности: Бѣлецкій, Волжинъ, Хвостовъ, Штюрмеръ, Питиримъ, кн. Жеваховъ, Раевъ, Протопоповъ, Добровольскій. Нужно отмѣтить, что сама императрица играла во всемъ этомъ механизмѣ совершенно пассивную роль передатчицы. Она была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ афериста. Самъ Распутинъ правильно учитывалъ своей мужицкой смекалкою, что главное для него — сохранить свое вліяніе, а остальное приложится. Этимъ однимъ онъ и руководствовался въ своихъ рекомендаціяхъ: онъ указывалъ только на тѣхъ людей, на которыхъ разсчитывалъ, что они «не подведутъ». Весьма показательно для моральнаго уровня придворныхъ и бюрократическихъ сферъ, что не было недостатка въ людяхъ — подчасъ съ весьма громкими именами — которые охотно шли на такого рода сдѣлки съ Распутинымъ. Такъ какъ царица была совершенно въ его власти, и за нее онъ былъ спокоенъ, то заботы Распутина были направлены главнымъ образомъ на то, какъ бы сохранить свое вліяніе на царя. Для этой цѣли онъ пускаетъ въ ходъ испытанный пріемъ всѣхъ царедворцевъ — потаканіе слабостямъ и лесть. Разгадавъ тщеславную натуру царя, онъ беретъ курсъ на самодержавіе, совѣтуетъ принять высшее командованіе, поощряетъ всякаго рода личныя выступленія. И посредствомъ этого нехитраго, прозрачнаго пріема ему удается сохранить свою власть, несмотря на сильнѣйшее противодѣйствіе не только всей общественности и Государственной Думы, но и

---

[1]) Письма Императрицы Александры Θеодоровны къ Государю Императору.

большинства великихъ князей и многихъ достаточно вѣрноподданныхъ министровъ и генераловъ»...

Вотъ какъ пишется исторія!..

Это значитъ, что министерскіе портфели были открыты для любого проходимца. Стоило ему только заручиться расположеніемъ Распутина — а войти въ довѣріе къ мало грамотному мужику, дѣйствовшему, притомъ, изъ корыстныхъ цѣлей, было легко — чтобы сдѣлаться министромъ... Зачѣмъ же тогда понадобилось Ципоркисамъ, Бронштейнамъ, Нахамкесамъ и пр. убивать Распутина и дѣлать революцію, чтобы заполучить въ свои руки ту власть, какую они такъ легко могли бы воспринять чрезъ посредство Распутина?.. Страннымъ кажется и признаніе г. Гольденвейзера, что Распутинъ сохранилъ свою «власть», несмотря на сильнѣйшее противодѣйствіе не только «всей общественности» и Гос. Думы, но и большинства великихъ князей и «многихъ» министровъ и генераловъ. Такое признаніе является, во всякомъ случаѣ, плюсомъ, а не минусомъ Распутина и свидѣтельствуетъ какъ о томъ, что удѣльный вѣсъ «всей общественности» правильно расцѣнивался даже полуграмотнымъ мужикомъ, такъ и о томъ, что не всѣ, значитъ, министры были его «ставленниками», коль скоро «многіе» изъ нихъ относились къ нему не только отрицательно, но и оказывали ему «сильнѣйшее противодѣйствіе»...

Нѣтъ, не въ Распутинѣ было дѣло; а въ томъ, что было очень и очень глубоко скрыто дѣлателями революціи и составляло ихъ тайну, какую, однако, прозрѣвали именно тѣ, кого не щадила ихъ злостная клевета, и противъ которыхъ они вооружали общественное мнѣніе всѣми доступными имъ способами.

Сейчасъ еще раздаются отдаленные и глухіе раскаты прежняго грома іудейскаго; но они становятся уже все рѣже, и рѣже, и скоро наступитъ моментъ, когда, подъ вліяніемъ страха взятой на себя отвѣтственности, вдохновители и дѣлатели революціи не только станутъ отрекаться отъ своего участія въ ней, но и искать путей къ примиренію съ тою Россіей, какую они считали своимъ врагомъ, и какая погибла именно потому, что такимъ врагомъ ихъ не была и не гнала ихъ отъ себя... Тогда обнаружится и закулисная игра враговъ Россіи, и будутъ падать одна за другой и созданныя ими легенды. Сейчасъ мы читаемъ у г. Гольденвейзера: «... Всѣ легенды и сплетни о романическихъ отношеніяхъ Александры Федоровны съ Распутинымъ *теперь, послѣ опубликованія* «Писемъ»[1]), должны быть признаны клеветою, не имѣющей и тѣни основанія. Въ нераздѣльной преданности мужу, она поистинѣ чувствовала

---

[1]) Курсивъ нашъ.

себя «женою Цезаря» — выше женскихъ слабостей и внѣ всякихъ подозрѣній»...

А не вспомнитъ ли г. Гольденвейзеръ, что говорилось и писалось всего 5 лѣтъ тому назадъ, какъ безжалостно поносилось имя Императрицы, какъ ломилась одураченная публика въ кинематографы, любуясь огромными плакатами и возмутительными инсценировками этихъ «романическихъ отношеній», не имѣвшихъ, однако, и тѣни основанія; какъ забрасывались грязью тѣ люди, которые съ негодованіемъ отвергали гнусную клевету, еще до развала Россіи, еще до опубликованія «Писемъ»... И кто же создавалъ эту клевету, и для чего это дѣлалось?.. Такую же цѣну имѣютъ и утвержденія о рекомендаціи Распутинымъ министровъ и о сдѣлкахъ этихъ послѣднихъ съ нимъ. Если бы даже и было доказано, что Распутинъ дѣйствительно указывалъ Государю на лицъ, извѣстныхъ своею преданностью Престолу, то дѣлалъ онъ это во всякомъ случаѣ безъ вѣдома этихъ лицъ, а чаще всего вторилъ лишь отзывамъ Ихъ Величествъ о намѣчаемыхъ кандидатахъ и, именно по своей мужицкой смѣкалкѣ, не оспаривалъ этихъ отзывовъ. Правда, онъ писалъ записки министрамъ, ходатайствуя за тѣхъ или иныхъ просителей; но участь этихъ записокъ была хорошо извѣстна не только Распутину, но и всему Петербургу, и гораздо чаще такіе просители лишь прикрывались именемъ Распутина, ибо, подобно г. Гольденвейзеру, были убѣждены въ низкомъ моральномъ уровнѣ придворныхъ и бюрократическихъ сферъ и разсчитывали на магическое свойство этого имени въ глазахъ его «ставленниковъ», какими казались всѣ министры. Не принимала абсолютно никакого участія въ назначеніяхъ должностныхъ лицъ и А. А. Вырубова и, кромѣ А. Н. Хвостова, ставленника Государственной Думы, никто изъ министровъ у нея не бывалъ и къ ея посредничеству не обращался. Гипнозъ былъ до того великъ, а имена Распутина и А. А. Вырубовой были до того скомпрометированы «общественностью», что отъ нихъ убѣгали даже тѣ, кто зналъ всю подоплеку клеветы, распространяемой вокругъ нихъ. Ни Государь, ни Императрица въ бесѣдахъ Своихъ съ сановниками или лицами, намѣчаемыми на высокіе посты, никогда даже не упоминали имени Распутина... Это была Ихъ частная сфера, въ какую они посвящали только Своихъ интимныхъ друзей.

Все это было хорошо извѣстно клеветникамъ; но какое же значеніе могла имѣть для нихъ правда, если ихъ цѣль заключалась именно въ томъ, чтобы ее опорочить и добиться во что бы то ни стало развала Россіи?!.

Можно быть разнаго мнѣнія о значеніи религіозной основы міросозерцанія человѣка: находить ее несовременною, видѣть

въ ней грубое суевѣріе, усматривать даже отраженіе патологическаго состоянія, требующаго помощи врача психіатра... Но вѣдь къ созданію и закрѣпленію такихъ точекъ зрѣнія на религію и стремились враги Христа, усматривавшіе въ революціи лишь способъ ликвидаціи христіанства. Ея Величество была не только глубоко религіозною женщиною, для которой религія была частной интимной сферою, но и мудрою Императрицею, старавшейся проводить религіозныя начала въ сферу государственной жизни и, потому, окружавшей Себя людьми, для которыхъ религія была не пустымъ звукомъ...

И въ этомъ заключалось Ея единственное преступленіе въ глазахъ тѣхъ, кто въ Ея лицѣ и въ лицѣ Ея избранниковъ видѣлъ для себя величайшую опасность.

ГЛАВА XX.

У сестры.

Придворная карета остановилась у подъѣзда сестры, и она была очень удивлена, увидѣвъ меня въ полномъ парадѣ. Сестра не знала объ аудіенціи: я не успѣлъ предувѣдомить ее.

Разсказавъ объ оказанномъ мнѣ Ея Величествомъ пріемѣ, я добавилъ:

«Съ высоты царскаго трона всѣ министры кажутся лишь маленькими чиновниками, и неудивительно, что въ глазахъ Императрицы я могу являться кандидатомъ на министерскій постъ. До 1905 года извѣстный уровень познаній и личныя качества были достаточны... Но теперь положеніе рѣзко измѣнилось. Теперь играютъ роль не знанія и служебный опытъ, а умѣніе ладить съ Думой: теперь прогрессивная общественность уже не ограничивается совѣтами и наставленіями, а предъявляетъ уже требованія безсмысленныя и преступныя и опирается на Думу, гдѣ меня никто не знаетъ и гдѣ сейчасъ же заклюютъ, когда узнаютъ... Сейчасъ вѣдь каждаго монархиста называютъ «распутинцемъ», и меня очень смущаетъ, что пожеланіе Императрицы перейти на службу въ Синодъ было высказано чуть ли не въ формѣ повелѣнія»...

«Царь есть посредникъ между Богомъ и людьми, и что Тебѣ прикажетъ Государь, то и дѣлай», – сказала сестра. «Трудно служить Царю; но Богу еще труднѣе; а святыхъ и теперь много... Значитъ, дѣло не только въ нашихъ силахъ, а и въ помощи Божіей. Теперь служеніе Царю больше, чѣмъ когда либо, стало испытаніемъ нравственныхъ силъ; а при этихъ условіяхъ развѣ можно оглядываться на то, кто что скажетъ

или подумаетъ... Кому же Ты долженъ служить, Богу, Царю и Россіи, или же Думѣ?.. Что означаютъ эти крики о Распутинѣ, какъ не желаніе понравиться Думѣ; о томъ же, чтобы понравиться Богу и Царю, мало кто думаетъ. Иди смѣло впередъ и благодари Бога и Святителя Іоасафа, приближающихъ Тебя къ этому святому Семейству».

«Какъ злы люди! Не знаю даже, чего больше, злобы или слѣпоты» — отвѣтилъ я сестрѣ: «чего только не говорятъ объ Императрицѣ, а, право, я еще не видѣлъ большей искренности, простоты, болѣе горячей любви къ Россіи, болѣе сознательнаго служенія ей... Кто мнѣ повѣритъ, если я скажу, что и Царь, и Царица даже не похожи на нашихъ современныхъ аристократовъ, что, если бы Они не были Царями, то наше великосвѣтское общество даже не приняло бы Ихъ въ свою среду. Они слишкомъ хороши, слишкомъ просты и естественны, слишкомъ искренни, и въ гостинной Императрицы нѣтъ ничего, что бы напоминало специфическій запахъ салоновъ, гдѣ, подъ личиною свѣтскости и «такта», кроется такъ много лжи, лукавства, зависти, интригъ и всякаго рода нечисти»...

Простившись съ сестрою, я уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ меня, съ великимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ протоіерей А. І. Маляревскій.

«Спаси Ее Господи» — безпрестанно повторялъ о. Александръ, слушая мой разсказъ.

«А на какомъ языкѣ говорила съ Вами Императрица?» — спросилъ онъ.

«На превосходномъ русскомъ языкѣ, безъ малѣйшаго даже акцента иностранки» — отвѣтилъ я: «Вы знаете, какъ неохотно я отзывался на всякаго рода приглашенія свѣтскихъ дамъ и уклонялся отъ посѣщенія разныхъ салоновъ... Это потому, что я всегда былъ чужимъ среди знати, чувствовалъ ту фальшь и неискренность, какія прикрывались такою нарядною внѣшностью, и задыхался въ этой атмосферѣ лжи... Какъ ни высоко стоялъ человѣкъ, а ему хотѣлось казаться въ моихъ глазахъ еще выше, и онъ старался задавить меня своимъ величіемъ... И вотъ сегодня, въ первый разъ, я увидѣлъ коронованную Царицу... Тамъ — одно смиреніе, одна чистота, какая то святость даже... Ни малѣйшаго намека на высоту положенія, ничего дѣланнаго, искусственнаго... Всегда я защищалъ Императрицу отъ нападокъ, не зная чувствовалъ Ее... А теперь буду громко говорить всѣмъ, что, если бы слушались Императрицу, то не было и того, что случилось... У Нея не только большой умъ, но и умъ облагодатствованный»...

«Сохрани и спаси Ее, страдалицу, Матерь Божія!» — сказалъ протоіерей А. І. Маляревскій: «привелъ таки Святитель Іоасафъ Васъ и къ Царицѣ. Поведетъ и дальше: только не

упирайтесь... Не будутъ Васъ смущать больше мысли о поѣздкѣ въ Ставку?!. Теперь и сами увидѣли, что ѣхать туда нужно было Вамъ, а не полковнику, и что не даромъ Святитель посылалъ Васъ туда»...

Такъ кончился день 10 Октября 1915 года.

ГЛАВА XXI.

Свиданіе съ А. Н. Волжинымъ.

Какъ ни опредѣленны были утвержденія С. П. Бѣлецкаго о возможности моей кандидатуры на постъ Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, однако я былъ до того далекъ отъ этой мысли, что совершенно искренно не допускалъ ея. Не допускалъ я ея потому, что ни въ широкихъ общественныхъ кругахъ столицы, ни въ Государственной Думѣ я никому не былъ извѣстенъ. Съ того момента, когда Дума раздѣлила не только общественные, но и правительственные круги на безчисленное количество разнородныхъ партій, я еще глубже ушелъ въ себя и зарылся въ свою служебную и частную работу, сознательно сторонясь отъ всего того, что бы могло увлечь меня въ бездну начавшагося водоворота. Я не зналъ, какъ и сейчасъ не знаю, гдѣ та партія, какая бы вмѣстила въ свою программу всю Святую Русь, со всѣми особенностями ея государственнаго и духовнаго облика. Я зналъ лишь то, что съ 1905 года Россія превратилась въ съумасшедшій домъ, гдѣ не было больныхъ, а были только съумасшедшіе-доктора, забрасывавшіе ее своими безумными рецептами и универсальными средствами отъ воображаемыхъ болѣзней... Мнѣ, жителю деревни, только нѣсколько недѣль тому назадъ прибывшему въ столицу, казались дикими всѣ эти партіи и пестрыя программы, наводнявшія Петербургъ въ 1905 году. Тамъ было все, кромѣ того, чего просила деревня, о чемъ она безпрестанно взывала и безъ чего дѣйствительно не могла жить — не было призыва къ крѣпкой власти, которая обуздала бы царившій въ ней произволъ. Одинаково подозрительно относился я и къ правымъ партіямъ. Тамъ была подлинная любовь къ Россіи и пониманіе ея нуждъ, и знаніе дѣйствительности; но тамъ были и провокаторы; туда проникли агенты и другихъ партій... Не только убѣжденіе, но и деревенскій опытъ не позволяли мнѣ видѣть въ «выборномъ началѣ» форму участія «народа» въ управленіи. Какъ и на деревенскихъ, волостныхъ и сельскихъ сходахъ вершителями судебъ населенія были найболѣе смѣлые и преступные горланы и крикуны, если Земскій начальникъ

оставался въ предѣлахъ правъ, отведенныхъ ему закономъ, и не преступалъ этихъ предѣловъ, такъ и въ Государственной Думѣ картина будетъ та же, и въ этомъ для меня не было никакихъ сомнѣній. Судьбы Россіи, донынѣ покоившіяся въ рукахъ Помазанника Божія, осуществлявшаго волю Господню, исторгнуты изъ рукъ Царскихъ и отнынѣ находятся въ рукахъ ораторовъ съ зычнымъ голосомъ и темнымъ прошлымъ. Благо народа стало только вывѣской; цѣлью же всѣхъ стремленій и вожделѣній явилось умаленіе священныхъ правъ Самодержца, ослабленіе устоевъ государственности и все то, что отдало весь міръ въ руки тайной организаціи посвященныхъ заговорщиковъ...

И я сознательно сторонился какъ отъ партій, такъ и отъ Думы, подъ сводами которой онѣ укрывались, ибо сознательно не желалъ быть соучастникомъ ихъ преступленій...

При этихъ условіяхъ, выступленіе на арену дѣятельности, гдѣ я долженъ былъ бы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Думой, казалось мнѣ невѣроятнымъ, и я былъ убѣжденъ, что моя бесѣда съ Императрицей не можетъ дать никакихъ практическихъ результатовъ.

Я ѣхалъ къ А. Н. Волжину съ единственной цѣлью доложить ему объ исполненномъ мною порученіи, какое я получилъ отъ него предъ своимъ отъѣздомъ въ Бѣлгородъ, и имѣлъ въ виду дать ему свою докладную записку о вѣдомственныхъ реформахъ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ завелъ объ этомъ разговоръ и вспомнилъ бы свою просьбу о помощи, съ какою онъ обратился ко мнѣ въ предыдущій разъ...

Мнѣ тяжело передавать содержаніе этой бесѣды... Скажу лишь, что предсказаніе моего сослуживца по Государственной Канцеляріи, приведенное въ 16-й главѣ, исполнилось буквально, и я лишній разъ упрекнулъ себя за свою довѣрчивость къ людямъ... Бесѣда была продолжительной: А. Н. Волжинъ интересовался характеристикой своихъ подчиненныхъ, жаловался на В. К. Саблера, но ни однимъ словомъ не обмолвился о вѣдомственныхъ реформахъ, и я не нашелъ нужнымъ дѣлиться съ нимъ своими предположеніями. Я видѣлъ, что онъ чувствуетъ себя точно въ лѣсу, что онъ сбился съ дороги и не находитъ выхода, что его предположенія привлечь на службу чиновниковъ другихъ вѣдомствъ не разрѣшило бы задачи; но я видѣлъ, въ тоже время, такія увѣренность и самодовольство, что недоумѣніе мое было безгранично...

Заронившееся сомнѣніе въ искренности А. Н. Волжина стало окрашивать другимъ цвѣтомъ и ту вкрадчивость и привѣтливость, на фонѣ которыхъ А. Н. Волжинъ вышивалъ разнообразные узоры... Мнѣ было неловко чувствовать себя въ положеніи сыскного агента, отъ котораго желаютъ раздобыть

нужныя агентурныя свѣдѣнія, и, улучивъ моментъ, я откланялся и уѣхалъ, увозя, на этотъ разъ, непріятное впечатлѣніе отъ своей бесѣды.

Жизнь вошла въ свою обычную колею... Ежедневно хожденіе на службу, въ Государственную Канцелярію, а вечерами то корректуры, то засѣданія братства Святителя Іоасафа, Барградскаго комитета и пр... Я начиналъ уже забывать о поѣздкѣ въ Ставку и объ аудіенціи у Императрицы... Думалъ, что и Государыня забыла обо мнѣ... Однако печать меня не забывала... Нѣтъ, нѣтъ, и выскочитъ въ газетахъ какое нибудь сообщеніе «изъ достовѣрныхъ источниковъ» о моемъ назначеніи Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, и не только Товарищемъ, но даже Оберъ-Прокуроромъ, и эти газетные слухи тѣмъ больше меня нервировали, что приводились одновременно съ травлею А. Н. Волжина... Я бы иначе относился къ этимъ слухамъ, если бы считалъ ихъ обоснованными... Но А. Н. Волжинъ не вызывалъ меня къ себѣ, никакихъ предложеній мнѣ не дѣлалъ, и я боялся, что эти слухи могутъ скомпрометтировать меня въ глазахъ моего начальства и сослуживцевъ по Государственной Канцеляріи, которые могли подумать, что, за ихъ спиною, я ищу себѣ лучшаго мѣста въ другомъ вѣдомствѣ... Чтобы пресѣчь распространеніе этихъ ложныхъ слуховъ, я сталъ телефонировать въ редакціи газетъ, стараясь опровергнуть ихъ и узнать имена репортеровъ... Но мнѣ всякій разъ отвѣчали, что редакціи не принимаютъ на себя отвѣтственности за достовѣрность помѣщаемыхъ въ газетахъ свѣдѣній; и имена репортеровъ сообщаются лишь въ случаяхъ уголовнаго преслѣдованія ихъ за клевету... Такъ я ничего и не могъ добиться... А между тѣмъ, на службѣ, въ Государственной Канцеляріи, въ залахъ Маріинскаго дворца, въ кулуарахъ Государственнаго Совѣта, на улицѣ, вездѣ обступали меня и поздравляли съ «высокимъ назначеніемъ», и я чувствовалъ себя гораздо хуже, чѣмъ та лошадь, на которую дѣлаютъ ставку, играя въ тотализаторъ, ибо мое начальство стало уже коситься на меня, а Государственный Секретарь, какъ мнѣ сообщали, былъ опредѣленно мною недоволенъ...

Предо мною предносились совершенно другія перспективы, и мерещился не портфель Товарища министра, а немедленная отставка, въ случаѣ если начальство мое заподозрило бы меня въ какой бы то ни было прикосновенности къ этимъ слухамъ.

Въ такихъ терзаніяхъ и мученіяхъ душевныхъ прошло около трехъ недѣль.

Не помню по какому поводу, А. Н. Волжинъ вызвалъ меня къ себѣ... Я давно уже забылъ о непріятномъ впечатлѣніи, оставленномъ предыдущей бесѣдой съ нимъ и, на привѣтствіе А. Н. Волжина, отвѣтилъ ничѣмъ неприкрашенною искрен-

ностью. Между нами произошла та знаменитая бесѣда, какая, годъ спустя, дала члену Думы В. Н. Львову матеріалъ для его рѣчи, произнесенной имъ 29-го Ноября 1916-го года, гдѣ онъ безжалостно и жестоко оклеветалъ меня...

Передать матеріалъ В. Н. Львову могъ только А. Н. Волжинъ; но кто исказилъ его — я не знаю. Многое уже забыто мною, но главное сохранилось въ памяти и, кажется, никогда не исчезнетъ...

Вотъ что было въ дѣйствительности... Бесѣда происходила въ послѣднихъ числахъ Октября 1915 года.

Когда я вошелъ въ кабинетъ А. Н. Волжина, жившаго тогда еще въ Театральномъ переулкѣ, въ квартирѣ директора департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то онъ, съ обычною любезностью, сказалъ мнѣ, что пригласилъ меня къ себѣ по маленькому служебному дѣлу...

«Вотъ, мнѣ все хочется использовать Васъ» — сказалъ онъ — «но никакъ не придумаю, какъ это сдѣлать... Рѣшительно нѣтъ ничего подходящаго для Васъ...»

«Эти Синодальные штаты!» — воскликнулъ А. Н. Волжинъ, съ досадою: «каждый министръ имѣетъ свой совѣтъ, гдѣ по десять, двадцать членовъ; а развѣ Оберъ-Прокуроръ не министръ?! А у меня даже автомобиля нѣтъ... Чертъ знаетъ, что такое!» Взявъ списокъ Синодальныхъ чиновъ, А. Н. Волжинъ сталъ быстро и нервно перелистывать его и, обращаясь то къ себѣ, то ко мнѣ, говорилъ:

«Ну, взять хотя бы этого!.. Служитъ съ 1852-го года!.. Куча дѣтей!.. Куда же гнать его?! А какая съ него польза!.. Или вотъ этотъ, князь Аполлонъ Урусовъ; что съ него возьмешь!?»..

Небрежно протянувъ мнѣ списокъ, А. Н. Волжинъ процѣдилъ сквозь зубы:

«Посмотрите его сами: можетъ быть, найдете для себя что либо подходящее.» Я сидѣлъ съ раскрытыми отъ удивленія глазами и не зналъ, что собственно происходитъ... Получалось впечатлѣніе, что я набиваюсь на службу въ Синодъ, чего то насильно требую, а А. Н. Волжинъ отбивается... Еслибы я въ этотъ моментъ могъ думать, что моя бесѣда съ Императрицей, три недѣли тому назадъ, выразилась въ письмѣ Ея Величества къ Государю, съ опредѣленнымъ указаніемъ моей кандидатуры на постъ Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, то я бы не только указалъ А. Н. Волжину на недопустимость тона и формы его разговоровъ со мною, но, будучи вѣрнымъ присягѣ Царю, довелъ бы и до свѣдѣнія Ихъ Величествъ о томъ, какъ небрежно отнесся А. Н. Волжинъ къ Высочайшей волѣ... Но у меня даже въ мысляхъ не было сдѣлать такое предположеніе: я не могъ себѣ представить, чтобы Императрица писала

бы Государю Императору обо мнѣ... И, потому, усматривая въ намѣреніи А. Н. Волжина привлечь меня на службу въ Синодъ его собственную волю, я наивно отвѣтилъ ему, возвращая списокъ:

«Съ Государственной Канцеляріей я не могу разстаться... Она даетъ мнѣ лѣтніе каникулы, нужные мнѣ для другихъ дѣлъ, въ томъ числѣ и для поѣздокъ въ Бари, гдѣ постройка еще не закончилась... Я могъ бы, поэтому, принять только сверхштатную должность...»

А. Н. Волжинъ подозрительно и недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и рѣзко спросилъ:

«Какую?»..

«Охотнѣе всего я бы принялъ должность сверхштатнаго члена Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, ибо состою почетнымъ попечителемъ церковныхъ школъ 3-го благочинническаго округа своего уѣзда въ Полтавской губерніи, получаю оттуда разнаго рода ходатайства, которыя удовлетворять безсиленъ, ибо никого не знаю въ Училищномъ Совѣтѣ»...

Еще большее сомнѣніе и недовѣріе отразились на лицѣ А. Н. Волжина.

Посмотрѣвъ на меня поверхъ очковъ, онъ очень непріятнымъ тономъ спросилъ меня:

«Ну а мнѣ то, чѣмъ Вы будете полезны? Мнѣ то какая будетъ отъ этого польза?!»..

Однако и этотъ непріятный тонъ не заставилъ меня уразумѣть, что происходитъ въ дѣйствительности, и почему Оберъ-Прокуроръ, желающій привлечь меня къ себѣ на службу, разговариваетъ со мною такимъ тономъ... Не мысля зла, не привыкшій хитрить, я искренно недоумѣвалъ, глядя на А. Н. Волжина и не зная, чего онъ отъ меня хочетъ...

«Ну, а въ чиновники особыхъ порученій 4-го класса Вы бы пошли?.. Вы человѣкъ молодой; разъѣзды бы Васъ не утомили; а іерарховъ Вы знаете; я бы могъ посылать Васъ для ревизій» — сказалъ А. Н. Волжинъ, подозрительно посматривая на меня поверхъ очковъ и точно изучая меня...

«Отчего же» — весело отвѣтилъ я — «если должность эта сверхштатная, и я могу оставаться помощникомъ Статсъ-Секретаря»...

А. Н. Волжинъ былъ окончательно раздосадованъ... Онъ абсолютно не вѣрилъ моей безоблачной искренности, и ему казалось, что я играю съ нимъ... Онъ не только не допускалъ того, что я не знаю о письмѣ Императрицы къ Государю,а , вѣроятно, думалъ, что я самъ продиктовалъ это письмо Распутину, а Распутинъ уговорилъ Императрицу послать письмо Его Величеству... Но, думая такъ, А. Н. Волжинъ не зналъ,

какъ выпытать у меня «правду», и то, что онъ этого не зналъ, раздражало и мучило его...

«Но и эту должность нужно еще создать, а развѣ Дума позволитъ» — съ раздраженіемъ сказалъ онъ.

Сказавъ это, онъ вдругъ точно переродился и чрезвычайно нѣжно, вкрадчиво и любовно спросилъ меня:

«А какъ Вы ... насчетъ Распутина?»..

Такое грубое ощупываніе моего нравственнаго облика заставило меня очнуться... Я понялъ, что означалъ этотъ вопросъ; однако сдержался и, вопросительно глядя на А. Н. Волжина, спросилъ его:

«Т. е.?»..

А. Н. Волжинъ, какъ мнѣ казалось, смутился и, точно отвѣчая на невысказанныя мною мысли, живо сказалъ:

«Ну да, конечно, я понимаю: какое же можетъ быть знакомство съ нимъ; но ... Вы, вѣрно, встрѣчались когда нибудь»...

«Не только встрѣчался, но Распутинъ былъ у меня даже на квартирѣ, лѣтъ пять тому назадъ; но потомъ я его не видѣлъ больше... У меня на его счетъ особое мнѣніе, какое не удовлетворяетъ ни друзей, ни враговъ его»...

А. Н. Волжинъ прервалъ меня, сказавъ:

«А я, знаете, боюсь его и не рѣшился бы принять его даже въ своемъ служебномъ кабинетѣ, въ Синодѣ»...

«Я думаю, что здѣсь недоразумѣніе» — отвѣтилъ я: зачѣмъ выдѣлять его изъ общей массы просителей и тѣмъ подчеркивать его особенное значеніе!?»

А. Н. Волжинъ снова прервалъ меня:

«Если бы я его принялъ, то не иначе, какъ при свидѣтеляхъ.»

«Эта боязнь Распутина» — сказалъ я убѣжденно — «и создаетъ ему тотъ пьедесталъ, съ котораго онъ видѣнъ всему свѣту... Ужъ если министры боятся его, значитъ онъ дѣйствительно страшенъ... Имя Распутина, наоборотъ, нужно всячески замалчивать; это интимная, частичная сфера Ихъ Величествъ, куда никто не долженъ заглядывать... Я хорошо понимаю, съ какимъ недовѣріемъ относятся къ тѣмъ, кто это проповѣдуетъ; но я говорилъ и буду говоритъ, что крики о Распутинѣ, все равно добрые или злые, опаснѣе самого Распутина, и что никто изъ преданныхъ и любящихъ Государя не долженъ даже говорить о Распутинѣ, точно его и нѣтъ вовсе... Какимъ бы Распутинъ ни былъ, но ни Государь, ни Императрица никого не принуждаютъ считать его святымъ, а конкретныхъ преступленій его не могутъ указать и его враги... Тотъ же фактъ, что Распутинъ дѣйствительно преданъ Царю, никѣмъ не отрицается... Въ государственную опасность Распутина я не вѣрю... Его вмѣшательство въ государственныя дѣла

также ни въ чемъ не выражается... Смотрите на него какъ на зауряднаго просителя... Если онъ будетъ добиваться чего либо противозаконнаго, то откажите ему въ просьбѣ; если же его просьба исполнима, то нѣтъ резона отказывать только потому, что она исходитъ отъ Распутина... Для меня онъ никогда не былъ загадочнымъ сфинксомъ... Я давно уже не видѣлъ его; но помню, что далеко не все, что онъ говорилъ, было глупо... Напротивъ, многое казалось мнѣ интереснымъ... Онъ, несомнѣнно, человѣкъ недюжиннаго ума, хитрый, проницательный; но это вовсе не преступникъ, имѣющій готовыя программы и проводящій ихъ въ жизнь. Онъ можетъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ другихъ, но самъ неспособенъ играть первыхъ ролей»...

Эти слова, повидимому, нѣсколько смягчили А. Н. Волжина. Я былъ убѣжденъ, что А. Н. Волжинъ держался такого же мнѣнія и искренно раздѣлялъ мои точки зрѣнія и что, стараясь отмежеваться отъ Распутина, онъ дѣлалъ это только для того, чтобы разсѣять то подозрѣніе въ близости къ Распутину, какое тяготѣло надъ каждымъ вновь назначеннымъ министромъ...

«А какъ Вы считаете Варнаву?» — совершенно инымъ тономъ, въ которомъ звучало уже довѣріе къ моимъ словамъ, спросилъ меня А. Н. Волжинъ: «онъ мнѣ очень нравится. Уменъ, прекрасно говоритъ съ народомъ, великолѣпно служитъ... И за что его травятъ?!»

«Мнѣ онъ тоже нравится» — отвѣтилъ я — «а травятъ за то, что считаютъ «распутинцемъ»... Раньше, вѣдь, нужно было еще доказать, что человѣкъ плохъ; теперь же этого не нужно... Достаточно сказать, что такой то знакомъ съ Распутинымъ, или съ княземъ Андрониковымъ... Умный человѣкъ можетъ быть этого и не скажетъ, но большинство непремѣнно скажетъ»...

Хотя я и сдѣлалъ эту послѣднюю оговорку, но А. Н. Волжинъ, къ удивленію моему, спросилъ меня:

«А Вы знакомы съ княземъ Андрониковымъ?»...

«Нѣтъ, я ни разу его не видѣлъ даже» — отвѣтилъ я.

На этомъ моя бесѣда съ А. Н. Волжинымъ кончилась.

Пріемы А. Н. Волжина скомпрометтировали его въ моихъ глазахъ. Я повѣрилъ отзывамъ, какіе слышалъ о немъ. Онъ былъ недовѣрчивъ, мнителенъ и неискрененъ... При этихъ свойствахъ трудно вѣрить въ искренность другого; еще труднѣе встрѣчаться съ нею... Не вызывая къ себѣ отвѣтнаго довѣрія, А. Н. Волжинъ жилъ въ атмосферѣ лжи, его окружавшей, и совершенно не разбирался въ людяхъ.

Въ письмѣ Ея Величества къ Государю отъ 2-го Ноября 1915 года (Письма, т. 1, стр. 287, № 146) есть неточность, со-

держащаяся въ указаніи, что, предлагая мнѣ списокъ Синодальныхъ чиновъ, Н. Волжинъ ссылался, при этомъ, на желаніе Ихъ Величествъ, чтобы я былъ назначенъ Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода... Наоборотъ, А. Н. Волжинъ тщательно скрывалъ отъ меня этотъ фактъ... Если бы я зналъ объ этомъ, то не было бы и рѣчи о сверхштатномъ членѣ Училищнаго Совѣта, или чиновникѣ особыхъ порученій 4-го класса... Я былъ убѣжденъ, что инициатива привлеченія меня на службу въ Синодъ исходила отъ самого А. Н. Волжина, или же была ему подсказана кѣмъ либо изъ членовъ Государственнаго Совѣта... О желаніи же Ихъ Величествъ я узналъ отъ А. Н. Волжина лишь незадолго до его отставки, и, притомъ, лишь тогда, когда нарушилось равновѣсіе въ нашихъ отношеніяхъ, и я имѣлъ въ виду отказаться отъ сотрудничества съ нимъ... Тогда ссылка на желаніе Государя явилась уже аргументомъ, выдвинутымъ какъ меньшее зло, во избѣжаніе большаго. А. Н. Волжинъ, вѣроятно, опасался, что мой отказъ сотрудничать съ нимъ былъ бы истолкованъ не въ его пользу.

Наступили тяжелые, несносные дни... Газетные слухи о моемъ назначеніи не только не прекращались, а, наоборотъ, усиливались, и я не зналъ, кто вызывалъ ихъ. Вакансія Товарища Оберъ-Прокурора оставалась незамѣщенной, и къ А. Н. Волжину, со всѣхъ сторонъ, тянулись приглашаемые имъ кандидаты на эту должность, то изъ членовъ Думы, то изъ другихъ вѣдомствъ... Поражалъ пестрый составъ приглашаемыхъ... Наряду съ В. П. Шеинымъ[1]) и людьми его настроенія, приглашался также и членъ Думы В. Н. Львовъ... Однако, всѣ переговоры съ ними ничѣмъ не оканчивались, и А. Н. Волжинъ не могъ подыскать себѣ подходящаго... Нѣкоторые изъ этихъ кандидатовъ, послѣ визита къ А. Н. Волжину, заѣзжали ко мнѣ и дѣлились своими впечатлѣніями, разсказывая, что А. Н. Волжинъ глубоко убѣжденъ въ моихъ интригахъ и увѣренъ, что, съ помощью Распутина, я желаю не только занять мѣсто Товарища Оберъ-Прокурора, но и свалить его, чтобы самому сѣсть на его мѣсто... Все это до крайности нервировадо меня. Я не видѣлъ Распутина нѣсколько лѣтъ, не имѣлъ съ нимъ абсолютно никакого общенія, и мое самолюбіе глубоко страдало при мысли, что А. Н. Волжинъ не только самъ не вѣритъ моей искренности, но и вызываетъ недовѣріе ко мнѣ со стороны другихъ людей... Я не могъ объяснить себѣ источника недовѣрія, ибо А. Н. Волжинъ зналъ о моей командировкѣ въ Ставку и о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія отъ этого произошли и какія нашли фотографическое отраженіе въ

[1]) Впослѣдствіи архимандритъ Сергій, управляющій Св. Троицкимъ Подворьемъ въ Петербургѣ, разстрѣлянный въ 1922 году большевиками.

письмахъ Ея Величества къ Государю... Совершенно очевидно теперь и для тѣхъ, кто во мнѣ сомнѣвался, что письмо Ея Величества къ Государю отъ 10-го Октября, 1915 года № 139, написанное въ день данной мнѣ аудіенціи, отражало лишь впечатлѣніе Императрицы отъ бесѣды со мною; что Распутинъ, на котораго, въ Своихъ послѣдующихъ письмахъ ссылалась Государыня, абсолютно не участвовалъ въ созданіи такого впечатлѣнія, а только вторилъ словамъ Императрицы, что было его обычнымъ пріемомъ... Но о письмахъ Императрицы я не могъ даже догадоваться и тщетно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ о томъ, кто вооружилъ противъ меня А. Н. Волжина, и за что онъ такъ казнитъ меня въ то время, когда я не только не питалъ къ нему никакой непріязни, а, наоборотъ, защищалъ его отъ нападокъ, считалъ его хорошимъ человѣкомъ и былъ вполнѣ искрененъ, когда давалъ о немъ добрый отзывъ Императрицѣ.

Въ Ноябрѣ 1915-года послѣдовало назначеніе на Петербургскую кафедру митрополита Питирима, и А. Н. Волжинъ, питавшій къ Владыкѣ крайнюю непріязнь, увидѣлъ въ его лицѣ еще одного моего союзника... Связанный со мною долголѣтней дружбой, митрополитъ Питиримъ, съ своей стороны, поддерживалъ мою кандидатуру въ Синодѣ и давалъ обо мнѣ добрые отзывы Императрицѣ. Но усиливая мои позиціи, онъ еще больше вооружалъ противъ меня А. Н. Волжина... Въ то же время я былъ назначенъ Членомъ Главнаго Управленія по дѣламъ почати, и С. П. Бѣлецкій простодушно заявлялъ всѣмъ, что онъ торопился съ этимъ назначеніемъ исключительно для того, чтобы облегчить мнѣ переходъ изъ 4-го класса въ 3-й классъ должности и устранить даже малѣйшія формальныя препятствія къ назначенію меня Товарищемъ Оберъ-Прокурора...

А. Н. Волжину казалось, что я со всѣхъ сторонъ окруженъ сильнѣйшими союзниками, интригующими противъ него, и, подозрительно оглядываясь по сторонамъ, онъ вымещалъ на мнѣ все болѣе растущее недоброжелательство свое, съ трудомъ скрывая его за внѣшними формами любезности, какія такъ часто вводили меня въ заблужденіе... Мои друзья потѣшались надъ создававшейся коньюнктурой отношеній между А. Н. Волжинымъ и мною... Со стороны это казалось дѣйствительно смѣшнымъ, ибо А. Н. Волжинъ видѣлъ чрезвычайно искусную интригу и очень тонкую игру тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, и не замѣчалъ того, что мое недоумѣніе, при встрѣчѣ съ его недовѣріемъ ко мнѣ, было еще большимъ, чѣмъ его собственное... Однако мнѣ было не до смѣха...

Создалось положеніе, при которомъ я, очевидно, уже не могъ бы сотрудничать съ А. Н. Волжинымъ... Не было ничего,

что могло бы разрушить его предубѣжденіе противъ меня... Атмосфера сгустилась до того, что я былъ счастливъ, когда подошелъ Декабрь, и я могъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, уѣхать въ Ставку.

ГЛАВА XXII.

Отъѣздъ въ ставку.

Въ среднихъ числахъ Декабря, кажется 15-го числа, я былъ уже въ Могилевѣ. Предувѣдомленный о моемъ пріѣздѣ, священникъ А. Яковлевъ ожидалъ меня. Такъ же какъ и въ предыдущій разъ, я прежде всего отправился къ протопресвитеру Шавельскому, а затѣмъ къ дворцовому коменданту, генералу В. Н. Воейкову. Опускаю свою бесѣду съ протопресвитеромъ, ибо не помню ея. Помню лишь, что, въ отвѣтъ на мое ходатайство доложить Государю о моемъ пріѣздѣ, протопресвитеръ заявилъ, что Его Величество никого не принимаетъ, такъ какъ собирается уѣзжать на фронтъ. Такъ же категорически отклонилъ мою просьбу объ аудіенціи и генералъ В. Н. Воейковъ. Мои указанія на то, что Государь Императоръ лично повелѣлъ мнѣ пріѣхать въ Ставку за иконами, и что мнѣ неудобно уѣзжать обратно, не откланявшись Его Величеству, не достигли цѣли. Другихъ путей къ Государю у меня не было, и я на другой день утромъ уѣхалъ изъ Могилева, пробывъ въ Ставкѣ лишь нѣсколько часовъ, вечеромъ, въ день своего пріѣзда...

Настроеніе въ Ставкѣ было еще бодрѣе, чѣмъ раньше: всѣ разсказывали о побѣдахъ и огромной массѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ послѣднихъ бояхъ; но каждый объяснялъ эти побѣды по своему и никто не связывалъ ихъ съ пребываніемъ величайшихъ святынь въ Ставкѣ... Священникъ Яковлевъ и я, съ большимъ вниманіемъ, прислушивались къ этимъ восторженнымъ разсказамъ и дѣлали одинаковые выводы... Было очевидно, что чудотворная Песчанская икона Божіей Матери простояла въ храмѣ никѣмъ незамѣченная... Наша просьба отслужить хотя бы прощальный молебенъ была также отклонена...

Съ помощью того же Е. И. Марахоблидзе, священникъ Яковлевъ и я вынесли святыню изъ храма, установили икону на автомобиль и, никѣмъ не провожаемые, отвезли ее на вокзалъ... Съ величайшимъ трудомъ я могъ добиться только того, что мнѣ дали отдѣльное купе II-го класса въ обыкновенномъ классномъ вагонѣ... О салонъ-вагонѣ не могло быть и рѣчи: никто и слышать не хотѣлъ объ этомъ... Святыни были уве-

зены; но Ставка не простилась съ ними, а меня не допустили проститься съ Государемъ...

Не успѣли мы отъѣхать нѣсколько верстъ отъ Могилева, какъ наше купе переполнилось посторонними людьми, и мы, съ величайшимъ трудомъ, доѣхали до Харькова, гдѣ была пересадка... Поѣзда ходили не регулярно... Нужно было долго ожидать поѣзда, идущаго въ Изюмъ... Мы прибыли туда, вмѣсто 10 часовъ утра, лишь въ 2 часа ночи...

«Что то будетъ, какъ Вы думаете, батюшка?» — спросилъ я.

«О, какъ же велико долготерпѣніе Божіе!» — воскликнулъ о. Александръ — «какъ неизреченна милость Царицы Небесной... Съ того часа, какъ святыня наша прибыла въ Ставку, я каждый день слѣдилъ за телеграммами съ фронта... Дивился и плакалъ, и молился народъ... За все время, вѣдь, не было ни одного пораженія, ни одного отступленія... А плѣнныхъ то сколько было!.. По десяткамъ тысячъ заразъ брали. На фронтѣ, вѣрно, даже не знали, что наша святыня въ Ставкѣ; а въ Ставкѣ, извѣстное дѣло, объясняли все иначе... А мы, простые, неученые люди, видѣли, что не подъ силу сатанѣ сокрушить благодать Божію; боялся нечистый Пресвѣтлаго Лика Матери Божіей и не посмѣлъ, значитъ, посягать... Хотя и съ превеликимъ небреженіемъ отнеслись ученые да образованные, по научному манеру, люди къ святынѣ, а не подобало Матери Божіей наказывать за ихъ слѣпоту всю Россію, и Царица Небесная всѣхъ невидимо покрывала и, ради Помазанника Божія, всѣмъ помогала... А, если бы повѣрили гласу Угодника Іоасафа, да послушались Его, да встрѣтили бы святыню подобающимъ образомъ, то и война бы уже кончилась... А какъ будетъ теперь, то Одному Милосердному Господу вѣдомо... Какъ не прогнѣвается Господь, то все пойдетъ по хорошему; а какъ прогнѣвается за упорство и гордость и маловѣріе, тогда будетъ страшно»...

«А Вы не разсказывали о томъ, какъ встрѣтили святыню въ Ставкѣ?» — спросилъ я.

«Боже меня сохрани, какъ можно! даже своимъ не говорилъ... Да и о проводахъ умолчу, чтобы не было соблазна» — отвѣтилъ о. Александръ.

«И мнѣ страшно» — сказалъ я. «Господь все сдѣлалъ для того, чтобы пробудить слѣпыхъ, а люди не узнали Руки Божіей и отвергли Ее»...

Подъѣзжая къ г. Изюму, мы изъ конца вагона увидѣли, что не только станція, но и огромная площадь предъ вокзаломъ, стоявшимъ среди поля, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ города, была переполнена народомъ, ожидавшимъ прибытія святыни.

«Посмотрите» — сказалъ мнѣ о. Александръ — «цѣлый день стоитъ народъ на морозѣ, съ хоругвями и свѣчами въ рукахъ... И простоялъ бы такъ всю ночь»...

«Узнаю Вашу паству» — отвѣтилъ я.

Я выглянулъ изъ окна и замѣтилъ, какъ народъ, при видѣ приближавшагося поѣзда, засуетился и сталъ зажигать свѣчи... Было 2 часа ночи... Холодно и темно... И на фонѣ безпросвѣтнаго мрака, гдѣ виднѣлись только одни силуэты, вспыхивали въ толпѣ яркія звѣздочки...

Прошло еще одно мгновеніе, и процессія медленно двинулась по окаменѣлому, скованному морозомъ, шоссе, направляясь въ село Пески...

Впереди и по сторонамъ ѣхали верховые, съ факелами въ рукахъ, освѣщая путь...

Никогда еще эти люди, эти женщины и дѣти, закутанные въ платкахъ, одѣтые въ полушубки, съ огромными рукавицами на рукахъ, не были мнѣ ближе и роднѣе, чѣмъ въ этотъ моментъ... Никто не былъ и къ Богу ближе, чѣмъ этотъ сѣрый народъ, такой вѣрующій, такой смиренный, довольный своей долей и невзыскательный... И я вспомнилъ деревню, три года службы въ ней, свое общеніе съ народомъ, всѣ радости и горе, какія дѣлилъ съ нимъ. И на фонѣ этого прошедшаго мое настоящее, всѣ эти верхи служебной лѣстницы, эти перспективы сдѣлаться Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, все это показалось мнѣ не только не нужнымъ, но и грѣховнымъ, удалявшимъ отъ «настоящей» жизни, отъ здоровыхъ корней, побѣдою дьявола, вырвавшаго меня изъ народа и бросившаго въ пучину мірскаго водоворота...

Прошло уже два часа, а село только виднѣлось на горизонтѣ...

Никто не жаловался ни на холодъ, ни на утомленіе: всѣ шли безъ шапокъ, и стройный хоръ пѣвчихъ попрежнему оглашалъ воздухъ въ ночной тишинѣ... Никто не спѣшилъ домой... Подлѣ своей святыни, всѣ чувствовали себя дома... Только къ 6 часамъ утра крестный ходъ подошелъ къ храму, который, какъ свѣча предъ Богомъ, горѣлъ сотнями огней среди села, погруженнаго въ мракъ... Святыня была установлена посреди храма, и начались безпрерывные молебны... О. Александръ не успѣвалъ принимать записочекъ, подаваемыхъ ему со всѣхъ сторонъ, и вычитывалъ, съ большою любовью, всѣ имена, начиная съ имени Государя и Царской Семьи, за которыми слѣдовалъ перечень крестьянскихъ, простонародныхъ именъ... Никто не спалъ въ эту ночь... До самаго утра длилась молитва въ храмѣ, и только къ 9-ти часамъ, усталый, въ полномъ изнеможеніи, достойнѣйшій сельскій пастырь, установивъ святыню на ея прежнее мѣсто, покинулъ храмъ.

Въ этотъ же день я уѣхалъ въ Бѣлгородъ, куда отвезъ Владимірскій образъ Божіей Матери, а затѣмъ въ Кіевъ, къ роднымъ, гдѣ и провелъ Рождественскіе праздники... Слухи о моемъ назначеніи Товарищемъ Оберъ-Прокурора достигли и Кіева... Меня разспрашивали о нихъ; но я не зналъ, что отвѣчать...

Мои мысли витали въ другой сферѣ, откуда я боялся спускаться на землю.

Я чувствовалъ одновременно и близость Бога, и страхъ Божій...

Пусть люди называютъ мою вѣру мистикою, фантазіей, или больнымъ воображеніемъ; но тотъ фактъ, что во время пребыванія святыни въ ставкѣ не было не только пораженій на фронтѣ, а, наоборотъ, были только побѣды, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, кто провѣритъ этотъ фактъ по телеграммамъ съ фронта за время съ 4-го октября по 15-ое декабря 1915-го года, не вызывалъ во мнѣ никакихъ сомнѣній, и, сквозь призму этого факта, я расцѣнивалъ и все то, что меня окружало и что пріобрѣтало въ моихъ глазахъ другую окраску...

Такъ кончился 1915-й годъ.

ГЛАВА XXIII.

Наканунѣ.

Дурными предзнаменованіями начался 1916 годъ. Святыни покинули Ставку въ декабрѣ 1915 года, и тѣ, кто связывалъ успѣхи на фронтѣ съ ихъ пребываніемъ въ Ставкѣ, тѣ стали приписывать ихъ отъѣзду всѣ послѣдовавшія неудачи на войнѣ. Началось отступленіе по всему фронту, что объяснялось только стратегическими ошибками, только недостаткомъ орудій и снарядовъ, только плохимъ снабженіемъ арміи. Но вотъ скоро всѣ эти недостатки были устранены: снабженіе арміи было поставлено на небывалую высоту, а снаряды были приготовлены въ такомъ огромномъ количествѣ, что ихъ хватило бы на цѣлые годы. А побѣды не было. Наоборотъ, военные горизонты омрачались все болѣе зловѣщими тучами; появились грозные признаки разложенія арміи, выражавшіеся въ массовомъ дезертирствѣ, а наряду съ этимъ все выпуклѣе и рельефнѣе вырисовывалась роль союзниковъ, оправдывавшая недовѣріе къ нимъ и обезцѣнивавшая всѣ наши жертвы.

«Чѣмъ же все это кончится? Что же будетъ дальше?» Такъ думали тѣ, кто не прозрѣвалъ за внѣшними грозными

событіями той закулисной игры, какая сводилась къ одновременному уничтоженію Россіи и Германіи въ интересахъ третьихъ лицъ, задача которыхъ состояла не только въ сокрушеніи двухъ могущественныхъ монархій, какъ оплота христіанской цивилизаціи и культуры, но и въ ликвидаціи самого христіанства. Но тѣ, кто это зналъ, знали и то, что будетъ дальше, и что нужно дѣлать для того, чтобы этого не было. Тѣ, не боясь обвиненій въ германофильствѣ, указывали на безуміе войны между тѣми, кто связанъ общими интересами и долженъ поддерживать другъ друга, и не только въ цѣляхъ политическихъ, или экономическихъ, но и въ цѣляхъ міровыхъ, въ интересахъ спасенія всей Европы отъ гонителей христіанской идеи. Тѣ громко осуждали политику русскаго правительства, дважды отклонявшаго просьбы о перемиріи со стороны истощенной Германіи, имѣвшей впереди себя Россію, а въ тылу — Францію. Два раза былъ пропущенъ моментъ для заключенія почетнаго мира, ибо отравленное общественное мнѣніе, сознательно и безсознательно осуществлявшее директивы его руководителей, требовало войны до конца, до полной побѣды... еврейства надъ христіанствомъ.

Было очевидно, что Россія катилась въ бездну; но въ это никто не вѣрилъ. И даже самые крайніе пессимисты, все же, были убѣждены въ томъ, что, въ концѣ концовъ, «все образуется». Иного мнѣнія были тѣ, кто оцѣнивалъ политическій моментъ съ точки зрѣнія осуществлявшихся интернаціоналомъ программъ. Но этихъ людей называли мистиками, и ихъ сужденія разсматривались какъ «вредный мистицизмъ».

Слишкомъ далеко стояли русскіе отъ Россіи для того, чтобы замѣтить перемѣны въ ея судьбѣ, чтобы обнять сущность политическаго момента въ его цѣломъ, а не только въ отношеніи его послѣдствій для каждаго въ отдѣльности.

Слишкомъ твердо укоренилась привычка русскихъ людей оцѣнивать окружающее съ точки зрѣнія одной только внѣшности, безъ мысли о томъ, что скрываетъ эта внѣшность съ духовной стороны. И въ то время, когда на фронтѣ рѣшался вопросъ не о побѣдѣ Россіи надъ Германіей, или наоборотъ, а вопросъ о судьбѣ Россіи и участи христіанства, въ это время жизнь въ тылу являла собою картину пира Вальтасара, и безпечные люди оцѣнивали всѣ ужасы войны лишь съ точки зрѣнія личныхъ лишеній и причиненныхъ войной неудобствъ. Почти никто не чувствовалъ своихъ личныхъ обязательствъ къ фронту; мало кто думалъ, что Россія уже наканунѣ своей гибели.

Пути Господни неисповѣдимы; но законы Бога — непреложны!

Еще меньше было тѣхъ, кто понималъ, что происходило въ тылу, и что выражала собою та вакханалія сатанинской злобы, какая бушевала въ самомъ Петербургѣ и всею своею тяжестью обрушивалась на самыхъ лучшихъ, самыхъ чистыхъ, самыхъ преданныхъ слугъ Царя и Россіи.

Всѣ видѣли и слышали, какой жестокой травлѣ со стороны революціонеровъ подвергались эти лучшіе люди; но всѣ молчали, никто не заступался за нихъ. Наоборотъ, гипнозъ былъ такъ великъ, общественная мысль была уже до того терроризована, что къ этой травлѣ присоединялись даже тѣ, кто обязанъ былъ, по долгу присяги, бороться съ нею...

И среди этихъ лучшихъ людей, особенно ненавистныхъ революціонерамъ, занималъ едва ли не первое мѣсто Петербургскій митрополитъ Питиримъ. Это и понятно, ибо дѣлатели революціи, скрывавшей въ своихъ нѣдрахъ идею ликвидаціи христіанства, не могли, конечно пройти мимо Первоіерарха Церкви, стоявшаго на стражѣ Православія.

ГЛАВА XXIV.

Высокопреосвященный Питиримъ, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Механизмъ русскаго государственнаго аппарата былъ расшатанъ еще задолго до революціи 1917 года. Однако порча государственной машины нигдѣ не сказывалась съ такою наглядностью, какъ на верхахъ. Въ то время, какъ городовые еще гордо прохаживались по улицамъ, побѣдоносно оглядываясь на прохожихъ и заставляя трепетать хулигановъ; въ то время, какъ уѣздные исправники и становые пристава, стяжавъ себѣ славу самодержцевъ, наводили еще страхъ на обывателей деревни, въ это время министры чувствовали себя точно въ плѣну у Государственной Думы и прессы и открыто признавались въ своемъ безправіи и безсиліи. Каждый изъ нихъ былъ выбитъ изъ колеи и былъ лишенъ фактической возможности не только руководить государственною работою въ цѣломъ, или въ части своего вѣдомства, но и проявлять личную иниціативу: престижъ власти покоился не на существѣ ея, а на ея внѣшнихъ декораціяхъ. Не было тѣхъ сильныхъ и властныхъ людей, которые, учитывая положеніе политическаго момента, умѣли бы повелѣвать, не оглядываясь на Думу и создаваемое ею общественное мнѣніе, которые бы отваживались на рѣшительныя дѣйствія, включительно до ареста и преданія суду найболѣе преступныхъ членовъ Думы и разгона

ея... И вслѣдствіе этого удѣломъ власти оставалось только качаться какъ маятникъ, входить во всевозможные компромиссы съ самыми разнородными вліяніями, допускать меньшее зло во избѣжаніе большаго... Твердость, опредѣленность, прямолинейность, осуществленіе вѣдомыхъ, разумныхъ, глубокопродуманныхъ государственныхъ программъ — все это жило лишь въ предѣлахъ недосягаемой мечты, а фактически оказывалось невозвожнымъ... Законность встрѣчала рѣзкій отпоръ, и ко времени наступленія революціи едва ли не въ каждомъ департаментѣ каждаго министерства находилось уже 90% революціонеровъ, поддерживаемыхъ Думою и прессою, бороться съ которыми можно было только пулеметами... Но для этихъ мѣръ не было людей...

Въ такомъ же подневольномъ положеніи находилась и церковная власть.

Здѣсь разложеніе сказывалось еще глубже, и церковная власть не только не составляла опоры государственной власти, но и сама держалась лишь съ помощью послѣдней.

Въ это смутное время, года за два до революціи, на Петербургскую кафедру былъ назначенъ Экзархъ Грузіи, Высокопреосвященный Питиримъ, архіепископъ Карталинскій, бывшій передъ тѣмъ архіепископомъ Самарскимъ и Ставропольскимъ, раньше архіепископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ, а еще раньше Курскимъ и Обоянскимъ. Обстоятельства, при которыхъ состоялось это назначеніе, и время пребыванія митрополита Питирима на кафедрѣ Первосвятителей Россійскихъ окружены такими легендами, что долгъ уваженія къ правдѣ, безотносительно даже къ долгу дружбы, которою я былъ связанъ съ почившимъ Владыкою 10 лѣтъ, обязываетъ меня громко разоблачить эти легенды.

Я отдаю себѣ ясный отчетъ въ исключительной трудности поставленной задачи. Къ этимъ легендамъ нельзя подходить неподготовленнымъ, во-первыхъ потому, что для уясненія ихъ необходимо знакомство съ исторической перспективой, предшествовавшей революціи, во-вторыхъ — знакомство съ духовнымъ обликомъ митрополита Питирима. Оба эти условія чрезвычайно сложны. Первое требуетъ историческаго очерка революціи; второе обязываетъ къ психологическому анализу сущности и идеи монашества. Обстоятельства настоящаго времени, въ связи съ отсутствіемъ требуемыхъ матеріаловъ, заставляютъ меня ограничиться только тѣми свѣдѣніями, какія сохранились въ моей памяти и относятся непосредственно къ личности митрополита Питирима. Революція замела много слѣдовъ; однако исторія съумѣетъ разобраться въ правдѣ и отведетъ митрополиту Питириму замѣтное мѣсто на своихъ страницахъ. Тогда обнаружатся и политическіе мотивы ле-

гендъ, распространявшихся вокругъ его имени. Я не буду ихъ касаться; скажу лишь, что тотъ, кто умѣетъ возвышаться надъ жизнью и въ ходѣ повседневныхъ событій улавливать законы исторической послѣдовательности, тотъ оцѣниваетъ значеніе этихъ событій не только по ихъ сущности, но и по связи ихъ съ тѣми причинами, коими онѣ вызваны.

Легенды вокругъ имени митрополита Питирима были обычнымъ революціоннымъ пріемомъ въ рукахъ дѣлавшихъ революцію и преслѣдовавшихъ самыхъ опасныхъ враговъ своихъ. Странно не то, что революціонеры, ставившіе себѣ цѣлью ликвидацію христіанства, обрушились на Первоіерарха Русской Церкви, а странно то, что они заставили и враговъ своихъ повѣрить той клеветѣ, какую они распространяли вокругъ Первосвятителя.

Какъ ни отрывочны мои воспоминанія, но и то немногое, что содержится въ нихъ, достаточно — думается мнѣ — не только для того, чтобы разсѣять злостную клевету вокругъ имени почившаго Владыки, но и для того, чтобы, съ чувствомъ величайшаго уваженія, склониться предъ его памятью.

Сынъ соборнаго протоіерея г. Риги, митрополитъ Питиримъ, въ мірѣ Павелъ Васильевичъ Окновъ, родился въ г. Ригѣ и росъ въ исключительно благопріятной семейной обстановкѣ. Духовенство Прибалтійскаго края, какъ извѣстно, рѣзко отличалось отъ всего прочаго, какъ высотою своего образованія, такъ и отсуствіемъ той специфической кастовой окраски, какая вообще свойственна духовенству. Родители П. В. Окнова были столько же духовно просвѣщенными, сколько и глубоко образованными людьми и окружали своего сына всѣми условіями, способствовавшими его духовному росту. Особенно сильно было вліяніе матери, о которой митрополитъ Питиримъ всегда отзывался съ чувствомъ величайшаго сыновнаго благоговѣнія, говоря, что его единственнымъ посмертнымъ желаніемъ будетъ просьба похоронить его рядомъ съ ея могилою.

Материнское вліяніе, въ связи съ глубокими религіозными основами, заложенными отцомъ, наложило на природу мальчика отпечатокъ чрезвычайной женственности. Я особенно подчеркиваю этотъ фактъ и желалъ бы сосредоточить на немъ преимущественное вниманіе, ибо безъ этого условія весьма многое въ послѣдующей жизни митрополита Питирима останется не понятнымъ.

По природѣ крайне застѣнчивый и робкій, мальчикъ чуждался людей, и его любимымъ занятіемъ было чтеніе Четій-Миней, за которыми онъ просиживалъ цѣлыми днями, восхищаясь подвигами святыхъ и уносясь мечтами на небо. Въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе тѣхъ дѣтей, которые, при приближеніи родителей, или воспитателей и гувернеровъ, прятали

«Житія Святыхъ», изъ опасенія встрѣтиться съ упреками въ одностороннемъ развитіи мысли, или съ совѣтами поѣхать въ гости, или въ театръ. Наоборотъ, умные родители П. В. Окнова всячески способствовали развитію религіознаго сознанія своего сына, шли навстрѣчу его сомнѣніямъ, утверждали его въ вѣрѣ, закрѣпляли заложенныя природою основы.

Они были слишкомъ умны для того, чтобы не знать, что дѣтскую природу можно только испортить, но не улучшить и, потому, предоставляя своему сыну полную свободу въ области его духовныхъ влеченій, не насиловали его природы, а старались только уберечь ее отъ заразы, отъ всего того, что медленно и постепенно отнимаетъ у человѣка тотъ безцѣнный даръ Божій, съ коимъ онъ рождается — его вѣру. И дѣтскіе годы митрополита Питирима, окруженнаго заботливымъ и нѣжнымъ попеченіемъ родителей, были сплошнымъ, безостановочнымъ порывомъ его чистой, неиспорченной души къ Богу. Онъ не зналъ того дѣтства, какое неразлучно съ шумными играми и забавами; не зналъ и юности, съ ея искушеніями и соблазнами; а тянулся къ Богу, какъ цвѣтокъ Божій тянется къ солнцу. А тамъ, гдѣ Богъ, тамъ тишина, тамъ одиночество... Но вотъ промчались дѣтскіе годы. Наступила пора ученія, и родители отдали мальчика въ классическую гимназію г. Риги. Тотъ фактъ, что мальчикъ воспитывался въ гимназіи, а не въ семинаріи, имѣлъ также огромное значеніе. Гимназія дала ему свѣтское воспитаніе, но сохранила его пламенную вѣру, сберегла его юношескіе порывы къ Богу. Присяжные защитники семинарій, или диллетанты, отдаютъ послѣдней всѣ преимущества предъ гимназіей. Но это невѣрно. Можетъ быть, въ отношеніи объема и содержанія учебныхъ программъ они и правы, но тотъ фактъ, что семинаристы, по выходѣ изъ семинаріи, часто не имѣютъ никакой вѣры, а идутъ въ Духовныя Академіи, принимая иноческій постригъ не по влеченію къ иночеству, а ради карьерныхъ цѣлей, кажется, не вызываетъ спора. Гимназисты же, получившіе религіозное воспитаніе, часто неизмѣримо устойчивѣе въ вѣрѣ, чѣмъ семинаристы, связанные заранѣе намѣченными жизненными программами. Если бы не искусственныя преграды, задерживающія воспитанниковъ гимназій отъ поступленія въ Духовныя Академіи, то процентъ гимназистовъ, принимающихъ иноческій санъ, несомнѣнно бы превысилъ процентъ семинаристовъ и улучшилъ бы качественный составъ духовенства.

Среди сверстниковъ своихъ, товарищей по гимназіи, П. В. Окновъ отличался такою исключительною религіозностью, какая умиляла однихъ, но въ тоже время вооружала противъ него другихъ; по этому онъ рано познакомился съ тѣмъ, что заставляло его таить въ себѣ свою вѣру, скрывать ее отъ окру-

жавшихъ, казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и пріучило его къ одиночеству и уединенію. Мы часто проходимъ мимо того содержанія, какое заключается въ понятіи «казаться не тѣми, какими мы созданы»; а между тѣмъ психологія этого понятія оченъ сложна и глубока.

Кажутся не тѣми, какими они есть, или очень дурные, или, наоборотъ, очень хорошіе люди. Первые потому, что стараются казаться лучше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ; вторые потому, что стыдятся своихъ нравственныхъ преимуществъ предъ другими, скрываютъ ихъ, стараются ихъ сдѣлать незамѣтными, сознательно удаляются отъ всего того, что могло бы ихъ возвеличить въ глазахъ другого... Здѣсь беретъ свое начало величайшій изъ подвиговъ, доступныхъ человѣку — юродство во Христѣ — который начинается именно съ этого нежеланія казаться «хорошимъ», продолжается усиліями «казаться хуже» и заканчивается умышленнымъ приписываніемъ себѣ несуществующихъ грѣховъ, чтобы вызвать поношенія и поруганія и этимъ крестнымъ путемъ очистить душу отъ грѣховной заразы и искоренить самый источникъ грѣха — самолюбіе.

Дѣтскій умъ юноши П. В. Окнова рано это понялъ, какъ понялъ и то, что только въ уединеніи и тишинѣ можно оставаться съ Богомъ, и что Богъ не любитъ шума. По природѣ застѣнчивый и робкій, онъ все чаще удалялся отъ своихъ сверстниковъ и товарищей, съ которыми не сживался, и которые его не понимали. Онъ встрѣчался съ упреками въ надменности и высокомѣріи именно въ то время, когда всѣмъ сердцемъ тянулся не только къ товарищамъ, но и ко всѣмъ людямъ, прося у нихъ только одного — чтобы они позволили ему оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, позволили бы быть искреннимъ, не принуждали лгать или носить маску, не смѣялись бы надъ его вѣрою и любовью къ Богу. Однако его всѣ звали къ себѣ, сердились, когда онъ не шелъ, но исполнить этой единственной просьбы никто не желалъ...

Каждый старался его передѣлать на свой образецъ, каждый требовалъ уступокъ отъ него; а ему ни въ чемъ никто не хотѣлъ уступить...

И мальчикъ все глубже и глубже входилъ въ себя, дѣлался все болѣе сосредоточеннымъ и замкнутымъ.

Кто не помнитъ поры своего дѣтства и нѣжныхъ попеченій матери, бережно охранявшей нашу дѣтскую вѣру, научившей насъ молиться и возноситься къ Богу; кто не помнитъ своей юности и тѣхъ соблазновъ, съ которыми встрѣчалась наша вѣра, тѣхъ сомнѣній и колебаній, какія наступали позднѣе, когда предъ нами возникалъ вопросъ, какъ жить и что дѣлать, чтобы избѣжать компромиссовъ съ совѣстью, уга-

дать свое призваніе, выполнить волю Божію, а не свою, не согрѣшить предъ Богомъ?!

И какъ же разрѣшались тогда всѣ эти сомнѣнія и колебанія, всѣ эти сложные перекрестные вопросы?!

Такъ, какъ разрѣшаются всегда въ пору ранней юности, когда душа еще не покрыта грѣховной пылью, когда не придавлена еще къ землѣ тяжелымъ грузомъ и собственныхъ грѣховъ, и жизненныхъ невзгодъ, когда бѣгство изъ міра, отреченіе отъ мірскихъ благъ и иноческіе подвиги въ келіи монастырской кажутся единственнымъ способомъ спасенія...

Тогда это положеніе казалось безспорнымъ и не вызывало никакихъ сомнѣній у неиспорченной юности, и никакіе доводы взрослыхъ не могли поколебать его... Почему?.. Потому, что юность чутьемъ угадывала ту правду, до которой вдумчивые люди приходятъ нерѣдко только въ старости, когда признаются, что всю жизнь шли невѣрнымъ путемъ, и что дѣтское чутье ихъ не обманывало. Сначала такое убѣжденіе выростаетъ на почвѣ усталости отъ борьбы за свою вѣру, когда не хватаетъ уже больше силъ защищать ее отъ посягательствъ извнѣ и хочется бѣжать отъ чужихъ людей и найти своихъ, среди которыхъ можно оставаться правдивымъ и не скрывать своихъ убѣжденій, и не бояться насмѣшекъ и преслѣдованій. Затѣмъ, мысль о бѣгствѣ изъ міра начинаетъ пріобрѣтать точки опоры въ сознаніи бренности и суетности земныхъ благъ и окончательно утверждается на страхѣ отвѣтственности предъ Богомъ, когда становится все болѣе яснымъ, что нельзя служить двумъ господамъ, и что между правдою и ложью нѣтъ середины, что наша душа въ дѣйствительной, а не въ воображаемой опасности, и что нужно спѣшить, чтобы спасти ее... Вѣдь Господь всѣмъ кающимся обѣщалъ спасеніе, но никому не обѣщалъ завтрашняго дня...

И юность спѣшила навстрѣчу Богу. И чѣмъ безгрѣшнѣе она была, тѣмъ больше спѣшила, тѣмъ большія требованія предъявляла къ себѣ..

А годы шли; время брало свое; недремлющія страсти крѣпли, новыя нарождались; что казалось вѣрнымъ вчера, стало казаться невѣрнымъ сегодня; охладѣвали порывы; ослабѣвалъ страхъ Божій... На смѣну неуловимому чутью явились доводы разума, столь же различные, сколь различны умы человѣческіе, и съ яростью великою обрушивались эти доводы горделиваго ума на смиренную совѣсть и заглушали ея голосъ...

«Неужели же Всеблагой Творецъ такъ жестокъ, что требуетъ жертвъ отъ человѣка, требуетъ отреченія отъ міра и бѣгства отъ него.?! Зачѣмъ же Онъ создалъ тогда этотъ міръ!.. Но, если міръ такъ ужасенъ, что губитъ даже мысль о Богѣ и спасеніи души, то тѣмъ нужнѣе оставаться въ немъ тѣмъ,

кто живетъ этою мыслью, кто можетъ работать и трудиться на пользу ближняго, вмѣсто того, чтобы бѣжать изъ міра съ мыслью о собственномъ спасеніи... Опасна не внѣшность, а отношеніе къ ней, и гораздо большая заслуга въ томъ, чтобы среди нечистыхъ остаться чистымъ, среди неправды мірской остаться вѣрнымъ Богу, чѣмъ бѣжать отъ неправды, не дѣлая даже попытокъ вступать съ нею въ борьбу... Не только монастырь, но и рай не спасаетъ самъ по себѣ. И въ раю первый человѣкъ, находившійся въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ, палъ жертвою своего грѣха; и среди апостоловъ, окружавшихъ Христа Спасителя, былъ Іуда; а разбойникъ на крестѣ, прожившій всю жизнь въ міру разбоемъ и злодѣйствомъ, былъ взятъ Господомъ на небо»...

И по мѣрѣ этихъ нашептываній діавольскихъ, число бѣжавшихъ навстрѣчу Богу все уменьшалось. Одни не хотѣли, другіе не умѣли распознать, какая непостижимая гордость скрывалась за этими нашептываніями, и поворачивали на задъ, не довѣряя порывамъ стремительной юности, предпочитая дождаться указаній зрѣлаго возраста, а, дождавшись его, уже не возвращались больше къ этимъ вопросамъ, забывали ихъ и отдавались общему теченію жизни, и развѣ только предъ смертью тяжело вздохнули отъ сознанія, что измѣнили своему долгу предъ Богомъ, не выполнили своей задачи на землѣ... Остались только тѣ, кто чутьемъ угадывалъ природу этихъ нашептываній, кто зналъ, что для того, чтобы идти въ міръ спасать другихъ, нужно знать, как ъ это дѣлать, что раньше, чѣмъ учить другихъ, нужно научиться самому... Остались смиренные; и среди нихъ остался и П. В. Окновъ.

Ко времени окончанія курса въ гимназіи, въ 1879 году, его міросозерцаніе уже вполнѣ опредѣлилось. Въ его сознаніи жизнь предносилась какъ служеніе Богу, какъ выполненіе опредѣленныхъ обязательствъ, возложенныхъ Богомъ на человѣка, подъ условіемъ предъявленія отчета, отъ котораго зависитъ загробная участь человѣка. Онъ отвергалъ доводы горделиваго ума, ниспровергавшаго такую вѣру ссылками на то, что Богъ не можетъ занимать въ отношеніи человѣка положенія враждующей стороны; онъ и не пытался проникать въ природу Божескихъ законовъ, ибо обладалъ уже духовнымъ зрѣніемъ въ той степени, какая свидѣтельствовала, что законы Бога непреложны, и нарушеніе воли Божіей вызываетъ возмездіе по слову Господа: «Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ».

Съ этимъ міросозерцаніемъ онъ и вступилъ въ Кіевскую Духовную Академію, куда привлекала его и слава матери городовъ русскихъ, и Кіево-Печерская Лавра, съ ея святынями и подвижниками, не останавливаясь предъ тѣмъ, что аттестатъ зрѣлости, дававшій ему право поступить безъ экзамена въ

одно изъ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, не избавлялъ его отъ вступительныхъ экзаменовъ въ Духовную Академію, особенно трудныхъ для питомца свѣтской школы.

Академія не была для П. В. Окнова этапомъ къ духовной карьерѣ. Какъ ни отчетливо онъ сознавалъ свою задачу на землѣ, какъ ни ясны были для него тѣ цѣли, къ которымъ онъ стремился, однако, не довѣряя еще своимъ силамъ и учитывая значеніе иноческихъ обѣтовъ, П. В. Окновъ поступилъ въ Академію безъ мысли о монашествѣ. Онъ имѣлъ въ виду служеніе Богу въ санѣ священника, былъ одушевленъ мыслью вернуться, по окончаніи курса въ Академіи, на родину и помогать отцу. Мысль о монашествѣ возникла у него позднѣе, подъ вліяніемъ тѣхъ причинъ, съ которыми онъ встрѣтился уже въ бытность свою студентомъ Академіи. До этого времени П. В. Окновъ, — хотя и шелъ тернистымъ путемъ къ Богу, но все же бодро смотрѣлъ впередъ, успѣшно отбивался отъ всего, что осложняло его путь. . . И препятствія на пути были небольшія, и руководство мудрыхъ родителей было опорою.

Съ поступленіемъ же въ Академію, онъ остался одинъ среди новыхъ товарищей, и это время было періодомъ тяжкихъ для него испытаній, заставлявшихъ его все чаще прибѣгать къ совѣтамъ и наставленіямъ лаврскихъ старцевъ и сообразоваться съ ихъ указаніями. Онъ шелъ въ Академію съ единственною цѣлью запастись тѣми спеціальными познаніями, какія бы помогли ему вести дальнѣйшую борьбу съ препятствіями на пути къ Богу, облегчили бы выполненіе его жизненныхъ задачъ и нравственныхъ обязательствъ. И онъ, съ ужасомъ, замѣтилъ, что его товарищи по Академіи не только далеки отъ этихъ цѣлей, не только не отдаютъ себѣ отчета въ значеніи и цѣли пріобрѣтаемыхъ ими познаній, но не проникнуты даже обычною для ихъ возраста религіозною настроенностью, а пришли въ Академію только за дипломомъ, чтобы использовать его съ найбольшими для себя выгодами. Значительная часть этихъ товарищей, главнымъ образомъ, сыновья духовенства, явились въ Академію только потому, что не попали въ Университетъ. Они не только ни во что не вѣрили, но съ крайнимъ пренебреженіемъ относились къ пастырской дѣятельности своихъ отцовъ; и эти то, по преимуществу, стремились къ иночеству, чтобы избѣгнуть «ремесла» родительскаго. Идейныхъ побужденій у нихъ не было: былъ только расчетъ, ничѣмъ не прикрашенный.

Тяжело было общество такихъ товарищей для молодого П. В. Окнова, и онъ все чаще удалялся отъ нихъ и въ бесѣдахъ съ старцами искалъ отрады. Его страшило равнодушіе къ вопросамъ вѣры, этому единственному фундаменту истиннаго знанія; но еще болѣе страшило его то дерзновеніе, съ которымъ

его товарищи по Академіи принимали иноческій постригъ, давая страшные обѣты Богу безъ рѣшимости ихъ исполнить, разсматривая монашество какъ путь къ епископству и связаннымъ съ нимъ внѣшнимъ благамъ.

Встрѣтился онъ въ Академіи и съ явленіемъ, какое было для него новымъ и природу котораго онъ не могъ постигнуть. То нехорошее чувство зависти, какое онъ наблюдалъ среди своихъ товарищей по гимназіи, и какое рождалось на почвѣ соревнованія въ наукахъ, вытекало здѣсь изъ совершенно иныхъ источниковъ. Онъ увидѣлъ, что его товарищи по Академіи питаютъ это чувство не къ тѣмъ, кто выдвигается своими способностями и прилежаніемъ и вслѣдствіе этого пользуется преимущественнымъ вниманіемъ со стороны ректора или профессоровъ Академіи, а къ тѣмъ, кто проникнутъ религіознымъ настроеніемъ и слѣдитъ за своимъ духовнымъ ростомъ. Это открытіе казалось ему чудовищнымъ. Онъ понималъ, что еще можно завидовать внѣшнимъ преимуществамъ другого; это явленіе, къ несчастью, обычно и распространено среди тѣхъ, кто стремится къ земнымъ благамъ и обладаніе ими ставитъ цѣлью своей жизни... Но зависть къ нравственнымъ преимуществамъ, и притомъ среди воспитанниковъ Духовной Академіи, казалась ему невѣроятною. Между тѣмъ, онъ встрѣтился съ этимъ явленіемъ не только въ Академіи, но и по выходѣ изъ нея, въ монашеской средѣ, гдѣ оно находило особенно яркое выраженіе, и гдѣ худшіе изъ монаховъ не только завидовали лучшимъ, но и гнали и преслѣдовали ихъ...

Много путей ведетъ къ иночеству, и разные люди разными путями приходятъ къ нему. Одни — и такихъ большинство — уходятъ изъ міра съ пустыми руками, идутъ въ монастырь не съ цѣлью отрекаться отъ мірскихъ благъ, а съ цѣлью пріобрѣтать ихъ, ибо внѣ иноческаго пути не видятъ другихъ путей къ достиженію этой цѣли. Это тѣ, которые въ своей массѣ составляютъ монастырскую братію, вышедшую изъ крестьянской среды и промѣнявшую земледѣльческій трудъ на монастырскія послушанія.

Предѣломъ ихъ желаній является санъ іеромонаха. Къ нимъ примыкаютъ и тѣ изъ лицъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ, которые опредѣленно стремятся къ архіерейскому сану, посредствомъ котораго сливаются съ высшимъ обществомъ, чего настойчиво добиваются, несмотря на прирожденную оппозицію къ его представителямъ, ибо, внѣ своего сана, оставались бы въ скромной средѣ, ихъ родившей. Эти печальныя явленія и дали поводъ для отрицательнаго отношенія къ институту монашества вообще. Но такое отношеніе всегда будетъ несправедливымъ. Покоится идея монашества на такомъ небесномъ основаніи, какое до скончанія вѣка оста-

нется незыблемымъ и какое, какъ магнитъ, будетъ всегда притягивать къ себѣ человѣческую душу, пока она не умерла духовно, пока не заглушила въ себѣ искры Божественнаго огня, пока способна реагировать на правду и отзываться на зовъ Божій. Въ монастырь, правда, часто идутъ по житейскимъ расчетамъ и соображеніямъ; но навстрѣчу идеѣ иноческой идутъ только тонко чувствующіе и глубоко мыслящіе люди. И горе, и личныя невзгоды, и усталость отъ борьбы съ ними, и утрата вѣры въ людей — заставляютъ многихъ укрываться за оградою монастырскою... Стучатся въ стѣны обителей и тѣ, кто ищетъ разрѣшенія вѣчныхъ проблемъ жизни, отвѣтовъ на свои запросы духа, кто мучится сознаніемъ своей виновности предъ Богомъ и подвигами покаянія желаетъ возстановить свое душевное равновѣсіе, нарушенное этимъ сознаніемъ. Покидаютъ міръ и тѣ чистые люди, которые дѣлали попытки приспособляться къ условіямъ мірской жизни, безъ измѣны заповѣдямъ Божіимъ, и, послѣ неудачныхъ попытокъ передѣлать міръ, бѣгутъ изъ него, признавъ, вмѣстѣ съ епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, что оставаться въ міру и спастись такъ же невозможно, какъ горѣть въ огнѣ и не сгорѣть...

Но были и такіе, которые шли навстрѣчу иноческой идеѣ движимые только инстинктомъ сохраненія души отъ гибели. Ихъ не подавляла скорбь о содѣянныхъ грѣхахъ; они еще не несли за спиною того груза, какой несъ блудный сынъ, возвращаясь къ своему отцу; ихъ юность не успѣла еще испытать ни горя, ни разочарованій въ жизни; они шли въ монастырь даже безъ мысли сдѣлаться лучше, а только потому, что боялись оставаться въ міру, чтобы ихъ не заклевали злые люди... Это тѣ люди съ тонкой и нѣжной душевной организаціей, которые способны жить только въ атмосферѣ правды, мира и любви, которые, по природѣ, неспособны ни къ какой борьбѣ и знаютъ это, и не скрываютъ... Это найболѣе робкіе и смиренные люди.

И къ этому разряду людей принадлежалъ и митрополитъ Питиримъ.

Тотчасъ послѣ окончанія курса въ Духовной Академіи, въ 1883 году, молодой кандидатъ богословія П. В. Окновъ принялъ и монашество. При какихъ обстоятельствахъ состоялся его иноческій постригъ, я не знаю, но тѣ свѣдѣнія, какія сообщилъ мнѣ почившій настоятель «Скита Пречистыя» Кіевской епархіи, схи-игуменъ Серафимъ, рисуютъ картину иноческаго постриженія молодого П. В. Окнова совсѣмъ необычными красками. Юноша П. В. Окновъ былъ такъ изумительно красивъ, что даже его воспріемный отецъ, извѣстный своею подвижническою жизнью старецъ, іеросхимонахъ Алексій (Шепелевъ),

скончавшійся 10 марта 1917 года, въ Голосѣевской Пустыни, близъ Кіева, отговаривалъ его отъ пострига, предрекая, что иночество явится для него чрезмѣрно тяжкимъ крестнымъ путемъ.

Стройный, изящный, съ женственными манерами и движеніями, безгранично деликатный и превосходно воспитанный, робкій и застѣнчивый, юноша Окновъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Его огромные, задумчивые глаза, окаймленные рѣсницами, бросавшими тѣнь на залитыя яркимъ румянцемъ щеки, прелестный овалъ блѣдно-матоваго лица и великолѣпные черные кудри, свисавшіе до самихъ плечъ, точно просили кисти художника, чтобы быть запечатлѣнными на полотнѣ, какъ отраженіе расцвѣта нѣжной юности.

«И зачѣмъ такому монастырь» — говорили въ храмѣ — «коли онъ и безъ монашества Ангелъ безгрѣшный; въ чемъ ему каяться, горемычному»...

То потрясающее впечатлѣніе, какое произвелъ иноческій постригъ П. В. Окнова на присутствовавшихъ въ храмѣ, не только не изгладилось изъ памяти, а десятки лѣтъ спустя передавалось съ мельчайшими подробностями, ставшими и мнѣ извѣстными лишь въ 1917 году, послѣ революціи, когда обстоятельства привели меня въ помянутый Скитъ.

Первые годы его служенія въ иноческомъ санѣ были отданы педагогической дѣятельности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. 16 Августа того же 1883 года онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Кіевскую Духовную академію по догматическому богословію; впослѣдствіи тамъ же, какъ Рижскій уроженецъ, свободно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, преподавалъ и нѣмецкій языкъ. Чрезъ 4 года, въ 1887 году, онъ назначается инспекторомъ Ставропольской семинаріи, а въ 1890 г. ректоромъ этой же семинаріи. Но въ этой послѣдней должности въ Ставрополѣ онъ остается недолго. Чрезъ годъ, по желанію митрополита С.-Петербургскаго, онъ переводится ректоромъ въ С. Петербургскую Духовную семинарію и возводится въ санъ архимандрита. Нашла ли нѣжная, тонко чувствовавшая душа архимандрита Питирима то, чего искала въ монашествѣ?! Нѣтъ, ни мира, ни тишины, къ какимъ стремилась его любвеобильная душа, онъ не нашелъ въ монашествѣ. Наоборотъ, тѣ подводные камни и груды препятствій, коими былъ усѣянъ мірской путь къ Богу, оказались въ монашествѣ еще опаснѣе, ибо были менѣе замѣтны, будучи предательски сокрыты за вдвойнѣ обманчивою внѣшностью, вводившей въ заблужденіе даже искушенныхъ опытомъ людей... Безгранично же довѣрчивый и чистый П. В. Окновъ, съ принятіемъ монашества, очутился точно въ плѣну у недобрыхъ людей, обманывавшихъ его и злоупотреблявшихъ его довѣрчивостью. На этой почвѣ возни-

кало впослѣдствіи много разныхъ служебныхъ огорченій, всею тяжестью своею ложившихся на митрополита Питирима, тогда какъ онъ часто не зналъ даже, чѣмъ онѣ были вызваны. Съ переводомъ же его въ С. Петербургъ, испытанія еще болѣе увеличились.

Вскорѣ послѣ принятія монашества, П. В. Окновъ былъ назначенъ ректоромъ Петербургской Духовной семинаріи. Объ этой порѣ своей жизни и службы въ Петербургѣ онъ вспоминалъ съ великимъ сокрушеніемъ. Жизнь въ столицѣ и обязанности ректора семинаріи нарушали его уединеніе, обязывали къ пріемамъ, какихъ онъ не выносилъ столько же благодаря своей застѣнчивости, сколько и потому, что къ нему являлись не за дѣломъ, а затѣмъ, чтобы посмотрѣть на него и завязать знакомство.

Въ 1894 году архимандритъ Питиримъ возводится въ санъ епископа и назначается Епископомъ Новгородъ-Сѣверскимъ, Викаріемъ Черниговскаго Архіепископа.

Въ бытность свою викаріемъ въ Черниговѣ Преосвященный Питиримъ снискалъ трогательную любовь своей паствы и привлекалъ къ себѣ людей, какъ своими проповѣдями, такъ и необычнымъ совершеніемъ богослуженія. Объ этой любви черниговцевъ къ Владыкѣ свидѣтельствуетъ каждая страница лѣтописи Черниговской епархіи. При непосредственномъ участіи Преосвященнаго Питирима состоялось и торжество прославленія великаго Угодника Божія Θеодосія Углицкаго, 9-го Сентября 1896 года. Вскорѣ послѣ означеннаго торжества Владыка получаетъ самостоятельную кафедру и назначается епископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, откуда, черезъ 7 лѣтъ, переводится на кафедру епископа Курскаго и Обоянскаго и, спустя короткое время, возводится въ санъ архіепископа.

Здѣсь, въ 1906 году, и состоялось мое знакомство съ Преосвященнымъ Питиримомъ, связанное съ дѣломъ собиранія мною матеріаловъ для житія Св. Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго, и предположеннаго прославленія Святителя.

Отзывы о Преосвященномъ Питиримѣ были исключительно восторженными. По словамъ Н. Ф. Монтрезоръ, представительницы Курской аристократіи и мѣстной старожилки, Преосвященный пользовался такою любовію, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ, а, между тѣмъ, всегда былъ неувѣренъ въ себѣ, всегда чего то боялся и жилъ точно подъ угрозою какихъ либо огорченій и испытаній. Мое личное впечатлѣніе отъ знакомства съ Владыкою въ полной мѣрѣ подтвердило эти слова. Преосвященный Питиримъ встрѣтилъ меня съ большою любовію, всѣмъ сердцемъ отозвался на мою просьбу облегчить мнѣ трудъ изученія архивовъ консисторіи и монастырей Курскихъ и Бѣлгородскихъ, снабдилъ меня письмомъ къ своему

викарію, епископу Бѣлгородскому Іоанникію, благословилъ предстоящіе труды иконою Знаменія Божіей Матери и проявилъ горячее участіе въ дѣлѣ. При прощаніи со мною, Владыка подарилъ мнѣ «Книгу Правилъ» въ роскошномъ переплетѣ и сказалъ: «Эту книгу никто не читаетъ; многіе не знаютъ даже, что она существуетъ; а между тѣмъ здѣсь законъ Божій, Апостольскія правила и постановленія Вселенскихъ Соборовъ»... Какъ ни привѣтливъ былъ Преосвященный Питиримъ, однако я не могъ не замѣтить, что Владыка дѣлалъ чрезвычайныя усилія для того, чтобы казаться спокойнымъ... Въ дѣйствительности же онъ былъ до того разстроенъ, такъ нервно истерзанъ, что съ трудомъ говорилъ отъ мучительныхъ спазмъ въ горлѣ. Я не рѣшался спросить о причинахъ волненія Владыки и только впослѣдствіи узналъ, что таково было обычное состояніе духа Преосвященнаго, всегда жившаго подъ гнетомъ всяческихъ подозрѣній, въ атмосферѣ неправды, недоговоренныхъ словъ и невысказанныхъ сомнѣній.

Тяжела доля епископа, если онъ монахъ, если вѣренъ обѣтамъ, даннымъ Богу, и боится ихъ нарушить. Тогда одиночество становится его удѣломъ; а одиночество всегда окружено тайною, и даже затворъ отъ нея не спасаетъ.

«Я никогда не имѣлъ друзей» — сказалъ мнѣ однажды митрополитъ Питиримъ — «ибо никогда не умѣлъ сливаться съ окружающими: вездѣ я былъ чужой, и меня не понимали... Среда деспотична, она требуетъ жертвъ, какихъ я не могъ давать безъ измѣны обѣтамъ, даннымъ Богу.»

Грубая, неинтеллигентная монашеская среда, состоявшая изъ лицъ, удовлетворявшихся наружнымъ благочестіемъ, но далекая отъ пониманія сущности монашескаго подвига, не могла, конечно, оцѣнить ни настроенія, ни побужденій юнаго подвижника, встрѣтившагося при первыхъ же шагахъ своей иноческой жизни съ рядомъ исключительно тяжелыхъ испытаній. И эти испытанія не покидали его и тогда, когда онъ сталъ епископомъ... Наоборотъ, онѣ сдѣлались еще большими.

«Меня поражало» — говорилъ митрополитъ Питиримъ — «что даже епископы, достигшіе того сана, который, самъ по себѣ, вызывалъ со стороны міранъ благоговѣніе и почитаніе, старались приспособляться къ настроенію міранъ вмѣсто того, чтобы оберегать то настроеніе, съ какимъ міряне приходили къ нимъ. Старались казаться свѣтскими, не зная свѣтскихъ правилъ, вставлять въ разговоръ иностранныя слова, не зная иностранныхъ языковъ, красоваться манерами и тщеславиться тѣмъ, чѣмъ принято тщеславиться въ мірской средѣ... Зачѣмъ все это нужно монаху, отрекшемуся отъ міра, да еще епископу?! Неужели они не знаютъ, что въ глазахъ міранъ

удѣльный вѣсъ каждаго монаха заключается только въ его молитвенной настроенности и истинномъ благочестіи, и что онъ уже не монахъ, если озабоченъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ... Вѣдь къ намъ приходятъ не въ гости, не для того, чтобы поболтать, а приходятъ съ измученной душой, съ истерзанными нервами, съ великимъ горемъ; приходятъ за помощью и поддержкою, а не для гостинныхъ разговоровъ»...

И «гостей» Преосвященный Питиримъ у себя не принималъ, и самъ на подобныя приглашенія не откликался, считая совершенно недопустимымъ для епископа вести мірской образъ жизни и слѣдовать обычаямъ, обязательнымъ въ мірской средѣ. Этотъ фактъ, снискавшій чрезвычайное расположеніе къ Владыкѣ со стороны благочестивыхъ мірянъ, вызвалъ обратное дѣйствіе со стороны прочихъ и создалъ почву, родившую всевозможныя объясненія такой отчужденности отъ общества, привыкшаго видѣть въ епископѣ лишь духовнаго сановника и предъявлявшаго къ нему свои обычныя требованія. Довѣрчивость Преосвященнаго къ людямъ еще болѣе осложняла его положеніе.

«Кому же послѣ этого и вѣрить, если нельзя вѣрить даже монаху, давшему страшные обѣты Богу» — возражалъ Владыка, когда ему указывали на такую довѣрчивость.

Преосвященный Питиримъ никакъ не могъ привыкнуть къ такой испорченности окружавшихъ, не могъ заставить себя быть подозрительнымъ, чтобы не оскорбить такимъ подозрѣніемъ своего ближняго, и, будучи чистымъ, считалъ чистыми и другихъ. Этимъ пользовались дурные люди: въ результатѣ, ихъ преступленія всею тяжестью ложились на ни въ чемъ неповиннаго Владыку, совершенно неспособнаго оправдываться. Эту послѣднюю черту нужно особенно подчеркнуть. Владыка былъ поразительно безпомощенъ, сознавая это, вдвойнѣ робокъ и мнителенъ. Его женственная организація была выдержана до мелочей. Достаточно было ничтожнаго повода, какого нибудь непровѣреннаго слуха, чтобы онъ терялъ душевное спокойствіе.

«Какъ же мнѣ не волноваться, когда я не умѣю защищаться и оправдываться» — говорилъ Владыка: «если бы мои враги захотѣли сдѣлать меня воромъ или убійцей, сказали бы, что я зарѣзалъ человѣка, то и тогда бы я не съумѣлъ оправдаться... Я никогда ни на кого не нападалъ и не научился отбиваться отъ другихъ; единственное мое оружіе — это мое слово... Повѣрятъ мнѣ — хорошо; а не повѣрятъ — я буду осужденъ, и только Всевѣдущій Господь скажетъ, на чьей сторонѣ была правда... Да и кто же изъ покидающихъ міръ иноковъ учился пріемамъ такой борьбы!.. Мы и жить въ міру не умѣемъ; гдѣ же намъ бороться»...

И какъ же немилосердно злоупотребляли этимъ свойствомъ его окружавшіе, какъ часто создавали умышленные поводы для тревогъ и безпокойства и запугивали смиреннаго Владыку!..

«Я какъ — цвѣтокъ» — сказалъ мнѣ однажды митрополитъ Питиримъ: «когда слышу, что меня бранятъ, то сейчасъ и завяну; а когда кто нибудь ласково отзовется обо мнѣ, тогда опять распускаюсь»...

Здѣсь сказывалась потребность его природы имѣть миръ и любовь со всѣми. Только очень нѣжная и чуткая душа стремится къ такой любви и миру и страдаетъ, когда ихъ не имѣетъ, и не останавливается даже предъ жертвами, чтобы получить ихъ. Только натуры грубыя и черствыя, не озабоченныя личнымъ усовершенствованіемъ, равнодушныя къ требованіямъ нравственной отвѣтственности, не слѣдятъ за этой потребностью и не удовлетворяютъ ее. Имъ безразлично отношеніе къ нимъ окружающихъ, ибо безразлично ихъ собственное отношеніе къ окружающимъ. Имъ чуждо это влеченіе къ міровой гармоніи, свойственное лишь людямъ съ очень тонкой и нѣжной психикой, которые не выносятъ неправды, задыхаются въ атмосферѣ зла, нарушающаго эти законы, и стремятся къ миру и любви, возстановляющимъ нарушенное равновѣсіе ихъ.

Митрополитъ Питиримъ страдалъ не только тогда, когда видѣлъ вражду, не братскія отношенія, злобу, неискренность и лукавство, но и тогда, когда встрѣчался только съ сумрачными, непривѣтливыми лицами... Онъ стремился къ ласкѣ, къ миру и любви дѣйствительно такъ, какъ цвѣтокъ стремится къ солнцу, ибо это была его сфера, его жизнь. И сюда, въ эту сферу, онъ звалъ окружающихъ, требуя, чтобы ихъ взаимныя отношенія съ ближними были абсолютно чисты, чтобы тамъ не было ничего недоговореннаго и невысказаннаго, чтобы царили искренность и правда.

Наступилъ Сентябрь 1911 года.

Приближалось время Бѣлгородскихъ торжествъ, связанныхъ съ прославленіемъ Угодника Божія Святителя Іоасафа. Десятки тысячъ паломниковъ стремились въ Бѣлгородъ. Между архіепископомъ Питиримомъ и губернаторомъ М. Э. Гильхенъ возникли тренія. Губернаторъ, ссылаясь на то, что торжество было церковное, находилъ, что пріемъ почетныхъ гостей является обязанностью епархіальной власти; архіепископъ же отвѣчалъ, что онъ и самъ на обѣды не ѣздилъ, и у себя обѣдовъ никогда не устраивалъ, и не можетъ принимать на себя заботъ о внѣшнемъ благоустройствѣ торжества, какое и для него лично, и для духовенства начинается и оканчивается только въ храмѣ. Несогласованность дѣйствій церковной и гражданской властей привела впослѣдствіи къ нѣкоторымъ нестроеніямъ, отвѣтственность за которыя пала на архіепископа Пити-

рима, который, вскорѣ послѣ окончанія торжествъ, и былъ переведенъ на Кавказъ и назначенъ архіепископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ. Это назначеніе явилось большимъ ударомъ для Владыки и дало много пищи для самой разнообразной клеветы.

Съ отъѣздомъ архіепископа Питирима на Кавказъ, наши отношенія оборвались. Черезъ два года, въ 1913 году, Владыка переводится на кафедру архіепископа Самарскаго и Ставропольскаго, а 26 Іюня 1914 года назначается Экзархомъ Грузіи.

Наступилъ перерывъ въ нѣсколько лѣтъ, втеченіе которыхъ я не видѣлъ Владыку и не переписывался съ нимъ. Я встрѣтился съ нимъ только за годъ до назначенія его на Петербургскую кафедру, когда, будучи уже Экзархомъ Грузіи, Владыка пріѣзжалъ по дѣламъ въ Петербургъ, остановившись въ Александро-Невской лаврѣ, куда я случайно забѣжалъ.

Съ безграничной лаской и тою любовію, какая всегда отличала Владыку, встрѣтилъ онъ меня въ Лаврѣ.

«А знаете-ли» — сказалъ мнѣ Владыка — «я мысленно погрѣшилъ противъ Васъ»...

«Въ чемъ?» — спросилъ я удивленно.

«Я думалъ, что и Вы были въ числѣ тѣхъ, кто старался разлучить меня съ моею возлюбленною Курскою паствою; а потомъ мнѣ сказали, что это были происки моихъ враговъ, которые, будто бы, натравили на меня Распутина, добивавшагося у Саблера моего увольненія на покой... Я этому, конечно, не вѣрилъ, ибо именемъ Распутина спекулируютъ всѣ, кому охота. Позднѣе, уже на Кавказѣ, я узналъ, что враги мои сидѣли въ Курскѣ, а не въ Петербургѣ, и интриговали противъ меня. Работалъ, нужно думать, и Курскій губернаторъ, не возлюбившій меня, что, однако, не мѣшало ему, во время Бѣлгородскихъ торжествъ, ни на шагъ не отходить отъ меня, особенно въ мѣстахъ скопленія народа. Онъ боялся покушенія и совершенно откровенно заявлялъ мнѣ, что надѣется на защиту моего омофора и боится отходить отъ меня»...

Я невольно улыбнулся, представляя себѣ эту картину, какъ губернаторъ прятался за спиною архіепископа, и какъ робкій Владыка тяготился такимъ сосѣдствомъ, опасаясь, что шальная пуля, или бомба, предназначенная губернатору, убьетъ его.

«Можетъ быть за то, что Вы невинно пострадали, Господь и вознесъ Васъ теперь, окружилъ людьми, какіе Васъ любятъ еще больше, чѣмъ въ Курскѣ» — сказалъ я.

Владыка перекрестился и отвѣтилъ:

«На Кавказѣ не трудно заручиться самой искренней и глубокой любовію. Кавказъ такъ мало требуетъ отъ своего

архипастыря: проситъ только позволить молиться на родномъ языкѣ... А Петербургъ этого не понимаетъ; ему все рисуются какіе то страхи и опасенія, что за этою просьбою Кавказской паствы скрываются политическіе мотивы, идея сепаратизма, стремленіе къ политической автономіи... Эти опасенія ни на чемъ не основаны. Если Кавказъ когда либо и возбудитъ такія домогательства политическаго свойства, то будетъ опираться на совершенно иную почву, а не на религіозную. Тѣ кучки злонамѣренныхъ людей, которые сѣютъ смуты и кричатъ объ автономіи Кавказа, ни во что не вѣруютъ, имъ никакой религіи не нужно, и это Вы знаете по Кавказскимъ депутатамъ въ Думѣ. Тѣ же, кто обращается ко мнѣ, являются самыми преданными сынами Православной Церкви, и я не могу отказывать ихъ просьбѣ и совершаю богослуженіе то на Грузинскомъ, то на Осетинскомъ языкахъ, и народъ горячо благодаритъ меня за это... Если бы Вы видѣли, съ какимъ умиленіемъ они молятся, съ какимъ благоговѣніемъ стоятъ въ храмѣ... Въ нашей средней полосѣ, ни въ селахъ, ни въ городахъ, Вы такихъ картинъ не увидите... А, между тѣмъ, мои взгляды не всѣми раздѣляются ... я и пріѣхалъ сюда по этому дѣлу, чтобы разсѣять страхи; но не знаю, чѣмъ кончится моя миссія.

Въ моемъ пониманіи вообще не укладывается требованіе заставлять паству молиться на непонятномъ ей языкѣ. Огромное большинство моей паствы съ трудомъ разбирается въ русскомъ языкѣ; гдѣ же ей понимать церковно-славянскій!.. Нельзя политику дѣлать орудіемъ религіи и наоборотъ»...

Я искренно раздѣлялъ взгляды Владыки и понималъ, почему его такъ горячо полюбила Кавказская паства... Владыка былъ первымъ Экзархомъ Грузіи, съ дѣйствительной отеческой любовію подошедшій къ своей паствѣ и въ короткое время изучившій едва ли не всѣ кавказскія нарѣчія, чтобы ближе стать къ ней и приблизить ее къ своему любящему сердцу. Онъ опредѣленно осуждалъ политику своихъ предшественниковъ, стремившихся къ руссификаціи Кавказа, презрительно относившихся къ Кавказскому «жаргону» и преслѣдовавшихъ православное кавказское духовенство за совершеніе богослуженія на мѣстномъ языкѣ. Наоборотъ, онъ считалъ обязательнымъ совершеніе богослуженія на языкѣ Края, именно съ цѣлью воспитанія у своей паствы здоровыхъ религіозныхъ началъ, какъ наиболѣе прочнаго фундамента и политической благонадежности, и выражалъ глубочайшее сожалѣніе, что политика его предшественниковъ задерживала религіозное сознаніе Кавказа и можетъ дать весьма горькіе плоды. Послѣдующія событія показали, насколько глубоко былъ правъ Владыка.

Чѣмъ кончились переговоры Владыки въ Синодѣ, я не знаю. Вскорѣ онъ уѣхалъ, и я съ нимъ встрѣтился вторично

уже тогда, когда Владыка, въ санѣ митрополита Петербургскаго и Ладожскаго, прибылъ въ столицу.

Назначеніе Преосвященнаго Питирима Экзархомъ Грузіи совпало съ тѣмъ моментомъ, когда имя Распутина уже гремѣло по всей Россіи, и таже молва, какая нѣсколько лѣтъ тому назадъ приписала Распутину увольненіе Владыки изъ Курска, стала утверждать, что Распутинъ способствовалъ назначенію его на кафедру Экзарха Грузіи, и что новый Экзархъ ведетъ антиправительственную политику на Кавказѣ, содѣйствуя его политической автономіи. Съ назначеніемъ же Преосвященнаго въ Петербургъ, нападки революціонеровъ стали еще болѣе яростными... Владыку стали обвинять во вмѣшательствѣ въ государственныя дѣла, въ интригахъ противъ его предшественника, митрополита Владиміра, перемѣщеннаго въ Кіевъ, и въ открытой дружбѣ съ Распутинымъ. Широкая публика, конечно, не разбиралась въ этихъ слухахъ, не могла подмѣтить въ нихъ выраженія тонко задуманныхъ и умѣло проводимыхъ революціонныхъ программъ и не только вѣрила, но и вторила этимъ слухамъ. Мало кто зналъ, что схема развала Россіи была уже разработана до мелочей и планомѣрно осуществлялась не только въ тылу но даже на фронтѣ... Государственная Дума, печать, тайная агентура враговъ Россіи, имѣя общую программу, распредѣляли роли и заданія, сводившіяся къ одной цѣли — какъ можно скорѣе вызвать революцію.

Не только правительство въ полномъ составѣ, но и каждый честный вѣрноподданный, подвергался жестокой травлѣ и, чѣмъ опаснѣе были эти люди революціонерамъ, тѣмъ безжалостнѣе ихъ преслѣдовали. Положеніе Первоіерарха Русской Церкви, само по себѣ, даже безотносительно къ личности митрополита Питирима, обязывало къ найболѣе ожесточенному натиску со стороны гонителей христіанства и, конечно, митрополиту Питириму, не умѣвшему защищать даже самого себя, было не по силамъ отражать такіе натиски. И въ предреволюціонное время въ Россіи, дѣйствительно, не было имени болѣе одіознаго, чѣмъ имя митрополита Питирима; не было человѣка, котораго бы преслѣдовали и гнали съ большею жестокостью и злобою, какъ личные, такъ и политическіе враги; не было болѣе тяжкихъ обвиненій, чѣмъ тѣ, какія предъявлялись смиренному и робкому Владыкѣ.

А между тѣмъ, всѣ, кто зналъ митрополита Питирима, знали и то, что не было человѣка болѣе робкаго и смиреннаго, болѣе безпомощнаго, кроткаго и незлобиваго, болѣе отзывчиваго и чуткаго, болѣе чистаго сердцемъ...

Столица встрѣтила новаго митрополита непривѣтливо и недружелюбно. За нимъ утвердилось прозвище «распутинецъ» еще прежде, чѣмъ Владыка былъ назначенъ на Петербургскую

кафедру. Переводъ митрополита Владиміра въ Кіевъ также приписывался вліянію митрополита Питирима. Въ составѣ братіи Александро-Невской Лавры всѣ приверженцы митрополита Владиміра были его врагами; въ средѣ столичнаго общества новый митрополитъ также не имѣлъ опоры и не искалъ ея, а, наоборотъ, еще болѣе вооружилъ это общество противъ себя, нарушивъ традиціонный обычай дѣлать визиты высокопоставленнымъ лицамъ и наиболѣе извѣстнымъ прихожанамъ. Синодъ сразу же сталъ въ рѣзкую оппозицію къ митрополиту, а Оберъ-Прокуроръ А. Н. Волжинъ проявлялъ ее даже въ формахъ, унижавшихъ санъ Владыки Питирима. Положеніе митрополита Питирима въ Синодѣ было исключительно тяжелымъ и осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что митрополитъ Владиміръ и послѣ перевода своего въ Кіевъ сохранилъ въ Синодѣ первенство, а митрополитъ Питиримъ, какъ младшій по времени назначенія, занималъ третье мѣсто... Насколько тягостно было участіе митрополита Питирима въ сессіяхъ Синода, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что за мою бытность Товарищемъ Оберъ-Прокурора Синода митрополитъ Питиримъ не произнесъ въ Синодѣ ни одного слова и не принималъ въ разсмотрѣніи дѣлъ никакого участія. Онъ пріѣзжалъ въ Синодъ, молча здоровался съ іерархами и молча уѣзжалъ, ни съ кѣмъ не разговаривая. И это было тогда, когда Владыка имѣлъ, въ лицѣ новаго Оберъ-Прокурора и Товарища, своихъ друзей. При А. Н. Волжинѣ же его положеніе было еще тягостнѣе.

Вполнѣ понятно, что, при этихъ условіяхъ, митрополитъ Питиримъ искалъ помощи и поддержки, и когда, послѣ знакомства со мною, 10-го Октября 1915 года, Императрица освѣдомилась обо мнѣ у митрополита Питирима, то Владыка далъ обо мнѣ добрый отзывъ, не скрывая и отъ меня, что желалъ бы привлечь меня на службу въ Синодъ, и жалуясь на нестерпимыя условія, его окружавшія.

Связанный долголѣтней дружбою съ митрополитомъ Питиримомъ, я навѣщалъ его, когда позволяло время, и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ по поводу Распутина и тѣхъ легендъ, какія витали вокругъ этого злополучнаго имени. И какъ то однажды Владыка сказалъ мнѣ:

«Я всегда боялся оскорбить своего ближняго недовѣріемъ къ нему и къ его словамъ. Не моя вина, что меня обманывали. Мнѣ часто говорили, что я не долженъ былъ вовсе принимать тѣхъ или иныхъ людей, или же держаться съ окружающими на извѣстномъ разстояніи, соотвѣтственно своему сану и положенію. Я и пробовалъ это дѣлать, но ничего не выходило: сердце всегда низводило меня съ такой искусственной позиціи. Я не могъ пріучить себя къ такимъ неестественнымъ положе-

ніямъ... Наоборотъ, чѣмъ проще, бѣднѣе были приходящіе ко мнѣ, чѣмъ больше они смущались и терялись, приближаясь къ архипастырю, чѣмъ смиреннѣе они были, тѣмъ ближе я подходилъ къ нимъ и крѣпче прижималъ ихъ къ своему сердцу. Одинъ видъ ихъ уже умилялъ меня и растворялъ сердце любовію къ нимъ; и гдѣ же тутъ было думать о высотѣ своего сана или положенія, когда, вознесенный Господомъ на высоту этого положенія, я часто сознавалъ себя и хуже, и грѣшнѣе этихъ маленькихъ людей, обиженныхъ судьбою, обезсиленныхъ нуждою, придавленныхъ горемъ... Тогда только одна мысль жила въ моемъ сердцѣ: какъ бы облегчить ихъ горе, какъ бы помочь, утѣшить, обласкать... О, еслибы Вы знали, какъ мнѣ было тяжело потомъ выслушивать замѣчанія отъ другихъ, указывавшихъ мнѣ, что того то я не долженъ былъ вовсе принимать, а съ тѣмъ то я обошелся ласковѣе, чѣмъ нужно было, а тому то пообѣщалъ помочь, вмѣсто того, чтобы прогнать отъ себя... Можетъ быть, съ точки зрѣнія житейской мудрости всѣ эти совѣты и были цѣнными, но въ нихъ не было бы нужды, какъ не было бы нужды и въ необходимости изощряться въ тонкостяхъ отношенія къ людямъ, если бы не былъ утраченъ истинный фундаментъ жизни — любовь. Чѣмъ меньше ея вокругъ насъ, тѣмъ больше мы должны давать ее. Есть даже пословица «среди волковъ жить, по волчьи выть» и она признается выраженіемъ народной мудрости... Такъ неужели же и мы, архипастыри, должны ей слѣдовать, вмѣсто того, чтобы превращать волковъ въ ягнятъ?!

Что касается Распутина и отношенія къ нему общества и печати, то нужно только удивляться тому, насколько далеко ушла современная мысль отъ истиннаго пониманія того, что происходитъ. Не я нуженъ дѣлателямъ революціи, а мое положеніе митрополита Петербургскаго; имъ нужны не имена, не лица, а нужна самая конструкція государственности; если бы наша общественность не была революціонною, то поняла бы, что безъ «Распутиныхъ» не обходится никакая революція. «Распутинъ» — имя нарицательное, спеціально предназначенное для дискредитированія Монарха и династіи въ широкихъ массахъ населенія. Носителемъ этого имени могъ быть всякій близкій ко Двору человѣкъ, безотносительно къ его достоинствамъ или недостаткамъ. Идея этого имени заключается въ томъ, чтобы подорвать довѣріе и уваженіе къ личности Монарха и привить убѣжденіе, что Царь измѣнилъ Своему долгу предъ народомъ и передалъ управленіе государствомъ въ руки проходимца. Вѣдь чѣмъ нибудь да нужно легализировать насильственный актъ ниспроверженія Царя съ Престола и оправдать его въ глазахъ одураченнаго населенія!.. Вотъ почему о преступленіяхъ Распутина кричатъ по всему свѣту, а въ чемъ

эти преступленія заключаются — никто не можетъ сказать... Съ Распутинымъ я сталъ встрѣчаться только въ Петербургѣ, а назначенъ былъ сюда по рекомендаціи Намѣстника Его Величества на Кавказѣ графа Воронцова-Дашкова и послѣ личнаго посѣщенія Государемъ Императоромъ Кавказа. Его Величеству было угодно посѣтить Соборъ, присутствовать на богослуженіи, выслушать мое привѣтственное слово и подарить меня Своимъ высокомилостивымъ вниманіемъ. Моя паства горячо меня полюбила, и въ бесѣдѣ со мною Государь отмѣтилъ этотъ фактъ и особенно подчеркнулъ его. Тогда же Его Величество и выразилъ пожеланіе видѣть меня на кафедрѣ Петербургскаго митрополита. Меня испугало такое преднамѣреніе, и я рѣшился просить Государя оставить меня на Кавказѣ, съ которымъ уже успѣлъ сродниться, и въ тоже время сказалъ графу Воронцову, что, въ виду имѣвшихся уже прецедентовъ, Государь, въ случаѣ желанія поощрить меня, могъ бы пожаловать меня саномъ митрополита, съ оставленіемъ Экзархомъ Грузіи. Я сказалъ это именно потому, что боялся перевода въ Петербургъ, ибо предвидѣлъ, какое горе и какія скорби меня тамъ ожидаютъ. Однако переводъ состоялся. Императрица также сказала мнѣ, что остановила Свой выборъ на мнѣ только потому, что знала о любви, какую питала ко мнѣ моя Кавказская паства, и желала имѣть и въ столицѣ архипастыря, который бы пользовался такою любовію.

Когда же я пріѣхалъ въ столицу, то стали говорить, что Распутинъ меня назначилъ... Контуры революціи стали вырисовываться предо мною еще на Кавказѣ, и когда я сталъ предупреждать о грядущихъ бѣдствіяхъ, тогда стали громко кричать, что я вмѣшиваюсь въ политику... Мнѣ не вѣрили... Значеніе Распутина было для меня ясно... Онъ былъ первой жертвой, намѣченной революціонерами, тѣми самыми людьми, которые одновременно и спаивали его, и создавали всевозможныя инсценировки его поведенія, а затѣмъ кричали о его развращенности и преступленіяхъ. Несомнѣнно, что Распутинъ, озабоченный впечатлѣніемъ, какое производилъ на Ихъ Величествъ, распоясывался за порогомъ Дворца и подавалъ поводъ къ обвиненіямъ въ неблаговидномъ поведеніи... А сколько великосвѣтскихъ, придворныхъ кавалеровъ распоясывалось еще болѣе, проводя ночи въ кутежахъ!.. Почему же оскорбленное въ своихъ лучшихъ чувствахъ общество, Дума и печать не кричатъ о нихъ?.. Потому, что эти крики о Распутинѣ вовсе не вытекали изъ оскорбленнаго нравственнаго чувства общества, а создавались умышленно тѣми, кто дѣлалъ революцію и пользовался этимъ обществомъ, какъ своимъ орудіемъ. Вѣдь сейчасъ почти нѣтъ людей, не попавшихъ въ разставленныя революціонерами сѣти... Одинъ министръ, напримѣръ, гово-

ритъ, что боится Распутина и принимаетъ его у себя втихомолку, въ отдѣльномъ кабинетѣ, чтобы никто не видѣлъ; а потомъ кричитъ, что его не знаетъ и незнакомъ съ нимъ... Другой вовсе не принимаетъ въ министерствѣ, а принимаетъ у себя на дому, съ чернаго хода; третій подсылаетъ Распутина ко мнѣ и назначаетъ свиданіе съ нимъ въ моихъ покояхъ... Развѣ это не гипнозъ»...

И, дѣлясь со мною своими сокровенными думами и горестными переживаніями, митрополитъ Питиримъ старался привлечь меня на свободную вакансію Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода, надѣясь найти въ моемъ лицѣ поддержку и опору. Для каждаго, кто зналъ объ отношеніяхъ, связывавшихъ меня съ митрополитомъ, такое желаніе казалось вполнѣ естественнымъ; но А. Н. Волжинъ, плохо разбиравшійся въ окружавшей его обстановкѣ и видѣвшій опасность всегда тамъ, гдѣ ея не было, объяснялъ такое желаніе иначе. Ему казалось, что митрополитъ Питиримъ желаетъ добиться его отставки и моего назначенія на его мѣсто. Здѣсь источникъ недоброжелательства А. Н. Волжина какъ къ митрополиту, такъ и ко мнѣ; обвиненія же насъ обоихъ въ близости къ Распутину были пристегнуты лишь съ цѣлью объяснить это недоброжелательство менѣе прозаическими причинами. Между митрополитомъ и А. Н. Волжинымъ шла ожесточенная борьба, и, чѣмъ энергичнѣе Владыка настаивалъ на моемъ назначеніи, тѣмъ упорнѣе А. Н. Волжинъ тормозилъ его. Однако, побѣдителемъ въ этой борьбѣ было суждено остаться митрополиту Питириму.

ГЛАВА XXV.

Назначеніе Н. Ч. Заіончковскаго.

Кончился 1915 годъ, а Оберъ-Прокуроръ все еще не подыскалъ себѣ Товарища: вакансія, попрежнему, оставалась свободною. Моя кандидатура выдвигалась все болѣе упорно, а, въ связи съ этимъ, отношенія мои съ А. Н. Волжинымъ все болѣе обострялись. Оглядываясь теперь на прошедшее, оцѣниваемое мною столько же объективно, сколько и безпристрастно, я не могу упрекнуть себя въ томъ, чтобы питалъ къ А. Н. Волжину какое либо недоброжелательство, хотя для этого и имѣлись, казалось бы, основанія. Лично я былъ до того далекъ отъ мысли о возможности моей кандидатуры на постъ Товарища Министра, какъ по своему возрасту, такъ и по служебному стажу, что не могъ относиться недоброжелательно къ тѣмъ, кто держался такого же мнѣнія. О томъ же, что Импера-

трица въ письмахъ Своихъ къ Государю настаивала на моемъ назначеніи, мнѣ не было извѣстно, и я былъ убѣжденъ, что моя прошлогодняя аудіенція у Ея Величества, несмотря на слова С. П. Бѣлецкаго и непрекращавшіяся поздравленія съ «высокимъ назначеніемъ», не дастъ и не можетъ дать никакихъ практическихъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что Государыня не вызывала меня къ Себѣ, и со времени первой аудіенціи прошло уже три мѣсяца. Я продолжалъ свою службу въ Государственной Канцеляріи и былъ увѣренъ, что обо мнѣ забыли... Ко мнѣ доходили отголоски недоброжелательства А. Н. Волжина; но я не обращалъ на нихъ вниманія, зная цѣну осужденіямъ ближняго... Люди гораздо чаще осуждаютъ другого, чтобы похвалить себя и подчеркнуть свои преимущества, чѣмъ съ цѣлью нанести обиду, и рѣдко дѣлаютъ различіе между «разсужденіемъ» и «осужденіемъ». А. Н. Волжинъ казался мнѣ только жалкимъ, неспособнымъ обнять ни сущности политическаго момента, ни той закулисной игры, какая создавала этотъ моментъ, ни той работы, какая веласъ въ милліоны рукъ, чтобы одурачить общественное мнѣніе и ввести его въ заранѣе намѣченное русло. У меня рождалось лишь досадное чувство отъ сознанія, что даже министры не разбираются въ «общественномъ» мнѣніи и не только повторяютъ то, что имъ это мнѣніе диктуетъ, но и вѣрятъ ему. И это казалось мнѣ тѣмъ болѣе удивительнымъ, что то же общественное мнѣніе особенно не щадило А. Н. Волжина; по этому онъ долженъ былъ бы знать цѣну ему. При всемъ томъ, мое рѣшеніе отказаться отъ сотрудничества съ А. Н. Волжинымъ было непоколебимымъ.

Вотъ почему я былъ безграничво изумленъ, когда, случайно встрѣтившись со мною, членъ Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія, Николай Чеславовичъ Заіончковскій, сказалъ мнѣ:

«Ну, поздравляю Васъ Товарищемъ: дѣло рѣшенное»...

«Какимъ Товарищемъ?» — удивился я.

«Ну, да развѣ Вы не знаете?! Теперь уже скрывать не нужно» — отвѣтилъ Н. Ч. Заіончковскій, крѣпко пожимая мнѣ руку.

Я не зналъ, что означаетъ такая мистификація. Я не могъ допустить того, чтобы назначеніе могло состояться помимо меня и, притомъ, въ тотъ моментъ, когда отношенія, создавшіяся между мною и А. Н. Волжинымъ, абсолютно этого не допускали... И въ моемъ воображеніи рисовались уже перспективы безпримѣрнаго скандала, который сдѣлался бы неизбѣжнымъ, если бы я подалъ прошеніе объ отставкѣ въ день своего назначенія и мотивировалъ бы свое ходатайство нежеланіемъ служить вмѣстѣ съ А. Н. Волжинымъ.

Настали моменты мучительныхъ переживаній, ибо я ниоткуда не могъ узнать правды... Впрочемъ, такое состояніе неизвѣстности длилось не долго. Нѣсколько дней спустя, С. П. Бѣлецкій сообщилъ мнѣ, что въ засѣданіи Совѣта министровъ А. Н. Волжинъ выставилъ кандидатуру на постъ Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода того самаго Н. Ч. Заіончковскаго, который, за недѣлю передъ тѣмъ, поздравлялъ меня съ этимъ назначеніемъ.

«Въ тоже время» — добавилъ С. П. Бѣлецкій — «Оберъ-Прокуроръ намѣренъ возбудить ходатайство объ учрежденіи должности второго Товарища и на эту послѣднюю представитъ Васъ.»

Назначеніе Н. Ч. Заіончковскаго не только не задѣло меня, а, наоборотъ, заставило облегченно вздохнуть въ надеждѣ, что исчезнетъ почва для дальнѣйшихъ сплетень, и газеты оставятъ меня въ покоѣ... Однако мало кто зналъ о моемъ рѣшеніи отказаться отъ сотрудничества съ А. Н. Волжинымъ, и, на смѣну прежнимъ привѣтствіямъ и поздравленіямъ, явились выраженія недоумѣнія, сожалѣнія и сочувствія со стороны тѣхъ, кто считалъ меня обойденнымъ и обиженнымъ.

Мнѣ придется забѣжать значительно впередъ, чтобы разсказать объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ назначеніе Н. Ч. Заіончковскаго, о которыхъ я узналъ лишь въ концѣ 1916 года, уже въ бытность свою Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода.

А. Н. Волжинъ былъ убѣжденъ не только въ томъ, что моя кандидатура была выдумана Распутинымъ, но и въ томъ, что я лично пользовался Распутинымъ для достиженія своихъ цѣлей, якобы сводившихся къ назначенію меня Товарищемъ Оберъ-Прокурора съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи свалить А. Н. Волжина и сѣсть на его мѣсто. При такомъ убѣжденіи было понятно, какое впечатлѣніе производили на А. Н. Волжина слова Государя Императора, напоминавшаго ему о моемъ назначеніи.

Время шло... Государь Императоръ, занятый на фронтѣ, не могъ, конечно, сосредоточивать Своего вниманія на этомъ вопросѣ... Личные доклады А. Н. Волжина Его Величеству были рѣдки, и онъ пользовался этимъ для того, чтобы, подъ всякими предлогами, затягивать вопросъ о замѣщеніи вакансіи, измышляя, въ тоже время, способы избавиться отъ нежелательнаго кандидата. Казалось, чего было проще высказать Государю Императору свои сомнѣнія и подозрѣнія, обосновать ихъ доказательствами, если онѣ были, поискать у себя гражданскаго мужества для того, чтобы разойтись съ Государемъ въ оцѣнкѣ кандидата, а затѣмъ, если бы такія попытки не удались, и Его Величество продолжалъ бы настаивать на моей

кандидатурѣ, тогда... выйти въ отставку, съ сознаніемъ исполненнаго долга ... предъ Думою и создававшимся ею общественнымъ мнѣніемъ. Но А. Н. Волжину хотѣлось и одобреніе Думы заслужить, и портфель свой сохранить: онъ и придумалъ тотъ способъ, какой можно было бы назвать даже остроумнымъ, если бы онъ привелъ къ ожидавшимся результатамъ.

Убѣдившись въ томъ, что личные доклады не достигнутъ цѣли, ибо Его Величество продолжалъ настаивать на моемъ назначеніи, А. Н. Волжинъ послалъ Государю письменный докладъ, въ которомъ ссылался на крайнюю запущенность Синодальныхъ дѣлъ и личную переобремененность дѣлами и ходатайствовалъ объ учрежденіи должности второго Товарища Оберъ-Прокурора съ тѣмъ, чтобы имѣющаяся вакансія была предоставлена тайному совѣтнику Н. Ч. Заіончковскому, а мнѣ, какъ младшему, имѣвшему меньшій служебный стажъ, — вновь создаваемая должность второго Товарища.

Государь Императоръ, конечно, не предполагалъ интриги и того, что этотъ докладъ являлся лишь тактическимъ пріемомъ А. Н. Волжина, съ цѣлью избавиться отъ нежелательнаго ему кандидата; ибо, разумѣется, А. Н. Волжинъ былъ убѣжденъ, что враждебно настроенная къ Св. Синоду Государственная Дума никогда не отпуститъ кредитовъ на учрежденіе новой должности второго Товарища, и мое назначеніе, такимъ образомъ, никогда не состоится. Однако же, не предполагая интриги, Государь Императоръ не ограничился на этотъ разъ обычнымъ начертаніемъ «Согласенъ», а написалъ на докладѣ А. Н. Волжина: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы на должность второго товарища Оберъ-Прокурора Синода былъ представленъ князь Жеваховъ.»

Передавая мнѣ объ этомъ, директоръ канцеляріи Оберъ-Прокурора В. И. Яцкевичъ добавилъ, что А. Н. Волжинъ, послѣ своей отставки, взялъ свой докладъ, съ Высочайшею резолюціею, и въ дѣлахъ канцеляріи его не имѣется. Предусмотрительно!

До сихъ поръ вопросъ о моемъ назначеніи вращался въ области разговоровъ и не выходилъ за предѣлы ея; отнынѣ же Высочайшая воля была зафиксирована Собственноручною резолюціею Государя, и А. Н. Волжинъ очутился въ трагикомическомъ положеніи. Онъ не только былъ вынужденъ возбуждать предъ Думою совершенно безнадежное ходатайство, но и оправдывать его вѣскими данными, т. е. заставлять другихъ вѣрить въ то, во что онъ самъ не вѣрилъ. И это въ то время, когда Дума такъ безжалостно его терзала, когда онъ искалъ путей къ сближенію съ нею и не находилъ ихъ, когда Синодальный бюджетъ еще не былъ разсмотрѣнъ Думою, и впереди рисовались грозныя перспективы бюджетныхъ преній и Дум-

скихъ «запросовъ»! Задача оказалась до того нелѣпою, что для того, чтобы выйти изъ тупика, понадобились чрезвычайныя усилія, чрезвычайные ходы...

И вотъ, А. Н. Волжинъ, жалуясь на свою горькую долю, разсказываетъ члену Думы В. Н. Львову (нашелъ кому разсказывать!!) о томъ, какъ на него насѣдаютъ «темныя силы», съ которыми онъ безсиленъ бороться; какъ я, опираясь на Распутина, явился къ нему съ требованіемъ предоставить мнѣ должность непремѣнно съ десятитысячнымъ окладомъ; какъ, въ отвѣтъ на заявленіе, что такой должности нѣтъ, я потребовалъ учрежденія новой должности Товарища Оберъ-Прокурора, и онъ былъ вынужденъ уступить моему требованію...

Зачѣмъ же А. Н. Волжинъ велъ такую неумную игру?! Былъ ли онъ дѣйствительно убѣжденъ въ моихъ сношеніяхъ съ Распутинымъ, съ которымъ, кстати сказать, я даже не встрѣчался въ послѣднія 5 лѣтъ? Боялся ли онъ конкурренціи со мною, въ чемъ утверждали его тѣ, кто приписывалъ мнѣ бóльшую освѣдомленность въ сферѣ церковныхъ дѣлъ, или, попросту, желалъ этимъ сбросить тяготѣвшее надъ нимъ самимъ обвиненіе въ томъ, что онъ получилъ свое назначеніе по проискамъ Распутина?

Не знаю. Но личнаго своего престижа предъ Думою А. Н. Волжинъ этого игрою не укрѣпилъ, а В. Н. Львовъ получилъ отмѣнный матеріалъ для своей громовой рѣчи 29 Ноября 1916 года, несомнѣнно еще болѣе имъ пріукрашенный, и использовалъ его для тѣхъ цѣлей, надъ которыми трудилась вся Дума, нанося, чрезъ головы членовъ правительства, удары по Россіи и монархіи и разрушая русскую государственность.

ГЛАВА XXVI.

Старыя пѣсни на новый ладъ.

Вопреки моимъ ожиданіямъ, назначеніе Н. Ч. Заіончковскаго не избавило меня ни отъ газетныхъ сплетень, какія еще болѣе усилились, ни отъ свиданій съ А. Н. Волжинымъ, какія участились. Вынужденный хлопотать объ учрежденіи должности второго Товарища и получивъ прямое повелѣніе Государя представить меня на эту должность, А. Н. Волжинъ былъ вынужденъ не только входить со мною въ общеніе, но и заботиться о томъ, чтобы сохранить мое довѣріе къ себѣ... Съ этою цѣлью, скрывая отъ меня истинные мотивы учрежденія новой должности, А. Н. Волжинъ впервые сообщилъ мнѣ о волѣ Государя и поспѣшилъ меня увѣрить въ томъ, что воля

Монарха для него священна. Получалось впечатлѣніе, что онъ искренно желаетъ загладить прежнія шероховатости въ отношеніяхъ со мною и, въ виду предстоящей совмѣстной работы, желаетъ расположить меня къ себѣ.

Я искренно ему вѣрилъ; были даже моменты, когда я колебался въ своемъ рѣшеніи отказаться отъ сотрудничества съ нимъ. Не зная истинныхъ мотивовъ перемѣны отношенія ко мнѣ А. Н. Волжина, я объяснялъ ихъ въ его пользу, и мнѣ было даже жалко его, такъ нуждавшагося въ поддержкѣ, въ искренности и доброжелательствѣ и находившаго вокругъ себя только предательство, лукавство и измѣну. Я видѣлъ, что, послѣ назначенія Н. Ч. Заіончковскаго, положеніе А. Н. Волжина окончательно пошатнулось; что высшія сферы отъ него отвернулись; что идея созданія должности второго Товарища Оберъ-Прокурора не встрѣтила сочувствія ни въ церковныхъ кругахъ, ни среди Синодальныхъ чиновниковъ, и вооружила противъ него Думу; а Н. Ч. Заіончковскій, своею рѣзкостью, вооружилъ противъ него Синодъ... И я думалъ, что, приглашая меня къ себѣ, А. Н. Волжинъ убѣдился въ недобросовѣстности тѣхъ, кто вооружалъ его противъ меня, и желалъ загладить неблагопріятное впечатлѣніе отъ прежнихъ бесѣдъ...

Увы, мнѣ только такъ казалось: искреннимъ со мною А. Н. Волжинъ никогда не былъ, и въ ближайшіе дни я въ этомъ окончательно убѣдился.

Газетная травля А. Н. Волжина не прекращалась: каждый шагъ его, каждое распоряженіе находили злобное и искаженное отраженіе въ газетахъ, информируемыхъ однимъ изъ мелкихъ чиновниковъ Хозяйственнаго Управленія Синода, при ближайшемъ участіи, какъ мнѣ передавали, директора этого Управленія Осѣцкаго. Само собою разумѣется, что вопросу о созданіи новой должности Товарища Оберъ-Прокурора отводилось главное мѣсто.

Всѣ эти газетныя сплетни давно уже потеряли въ моихъ глазахъ прелесть новизны: я читалъ лишь вырѣзки, какія присылались мнѣ анонимно по почтѣ, оставляя безъ вниманія газеты. Какъ то однажды появилось пропущенное мною въ газетѣ сообщеніе о томъ, что, въ виду учрежденія въ ближайшемъ будущемъ должности второго Товарища Оберъ-Прокурора, Н. Ч. Заіончковскій, какъ бывшій членъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, сохранитъ за собою только учебное дѣло; всѣ же прочія его обязанности, въ томъ числѣ и завѣдываніе Хозяйственнымъ Управленіемъ, будутъ возложены на меня.

Для меня было совершенно очевидно, кто далъ матеріалъ для такого сообщенія. Осѣцкій, ненавидѣвшій Оберъ-Прокурора и его Товарища, возлагалъ большія надежды на то,

что, съ моимъ назначеніемъ, ему удастся избѣгнуть отвѣтственности за тѣ проступки и упущенія по службѣ, въ какихъ онъ подозрѣвался, и такого рода газетныя статьи преслѣдовали единствемную цѣль подсказать Оберъ-Прокурору порядокъ распредѣленія обязанностей между Товарищами Оберъ-Прокурора въ желательномъ для Осѣцкаго направленіи.

Какъ ни нелѣпа была статья, однако А. Н. Волжинъ встревожился и... пригласилъ меня къ себѣ. Ничего не подозрѣвая, я поѣхалъ къ нему.

Послѣ обычныхъ любезностей, А. Н. Волжинъ, подавая мнѣ газету, спросилъ меня: «Вы читали это?..»

«Нѣтъ» — отвѣтилъ я, — пробѣжавъ статью и возвращая газету.

«Но кто же сочиняетъ такія нелѣпости?» — раздраженно спросилъ меня А. Н. Волжинъ.

«Не знаю» — отвѣтилъ я спокойно.

Послѣдовала пауза, которою я воспользовался для того, чтобы встать и откланяться. А. Н. Волжинъ былъ до того озадаченъ этимъ, что не рѣшился меня удерживать.

Повѣритъ ли мнѣ А. Н. Волжинъ, если я скажу, что даже въ этомъ моментѣ обидныхъ для меня подозрѣній, я страдалъ гораздо больше не отъ сознанія оскорбленнаго самолюбія, а отъ того, что не могъ внушить А. Н. Волжину довѣрія къ моей безоблачной искренности, доказать ему всю непричастность мою къ распускаемымъ обо мнѣ слухамъ и то, съ какими цѣлями и кѣмъ эти слухи распускались. Мнѣ было досадно, что я не могъ вытащить его изъ той тины лжи, какою онъ былъ окруженъ и какой не замѣчалъ. Но руки мои были связаны... Предубѣжденіе А. Н. Волжина сковывало мои уста, и малѣйшая попытка разрушить это предубѣжденіе была бы истолкована А. Н. Волжинымъ какъ желаніе добиться во что бы то ни стало портфеля Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода. Если бы А. Н. Волжинъ былъ бо́льшимъ психологомъ, то понялъ бы, почему на его вопросъ, «кто же сочиняетъ такія нелѣпости», я отвѣтилъ односложно «не знаю», вмѣсто того, чтобы на оскорбленіе отвѣтить оскорбленіемъ, или инымъ образомъ доказать ему всю непристойность подобнаго вопроса, обращеннаго ко мнѣ.

Но то, чего не дѣлалъ я, то дѣлали за меня обстоятельства, помимо моей воли и моего участія: чѣмъ больше А. Н. Волжинъ преслѣдовалъ меня своими подозрѣніями и сомнѣніями, чѣмъ меньше я защищался отъ его нападокъ, тѣмъ болѣе укрѣплялись мои позиціи, и тѣмъ больше колебалось положеніе А. Н. Волжина. Въ результатѣ онъ оказался вынужденнымъ не только зазывать меня къ себѣ, но и интересо-

ваться моимъ отношенiемъ къ нему, продолжая, въ тоже время, считать меня главнымъ виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдъ.

Вскорѣ послѣ назначенiя Н. Ч. Заiончковскаго я былъ вызванъ къ Ея Величеству.

ГЛАВА XXVII.

Высочайшая аудiенцiя.

Въ скромномъ одѣянiи сестры милосердiя, съ бѣлою повязкою на головѣ, приняла меня въ этотъ разъ Императрица. До чего грустнымъ было это свиданiе! То было время, когда Дума и прогрессивная общественность, мечтая о ниспроверженiи монархiи, съ особою силою и азартомъ развивали свой натискъ на Россiю и въ своемъ безумiи безжалостно терзали Императрицу возмутительнѣйшей клеветой. И это тогда, когда, изнемогая отъ личныхъ болѣзней, подавленная тяжкими обидами и оскорбленiями, Государыня не выходила изъ лазаретовъ, работая до обмороковъ, утѣшала страждущихъ, дѣлала перевязки раненымъ, поддерживая силы и бодрость духа окружающихъ. . . Сколько величiя нравственнаго нужно было имѣть для того, чтобы въ эти моменты личныхъ страданiй думать о тѣхъ, кто подвергался такой же травлѣ со стороны прогрессивной общественности, ободрять и утѣшать ихъ. . .

Въ вызовѣ меня къ Ея Величеству сказался деликатный жестъ Императрицы въ отношенiи того, кого считали обиженнымъ и обойденнымъ, и я это почувствовалъ съ первыхъ же словъ, обращенныхъ ко мнѣ.

Я имѣлъ случай лишнiй разъ убѣдиться въ проницательности и глубинѣ ума Государыни и въ томъ, насколько ясно Ея Величество видѣла закулисную игру А. Н. Волжина и какъ вѣрно расцѣнивала эту игру. Несомнѣнно, что Императрица была задѣта отношенiемъ А. Н. Волжина ко мнѣ, какъ Ея кандидату; но неискренность А. Н. Волжина, заставлявшая его прибѣгать ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы скрыть ее, производила на Государыню вдвойнѣ тяжкое впечатлѣнiе.

«Онъ слишкомъ параденъ для того, чтобы быть Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, гдѣ требуются простые, скромные, вѣрующiе люди, гдѣ нужно общенiе съ людьми, съ которыми онъ и разговаривать не умѣетъ» — сказала мнѣ Императрица.

Какъ ни мѣтка была такая характеристика, но я вынужденъ былъ промолчать изъ опасенiя, что даже малѣйшее осужденiе А. Н. Волжина, самый незначительный намекъ на харак-

теръ нашихъ отношеній съ нимъ могли быть истолкованы какъ пріемы борьбы между соперниками изъ за власти.

Разговоръ коснулся общегосударственныхъ вопросовъ.

Я былъ пораженъ не только удивительно мѣткими характеристиками государственныхъ дѣятелей, но и тою освѣдомленностью Ея Величества, какая, казалось, проникала въ самую толщу государственной жизни Россіи и охватывала всѣ стороны этой жизни. Я видѣлъ, что только одна Императрица отдаетъ Себѣ ясный отчетъ въ томъ, что происходитъ въ дѣйствительности, что Ея проницательный умъ и обостренное страданіями чутье знаютъ выходы изъ тупика, и что Императрица могла бы спасти Россію, если бы къ Ея голосу прислушивались и не отождествляли этого голоса съ голосомъ Распутина. . .

Тогда такое мнѣніе раздѣлялось лишь немногими; теперь же, когда предвидѣніе Императрицы оправдалось въ полной мѣрѣ, а опубликованная переписка Ея Величества съ Государемъ Императоромъ раскрыла дѣйствительный обликъ Государыни, схему Ея государственныхъ программъ и способы ихъ выполненія, теперь это мнѣніе высказывается все чаще.

«Но вѣдь этотъ человѣкъ играетъ двойную игру: онъ обманываетъ одновременно и Государя, и Думу» — сказала Императрица, давая свой отзывъ о дѣятельности М. В. Родзянко въ Думѣ. «Онъ во власти своего безмѣрнаго честолюбія, и Дума нужна ему лишь постолько, посколько питаетъ эту страсть. Развѣ онъ думаетъ о Россіи?! Онъ думаетъ только о своемъ авторитетѣ въ глазахъ лѣвыхъ членовъ Думы, полагая, что они въ этотъ моментъ сильнѣе правыхъ. Онъ разсказываетъ Думѣ, что предъявлялъ Государю даже требованія и заставлялъ Его Величество выполнять ихъ, а, между тѣмъ, въ послѣдній разъ Государь даже не принялъ его. Онъ входитъ въ кабинетъ Государя такимъ маленькимъ, маленькимъ» — и здѣсь Императрица нагнулась и указала разстояніе отъ пола на четверть аршина — «а выходитъ изъ кабинета такимъ важнымъ, напыщеннымъ, точно и въ самомъ дѣлѣ одержалъ побѣду надъ Государемъ. Какіе мелкіе люди, какое отсутствіе долга предъ Государемъ и Россіей!! .»

Слушая Императрицу, я не зналъ, что можно было добавить къ этой замѣчательной характеристикѣ.

Для меня было совершенно очевидно, что Думу слѣдуетъ не только упразднить, какъ ненужное и вредное учрежденіе, тормозившее работу правительственнаго аппарата и разрушавшее государственную машину, но и казнить, въ лицѣ найболѣе преступныхъ ея членовъ, завѣдомыхъ революціонеровъ, посягавшихъ на тронъ и династію. Отвѣчая Императрицѣ, я сказалъ:

«Корень государственнаго зла заключается въ самой Думѣ: пока она не будетъ упразднена, до тѣхъ поръ Правительство вынуждено топтаться на одномъ мѣстѣ и безсильно руководить государственною жизнью Россіи. Нужно вырвать изъ ея среды найболѣе вредныхъ и опасныхъ для государственнаго порядка членовъ, прикрывающихся своею депутатскою не прикосновенностью и развивающихъ преступную дѣятельность, а затѣмъ навсегда упразднить Думу, ибо она нужна только революціонерамъ»...

Какъ и въ прошедшій разъ, Императрица вполнѣ согласилась со мною, однако подчеркнула ,что правительство, въ его полномъ составѣ, безгранично слабо, не съорганизовано, работаетъ вразбродъ, и въ его составѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы съумѣлъ объединить дѣятельность Совѣта министровъ, имѣлъ бы опредѣленную государственную программу и достаточно твердости, смѣлости и рѣшительности, чтобы проводить ее въ жизнь.

«Всѣ ждутъ приказаній Государя, а сами не проявляютъ никакой иниціативы, ничего не дѣлаютъ, а только ссорятся между собою, или же, въ погонѣ за личной популярностью, заигрываютъ съ Думою»...

Кто помнитъ 1916 годъ и ту позицію, какую занималъ Совѣтъ министровъ въ отношеніи Думы, тотъ скажетъ, что въ этихъ словахъ Императрицы не только не заключалось преувеличенія, а, наоборотъ, было много снисходительности. Совѣтъ министровъ точно вовсе не считался съ Государемъ Императоромъ, а оглядывался исключительно на Думу, получалъ отъ нея директивы и выполнялъ ихъ, будучи озабоченъ только тѣмъ, чтобы сохранить во что бы то ни стало, путемъ даже униженій и жертвъ, равновѣсіе своихъ отношеній съ нею. Неугодные Думѣ министры подвергались жестокой травлѣ и всевозможнымъ нападкамъ, не допускались даже на Думскую кафедру; а Совѣтъ министровъ не только не заступался за нихъ, но сознательно приносилъ ихъ въ жертву Думѣ, предпочитая соглашательство съ нею смѣлымъ и твердымъ проявленіямъ власти. Что это было — трусость, или измѣна?!

Ни того, ни другого, а сказывалось здѣсь обычное неумѣніе пользоваться властью. Умѣли пользоваться властью лишь низшіе агенты ея, рискуя собственною жизнью и грудью своею отстаивая порядокъ. Высшіе же представителеи власти обычно пользовались ею или для закрѣпленія личныхъ позицій, или для пріобрѣтенія возможно болѣе широкой популярности, или для заигрыванія съ общественнымъ мнѣніемъ, которому служили, словомъ для всего того, что освобождало ихъ отъ риска, дѣлало ненужнымъ смѣлость и рѣшительность, исключало необходимость борьбы... Тамъ же, гдѣ требовались эти

пріемы — а они **всегда** требуются въ области государственной жизни — тамъ власть безъ боя сдавала свои позиціи, и въ полной мѣрѣ справедливо можно было сказать, что побѣды враговъ обусловливались не ихъ силою, а слабостью ихъ противниковъ.

Государственная Дума, по существу, была только раздутымъ до крайности мыльнымъ пузыремъ, способнымъ лопнуть отъ одного окрика городового; но, кажется, что только одна Императрица это видѣла.

Такимъ же мыльнымъ пузыремъ является и вся нынѣшняя совѣтская Россія, съ ея «красными» арміями, какія бы разбѣжались при первой встрѣчѣ съ настоящими войсками, при первой серьезной угрозѣ интервенціи; но этому все еще не хотятъ вѣрить...

Сердечно простившись съ Государынею, я покинулъ Александровскій дворецъ.

ГЛАВА XXVIII.

Свѣчной съѣздъ. Визитъ А. Н. Волжина. Государственный Секретарь С. Е. Крыжановскій.

Въ концѣ января, а можетъ быть въ февралѣ, точно не помню, Синодомъ былъ созванъ Свѣчной Съѣздъ, съ участіемъ представителей отъ всѣхъ вѣдомствъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ, встрѣтивъ меня, однажды, въ залѣ Общаго собранія Государственнаго Совѣта, сообщилъ мнѣ, что назначилъ меня представителемъ отъ министерства на этомъ съѣздѣ Судьба точно умышленно толкала меня въ суровыя объятія А. Н. Волжина. При торжественномъ открытіи съѣзда, мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ А. Н. Волжинымъ, и меня забавляло какъ онъ искоса посматривалъ на меня, точно думая, какихъ усилій стоило мнѣ добиться участія на этомъ съѣздѣ и, притомъ, навѣрное съ цѣлью усилить оппозицію противъ него. Въ дѣйствительности же, я былъ едва ли не самымъ добросовѣстнымъ союзникомъ Оберъ-Прокуратуры на этомъ съѣздѣ. Съѣздъ былъ вызванъ не столько заботами о реорганизаціи свѣчного дѣла въ Россіи и развитіи отечественнаго производства воска, сколько подозрѣніями въ злоупотребленіяхъ директора Хозяйственнаго Управленія А. Осѣцкаго при закупкахъ воска заграницею, о чемъ громко кричали газеты, указывая на то, что А. Осѣцкому грозитъ не только отставка, но и преданіе его суду. Не имѣя еще фактическихъ данныхъ для реальныхъ обвиненій А. Осѣцкаго въ означенныхъ злоупо-

требленіяхъ, я имѣлъ, однако, основанія раздѣлять подозрѣнія Оберъ-Прокуратуры. Впослѣдствіи эти подозрѣнія подтвердились, ибо А. Осѣцкій, на одномъ изъ засѣданій, подъ моимъ предсѣдательствомъ, уже въ бытность мою Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, былъ вынужденъ сознаться въ томъ, что покупалъ воскъ въ Германіи, игнорируя болѣе дешевыя предложенія, а устроенные имъ торги были фиктивными... Во время этого примѣчательнаго засѣданія, одинъ изъ участниковъ его, членъ Государственнаго Совѣта отъ Кіевской епархіи, протоіерей С. И. Трегубовъ, передалъ мнѣ полученную имъ отъ какого то члена Думы записку, написанную на клочкѣ бумаги, гдѣ значилось, что Дума категорически требуетъ немедленнаго упраздненія комиссіи по разслѣдованію дѣятельности А. Осѣцкаго, свободнаго въ ея глазахъ отъ всякихъ подозрѣній.

Было очевидно, что дальнѣйшія разоблаченія довели бы Осѣцкаго до скамьи подсудимыхъ, и что, спасаясь отъ преслѣдованій Оберъ-Прокуратуры, онъ нашелъ защиту въ Думѣ. Однако грозный окрикъ Думы не испугалъ меня, и засѣданія комиссіи продолжались, хотя, къ моему удивленію, крайне тормозились Синодомъ, гдѣ А. Осѣцкій также имѣлъ защитниковъ, особенно въ лицѣ протопресвитера А. Дернова. Они прервались лишь съ наступленіемъ столь долго жданной и желанной революціи, освободившей отъ отвѣтственности не одного только Осѣцкаго.

Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ.

Разбившись на секціи, Съѣздъ сталъ устраивать засѣданія по вечерамъ, въ часы, свободные отъ служебныхъ занятій, и, втеченіе ближайшихъ двухъ-трехъ недѣль, я принималъ въ этихъ засѣданіяхъ посильное участіе, изрѣдка встрѣчаясь и съ А. Н. Волжинымъ.

Никогда еще престижъ мой среди Синодальныхъ чиновниковъ не былъ такъ высокъ, какъ въ это время. Надавняя аудіенція у Ея Величества истолковывалась какъ полное пораженіе А. Н. Волжина: теперь стали говорить уже не о созданіи должности второго Товарища Оберъ-Прокурора, а объ отставкѣ А. Н. Волжина и назначеніи меня на его мѣсто. Въ связи съ этимъ, отношеніе Синодальныхъ чиновъ къ А. Н. Волжину рѣзко ухудшилось, тогда какъ я сдѣлался центральной фигурой, вокругъ которой сосредоточивались всѣ вожделѣнія чиновниковъ вѣдомства, видѣвшихъ въ моемъ лицѣ будущаго главу вѣдомства и ихъ начальника. Всѣ искали моего благоволительнаго вниманія, стараясь, какъ бы невзначай, подчеркнуть мои преимущества предъ А. Н. Волжинымъ, и въ тоже время не стѣснялись открыто бранить послѣдняго. Особенно усердствовалъ Осѣцкій.

Кажется мнѣ, что никогда еще низменныя и пошлыя страсти не обнажались предо мною съ большимъ безстыдствомъ, чѣмъ въ эти моменты пресмыкательства и низкопоклонства со стороны тѣхъ ничтожныхъ людей, которые, годъ спустя, явились моими же предателями. Между тѣмъ А. Н. Волжинъ былъ искренно убѣжденъ въ моихъ интригахъ и, продолжая видѣть всегда и вездѣ на первомъ планѣ Распутина, объяснялъ и мою аудіенцію у Ея Величества участіемъ послѣдняго, а враждебное отношеніе къ себѣ со стороны своихъ подчиненныхъ Синодальныхъ чиновниковъ моими стараніями, т. е. дѣлалъ именно то дѣло, какое нужно было дѣлать, выполняя программу агентовъ интернаціонала, развивавшихъ съ чрезвычайными усиліями оппозицію противъ Императрицы и преданныхъ слугъ Россіи и династіи. Дѣлалъ онъ это дѣло столько же безсознательно, сколько добросовѣстно, ибо, будучи преданъ Престолу и Россіи, былъ искренно убѣжденъ, что ведетъ борьбу съ ихъ врагами. Но видѣлъ онъ этихъ враговъ не тамъ, гдѣ они были и, рубя направо и налѣво, не замѣчалъ того, что наносилъ удары своимъ же союзникамъ.

Нельзя обвинять того, кто не родился государственнымъ человѣкомъ, лишенъ широкихъ размаховъ, неспособенъ разбираться въ сложныхъ положеніяхъ и дѣлаетъ ошибки. И не это удивляло меня, а удивляло меня то, зачѣмъ нужно было А. Н. Волжину приглашать меня къ себѣ и, завѣряя меня въ своей искренности, вести со мною переговоры о сотрудничествѣ съ нимъ, а въ тоже время за глаза поносить меня...

Вскорѣ послѣ моей аудіенціи у Ея Величества, А. Н. Волжинъ пригласилъ меня къ себѣ. Впечатлѣніе отъ предыдущаго свиданія было столъ тяжелымъ, что на этотъ разъ я уклонился отъ приглашенія.

«Тогда я пріѣду къ Вамъ» — сказалъ А. Н. Волжинъ по телефону.

Въ назначенный часъ А.Н. Волжинъ пріѣхалъ.

«Голова ходитъ кругомъ» — началъ онъ — «дѣла такъ много, что просиживаешь ночи напролетъ; а все не успѣваешь.»

«Отчего же Вы не разгрузите Синодъ?» — отвѣтилъ я. — «Вѣдь туда попадаетъ масса дѣлъ, какія не только могутъ, но и должны разрѣшаться властью епархіальнаго архіерея... Прикажите вносить на разсмотрѣніе Синода только то, что подлежитъ его вѣдѣнію»...

«Да, но этого недостаточно; созданіе должности второго Товарища Оберъ-Прокурора необходимо; безъ этого нельзя будетъ обойтись; но какъ это сдѣлать!.. Дума кредитовъ не отпуститъ... Придется примѣнить ст. 87; а это значитъ — ждать роспуска Думы и отложить вопросъ до лѣта» — говорилъ А. Н. Волжинъ.

«Съ тѣмъ» — добавилъ я — «чтобы, собравшись осенью, Дума отвергла бы Вашъ законопроектъ»...

«Ну, а какъ же иначе?» — спросилъ А. Н. Волжинъ.

Я тоже не зналъ, какъ нужно было поступить; однако, если бы и зналъ, то не сказалъ бы, чтобы не создавать поводовъ для новыхъ недоразумѣній. Бесѣды съ А. Н. Волжинымъ успѣли пріучить меня къ осторожности.

«Не знаю» — отвѣтилъ я.

Визитъ длился недолго,. Оставивъ меня въ недоумѣніи о цѣли своего посѣщенія, А. Н. Волжинъ уѣхалъ.

На другой день я разсказалъ объ этомъ визитѣ Государственному Секретарю С. Е. Крыжановскому.

«Не понимаю» — сказалъ мнѣ Государственный Секретарь, — «зачѣмъ А. Н. Волжинъ носится съ 87-й статьею; я уже сто разъ говорилъ ему, что нужна не 87-я, а 11-я статья. Имѣютъ же Министры Внутреннихъ Дѣлъ, Торговли и Промышленности по четыре Товарища, и Думѣ нѣтъ до этого дѣла; а А. Н. Волжинъ изъ за второго Товарища поднимаетъ столько шума... Пусть изыщетъ только источникъ содержанія, а провести должность — дѣло одного доклада Государю Императору. Причемъ же здѣсь Дума?!».

С. Е. Крыжановскій занималъ среди министровъ совершенно исключительное мѣсто . Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, истинно государственныхъ дѣятелей, въ которомъ огромный умъ и широкіе государственные размахи сочетались съ на рѣдкость выдающимися знаніями. Въ то время, какъ каждый министръ вращался въ кругѣ вѣдѣнія своего вѣдомства, Государственный Секретарь обнималъ государственную жизнь въ полномъ объемѣ и долженъ былъ обладать универсальными познаніями по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Хотя законодатель и отвелъ Государственному Секретарю очень скромную роль въ Совѣтѣ министровъ, и участіе его въ засѣданіяхъ ограничивалось лишь формальными замѣчаніями, въ которыхъ существа дѣла онъ никогда почти не касался, да и касаться не могъ, ибо, по силѣ Высочайшаго повелѣнія, на коемъ основывалось участіе Государственнаго Секретаря по нѣкоторымъ дѣламъ въ Совѣтѣ министровъ, ему предоставлено было высказывать свои замѣчанія «преимущественно по соотношенію намѣчаемой мѣры съ Сводомъ Законовъ», т. е. со стороны формальной; однако же къ С. Е. Крыжановскому обращались не только за разнаго рода формальными разъясненіями, но гораздо чаще и по существу того или иного вопроса или законодательнаго предположенія. И нерѣдко мнѣніе С. Е. Крыжановскаго предопредѣляло судьбу законопроекта, измѣняя его первоначальное направленіе, еще задолго до внесенія послѣдняго въ Совѣтъ министровъ. Но и

застигнутый въ Совѣтѣ министровъ, законопроектъ подвергался иной разъ всякаго рода передѣлкамъ и измѣненіямъ соотвѣтственно указаніямъ Государственнаго Секретаря. . . Припоминаю характерный случай, когда Совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ А. Ф. Трепова, отклонилъ ходатайство Синода объ ассигнованіи 30000 рублей въ пособіе плѣннымъ священникамъ и затѣмъ вынужденъ былъ удовлетворить его, благодаря возраженію С. Е. Крыжановскаго. Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ концѣ 1916 года, въ бытность мою Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, когда, по просьбѣ Оберъ-Прокурора Н. П. Раева, обычно уклонявшагося отъ участія въ засѣданіяхъ Совѣта министровъ, я выступалъ въ Совѣтѣ въ качествѣ его замѣстителя, съ обязательствомъ во что бы то ни стало отстоять означенное ходатайство. Меньшій среди членовъ кабинета, я чувствовалъ себя въ Совѣтѣ неувѣренно, а общее пренебрежительно-скептическое отношеніе министровъ къ Синоду не сулило успѣха. . . Я былъ увѣренъ, что Совѣтъ министровъ отклонитъ ходатайство Синода, что явилось бы, въ моихъ глазахъ, величайшею несправедливостью, ибо, если священникъ попалъ въ плѣнъ, значитъ онъ ушелъ съ позиціи послѣднимъ и выполнилъ свой пастырскій долгъ до конца, а потому заслуживаетъ самой глубокой признательности, и ему нужно помочь, и недопустимо оставлять его бѣдствовать во вражескомъ плѣну. Моимъ сосѣдомъ справа былъ Государственный Секретарь, и я шепотомъ высказалъ Сергѣю Ефимовичу свои опасенія и тревоги.

«А Вы не смущайтесь» — живо сказалъ мнѣ С. Е. Крыжановскій: «если Совѣтъ откажетъ, то потребуйте соединеннаго засѣданія Совѣта министровъ и Синода». . .

«Какъ?» — удивился я: «развѣ возможны такія засѣданія?!». . .

«На практикѣ такихъ случаевъ еще не было, ибо не было поводовъ созывать ихъ; но постановленіе Совѣта министровъ, по силѣ коего, въ случаяхъ разногласія, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ созываются соединенныя засѣданія Совѣта министровъ и Синода, утверждено Его Величествомъ, и Вы смѣло можете воспользоваться этимъ постановленіемъ и сослаться на него» — отвѣтилъ С. Е. Крыжановскій.

Ввиду частой смѣны членовъ кабинета, объ этомъ постановленіи, конечно, никто не зналъ, и я почувствовалъ, что С. Е. Крыжановскій не только укрѣпилъ мои позиціи, но и сдѣлалъ ихъ неприступными.

Подошла моя очередь. . . я сдѣлалъ краткій докладъ по существу Синодальнаго ходатайства и просилъ удовлетворить его.

«Полагалъ бы отклонить» — сухо сказалъ предсѣдатель Совѣта министровъ А. Ф. Треповъ, сославшись на то, что высылаемыя деньги обычно конфискуются нѣмцами и не доходятъ до назначенія.

Вслѣдъ за А. Ф. Треповымъ высказались противъ и прочіе члены Совѣта министровъ.

«Въ такомъ случаѣ я ходатайствую о созывѣ соединеннаго засѣданія Совѣта министровъ и Синода» — сказалъ я.

На меня посмотрѣли какъ на съумасшедшаго, и никто не нашелся ничего возразить, ибо всѣ въ равной мѣрѣ считали совершенно невѣроятнымъ возможность совмѣстныхъ засѣданій министровъ съ архіереями.

«Развѣ мыслимы такія совмѣстныя засѣданія?» — спросилъ меня, послѣ общей паузы и нѣкотораго замѣшательства, А. Ф. Треповъ: «на чемъ основываете Вы Ваше ходатайство?» . .

«На основаніи Высочайше утвержденнаго постановленія Совѣта Министровъ отъ такого-то числа, мѣсяца и года» — отвѣтилъ я.

«Было ли такое постановленіе?» — спросилъ А. Ф. Треповъ управляющаго дѣлами Совѣта министровъ Н. Н. Ладыженскаго.

«Такъ точно, было, Ваше Высокопревосходительство» — отвѣтилъ Николай Николаевичъ, огласивъ журналъ Совѣта министровъ съ означеннымъ постановленіемъ.

«Тогда, конечно, не стоитъ изъ за 30000 рублей осложнять вопросъ: полагалъ бы удовлетворить ходатайство Синода», — сказалъ въ заключеніе А. Ф. Треповъ, противъ чего никакихъ возраженій не послѣдовало.

Побѣда была полная, и эффектъ получился чрезвычайный.

С. Е. Крыжановскій, тотчасъ послѣ окончанія засѣданія, по обыкновенію, ушелъ въ свой кабинетъ, а меня сразу же окружили министры и стали поздравлять съ выиграннымъ сраженіемъ.

«Зачѣмъ Вы такъ подвели насъ?» — спросилъ меня, улыбаясь, А. Ф. Треповъ.

«И не думалъ» — отвѣтилъ я: «я самъ не зналъ о существованіи этого постановленія Совѣта министровъ и никогда бы не использовалъ его, если бы не подсказалъ Сергѣй Ефимовичъ».

Тѣмъ не менѣе, если не всѣ, то нѣкоторые, навѣрное, приписали побѣду мнѣ, а не С. Е. Крыжановскому.

Такимъ былъ Государственный Секретарь С. Е. Крыжановскій. Онъ не только зналъ больше другихъ, не только никогда не превозносился своими знаніями и преимуществами, а, наоборотъ, сознательно убѣгалъ отъ славы людской, стараясь быть всегда незамѣтнымъ. Можетъ быть по этой причинѣ, а

может быть потому, что умъ является однимъ изъ тѣхъ недостатковъ, какой рѣдко прощается, С. Е. Крыжановскій имѣлъ не мало враговъ и, разумѣется, главнымъ образомъ, со стороны тѣхъ, кто не обходился безъ его помощи и завидовалъ ему.

Указаніе Государственнаго Секретаря на II-ю статью и ссылка на то, что А. Н. Волжинъ неоднократно уже обращался къ С. Е. Крыжановскому за совѣтами, справками и разъясненіями и всякій разъ получалъ отвѣтъ, что 87-я статья не примѣнима, окончательно обезцѣнили въ моихъ глазахъ жалобы А. Н. Волжина, и я увидѣлъ, что онъ прикрывается 87-ою статьею только для того, чтобы откладывать учрежденіе должности второго Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода на неопредѣленное время.

ГЛАВА XXIX.

Разрывъ съ А. Н. Волжинымъ.

Наступило время разсмотрѣнія въ Думѣ смѣты Синодальнаго вѣдомства.

Бюджетныя пренія въ Думѣ — это своего рода экзаменъ для каждаго министра. А. Н. Волжинъ очень волновался, ибо долженъ былъ выступить съ разъясненіями не только по существу смѣтныхъ предположеній, но и по поводу всякаго рода запросовъ, предъявленія которыхъ ожидалъ.

Я былъ очень заинтересованъ исходомъ этихъ преній и отправился въ Думу. Рѣчь А. Н. Волжина, обыкновенная, трафаретная, испрещренная цыфровыми данными, не давала поводовъ ни для одобреній, ни для порицаній: это была одна изъ тѣхъ обыденныхъ рѣчей, которыя составляются мелкими чиновниками, корректируются начальствомъ и являются лишь сводкою основныхъ положеній бюджета, своего рода объяснительною запискою, и ничего болѣе... Однако Думская атмосфера была до того напряжена, настроеніе было уже настолько революціоннымъ, что одно только появленіе членовъ Правительства на Думской кафедрѣ вызывало ярые протесты и грубое негодованіе, выливавшееся въ крайне рѣзкихъ формахъ... Какъ ни старался А. Н. Волжинъ заблаговременно расположить къ себѣ членовъ Думы, со стороны которыхъ ожидалъ нападокъ, но онъ достигъ этимъ только обратныхъ цѣлей. В. Н. Львовъ не пожалѣлъ красокъ для того, чтобы окончательно погубить А. Н. Волжина во мнѣніи Думы. Начавъ съ того, что А. Н. Волжинъ появлялся въ Думѣ только

для того, чтобы узнавать разными окольными путями, какъ относятся къ нему члены Думы и что будутъ говорить при разсмотрѣніи смѣты вѣдомства, онъ кончилъ указаніемъ на то, что Дума не Калашный рядъ, куда ходятъ собирать сплетни, и что нужно не имѣть никакого уваженія ни къ Думѣ, ни даже къ себѣ, чтобы прибѣгать къ такимъ пріемамъ, къ которымъ не прибѣгалъ еще ни одинъ министръ. Глупая и разнузданная рѣчь Львова имѣла большой успѣхъ и была покрыта бурными апплодисментами. Кампанія противъ членовъ Правительства велась дружно, планомѣрно; однако, къ сожалѣнію, Правительство видѣло въ этой преступной работѣ Думы лишь выпады противъ отдѣльныхъ членовъ кабинета, а Предсѣдатель Совѣта Министровъ даже запрещалъ послѣднимъ защищаться, опасаясь еще болѣе худшихъ послѣдствій.

Пропустивъ Синодальную смѣту въ Думѣ, А. Н. Волжинъ уѣхалъ съ Высочайшимъ докладомъ въ Ставку, откуда вскорѣ вернулся.

Было 10 часовъ вечера. Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и занимался.

Раздался телефонный звонокъ. У телефона былъ А.Н. Волжинъ.

«Мнѣ очень нужно видѣть Васъ» — говорилъ А. Н. Волжинъ — «пріѣзжайте послѣ часу».

«Это слишкомъ поздно» — отвѣтилъ я: «извощиковъ нѣтъ; пока я дойду къ Вамъ, будетъ два часа ночи. Если нужно, я пріѣду завтра»...

«Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нужно сегодня переговорить съ Вами» — отвѣтилъ А. Н. Волжинъ.

«Въ такомъ случаѣ я пріѣду къ 11 часамъ»...

«Въ 11 часовъ у меня доклады» — отвѣтилъ А. Н. Волжинъ.

«Тогда извините; а ночью я не могу ѣхать»...

«Хорошо» — нервно закончилъ А. Н. Волжинъ. «Я отложу доклады и буду ждать Васъ къ 11 часамъ».

Безцеремонность А. Н. Волжина, позволявшаго себѣ вызывать меня даже ночью и вѣрно думавшаго, что я обязанъ являться къ нему по первому его зову, раздражала меня... Однако я вспомнилъ, что уже разъ отказался отъ его приглашенія, и что въ послѣдній разъ А. Н. Волжинъ былъ у меня: деликатность вновь обезоружила меня.

Въ 10½ часовъ вечера я вышелъ изъ дома...

Все то, что лежало на днѣ души, стало выливаться наружу, и я чувствовалъ, что долженъ уже сдерживать свое волненіе и раздраженіе. Здѣсь было и сознаніе того лукавства со стороны А. Н. Волжина, о которомъ мнѣ такъ часто говорили, и чему я не хотѣлъ вѣрить, и оскорбленное и безпрестанно оскорбляемое самолюбіе, и сознаніе того ложнаго по-

ложенія, въ какое А. Н. Волжинъ меня ставилъ этими безсмысленными приглашеніями и бесѣдами, дававшими пищу всевозможнымъ сплетнямъ, проникавшимъ въ печать и бросавшимъ тѣнь на меня, и обида отъ сознанія, что А. Н. Волжинъ мнѣ не вѣритъ, а только дѣлаетъ видъ, что вѣритъ; а главное — было недовольство собою, убѣжденіе въ новой ошибкѣ, въ томъ, что я снова сдѣлался жертвою своего излишняго довѣрія къ людямъ...

Поэтому, подходя къ квартирѣ А. Н. Волжина, жившаго тогда на Моховой, 18, я уже дрожалъ отъ негодованія, чувствуя особенно острую боль отъ послѣдняго оскорбленія, нанесеннаго мнѣ А. Н. Волжинымъ, когда онъ заподозрилъ меня въ распространеніи газетныхъ свѣдѣній о моемъ будущемъ назначеніи... «Какъ онъ смѣлъ такъ оскорбить меня» — думалъ я, поднимаясь къ нему по лѣстницѣ; «а между тѣмъ я смолчалъ»... Мое волненіе было такъ велико, что я боялся за себя и думалъ, что не въ силахъ буду совладать съ нимъ. Однако А. Н. Волжинъ встрѣтилъ меня такъ привѣтливо, въ его голосѣ было такъ много сердечныхъ нотъ, что его вкрадчивость снова обезоружила меня, я снова поддался чарамъ и готовъ былъ не только все простить и забыть, но и осудить самого себя за мнительность и подозрительность...

«Я только сегодня вернулся изъ Ставки» — началъ свой разсказъ А. Н. Волжинъ: «Государь былъ высокомилостивъ ко мнѣ и втеченіе 40 минутъ, съ большимъ вниманіемъ, изволилъ выслушивать мой докладъ... Цѣлыхъ 40 минутъ» — подчеркнулъ А. Н. Волжинъ.

Нарисовавъ, далѣе, знакомую мнѣ картину Высочайшаго завтрака и остановившись на томъ, какъ приглашенные къ Высочайшему столу вышли изъ столовой въ залъ, какъ выстроились полукругомъ въ ней, какъ Его Величество подходилъ то къ одному, то къ другому, А. Н. Волжинъ, продолжая разсказъ, замѣтилъ:

«Его Величеству было угодно освѣдомиться о томъ, въ какомъ положеніи находится вопросъ объ учрежденіи должности 2-го Товарища Оберъ-Прокурора. Я доложилъ и въ тоже время спросилъ Государя, продолжаетъ ли Его Величество настаивать на Вашей кандидатурѣ, или имѣетъ въ виду другого кандидата, на что Государь отвѣтилъ, что Своихъ предположеній не измѣнилъ и добавилъ: «я желаю князя Жевахова».[1])

Значитъ, — подумалъ я, слушая разсказъ А. Н. Волжина — Вы, пользуясь высокомилостивымъ пріемомъ Государя, сдѣлали еще и на этотъ разъ послѣднюю отчаянную попытку от-

---

[1]) Слова Его Величества въ передачѣ А. Н. Волжина.

биться отъ меня, и эта попытка не удалась. Но тогда, зачѣмъ же Вы разсказываете мнѣ объ этомъ? — говорили мои глаза, съ недоумѣніемъ глядѣвшіе на А. Н. Волжина.

«Вы понимаете, конечно» — продолжалъ между тѣмъ А. Н. Волжинъ — «что я долженъ былъ предложить этотъ вопросъ Его Величеству, ибо объ учрежденіи новой должности Товарища Оберъ-Прокурора такъ давно толкуютъ, что предположенія Его Величсетва могли за этотъ долгій срокъ и измѣниться... Разумѣется, воля Монарха для меня священна, и я обязанъ ее выполнить, но»... — и тутъ А. Н. Волжинъ замялся — «я никакъ не придумаю, какъ бы мнѣ Васъ... пристроить»...

Какъ ужаленный, вскочилъ я со своего мѣста и, не помня себя отъ негодованія, утративъ самообладаніе, я крикнулъ:

«Какъ это... пристроить!... Я не инвалидъ, а Синодъ не богадѣльня, чтобы Вы меня пристраивали... У меня уже давно возникли сомнѣнія относительно Вашей искренности; я наивно думалъ, что Вы и въ самомъ дѣлѣ желаете использовать мои познанія для Вашего вѣдомства; но, если Вы озабочены только тѣмъ, чтобы меня «пристроить», и ссылаетесь даже на Государя Императора, Который, якобы, Васъ принуждаетъ къ этому, тогда знайте, что я не желаю служить съ Вами и объясню Его Величеству, почему. Я не нуждаюсь въ «мѣстѣ», я — Помощникъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта и Членъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и не нуждаюсь въ томъ, чтобы Вы меня «пристраивали»...

А. Н. Волжинъ обомлѣлъ... Онъ никакъ не могъ ожидать такого выпада со стороны того, чью деликатность онъ принималъ за хитрость или глупость, за желаніе во что бы то ни стало, путемъ даже униженій, пробраться въ Синодъ, не брезгая для этого никакими средствами...

«Что Вы, что Вы, князь, успокойтесь» — заволновался А. Н. Волжинъ: «И не грѣхъ ли Вамъ такъ нехорошо думать обо мнѣ!.. Я ли не просилъ Васъ, чтобы Вы мнѣ помогли, я ли не пріѣзжалъ къ Вамъ?! Зачѣмъ же я бы ѣздилъ къ Вамъ, если бы не желалъ сотрудничества съ Вами?! Насъ связываетъ другъ съ другомъ Святитель Іоасафъ; моя бабушка была игуменіей Бѣлгородскаго монастыря»... путаясь и смущаясь, оправдывался А. Н. Волжинъ.

И эта безсвязная рѣчь была произнесена такимъ тономъ, что снова обезоружила меня... Мнѣ стало жалко А. Н. Волжина, этого гордаго, самонадѣяннаго сановника, который сбросилъ свою внѣшность и предсталъ предо мною въ образѣ слабаго, раздавленнаго человѣка.

Я простился съ А. Н. Волжинымъ съ намѣреніемъ никогда болѣе не встрѣчаться съ нимъ. Однако это свиданіе все еще не было послѣднимъ.

До меня стали доходить слухи, что А. Н. Волжинъ лихорадочно стремится наверстать потерянное время и постоянно ѣздитъ къ Государственному Секретарю, чтобы, съ помощью С. Е. Крыжановскаго, заготовить Высочайшій докладъ объ учрежденіи должности второго Товарища Оберъ-Прокурора по II-й статьѣ. И дѣйствительно, прошло недѣли двѣ-три послѣ послѣдняго, бурнаго свиданія, какъ А. Н. Волжинъ снова пригласилъ меня къ себѣ и встрѣтилъ меня такими словами:

«Теперь я могу уже поздравить Васъ своимъ Товарищемъ... Поздравляю, пока, только академически... Высочайшій докладъ по II-й статьѣ уже готовъ, но еще не посланъ... Но это вопросъ нѣскольких дней»...

«Въ Государственной канцеляріи» — отвѣтилъ я — «начались уже каникулы, и я на дняхъ уѣзжаю изъ Петербурга».

«Куда?» — удивился А. Н. Волжинъ, все еще не умѣвшій отрѣшиться отъ убѣжденія, что стремленіе достигнуть должности Товарища Оберъ-Прокурора было моею единственною мечтою, въ жертву которой я былъ готовъ принести все, включительно до своей чести.

«Въ Кіевъ, въ Полтавскую губернію, въ имѣніе».

«Такъ Вы, по крайней мѣрѣ, оставьте свой адресъ» — съ досадою сказалъ А. Н. Волжинъ.

Уступая этой просьбѣ, я далъ свой Кіевскій адресъ чиновнику особыхъ порученій, князю Мышецкому, хотя былъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что этотъ адресъ А. Н. Волжину не пригодится.

А. Н. Волжинъ опоздалъ.

Убѣдившись въ безцѣльности сопротивленія, А. Н. Волжинъ сталъ искать путей къ осуществленію Высочайшей воли о моемъ назначеніи и, съ помощью Государственнаго Секретаря С. Е. Крыжановскаго, нашелъ ихъ... Но время уже было упущено. Положеніе, созданное А. Н. Волжинымъ, было таково, что ,въ лучшемъ случаѣ, допускало лишь обмѣнъ свѣтскими любезностями, но ни о какомъ сотрудничествѣ съ нимъ, или дѣловыхъ общеніяхъ, не могло быть и рѣчи. Это сознавалось и высшими сферами, гдѣ, одновременно съ предположеніями объ отставкѣ А. Н. Волжина, высказывались проекты о назначеніи меня то его замѣстителемъ, то Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, но гдѣ уже совершенно исключалась возможность назначенія помощникомъ А. Н. Волжина.

А. Н. Волжинъ, повидимому, объ этомъ ничего не зналъ, какъ не зналъ и того, что ,если должность второго Товарища Оберъ-Прокурора и будетъ учреждена, и я буду назначенъ на эту должность, то это случится лишь послѣ его отставки. Своимъ противленіемъ волѣ Монарха и неискренностью, А. Н. Волжинъ окончательно поколебалъ свое служебное положеніе,

не только въ глазахъ Ихъ Величествъ, но и въ глазахъ высшаго общества, мнѣніемъ котораго особенно дорожилъ. Какъ онъ ни старался исправить ошибку и наверстать потерянное время, какъ ни спѣшилъ съ учрежденіемъ должности и какъ, повидимому, искренно ни хотѣлъ, на этотъ разъ, ускорить мое назначеніе и тѣмъ вернуть утраченное довѣріе Ихъ Величествъ, но было уже поздно... Ускоряя мое назначеніе, А. Н. Волжинъ ускорялъ одновременно и свою отставку...

Я удивленно смотрѣлъ на А. Н. Волжина, когда онъ поздравлялъ меня «своимъ» Товарищемъ, ибо зналъ, что таковымъ никогда не буду, какъ зналъ и то, что дни А. Н. Волжина на Оберъ-Прокурорскомъ посту уже сочтены. Изъ Петербурга я уѣхалъ въ Оптину Пустынь.

ГЛАВА XXX.

Оптина пустынь. Старецъ Анатолій.

Когда человѣкъ ближе къ Истинѣ?..

Тогда ли, когда его жизнь протекаетъ плавно и ровно, безъ внѣшнихъ ударовъ и потрясеній, и онъ, спокойный и уравновѣшенный, оцѣниваетъ окружающее сквозь призму реальныхъ фактовъ, не задумывается надъ вопросами бытія, не страдаетъ отъ неразрѣшимыхъ противорѣчій жизни, не заглядываетъ въ потусторонній міръ?..

Или тогда, когда, подъ вліяніемъ несчастій и страданій, выбитый изъ колеи жизни, примиряется со своимъ удѣломъ, отворачивается отъ земныхъ задачъ и цѣлей и стремится ввысь, обращая взоры къ Богу?

У кого правда, у реалиста, или у мистика?!

Для меня никогда не существовало сомнѣній въ томъ, что правда у послѣдняго. И это потому, что ближе всѣхъ къ Богу — дѣти, а между ними нѣтъ реалистовъ. Всѣ дѣти — мистики, всѣ они тянутся къ Богу, какъ цвѣты къ солнцу; всѣ безсознательно влекутся къ небу и одинаково протестуютъ противъ попытокъ горделиваго ума разрушить волшебный замокъ мистицизма, гдѣ все иначе, чѣмъ на землѣ, гдѣ живутъ ангелы, поющіе славу Богу, гдѣ нѣтъ ни зависти, ни злобы, гдѣ говорятъ ангельскимъ языкомъ, и надъ всѣмъ и всѣми царствуютъ небесные законы и Вѣчная Любовь.

Я помню, какъ глубоко задѣвали меня пренебрежительные отзывы взрослыхъ о монастыряхъ, о старцахъ, отшельникахъ и затворникахъ, какіе казались мнѣ святыми; съ какою болью сердца и тяжкимъ недоумѣніемъ я относился къ каж-

дому, кто пытался поколебать мою дѣтскую вѣру, отнимать у меня подарки Божіи, какіе не имѣли цѣны и были дороже всѣхъ сокровищъ міра. Годы шли, мѣнялись точки зрѣнія, охладѣвали порывы, но То, что сказали мнѣ дѣтство и юность, то оказалось правдою вѣчною и неизмѣнною. И не эта правда измѣнялась отъ времени и науки, а измѣнялись мы сами, удаляясь отъ нея, теряя ощущеніе правды, — пониманіе ея и влеченіе къ ней. Какъ легко потерять ощущеніе правды, и какъ трудно найти потерянное!.. Кто бывалъ въ монастыряхъ и видѣлъ старцевъ, тотъ знаетъ, что только цѣною неимовѣрныхъ усилій и величайшихъ иноческихъ подвиговъ возмѣщалась эта потеря, и что только на склонѣ своей жизни дряхлые старцы возвращали своей, изможденной страданіями, душѣ подлинныя ощущенія дѣтства. И какъ мало отличались тогда эти старцы, эти земные ангелы, отъ дѣтей; какая чистота и святость сквозили въ каждой ихъ мысли, въ каждомъ движеніи; какую чрезвычайную цѣнность являли собою эти исключительные люди, разсказывающіе о томъ, о чемъ молчаливо говорятъ глаза младенца, живущаго въ объятіяхъ ангельскихъ, но не способнаго повѣдать людямъ своихъ небесныхъ ощущеній... И моя дума инстинктивно тянулась къ этимъ людямъ, и дѣтство и юность прошли въ общеніи съ ними. Тогда не было ни горя, ни страданій, ни всего того, что, по милосердію Божьему, возвращаетъ къ Богу сбившагося съ пути грѣшника,..

Тогда была только естественная потребность неповрежденной страстями души укрываться отъ заразы міра и искать родной обстановки и родныхъ людей, была потребность искать правду...

И на этотъ разъ я ѣхалъ въ Оптину пустынь, къ старцу Анатолію, потому что не довѣрялъ ни своему, ни чужому уму, потому что искалъ правды, какой не могъ найти вокругъ себя... И такъ же ,какъ и раньше, я испытывалъ, по мѣрѣ приближенія къ Оптиной, все большій душевный трепетъ... Тамъ, за оградою монастыря, по ту сторону рѣки Жиздры, жили иные люди, у которыхъ были иныя задачи и цѣли, иное дѣло, чѣмъ у меня. И насколько моя жизнь казалась мнѣ безпросвѣтной и никому не нужной, насколько дѣло мое казалось мнѣ преступной тратой времени, нужнаго для приготовленія къ загробной жизни, для спасенія души, настолько жизнь этихъ счастливыхъ избранниковъ являлась въ моихъ глазахъ постепеннымъ восхожденіемъ къ Богу и была полна глубочайшаго содержанія... Они имѣли то, чего не имѣлъ самый счастливый человѣкъ въ міру: имѣли учителей жизни, премудрыхъ старцевъ, опытно познавшихъ науку жизни... Они не были одиноки, тогда какъ мы, міряне, блуждали подобно

стаду безъ пастыря, и нашими учителями были лишь воспоминанія объ ощущеніяхъ дѣтства, за которыя мы судорожно хватались, чтобы не заблудиться въ дебряхъ жизни, чтобы не потерять хотя бы образа правды.

Подлѣ келіи о. Анатолія толпился народъ. Тамъ были преимущественно крестьяне, прибывшіе изъ окрестныхъ селъ и сосѣднихъ губерній. Они привели съ собою своихъ больныхъ и искалѣченныхъ дѣтей и жаловались, что потратили безъ пользы много денегъ на лѣченіе...

«Одна надежда на батюшку Анатолія, что вымолитъ у Господа здравіе неповиннымъ».

Съ болью сердца смотрѣлъ я на этихъ дѣйствительно неповинныхъ, несчастныхъ дѣтей, съ запущенными болѣзнями, горбатыхъ, искалѣченныхъ, слѣпыхъ... Всѣ они были жертвами недосмотра родительскаго, всѣ они росли безъ присмотра со стороны старшихъ, являлись живымъ укоромъ темнотѣ, косности и невѣжеству деревни... Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ стояла другая группа крестьянъ, человѣкъ восемнадцать, съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Они желали «собороваться» и были одѣты по праздничному. Я былъ нѣсколько удивленъ, видя предъ собою молодыхъ и здоровыхъ людей, и искалъ среди нихъ больного. Но больныхъ не было: всѣ казались здоровыми. Только позднѣе я узналъ, что въ Оптину ходили собороваться совершенно здоровые физически, но больные духомъ люди, придавленные горемъ, житейскими невзгодами, страдающіе запоемъ... Глядя на эту массу вѣрующаго народа, я видѣлъ въ ней одновременно сочетаніе грубаго невѣжества и темноты съ глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, гдѣ Истинный Врачъ душъ и тѣлесъ: они тянулись въ монастыри, какъ въ духовныя лѣчебницы, и никогда ихъ вѣра не посрамляла ихъ, всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвою и бесѣдами со старцами.

Я вновь чувствовалъ себя въ родной обстановкѣ, среди людей, какіе были столь чужды мнѣ по уровню своего развитія, но такъ близки и дороги по вѣрѣ. И такъ же, какъ и раньше, мнѣ хотѣлось остаться навсегда въ любимой Оптиной пустыни, чтобы начать новую, осмысленную жизнь, жизнь по уставу мудрѣйшихъ людей, столь отличную отъ мірской жизни, изгнавшей самую мысль о спасеніи души, о нравственной отвѣтственности и загробной жизни... И никогда еще эта мірская жизнь не угнетала меня больше, какъ въ эти моменты соприкосновенія съ «настоящею» жизнью; никогда еще мои мірскія дѣла и занятія не казались мнѣ менѣе нужными, чѣмъ въ эти моменты возношенія души къ Богу.

Вдругъ толпа заволновалась; всѣ бросились къ дверямъ келіи. У порога показался о. Анатолій. Маленькій, сгорбленный старичекъ, съ удивительно юнымъ лицомъ, чистыми, ясными, дѣтскими глазами, о. Анатолій чрезвычайно располагалъ къ себѣ. Я давно уже зналъ батюшку Анатолія и любилъ его. Онъ былъ воплощеніемъ любви, отличался удивительнымъ смиреніемъ и кротостью, и бесѣды съ нимъ буквально возрождали человѣка. Казалось, не было вопроса, котораго бы о. Анатолій не разрѣшилъ; не было положенія, изъ котораго бы этотъ старичекъ Божій не вывелъ своею опытною рукою заблудившихся въ дебряхъ жизни, запутавшихся въ сѣтяхъ сатанинскихъ... Это былъ истинный «старецъ», великій учитель жизни. При видѣ о. Анатолія, толпа бросилась къ нему за благословеніемъ, и старецъ, медленно протискиваясь сквозь толщу народа, направился къ крестьянамъ, ожидавшимъ соборованія и приступилъ къ таинству елеосвященія. Я улучилъ моментъ, чтобы просить о. Анатолія принять меня наединѣ.

«Сегодня, въ 4 часа ,предъ вечерней» — отвѣтилъ на ходу о. Анатолій.

Было 8 часовъ утра. Я вернулся въ гостинницу; затѣмъ прошелъ въ главный храмъ, гдѣ началась поздняя обѣдня, послѣ которой навѣстилъ настоятеля и начальника скита Оптиной. Всѣ они были моими старыми друзьями, родными, близкими мнѣ по духу людьми.

Въ 4 часа я вошелъ въ келію о. Анатолія.

ГЛАВА XXXI.

Бесѣда съ Старцемъ Анатоліемъ.

«Батюшка отецъ Анатолій, не разберусь я ни въ чемъ» — началъ я: «съ дѣтскихъ лѣтъ я безсознательно тянулся въ монастырь и уже не въ первый разъ стучусь и къ Вамъ, въ Вашу обитель; а все еще никакъ не могу развязаться съ міромъ, и кажется мнѣ, что я все больше и больше запутываюсь въ сѣтяхъ сатанинскихъ... Боюсь я за свою душу... Откуда это влеченіе въ обитель, какое дѣлаетъ мнѣ жизнь въ міру такой немилой, что хочется бѣжать изъ него, какое обезцѣниваетъ въ моихъ глазахъ всякое мірское дѣло, не позволяетъ мнѣ, изъ опасенія измѣны предъ Богомъ, завязываться мірскими связями, заставляетъ жить между міромъ и монастыремъ, между небомъ и землею... Если бы Вы знали, какъ это тяжело, какъ трудно остаться чистымъ среди мірской грязи, какъ болѣзненны грѣховныя паденія и, даже безотносительно къ нимъ, какою

безсмысленною кажется мнѣ мірская жизнь, когда сознаешь, что зиждется она на невѣрномъ фундаментѣ, что живутъ люди не такъ, какъ повелѣлъ Господь, дѣлаютъ не то дѣло, какое должны были бы дѣлать... Иной разъ бываетъ такъ тяжело отъ всякихъ противорѣчій и перекрестныхъ вопросовъ, что я боюсь даже думать... Такъ и кажется, что сойду съума отъ своихъ тяжелыхъ думъ»...

«А это отъ гордости» — отвѣтилъ о. Анатолій.

«Какая тамъ гордость, батюшка» — возразилъ я: «кажется мнѣ, что я самъ себя боюсь; всегда я старался быть вездѣ послѣднимъ, боялся людей, сторонился и прятался отъ нихъ»...

«Это ничего; и гордость бываетъ разная. Есть гордость мірская — это мудрованіе; а есть гордость духовная — это самолюбіе. Оно и точно, люди воистину съ ума сходятъ, если на свой умъ полагаются, да отъ него всего ожидаютъ. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, браться не за свое дѣло. Бери отъ него то, что онъ можетъ дать, а большаго не требуй... Нашъ учитель — смиреніе. Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. А благодать Божія — это все... Тамъ тебѣ и величайшая мудрость. Вотъ ты смирись, да скажи себѣ: «хотя я и песчинка земная, но и обо мнѣ печется Господь, и да свершается надо мною воля Божія»... Вотъ если ты скажешь это не умомъ только, но и сердцемъ, и дѣйствительно смѣло, какъ и подобаетъ истинному христіанину, положишься на Господа, съ твердымъ намѣреніемъ безропотно подчиниться волѣ Божіей, какова бы она ни была, тогда разсѣятся предъ тобою тучи и выглянетъ солнышко, и освѣтитъ тебя и согрѣетъ, и познаешь ты истинную радость отъ Господа, и все покажется тебѣ яснымъ и прозрачнымъ, и перестанешь ты мучиться, и легко станетъ тебѣ на душѣ»...

Я почувствовалъ, какъ затрепетало мое сердце отъ этихъ словъ...

Какъ глубоко и какъ просто — подумалъ я.

О. Анатолій, между тѣмъ, продолжалъ:

«Трудно было бы жить на землѣ, если бы и точно никого не было, кто бы помогъ намъ разбираться въ жизни... А вѣдь надъ нами Самъ Господь Вседержитель, Сама Любовь... Чего же намъ бояться, да сокрушаться, зачѣмъ разбираться въ трудностяхъ жизни, загадывать, да разгадывать... Чѣмъ сложнѣе и труднѣе жизнь, тѣмъ меньше нужно это дѣлать... Положись на волю Господню, и Господь не посрамитъ тебя. Положись не словами, а дѣлами... Оттого и трудною стала жизнь, что люди запутали ее своимъ мудрованіемъ, что, вмѣсто того, чтобы обращаться за помощью къ Богу, стали обращаться къ своему разуму, да на него одного полагаться... Не

бойся ни горя, ни болѣзней, ни страданій, ни всякихъ испытаній: — все это посѣщенія Божіи, тебѣ же на пользу... Предъ кончиною своей будешь благодарить Господа не за радости и счастье, а за горе и страданія, и чѣмъ больше ихъ было въ твоей жизни, тѣмъ легче будешь умирать, тѣмъ легче будетъ возноситься душа твоя къ Богу»...

«Это такъ, батюшка; но, если задачей нашей жизни является спасеніе души, то не гордость, а страхъ Божій заставляетъ искать мѣста, гдѣ можно легче спастись... Если даже сильные, духовно-мудрые люди съ трудомъ выдерживаютъ борьбу съ кознями сатанинскими, въ міру, то куда же намъ, слѣпымъ и слабымъ!.. Я помню свои дѣтскіе годы... Міръ точно умышленно развращалъ насъ, и только въ родной семьѣ, да въ келіи старца, я слышалъ о томъ, о чемъ наединѣ говорила мнѣ душа моя... И еще тогда я недоумѣвалъ, зачѣмъ оставаться въ міру среди чужихъ и недобрыхъ людей, и спрашивалъ старцевъ, куда мнѣ идти и что дѣлать съ собою... Я зналъ, куда идти и что дѣлать, но боялся слѣдовать своей волѣ и запрашивалъ старцевъ, чтобы они открыли мнѣ волю Божію... А они удерживали меня въ міру, не пускали въ монастырь; все говорили, что Господь предназначилъ мнѣ иной путь, и что не пришелъ еще часъ мой... А чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже, тѣмъ тяжелѣе... Жизнь стала складываться такъ, что, безъ измѣны Богу, я уже не могъ покинуть міра. Сначала подошло дѣло Св. Іоасафа; затѣмъ постройка храма Св. Николаю въ Бари; а вотъ теперь подходитъ еще одно дѣло, и я не знаю, отъ Бога ли оно или нѣтъ, но хорошо знаю, что, если возьмусь за него, то оно окончательно привяжетъ меня къ міру... Вотъ за этимъ, чтобы спросить Васъ и посовѣтоваться, я и пріѣхалъ сейчасъ въ Оптину»...

«А какое это дѣло?» — спросилъ меня о. Анатолій, пристально глядя на меня.

«Царь хочетъ назначить меня на службу въ Синодъ, товарищемъ Оберъ-Прокурора, и вотъ я и не знаю, что это означаетъ... Если бы Царь и Царица близко знали меня, тогда бы я не сомнѣвался; но знаютъ меня Ихъ Величества мало, видѣли только нѣсколько разъ... Сказывается ли здѣсь воля Божія и Св. Іоасафа, промыслительную руку Котораго я вижу надъ собою, въ своей жизни, или можетъ быть здѣсь козни сатанинскія, чтобы не пустить меня въ монастырь... Мѣсто это высокое; много соблазновъ для тщеславія и гордости и самолюбія; много будетъ у меня враговъ, которые станутъ травить меня такъ, какъ сейчасъ травятъ всѣхъ, входящихъ въ составъ правительства; и я не знаю, какъ мнѣ поступить, и ни въ чемъ не могу самъ разобраться... Откройте мнѣ волю Божію, и

какъ Вы скажете мнѣ, такъ я и сдѣлаю.» «А ты вѣрно знаешь, что Царь зоветъ тебя на это мѣсто?» — спросилъ о. Анатолій.

«Вѣрно знаю» — отвѣтилъ я.

«А коли Царь зоветъ, значитъ — зоветъ Богъ. А Господь зоветъ тѣхъ, кто любитъ Царя, ибо Самъ любитъ Царя и знаетъ, что и ты Царя любишь...

Нѣтъ грѣха больше, какъ противленіе волѣ Помазанника Божія... Береги его, ибо Имъ держится Земля Русская и Вѣра Православная... Молись за Царя и заслоняй Его отъ недобрыхъ людей, слугъ сатанинскихъ... Царь не только Объявитель воли Божіей людямъ, но...»

О. Анатолій задумался, и слезы показались у него на глазахъ; взволнованный, онъ кончилъ невысказанную мысль, сказавъ:

«Судьба Царя — судьба Россіи. Радоваться будетъ Царь, радоваться будетъ и Россія. Заплачетъ Царь, заплачетъ и Россія, а... не будетъ Царя, не будетъ и Россіи... Какъ человѣкъ съ отрѣзанной головою уже не человѣкъ, а смердящій трупъ, такъ и Россія безъ Царя будетъ трупомъ смердящимъ. Иди же, иди смѣло, и да не смущаютъ тебя помыслы объ иночествѣ: у тебя еще много дѣла въ міру. Твой монастырь внутри тебя; отнесешь его въ обитель, когда Господь прикажетъ, когда не будетъ уже ничего, что станетъ удерживать тебя въ міру»...

Одаривъ меня иконками, о. Анатолій, съ великой любовью, благословилъ и отпустилъ меня. И снова я уѣхалъ изъ Оптиной пустыни съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ выѣзжалъ всякій разъ за ограду любимой обители, точно изъ рая, съ тѣмъ, чтобы снова погружаться въ глубины житейскаго водоворота, въ толщу мірской жизни, для борьбы съ нею, для борьбы съ самимъ собою...

ГЛАВА XXXII.

Отставка А. Н. Волжина. Новый оберъ-прокуроръ Св. Синода Н. П. Раевъ. Высочайшій указъ о моемъ назначеніи товарищемъ оберъ-прокурора.

Быстро промчалось лѣто. Какъ и слѣдовало ожидать, никакого увѣдомленія о своемъ назначеніи я не получалъ отъ А. Н. Волжина и въ концѣ Августа вернулся въ Петербургъ, къ началу занятій въ Государственной Канцеляріи. Въ деревнѣ я не читалъ газетъ и ничего не зналъ о послѣднихъ новостяхъ. Подъѣзжая къ Петербургу, я купилъ на станціи Любань нѣсколько свѣжихъ газетъ и былъ не мало удивленъ,

встрѣтивъ статью подъ заглавіемъ, напечатаннымъ жирнымъ шрифтомъ: «Отставка А. Н. Волжина». Тутъ же приводились имена предполагавшихся замѣстителей, среди которыхъ значились членъ Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскій, генералъ Шведовъ, Н. П. Раевъ и я. О каждомъ изъ насъ были приведены сравнительно подробныя біографическія свѣдѣнія, причемъ всѣ мы подводились подъ одинъ общій знаменатель «реакціонеровъ». Было совершенно очевидно, что эти свѣдѣнія составлялъ газетный репортеръ, знавшій каждаго изъ насъ только по наслышкѣ, совершенно незнакомый съ нами. Развернувъ другую газету, я увидѣлъ въ ней портретъ Н. П. Раева, съ подписью — «Новый Оберъ-Прокуроръ Св. Синода».

Я не только не зналъ лично Н. П. Раева, но и никогда не слышалъ о немъ, и это назначеніе явилось для меня, какъ равно и для многихъ другихъ, совершенно неожиданнымъ. Я былъ увѣренъ, что, съ назначеніемъ Н. П. Раева, кончилась почти двухлѣтняя исторія о моей кандидатурѣ, и, прибывъ въ Петербургъ, погрузился въ свои обычныя занятія въ Государственной Канцеляріи, не допуская даже мысли, что вопросъ о моемъ назначеніи можетъ снова возобновиться. Каково же было мое удивленіе, когда, чуть-ли не на другой день послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, новый Оберъ-Прокуроръ Св. Синода пригласилъ меня къ себѣ и встрѣтилъ меня такими словами:

«Я ждалъ только своего назначенія, чтобы познакомиться съ Вами... Хотя я и новый человѣкъ въ вѣдомствѣ, но, происходя изъ духовной среды, всегда былъ близокъ къ нему, и интересы Церкви были мнѣ всегда дороги. Соприкасаясь съ духовнымъ вѣдомствомъ въ области моихъ частныхъ знакомствъ, я, конечно, не могъ не слышать о Васъ и хотѣлъ бы просить Васъ не отказать мнѣ въ сотрудничествѣ со мною. ..Н. Ч. Заіончковскій едва ли будетъ мнѣ полезенъ; но первое время Вамъ придется числиться вторымъ моимъ Товарищемъ. Я надѣюсь, что это не будетъ долго. Я вижу Васъ въ первый разъ и не знакомъ съ вашими взглядами на церковно-государственныя задачи... Позвольте мнѣ остановиться на нихъ и выяснить Вамъ мои точки зрѣнія... Центромъ церковно-государственной силы является сельскій священникъ... Туда должны быть направлены наши преимущественныя заботы... Онъ одинокъ: ему мы должны протянуть руку помощи въ первую очередь... Всякое зданіе крѣпко только тогда, когда имѣетъ прочный фундаментъ; а сельское духовенство является фундаментомъ всего церковно-государственнаго зданія... Весь сложный механизмъ нашего церковно-государственнаго аппарата долженъ быть направленъ преимущественно въ эту сторону, и я надѣюсь,

что въ этомъ отношенiи встрѣчу полную поддержку съ Вашей стороны»...

«Вы повторяете только мои мысли, Николай Павловичъ» — сказалъ я: «первые годы моей службы протекли, точно нарочно, въ деревнѣ, чтобы я могъ всесторонне ознакомиться съ горемычнымъ бытомъ сельскаго духовенства и съ чувствомъ глубочайшаго уваженiя преклониться предъ сельскимъ священникомъ... Какъ много можно было бы сказать о немъ... Если бы не сельскiй священникъ и Земскiй Начальникъ, то удалась бы революцiя 1905 года на мѣстахъ, и правительству было бы трудно справиться съ нею. Впрочемъ, не это — главное; а главное то, что они не погубили своей вѣры и, довольствуясь малымъ, способны на великое... На общемъ фонѣ Россiи, они чуть ли не единственные представители подлинной Россiи — Святой Руси»...

«Я не зналъ, что Вы такъ думаете: тѣмъ прiятнѣе убѣждаться, что между нами будетъ полное единомыслiе» — отвѣтилъ Н. П. Раевъ... Итакъ, позвольте разсчитывать на Вашу помощь. Въ случаѣ Вашего согласiя, представленiе будетъ сдѣлано завтра, и числа 12-15-го Сентября состоится Ваше назначенiе»...

«Съ Вами я охотно буду служить и благодарю Васъ за довѣрiе ко мнѣ» — отвѣтилъ я, прощаясь съ Оберъ-Прокуроромъ.

«Какая разница между этимъ простымъ, скромнымъ, смиреннымъ человѣкомъ и испорченнымъ губернаторскою школою А. Н. Волжинымъ» — думалъ я, возвращаясь домой.

Мнѣ трудно было судить о Н. П. Раевѣ, котораго я видѣлъ въ первый разъ; но общее впечатлѣнiе отъ знакомства съ нимъ получилось очень благопрiятное. Это былъ простой, скромный человѣкъ, сынъ бывшаго митрополита Петербургскаго Палладiя, не только не скрывавшiй своего происхожденiя, какъ дѣлаютъ многiе, вышедшiе изъ духовной среды, мiряне, а, наоборотъ, сохранившiй почтительную преданность къ своему сословiю и озабоченный его участью. Не было въ немъ и того, что отличало А. Н. Волжина: не было желанiя рисоваться и производить впечатлѣнiе; не было ни одного неестественнаго движенiя и неискренняго жеста... Безукоризненно воспитанный, онъ являлъ собою счастливое сочетанiе свойствъ своего духовнаго происхожденiя, гдѣ простота и смиренiе скрываютъ за собою не сознанiе немощей, а отражаютъ преимущества и духовную мудрость, съ отличными прiемами свѣтскаго воспитанiя и особенностями, являвшимися принадлежностью хорошаго общества...

Прошла только одна недѣля со времени этого свиданiя, и 15 Сентября 1916 года состоялся Высочайшiй Указъ о назна-

ченіи меня вторымъ Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Двѣ недѣли спустя, Н. Ч. Заіончковскій вышелъ въ отставку, и я заступилъ его мѣсто... Должность второго Товарища была упразднена. Тотчасъ послѣ своего назначенія, не вступая въ должность, я уѣхалъ въ Бѣлгородъ, къ Святителю Іоасафу, чтобы у подножія раки любимаго Угодника Божія испросить благословеніе на предстоящіе труды, а 30-го Сентября вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей.

Такова исторія моего назначенія на должность Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода; таковы факты, какіе нелицепріятная правда когда нибудь вынесетъ наружу, и концепція которыхъ была такъ сложна, что только духовное око могло подмѣтить ихъ природу и сущность.

ГЛАВА XXXIII.

Выводы.

Можетъ быть, я слишкомъ подробно остановился на исторіи своего назначенія, точнѣе — на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его и вызванныхъ А. Н. Волжинымъ. Но да не подумаетъ читатель, что я имѣлъ въ виду сводить какіе либо личные счеты съ послѣднимъ. Чувство обиды, въ свое время глубокое и острое, давно у меня исчезло; а месть — не въ моемъ характерѣ.

Нѣтъ, не личныя причины руководили мною, когда я останавливался на этомъ эпизодѣ въ своей жизни, который и въ моихъ воспоминаніяхъ долженъ занять мѣсто только эпизода, хотя, по ходу изложенія, мнѣ, можетъ быть, и придется не разъ еще вернуться къ нему.

Что выражала собою борьба А. Н. Волжина съ митрополитомъ Питиримомъ и со мною?! Да и можно ли было назвать «борьбою» одностороннія нападенія А. Н. Волжина на насъ, когда ни митрополитъ, ни я не наносили А. Н. Волжину отвѣтныхъ ударовъ? Жаловался ли митрополитъ Питиримъ на А. Н. Волжина Ихъ Величествамъ, распространялъ ли о немъ дурные слухи въ обществѣ? Нѣтъ, Владыка, былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы колебать престижъ царскихъ слугъ, не говоря уже о томъ, что, по свойству своего характера, былъ готовъ самого себя принести въ жертву общему миру, что и дѣлалъ.

Что касается меня, то, въ бесѣдахъ съ Государемъ Императоромъ я ни разу не упомянулъ даже имени А. Н. Волжина, а Императрицѣ давалъ о немъ только добрые отзывы.

Да иначе я и не могъ бы поступить, во первыхъ потому, что и самъ считалъ А. Н. Волжина, хотя и ограниченнымъ, но хорошимъ человѣкомъ, а во вторыхъ и потому, что Императрицѣ было извѣстно отношеніе А. Н. Волжина ко мнѣ, и всякій другой отзывъ о немъ былъ бы, конечно, истолкованъ какъ борьба соперниковъ изъ за власти.

И митрополитъ, и я видѣли въ А. Н. Волжинѣ только одинъ недостатокъ — онъ не разбирался ни въ порученномъ ему дѣлѣ, ни въ людяхъ, ни въ окружавшей его политической обстановкѣ, былъ неискрененъ и потому что былъ неискрененъ, потому и попался въ разставленныя сѣти и способствовалъ клеветѣ, распространявшейся вокругъ имени митрополита и моего, вмѣсто того, чтобы, по долгу присяги, бороться съ нею. Но, какъ митрополитъ, такъ и я, связанные долгомъ къ Царю, предпочитали терпѣть обиды, вмѣсто того, чтобы «реабилитировать» себя цѣною униженія престижа царскихъ сановниковъ.

««Борьба »А. Н. Волжина съ нами была лишь однимъ изъ выраженій той болѣзни, какая свела Россію въ могилу. Болѣзнь же эта была эпидемическою и заражала всѣхъ. Въ тотъ моментъ вся Россія уже являла признаки съумасшедшаго дома, въ которомъ были заперты и больные, и здоровые, гдѣ люди не понимали другъ друга, не имѣли общаго языка, гдѣ дрались между собою, нанося удары и правымъ, и виноватымъ. Интернаціоналъ перемѣшалъ всѣ карты въ политической игрѣ, а выдвинутая имъ фигура Распутина заслоняла собою буквально все.

Вездѣ мерещился Распутинъ; вездѣ на первомъ планѣ было это роковое имя; и что бы ни дѣлали и ни говорили Царь съ Царицей — вездѣ то кричали, то шептались, то про себя думали, что за спиною Ихъ Величествъ стоялъ Распутинъ и руководилъ Ихъ дѣйствіями и помыслами. Этотъ дурманъ охватывалъ все большіе круги, завлекалъ и преданныхъ царскихъ слугъ, которые оказывались найбольшими врагами Престола и династіи, ибо они громче всѣхъ кричали о Распутинѣ, усматривая въ немъ государственную опасность, еще энергичнѣе защищали Царя и Россію, не понимая, по недомыслію, того, что такая «защита» могла бы выразиться только въ одномъ — въ замалчиваніи имени Распутина.

Почему же общество такъ легко попадалось въ разставленныя сѣти?!

Потому, что не имѣло вѣры въ Промыслъ Божій; потому, что перестало понимать религіозную сущность самодержавія и разсматривало Царя не какъ Выразителя воли Господней, Помазанника Божія, а какъ человѣка, не только тво-

ившаго свою собственную волю, но даже отдавшаго эту волю Распутину.

Эта мысль превосходно выражена Ѳ. В. Винбергомъ, писателемъ неподкупной честности убѣжденій, однимъ изъ тѣхъ людей, съ которыми Россія никогда бы не погибла и безъ которыхъ должна была погибнуть. Вотъ что пишетъ Ѳ. В. Винбергъ въ свой книгѣ «Крестный Путь», на стр. 2:

«Тотъ, кто умѣетъ проникновенно видѣть духовнымъ взоромъ, кто понимаетъ силу и значеніе Таинства Міропомазанія и чувствуетъ неразрывную связь между Царемъ и народомъ, которая, санкціонируя историческую преемственность, невидимо образуется силой этого Таинства, тотъ знаетъ, почему теперь такъ страдаетъ русскій народъ... Нынѣ свершается Судъ Божій!..»

Въ этихъ проникновенныхъ словахъ одного изъ тѣхъ людей, мимо которыхъ проходитъ толпа, или не замѣчая ихъ, или побивая камнями, ключъ къ уразумѣнію не только настоящаго Россіи, но и ея далекаго, далекаго прошедшаго.

ГЛАВА XXXIV.

Высочайшая аудіенція. Отъѣздъ въ Бѣлгородъ. Курскій архіепископъ Тихонъ. Губернаторъ А. П. Багговутъ. Посѣщеніе церковно-приходской школы.

Высочайшій Указъ о моемъ назначеніи послѣдовалъ 15 Сентября 1916 года, а 18 Сентября, или днемъ позже, точно не помню, я былъ вызванъ въ Царское Село, къ Ея Величеству. Къ сожалѣнію, объ этой аудіенціи у меня не сохранилось никакихъ воспоминаній... Мой дневникъ, какой я велъ съ ранняго дѣтства, чуть ли не съ 8 лѣтъ, убѣжденный доводами, что этимъ путемъ можно научиться писать и выработать умѣніе владѣть стилемъ, погибъ вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ въ Кіевѣ, будучи похищенъ большевиками. Тамъ, на его страницахъ, имѣлась подробная запись и объ этой первой, послѣ моего назначенія, аудіенціи, оставившей мнѣ сейчасъ воспоминанія лишь объ общихъ впечатлѣніяхъ... Та же материнская любовь къ Россіи, тѣ же болѣзненно переживаемыя скорби о ея тревожномъ настоящемъ и грядущемъ будущемъ, та же сердечная заботливость о церковныхъ нуждахъ и пастыряхъ Церкви, какія отличали мудрую, непонятую, неоцѣненную Императрицу... Напутствуемый добрыми благопожеланіями, тро-

нутый вниманіемъ Государыни, я вернулся въ Петербургъ, съ мыслью оправдать довѣріе Ея Величества цѣною какихъ угодно жертвъ. . .

То, что другими относилось къ области фантазіи и мистицизма, то для меня являлось реальною дѣйствительностью. Участіе въ моемъ назначеніи Св. Іоасафа казалось мнѣ до того очевиднымъ, что я не могъ пройти мимо этого факта и заявилъ Оберъ-Прокурору Н. П. Раеву, что, прежде вступленія своего въ должность, считаю обязательнымъ для себя поѣхать къ Святителю, въ Бѣлгородъ, за благословеніемъ. . .

Какъ я ни старался придать своей поѣздкѣ частный характеръ, какъ ни хотѣлось мнѣ прибыть въ Бѣлгородъ въ качествѣ простого паломника, однако о моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга были посланы предувѣдомленія и, по прибытіи въ Курскъ, я былъ встрѣченъ на вокзалѣ мѣстными властями и духовенствомъ, а архіепископъ Курскій Тихонъ выслалъ за мною свой экипажъ. Я былъ вынужденъ отправиться къ Владыкѣ, что не входило въ мои планы, ибо я желалъ, не останавливаясь въ Курскѣ, ѣхать дальше, въ Бѣлгородъ. Съ Преосвященнымъ Тихономъ, бывшимъ Костромскимъ, я встрѣчался уже раньше, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гостилъ у Костромского губернатора А. П. Веретенникова, посѣтивъ его послѣ торжествъ по случаю прославленія Св. Анны Кашинской. Однако встрѣча была мимолетная и не оставила никакихъ воспоминаній. Встрѣченный архіепископомъ и губернаторомъ А. П. Багговутомъ, я прошелъ въ гостинную ,куда вскорѣ явились и консисторскіе служащіе, которыхъ Владыка и представилъ мнѣ.

«Вамъ будетъ угодно прослѣдовать и въ нашу консисторію?», спросилъ меня архіепископъ.

«Нѣтъ, Владыка: я желалъ бы прежде испросить благословенія у Святителя Іоасафа и сегодня же быть въ Бѣлгородѣ» — отвѣтилъ я.

Но въ этотъ моментъ ко мнѣ подошелъ попечитель вновь открытой церковно-приходской школы, съ неотступной просьбой посѣтить школу, гдѣ ожидаютъ этого посѣщенія какъ дѣти, такъ и учительскій персоналъ, заранѣе предувѣдомленные о пріѣздѣ Товарища Оберъ-Прокурора. Я вспомнилъ о просьбѣ протоіерея А. І. Маляревскаго посѣтить эту школу и обѣщалъ заѣхать въ нее. По окончаніи церемоніи представленія должностныхъ лицъ, я остался въ обществѣ архіепископа и губернатора, и между нами завязался разговоръ на общія темы. Архіепископъ говорилъ о нашумѣвшей ереси имябожниковъ на Аѳонѣ и высказалъ мысль, что весь этотъ шумъ поднялъ своими газетными статьями архіепископъ Антоній (Храповицкій).

«Если бы не это, то не было бы и вздутія дѣла» — сказалъ архіепископъ.

Я невольно улыбнулся и замѣтилъ:

«Именно, «вздутія» бы никакого и не было».

Губернаторъ разсказывалъ о выборахъ въ Думу и подчеркивалъ, что на этотъ разъ пройдутъ правые. Въ устахъ губернатора Багговута, извѣстнаго мнѣ съ тѣхъ сторонъ, какія дѣлали его однимъ изъ лучшихъ губернаторовъ Россіи, такое заявленіе не было фразою.

Пробывъ у архіепископа положенное для оффиціальнаго визита время, я направился въ церковно-приходскую школу и по пути завезъ визитную карточку губернатору.

Школа дѣйствительно блистала своею внѣшностью. Дѣти до того бойко отвѣчали, такъ мастерски декламировали разные стихи, такъ стойко выдерживали натискъ учителя и учительницы, забрасывавшихъ ихъ всевозможными вопросами по всѣмъ предметамъ школьной программы, что даже разсмѣшили меня. Тренировка была изумительная. Но именно по этой причинѣ, наученный горькимъ опытомъ, я опасался предлагать ученикамъ свои вопросы, ибо былъ увѣренъ, что не получу на нихъ отвѣта... Я часто видѣлъ эти великолѣпныя ажурныя зданія, которыя разбивались при первомъ дуновеніи вѣтерка. На лицахъ дѣтей, продѣлывавшихъ эти фокусы и эквилибристику съ памятью, не отражалось никакой мысли; они абсолютно не понимали того, о чемъ говорили; ихъ вниманіе было сосредоточено только на автоматической передачѣ заученнаго. Это были типичныя жертвы той школьной рутины, какая, казалось, преслѣдовала единственную цѣль — убить въ самомъ зародышѣ проблески сознанія и уничтожить самую способность мышленія. Скрывая свое тягостное впечатлѣніе, я, прощаясь со школою, обратился къ учительскому персоналу съ нижеслѣдующей рѣчью:

«Вамъ было угодно просить меня посѣтить Вашу школу въ краткій промежутокъ моего пребыванія въ Курскѣ. Я охотно исполнилъ Вашу просьбу и вижу, что учебно-воспитательное дѣло въ Вашей школѣ дѣйствительно вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ, какія къ нему обычно предъявляются. Дѣти опрятны и выдержаны, отвѣчаютъ на задаваемые вопросы бойко и свидѣтельствуютъ о томъ, что Вы вложили много труда въ дѣло, которое любите.

Но, далекій отъ мысли омрачать Ваше впечатлѣніе отъ моего посѣщенія школы, я хотѣлъ бы, однако, сказать Вамъ о томъ, о чемъ говорю въ каждомъ учебномъ заведеніи, какое посѣщаю, ибо то, что является въ моихъ глазахъ недостаткомъ, присуще каждой школѣ, отъ низшей и до высшей. Я хочу Вамъ сказать, что еще мало прививать ученикамъ зна-

нія, а нужно и научить умѣнію использовать эти знанія для цѣлей, ему предназначенныхъ. Центральнымъ мѣстомъ всякой школьной программы долженъ быть Законъ Божій, не какъ предметъ науки, а какъ законъ Бога, одухотворяющій всякую науку и дающій ей смыслъ, нормирующій основныя требованія, предъявляемыя Богомъ къ человѣку въ сферѣ его частной и общественной жизни и регулирующій взаимоотношенія людей между собою. Само собою разумѣется, что, при этихъ условіяхъ, оцѣнка знаній ученика должна имѣть мѣсто въ совершенно иной плоскости и меньше всего тамъ, гдѣ нынѣ допускается. Не тотъ ученикъ хорошъ, кто знаетъ притчу о богатомъ и Лазарѣ, а тотъ, кто, при встрѣчѣ съ нуждою, горемъ и страданіемъ, не проходитъ мимо нихъ равнодушно, а протягиваетъ свою руку помощи, кто понялъ сущность этой притчи и проводитъ ее въ личной жизни. Не тотъ долженъ получить высокій баллъ, кто хорошо усвоилъ притчу о мытарѣ и фарисеѣ, а тотъ, въ комъ Вы замѣтите истинное смиреніе, и т. д... Между тѣмъ, мои наблюденія утверждаютъ меня въ томъ, что Вы слѣдите лишь за усвоеніемъ учениками фактовъ, изъ которыхъ они или вовсе не дѣлаютъ никакихъ выводовъ, или дѣлаютъ невѣрные. Я не помню ни одного ученика, который бы не прочиталъ мнѣ молитвы Духу Святому, великолѣпно всѣми усвоенной. Однако, на мой вопросъ, о чемъ просятъ въ этой молитвѣ Духа Святого, никто мнѣ не отвѣтилъ. Когда я указывалъ ученикамъ на то, что основная мысль этой молитвы выражена словами: «приди и вселися въ ны», и спрашивалъ, замѣчали ли они когда либо, чтобы Духъ Святой исполнилъ ихъ просбьу и вселялся въ нихъ, мнѣ всегда давали одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣтъ, не замѣчали». Между тѣмъ, обязанность преподавателя, казалось бы, въ томъ и состоитъ, чтобы помочь ученикамъ разбираться въ этомъ и подобныхъ вопросахъ, указать имъ на ту перемѣну ощущеній и настроеній, какія связываются съ ихъ отношеніемъ къ Богу въ тотъ или иной моментъ. Что такое «окамененное нечувствіе», или противоположное ему состояніе сердечной теплоты и умиленія, какъ не показатели нашего разстоянія отъ Бога?!

Остановитесь только на одной молитвѣ къ Духу Святому, раскройте ученикамъ всю глубину ея содержанія; укажите на процессъ душевныхъ переживаній въ моменты борьбы человѣка съ злой волей; помогите разобраться въ той «невидимой брани», какую ведетъ каждый человѣкъ; обнажите источникъ этой брани, и тогда молитва къ Духу Святому явится въ глазахъ Вашихъ учениковъ однимъ изъ способовъ борьбы съ злой волей, съ грѣховными навыками и страстями; тогда Вы дадите имъ дѣйствительное оружіе въ этой борьбѣ, которое они уже не выпустятъ изъ своихъ рукъ и которымъ будутъ всегда

пользоваться въ жизни. А иначе они забудутъ эту молитву такъ же, какъ и все прочее, пріобрѣтаемое въ школѣ. То же самое нужно сказать и по отношенію ко всѣмъ прочимъ молитвамъ, ибо каждая изъ нихъ выражаетъ конкретную просьбу къ Богу: нужно указать, въ чемъ эта просьба заключается, каковы признаки того, что она исполнена ,и въ чемъ выразились результаты обращенія къ Богу. А притчи Христовы и неисчерпаемая глубина ихъ содержанія!.. Каждая изъ нихъ — предметъ глубочайшаго психологическаго анализа, цѣлая программа жизни... Между тѣмъ ихъ разсматриваютъ только какъ разсказы, и отношеніе къ нимъ такое же, какъ и ко всѣмъ прочимъ фабуламъ и разсказамъ, съ которыми ученики знакомятся въ школѣ. Не могли мнѣ отвѣтить даже ученики старшихъ классовъ гимназіи на вопросъ, почему Христосъ Спаситель любилъ дѣтей и въ чемъ видѣлъ ихъ преимущества предъ взрослыми... И нужно было видѣть, съ какимъ захватывающимъ вниманіемъ слушали они мои объясненія той или иной молитвы, или притчи Христовой, разсматриваемыхъ мною съ точки зрѣнія ихъ практической цѣнности... Законъ Божій — не предметъ науки, а теорія и практика богоугодной жизни. Такъ и смотрите на него.

Правда, вы можете мнѣ сказать, что выполняли лишь общую учебную программу и должны были къ опредѣленному сроку пройти ее, какъ выражаются ученики — «отсюда и досюда»; что не ваша вина въ несовершенствѣ этихъ программъ и пр. Вы будете отчасти правы... Мысль о коренномъ пересмотрѣ школьныхъ программъ духовнаго вѣдомства является одною изъ первѣйшихъ моихъ заботъ... Но, прощаясь съ вами, я, все же, не могу не сказать вамъ, что не тотъ ученикъ хорошъ, кто много знаетъ, а тотъ, кто умѣетъ использовать свои знанія во славу Божію и на пользу ближнимъ, кто вышелъ изъ школы съ запасомъ нравственныхъ силъ... Давайте пищу уму; но давайте ее и сердцу, ибо самый умный есть все же самый добрый, наиболѣе нравственно дисциплинированный человѣкъ»...

Простившись съ дѣтьми и учебнымъ персоналомъ школы, я вернулся къ архіепископу Тихону, откуда черезъ полъ-часа уѣхалъ на вокзалъ, слѣдуя въ Бѣлгородъ.. Могъ ли я думать, что, нѣсколько лѣтъ спустя, архіепископъ Тихонъ примкнетъ къ революціи, страха ради іудейска измѣнитъ Православію, и въ качествѣ митрополита Кіевскаго сдѣлается гонителемъ Церкви...

ГЛАВА XXXV.

Бѣлгородъ. У раки Святителя Іоасафа. Преосвященный Никодимъ, епископъ Бѣлгородскій.

Черезъ нѣсколько часовъ я уже былъ въ Бѣлгородѣ и задумчиво стоялъ предъ ракою Святителя Іоасафа. Въ храмѣ никого не было. Преосвященный Никодимъ и братія монастыря, не предполагая, что я пройду сначала въ храмъ, ожидали меня въ архіерейскихъ покояхъ... И я былъ радъ, что могъ остаться наединѣ съ любимымъ Угодникомъ Божіимъ...

Вся жизнь моя за послѣдніе годы промелькнула въ моемъ сознаніи, и мельчайшія подробности моихъ переживаній и ощущеній воскресали въ моей памяти. Я вспомнилъ деревню и первые шаги моей служебной дѣятельности... Какъ трудны они были, сколько было огорченій и разочарованій, какъ медленно и постепенно, настойчиво и упорно превращался въ моихъ глазахъ «народъ-богоносецъ» въ звѣрскую, жестокую массу! Народъ, котораго я, выросшій въ деревнѣ, сынъ помѣщика, такъ горячо любилъ и которому такъ вѣрилъ, который пользовался такими безмѣрными милостями со стороны моего кроткаго и смиреннаго отца и оставался всегда угрюмымъ и неблагодарнымъ, этотъ народъ, который казался мнѣ, на разстояніи, такимъ жалкимъ и несчастнымъ, мгновенно измѣнился ко мнѣ съ того момента, когда я надѣлъ кокарду Земскаго Начальника, и безжалостно разрушалъ всѣ мои идеалы... Куда дѣвалась его кротость и смиреніе, его кажущаяся любовь, какую онъ такъ часто выражалъ мнѣ, въ бытность мою студентомъ, и какая такъ искренно влекла меня въ деревню съ тѣмъ, чтобы отдать ей все свое время, всѣ силы и разумѣніе! ..Дождавшись диплома Университетскаго, запасшись нужными знаніями, я пошелъ къ этому народу... И что же я увидѣлъ?! Анархію и злобу, безмѣрную хитрость и лукавство, безпросвѣтную тьму и невѣжество... И однако же, воспоминаніе о деревнѣ болѣзненной тоскою сжимало мое сердце... Разставшись съ нею, я очутился точно въ пустынѣ и не зналъ, куда идти и что дѣлать съ собою... Тамъ были звѣри, и ихъ было большинство; но были и такіе люди, какихъ нигдѣ не было и нигдѣ нельзя было найти, люди недосягаемой нравственной чистоты и величія духа, воспоминаніе о которыхъ и до сихъ поръ укоряетъ меня въ томъ, что я ихъ покинулъ, хотя уходъ мой изъ деревни и былъ вынужденнымъ и совершился противъ моей воли... Это были старики, бывшіе крѣпостные моихъ предковъ, самые искренніе и близкіе друзья моего отца, люди мудрѣйшіе и богобоязненные.

Немного ихъ было, но всѣ они были людьми замѣчательными стойкостью своей вѣры, непоколебимой преданностью Царю, безграничнымъ смиреніемъ, этимъ показателемъ истинной мудрости, и вѣрю я, крѣпко вѣрю, что всѣ они стоятъ теперь предъ Престоломъ Божіимъ впереди всѣхъ прочихъ людей... Къ нимъ, къ этимъ исключительнымъ людямъ, принадлежала и моя святая няня, всю жизнь свою беззавѣтно служившая нашему дому, единственнымъ желаніемъ которой было желаніе умереть въ двунадесятый праздникъ... И Господь услышалъ ея смиренную просьбу и позвалъ ее къ Себѣ въ день Своего Преображенія, 6-го Августа... И девятый день послѣ кончины пришелся въ двунадесятый праздникъ Успенія Божіей Матери, и Сороковой день въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня... Это были люди, вся жизнь которыхъ была непрерывнымъ общеніемъ съ небомъ, съ Богомъ и Его святыми... Они точно не прикасались къ землѣ: я никогда не видѣлъ, чтобы они гнѣвались или раздражались, или считались съ разными житейскими невзгодами... Они стояли выше земныхъ соображеній и разсчетовъ; ихъ ангельскія души вносили вездѣ и повсюду любовь, миръ и безграничную ласку... И какъ ярко горѣли эти звѣзды на темномъ небосклонѣ деревни!..

Но не только воспоминанія объ этихъ дорогихъ людяхъ неудержимо влекли меня назадъ, въ деревню: этого требовало и сознаніе долга бороться съ ея темнотою и невѣжествомъ и звѣрствомъ, ибо, какъ ни велики были мои разочарованія, и болѣзненны пережитыя скорби и страданія, все же, далекій отъ идеализаціи народа, я чувствовалъ въ тайникахъ своей души, что не вправѣ обвинять его... Что иного могло получиться, когда, брошенный освободительными реформами на произволъ судьбы, народъ очутился въ рукахъ сельскаго учителя и тѣхъ агентовъ революціи, которые въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости увидѣли не великій актъ великой любви Царя къ народу, а великій шагъ впередъ на пути къ революціоннымъ достиженіямъ и свою побѣду?!

Какой пустой и безсодержательной показалась мнѣ жизнь въ столицѣ послѣ деревни, какимъ ненужнымъ мое новое дѣло въ Государственной Канцеляріи, какимъ тяжелымъ укоромъ отзывались въ моемъ сердцѣ блестящія стѣны Маріинскаго Дворца, послѣ убогихъ крестьянскихъ избъ и хижинъ!

И тяжко, до физической боли, затосковала моя душа, и взмолился я къ Святителю Іоасафу и просилъ Его или вывести меня изъ міра, или дать мнѣ какое нибудь дѣло въ руки, которое бы привязало меня къ жизни и наполнило бы ее содержаніемъ, родственнымъ моему духу... Услышалъ Святитель мою молитву и далъ мнѣ это дѣло, какое заставляло меня каж-

дый годъ ѣздить въ Бѣлгородъ, и привело къ торжеству прославленія Святителя Іоасафа, 4 Сентября 1911 года. . . Но вотъ кончилось это дѣло, и опять я остался не у дѣлъ Божіихъ, и опять затосковала душа, и опять я сталъ надоѣдать Святителю своими неотступными просьбами протянуть мнѣ руку помощи. . . А теперь я стоялъ предъ ракою Святителя, имѣя такое дѣло, какое и наполняло душу мою умиленіемъ, и пугало меня, и я благодарилъ Святителя и въ тоже время горячо просилъ Его помочь мнѣ, направлять мою волю на добро, охранить меня отъ соблазновъ власти и благословить предстоящіе труды. . .

Приходъ благочиннаго, заявившаго, что Преосвященный Никодимъ, съ братіей монастыря, ожидаютъ меня въ архіерейскихъ покояхъ, прервалъ мои думы. . . «Торжественная» встрѣча — подумалъ я: зачѣмъ это, какъ мало они меня знаютъ. . .

Я вышелъ изъ храма. Въ Іоасафовскомъ залѣ была собрана старшая братія монастыря, и среди нея Преосвященный Никодимъ, съ образомъ Святителя Іоасафа въ рукахъ. . . Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу, Владыка обратился ко мнѣ съ пространной рѣчью, въ которой отмѣтилъ промыслительную руку Святителя въ нашемъ роду и, въ частности, въ моей личной жизни, и въ заключеніе просилъ меня принять дорогую мнѣ икону Святителя.

Меня до крайности связывали и стѣсняли всякая «представительность», участіе въ «торжественныхъ» встрѣчахъ, проводахъ и пріемахъ; но когда эти церемоніи обрушивались всею тяжестью на меня лично, когда меня обязывали отвѣчать на непрошенныя мною рѣчи, какихъ я не умѣлъ и не любилъ произносить, тогда я окончательно терялся. . . Однако, рѣчь Преосвященнаго Никодима была такъ длительна, а окружавшая его братія монастыря такъ жадно ожидала моего отвѣтнаго слова, что я вынужденъ былъ сказать его и, принимая отъ Владыки образъ, я обратился къ нему съ такими словами:

«Ваше Преосвященство и досточтимая братія обители Святителя Іоасафа!

Промысломъ Божіимъ и волею Царскою призванный къ высокому церковно-государственному служенію,я, прежде вступленія своего въ должность, пріѣхалъ къ вамъ, въ вашу обитель, испросить у Святителя Іоасафа благословенія на предлежащій сложный и отвѣтственный трудъ и обратиться къ Угоднику Божію съ молитвою о помощи, вразумленіи и наставленіи.

Истинное знаніе — а таковымъ является лишь знаніе духовное — обрѣтается не въ книгахъ, а тамъ, гдѣ рождается умиленіе отъ ощущенія живой связи съ Богомъ, гдѣ растворя-

ется «окамененное нечувствіе» сердца, гдѣ созидается та религіозная настроенность, какая одна только въ силахъ освѣщать жизненный путь человѣка, предостерегать его отъ ошибокъ, указывать должное направленіе и мыслямъ, и дѣламъ, и открывать единственно вѣрныя перспективы жизни. Внѣ свѣта религіозной настроенности — люди слѣпы, живутъ во тьмѣ, сбиваются съ истиннаго пути жизни. Вотъ почему каждый изъ насъ, независимо отъ своего положенія и своихъ обязанностей, долженъ всемѣрно стремиться къ оживленію своей связи съ Богомъ, развивать въ себѣ религіозную настроенность и тѣмъ создавать ту почву, какая указана самимъ Богомъ для нашего нравственнаго совершенствованія. Въ чемъ же значеніе религіозной настроенности? Только ли въ томъ, что къ религіозному человѣку, выражаясь просто, пристаетъ все доброе, и онъ самъ дѣлается добрымъ, тогда какъ человѣкъ не религіозный становится все болѣе черствымъ и дѣлается добычею діавола? Нѣтъ, не только въ этомъ, а и въ томъ, что религіозная настроенность пробуждаетъ нравственную отвѣтственность предъ Богомъ и устанавливаетъ истинную природу нашихъ отношеній другъ къ другу. Въ этой области взаимныхъ отношеній между людьми царитъ найбольшій хаосъ. Люди перестали понимать другъ друга, сдѣлались подозрительными и недовѣрчивыми, проникнись взаимною ненавистью и злобой, и все это только потому, что перестали ощущать въ себѣ религіозную настроенность, только потому, что утратили сознаніе нравственной отвѣтственности предъ Богомъ и даже не допускаютъ ее у другихъ. Здѣсь источникъ взаимнаго непониманія и вражды и того, что люди стали говорить на разныхъ языкахъ. Отсюда всѣ тѣ ужасы жизни, какіе являетъ намъ картина нашего времени. Если бы вы знали, чѣмъ должна была быть Россія и чѣмъ она стала, если бы у васъ открылись духовныя очи для того, чтобы увидѣть, насколько далеко уклонилась Россія отъ пути, уготованнаго ей Богомъ, какъ тяжки ея прегрѣшенія, какія могутъ быть сведены къ одному общему преступленію — замѣнѣ Божескихъ законовъ человѣческими установленіями, то вы бы со дня на день ожидали справедливой кары Божіей и молили бы Господа только о времени для покаянія.

Было время, когда гражданскіе законы согласовались съ Божескими, когда не только отъ низшихъ, но и отъ высшихъ должностныхъ лицъ требовалось соблюденіе установленныхъ Церковью обрядовъ, когда требованіе религіозной настроенности было первымъ требованіемъ, предъявлявшимся къ каждому начальнику, когда даже сенаторами назначались только лица, неуклонно соблюдавшіе Посты Православной Церкви и бывавшіе у исповѣди и Св. Причастія. Такъ бережно охраня-

лись Божескіе законы; такъ глубоко уважались начала нравственной отвѣтственности предъ Богомъ. Это время прошло... Указанныя начала, на протяженіи вѣковъ, постепенно замѣнялись новыми. Вмѣсто нравственной отвѣтственности стала выдвигаться отвѣтственность юридическая; человѣкъ сталъ бояться человѣка больше, чѣмъ Бога... Россія сбилась съ пути и катится въ бездну. Кто-же можетъ во-время удержать ее отъ гибели, гдѣ тотъ маякъ, при свѣтѣ котораго можно найти поворотный пунктъ? Какъ твердыня, которую не одолѣютъ и врата адовы, стоитъ Православная Церковь, озаряя свѣтомъ Истины каждаго, кто приходитъ къ ней. Но еще мало имѣть свѣтъ предъ собою: нужно имѣть и глаза, чтобы его видѣть, нужно желать еще и смотрѣть на него. Еще мало держать въ рукахъ Евангеліе: нужно умѣть прочитать его и имѣть желаніе читать... И монастыри православные искони были очагами духовнаго свѣта, научающими и возрождающими во мракѣ живущихъ, омывающими и очищающими погрязшихъ въ грѣхѣ. Оттуда шелъ свѣтъ истиннаго знанія и въ міръ; тамъ создались и основы русской государственности, столь отличной отъ государственности западно-европейской. Но и это время уже прошло... Что являютъ собою монастыри нашего времени? Вамъ лучше знать объ этомъ, чѣмъ мнѣ. Но и то, что я знаю, заставляетъ меня еще разъ сказать вамъ — молитесь, чтобы Господь далъ бы вамъ время хотя бы только для покаянія... Если вы не имѣете силъ идти путемъ своихъ предшественниковъ и властью нравственной чистоты искоренять зло въ мірѣ, то, хотя бы, не вносите этого зла въ ограду монастыря, въ храмъ Божій, въ свои келіи; оживляйте въ своемъ сознаніи данные вами обѣты Богу, а, если не можете этого сдѣлать, если не находите въ себѣ силъ нудить себя для сей цѣли, то вы совершите меньшій грѣхъ, если покинете обитель. Поставленный на стражѣ интересовъ церковно-государственныхъ, обязанный охранять святыню отъ поруганія, я буду зорко слѣдить за мельчайшими проявленіями церковной жизни въ Россіи, дабы согласовать ее съ требованіями, какія предъявляются къ ней и со стороны Церкви, и со стороны государства. Преклоняясь предъ величіемъ и святостью иноческой идеи, глубоко почитая монастырскій укладъ жизни, я не могу не видѣть ни крайне тусклаго выраженія этой идеи, ни нарушенія этого уклада и пренебреженія уставами. Ваша обитель, болѣе чѣмъ какая либо иная, останавливаетъ мое вниманіе и требуетъ моего попеченія. Въ этомъ я вижу долгъ предъ Святителемъ Іоасафомъ, понимаемый мною, однако, не только какъ заботу о внѣшнемъ благоустройствѣ обители, но и прежде всего какъ заботу о согласованіи внутренней жизни обители съ требованіями, предъявляемыми къ ней Церковью

и нашедшими столь яркое выраженіе въ жизни и дѣятельности великаго Угодника Божія, Святителя Іоасафа.»

Кончилась церемонія встрѣчи, и братія разошлась по келіямъ, а чрезъ полчаса вновь собрались въ храмѣ, гдѣ Преосвященный Никодимъ служилъ напутственный молебенъ, съ акаѳистомъ Святителю Іоасафу. По окончаніи молебна, простившись съ Владыкою и братіей монастыря, я въ тотъ же день, 24-го Сентября, вернулся на вокзалъ въ свой вагонъ, гдѣ и остался ночевать, съ тѣмъ, чтобы на другой день утромъ выѣхать въ Харьковъ, а оттуда въ Петербургъ.

ГЛАВА XXXVI.

Пріѣздъ въ Харьковъ. Архіепископъ Антоній и его викарій, епископъ Старобѣльскій Ѳеодоръ. Начальница харьковскаго женскаго епархіальнаго училища Е. Н. Гейцыгъ.

Я прибылъ въ Харьковъ 25 Сентября, въ день памяти Преподобнаго Сергія Радонежскаго. Архіепископъ Антоній совершалъ литургію въ храмѣ Харьковской Духовной семинаріи, а его викарій, епископъ Ѳеодоръ Старобѣльскій,[1]) въ каѳедральномъ соборѣ... Я направился въ соборъ и, стараясь быть незамѣченнымъ, сталъ у входныхъ дверей, подлѣ свѣчного ящика... Однако, какъ я ни прятался, все же, къ концу литургіи, Преосвященный Ѳеодоръ, давно знавшій меня, замѣтилъ меня и, послѣ усиленныхъ настояній, я вынужденъ былъ пройти въ алтарь, гдѣ на престолѣ увидѣлъ дорогой образъ-складень Божіей Матери... Я догадался, что Владыка собирается готовить мнѣ «встрѣчу », и мое настроеніе было до крайности тягостнымъ: я съ безпокойствомъ и тревогою взиралъ на Озерянскую икону Божіей Матери, стоявшую въ дорогомъ складнѣ на престолѣ...

Послѣ окончанія литургіи, когда соборъ уже почти опустѣлъ, Преосвященный Ѳеодоръ вышелъ на амвонъ; за нимъ слѣдовалъ настоятель, съ образомъ Божіей Матери, и сослужившее Владыкѣ духовенство... Ко мнѣ подошелъ какой то іеромонахъ и просилъ меня подойти къ амвону...

Преосвященный обратился ко мнѣ съ рѣчью, поздравляя меня съ высокимъ назначеніемъ и призывая Божіе благо-

---

[1]) Скончался отъ сыпного тифа, въ первыхъ числахъ Января 1920 г., въ Екатеринодарѣ.

словеніе на предстоявшіе труды... Каждая подобная рѣчь обычно грѣшитъ пристрастіемъ, и я былъ вдвойнѣ смущенъ какъ содержаніемъ рѣчи, такъ еще болѣе тѣмъ, что она была обращена ко мнѣ въ соборѣ, гдѣ я не считалъ возможнымъ отвѣчать на нее и рисковалъ очутиться въ очень неловкомъ положеніи... Прихожане, не знавшіе объ этой церемоніи, покидали храмъ, и я мысленно желалъ, чтобы соборъ опустѣлъ къ концу очень пространной рѣчи Владыки, дабы, въ случаѣ необходимости отвѣчать на нее, я бы могъ чувствовать себя менѣе связаннымъ. Закончивъ свою рѣчь, Преосвященный Θеодоръ передалъ мнѣ икону и, стоя на амвонѣ, ждалъ моего отвѣтнаго слова... Окружавшее Владыку духовенство также не собиралось уходить: оглядывая меня со всѣхъ сторонъ, ждали моей отвѣтной рѣчи... Дѣлать было нечего: скрѣпя сердце, вызванный противъ воли къ отвѣту, я сказалъ:

«Ваше Преосвященство, призванный Державною волею Монарха къ служенію Церкви Божіей, я, прежде чѣмъ приступить къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей, ѣздилъ за благословеніемъ въ Бѣлгородъ, къ Святителю Іоасафу, Бѣлгородскому Чудотворцу... Вы первые встрѣчаете меня на пути моего слѣдованія къ мѣсту новаго служенія и привѣтствуете въ храмѣ Божіемъ, благословляя святою иконою Матери Божіей... Благодарю Господа за все, благодарю васъ за любовь вашу и благословеніе на труды сложные, отвѣтственные и предъ Богомъ, и предъ Царемъ, и предъ совѣстью моею... Я вижу въ тѣхъ привѣтствіяхъ, какія получаю отовсюду, не только любовь друзей моихъ, но и желаніе ихъ дать мнѣ моральную поддержку, подкрѣпить мои духовныя силы... Меня трогаетъ это желаніе; однако будемъ помнить, какъ опасно искать эту поддержку извнѣ, какъ опасно опираться на общественное мнѣніе, а тѣмъ паче руководиться имъ... Нужно черпать свои силы не въ помощи и ободреніи извнѣ, а въ молитвѣ къ Богу, единственному Источнику благодати, безъ которой и мы сами, и наша работа, какъ бы блестяща ни была съ внѣшней стороны — духовно мертвы. Нужно развивать въ себѣ ту внутреннюю религіозную настроенность, какая создается благодатною связью съ Богомъ и Его святыми и какая является не только источникомъ духовной силы и энергіи, но и источникомъ дѣйствительнаго знанія. Эта же настроенность чаще является удѣломъ одиночества и страданія... Мы не должны бояться ни того, ни другого... Только страданіе открываетъ духовное зрѣніе, только горе великое научаетъ правдѣ жизни... Но будемъ бояться рукоплесканій, будемъ осторожны къ внѣшности, ибо она обманчива, и всякій успѣхъ, на ней основанный, не можетъ быть проченъ, ибо не имѣетъ подъ собою почвы... Тамъ самообманъ, тамъ великій соблазнъ,

тамъ источникъ духовной гордости, медленно и незамѣтно, но неминуемо и неизбѣжно разрушающій не только преслѣдуемые идеалы, но и тѣхъ, кто къ нимъ стремится...

Только слѣпые не видятъ того, что дѣлается вокругъ, какія грозныя тучи покрыли небосклонъ и съ какою ураганною быстротою закрываютъ солнце, блѣдные лучи котораго едва уже освѣщаютъ нашу несчастную Россію... Воспользуемся же хотя этими блѣдными лучами, чтобы при свѣтѣ ихъ увидѣть тѣ страшныя перспективы, какія рисуются духовному взору, дабы не быть застигнутыми врасплохъ... Болѣе чѣмъ когда либо намъ надлежитъ удвоить нашу бдительность, чтобы быть въ силахъ охранить интересы, намъ ввѣренные. Но чѣмъ и какъ мы можемъ отстоять ихъ отъ расхищенія со стороны озвѣрѣвшаго врага?! Въ нашемъ распоряженіи только одно орудіе — сила нравственная. Если мы лишимся этой силы — побѣда останется за врагами, грозные признаки чего уже наблюдаются... А въ чемъ заключается нравственная сила? Только ли въ честности своего отношенія къ Богу и ближнему, только ли въ самодовольномъ сознаніи, что мы не участвуемъ въ томъ злѣ, какое видимъ вокругъ себя? Нѣтъ, этого мало!.. Нѣтъ заслуги не дѣлать зла: нужно бороться съ нимъ, и сила нравственная заключается въ дѣятельной и активной защитѣ христіанскаго начала, вытѣсняемаго изъ жизни, въ борьбѣ съ тѣми, кто вноситъ въ государственную жизнь элементы разложенія... Этой борьбы мы не видимъ, а видимъ восхищеніе, преклоненіе и соглашательство съ такъ называемыми «новыми» требованіями жизни. Мы встрѣтились съ фактомъ присутствія духовенства въ Думѣ и съ еще болѣе невѣроятнымъ фактомъ раздѣленія представителей Церкви на партіи. Мы слышимъ голосъ духовенства въ общей массѣ голосовъ, идущихъ изъ лагеря «прогрессистовъ», одурманивающихъ звонкими фразами нашу сбитую съ толку молодежь и усыпляющихъ ея совѣсть. Все это мы видимъ и слышимъ; но, къ сожалѣнію, не видимъ и не слышимъ того властнаго голоса Церкви, который бы указалъ на источникъ заразы и призывалъ къ борьбѣ съ нею... Взамѣнъ этого мы слышимъ обвиненія Оберъ-Прокуратуры въ томъ, что она держитъ Церковь точно въ плѣну и стѣсняетъ ея свободу... О какой свободѣ идетъ рѣчь?! Свободу духа никто не можетъ отнять, и путь къ святости всегда свободенъ. Если же мы сошли съ этого пути, то потому, что шли за жизнью, вмѣсто того, чтобы вести жизнь за собою... Идеалы Церкви не впереди, а позади, у подножія Голгоѳы; если мы жаждемъ обновленія, то должны вернуться назадъ... Принципы церковнаго, а, слѣдовательно, и государственнаго управленія, ибо церковность — основа госу-

дарственности, вѣковѣчны и неизмѣнны, не могутъ и не должны находиться въ зависимости отъ отношенія къ нимъ со стороны тѣхъ, кто ихъ забываетъ, или не понимаетъ. Пренебреженіе этими принципами неизбѣжно ведетъ къ величайшимъ государственнымъ потрясеніямъ и гибели государства... «Книга Правилъ», а не общественное мнѣніе, должна лежать въ основѣ нашихъ программъ, и нашу первѣйшую задачу составляетъ сообразоваться съ ея велѣніями и руководствоваться ея указаніями. Бойтесь всего «новаго»: будьте совершенно убѣждены въ томъ, что это «новое» — отъ врага, на протяженіи вѣковъ работающаго надъ подмѣною старыхъ истинъ, провозглашенныхъ Господомъ Іисусомъ Христомъ»...

Я давно зналъ и любилъ Преосвященнаго Ѳеодора за его безграничное смиреніе. Робкій и застѣнчивый, самъ попадавшій въ трудныя положенія и создававшій ихъ вокругъ себя, благодаря неумѣнію оріентироваться въ условіяхъ момента, Преосвященный Ѳеодоръ не пользовался расположеніемъ среди іерарховъ, ставившихъ ему въ вину его излишнюю, по ихъ мнѣнію, »аттенцію» къ мірянамъ. Но здѣсь сказывалось не подобострастіе къ мірской власти, а смиреніе бывшаго сельскаго священника, какое осталось за нимъ и по возведеніи его въ санъ епископа.

Изъ собора я, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Ѳеодоромъ, проѣхалъ къ архіепископу Антонію, у котораго встрѣтился съ гостившимъ у него Сербскимъ епископомъ Варнавою. Затѣмъ я посѣтилъ начальницу женскаго епархіальнаго училища, Евгенію Николаевну Гейцыгъ, самую дѣятельную и энергичную мою сотрудницу въ дѣлѣ прославленія Св. Іоасафа, гордость и красу Харьковской епархіи, создавшую изъ ничего епархіальное училище, лучшее въ Россіи... Къ ней я еще вернусь позднѣе... Вечеромъ того же дня я выѣхалъ въ Петербургъ.

ГЛАВА XXXVII.

Печать о моемъ назначеніи.

Двѣ недѣли моего отсутствія изъ Петербурга были достаточны для того, чтобы какъ столичныя, такъ и провинціальныя газеты удѣлили бы на своихъ столбцахъ всевозможныя статьи по поводу моего назначенія. Возвратясь домой, я увидѣлъ на своемъ письменномъ столѣ массу газетныхъ вырѣзокъ, какія съ интересомъ прочитывалъ... Такъ какъ меня мало кто зналъ, то и отзывы, въ общемъ, были сдержанные, туманные и неопредѣленные; только Московскія газеты на-

падали на меня, приводя мнѣнія либеральныхъ профессоровъ Московской Духовной Академіи, глубокомысленно утверждавшихъ, что для лица, призваннаго не только руководить церковно-государственною жизнью, но и устанавливать новыя линіи этой жизни, въ соотвѣтствіи съ выдвигаемыми жизнью «новыми» требованіями, нужна бо́льшая «широта», нужны пониманіе этихъ требованій и желаніе идти имъ навстрѣчу, чего отъ новаго Товарища Оберъ-Прокурора нельзя ожидать. Въ этомъ почтенные профессора были дѣйствительно правы, ибо «новыя» требованія разсматривались мною сквозь призму «старыхъ» понятій и производили на меня такое впечатлѣніе, какое обязывало меня не только не прислушиваться къ нимъ, тѣмъ менѣе идти имъ навстрѣчу, но, наоборотъ, вести съ ними ожесточенную борьбу и безжалостно вырывать съ корнемъ эти жидо-масонскія сѣмена, засыпавшія все поле церковной и государственной жизни Россіи.

Изрѣдка, кое гдѣ, попадались и добрые отзывы, такъ что общее впечатлѣніе отъ газетныхъ вырѣзокъ получилось у меня даже благопріятное, несмотря на массу неточностей и на то, что въ нихъ было много неправды.

Но вотъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, и ко мнѣ стали стучаться репортеры столичныхъ газетъ, съ неизмѣннымъ вопросомъ, какова будетъ моя будущая программа. Странно было предлагать такой вопросъ товарищу министра, не могущему имѣть никакихъ самостоятельныхъ программъ: я понималъ, что этотъ вопросъ былъ обращенъ ко мнѣ, не какъ къ Товарищу Оберъ-Прокурора, а имѣлъ личное значеніе, и что отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависѣла та позиція, какую пресса должна будетъ установить въ отношеніи меня.

Я сдѣлалъ этотъ выводъ не только потому, что являвшіеся ко мнѣ репортеры были евреи, но и потому, что они сосредоточивали свой главный интересъ на модныхъ вопросахъ, волновавшихъ общественность, и особенно настойчиво касались приходского вопроса, склоняя слово «демократизмъ» во всѣхъ падежахъ и связывая съ обновленіемъ приходской жизни свои преимущественныя надежды. Я терпѣливо слушалъ репортеровъ, а затѣмъ сказалъ имъ: «Н а м ъ н у ж н а н е д е м о к р а т и з а ц і я, а х р и с т і а н и з а ц і я общественной и государственной мысли и жизни; нужно созданіе условій для закрѣпленія христіанскихъ началъ, вытѣсняемыхъ изъ жизни на протяженіи вѣковъ дѣйствіями, враждебными этимъ началамъ. . . Вотъ что намъ нужно, и въ этомъ моя программа». . .

Послѣ этого я больше не видѣлъ ни одного репортера, а въ газетахъ началась опредѣленная, планомѣрная и систематическая травля: стали появляться статьи, рѣзко критиковавшія каждый мой шагъ. . . Наиболѣе памятной для меня

явилась статья типичнаго выразителя модныхъ требованій въ области церковной жизни, профессора П. Верховскаго, проводившаго ту мысль, что лучше вовсе не высказывать своихъ убѣжденій, чѣмъ, высказывая ихъ, отнимать всякую надежду на возможность «обновленія» церковной жизни. Упрекъ былъ неоснователенъ, ибо стремился я къ такому обновленію не менѣе горячо, чѣмъ профессоръ П. Верховскій; только понималъ сущность этого обновленія иначе, чѣмъ онъ... Кто изъ насъ былъ правъ, показала «Живая Церковь», воплотившая собою всѣ тезисы какъ профессора Верховскаго, такъ и прочихъ передовыхъ профессоровъ, не понимавшихъ того, что прогрессъ въ области церковной жизни возможенъ только послѣ отмѣны Евангелія, являющагося совершенною Истиною, какой нужно только слѣдовать, но корректировать которую столько же глупо, сколько и преступно. Въ началѣ 1917 года мнѣ пришлось познакомиться съ профессоромъ Верховскимъ въ Ростовѣ, и онъ признался, что не написалъ бы своей статьи, если бы былъ раньше знакомъ съ моими взглядами на церковно-государственныя задачи... И за то спасибо!

Я погружался все глубже въ тѣ глубины, гдѣ зарождалась общественная мысль, гдѣ выдавались аттестаты людямъ, стоявшимъ у власти, и намѣчались линіи государственной жизни. И какою же огромною показалась мнѣ сила печати, какими наивными и слѣпыми казались тѣ, кто оцѣнивалъ событія текущей жизни съ точки зрѣнія внѣшнихъ причинъ, или видѣлъ въ Распутинѣ источникъ главнаго зла... Я чувствовалъ себя игрушкой въ рукахъ печати и зналъ, что скоро сдѣлаюсь и ея жертвою.

ГЛАВА XXXVIII.

Вступленіе въ должность и первыя впечатлѣнія.

30-го Сентября 1916 г. я впервые вошелъ въ Синодъ въ качествѣ Товарища Оберъ-Прокурора и въ этотъ же день принялъ участіе въ засѣданіи Св. Синода. Меня очень тронуло то сердечное отношеніе, съ какимъ меня встрѣтили митрополиты С-Петербургскій Питиримъ и Московскій Макарій, а также Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Н. П. Раевъ, и очень удивила та сдержанность, съ которою отнеслись ко мнѣ прочіе іерархи. Удивила меня эта сдержанность потому, что, до своего назначенія, я встрѣчалъ съ ихъ стороны не только вниманіе, но и самое искреннее, какъ мнѣ казалось, расположеніе, о которомъ свидѣтельствовала также и та груда привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ, какая лежала у меня на письмен-

номъ столѣ, среди которой были и привѣтствія со стороны засѣдавшихъ въ Синодѣ іерарховъ. Что касается обоихъ протопресвитеровъ, Г. Шавельскаго и А. Дернова, то они не проявили ко мнѣ вниманія даже въ степени, требуемой обычною благовоспитанностью; но иного отношенія я и не могъ ожидать отъ нихъ. Люди мы были разные и понимали это. За Оберъ-Прокурорскимъ столомъ сидѣли Н. П. Раевъ, Н. Ч. Заіончковскій и я. Предъ началомъ засѣданія митрополитъ Питиримъ обратился ко мнѣ съ привѣтственнымъ словомъ, и это до того смутило меня, что я ограничился только словомъ благодарности, но въ отвѣтъ на привѣтствіе ничего не сказалъ.

Я впервые столкнулся съ іерархами въ положеніи Членовъ Синода, разрѣшавшихъ дѣла, поступавшія на разсмотрѣніе Св. Синода. Одинъ только благостнѣйшій митрополитъ Московскій Макарій оставался тѣмъ, чѣмъ былъ, сохраняя обаяніе мудраго и смиреннаго, любвеобильнаго и кроткаго архипастыря... Всѣ же прочіе, за исключеніемъ митрополита Питирима, не принимавшаго никакого участія въ дѣлахъ и только присутствовавшаго за общимъ столомъ, были сановниками, горделивыми и высокомѣрными, абсолютно не допускавшими никакихъ возраженій со стороны Оберъ-Прокуратуры, крайне нетерпимыми къ чужому мнѣнію и самолюбивыми. Положеніе смиреннаго и робкаго Н. П. Раева было очень затруднительное, ибо малѣйшая попытка его принять участіе въ разрѣшеніи того или иного дѣла встрѣчала самое рѣзкое противодѣйствіе іерарховъ, и прежде всего со стороны Новгородскаго архіепископа Арсенія и аккомпанировавшаго ему архіепископа Сергія финляндскаго, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ... Архіепископы Литовскій Тихонъ, Нижегородскій Іаковъ и Гродненскій Михаилъ обыкновенно отмалчивались; протопресвитеръ А. Дерновъ возвышалъ свой голосъ лишь тогда, когда этого требовала оппозиція къ Оберъ-Прокуратурѣ. Дѣла, въ сущности, рѣшались архіепископомъ Арсеніемъ Новгородскимъ и протопресвитеромъ Шавельскимъ, котораго іерархи хотя и очень не долюбливали, но, изъ за близости его къ Государю Императору, изрядно побаивались. Что касается митрополита Кіевскаго, бывшаго Первенствующимъ, Владиміра, то его роль ни въ чемъ не выражалась. Онъ былъ абсолютно неспособенъ руководить засѣданіемъ: втеченіе 3 часовъ, изъ подлежавшихъ разсмотрѣнію 30—40 дѣлъ, стоявшихъ на повѣсткѣ, въ лучшемъ случаѣ разсматривалось 3—4 дѣла; прочія же дѣла откладывались...

Оппозиція къ Оберъ-Прокуратурѣ была строго выдержана и проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, причемъ одни изъ іерарховъ дѣйствовали открыто, другіе же, подобно архіепископу Сергію финляндскому, скрывали ее подъ личи-

ною Іудиныхъ поцѣлуевъ. Въ одиночку, впрочемъ, рѣдко кто выступалъ съ такою оппозиціею, и эта послѣдняя проявлялась только на засѣданіяхъ Св. Синода; внѣ же стѣнъ Св. Синода іерархи точно соревновали другъ съ другомъ въ выраженіи своихъ преизбыточествующихъ чувствъ къ Оберъ-Прокурору и его Товарищу и проявляли ихъ въ трогательно нѣжныхъ формахъ... Исключеніе составлялъ развѣ архіепископъ Арсеній Новгородскій, да и то нужно сказать, что въ немъ отражался скорѣе недостатокъ воспитанности, чѣмъ оппозиція. Въ Синодѣ же оппозиція была дружная: тамъ шла борьба съ принципомъ, и, каково бы ни было дѣйствительное отношеніе іерарховъ къ этому принципу, но никто не хотѣлъ отставать другъ отъ друга; въ жертву этой борьбѣ приносились даже интересы ни въ чемъ неповинныхъ людей, судьба поступавшихъ на разсмотрѣніе Синода дѣлъ... Припоминаю такой случай.

Въ канцелярію Синода поступило ходатайство графа Армфельдта съ жалобою на то, что Синодъ, основываясь на представленіи бывшаго Оберъ-Прокурора А. Н. Волжина, вычеркнулъ его изъ списковъ штатныхъ членовъ Училищнаго Совѣта и тѣмъ лишилъ графа всякихъ средствъ къ жизни. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что графъ Армфельдтъ былъ исключителнымъ ревнителемъ церковныхъ школъ Новгородской епархіи; что большинство этихъ школъ даже создано было на его средства и что, въ заботахъ о постройкѣ и поддержаніи ихъ, графъ раззорился, потерявъ свое состояніе, вслѣдствіе чего Синодъ, во вниманіе къ такому исключительному усердію, назначилъ графа пожизненнымъ членомъ Училищнаго Совѣта, съ жалованьемъ въ 1 или 2 тысячи рублей въ годъ — точно не помню. Впослѣдствіи, сокращая штаты, Синодъ, по представленію А. Н. Волжина, вычеркнулъ графа изъ списковъ, чѣмъ лишилъ его единственнаго источника средствъ къ существованію. Ходатайство графа нашло живѣйшій откликъ у директора Синодальной канцеляріи П. В. Гурьева, по просьбѣ котораго я и доложилъ его Синоду, не сомнѣваясь, что архіепископъ Новгородскій Арсеній поддержитъ меня. Каково же было мое изумленіе, когда архіепископъ Арсеній, со свойственной ему рѣзкостью, категорически воспротивился моему ходатайству, а Синодъ, не приведя никакихъ мотивовъ, отклонилъ его. Однако мое изумленіе было еще бо́льшимъ, когда, спустя недѣлю, тотъ же архіепископъ Арсеній вновь доложилъ ходатайство графа Армфельдта, на этотъ разъ доказывая, что, какъ назначеніе, такъ и увольненіе членовъ Училищнаго Совѣта принадлежитъ Синоду, и что Оберъ-Прокуроръ не имѣетъ никакого права, прикрываясь именемъ Синода, вычеркивать кого бы то ни было изъ списковъ... Въ заключеніе архіепископъ ходатайствовалъ объ обратномъ включеніи

графа Армфелдьта въ означенный списокъ, ссылаясь какъ на заслуги графа по духовному вѣдомству, такъ и на совершенное отсутствіе у него средствъ къ жизни. Но краснорѣчіе архіепископа оказалось уже недостаточнымъ.

Синодъ рѣзко отказалъ.

«Что это Вы, Владыка, то проваливаете представленія, то снова ихъ вносите?» — сказалъ архіепископъ Литовскій Тихонъ: «Вѣдь Вы же сами возражали недѣлю тому назадъ на ходатайство Товарища Оберъ-Прокурора. . .»

«Что же» — какъ бы про себя, тихо, сказалъ митрополитъ Владиміръ: «мы будемъ сегодня разрушать то, что построили вчера». . .

И ни въ чемъ неповинный графъ Армфельдтъ сдѣлался жертвою идейной оппозиціи Синода къ Оберъ-Прокуратурѣ, въ частности, жертвою того архіепископа, епархію котораго прославилъ своими безкорыстными трудами. . .

По окончаніи засѣданія Синода, Н. П. Раевъ пригласилъ Н. Ч. Заіончковскаго и меня въ свой кабинетъ для переговоровъ о распредѣленіи дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію каждаго изъ насъ. Н. Ч. Заіончковскій оставилъ за собою учебное дѣло; на меня же была возложена, къ преждевременной радости директора Хозяйственнаго Управленія А. Осѣцкаго, хозяйственная часть Синода.

«Только на недѣлю», сказалъ мнѣ Н. П. Раевъ, послѣ того какъ простился съ Н. Ч. Заіончковскимъ: «Должность второго Товарища будетъ упразднена, какъ только уйдетъ Н. Ч. Заіончковскій, а этого недолго ждать». . .

Такъ и случилось. На слѣдующее засѣданіе Синода Н. Ч. Заіончковскій уже не явился, а чрезъ недѣлю окончательно покинулъ Синодъ, будучи назначенъ сенаторомъ.

ГЛАВА XXXIX.

Игуменія Маргарита.

(Марія Михайловна Гунаропуло.)

Говоря о принципіальной оппозиціи Синода къ Оберъ-Прокуратурѣ, не могу не вспомнить еще объ одной жертвѣ этой оппозиціи, о монахинѣ Маріи Гунаропуло, жившей въ подмосковной обители графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ «Отрада и Утѣшеніе». Я давно зналъ матушку Марію: въ бытность свою Земскимъ Начальникомъ въ Полтавской губерніи, велъ съ нею оживленную переписку. Въ то время Матушка Марія, тогда Марія Михайловна, жила въ Кіевѣ и только собиралась

принимать иноческій постригъ. Я часто встрѣчалъ ее у о. протоіерея Александра Корсаковскаго, ея духовника, настоятеля Кіево-Георгіевской церкви, въ приходѣ которой она жила. Вышедшій изъ свѣтской среды, бывшій статскій совѣтникъ, о. Александръ Корсаковскій опытно пережилъ душевныя движенія тонко одаренной натуры, и настроеніе Маріи Михайловны, страдавшей и тосковавшей въ міру, было ему понятно. Я видѣлъ въ лицѣ Маріи Михайловны воплощеніе пламенной вѣры и горячей любви къ Богу и наряду съ этимъ тѣ именно качества, какія отличаютъ только подлинныхъ христіанъ. У нея не было половинчатости, не было никакихъ компромиссовъ съ совѣстью: она до того боялась возможности такихъ компромиссовъ, что чуть ли не по каждому, самому маленькому вопросу повседневной жизни обращалась за совѣтомъ къ своему духовнику. Ея безмѣрная, рвавшаяся наружу любовь къ ближнему, искавшая случаевъ проявить себя, ея безграничная снисходительность къ человѣческимъ немощамъ не создавали, однако, никакихъ компромиссовъ съ совѣстью, не рождали двойственности, ни всего того, что обычно прикрывается благочестіемъ, а въ дѣйствительности выражаетъ только равнодушіе къ христіанскому долгу. Маленькая, тщедушная, почти уже старушка, Марія Михайловна горѣла, какъ свѣча предъ Богомъ: всѣ, кто ее зналъ, знали и то, что она родилась точно для того, чтобы согрѣвать другихъ своей любовью... Такіе люди, все отдающіе другимъ и ничѣмъ не пользующіеся со стороны другихъ, всегда одиноки, и никто никогда не спроситъ у нихъ — можетъ быть и имъ что нибудь нужно, можетъ быть и они нуждаются въ поддержкѣ и въ томъ, чтобы получить отвѣтную ласку. Къ нимъ шли, когда было нужно; но не замѣчали, когда нужда въ нихъ проходила... Ея бесѣды и письма возгрѣвали религіозное настроеніе, были умны и носили тотъ изящный отпечатокъ, который свойственъ только глубоко культурному человѣку, проникнутому подлинной религіозностью. Къ сожалѣнію, моя огромнѣйшая переписка съ этой замѣчательной женщиной погибла, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ моимъ имуществомъ, во время революціи, тогда какъ могла бы составить нѣсколько томовъ самаго назидательнаго чтенія.

Пришелъ моментъ, когда ея завѣтная мечта исполнилась, и она приняла иноческое постриженіе, съ именемъ «Маргариты», и была послана въ обитель «Отрада и Утѣшеніе», гдѣ игуменіей была престарѣлая графиня Орлова-Давыдова. Этотъ періодъ жизни монахини Маргариты явился для нея тяжелымъ испытаніемъ. Переписка моя съ нею не обрывалась, и я зналъ, по ея письмамъ, хотя и очень сдержаннымъ, что она очень страдала.

Я навѣстилъ ее, предувѣдомивъ письмомъ. У станціи стояла кибитка, на которой обычно ѣздятъ крестьяне. Кибит-

ка, какъ оказалось, была выслана за мною. Рядомъ стояли прекрасные рессорные экипажи, поддерживавшіе регулярное сообщеніе между монастыремъ и станціей. Не желая показать пренебреженіе къ тѣмъ, кто выслалъ за мною грязную кибитку, я сѣлъ въ нее. Меня подвезли къ гостинницѣ, гдѣ, чуть не со слезами, меня встрѣтила монахиня Маргарита, сказавшая, что она предувѣдомила игуменію о моемъ пріѣздѣ и просила выслать игуменскій экипажъ, но на ея просьбу не обратили вниманія. Этотъ маленькій инцидентъ безъ словъ сказалъ мнѣ о положеніи матушки Маргариты, трактуемой въ обители за рядовую монахиню... Понятно, что и ко мнѣ отнеслись только какъ къ знакомому этой рядовой монахини. Это было и еще разъ подчеркнуто. Графиня-игуменія приняла меня очень холодно и, хотя сидѣла въ тотъ моментъ въ саду за столомъ, покрытымъ бѣлоснѣжною скатертью, подлѣ шумѣвшаго самовара, и кушала чай съ ватрушками вмѣстѣ со старшими сестрами обители, но мнѣ чашки чаю не предложила. Матушка Маргарита была до крайности подавлена и угнетена оказаннымъ мнѣ пріемомъ: ея чуткая, изящная душа чрезвычайно страдала и не удовлетворялась моими завѣреніями, что я нисколько не чувствую себя обиженнымъ или задѣтымъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, а образъ матушки Маргариты, забитой и затравленной въ глуши подмосковной обители, свѣтился прежнимъ яркимъ свѣтомъ. Получивъ назначеніе въ Синодъ, я вспомнилъ о ней и на первомъ же засѣданіи Св. Синода выставилъ ея кандидатуру на свободную вакансію игуменіи одного изъ женскихъ монастырей въ центральной Россіи.

Съ моей точки зрѣнія монахиня Маргарита оказалась бы незамѣнимою въ положеніи игуменіи. Ея духовной опытъ, высокія качества, умъ, происхожденіе, пережитыя и переживаемыя страданія — все было тому порукою.

Иначе посмотрѣлъ на вопросъ Синодъ.

Первымъ, къ моему крайнему удивленію, возразилъ противъ моего предложенія обычно молчаливый митрополитъ Кіевскій Владиміръ.

«Да мы ее не знаемъ»: глухо, точно про себя, сказалъ митрополитъ.

«Очень жаль, что не знаете» — подумалъ я: «всю жизнь свою прожила Марія Михайловна Гунаропуло въ Кіевѣ, и весь городъ ее зналъ.»

Разумѣется, къ голосу первенствующаго въ Синодѣ присоединились всѣ прочіе іерархи и провалили кандидатуру монахини Маргариты.

Дождался я другой вакансіи... Результаты получились тѣже.

Тогда я поручилъ директору Синодальной канцеляріи освѣдомлять меня о каждой вновь открывающейся вакансіи и представлять мнѣ списокъ предъ началомъ засѣданія Св. Синода. Наконецъ, съ большимъ трудомъ и съ еще бо́льшею потерею времени, мнѣ удалось настоять на назначеніи монахини Маргариты игуменіей, ѐсли не ошибаюсь, Свято-Ильинской обители, Уфимской епархіи... Я имѣлъ въ виду немедленно же перевести ее въ другое мѣсто, ибо перемѣщеніе съ одного мѣста на другое все же было легче, чѣмъ назначеніе... Я не хотѣлъ, чтобы такая святая женщина оставалась въ епархіи одного изъ самыхъ бездарныхъ и преступныхъ іерарховъ, какимъ былъ епископъ Андрей, въ мірѣ князь Ухтомскій, встрѣтившій потомъ революцію со слезами умиленія и восклицавшій въ своихъ печатныхъ брошюрахъ: «Слава Богу, лишились Автократора; да здравствуетъ Пантократоръ!»

Возведеніе въ игуменскій санъ монахини Маргариты происходило въ Москвѣ, въ присутствіи Великой Княгини Елисаветы Өеодоровны, чрезвычайно полюбившей матушку Маргариту... Я не могъ отлучиться изъ Петербурга и узналъ о подробностяхъ торжества только изъ писемъ игуменіи Маргариты. Съ напутствіями и благословеніями отправилась игуменія Маргарита къ мѣсту своего служенія... Стояла глубокая осень, подходила уже зима. Переѣздъ былъ длителенъ и чрезвычайно труденъ.

Я уѣхалъ для ревизіи на Кавказъ, откуда вернулся только наканунѣ революціи, 24 Февраля. Переписка съ игуменіей Маргаритой оборвалась.

Послѣднее ея письмо было получено мною въ Апрѣлѣ 1917 года и свидѣтельствовало о томъ, что революціонная волна докатилась уже и до ея монастыря... Втеченіе послѣдующихъ мѣсяцевъ я не имѣлъ никакихъ вѣстей ни отъ игуменіи Маргариты, ни отъ общихъ знакомыхъ съ нею. А осенью того же 1917 года я узналъ потрясающую вѣсть о томъ, что она была разстрѣляна большевиками въ самомъ храмѣ. Сообщались такія подробности.

Ворвавшись въ монастырскую ограду, большевики пожелали осквернить храмъ; но игуменія не пустила ихъ туда... Они ушли, съ угрозою придти завтра и убить игуменію. Матушка игуменія Маргарита безбоязненно вышла къ толпѣ пьяныхъ и вооруженныхъ до зубовъ большевиковъ и кротко сказала имъ: «Смерти я не боюсь, ибо только послѣ смерти я явлюсь къ Господу моему Іисусу Христу, къ Которому всю жизнь свою стремилась. Вы только ускорите мою встрѣчу съ Господомъ... Но я хочу терпѣть и страдать въ этой жизни безъ конца, лишь бы только вы спасли свои души... Убивая мое тѣло, вы убиваете свою душу... Подумайте надъ этимъ»...

Въ отвѣтъ на эти слова посыпались площадная брань и требованія открыть храмъ. Игуменія наотрѣзъ отказала, а большевики сказали ей:

«Такъ смотри же: завтра, рано утромъ, мы убьемъ тебя»...

Съ этими словами они ушли.

Послѣ ихъ ухода, заперевъ на запоры церковную ограду, игуменія, вмѣстѣ съ сестрами, отправилась въ храмъ Божій, гдѣ провела всю ночь въ молитвѣ, а за ранней обѣдней причастилась.

Не успѣла игуменія выйти изъ храма, какъ большевики, видя ее сходящей съ амвона, взяли на прицѣлъ и въ упоръ выстрѣлили въ нее.

«Слава тебѣ, Боже!» — громко сказала игуменія, увидя большевиковъ, съ уставленными противъ нея ружьями, и... замертво упала на полъ, пронзенная ружейными пулями изверговъ.

Да будетъ тебѣ вѣчная память и вѣчная слава, исповѣдница Христова!

ГЛАВА XL.

Политическое настроеніе Россіи. — Церковно-Государственная дѣятельность Митрополита Питирима.

Я получилъ свое назначеніе въ тотъ моментъ, когда Россія находилась уже въ преддверіи революціи, когда неистовства революціонеровъ достигли уже, казалось, своего предѣла, и оставался уже небольшой промежутокъ времени для того, чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу.

Благороднѣйшій Государь, озабоченный одною мыслью довести войну до благополучнаго конца, не желалъ обострять положенія проявленіемъ Своей Самодержавной воли и, уступая натиску революціонной Думы, требовавшей, подъ разными предлогами, смѣны кабинета, снисходилъ къ этимъ требованіямъ, надѣясь уступками успокоить Думу и сосредоточить ея вниманіе на главномъ, на заботѣ объ окончаніи войны и побѣдѣ надъ врагами...

Въ противоположность Императрицѣ, усматривавшей въ этихъ Думскихъ требованіяхъ выраженіе заранѣе обдуманныхъ революціонныхъ программъ и желавшей распустить Думу, хотя бы до времени окончанія войны, Государь продолжалъ вѣрить Думѣ, не допуская мысли, чтобы Дума, наканунѣ ликвидаціи войны, близившейся къ благополучному концу, была

бы способна на революціонныя дѣйствія, направленныя противъ Царя и Россіи.

Вотъ почему въ послѣдніе мѣсяцы одинъ министръ уступалъ мѣсто другому, и составъ Правительства постоянно измѣнялся... Въ моментъ назначенія меня Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода Предсѣдателемъ Совѣта министровъ былъ Б. В. Штюрмеръ, а въ моментъ вступленія моего въ должность былъ призванъ на этотъ постъ А. Ф. Треповъ, который чрезъ два-три мѣсяца уступилъ свое мѣсто князю Н. Д. Голицыну. Еврейская печать неистовствовала и обливала грязью каждаго, вновь входившаго въ составъ кабинета, погружая общественную мысль въ хаосъ всевозможныхъ сомнѣній и предположеній, преслѣдовавшихъ единую мысль — дискредитировать въ глазахъ общества какъ Царя, такъ и Правительство, съ цѣлью доказать, что «царизмъ» уже отжилъ свое время и долженъ уступить мѣсто народоправству. Шла война не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ системы управленія, противъ Самодержавія, и натискъ революціонеровъ былъ тѣмъ болѣе стремителенъ, чѣмъ яснѣе было, что война близилась къ благополучному концу, разбивавшему всѣ планы революціи... Если бы положеніе на фронтѣ грозило пораженіемъ, тогда бы революція могла быть отсрочена и отодвинута на неопредѣленное время; но осенью 1916 года до того ясно обозначились контуры побѣды, что Дума не могла уже медлить... Опасаясь, что побѣда покроетъ Монарха неувядаемой славою и еще болѣе закрѣпитъ въ сознаніи народа идею Самодержавія, преступная Дума употребляла всѣ усилія для того, чтобы вырвать эту побѣду изъ рукъ Царя, выдать это краденое добро за свое и тѣмъ закрѣпить противоположную идею народоправства...

Нужно ли говорить, что эта сатанинская ярость съ наибольшею силою обрушивалась на Церковь Христову, на все то, что сдерживало инстинкты толпы и укрощало страсти?! Нужно ли объяснять, почему одною изъ первыхъ жертвъ этой ярости явился Первоіерархъ Православной Церкви, митрополитъ С.-Петербургскій Питиримъ?!

Въ цѣляхъ дискредитировать его имя, революціонная печать обратилась къ уже испытанному средству, достигавшему одновременно обѣихъ цѣлей — умаленія престижа преслѣдуемаго травлею лица и дискредитированія священнаго имени Монарха... Снова появилось на сценѣ имя Распутина; снова и въ обществѣ, и въ печати сочинялись всякаго рода легенды объ этомъ человѣкѣ, «назначающемъ и смѣняющемъ министровъ и управляющемъ Россіей»...

Митрополита Питирима открыто называли «распутинцемъ»: говорили о его симпатіяхъ къ «старцу», указывали на дружбу

съ нимъ... Говорили, что и свое высокое назначеніе митрополитъ получилъ исключительно благодаря Распутину: объ этомъ шептались не только въ Думѣ, но и дѣлались прозрачные намеки въ печати... Робкій, запуганный митрополитъ былъ окончательно терроризированъ, бился точно въ силкахъ, желая освободиться отъ сѣтей клеветы, болѣзненно его угнетавшей, и переносилъ мучительныя страданія, болѣя и за себя, и за Церковь...

Съ назначеніемъ Н. П. Раева Оберъ-Прокуроромъ, а меня его Товарищемъ, положеніе митрополита Питирима въ Синодѣ мало чѣмъ измѣнилось... Въ глазахъ митрополита это назначеніе дало только тотъ результатъ, что клевета, съ еще бóльшей яростью, обрушилась на новыхъ представителей Оберъ-Прокуратуры, и это обстоятельство причиняло впечатлительному Владыкѣ двойныя страданія...

«Такова уже судьба всѣхъ моихъ друзей» — говорилъ митрополитъ Питиримъ: «на нихъ всегда клевещутъ; ихъ всегда обижаютъ, потому что я слабъ и не могу ихъ защитить... Дорого мнѣ ихъ сочувствіе; но, когда я вижу, какъ они изъ за меня страдаютъ, то всегда говорю имъ: «покиньте, оставьте меня; ужъ лучше я одинъ буду страдать, чѣмъ мучиться, глядя на ваши муки, какія вы переносите изъ за меня»...

Новый Оберъ-Прокуроръ Н. П. Раевъ, извѣстный митрополиту Питириму по его прежней службѣ въ Курскѣ, былъ преданъ Владыкѣ; но, будучи безгранично мягкимъ и робкимъ человѣкомъ, не въ состояніи былъ оказывать никакого противодѣйствія натиску враговъ митрополита и измѣнить царившую въ Синодѣ атмосферу. Не пользовался онъ престижемъ и въ средѣ Синодальныхъ чиновниковъ, злоупотреблявшихъ его добротою... Главная же причина оппозиціи Синода къ Н. П. Раеву и ко мнѣ заключалась все же въ томъ, что мы оба были друзьями митрополита Питирима, къ которому Синодъ продолжалъ относиться съ крайнею непріязнью. Недоброжелательство къ намъ лично скрывало за собою, кромѣ того, и традиціонную оппозицію къ Оберъ-Прокуратурѣ, какая, съ включеніемъ въ составъ Синода представителей бѣлаго духовенства, еще болѣе обострилась: въ результатѣ, создалась почва, не только исключавшая возможность нормальной работы, но и приводившая къ недоразумѣніямъ и конфликтамъ... Я отмѣчалъ уже, что только благостнѣйшій митрополитъ Московскій, обезсмертившій свое имя подвигами на Алтаѣ, человѣкъ выдающагося ума и величайшихъ достоинствъ, заступался за смиреннаго Н. П. Раева и дарилъ меня своею любовью... Но онъ самъ чувствовалъ себя чужимъ въ Синодѣ, и, хотя общая молва и называла его святымъ, въ чемъ дѣйстви-

тельно не было преувеличеній, однако же именно эта святость его и отталкивала отъ него его собратьевъ по Синоду. . .

Эта атмосфера угара, взаимнаго недоброжелательства и интригъ создавала крайне тяжелыя условія для работы и тормозила всякаго рода полезныя начинанія, исходившія, кстати сказать, преимущественно отъ митрополита Питирима, что, въ свою очередь, чрезвычайно болѣзненно отзывалось на ходѣ церковно-государственныхъ дѣлъ. Митрополитъ Питиримъ былъ глубоко вдумчивымъ человѣкомъ; его начинанія охватывали въ очень широкомъ масштабѣ церковно-государственныя нужды: будучи проведены въ жизнь, онѣ дали бы ощутительные результаты. . . Но тотъ фактъ, что эти начинанія исходили отъ митрополита Питирима, уже обезцѣнивалъ ихъ. . . Первымъ обрушивался на нихъ архіепископъ Арсеній Новгородскій, которому вторили оба протопресвитера и, разумѣется, архіепископъ Сергій Финляндскій, составлявшій прямую противоположность чистосердечному митрополиту Питириму; остальные же іерархи обычно отмалчивались. . . Архіепископъ Тихонъ Литовскій занималъ выжидательное положеніе, не высказывая своего мнѣнія, а митрополитъ Кіевскій Владиміръ всегда примыкалъ къ оппозиціи митрополиту Питириму. . . Съ мнѣніемъ же митрополита Московскаго Синодъ вовсе не считался. . .

При такой несогласованности дѣйствій Синода, митрополиту Питириму ничего не оставалось, какъ перенести центръ своей дѣятельности изъ Синода въ покои Александро-Невской Лавры, гдѣ собирались разнаго рода комиссіи и совѣщанія, съ участіемъ близкихъ къ митрополиту лицъ, и разрабатывались всякаго рода законопроекты.

Митрополитъ Питиримъ намѣтилъ очень глубокую и широкую схему законопроектовъ. Исходя изъ необходимости согласовать церковно-государственную жизнь съ каноническими требованіями Церкви, митрополитъ имѣлъ въ виду, въ первую очередь, уничтожить раздѣленіе епархій на «хлѣбныя» и «не хлѣбныя» и перемѣщеніе епископовъ изъ одной епархіи въ другую, ссылаясь на то, что, если епископъ оказался несоотвѣтствующимъ въ одной епархіи, то останется таковымъ и въ другой. . . Равные по власти, имъ Богомъ врученной, епископы должны быть, по возможности, уравнены и въ матеріальномъ положеніи; а это можетъ быть достигнуто лишь послѣ того, какъ будутъ установлены болѣе или менѣе равные территоріальные размѣры епархій, и увеличено число епископскихъ кафедръ. Послѣднее условіе необходимо и съ цѣлью приближенія епископа къ его паствѣ, ибо, при нынѣшнихъ территоріальныхъ размѣрахъ епархій, народъ даже рѣдко видитъ своего архипастыря, и дѣятельность послѣдняго оставляетъ

слѣды лишь на бумагѣ... Хотя архипастыри и желаютъ быть духовными генералъ-губернаторами и губернаторами, но задачи у нихъ иныя. Они отвѣтственны за души своихъ пасомыхъ, даютъ имъ не правовую защиту, что составляетъ задачу гражданской власти, легко осуществляемую чрезъ разнородные органы управленія, а духовную опору въ жизни: они должны быть ближе къ народу, должны знать если не поименно свою паству, то хотя бы окормляющее паству духовенство; а знать этого невозможно при многомилліонномъ составѣ паствы и необъятныхъ размѣрахъ территорій. Перемѣщеніе епископовъ изъ одной епархіи въ другую съ цѣлью «повышенія по службѣ», по мнѣнію митрополита Питирима, не допустимо и можетъ разрѣшаться въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, лишь по болѣзни; тѣ изъ епископовъ, которые сами ходатайствуютъ о такихъ перемѣщеніяхъ, свидѣтельствуютъ лишь о забвеніи своего долга къ паствѣ, или измѣнѣ ему. Параллельно съ увеличеніемъ числа епископскихъ кафедръ, митрополитъ Питиримъ былъ озабоченъ и возстановленіемъ митрополичьихъ округовъ, съ цѣлью объединенія дѣятельности епископовъ и созыва помѣстныхъ соборовъ два раза въ годъ, согласно прямому повелѣнію Апостольскихъ Правилъ.

Эти два законопроекта - сокращеніе территоріальныхъ размѣровъ епархій, съ одновременнымъ увеличеніемъ числа епископскихъ кафедръ, и возстановленіе митрополичьихъ округовъ, имѣли огромное церковно-государственное значеніе и только по недоразумѣнію не встрѣтили сочувствія со стороны прочихъ іерарховъ. Митрополитъ Питиримъ не былъ сторонникомъ патріаршества и съ возстановленіемъ его не связывалъ условій, могущихъ обновить церковно-государственную жизнь. Но въ то же время онъ не могъ не видѣть недостатковъ и въ Синодальной системѣ управленія и находилъ, что только возвращеніе къ каноническимъ началамъ церковной жизни можетъ устранить эти недостатки. Возстановленіе митрополичьихъ округовъ, обнимающихъ предѣлы нѣсколькихъ епархій, обязательные помѣстные соборы этихъ послѣднихъ епархій подъ предсѣдательствомъ митрополита, созываемые два раза въ годъ въ сроки, указанные «Книгою Правилъ», въ Февралѣ и Октябрѣ, не только урегулировали бы церковную жизнь, но и разгрузили бы Синодъ отъ той массы дѣлъ, какія, въ своемъ большинствѣ, составляютъ область вѣдѣнія епархіальнаго архіерея и могли бы разрѣшаться на мѣстахъ. Такое возвращеніе къ каноническимъ началамъ несомнѣнно видоизмѣнило бы и функціи Синода и Оберъ-Прокуратуры и освободило бы послѣднюю отъ нареканій за вмѣшательство ея въ церковную сферу, ибо церковная жизнь стала бы регулироваться помѣстными соборами епископовъ, входящихъ въ составъ того,

или иного митрополичьяго округа, а роль Оберъ-Прокуратуры свелась бы только къ задачѣ нормировать юридическую сторону церковной жизни. Однако въ глубины законодательныхъ предположеній митрополита Питирима никто не всматривался.

Образовалъ митрополитъ Питиримъ и самостоятельную комиссію по вопросу о жалованьи духовенству, хотя и находилъ, что необходимость прибѣгать къ помощи государства въ этой нуждѣ является постыдной и свидѣтельствуетъ объ упадкѣ и недостоинствѣ пастырей, допустившихъ такой упадокъ... Согласно слову Божію, пастырь долженъ питаться отъ алтаря, а не получать жалованье изъ средствъ государственнаго казначейства, и истинные пастыри, близкіе къ своей паствѣ и любящіе ее, никогда не жалуются на нужду, ибо все имѣютъ въ изобиліи: нашъ русскій народъ такихъ пастырей никогда не обижалъ. Когда же пастырь нерадивъ и далекъ отъ паствы, тогда народъ забываетъ не только пастыря, но и Бога. Народъ чутьемъ угадываетъ пастыря: если батюшка потребуетъ платы за требу, то ему уже трудно будетъ заручиться довѣріемъ и любовью своихъ прихожанъ; если же не будетъ требовать, тогда тотъ же народъ вознаградитъ его сторицею.

Тѣмъ не менѣе, уступая настояніямъ и сочувствуя немощамъ и нуждѣ духовенства, митрополитъ Питиримъ въ короткое время разработалъ въ своей комиссіи законопроектъ о жалованьѣ духовенству, и только революція помѣшала провести этотъ проектъ въ жизнь. Такую же участь постигъ и законопроектъ о пенсіяхъ духовенству, разработанный междувѣдомственною комиссіей подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Кипучая дѣятельность митрополита Питирима была совершенно новымъ явленіемъ на общемъ фонѣ Синодальной жизни. Члены Синода обычно не проявляли ни иниціативы, ни самодѣятельности, и ограничивались лишь разсмотрѣніемъ текущихъ дѣлъ. Они были поглощены лишь интересами своихъ епархій, но общая церковно-государственная жизнь протекала внѣ поля ихъ зрѣнія. Между тѣмъ, какъ Государь, такъ и Императрица интересовались, разумѣется, только этою последней областью и съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ взглядамъ митрополита Питирима, рисовавшаго Имъ общій планъ оздоровленія церковно-государственной жизни. Развивая однажды свои мысли по этому вопросу, митрополитъ до такой степени заинтересовалъ Государыню, что Ея Величество просила Владыку составить памятную записку и лично представить ее Государю, находившемуся тогда въ Ставкѣ. Такъ состоялась поѣздка митрополита Питирима въ Ставку.

Молва объяснила ее политическими причинами: въ обществѣ стали говорить, что митрополитъ Питиримъ поѣхалъ къ Государю съ цѣлью поддержать кандидатуру Б. В. Штюр-

мера, намѣчавшагося въ предсѣдатели Совѣта министровъ; а когда такое назначеніе состоялось, то новаго Предсѣдателя стали называть ставленникомъ митрополита и, слѣдовательно, «распутинцемъ».

Въ дѣйствительности же, отношенія митрополита Питирима и Б. В. Штюрмера никогда не были дружными, а впослѣдствіи и совсѣмъ оборвались.

Намѣчался митрополитомъ Питиримомъ и цѣлый рядъ другихъ важныхъ законодательныхъ предположеній, причемъ его особенное вниманіе привлекалъ вопросъ о пересмотрѣ школьныхъ программъ духовнаго вѣдомства и подготовкѣ молодыхъ людей къ пастырской дѣятельности, а также вопросъ о приходѣ, разсматривавшійся тогда комиссіей подъ предсѣдательствомъ Архіепископа Сергія Финляндскаго. Этимъ вопросомъ очень интересовались «передовое» духовенство и революціонно настроенные прихожане: первые потому, что стремились сбросить съ себя зависимость отъ епископа, освободиться отъ отвѣтственности предъ нимъ; вторые потому, что желали установить контроль за своими пастырями и за расходованіемъ церковныхъ суммъ. Приходскій вопросъ былъ лишь этапомъ къ отдѣленію Церкви отъ государства, и митрополитъ Питиримъ очень скорбѣлъ, что истинная природа этого вопроса не для всѣхъ была одинаково ясной. По мнѣнію митрополита Питирима, надлежащее разрѣшеніе этого вопроса связывалось съ выработкою условій, возлагавшихъ на прихожанъ конкретныя обязательства по отношенію къ Церкви, а не съ предоставленіемъ прихожанамъ какихъ либо юридическихъ правъ въ отношеніи пастыря, чего такъ усиленно добивались авторы всевозможныхъ проектовъ улучшенія приходской жизни.

Не меньшее вниманіе сосредоточивалъ митрополитъ Питиримъ и на задачахъ Православія заграницей. Онъ былъ единственнымъ іерархомъ, не только раздѣлявшимъ, но и поддерживавшимъ мою мысль объ учрежденіи епископскихъ кафедръ въ столицахъ Западной Европы и переводѣ круга богослужебныхъ книгъ, а также святоотеческой литературы, на иностранные языки. Послѣдняя мысль признавалась среди іерарховъ чуть ли не еретическою, но митрополитъ Питиримъ тѣмъ болѣе горячо поддерживалъ ее, чѣмъ отчетливѣе сознавалъ все чрезвычайное значеніе ознакомленія Запада съ Православіемъ. Онъ видѣлъ въ этой мысли не только церковное, но и политическое значеніе и всемѣрно помогалъ мнѣ... По этому вопросу я часто велъ бесѣды съ Владыкою, указывая на параллели, какія сами собою напрашивались при сопоставленіи пропаганды католицизма и одновременной пассивности и инертности съ нашей стороны... Предположено было начать осуществленіе этихъ мыслей съ постройки православнаго

храма въ Лондонѣ. Насколько такая мысль встрѣтила сочувствіе какъ со стороны русской колоніи въ Лондонѣ, такъ и со стороны англичанъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что къ началу 1917 года уже была образована въ Лондонѣ комиссія по постройкѣ храма, находившаяся въ тѣснѣйшемъ общеніи съ митрополитомъ Питиримомъ и намѣревавшаяся весною того же года приступить къ закладкѣ храма...

Но революція смела съ пути и это благое дѣло...

Въ тѣснѣйшемъ единеніи съ митрополитомъ работала и Оберъ-Прокуратура, гдѣ былъ намѣченъ рядъ сложныхъ кодификаціонныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлью создать писанное церковное законодательство и многое другое.

Но здѣсь условія для работы были еще сложнѣе.

ГЛАВА XLI.

Рѣчь въ Покояхъ С. Петербургскаго Митрополита при врученіи высокопреосвященнымъ Питиримомъ Ѳеодоровской Иконы Божіей матери.

Мои личные взгляды на церковно-государственныя задачи находили со стороны митрополита Питирима живѣйшій откликъ: между нами царило полное единомысліе. Насъ связывала, кромѣ того, и долголѣтняя личная дружба, и я часто пользовался своими краткими досугами для того, чтобы навѣщать Владыку и своими бесѣдами ободрять его. Я не могу не вспомнить съ величайшею признательностью о томъ, съ какой сердечной теплотою встрѣчалъ меня митрополитъ Питиримъ, какъ цѣнилъ мое участіе къ нему и съ какою скорбью воспринималъ ту клевету, какая витала вокругъ моего имени. Вскорѣ послѣ своего назначенія, я навѣстилъ митрополита. Поднимаясь по лѣстницѣ, я столкнулся съ группою людей, шедшихъ мнѣ навстрѣчу и громко дѣлившихся своими впечатлѣніями отъ свиданія съ митрополитомъ... Еще и сейчасъ звучатъ у меня эти восторженные отзывы, еще и теперь я слышу ихъ горячія слова... Глядя на нихъ, я подумалъ: «Вотъ этихъ словъ никто не слышитъ; а клевету разносятъ по всему свѣту, и никто не заступится за Владыку»...

Совсѣмъ неожиданно для меня, Владыка встрѣтилъ меня съ дорогимъ образомъ Божіей Матери и, привѣтствуя съ назначеніемъ, обратился ко мнѣ съ проникновенною рѣчью, содержанія которой я никогда не забуду... Такъ говорить могъ только тотъ, кто видѣлъ въ страданіяхъ единственный путь

къ Богу и сознательно шелъ этимъ путемъ. Я чувствовалъ, какъ каждое слово Владыки возрождало меня, какъ крѣпли духовныя силы, и какими мелкими и ничтожными являлись всѣ тѣ причины, какія угнетали меня, подъ бременемъ которыхъ я изнемогалъ, впадая, порою, въ уныніе...

Я вспомнилъ иныя ощущенія, когда, подъ вліяніемъ минутной радости, чувствовалъ себя счастливымъ, и какъ тяготился этимъ счастьемъ... Сопоставляя эти минутныя ощущенія радости съ обычнымъ настроеніемъ грусти, я зналъ, что всегда предпочиталъ это послѣднее настроеніе, ибо тамъ было больше правды... А рѣчь митрополита точно звала на подвигъ, и мнѣ казалось, что въ этотъ моментъ я не задумался бы надъ тѣмъ, чтобы пойти ему навстрѣчу.

Митрополитъ кончилъ свою рѣчь, а я подумалъ: «хорошаго человѣка еще могутъ, иногда, назвать хорошимъ; но, если этотъ человѣкъ очень хорошій, то его непремѣнно назовутъ дурнымъ»...

Такъ ясно было для меня, зачѣмъ травятъ и преслѣдуютъ митрополита Питирима, почему гонители Церкви и дѣлатели революціи такъ боялись этого маленькаго, тщедушнаго, смиреннаго и кроткаго старичка...

Отвѣчая на рѣчь митрополита, я сказалъ:

«Дорогой владыка, десять лѣтъ тому назадъ, въ бытность Вашу епископомъ Курскимъ и Обоянскимъ, Вы благословили меня на дѣло собиранія матеріаловъ для житія Святителя Іоасафа, Чудотворца Бѣлгородскаго, иконою Знаменія Божіей Матери. Ни для Васъ, ни для меня не было тайною, что это дѣло было преддверіемъ другого дѣла — прославленія великаго Угодника Божія и сопричисленія Его къ лику Святыхъ Православной Церкви. Вотъ та почва, на которой я впервые встрѣтился съ Вами, на которой совмѣстно трудился и на которой, вмѣстѣ съ Вами, выдерживалъ осаду со стороны врага... Какъ злостны были его ухищренія, какъ тонки его козни, и какъ легко поддавались имъ легковѣрные люди, создававшіе намъ препятствія въ этомъ святомъ дѣлѣ и приписывавшіе намъ и цѣли недостойныя, и побужденія неискреннія... Ни однимъ словомъ жалобы не обмолвились мы на обиды, чинимыя намъ злыми людьми, на клевету, вокругъ насъ распространявшуюся, на обвиненія, къ намъ предъявлявшіяся, ибо мы знали, что Богъ поругаемъ не бываетъ, и что правда восторжествуетъ... И вотъ, не прошло и пяти лѣтъ со времени прославленія Святителя Іоасафа, и Господу Богу было угодно посрамить всѣхъ Вашихъ враговъ и возвести Васъ на кафедру Первосвятителей Земли Русской, а меня пріобщить къ такому дѣлу, о которомъ я даже мечтать не могъ, и которое примирило

меня съ жизнью въ міру, полной тонкихъ и неуловимыхъ, но до крайности болѣзненныхъ коллизій съ совѣстью...

Но жестоко посрамленный врагъ еще болѣе ожесточился и, пользуясь своимъ обычнымъ орудіемъ — клеветою — обрушился всею тяжестью своей злобы на Васъ. Не даромъ, въ лицѣ Св. Іоасафа, Вы явили міру уже третьяго Угодника Божія; не даромъ вырвали изъ его когтей и тѣхъ закоренѣлыхъ грѣшниковъ, которые обратились къ Богу только во время прославленія этихъ новоявленныхъ Угодниковъ Божіихъ... Напрасны усилія врага, невѣрны его расчеты... Духовно зрячіе люди не поддаются вліяніямъ общественности, какова бы она ни была. Они не заражаются общественнымъ мнѣніемъ, когда оно за нихъ; они не падаютъ духомъ и тогда, когда оно противъ нихъ...

Вѣрный повелѣнію Царскому, вступилъ и я на Вашъ тернистый путь... Я не успѣлъ еще сдѣлать ни одного шага, а между тѣмъ уже вижу козни діавольскія, слышу оттолоски подпольной работы, знаю, что придетъ моментъ, когда діаволъ, со всею яростью, обрушится на меня и мою работу; но я знаю и то, что когда это время настанетъ, когда насъ смѣнятъ слуги сатаны, тогда Россіи не будетъ, тогда все то, что нынѣ попирается, будетъ громко обличать совѣсть и тѣхъ людей, которые ее потеряли и сейчасъ ее не имѣютъ. Не будемъ же бояться клеветы, не будемъ и оправдываться въ томъ, въ чемъ не виноваты. Время, какого не долго уже осталось ждать, скажетъ, чѣмъ мы были, что думали и чего желали, и, чѣмъ больше будутъ клеветать на насъ, тѣмъ суровѣе будетъ приговоръ этого времени для клеветниковъ.

Съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ новопостригаемый инокъ, отрѣшаясь отъ всего земного, входитъ въ храмъ Божій, отдавая себя въ Объятія Отчіи, съ этимъ чувствомъ я вхожу въ Синодъ, съ единою мыслью отдать служенію Церкви всѣ свои силы, всѣ помыслы, время и разумѣніе, чуждый личныхъ цѣлей и земныхъ расчетовъ... И о томъ только молю Господа, чтобы сберечь это настроеніе, не поддаться искушеніямъ и соблазнамъ власти, не утерять тѣхъ началъ, коими опредѣляется соотношеніе между требованіями непокорнаго сердца и долгомъ къ правдѣ. Сердечно благодарю Васъ, Владыка, за Ваши любовь и благословеніе. Вѣрю, что и нынѣшнее Ваше благословеніе на трудъ великій и отвѣтственный дастъ мнѣ силы для того, чтобы нести его во славу Божію, въ оправданіе уповающихъ на меня, въ утѣшеніе чающихъ правды нелицепріятной... Вѣрю, что Святитель Іоасафъ соединилъ насъ для общей работы во славу Божію, вѣрю въ благодатную силу Его заступленія, ибо вижу его водительство и въ Вашей жизни, и въ своей...»

ГЛАВА XLII.

Посѣщеніе Синодальнаго Лазарета Имени Наслѣдника Цесаревича и рѣчь къ раненымъ воинамъ 5 октября 1916 года, въ день тезоименитства его Императорскаго Высочества.

Въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, вернувшись изъ Казанскаго Собора, я обязанъ былъ, по порученію Оберъ-Прокурора, посѣтить Синодальный лазаретъ имени Его Императорскаго Высочества. Я засталъ еще богослуженіе въ домовой церкви; по окончаніи молебна, я собирался обойти лазаретъ. Но въ этотъ моментъ подошелъ ко мнѣ директоръ канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода, В. И. Яцкевичъ, и указалъ на то, что выздоравливающіе нижніе чины собраны въ сосѣднемъ залѣ, и имъ нужно сказать привѣтственное слово... Такое заявленіе застало меня врасплохъ, ибо я не собирался говорить офиціальныхъ рѣчей, а имѣлъ въ виду обойти больныхъ и раненыхъ и поговорить съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. И картина вытянувшихся предо мною солдатъ, пожиравшихъ меня глазами и слѣдившихъ за каждымъ моимъ движеніемъ, до крайности смутила меня. Кто сорвалъ этихъ солдатъ съ постелей и собралъ цѣлую роту въ залѣ, для чего это было нужно, къ чему?! Но, очутившись въ такомъ нелѣпомъ положеніи, я долженъ былъ выйти изъ него и обратился къ солдатамъ съ такими словами:

«Господа, привѣтствую васъ съ радостнымъ днемъ тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, привѣтствую и съ тѣми подвигами на полѣ брани, какіе привели васъ сюда, въ лазаретъ имени Августѣйшаго Именинника. Едва вступивъ въ жизнь, вы сдѣлались уже свидѣтелями ея ужасовъ, особенно ярко раскрывшихся предъ вами на войнѣ. Если вы сами страдали и видѣли страданія вашихъ братьевъ, если вы видѣли смерть, безжалостно косившую ваши ряды, и познали страхъ смерти и то, что переживаетъ и долженъ будетъ пережить каждый человѣкъ предъ разлукою съ жизнью, тогда вы должны были выйти изъ поля битвы, хотя и израненными, больными, но закаленными духомъ, съ окрѣпшею вѣрою, съ запасомъ свѣжихъ силъ, которыя позволятъ вамъ бодро смотрѣть впередъ на будущее, какъ бы грозно оно ни было. А будущее дѣйствительно грозно, и нужно имѣть много мужества, много духовныхъ силъ, чтобы ему смотрѣть въ глаза. Вы видѣли въ этой войнѣ чудныя знаменія на небѣ: вы видѣли, или слышали отъ соратниковъ вашихъ, какъ Матерь Божія надѣвала вѣнцы на головы павшихъ воиновъ, открывая имъ двери рая; видѣли

воинство небесное, ободрявшее ваши полки и вмѣстѣ съ вами ведущее эту ужасную, безпримѣрную въ исторіи брань... Съ другой стороны, вы видѣли столько ожесточенія и безграничной злобы, какой еще никогда не было въ мірѣ... Чему же вы научились на этой войнѣ, съ чѣмъ вы вернетесь домой, что разскажете своимъ домашнимъ? Скажите имъ, что весь міръ уже наканунѣ гибели, и что нужна особая милость Божія, чтобы отдалить надвигающуюся кару Божію; что эта война особенная и послана Богомъ за грѣхи людей и, потому, кончится только тогда, когда люди вымолятъ у Бога прощеніе молитвою, слезами покаянія, обѣтами и добрыми дѣлами... Разскажите всѣмъ о томъ, что сами видѣли, съ чѣмъ сами боролись; о томъ, съ какою хитростью и злобой старался сатана вырвать изъ вашихъ рукъ крестъ Христовъ, ослабить вашу вѣру въ Бога, внести разложеніе въ среду вашу, лишить васъ награды небесной за ваши подвиги земные... Скажите тѣмъ, кто этого еще не знаетъ, что эта война есть война противъ Креста Христова, противъ Церкви Православной, и что, если люди не покаются, то Господь отниметъ отъ нихъ и Крестъ, и Церковь... Скажите объ этомъ громко, чтобы всѣ слышали и перестали дѣлать то, что дѣлаютъ теперь... Что видимъ мы вокругъ себя, въ тылу?! Въ то время, какъ одни отдаютъ свои жизни на полѣ брани, другіе набиваютъ свои карманы краденнымъ добромъ, спекулируютъ на крови своихъ братьевъ, сознательно помогаютъ діаволу добивать несчастную Родину нашу... Все дѣлается потому, что еще не открылись у людей ихъ очи духовныя, что не знаютъ они еще, какая это война, и что нужно для того, чтобы она окончилась... Объ этомъ вы и должны сказать, когда вернетесь домой. Запомните мои слова: «въ этой войнѣ будутъ побѣждать не оружіе и снаряды, а молитва къ Богу всѣхъ, всѣхъ, какъ воюющихъ на фронтѣ, такъ и остающихся въ тылу... Фронтомъ этой ужасной войны является вся Россія, ибо діаволъ борется съ Крестомъ въ тылу еще яростнѣе, чѣмъ на позиціяхъ; но слѣпые люди этого не замѣчаютъ. Пока люди не образумятся, пока не перестанутъ думать, что имъ все можно, пока не смирятся и не обратятся къ Господу, Единому Вершителю судебъ міра и человѣка, до тѣхъ поръ эта война не кончится, до тѣхъ поръ не будетъ побѣды. Въ этомъ смыслѣ побѣда зависитъ отъ каждаго изъ насъ. Тогда только мы не словами, а дѣлами порадуемъ и Государя Императора, и Наслѣдника Цесаревича, за драгоцѣнное здоровье Котораго сегодня молились. Будьте же здоровы и благополучны, и да хранитъ васъ Матерь Божія на путяхъ жизни вашей.»

Эта рѣчь, въ средѣ Синодальныхъ чиновниковъ, была признана революціонною, и по поводу ея громко шептались.

Тяжелое впечатлѣніе производили на меня столичные лазареты для больныхъ и раненыхъ воиновъ: многое бы можно было сказать о нихъ...

Великолѣпно оборудованные, они имѣли все, кромѣ того, что рождало бы у солдатъ желаніе вернуться обратно на фронтъ, по выздоровленіи. Царившая въ лазаретахъ, размѣщенныхъ большею частью въ дворцахъ, роскошь, нелѣпое отношеніе къ «бѣднымъ солдатикамъ» великосвѣтскихъ барынь, привозившихъ имъ шоколадъ, духи и конфеты, все это въ свое время принесло очень горькіе плоды... Какъ глубока была мысль Государыни Императрицы учреждать такіе лазареты въ деревняхъ, вблизи святыхъ мѣстъ, а не въ шумныхъ, большихъ центрахъ, гдѣ раненые, выздоравливая физически, заболѣвали духовно!..

ГЛАВА XLIII.

Междувѣдомственная комиссія по выработкѣ устава о пенсіяхъ духовенству.

Нужно ли говорить о томъ, какъ неблагопріятно отзывалась на вѣдомственныхъ дѣлахъ частая смѣна должностныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ вѣдомства!.. Мѣнялись первоначальныя точки зрѣнія и принципы; работа получала иное направленіе и надолго задерживалась... Междувѣдомственная комиссія по выработкѣ устава о пенсіяхъ духовенству работала, съ большими перерывами, уже около двухъ лѣтъ, а между тѣмъ успѣла разсмотрѣть за это время только меньшую половину устава. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ Товарищъ Оберъ-Прокурора. Вскорѣ послѣ своего назначенія, я заступилъ мѣсто своего предшественника Н. Ч. Заіончковскаго и поторопился созвать засѣданіе, на которое прибыли представители прочихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и одинъ изъ моихъ бывшихъ сослуживцевъ по Государственной Канцеляріи. Съ какою болью сердца я вспоминаю теперь объ этихъ засѣданіяхъ! Какими неразумными казались мнѣ пріемы, коими выражалось отношеніе всѣхъ этихъ представителей вѣдомствъ, всѣхъ участниковъ комиссіи, къ разрабатывавшемуся вопросу! Каждый изъ нихъ подходилъ къ вопросу съ точки зрѣнія интересовъ своего вѣдомства; но никто не возвышался до интересовъ самого вопроса, подлежавшаго разсмотрѣнію... Я очень рискую встрѣтиться съ упрекомъ въ нескромности; однако же долженъ сказать, что я былъ едва ли не единственнымъ человѣкомъ въ комиссіи, для котораго вопросъ о пенсіяхъ духовенству являлся живымъ вопросомъ... Въ то время, какъ

члены моей комиссіи видѣли предъ собою только законопроектъ, плодъ кабинетной работы, и разсматривали его съ редакціонныхъ и кодификаціонныхъ точекъ зрѣнія, я видѣлъ предъ своими глазами картины деревни, со всѣми ея ужасами...

Я вспомнилъ несчастнаго священника села Яблоновки, Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи, о. Евгенія Дарагана, пріѣхавшаго ко мнѣ, въ бытность мою Земскимъ Начальникомъ, съ просьбою защитить его отъ преслѣдованій со стороны одного изъ его прихожанъ, богатаго мѣстнаго кулака, нанесшаго батюшкѣ тяжкое оскорбленіе въ храмѣ, во время богослуженія...

О. Евгеній былъ до того истерзанъ, такъ запуганъ и измученъ, до такой степени боялся своего врага, что не рѣшался даже жаловаться на него.

«Но и помимо этого, какъ же я, пастырь Церкви, могу судиться со своими прихожанами» — съ отчаяніемъ проговорилъ о. Евгеній и, склонившись, въ полномъ изнеможеніи, на столъ, горько заплакалъ.

Жалко мнѣ было несчастнаго священника, а узнавъ подробности, я дрожалъ отъ негодованія, возмущаясь дерзновеніемъ негодяя, осмѣлившагося такъ тяжко оскорбить пастыря Церкви въ самомъ храмѣ Божіемъ.

«Этотъ человѣкъ затравилъ меня: я не знаю за что, но я знаю, что не снесу больше обиды... Куда мнѣ дѣваться... Въ Яблоновкѣ у меня свой домикъ, грунтъ, семья, куча дѣтей... Ну, куда же пойду!.. Да и не подобаетъ пастырю Церкви проситься на другой приходъ... А оставаться не вмоготу... Жаловаться и некому, и нельзя... И что же мнѣ дѣлать, гдѣ искать помощи, кому я нуженъ,и гдѣ тѣ добрые люди, которые заступятся за меня»...

«Правду вы сказали, батюшка» — отвѣтилъ я— «что не подобаетъ Вамъ судиться съ Вашими прихожанами... Я знаю, какъ обуздать этого негодяя... Если онъ богачъ, значитъ — скряга... Будьте увѣрены, что онъ Васъ болѣе не тронетъ».

О. Евгеній уѣхалъ, а я привлекъ кулака къ отвѣтственности и, послѣ очень жаркаго разноса, оштрафовалъ его въ 100 рублей, штрафъ для деревни небывалый... Результаты сказались мгновенно. Негодяй струсилъ, сталъ цѣловать руки о. Евгенія, старался всячески войти въ довѣріе къ своей бывшей жертвѣ и до того успѣлъ въ этомъ, что добрый священникъ вторично пріѣхалъ ко мнѣ, за 30 верстъ, и, отмѣчая разительную перемѣну поведенія кулака, просилъ меня о сложеніи штрафа... Каково же было удивленіе батюшки, когда онъ узналъ отъ меня, что хитрый мужикъ подалъ на мое рѣшеніе апелляціонную жалобу и перемѣнилъ свое отношеніе къ о. Евгенію только потому, что не знаетъ еще исхода рѣшенія

Уѣзднаго Съѣзда. Въ большомъ уныніи уѣхалъ отъ меня о. Евгеній, и я больше его не видѣлъ... Либеральный Уѣздный Съѣздъ, этотъ разсадникъ деревенской безнаказанности, не имѣя основаній отмѣнить мое рѣшеніе, измѣнилъ его, понизивъ штрафъ со 100 рублей до.... 2 рублей.

Торжеству негодяя не было границъ, и онъ захлебнулся въ этомъ торжествѣ... Въ тотъ же день полъ села было пьяно, безшабашный разгулъ и... звѣрская месть батюшкѣ... О. Евгеній не выдержалъ травли и... сошелъ съума... Его помѣстили въ больницу для душевно-больныхъ въ Полтавѣ, а несчастная и ни въ чемъ неповинная семья осталась нищей, сдѣлавшись жертвою жалостливаго отношенія либеральныхъ глупцовъ къ «мужичку»...

Вотъ какія картины стояли предъ моими глазами, когда я впервые открылъ засѣданіе комиссіи, подъ своимъ предсѣдательствомъ, и вотъ почему я такъ искренно и глубоко возмущался, когда встрѣчалъ со стороны членовъ комиссіи, знавшихъ деревню только по наслышкѣ и совершенно незнакомыхъ съ ея бытомъ, возраженія на свои предложенія и замѣчанія, отражавшія суровую, ничѣмъ неприкрашенную деревенскую дѣйствительность.

Впрочемъ, среди членовъ комиссіи былъ одинъ выходецъ изъ деревни, представитель министерства финансовъ, сынъ сельскаго священника, вице-директоръ финансоваго департамента. Упитанный и выхоленный, съ мясистыми руками и брилліантовыми кольцами на пальцахъ, съ жирной золотою цѣпью возлѣ часовъ, этотъ вице-директоръ, точно умышленно, поставилъ своею цѣлью опрокидывать всякое мое предложеніе, клонившееся къ улучшенію быта сельскаго духовенства. Въ оправданіе своихъ тезисовъ онъ ссылался на свое происхожденіе, давшее ему возможность изучить бытъ сельскаго пастыря и... вынести самое отрицательное впечатлѣніе... Такъ какъ у меня, послѣ изученія этого быта, получилось какъ разъ обратное впечатлѣніе, а препирательство съ этимъ Ракитинымъ было безцѣльнымъ, то я, тотчасъ послѣ засѣданія, просилъ министра финансовъ не присылать болѣе въ мою комиссію этого господина, а замѣнить его другимъ лицомъ, что министръ и сдѣлалъ. Послѣ этого, засѣданія комиссіи пошли ровнѣе, и мнѣ удалось, втеченіе одного мѣсяца, окончательно разсмотрѣть законопроектъ и довести работу комиссіи, длившуюся около двухъ лѣтъ, до благополучнаго конца... Однако, выработанному законопроекту не суждено было заручиться законодательной санкціей...

Революція все разрушила.

ГЛАВА XLIV.

Комиссія по разслѣдованію злоупотребленій при покупкѣ воска заграницей.

Если не ошибаюсь, собранный въ началѣ 1916 года Свѣчной Съѣздъ постановилъ образовать комиссію для разслѣдованія злоупотребленій при закупкѣ воска заграницей и выдѣлилъ изъ своего состава группу членовъ Съѣзда, оставшихся въ Петербургѣ, на которыхъ возложилъ обязанность слѣдить за работами означенной комиссіи. Остальные же члены Съѣзда разъѣхались по мѣстамъ, и Съѣздъ закрылся. Предсѣдателемъ этой группы Съѣздъ выбралъ члена Св. Синода, протопресвитера А. Дернова; а предсѣдателемъ комиссіи по разслѣдованію злоупотребленій былъ назначенъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Н. Ч. Заіончковскій. Съ его уходомъ, эта тяжелая обязанность перешла ко мнѣ, къ вящей досадѣ А. Осѣцкаго, полагавшаго, что, послѣ отставки А. Н. Волжина и Н. Ч. Заіончковскаго, отношеніе къ нему новыхъ представителей Оберъ-Прокуратуры измѣнится, и комиссія будетъ закрыта.

Самый фактъ избранія протопресвитера Дернова предсѣдателемъ группы и его своеобразные пріемы защиты А. Осѣцкаго убѣждали меня въ несомнѣнной виновности послѣдняго, для чего, впрочемъ, имѣлись основанія и помимо моего личнаго убѣжденія. Но обосновать обвиненія фактическими данными было трудно потому, что сношенія Хозяйственнаго Управленія съ германскими фирмами по поставкѣ воска велись на нѣмецкомъ языкѣ, и требовалось много времени для разсмотрѣнія и изученія документовъ, сваленныхъ въ кучу и заполнившихъ почти цѣлую комнату. Лично для меня казалось несомнѣннымъ, что въ такомъ переводѣ документовъ на русскій языкъ не было ни малѣйшей надобности, и что онъ былъ предпринятъ съ умышленной цѣлью затянуть дѣло и отсрочить развязку... Было совершенно очевидно, что для такого перевода понадобились бы многіе мѣсяцы, а можетъ быть и годы. Не было въ этомъ надобности еще и потому, что обвиненія, предъявлявшіяся Осѣцкому, сводились къ указанію на предпочтеніе имъ иностранной фирмы, а не русской, несмотря на то, что условія послѣдней были выгоднѣе. Нужно было выяснить причины такого предпочтенія и опровергнуть утвержденія печати о проявленной А. Осѣцкимъ недобросовѣстности и допущенной имъ умышленной растратѣ казенныхъ денегъ, уплоченныхъ имъ за купленный въ Германіи воскъ.

Однако А. Осѣцкій, имѣя поддержку не только у протопресвитера А. Дернова, но и со стороны Синода и даже Государственной Думы, создавалъ условія, при которыхъ отказъ

Комиссіи въ дальнѣйшемъ переводѣ нѣмецкихъ документовъ на русскій языкъ могъ бы истолковаться, какъ дѣйствіе враждебное къ нему, и Оберъ-Прокуроръ не находилъ возможнымъ допускать этого. Вотъ почему я сталъ назначать засѣданія комиссіи по мѣрѣ поступленія ко мнѣ новыхъ матеріаловъ, и на этихъ засѣданіяхъ старался выяснять попутно и общіе вопросы. Среди членовъ комиссіи почти всѣ были убѣждены въ виновности Осѣцкаго и находили, что я не долженъ приглашать на эти засѣданія Осѣцкаго, дабы его присутствіе не стѣсняло комиссію.

Я отвѣтилъ, что комиссія призвана не судить А. Осѣцкаго, а лишь разсмотрѣть тѣ обвиненія, какія къ нему предъявляются печатью, громко кричавшей о Синодальной панамѣ и бросавшей тѣнь даже на Синодъ; что, каковы бы ни были личныя предположенія, но доколѣ мы не выслушаемъ противной стороны, мы не вправѣ выносить никакихъ обвиненій, и что по этимъ соображеніямъ я считаю обязательнымъ приглашать въ свою комиссію и Осѣцкаго.

Съ моими доводами согласились, и Осѣцкій явился.

Здѣсь и разыгрался эпизодъ, уже описанный мною въ 6 главѣ.

На другой день состоялось засѣданіе Св. Синода, и протопресвитеръ Дерновъ въ очень рѣзкой формѣ потребовалъ отъ меня ускорить работы моей комиссіи и настаивалъ на томъ, чтобы я зафиксировалъ опредѣленный срокъ ихъ окончанія. Я отказался это сдѣлать, ибо работы комиссіи тормозились, главнымъ образомъ, переводами документовъ; мнѣ же было неизвѣстно, когда эти переводы закончатся.

Дерновъ былъ до того взбѣшенъ, что со всего размаха ударилъ кулакомъ по столу, забывъ, что онъ сидитъ въ залѣ засѣданій Св. Синода, въ присутствіи членовъ Синода, и что въ этомъ мѣстѣ не подобаетъ держать себя такъ, какъ онъ, вѣроятно, привыкъ держаться у себя дома. . .

Безобразное впечатлѣніе произвела на меня эта дикая выходка священника, добравшагося до сана протопресвитера, увѣшаннаго звѣздами, и не научившагося держать себя прилично. . .

Она, кромѣ того, повредила и Осѣцкому, ибо превратила подозрѣнія въ его виновности въ убѣжденія и заронила сомнѣнія даже въ средѣ іерарховъ.

Комиссіи такъ и не суждено было закончиться. . . Подошла революція и замела слѣды всѣхъ преступленій, частью предавъ ихъ забвенію, частью использовавъ ихъ для своихъ цѣлей.

ГЛАВА XLV.

Лойяльность Синодальныхъ Чиновниковъ.

Разнаго рода Синодальныхъ комиссій, гдѣ я или предсѣдательствовалъ, или состоялъ членомъ, было такъ много, что я не буду на нихъ останавливаться; однако не могу не вспомнить еще объ одной, также перешедшей ко мнѣ по наслѣдству и созванной для выработки условій, на которыхъ бы могла состояться продажа Ея Императорскому Величеству участка земли въ Царскомъ Селѣ, примыкавшаго къ Царскимъ владѣніямъ и принадлежавшаго Синодальному Вѣдомству. Этотъ участокъ земли понадобился Ея Величеству для постройки какого то просвѣтительнаго или благотворительнаго учрежденія — не вспомню сейчасъ какого — и Государыня обратилась къ Оберъ-Прокурору съ просьбою доложить Синоду о желаніи Ея Величества пріобрѣсти означенный участокъ, въ результатѣ чего и была созвана помянутая комиссія.

Не могу безъ краски стыда за Синодальныхъ чиновниковъ, и особенно за Осѣцкаго, вспомнить объ этой комиссіи.

Открывая засѣданіе, я обратился къ комиссіи съ вступительной рѣчью, въ которой проводилъ ту мысль, что самая идея созыва этой комиссіи кажется мнѣ не только неудачной, но и обидной для сознанія вѣрныхъ подданныхъ Царя... Царю принадлежитъ не только мое имущество, но и моя жизнь; отдавая ихъ по требованію Царя, мы не вправѣ предъявлять Монарху никакихъ условій. Я находилъ бы, поэтому, цѣлесообразнымъ, не вырабатывая никакихъ условій, повергнуть къ стопамъ Ея Величества намѣченный Государынею участокъ земли, удовлетворившись тою суммою, какую Ея Величеству угодно будетъ предложить Синодальному Вѣдомству. Лично же, какъ предсѣдатель комиссіи, я не считаю себя даже вправѣ принимать въ выработкѣ условій продажи никакого участія. Я убѣжденъ, что условія Ея Величества ни въ какомъ случаѣ не явятся непріемлемыми для Синода; но, даже допуская обратное, я находилъ бы, что Синодъ, сочувствуя идейнымъ побужденіямъ Императрицы, долженъ былъ бы выразить свое сочувствіе не только на словахъ.

Моя рѣчь была громомъ среди ясной погоды... Первымъ заволновался Осѣцкій, а за нимъ и его ставленники, мелкіе чиновники Хозяйственнаго Управленія... Одинъ только представитель Дворцоваго вѣдомства, благородный князь Михаилъ Сергѣевичъ Путятинъ, поддержалъ меня, исходя изъ одинаковыхъ со мною точекъ зрѣнія.

Что выражали собою протесты Осѣцкаго и «иже съ нимъ»?! Хамское опасеніе, что при этихъ условіяхъ сдѣлка окажет-

ся невыгодною Синоду, и что Дворцовое вѣдомство использует деликатный жест Синода въ ущербъ интересамъ послѣдняго?!

Нисколько! Комиссія знала, для Кого Дворцовое Вѣдомство пріобрѣтало этотъ участокъ, и такихъ опасеній не могло быть.

Здѣсь отражалась принципіальная оппозиція Престолу со стороны тѣхъ людей, которые шли рука объ руку съ врагами Россіи и династіи и дѣлали общее съ ними дѣло... И когда это дѣло завершилось революціей 1917 года, то первыми завизжали отъ радости еврейчики и ихъ главные пособники — семинаристы, тѣ люди, которые прежде всего возстали противъ своихъ родныхъ отцовъ, смиренныхъ сельскихъ пастырей, а потомъ примкнули къ дѣлателямъ революціи и, съ непостижимою злобою, ожесточеніемъ и азартомъ подрывали устои государства... Главный контингентъ Синодальныхъ чиновниковъ состоялъ, за рѣдкими исключеніями, изъ такихъ сынковъ; на общемъ фонѣ ихъ, Осѣцкій являлъ найболѣе типичную фигуру.

При всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода В. К. Саблеръ былъ чрезвычайно падокъ къ внѣшнему преклоненію, и это было извѣстно каждому Синодальному чиновнику, знавшему, что его карьера тѣснѣйшимъ образомъ связана съ холопствомъ предъ В. К. Саблеромъ... Осѣцкій и въ этой области побилъ рекордъ и изъ чиновниковъ особыхъ порученій 6 класса, въ каковой пребывалъ безнадежно долгіе годы, умудрился втеченіе около двухъ лѣтъ сдѣлаться директоромъ Хозяйственнаго Управленія и получить генеральскій чинъ, что уже узаконило, въ его глазахъ и ту оппозицію Престолу, какою онъ былъ насквозь пропитанъ, и какая обезпечивала ему почетное мѣсто въ Государственной Думѣ.

Насколько, однако, государственный организмъ былъ уже расшатанъ, показываетъ отвѣтъ одного изъ премудрыхъ государственныхъ дѣятелей, съ которымъ я подѣлился своими предположеніями о необходимости немедленно же уволить Осѣцкаго отъ службы...

«Но, вѣдь, у насъ армія почти уже вся распропагандирована, и вѣрными Престолу остались только 200 человѣкъ Михайловскаго артиллерійскаго училища» — сказалъ онъ.

«Причемъ же армія?» удивленно спросилъ я.

«Какъ причемъ?! Теперь увольняемые чиновники апеллируютъ къ общественному мнѣнію и его средоточію — Думѣ. Возникнетъ конфликтъ между Думою и Совѣтомъ министровъ, а, при настоящихъ условіяхъ, еще неизвѣстно, чья возьметъ, и споръ пришлось бы рѣшить оружіемъ»...

Какъ ни картинно было такое объясненіе, но въ немъ было много правды. Въ каждомъ департаментѣ каждаго министерства было едва ли не 90% революціонеровъ, и для борьбы съ этимъ засильемъ требовались уже чрезвычайныя мѣры...

ГЛАВА XLVI.

Думы о прошломъ. Роковая эпоха. Депутація бывшихъ сослуживцевъ по государственной канцеляріи.

Для меня всегда было загадкой, изъ какихъ источниковъ рождается людское самомнѣніе, сознаніе личныхъ преимуществъ предъ другими, та горделивость, какая одинаково отличаетъ и сановника, и его лакея...

Стоитъ человѣкъ въ толпѣ и, кромѣ своихъ ближайшихъ сосѣдей, не видитъ и не слышитъ никого; а поднимется надъ толпою, или, хотя бы, отойдетъ отъ нея въ сторону, и тогда, будучи даже самымъ зауряднымъ человѣкомъ, увидитъ и болѣе широкіе горизонты, подмѣтитъ соотношеніе между единицею и массою, увидитъ концепцію фактовъ, природа которыхъ оставалась ему раньше непонятной. Истинное знаніе — это въ большинствѣ случаевъ картины того, что видитъ человѣкъ своимъ физическимъ или духовнымъ окомъ съ того мѣста, на которомъ стоитъ, въ гораздо меньшей степени — плодъ теоріи и науки. Теорія всегда обманчива, и теоретики, строившіе жизнь, почти всегда превращались въ преступниковъ, независимо отъ тѣхъ отвлеченныхъ идей, какія исповѣдовали.

Когда я находился на службѣ въ Государственной Канцеляріи, затерявшись въ общей массѣ ея чиновниковъ, тогда я видѣлъ предъ собою только чернильницу и листъ бумаги; но обще-государственные вопросы, какъ равно общественная и государственная жизнь, протекали внѣ поля моего зрѣнія. Когда же Невидимая Рука вывела меня изъ толпы и поставила на вершину пирамиды, тогда предъ моимъ взоромъ открылась вся необъятная Россія, и то, что я увидѣлъ, не только не заставило меня возгордиться, а, наоборотъ, смирило меня... Я увидѣлъ буквально то, что и 14 лѣтъ тому назадъ, когда, тотчасъ послѣ окончанія курса въ Университетѣ, впервые пріѣхалъ въ деревню въ качествѣ Земскаго Начальника, съ тою разницею, что здѣсь были гораздо болѣе широкіе масштабы, и картины были еще ужаснѣе... Какъ тогда я увидѣлъ, что ни мнѣ, ни моему поколѣнію не суждено осуществлять активную работу

по просвѣщенію и культивированію невѣжественной крестьянской массы, а нужно только подготовлять почву для другихъ, очищать ее отъ сорныхъ травъ и бороться, бороться безъ конца, безъ передышки, — такъ теперь я увидѣлъ, что Россія окружена шайкою разбойниковъ и до тѣхъ поръ не выйдетъ на волю, пока не передавитъ ихъ, не освободится отъ ужасныхъ тисковъ, въ какіе попала... Увидѣлъ я и то, какъ геніально, на протяженіи вѣковъ, эти разбойники и злодѣи завлекали Россію въ свои сѣти, съ какою настойчивостью и упорствомъ работали надъ подмѣною христіанскихъ началъ и понятій, влагая въ нихъ не то содержаніе, какое далъ Христосъ-Спаситель, и превращая любовь къ ближнему, предполагающую прежде всего его пользу, въ сентиментальность, рождавшую горе и слезы... Какимъ чернымъ пятномъ на фонѣ исторической жизни Россіи казалась мнѣ «эпоха великихъ реформъ», и какъ жалко становилось обманутаго Ангела — Царя, такъ горячо любившаго Россію, такъ глубоко вѣровавшаго народу и жившаго только мыслью о его благѣ...

Чѣмъ отличалась основная идея «великихъ реформъ» отъ нынѣ проводимой большевиками? Ничѣмъ! Цѣль была одна — устраненіе интеллигенціи... Различны были только способы. Тамъ созданіе искусственныхъ преградъ, не допускавшихъ общенія народа съ интеллектуальнымъ классомъ; здѣсь — шагъ впередъ, поголовное истребленіе послѣдняго.

И эта цѣль красною нитью проходила чрезъ всѣ реформы освободительной эпохи, начиная отъ способа надѣленія крестьянъ землею, путемъ отобранія ея отъ помѣщиковъ, что создало у крестьянъ убѣжденіе въ незаконномъ пользованіи помѣщиками крестьянскою землею и оправдывало возможность дальнѣйшихъ насильственныхъ захватовъ, и кончая судомъ присяжныхъ, родившимъ въ народныхъ массахъ недовѣріе къ короннымъ судьямъ, облеченнымъ спеціальными юридическими знаніями, и предпочтеніе суда улицы. Земство? Чѣмъ оно должно было быть по мысли Царя-Освободителя и чѣмъ въ дѣйствительности было!.. Легализированнымъ съ высоты Престола органомъ оппозиціи Царю и правительству, прародительницею Государственной Думы, этого генеральнаго штаба россійскихъ земскихъ учрежденій... Какъ горько плакалъ, въ свое время, другъ Преп. Серафима, Н. А. Мотовиловъ, видѣвшій въ «земствѣ» начало конца Россіи!

Судебныя реформы 1864 года? Съ момента ихъ изданія правосудіе было уничтожено, и судъ только усилилъ оппозицію земства. Фемида явилась самодовлѣющимъ началомъ, согласованіе котораго съ началами государственными признавалось посягательствомъ на судейскую совѣсть. И никто болѣе не подорвалъ устоевъ государственности, какъ судебная реформа,

съ пресловутымъ судомъ присяжныхъ, апплодировавшихъ каждому государственному преступленію и съ дикимъ злорадствомъ выпускавшихъ политическихъ преступниковъ на свободу...

Тяжело вспоминать объ этой эпохѣ... Какимъ стаднымъ чувствомъ были проникнуты восторги общества и печати, воспѣвавшихъ эту роковую эпоху!.. Отголоски этихъ пѣсней слышатся еще и донынѣ. А между тѣмъ всѣ освободительныя реформы великаго Царя были только орудіемъ развала Россіи въ рукахъ жидовъ. И это доказали большевики... Опрокинувъ Царскій Престолъ и вырвавъ власть изъ рукъ Царя, они въ первую же очередь уничтожили свое собственное дѣтище, Государственную Думу, а затѣмъ и все наслѣдіе «великой эпохи», всѣ реформы Царя-Освободителя, переставшія быть нужными и сослужившія уже свою службу, отдавши жидамъ всю Россію... Подлинная эпоха великихъ реформъ и подлинное освободительное движеніе только впереди; но мы уже едва ли доживемъ до этого времени...

Сознаю, что эпоха великихъ реформъ, созданная столько же интригами интернаціонала, сколько идейнымъ вдохновеніемъ благороднѣйшаго Царя, имѣла не только однѣ отрицательныя стороны, но и много положительныхъ. Однако этимъ послѣднимъ не суждено было родить благихъ результатовъ вслѣдствіе того духа времени, въ этмосферѣ котораго протекла эпоха, насквозь проникнутая общимъ сентиментализмомъ XIX вѣка, этимъ «завоеваніемъ» французской революціи, отравившимъ своимъ ядомъ всю Европу.

«Народъ» есть понятіе отвлеченное, и «геній народа» существуетъ только въ воображеніи. Все лучшее и возвышенное шло и всегда будетъ идти отъ верховъ, а не отъ низовъ. И не «народъ» далъ Россіи и всему міру Пушкина и Достоевскаго, Глинку и Чайковскаго, Васнецова и Нестерова, а наоборотъ, эти геніальные люди подѣлились съ народомъ тѣми дарами, какіе получили отъ Бога. Народъ же, какъ таковой, чаще даетъ Алексѣевыхъ, Рузскихъ и Корниловыхъ, Гучковыхъ, Милюковыхъ и Керенскихъ. Уклоненія въ ту или иную сторону были и будутъ, но подорвать цѣнность утвержденія, что не мы должны учиться у народа, а, наоборотъ, народъ долженъ учиться у образованной и вѣрующей интеллигенціи, они не могутъ. Ссылки на безвѣріе интеллигенціи и параллельныя ссылки на вѣру народа — плодъ или недоразумѣнія, или того же сентиментализма, ибо все то, предъ чѣмъ, въ этой области, преклоняется общество, повторяя слова Достоевскаго о «народѣ-богоносцѣ», находило и будетъ находить въ средѣ интеллигенціи гораздо болѣе полное и глубокое выраженіе, чѣмъ въ средѣ крестьянства. Между тѣмъ, всѣ реформы

освободительной эпохи прошли подъ этимъ угломъ зрѣнія и, вмѣсто того, чтобы сблизить народъ съ интеллигенціей, разъединили ихъ. Какъ интеллигенція, безъ народа, останется безъ корней, такъ народъ, безъ интеллигенціи, останется безъ плодовъ.

Чѣмъ пристальнѣе я всматривался въ дали, открывавшіяся моему мысленному взору, тѣмъ яснѣе было для меня сознаніе, что единственнымъ осмысленнымъ, разумнымъ дѣломъ момента являлась бы безпощадная борьба съ разбойниками, завлекавшими Россію въ пропасть, и что эта борьба должна быть смѣлой и рѣшительной. Отсюда мой пессимизмъ, ибо я не только не видѣлъ людей, способныхъ вести такую борьбу, но не видѣлъ даже тѣхъ, кто признавалъ бы такую борьбу необходимой. Прогрессивная общественность, состоявшая изъ преступниковъ, конечно, не могла требовать такой борьбы; а либеральная власть видѣла свою задачу въ непротивленіи злу и, стараясь примирять непримиримое, изыскивала какіе то средніе пути, вмѣсто того, чтобы говорить съ злодѣями и разбойниками языкомъ висѣлицъ и пулеметовъ.

Прочитывая теперь свои прежнія рѣчи, я вижу въ нихъ отраженіе того, что видѣлъ съ того мѣста, на которомъ стоялъ, отраженіе того настроенія, какое свидѣтельствовало о моей подавленности и одиночествѣ и о томъ, что зловѣщія предчувствія ужасовъ, надвигавшихся на Россію, меня не обманывали...

3 Ноября въ Синодъ явилась депутація моихъ прежнихъ сослуживцевъ по Государственной Канцеляріи, сотрудниковъ моей редакціи, и поднесла мнѣ на память фотографическую группу... Меня очень тронуло такое вниманіе и, въ отвѣтъ на обращенныя ко мнѣ рѣчи, я сказалъ своимъ друзьямъ слѣдующую рѣчь: «Дорогіе друзья мои!. Трогаетъ меня Ваша любовь къ Вашему бывшему начальнику и, если бы Вы только знали, какъ глубока моя признательность къ Вамъ и, въ то же время, какъ искренна скорбь о разлукѣ съ Вами... Я называю Васъ своими друзьями, какъ называлъ и тогда, когда былъ Вашимъ начальникомъ, когда, стоя во главѣ Редакціи, руководилъ Вашими занятіями въ родныхъ стѣнахъ дорогого намъ Маріинскаго Дворца. Знаете ли Вы о томъ, какъ много нужно для того, чтобы начальникъ называлъ своихъ подчиненныхъ своими друзьями, сколько нужно взаимнаго пониманія, сколько довѣрія, сколько уваженія! Увы, все это можно было найти только въ Государственной Канцеляріи, этомъ средоточіи людей чести, высокихъ нравственныхъ понятій, глубокаго пониманія служебнаго долга, связанныхъ между собою общностью воспитанія и благородными традиціями рода, преемственно передаваемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Мы составляли одну дружную семью, гдѣ іерархическія рамки различія служебнаго положенія создавались не внѣшними требованіями субординаціи и дисциплины, а взаимнымъ тактомъ и глубокимъ пониманіемъ психологіи власти, достойнѣйшими представителями которой мы были окружены. Мы видѣли предъ собою, въ лицѣ представителей власти, сочетаніе огромныхъ знаній, наряду съ величайшимъ смиреніемъ; мы видѣли тяжелое бремя обязанностей, какое они несли съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, но не видѣли того, чтобы кто либо изъ нихъ величался своими преимуществами, или жаловался на свое бремя.

Два, всего два мѣсяца тому назадъ, я вступилъ въ Синодальный Домъ, и что я могу сказать Вамъ, какими впечатлѣніями могу подѣлиться!..

Несмотря на величайшія усилія, мнѣ не удалось еще найти общаго языка для разговоровъ со своими сослуживцами; я не привыкъ еще и, кажется, никогда не привыкну къ той специфической атмосферѣ, какою пропитаны стѣны этого Дома... Я вижу здѣсь людей другого склада, иного духа, иныхъ понятій, въ отношеніи которыхъ мои обычные пріемы общенія съ сослуживцами, столь хорошо Вамъ извѣстные, оказываются непригодными... Здѣсь въ каждомъ начальникѣ видятъ лишь носителя правъ и привилегій; здѣсь совершенно не учитывается ни юридическая, ни нравственная отвѣтственность власти, и въ этомъ учрежденіи Духовнаго вѣдомства — нѣтъ никакой духовной связи ни между начальниками и подчиненными, ни между этими послѣдними другъ съ другомъ. Отсюда взаимныя недовѣріе и неискренность, соблюденіе внѣшнихъ требованій отношенія къ начальству, часто даже въ ущербъ личному достоинству, а наряду съ этимъ глубоко сокрытое недоброжелательство и зависть, хитрость и обманъ... Все это до крайности осложняетъ мою задачу установленія добрыхъ, простыхъ, искреннихъ отношеній съ моими сослуживцами и отягощаетъ бремя той ноши, какое я долженъ нести... Правда, говорятъ, что цѣлительное время сглаживаетъ всякія неровности... Это вѣрно; но бѣда въ томъ, что времени больше не будетъ, и я не обольщаю себя никакими иллюзіями. Да, повторяю Вамъ еще разъ — времени больше не будетъ... Каждый изъ насъ останется въ глазахъ другихъ тѣмъ, чѣмъ былъ; но новыхъ друзей мы не успѣемъ уже пріобрѣсти. Вотъ почему нужно вдвойнѣ дорожить старыми, вотъ почему мнѣ такъ дорога ваша любовь и то выраженіе, какимъ Вы ее увѣковѣчиваете, и какое останется для меня послѣдней памятью отъ моихъ послѣднихъ друзей.» Изъ числа участниковъ этой депутаціи одинъ только Даніилъ Леонидовичъ Серебряковъ остался въ живыхъ, чудомъ спасшись отъ большевиковъ; остальные погибли, а мой

ближайшій сотрудникъ, замѣстившій меня, и назначенный редакторомъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, тихій и скромный Валеріанъ Валеріановичъ Свенске, какъ мнѣ сообщали, сошелъ съума, подавленный ужасами революціи.

ГЛАВА XLVII.

Рѣчь члена государственной думы П. Н. Милюкова І-го ноября 1916 г.

Въ составѣ Совѣта министровъ было много способныхъ и энергичныхъ людей: въ условіяхъ нормальной государственной жизни, каждый изъ нихъ оставилъ бы крупный слѣдъ. Но даже у найболѣе увѣренныхъ въ себѣ оптимистовъ опускались руки при встрѣчѣ съ тѣми злодѣяніями, какія пускались въ обращеніе Думою въ ея неудержимомъ стремленіи опрокинуть Тронъ и свергнуть Царя. Съ высоты думской кафедры раздавались все болѣе возмутительныя рѣчи, отравлявшія своимъ ядомъ все большіе круги и вносившія разложеніе въ толщу народа и даже армію.

Думали ли объ этомъ думскіе ораторы, всходившіе на кафедру, съ заготовленными рѣчами?! Полагаю, что, если и думали, то не всѣ, а только тѣ, кто былъ игрушкою въ рукахъ интернаціонала и выполнялъ его заданія. Всѣ же прочіе были только рабами толпы, глупыми и наивными людьми, смаковавшими то впечатлѣніе, за которымъ гнались, съ цѣлью сорвать рукоплесканія. Эта погоня за дешевой славой, свойственная только ограниченнымъ людямъ, и вдохновляла бездарныхъ ораторовъ, подбиравшихъ въ своихъ рѣчахъ найболѣе хлесткія словечки и выраженія, разсчитанныя на впечатлѣніе, какое дастъ въ итогѣ нѣсколько лишнихъ апплодисментовъ. . .

О Россіи же въ тѣ моменты никто изъ нихъ не думалъ.

Найболѣе типичною фигурою среди этихъ самовлюбленныхъ въ себя тупыхъ людей былъ прославленный, извѣстно кѣмъ, «профессоръ» П. Н. Милюковъ. Его рѣчи были найболѣе развязны и свидѣтельствовали не только о его личной ненависти къ Ихъ Величествамъ, но и о томъ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто, по идейнымъ или неидейнымъ мотивамъ, выполнялъ опредѣленныя заданія интернаціонала и шелъ открыто къ ниспроверженію Царскаго Трона. І Ноября этотъ господинъ произнесъ свою проклятую Богомъ и всѣми честными людьми рѣчь. . . Что это была за рѣчь! Полная гадкихъ выпадовъ противъ Ея Величества, эта рѣчь была до того гнусна, такъ пошла, до того цинична и преступна, что я до сего дня недоумѣ-

ваю, какимъ образомъ могло случиться, что этотъ Милюковъ получилъ въ награду за нее громъ рукоплесканій, а не висѣлицу, и продолжаетъ даже до сихъ поръ дѣлать свое преступное дѣло.

Это была не рѣчь, а призывъ къ открытому возстанію, и совершенно логичными явились вопли истеричнаго Керенскаго: «когда же, когда наконецъ!» раздавшіеся въ думскомъ залѣ вслѣдъ за рѣчью Милюкова и призывавшіе къ открытымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. . .

Какое впечатлѣніе произвела рѣчь Милюкова на армію — говорить не нужно; однако я не могу воздержаться, чтобы не привести отрывка изъ воспоминаній одного изъ тѣхъ генераловъ, кто грудью своею отстаивалъ честь и достоинство Россіи и, ведя борьбу на фронтѣ, отбивался одновременно отъ тѣхъ преступниковъ, кто, въ тиши своего кабинета, разлагалъ армію и мѣшалъ его честной, полной самоотверженія и героизма, работѣ.

Вотъ что пишетъ генералъ П. Н. Красновъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Памяти Императорской русской арміи,» напечатанныхъ въ «Русской Лѣтописи», книга 5, стр. 56:

«. . . Въ началѣ Декабря 1916 года, когда вся армія замерла на оборонительной позиціи, старшій адъютантъ штаба ввѣренной мнѣ дивизіи принесъ большую кипу листовъ газетнаго формата. На нихъ въ нѣсколькихъ столбцахъ была напечатана рѣчь П. Н. Милюкова, произнесенная 1 Ноября. Эта рѣчь была полна злобныхъ, клеветническихъ выпадовъ противъ Государыни, и опровергнуть ее было легко. Я приказалъ листки эти уничтожить, а самъ объѣхалъ полки и всюду имѣлъ двухчасовую бесѣду съ офицерами. Рѣчь Милюкова проникла въ полки. О ней говорили въ летучкѣ Союза городовъ; о ней говорили въ полкахъ.

Приходилось брать быка за рога, прочитать эту рѣчь передъ офицерами и по пунктамъ опровергать ее. Наблюдая за офицерами во время бесѣды, разговаривая съ ними послѣ нея, легко было подмѣтить разницу между офицерами стараго воспитанія и новыми. Старые были враждебно настроены противъ Милюкова. «Эта рѣчь сама по себѣ — измѣна», говорили они. «Мы тутъ на позиціи жертвуемъ собою, а они тамъ разговариваютъ. . . Конечно, эта рѣчь станетъ извѣстна нѣмцамъ и какъ ихъ обрадуетъ! Не Мясоѣдовъ и не Штюрмеръ измѣнники, а измѣнникъ Милюковъ. . . Какъ онъ смѣлъ такъ говорить про Императрицу! . . Что же представляетъ собою сама Дума, если въ ней могутъ быть произносимы такія рѣчи?»

Но были и другіе толки.

«Господа» — говорила молодежь: «это не измѣна, это — мужество. Говоря такъ, Милюковъ головою рисковалъ и добивался правды. И мы должны быть ему благодарны. Онъ не

измѣнникъ, а патріотъ. Начальникъ дивизіи говоритъ, что это клевета; но онъ говоритъ неправду... Онъ такъ говоритъ, потому что онъ начальникъ и генералъ. Онъ самъ воспитанъ въ «безпредѣльной преданности Государю»; а между тѣмъ преданность должна быть разумная»...

Бесѣдуя на эту тему съ своими сосѣдями по фронту — начальниками пѣхотныхъ дивизій — я убѣдился, что тамъ рѣчь Милюкова была сочтена за Великое откровеніе[1]), за программу, и тѣ немногіе офицеры, которые протестовали противъ нея, должны были замолчать. Тамъ молчали даже старшіе начальники, подавленные мнѣніемъ большинства. Въ нѣкоторыхъ полкахъ эту рѣчь читали и солдатамъ, [illegible] особенно широко распространялась она по тыламъ, по [illegible]андамъ ополченія, маршевымъ ротамъ и по госпиталямъ. За[illegible]за шла въ армію...»

Предположить, что Милюковъ не учитывалъ впечатлѣнія отъ своихъ рѣчей на массы, конечно, нельзя. Значитъ, онъ дѣйствовалъ умышленно, значи[illegible] — [illegible]ъ измѣнникомъ и предателемъ сознательнымъ...

Претитъ нравственному чувству в[illegible] преступленіе, въ чемъ бы оно ни выражалось; однако, упоминая на страницахъ своихъ воспоминаній преступное имя Милюкова, я не могу не противопоставить этому имени свѣтлыя имена С. В. Таборицкаго и П. Н. Шабельскаго-Боркъ, тѣхъ пламенныхъ патріотовъ и горячихъ, вѣрныхъ сыновъ Россіи, какіе и поднесь томятся въ тюрьмѣ и попали туда только потому, что трехмилліонная русская эмиграція во-время не заступилась за нихъ, не закричала громко о томъ, о чемъ думаютъ всѣ русскіе честные люди, о томъ, что, какъ бы велико ни было преступленіе этихъ юношей, выразившееся въ покушеніи на убійство Милюкова, но преступленія этого послѣдняго, убившаго всю Россію, были еще больше. Съ точки зрѣнія уголовнаго кодекса, въ ихъ дѣяніи былъ составъ преступленія; но съ точки зрѣнія тѣхъ высшихъ душевныхъ движеній, какія стоятъ надъ этимъ кодексомъ, было не преступленіе, а пламенная, не знающая предѣловъ, любовь къ Россіи, загубленной Милюковымъ, любовь, нашедшая, къ сожалѣнію, неудачное выраженіе. И пора, давно пора объединиться русской эмиграціи въ общемъ голосѣ за правду, за облегченіе участи страдальцевъ, и сказать Германіи, за что же она, такъ бережно охраняющая святыя начала патріотизма, столь равнодушно отнеслась къ высокимъ душевнымъ движеніямъ подсудимыхъ; за что наказала своихъ же друзей и, въ угоду общественному мнѣнію и натиску жидовъ, заступилась за Милюкова, своего злѣйшаго врага?!..

---

[1]) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

ГЛАВА XLVIII.

Членъ государственной думы В. П. Шеинъ.

«Записка», составленная Товарищемъ Прокурора Екатеринославскаго Окружного Суда В. М. Рудневымъ на основанiи данныхъ, полученныхъ имъ во время командированiя его въ 1917 году, по распоряженiю Керенскаго, въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссiю по разсмотрѣнiю злоупотребленiй бывшихъ Министровъ, Главноуправляющихъ и другихъ должностныхъ лицъ, въ достаточной мѣрѣ освѣтила истинную природу тѣхъ фактовъ, которыми преступники пользовались для ниспроверженiя Императорскаго Трона и династiи. О томъ, что всѣ эти факты были вымышлены и создавались съ опредѣленною злостною цѣлью использовать темноту и легковѣрiе невѣжественной, загипнотизированной толпы и планомѣрною клеветой дискредитировать священныя имена Царя и Царской Семьи, объ этомъ знали не только сами клеветники, не только окружавшiя Государя близкiя ко Двору лица, но знали всѣ, мало мальски отдававшiе себѣ отчетъ въ революцiонномъ настроенiи Думы и худшей части общества... Всѣ они прекрасно учитывали и истинное значенiе Распутина... Однако гипнозъ былъ такъ великъ, революцiонныя вожделѣнiя такъ сильны, что только очень немногiе удерживались на позицiи объективной оцѣнки фактовъ и разсматривали ихъ сквозь призму долга къ Государю и Россiи. Государственная Дума создавала и регулировала общественное настроенiе, отравляя ядомъ клеветы всю Россiю; оттуда шли нити заговора противъ Царя и династiи; тамъ было средоточiе всѣхъ революцiонныхъ замысловъ; на нее оглядывались, съ нею считались, и даже правительство, въ лицѣ Совѣта министровъ, искало путей къ соглашательству съ Думою, вмѣсто того, чтобы однимъ ударомъ уничтожить ее...

Какъ я ни чуждался Думы, какъ ни уклонялся отъ какого бы то ни было соприкосновенiя съ партiями, все же, въ глазахъ общества, я имѣлъ опредѣленную репутацiю монархиста, дававшую жидовской прессѣ поводъ называть меня «извѣстнымъ реакцiонеромъ». Этого одного факта было, конечно, достаточно для того, чтобы я оказался неугоднымъ Думѣ. Вотъ почему, когда печать впервые назвала мое имя въ числѣ кандидатовъ на постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, или Товарища его, то поднялась та обычная и никого уже болѣе не удивлявшая травля, какая сопровождала каждаго, входившаго въ составъ Правительства... Совершенно ясно, что не въ интересахъ революцiонной Думы было закрѣплять позицiю Монарха и усиливать Правительство монархическими элементами, да-

вая своимъ врагамъ оружіе въ руки... Но это было въ интересахъ каждаго вѣрнаго подданнаго, каждаго честнаго и мало мальски разумнаго человѣка. До Распутина, борьба съ этими элементами была трудною и длительною: требовалось много данныхъ, чтобы опорочить ихъ; требовались доказательства... Съ появленіемъ Распутина, ничего этого не нужно было. Достаточно было сказать, что такой то видѣлъ Распутина, чтобы бросить на него тѣнь подозрѣнія въ нравственной нечистотѣ... Что онъ разговаривалъ съ нимъ — чтобы превратить эти подозрѣнія въ непреложный фактъ... Съ точки зрѣнія тонко задуманныхъ и геніально проводимыхъ революціонныхъ программъ, такая система дѣйствій была совершенно понятна; но навсегда останется непростительнымъ тотъ фактъ, что проведенію въ жизнь этихъ преступныхъ программъ содѣйствовали и тѣ люди, которые это дѣлали только по своей глупости, не вѣдая того, что творили.

Общій голосъ утверждалъ, что въ устахъ А. Н. Волжина «Распутинъ» былъ только ширмой, коею онъ пользовался столько же для того, чтобы закрѣпить свое положеніе въ Думѣ, сколько и потому, что опасался приглашать въ свои ближайшіе сотрудники Товарища, имѣвшаго шансы сдѣлаться его замѣстителемъ и болѣе его свѣдущаго. Однако я лично держался другого мнѣнія и этихъ мыслей не приписывалъ А. Н. Волжину. Напротивъ, я былъ убѣжденъ, что А. Н. Волжинъ заблуждается добросовѣстно и, какъ выражался Распутинъ, находится ВОЛЖИ, искренно считая меня «распутинцемъ». Да и какъ можно было не считать меня «распутинцемъ», когда я самъ подавалъ поводъ для этого!.. Нужно было быть гораздо болѣе глубокимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ А. Н. Волжинъ, чтобы не соблазняться во мнѣ.

Въ то время, какъ на имени Распутина отыгривались малодушные люди, когда отношеніе къ этому имени сдѣлалось критеріемъ нравственной цѣнности людей, когда неумные люди тѣмъ громче кричали о Распутинѣ, чѣмъ громче желали засвидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства къ Государю; въ то время, когда малѣйшее противодѣйствіе этимъ крикамъ вызывало гоненія противъ смѣльчаковъ, которыхъ клеймили прозвищемъ «распутинецъ», что являлось смертнымъ приговоромъ въ глазахъ «общественнаго» мнѣнія — въ это время я былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые смѣло и безбоязненно проповѣдовали обратное, доказывая, что крики о Распутинѣ опаснѣе самого Распутина, и что никто не смѣетъ посягать на волю Помазанника Божьяго.

«Смотрите, слѣпые вы люди, откуда идутъ крики о Распутинѣ!» – кричалъ я вездѣ, гдѣ только могъ: «Развѣ вы не видите, что ваши голоса сливаются съ голосами, идущими изъ Государ-

ственной Думы, изъ еврейской печати, съ голосами тѣхъ, которымъ важенъ не Распутинъ, а Царь и династія, кто кричитъ о Распутинѣ не для того, чтобы удалить его отъ Царя, а, наоборотъ, для того, чтобы еще болѣе прикрѣпить къ Царю?! Ради этого то и сочиняются всѣ ужасы о поведеніи Распутина, чтобы дискредитировать, дружбою Царя съ развратникомъ, священное имя Монарха... Зачѣмъ же вы идете вмѣстѣ съ ними и своими криками увеличиваете число Царскихъ враговъ?! Потому что, замалчивая имя Распутина, боитесь сами прослыть «распутинцами»!.. Да кому вы нужны! и не все ли равно Россіи, чѣмъ васъ будутъ считать?.. Гдѣ же ваши присяги и обѣты жизнь свою положить за Царя, если опасеніе сдѣлаться въ глазахъ жидовской прессы «распутинцами» до того велико, что вы гораздо больше заботитесь о собственномъ престижѣ, чѣмъ о престижѣ Царя. Думайте о Царѣ и Россіи, а не о томъ, чѣмъ васъ будутъ считать общество и пресса. Не прикасайтесь къ Тому, Кого Самъ Господь Богъ назвалъ Помазанникомъ Своимъ! Не смѣйте вторгаться въ личную жизнь Царя, чрезъ котораго Господь творитъ Свою Волю, ибо Богъ поругаемъ не бываетъ, и Тотъ, Кто сказалъ: «Мнѣ отмщеніе Азъ воздамъ», настигнетъ васъ... Теперь вы ходите съ гордо поднятой головой; но придетъ часъ, когда вы покраснѣете отъ стыда при одной мысли о томъ, какими глупыми способами «защищали» Престолъ и династію, являясь безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто разрушалъ ихъ»...

«Распутинецъ!» — раздавалось изъ толпы.

И А. Н. Волжинъ этому повѣрилъ, не потрудившись даже оглянуться въ сторону, чтобы увидѣть, кто вмѣстѣ съ нимъ раздѣлялъ такую вѣру... Тамъ были или очень глупые, или очень дурные люди... А на другой сторонѣ стояли Царь съ Царицею и тѣ люди, которымъ психогія моего отношенія къ Распутину была понятна, и которые осуждали А. Н. Волжина.

«Ошибкѣ» А. Н. Волжина суждено было не ограничиться только тѣмъ, что она закрѣпила въ моемъ сознаніи ходячее мнѣніе о А. Н. Волжинѣ, какъ неглубокомъ человѣкѣ, но и вызвать гораздо болѣе печальныя послѣдствія.

Мой бывшій сослуживецъ по Государственной Канцеляріи, членъ Государственной Думы Василій Павловичъ Шеинъ, съ коимъ меня связывала тѣснѣйшая дружба, сталъ все чаще и чаще навѣщать меня и предупреждать объ ударахъ, которые не сегодня-завтра разразятся надъ моей головою... Я былъ совершенно озадаченъ и ничего не понималъ.

Пришелъ ко мнѣ, однажды, Василій Павловичъ поздно вечеромъ и чуть ли не шопотомъ просилъ меня выйти куда нибудь изъ дома, гдѣ и стѣны имѣютъ уши, чтобы сдѣлать мнѣ важное сообщеніе... Онъ былъ до того встревоженъ, что его

безпокойство заразило и меня... Когда мы зашли въ отдѣльный кабинетъ какого то ресторана, то Василій Павловичъ, умоляющимъ тономъ, сказалъ мнѣ:

«Я знаю, что Вы меня любите: поэтому прошу Васъ, сдѣлайте ради меня, поѣзжайте завтра же къ члену Думы В. Н. Львову съ визитомъ, на квартиру.» «Зачѣмъ?» — удивился я — «вѣдь я только одинъ разъ встрѣтился съ нимъ у Васъ, въ прошломъ году, и его почти не знаю: онъ только удивился бы моему визиту.»..

«Нѣтъ, нѣтъ» — горячо перебилъ меня В. П. Шеинъ — «это нужно для Васъ же: онъ готовитъ ужасную рѣчь противъ Васъ и забросаетъ Васъ грязью. Эту рѣчь нельзя допустить: нужно предотвратить скандалъ»...

«Но въ чемъ же онъ можетъ обвинить меня? Я не знаю за собою никакихъ преступленій и не боюсь никакихъ разоблаченій... Но, если онъ дѣйствительно собирается забросать меня грязью, тогда тѣмъ болѣе я не могу ѣхать къ нему и выпрашивать его милость... Не нахожу возможнымъ визитъ къ нему и по принципіальнымъ соображеніямъ... Члены Думы занимаютъ въ отношеніи правительства такую недопустимо наглую позицію, что я не считаю возможнымъ никому изъ нихъ дѣлать визитовъ... Они могутъ ругать въ Думѣ какъ имъ угодно, но добиться того, чтобы члены правительства признавали за ними право это дѣлать, они не смогутъ. Мой визитъ только закрѣпилъ бы позицію Львова, и я категорически отклоняю самую возможность такого визита»...

«Князь, смотрите, чтобы не было хуже: я во время предупредилъ Васъ; еще есть время» — сказалъ взволнованный В. П. Шеинъ, болѣвшій обо мнѣ и желавшій избавить меня отъ грядущей бѣды.

«Василій Павловичъ» — обратился я къ нему: «скажите, что же можетъ сказать Львовъ? Вѣдь онъ совершенно меня не знаетъ; а за два съ половиной мѣсяца службы въ вѣдомствѣ я, и при желаніи, не могъ бы совершить никакихъ преступленій; напротивъ, ваше же думское духовенство, говорятъ, превозноситъ меня за проведенный уставъ о пенсіяхъ»...

«Развѣ онъ имѣетъ въ виду вашу личность?! Вы — членъ правительства, а онъ членъ оппозиціи правительству: вотъ и всѣ мотивы его рѣчи; а человѣкъ онъ шалый... О чемъ онъ собирается говорить, я не знаю... Свою рѣчь онъ тщательно скрываетъ, но говоритъ, что матеріалъ для нея получилъ отъ Волжина.»..

«Хорошо, Василій Павловичъ: я готовъ встрѣтиться съ Львовымъ, чтобы опровергнуть полученный имъ матеріалъ; но только при одномъ условіи: если эта встрѣча будетъ случайной и произойдетъ у Васъ на квартирѣ» — сказалъ я.

«Ничего не выйдетъ» — отвѣтилъ В. П. Шеинъ: «вся сила въ Вашемъ личномъ визитѣ. Это польститъ его самолюбію: вѣдь члены Думы, хотя и бранятъ правительство, но больше по зависти, ибо сами хотятъ быть министрами»...

«Это я давно знаю, но именно по этому и не могу унижаться предъ Львовымъ» — отвѣтилъ я.

Такъ наша бесѣда, затянувшаяся далеко за полночь, ничѣмъ и не кончилась, и я разстался съ своимъ вѣрнымъ другомъ, незабвеннымъ Василіемъ Павловичемъ, огорчивъ его своимъ отказомъ исполнить его просьбу.

Тѣмъ не менѣе, я нѣсколько разъ ѣздилъ, послѣ этого, въ Думу, съ намѣреніемъ встрѣтиться съ В. Н. Львовымъ; но видѣлъ его только на засѣданіяхъ въ Думскомъ залѣ; во время же перерывовъ онъ куда то исчезалъ, умышленно прячась отъ меня, и усилія В. П. Шеина найти его не приводили къ цѣли...

Насталъ, наконецъ, день 29 Ноября, и В. Н. Львовъ разразился своей рѣчью... Ужаснаго въ ней ничего не было: сказать ее могъ только тотъ, кто уже два раза сидѣлъ въ больницѣ для душевно больныхъ и собирался сѣсть туда и въ третій разъ... Это была рѣчь дегенерата, сумасшедшаго, рѣчь шулера, передергивавшаго карты...

ГЛАВА IL.

Рѣчь члена государственной думы В. Н. Львова 29 ноября 1916 г. Свиданіе съ А. Н. Волжинымъ.

При всей своей впечатлительности, заставлявшей меня болѣзненно реагировать на то, мимо чего проходили съ полнымъ равнодушіемъ другіе, менѣе истерзанные нервно люди, предостереженія В. П. Шеина не произвели на меня никакого впечатлѣнія. Относясь къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, какъ къ долгу предъ Богомъ, просиживая ночи за письменнымъ столомъ, не имѣя личной жизни и отдаваясь безраздѣльно службѣ, я былъ увѣренъ, что самые строгіе судьи не нашли бы поводовъ для какихъ либо упрековъ, тѣмъ менѣе обвиненій, и, потому, не только не интересовался рѣчью В. Н. Львова, но и тѣмъ, когда онъ намѣренъ ее произнести.

Я узналъ о ней лишь нѣсколько дней спустя, когда В. П. Шеинъ принесъ мнѣ стенографическій отчетъ объ этой рѣчи.

Въ рѣчи, какую могъ произнести только одержимый, значилось, что «темныя силы» проникли уже за церковную ограду и свили себѣ гнѣздо въ самомъ Синодѣ, и что дальше уже тер-

пѣть нельзя, ибо въ опасности находится самое дорогое достояніе русскаго народа — Православная Церковь. Какъ на иллюстрацію такого угрожающаго положенія, указывалась исторія созданія должности второго Товарища Оберъ-Прокурора и моего назначенія на эту должность, причемъ эта исторія излагалась такъ:

«Явился къ Оберъ-Прокурору Волжину нѣкій князь Жеваховъ, потребовалъ отъ него списокъ должностныхъ лицъ и заявилъ, что желаетъ получить мѣсто въ вѣдомствѣ съ окладомъ не ниже 10000 рублей въ годъ. Когда Волжинъ заявилъ, что такимъ жалованьемъ оплачивается только должность Товарища Оберъ-Прокурора, какая занята, то князь Жеваховъ, нисколько не смущаясь, отвѣтилъ Волжину: «что-жъ такое, что занята: создайте другую»... И Волжинъ, зная, кто стоитъ за спиною князя, и на какія темныя силы послѣдній опирается, сталъ всячески изворачиваться, однако ничего не могъ сдѣлать и, въ концѣ концовъ, былъ вынужденъ создать новую должность второго Товарища Оберъ-Прокурора спеціально для князя Жевахова, ad hoc. Конечно, онъ не рѣшился войти въ Государственную Думу съ такимъ ходатайствомъ, ибо зналъ; что Дума откажетъ ему въ кредитахъ; но онъ обошелъ законъ съ другого конца, въ результатѣ чего содержаніе по новой должности отнесено на счетъ свѣчныхъ суммъ и остатковъ отъ кредитовъ, идущихъ на церковныя школы... «Знайте же, господа», — патетически закончилъ В. Н. Львовъ свою рѣчь — «что каждая копѣйка, какую вы жертвуете на свѣчку, ставя ее въ храмѣ Божіемъ, предъ иконою, идетъ теперь въ карманъ князя Жевахова»...

Оглушительныя рукоплесканія были наградою дегенерату.

Я же черпалъ источникъ величайшаго удовлетворенія въ тѣхъ крикахъ, какіе сопровождали каждое слово этой рѣчи и сводились къ вопросамъ: «кто такой Жеваховъ, откуда онъ взялся!»...

Эти вопросы служили лучшей оцѣнкой рѣчи В. Н. Львова и лучшимъ моимъ оправданіемъ, ибо оставаться совершенно неизвѣстнымъ Думѣ, оперировавшей даже подпольнымъ матеріаломъ, и пресыщенной агентурными свѣдѣніями, могъ только тотъ, кто дѣйствительно не думалъ о своей карьерѣ и менѣе всего былъ способенъ на тѣ дѣйствія, какія ему приписывались.

Тѣмъ не менѣе, получивъ стенограмму рѣчи, я немедленно отправился къ А. Н. Волжину. Онъ, конечно, не могъ меня ожидать, и мое появленіе въ его кабинетѣ озадачило его... Принужденно улыбаясь, А. Н. Волжинъ засыпалъ меня вопросами о томъ, что дѣлается въ Синодѣ, какъ идутъ дѣла, повѣсили ли его портретъ и въ какомъ мѣстѣ и пр.

«Вы читали рѣчь Львова?» — обратился я къ А. Н. Волжину съ вопросомъ.

«Да. Ничего значительнаго» — какъ то нехотя и небрежно отвѣтилъ онъ.

«Наоборотъ, она весьма значительна» — возразилъ я: «въ ней сдѣлана ссылка на Вашу бесѣду со мною, когда Вы предъявили мнѣ списокъ чиновъ Синодальнаго Вѣдомства, и я, не разсматривая этого списка, вернулъ Вамъ его обратно... Помните?.. Вы, вѣрно, не забыли еще, что предѣломъ моихъ желаній, высказанныхъ Вамъ, по Вашему принужденію, была должность сверхштатнаго члена Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ; что о жалованьѣ не было и не могло быть даже рѣчи и что, если бы Вы даже предложили его мнѣ, то я бы долженъ былъ отказаться отъ него, какъ отказался и отъ десятитысячнаго оклада, предложеннаго мнѣ по должности члена Главнаго Управленія по дѣламъ печати, ибо не желалъ разставаться съ Государственной Канцеляріей, а занимать двѣ штатныя должности въ двухъ разныхъ вѣдомствахъ — невозможно; что я никогда не выставлялъ своей кандидатуры на должность товарища оберъ-Прокурора и ни съ какими требованіями къ вамъ не обращался... Если, несмотря на это, В. Н. Львовъ ссылается въ своей рѣчи на Вашу бесѣду со мною и говоритъ, что получилъ матеріалъ для этой рѣчи отъ Васъ, то важно установить, въ какомъ видѣ онъ получилъ этотъ матеріалъ отъ Васъ. Вы ли снабдили его невѣрными свѣдѣніями, или онъ самъ исказилъ ихъ? За отвѣтомъ на этотъ вопросъ я и пріѣхалъ къ Вамъ. Ввиду ссылокъ В. Н. Львова на Васъ, а также въ виду того, что въ матеріалахъ, полученныхъ отъ Васъ, содержится прежде всего клевета на Государя, ибо не Распутинъ, а Государь повелѣлъ Вамъ представить меня къ назначенію, я требую, чтобы клевета была опровергнута лично Вами. Если Вы этого не сдѣлаете, тогда, оставаясь въ убѣжденіи, что В. Н. Львовъ использовалъ только готовый матеріалъ, отъ Васъ полученный, я лично оглашу въ печати содержаніе нашихъ бесѣдъ, разскажу о томъ, чѣмъ эти бесѣды вызывались и подъ какимъ угломъ зрѣнія велись Вами... Я не виноватъ, что Вы совершенно меня не постигали и не понимали... Отъ этого мнѣ не легче: клевету я долженъ сбросить»...

А. Н. Волжинъ былъ очень смущенъ; однако же опредѣленно отвѣтилъ мнѣ: «Львовъ такая сволочь, что я не только не принимаю его у себя, но и руки ему не протягиваю... И стоитъ ли Вамъ обращать вниманіе на то, что говоритъ Львовъ... Вспомните, какъ меня травили и какою грязью забрасывали, а развѣ я обращалъ на это вниманіе?! Совѣтую и Вамъ посту-

пить такъ же; все равно теперь никто никакимъ опроверженіямъ не повѣритъ»...

Въ этихъ словахъ не заключалось, однако, отвѣта на предложенный мною вопросъ, и потому я повторилъ его:

«Я желалъ бы, однако, знать, откуда В. Н. Львовъ получилъ матеріалъ для своей рѣчи, и намѣрены ли Вы возстановить наши бесѣды въ ихъ подлинномъ видѣ и тѣмъ опровергнуть клевету?»..

«Можетъ быть я и дѣлился съ кѣмъ либо своими впечатлѣніями» — отвѣтилъ А. Н. Волжинъ — «но того, что значится въ рѣчи Львова, я не говорилъ. А что касается опроверженій, то я не только не могу этого сдѣлать, но и Васъ прошу воздержаться отъ нихъ... Стоитъ ли начинать опять все сначала!».

«Въ такомъ случаѣ я самъ это сдѣлаю и сдѣлаю это такъ, чтобы навсегда разсѣять сомнѣнія въ томъ, что Государь Императоръ и Распутинъ не одно и тоже, и что, получивъ личное повелѣніе Его Величества о моемъ назначеніи, Вы не имѣли ни права, ни основаній распускать слухи объ участіи Распутина въ моемъ назначеніи, чего вы ни въ какомъ случаѣ не могли бы доказать.»

Сказавъ это, я откланялся.

Съ отмѣнною любезностью и законченными движеніями гофмейстера, проводилъ меня А. Н. Волжинъ въ переднюю, продолжая настаивать на безполезности какихъ либо опроверженій и достигая этимъ какъ разъ обратныхъ цѣлей... Я допускалъ, что В. Н. Львовъ могъ исказить полученный имъ матеріалъ; но сомнѣній въ томъ, что этотъ матеріалъ былъ переданъ ему А. Н. Волжинымъ, у меня не было.

На другой день я передалъ содержаніе своей вчерашней бесѣды съ А. Н. Волжинымъ директору канцеляріи Оберъ-Прокурора В. И. Яцкевичу, и послѣдній разсказалъ мнѣ исторію посылки въ Ставку всеподданнѣйшаго доклада, съ ходатайствомъ о назначеніи Н. Ч. Заіончковскаго и учрежденіи должности второго Товарища Оберъ-Прокурора, о чемъ было уже разсказано мною выше.

Я не сливался съ окружавшей меня средою и часто былъ той костью, какою давились другіе, особенно въ пору столь требовательной, не терпящей никакихъ компромиссовъ, юности. Клевета не составляла для меня новаго явленія... Она причиняла мнѣ много страданій, но не выбивала меня изъ колеи, не мѣняла моихъ позицій, не переставляла точекъ зрѣнія, не научила приспособляться, тѣмъ болѣе измѣнять принципамъ.

Но рѣчь В. Н. Львова явилась для меня жестокимъ и незаслуженнымъ ударомъ, отъ котораго я даже до сихъ поръ не оправился, и который болѣзненно переживаю и въ настоящее даже время. И это потому, что эта рѣчь зафиксировала то

непостижимое недомысліе даже лучшихъ людей, къ числу которыхъ я относилъ и А. Н. Волжина, которое, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, привело и не могло не привести къ революціи, даже безотносительно къ работѣ спеціальныхъ агентовъ ея.

Не могъ, вѣдь, А. Н. Волжинъ не сознавать того, что, дѣлясь съ членами Думы своими сомнѣніями и подозрѣніями относительно меня, считая меня «распутинцемъ» т. е. по меньшей мѣрѣ нравственно-нечистоплотнымъ человѣкомъ, и одновременно ссылаясь на настоянія Государя Императора представить меня къ назначенію на высокій постъ Товарища Министра, онъ, прежде всего, дискредитировалъ въ глазахъ Думы, а, слѣдовательно, и всей Россіи, Государя Императора?!

Или онъ этого не сознавалъ?..

Потому ли, что онъ дѣйствительно опасался моей конкурренціи и, слѣдовательно, отказывалъ мнѣ въ простой порядочности, потому ли, что желалъ заручиться расположеніемъ Думы, гдѣ его положеніе было невыносимымъ, потому ли, что дѣйствительно искренно сомнѣвался въ моей нравственной чистоплотности, но только онъ не нашелъ ничего умнѣе, какъ пожаловаться на Царя... Члену Думы В. Н. Львову.

А поступить онъ долженъ былъ не такъ.

Предъ нимъ было два выхода на выборъ:

1. Если у него существовали какія либо сомнѣнія относительно меня, то онъ долженъ былъ бы откровенно высказать ихъ мнѣ. Если у него были факты, порочившіе мое имя, то, вмѣсто вкрадчивой любезности, вводившей меня въ заблужденіе, вмѣсто того, чтобы сотни разъ приглашать меня къ себѣ и вести безсмысленные переговоры, онъ не долженъ былъ бы вовсе принимать меня и объяснить мнѣ причины, почему это дѣлаетъ.

2. Если бы эти причины не были приняты во вниманіе Государемъ Императоромъ, то онъ долженъ былъ бы молча выйти въ отставку...

Въ путяхъ охраны престижа Монарха и Россіи другихъ выходовъ не было.

Однако, А. Н. Волжинъ использовалъ тотъ, какой, въ послѣднее время, сталъ обычнымъ, и какимъ пользовались всѣ тѣ, кто дерзалъ приносить въ жертву личной популярности священное имя Монарха — путь апелляціи къ общественному мнѣнію, средоточіемъ котораго была революціонная и враждебно настроенная къ Государю Дума. Отставка наиболѣе популярныхъ въ Думѣ Самарина и графа Игнатьева, переводъ изъ Петербурга въ Кіевъ, пріобрѣвшаго неожиданную популярность въ той же Думѣ, митрополита Владиміра, разсматривались подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, какой исключалъ даже мысль

о вѣрности и преданности Царю. Развѣ эти акты Высочайшей воли разсматривались какъ свободное волеизъявленіе Самодержца и Помазанника Божія?! Нѣтъ, ихъ разсматривали какъ народное бѣдствіе. За оваціями покидавшимъ свой постъ скрывалась самая откровенная враждебная демонстрація противъ Царя, за Которымъ не признавалось права ни на какое самостоятельное проявленіе личной воли, Который долженъ былъ поступать только такъ, какъ того требовала прогрессивная общественность, съ ея штабомъ, Думою, бывшей на поводу у еврейской печати.

ГЛАВА L.

Бесѣда съ предсѣдателемъ совѣта министровъ А. Ф. Треповымъ.

Результаты свиданія съ А. Н. Волжинымъ, разумѣется, не удовлетворили меня. Написавъ краткое, но выразительное «Открытое письмо члену Государственной Думы В. Н. Львову», я послалъ его въ редакцію «Новаго Времени» для напечатанія, о чемъ и протелефонировалъ Н. П. Раеву.

«Что Вы сдѣлали!» — услышалъ я встревоженный голосъ Н. П. Раева: «Бога ради, верните письмо обратно. Предсѣдатель Совѣта Министровъ категорически запретилъ какую бы то ни было полемику съ членами Государственной Думы»...

«Но вѣдь это невозможно!» — возразилъ я: «до какихъ же поръ Дума будетъ подрывать престижъ правительства, а Совѣтъ Министровъ — молчать?!.. Что же думаетъ А. Ф. Треповъ?»

«Вы знаете, что Предсѣдатель Совѣта Министровъ запретилъ мнѣ выступать съ опроверженіями даже съ Думской кафедры; тѣмъ болѣе невозможна полемика въ газетахъ, какую Александръ Федоровичъ признаетъ ниже достоинства членовъ кабинета. Прикажите сейчасъ же чиновнику особыхъ порученій съѣздить въ редакцію и пріостановить наборъ» — настаивалъ Оберъ-Прокуроръ.

Я долженъ былъ повиноваться, и въ 2 часа ночи С. Троицкій привезъ мнѣ мое письмо къ В. Н. Львову, съ помѣткою редакціи «набрать».

На другой день было назначено засѣданіе Совѣта Министровъ, на которомъ я принималъ участіе въ качествѣ замѣстителя Н. П. Раева. Воспользовавшись перерывомъ, я обратился къ А. Ф. Трепову съ такого рода заявленіемъ: «Оберъ-Прокуроръ Св. Синода передалъ мнѣ о Вашемъ запрещеніи отвѣтить на инсинуаціи члена Думы В. Н. Львова, и я вынуж-

денъ былъ затребовать изъ редакцiи «Новаго Времени» написанное мною «Открытое письмо» В. Н. Львову. Я полагалъ, что, поскольку я состою членомъ кабинета, клевета В. Н. Львова задѣваетъ не только меня одного, и, потому, считалъ бы своею обязанностью ее опровергнуть».

«Полемика съ членами Думы недопустима: не нужно обострять отношенiй съ Думой. Эти рѣчи нисколько не отразятся на отношенiи къ Вамъ Совѣта Министровъ; но въ общихъ государственныхъ интересахъ жертвы личнаго самолюбiя неизбѣжны, и съ этимъ приходится считаться» — отвѣтилъ А. Ф. Треповъ тономъ, не допускавшимъ никакихъ возраженiй.

Настаивать на продолженiи бесѣды было безполезно. У меня получился очень горькiй осадокъ отъ сознанiя принципiальныхъ ошибокъ, допускаемыхъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ въ отношенiи къ Государственной Думѣ. Для меня было очевидно, что никакое соглашательство съ нею невозможно, и попытки его вызвать только усиливали позицiю Государственной Думы. Онѣ, кромѣ того, свидѣтельствовали и объ отсутствiи опредѣленныхъ государственныхъ программъ у правительства, ибо, разумѣется, первый параграфъ такой программы потребовалъ бы отъ правительства не соглашательства съ Думою, а немедленнаго разгона ея.

Я долженъ былъ удовлетвориться заявленiемъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ о неизбѣжности жертвъ самолюбiя, требуемыхъ интересами общегосударственными, сознавая, однако, что интересы государственные требовали какъ разъ обратнаго и налагали на Совѣтъ Министровъ обязанность обуздать обнаглѣвшую Думу и прекратить издѣвательства надъ членами правительства. Я жилъ подъ тяжестью клеветы, какая причиняла мнѣ тѣмъ большую боль, что я не имѣлъ возможности ее опровергнуть.

ГЛАВА LI.

Аудiенцiя у Ея Величества.

Первымъ отозвалось на причиненную мнѣ А. Н. Волжинымъ и В. Н. Львовымъ обиду чуткое сердце Государыни Императрицы. Я былъ вызванъ въ Царское Село, и Ея Величество встрѣтила меня такими словами:

«Не смущайтесь клеветою Думы... Это общая участь каждаго, переступившаго порогъ нашего дома».

Глубоко тронутый этими словами, я отвѣтилъ:

«Меня давно предупреждали объ этой рѣчи, и Львовъ только ждалъ моего назначенія, чтобы произнести ее. Онъ — одинъ изъ членовъ прогрессивнаго блока Государственной Думы, задача котораго состоитъ въ опредѣленной и систематической травлѣ членовъ правительства. . . Пропаганда ширится все больше, и Дума уже не скрываетъ своихъ истинныхъ намѣреній и становится все болѣе опасной». . .

Я не продолжалъ дальше, ибо сознавалъ, что для рѣшительныхъ и смѣлыхъ дѣйствій не было людей; что, если бы даже самъ Государь Императоръ выразилъ намѣреніе разогнать Думу, то, навѣрное, встрѣтилъ бы возраженія со стороны слабаго правительства, все еще надѣявшагося на возможность компромиссовъ съ Думою и ея прогрессивнымъ блокомъ, этимъ ударнымъ баталіономъ революціонной Думской арміи предателей и негодяевъ.

Впрочемъ, въ этомъ не было и нужды, ибо Императрица гораздо лучше меня учитывала значеніе политическаго момента и глубоко понимала, что нужно было дѣлать. Когда министръ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ настаивалъ на разгонѣ Думы, а Дума, заодно съ Совѣтомъ Министровъ, требовала удаленія А. Д. Протопопова, то Императрица написала Государю письмо, гдѣ говорилось: «вспомни, что дѣло не въ человѣкѣ Протопоповѣ или X. У. Z., но вопросъ идетъ о монархіи и о Твоемъ престижѣ, который не долженъ быть подорванъ при существованіи Думы. Не думай, что они на немъ остановятся: они заставятъ уйти и другихъ, которые Тебѣ преданы, одного за другимъ, — а потомъ и насъ самихъ.» . . . (Письма Императрицы А. Ѳ. къ Императору Николаю II. томъ II, стр. 230).

«Разгони Думу сразу» — писала Императрица въ другомъ письмѣ: «Я бы спокойно и съ чистой совѣстью предъ всей Россіей отправила князя Львова въ Сибирь (это дѣлалось за гораздо менѣе серьезные поступки), отняла бы у Самарина его чинъ. . . . Милюкова, Гучкова и Поливанова также въ Сибирь. Идетъ война, и въ такое время внутренняя война есть государственная измѣна». . . . (Тамъ же, стр. 262).

Много нужно было бы сдѣлать выписокъ изъ кощунственно опубликованной переписки Императрицы съ Государемъ, чтобы показать, какъ глубоко вѣрно понимала Государыня психологію политическаго момента исторической жизни Россіи; но то, что широкая публика узнала изъ этой переписки, то имѣвшимъ счастье лично знать Императрицу было давнымъ давно извѣстно. Можно было только удивляться глубокой освѣдомленности Ея Величества и той энергіи, съ какою Императрица защищала горячо любимую Ею Россію.

«Но какими низкими средствами пользуется Дума! . . Какъ она не брезглива! Раньше, когда я была помоложе,

клевета причиняла мнѣ нестерпимую боль, и я глубоко страдала; а теперь я уже привыкла къ ней»: сказала Императрица и задумалась.

Мнѣ было невыразимо жалко Императрицу.

«Пусть уже Дума, да жиды, забрасываютъ Царя и Царицу, съ ихъ вѣрными слугами, клеветою» — «думалъ я: «На то и Дума, чтобы это дѣлать... Но А. Н. Волжинъ!.. Сознавалъ ли онъ, что дѣлалъ, зналъ ли онъ, какъ обижалъ Императрицу, внушая сомнѣніе и недовѣріе къ тѣмъ, кого Государыня дарила Своимъ вниманіемъ и кому вѣрила... Да не подумаетъ читатель, что я свожу личные счеты съ А. Н. Волжинымъ... Нѣтъ, я вытираю только слезы ни въ чемъ неповинной Страдалицы-Императрицы»...

ГЛАВА LII.

Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ.

Кто способенъ видѣть за внѣшними выраженіями факта его психологію, тотъ скажетъ, что, несмотря на величайшія огорченія, причиняемыя Государю Императору Думою, Его Величество добросовѣстно желалъ совмѣстнаго съ нею сотрудничества въ предѣлахъ, обезпечивающихъ истинное благо Россіи, что Императоръ Николай II менѣе, чѣмъ Его Предшественники, держался за прерогативы единоличной власти и для блага Россіи готовъ былъ не только отказаться отъ этихъ прерогативъ, но и въ буквальномъ смыслѣ слова пожертвовать Своею жизнью.

Вотъ почему, когда Дума стала выдвигать кандидатуру на постъ министра внутреннихъ дѣлъ лидера лѣвыхъ партій, своего товарища предсѣдателя А. Д. Протопопова, то со стороны Государя не встрѣтилось возраженій, и Его Величество удостоилъ А. Д. Протопопова Высочайшей аудіенціей. Послѣдняя совпала съ тѣмъ моментомъ, когда А. Д. Протопоповъ успѣлъ уже вернуться изъ Англіи, куда, вмѣстѣ съ другими членами Думы, былъ делегированъ и гдѣ до того очаровалъ собою англійскаго короля, что послѣдній написалъ письмо Государю Императору, прося Его Величество обратить особое вниманіе на исключительныя способности и дарованія А. Д. Протопопова. Эта рекомендація, въ связи съ отличнымъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на Государя А. Д. Протопоповъ, и вызвала его назначеніе министромъ. Дума ликовала, но... недолго. Выдвигая кандидатуру своего товарища предсѣдателя, убѣжденнаго земца и, слѣдовательно, лѣваго, пользовавшагося, по этой причинѣ, особымъ вѣсомъ въ Думѣ въ средѣ лѣвыхъ партій, Дума, конечно, была убѣждена въ томъ, что А. Д. Прото-

повъ явится орудіемъ въ ея рукахъ и сдѣлаетъ то, чего никакіе думскіе горланы не добьются своими криками съ высоты думской кафедры. Вышло иначе. А. Д. Протопоповъ оказался въ глазахъ Думы самымъ опаснымъ предателемъ и измѣнникомъ и... отсюда его травля, отсюда та яростная клевета, какая буквально разрывала А. Д. Протопопова на части, съ какимъ то бѣшеннымъ остервенѣніемъ и особымъ жидовскимъ смакомъ... Его называли то неврастеникомъ, то съумасшедшимъ и, конечно, въ первую голову «распутинцемъ».

Государь Императоръ былъ до крайности удивленъ такимъ отношеніемъ къ А. Д. Протопопову и говорилъ: «..Я всегда мечталъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ, который будетъ работать совмѣстно съ Думою... Протопоповъ, выбранный земствами, товарищъ Родзянко... Протопоповъ былъ хорошъ въ общественномъ мнѣніи и даже былъ выбранъ делегатомъ заграницу; но стоило Мнѣ назначить его министромъ, какъ его сдѣлали съумасшедшимъ.»..

Когда предсѣдатель Думы, или Совѣта Министровъ, повторяли молву о съумасшествіи А. Д. Протопопова, то Государь спросилъ: «съ какого же времени онъ сталъ съумасшедшимъ? Вѣроятно съ того момента, когда Я назначилъ его министромъ«..

Я зналъ А. Д. Протопопова, и вотъ что я могу написать о немъ и тѣмъ почтить память этого благороднаго человѣка и великаго христіанина.

А. Д. Протопоповъ былъ человѣкомъ блестящихъ способностей и дарованій и лучше всѣхъ прочихъ министровъ понималъ содержаніе политическаго момента Россіи. Принадлежа въ Думѣ къ лѣвымъ партіямъ, А. Д. Протопоповъ зналъ не только общую картину думскаго революціоннаго заговора, но и то, чего никто не зналъ — всѣ нити этого заговора, всѣ извилистыя тропинки, какія вели къ сверженію Престола и династіи... Вотъ почему онъ былъ такъ опасенъ Думѣ; вотъ почему Дума ни разу не пустила А. Д. Протопопова на думскую кафедру, опасаясь разоблаченій, которыя стали бы извѣстны всей Россіи. Съ момента назначенія А. Д. Протопопова министромъ, Дума трепетала предъ нимъ, и у нея было только два выхода — или путемъ заискиваній вернуть довѣріе къ себѣ министра внутреннихъ дѣлъ, или же затравить его, признавъ съумасшедшимъ, для того, чтобы обезцѣнить его разоблаченія. Первое не удавалось: осталось второе, и отсюда — месть, самая жестокая месть, въ убѣжденіи, что стадное общество поможетъ окончательно добить А. Д. Протопопова. И общество дѣйствительно помогло жидамъ, и въ глазахъ весьма многихъ А. Д. Протопоповъ и сошелъ въ могилу съумасшедшимъ.

Потому ли, что онъ подвергался еще большей травлѣ и клеветѣ со стороны общества и печати, чѣмъ другіе, или по

инымъ причинамъ, но А. Д. Протопоповъ не только проявлялъ ко мнѣ большое участіе, но и чувствовалъ искреннюю симпатію, подчеркивая нашу общую любовь къ Государю и даже духовное сродство душъ. Оба мы были задавлены дѣломъ; встрѣчались рѣдко; за все время своего состоянія на службѣ, я видѣлся съ нимъ только три раза: одинъ разъ за завтракомъ и два раза за обѣдомъ, ибо только въ эти моменты мы оба были свободными. Обѣдъ назначался обычно въ 8 часовъ вечера; но садились за столъ не раньше 9, а иногда и въ 10 часовъ: до такой степени министръ внутреннихъ дѣлъ былъ занятъ. Всякій разъ А. Д. Протопоповъ сажалъ меня подлѣ себя и, наклоняясь ко мнѣ, шепталъ что нибудь важное на ухо...

«Вы не удивляйтесь» — шепнулъ мнѣ однажды Александръ Димитріевичъ: «даже у себя, за обѣдомъ, я окруженъ шпіонами и не могу говорить громко... Знаете ли, мнѣ таки удалось поймать Амфитеатрова....»

А. Д. Протопоповъ не кончилъ фразы: кто то обратился къ нему съ вопросомъ и отвлекъ его мысли...

Послѣ обѣда мы уходили съ нимъ обыкновенно въ маленькій кабинетъ и вели задушевныя бесѣды, и на нихъ то я и хочу сосредоточить вниманіе читателя.

«Вы не думайте» — сказалъ мнѣ министръ — «что я всегда такъ думалъ, какъ думаю сейчасъ... Нѣтъ, я былъ .. лѣвымъ; а теперь, видите ли, не снимаю съ себя формы шефа жандармовъ... Она для Думы тоже, что красное сукно для быка. О, я великій предатель въ глазахъ Думы... Но зато и Дума въ моихъ глазахъ — еще большая предательница и преступница. Царя я не зналъ: я слышалъ лишь то, что угодно было жидамъ, чтобы я слышалъ; но Царя не видѣлъ, провѣрить слуховъ не могъ и горѣнія любви къ Помазаннику Божьему не проявлялъ, хотя всякое предубѣжденіе относительно кого или чего либо всегда было мнѣ чуждо... И это спасало меня... Спасло и на этотъ разъ. Царь позвалъ меня... Я явился, предсталъ предъ Его небесными глазами и... расплакался. Всѣмъ существомъ своимъ я ощутилъ, что вижу предъ собою Божьяго человѣка, и я поклялся умереть, но не дать Его никому въ обиду... Воистину онъ былъ помазанъ на царство Самимъ Богомъ... Это не было минутное впечатлѣніе: нѣтъ, въ этомъ я убѣждался съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и что бы ни случилось съ Россіей, какія бы несчастія ни суждено было претерпѣть ей въ будущемъ, но я уже знаю, почему это совершилось бы. Потому, что Господь праведенъ, милостивъ и справедливъ, и наказывалъ Россію и еще будетъ наказывать ее за то, что и помыслами своими и дѣлами Россія обижала Его Помазанника. Я знаю, что дѣлать... Никакое соглашательство съ Думою невозможно. Это шайка

преступниковъ, которую нужно разогнать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо иначе она разгонитъ насъ и казнитъ Царя. . . Но Государь не рѣшается принимать рѣзкихъ мѣръ, пока не кончится война; а Ставка . . . о ней лучше не говорить. Государь Императоръ тамъ, точно кроткій агнецъ въ клѣткѣ дикихъ звѣрей.«

Послѣ бесѣды А. Д. Протопоповъ, обыкновенно, провожалъ меня до самаго выхода, и въ вестибюлѣ мы всегда встрѣчали неизвѣстныхъ мнѣ людей, ожидавшихъ пріема. . . Какъ то однажды министръ, провожая меня и увидя такую толпу ожидавшихъ въ вестибюлѣ, отвелъ меня въ сторону и, улыбаясь, спросилъ меня:

«Вы знаете, кто это такіе?» . . .

«Нѣтъ» — отвѣтилъ я.

«Это члены Думы. . . Въ Думѣ они, какъ звѣри, готовы растерзать меня; а сюда ходятъ, нѣкоторые изъ нихъ даже съ чернаго хода, чтобы ихъ никто не замѣтилъ, и проявляютъ аттенцію ко мнѣ свыше мѣры. . . Ну, и людишки же! . . Посмотрите, какъ они сейчасъ съежатся, когда я подойду къ нимъ; а выйдя на улицу, будутъ бранить меня. . . Вотъ гдѣ та гниль, какая разъѣдаетъ Россію и можетъ свести ее въ могилу». . .

Вспоминая теперь свои бесѣды съ А. Д. Протопоповымъ, я не могу раздѣлять ходячаго мнѣнія о его слабости и близорукости. . . Одинъ въ полѣ — не воинъ. Тѣмъ болѣе не могъ быть такимъ воиномъ А. Д. Протопоповъ, котораго травили не только жидовская пресса и Дума, но и Совѣтъ министровъ, не пускавшій его на свои засѣданія и не имѣвшій съ нимъ никакого общенія. А. Д. Протопоповъ былъ типичный русскій человѣкъ стараго закала, одинъ изъ тѣхъ людей, кто не войдетъ въ комнату, не осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, не сядетъ за обѣденный столъ, не прочитавъ молитвы, не проѣдетъ мимо церкви, не снявъ шапки, не заснетъ, если въ спальнѣ не будетъ горѣть лампада. . . Это глубокое сознаніе зависимости отъ Бога даже въ мелочахъ повседневной жизни не было у него рисовкою, а вытекало изъ глубокихъ нѣдръ его религіозной настроенности. Изъ этого же настроенія вытекала и та его безграничная смѣлость, какая позволила ему, бывшему лидеру лѣвыхъ партій Думы, бросить послѣднимъ вызовъ и открыто вступить съ Думою въ смертный бой.

Побѣдила Дума. Но эта побѣда, кончившаяся смертью А. Д. Протопопова, явилась и ея собственною смертью и гибелью всей Россіи.

ГЛАВА LIII.

Рѣчь къ бывшимъ сослуживцамъ по Государственной Канцеляріи.

Вскорѣ послѣ Думской рѣчи В. Н. Львова, въ первыхъ числахъ Декабря, если не ошибаюсь, я былъ обрадованъ пріѣздомъ ко мнѣ на квартиру депутаціи отъ бывшихъ сослуживцевъ по Государственной Канцеляріи, состоявшей изъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта С. В. Безобразова, помощника Статсъ-Секретаря Ф. К. Пистолькорсъ, моего замѣстителя по редакціи Полнаго Собранія Законовъ В. В. Свенске и другихъ, поднесшей мнѣ дорогой образъ-складень Св. Іоасафа, Бѣлгородскаго Чудотворца. . . Я не оправился еще отъ тяжелыхъ впечатлѣній, вызванныхъ рѣчью В. Н. Львова — клевета, вѣдь, прилипчива — и я, какъ затравленный заяцъ, озирался во всѣ стороны, думая, что, въ результатѣ этой рѣчи, не только погибну во мнѣніи общества, чѣмъ, признаться, я и не былъ особенно озабоченъ, но и растеряю своихъ прежнихъ друзей, что было бы для меня и тяжко, и горько. . . Вотъ почему пріѣздъ депутаціи очень пріободрилъ меня. Совѣстно и неудобно какъ то приводить содержаніе обращенныхъ ко мнѣ рѣчей, и я ихъ опускаю, а ограничиваюсь лишь своею отвѣтною рѣчью.

«Дорогіе мои сослуживцы» — началъ я: «сердечно благодарю васъ за добрыя слова, съ которыми вамъ было угодно обратиться ко мнѣ. Никогда бы ваше вниманіе не тронуло меня больше, чѣмъ въ настояшее время тяжелыхъ личныхъ переживаній. Я вижу въ немъ не только свидѣтельство духовной связи, сроднившей меня съ вами, но и отвѣтъ на взведенныя на меня, съ высоты Думской кафедры, обвиненія, и отъ всего сердца благодарю васъ.

Мои слова не предназначаются для печати: я могу быть съ вами откровеннымъ и сказать то, что можетъ быть сказано лишь въ тѣсномъ кругу близкихъ людей. Вы знаете особенности переживаемаго момента и то, что въ настоящее время создалось такое положеніе, когда каждое лицо, принимающее тотъ или иной высокій постъ, учитываетъ не только свои знанія и способности, содержаніе и характеръ новыхъ обязанностей и свою отвѣтственность, но и свои духовныя силы, способность выдержать натискъ злостной клеветы со стороны враждебно настроенныхъ противъ правительства Государственной Думы и прессы. Вы знаете, что сейчасъ предъ каждымъ изъ насъ стоитъ альтернатива – или во имя интересовъ личнаго престижа жертвовать интересами государства, или, наоборотъ, во имя инте-

ресовъ государственныхъ губить себя во мнѣніи «прогрессивной общественности» и становиться подъ обстрѣлъ ея.

Казалось бы, что выборъ не труденъ, что мы, давшіе присягу, любящіе своего Государя и Россію, и не должны задумываться надъ нимъ... Увы, такъ только кажется тѣмъ, кому не нужно разрѣшать этой дилеммы, кто не получалъ еще реальныхъ предложеній. Лица же, приглашаемыя на отвѣтственные посты, не сразу рѣшаются занять ихъ... Предъ ними такъ много грозныхъ перспективъ, созданныхъ поистинѣ «темными силами», такъ много перекрестныхъ вопросовъ, что разобраться въ нихъ бываетъ не легко. Не могъ въ нихъ разобраться и я... Я принялъ предложеніе лишь послѣ того, какъ получилъ опредѣленное указаніе отъ своего духовника...

Однако я зналъ, на что иду, и что ожидаетъ меня; я зналъ, что придется, вмѣстѣ съ другими представителями высшей власти, выдерживать тяжелую осаду со стороны враговъ Церкви и государства, какъ зналъ и то, что не найду союзниковъ, даже въ своемъ вѣдомствѣ... Вотъ почему Думскія рѣчи меня нисколько не смущаютъ. Я вижу въ нихъ выраженіе недомыслія глупыхъ людей, не способныхъ, за ограниченностью ихъ кругозора, учесть тотъ вредъ, какой они наносятъ прежде всего самимъ себѣ. Напрасны ихъ вожделѣнія... Не будетъ насъ, не будетъ и ихъ...

Съ глубокой грустью я разстался въ Сентябрѣ съ вами. Когда, 14 лѣтъ тому назадъ, я, съ университетской скамьи, ушелъ въ деревню и занялся церковно-школьнымъ строительствомъ, я увидѣлъ въ этомъ свое призваніе, почитая служеніе народу на мѣстѣ важнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ, отвѣчающимъ и наиболѣе чуткимъ запросамъ духа. Три года моей жизни и службы въ деревнѣ сроднили меня духовно съ народомъ. Я увидѣлъ,какъ заброшена и не воздѣлана эта нива народная, какъ сильно нуждается въ культурно-просвѣтительной работѣ и какими ничтожными средствами она располагаетъ для этой цѣли. Я увидѣлъ и то, какъ мало соотвѣтствія между словами и дѣлами тѣхъ радѣтелей народнаго блага, которые, въ дѣйствительности, оказываются его злѣйшими врагами. Менѣе всего я думалъ, что неисповѣдимые пути Промысла Божія оторвутъ меня отъ любимаго мѣста и дѣла, и что я найду пріютъ въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца, въ вашей средѣ... Даже теперь, спустя 10 лѣтъ, мнѣ тяжело вспомнить о причинахъ, заставившихъ меня покинуть деревню, то мѣсто, гдѣ я былъ нуженъ, тѣ обязанности Земскаго Начальника, съ коими связывалось удовлетвореніе самыхъ насущныхъ нуждъ населенія, уже успѣвшаго ко мнѣ привыкнуть, уже награждавшаго меня своимъ довѣріемъ...

10 лѣтъ совмѣстнаго съ вами служенія, несмотря на исключительныя условія и обстановку, несмотря на неразрывныя дружескія связи, здѣсь пріобрѣтенныя, не могли, все же, убить во мнѣ влеченія къ деревнѣ, къ прежнему дѣлу, не могли заглушить во мнѣ того сознанія, которое такъ живо чувствуется въ деревнѣ и которое только и можетъ быть охарактеризовано, какъ тоска по идеалу, какъ безсознательное влеченіе души къ Богу. Чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ, тѣмъ ближе онъ и къ Богу, и это общее намъ чувство одиночества, горечь сознанія нѣкоторой неудовлетворенности собою, не поглощается никакой работой, никакими занятіями, какъ бы сложны и многочисленны онѣ ни были... Душа всегда найдетъ время для того, чтобы остаться наединѣ съ собою и услышать свой собственный голосъ... И эти 10 лѣтъ моей службы въ Государственной Канцеляріи были почти непрерывною борьбою съ самимъ собой. Съ одной стороны Вы давали мнѣ все и даже болѣе всего; я духовно сроднился почти съ каждымъ изъ васъ; съ другой стороны дѣло мое не удовлетворяло меня, не давало пищи моимъ духовнымъ запросамъ. Напротивъ, чѣмъ больше вы мнѣ давали, чѣмъ беззаботнѣе протекала моя внѣшняя жизнь въ блестящихъ стѣнахъ Маріинскаго Дворца, тѣмъ громче укоряла меня моя совѣсть, настойчиво напоминавшая о «единомъ на потребу»; тѣмъ острѣе были переживанія внутреннія, тѣмъ сильнѣе были мои нравственныя страданія. Не будучи въ силахъ бороться съ ними, пробывъ на службѣ только годъ, я бѣжалъ изъ Петербурга и занялся собираніемъ матеріаловъ для житія Св. Іоасафа, дѣломъ, которое, хотя и не разрѣшало въ полной мѣрѣ моихъ душевныхъ тревогъ и сомнѣній, но все-же примиряло меня съ самимъ собою и возстановляло мое душевное равновѣсіе. Это было въ концѣ 1906 года... Годъ спустя, это же дѣло снова привело меня въ Петербургъ, и вы опять приняли меня въ свою среду, гдѣ во внѣслужебное время я продолжалъ начатое мною дѣло, руководя изданіемъ своихъ книгъ, печатавшихся въ типографіи Кіево-Печерской Лавры. Прошло пять лѣтъ; дѣло Св. Іоасафа, кончившееся прославленіемъ великаго Угодника Божія, было завершено... Я снова остался безъ духовной опоры, снова съ новою силой воскресли предо мною прежніе запросы, обезцѣнивавшіе въ моихъ глазахъ значеніе моей жизни и службы въ Петербургѣ; снова я не зналъ, что дѣлать съ собою... И въ поискахъ отвѣта на мучившія меня сомнѣнія, я встрѣтился съ дѣломъ, въ которомъ увидѣлъ указаніе Божіе и которое привело меня въ Бари, къ Святителю Николаю. Въ томъ, что это было указаніе Божіе, у меня не было никакихъ сомнѣній, и въ результатѣ... мое новое бѣгство изъ Петербурга. Но вы и на этотъ разъ удержали меня, вы снова не приняли моей отставки, предоставивъ

мнѣ возможность дѣлать мое новое дѣло, не покидая службы; вы не стѣсняли меня ни въ поѣздкахъ заграницу, когда того требовали интересы этого дѣла, ни въ участіи въ дѣлахъ Барградскаго Комитета.

Теперь я у дѣла, не рождающаго во мнѣ никакихъ противорѣчій, дающаго величайшее нравственное удовлетвореніе, у дѣла, имѣющаго вѣчныя жизнь и значеніе... Но это дѣло, въ той части, какая отведена мнѣ, связывается съ властью и ... здѣсь источникъ зависти со стороны однихъ, клеветы и злобы со стороны другихъ.

Три мѣсяца прошло съ момента моего вступленія въ Духовное Вѣдомство. Не скрываю ни трудности положенія, ни сложности переживаемыхъ настроеній. Въ Государственной Канцеляріи моя совѣсть не встрѣчалась ни съ какими испытаніями; здѣсь — море соблазновъ, груда подводныхъ камней; здѣсь борьба, отъ исхода которой зависитъ не только личное спокойствіе, но и незыблемость принциповъ. Но, отдавая себѣ вполнѣ ясный отчетъ о характерѣ, размѣрахъ и содержаніи моей нынѣшней работы, я въ тоже время усматриваю залогъ успѣха своей дѣятельности въ томъ сознаніи, которое заключается въ словахъ «сила Божія въ немощи нашей совершается», и какое нашло столь яркое выраженіе въ стѣнахъ Маріинскаго Дворца.

Никогда я не видѣлъ такого средоточія громадныхъ познаній и такого же смиренія, какъ здѣсь, среди васъ; нигдѣ красота этого соединенія ума и сердца не находила болѣе яркаго выраженія, какъ здѣсь, въ вашей средѣ. И гдѣ бы я ни былъ, мнѣ остается только подражать вамъ и въ вашемъ отношеніи къ начальникамъ и подчиненнымъ, и въ вашемъ отношеніи къ работѣ и служебнымъ занятіямъ, отражающимъ такое глубокое пониманіе долга къ Богу, Царю и Родинѣ. Позвольте же мнѣ искренно, отъ всего сердца, сказать вамъ, какъ дорого мнѣ каждое даже маленькое воспоминаніе о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія мною пережиты въ этихъ стѣнахъ, въ вашей средѣ, и какія, конечно, никогда болѣе не повторятся, но за то, правда, и никогда не изгладятся изъ моей памяти.

ГЛАВА LIV.

Распутинъ и Добровольскій.

Когда человѣкъ богатъ и славенъ, у него нѣтъ недостатка въ друзьяхъ. Когда же онъ впалъ въ несчастье, подвергся клеветѣ, или лишился своего богатства, тогда друзья его,

одинъ за другимъ, покидаютъ его, и онъ остается одинокимъ часто въ самые тяжелые моменты своей жизни.

Вчера ищущіе и пресмыкающіеся, эти друзья ходятъ сегодня съ гордо поднятою головой и съ какимъ то непостижимымъ злорадствомъ забрасываютъ своего бывшаго благодѣтеля камнями, вымещая на немъ свою злобу, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ въ томъ, что они предъ нимъ холопствовали, жертвовали своимъ достоинствомъ и пресмыкались...

На фонѣ общей мерзости, творимой злой волей человѣка, есть ли явленіе болѣе гадкое, болѣе отвратительное, и въ тоже время болѣе старое?! Это свойство испорченной человѣческой натуры было давно подмѣчено врагами правды, и они широко использовали его. Я сказалъ бы даже, что никакая революція не была бы возможна, если бы люди не попадались такъ легко въ сѣти, разставленныя тѣми, кто видѣлъ въ клеветѣ свое сильнѣйшее орудіе, безъ промаха попадавшее въ цѣль.

Если бы люди были менѣе воспріимчивы къ клеветѣ, менѣе падки къ сенсаціямъ, если бы развили въ себѣ больше гражданскаго мужества и не судили бы тѣхъ, кого не знаютъ, а наоборотъ смѣло выступали бы на защиту поруганной правды, не оглядываясь по сторонамъ, не считаясь съ «общественнымъ» мнѣніемъ, не боясь запачкаться грязью клеветы, ибо этого боятся только грязные люди, то выбили бы изъ рукъ революціонеровъ самое главное ихъ оружіе. Ибо революція всегда ложь, всегда клевета...

Имя Распутина пріобрѣло міровую извѣстность, но я еще не видѣлъ человѣка, который бы имѣлъ мужество подойти къ этому имени съ тѣмъ безпристрастіемъ, какое исключало бы опасеніе подвергнуться обвиненіямъ въ «распутинствѣ». Никто еще не дѣлалъ попытокъ разсмотрѣть Распутина въ связи съ условіями революціоннаго времени, переживавшагося Россіей въ моментъ его появленія, а всѣ останавливались на его обликѣ, какъ частномъ лицѣ, и приписывали ему то, что, по всей справедливости, нужно было бы приписать дѣлателямъ революціи.

«А вдругъ мое «безпристрастіе» будетъ понято какъ защита грязнаго имени, и меня самого забросаютъ грязью! а вдругъ я самъ прослыву «распутинцемъ» и подвергнусь травлѣ» — вотъ что удерживало и удерживаетъ малодушныхъ людей отъ объективнаго отношенія къ Распутину.

Принято, вѣдь, думать, что выгоднѣе присоединяться къ стадному голосу толпы, чѣмъ идти въ разрѣзъ съ нимъ и плыть противъ общаго теченія, хотя это и невѣрно, ибо, даже базируясь только на выгодѣ, нужно признать, что выгоднѣе имѣть на своей сторонѣ хотя бы горсть нравственно чуткихъ, вѣрныхъ Богу людей, чѣмъ разношерстную толпу.

Распутинъ имѣлъ много отрицательныхъ сторонъ; но его личные минусы сводились къ одной причинѣ: онъ былъ — мужикъ.

Это значитъ, что онъ, подобно всѣмъ мужикамъ, разсматриваемымъ въ массѣ, былъ хитеръ и пронырливъ, угодливъ и вкрадчивъ, любилъ не столько деньги, сколько жирный кусокъ мяса, съ саломъ, и рюмку водки, какіе получалъ за деньги; былъ лѣнивъ и безпеченъ и цѣпко держался за тѣ блага жизни, какими пользовался, причемъ нужно сказать, что эти блага были очень скромныя и не выходили за предѣлы потребностей желудка, главныхъ и почти единственныхъ потребностей русскаго мужика. При этихъ условіяхъ я даже затрудняюсь инкриминировать Распутину его развязную манеру держать себя въ обществѣ, проявленіе безтактности, самомнѣніе и неучтивость, словомъ все то, что отличаетъ всякаго зазнавшагося мужика, вскормленнаго милостями своего господина. Это былъ типичный мужикъ, со всѣми присущими русскому мужику отрицательными свойствами.

Всѣ же прочіе его минусы, въ большинствѣ случаевъ, и притомъ въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, явились чрезвычайно тонкой и искусной прививкой со стороны тѣхъ закулисныхъ вершителей судебъ Россіи, которые избрали Распутина, именно потому, что онъ былъ мужикъ, орудіемъ для своихъ преступныхъ цѣлей, и въ томъ и была вина русскаго общества, что оно этого не понимало и, раздувая дурную славу Распутина, работало на руку революціонерамъ. . . На эту удочку попался даже такой типичный монархистъ, какимъ первое время былъ В. М. Пуришкевичъ.

Но были у Распутина и хорошія стороны: о нихъ никто не говорилъ, и онѣ тщательно замалчивались.

Распутина спаивали и заставляли говорить то, что можетъ въ пьяномъ видѣ выговорить только русскій мужикъ; его фотографировали въ этомъ видѣ, создавая инсценировки всевозможныхъ оргій, и затѣмъ кричали о чудовищномъ развратѣ его, стараясь, при этомъ, особенно рѣзко подчеркнуть его близость къ Ихъ Величествамъ; онъ былъ постоянно окруженъ толпою провокаторовъ и агентовъ Думы, которые слѣдили за нимъ, измышляя поводы для сенсацій и создавая такую атмосферу, при которой всякая попытка разоблаченій трактовалась не только даже, какъ защита Распутина, но и какъ измѣна Престолу и династіи. . . При этихъ условіяхъ неудивительно, что молчали и тѣ, кто зналъ правду.

Нужно ли говорить, послѣ этого, о томъ, что и такъ называемое вмѣшательство Распутина въ государственная дѣла, приведшее къ утвержденію, что не Царь, а Распутинъ «правитъ Россіей», назначаетъ и смѣняетъ министровъ, явилось только

однимъ изъ параграфовъ выполнявшейся революціонерами программы, а, въ дѣйствительности, не имѣло и не могло имѣть никакой подъ собою почвы. Именемъ Распутина пользовались преступники и негодяи; но Распутинъ не былъ ихъ соучастникомъ и часто не зналъ даже, что они это дѣлали. Какъ на характерный примѣръ, я укажу на визитъ ко мнѣ нѣкоего Добровольскаго, надоѣдавшаго Оберъ-Прокурору Св. Синода Н. П. Раеву домогательствами получить мѣсто вице-директора канцеляріи Св. Синода, остававшееся вакантнымъ послѣ перемѣщенія на другую должность А. Рункевича.

Явился этотъ Добровольскій ко мнѣ на квартиру, развязно вошелъ въ кабинетъ, усѣлся въ кресло, положивъ ногу на ногу, и цинично заявилъ мнѣ, что желаетъ быть назначеннымъ на должность вице-директора канцеляріи Св. Синода.

«Кто вы такой и гдѣ вы раньше служили, и какія у васъ основанія обращаться ко мнѣ съ такимъ страннымъ ходатайствомъ?.. Предоставьте начальству судить о томъ, на какую должность вы пригодны, и подавайте прошеніе въ общемъ порядкѣ, какое и будетъ разсмотрѣно, по наведеніи о васъ надлежащихъ справокъ»: сказалъ я.

«Никакого другого мѣста я не приму; а моего назначенія требуетъ Григорій Ефимовичъ (Распутинъ)» — отвѣтилъ Добровольскій.

Посмотрѣвъ въ упоръ на нахала, я сказалъ ему:

«Если бы вы были болѣе воспитаны, то я бы вѣжливо попросилъ Васъ уйти; но, такъ какъ вы совсѣмъ не умѣете себя держать и явились ко мнѣ не съ просьбою, а съ требованіемъ, то я приказываю вамъ немедленно убраться и не смѣть показываться мнѣ на глаза»...

Съ гордо поднятой головой и съ видомъ оскорбленнаго человѣка Добровольскій поѣхалъ къ Распутину жаловаться на меня, а я обдумывалъ способы выхода въ отставку, стараясь не предавать огласкѣ истинныхъ причинъ, вызвавшихъ такое рѣшеніе, и только подѣлился своими горькими мыслями съ моимъ прежнимъ начальникомъ, государственнымъ секретаремъ С. Е. Крыжановскимъ.

«Александръ Николаевичъ» — обратился я мысленно къ А. Н. Волжину — «вотъ какъ Вы должны были поступить со мною, если видѣли во мнѣ второго «Добровольскаго: я какъ разъ очутился въ Вашемъ же положеніи, но вышелъ изъ него инымъ путемъ»...

На другой день Н. П. Раевъ вызвалъ меня въ свой служебный кабинетъ, и между нами произошла такая бесѣда:

«Вы прекрасно поступили, что выгнали этого проходимца; но я боюсь огласки» — сказалъ Оберъ-Прокуроръ: «онъ станетъ закидывать Васъ грязью, а, наряду съ этимъ, будутъ

опять кричать о Распутинѣ и жаловаться, что онъ вмѣшивается не въ свое дѣло. Если бы Распутинъ зналъ что за негодяй этотъ Добровольскій, то, вѣрно, не хлопоталъ бы за него... Добровольскій совсѣмъ уже замучилъ митрополита Питирима»...

«Другими словами, Вы хотите, Николай Павловичъ, чтобы я лично переговорилъ съ Распутинымъ и заставилъ бы его взять назадъ кандидатуру Добровольскаго?» спросилъ я Оберъ-Прокурора...

Н. П. Раевъ вспыхнулъ, очень смутился, что я угадалъ его мысль, и нерѣшительно отвѣтилъ:

«Знаете, бываютъ иногда положенія, когда и приходится жертвовать собою ради общихъ цѣлей... Я не смѣю просить Васъ объ этомъ, ибо хорошо сознаю, какому риску подвергаю Васъ, какъ неправильно бы истолковалось Ваше свиданіе съ Распутинымъ; но, если бы Вы нашли въ себѣ рѣшимость поѣхать къ Распутину, то сняли бы великое бремя съ плечъ нашего добраго митрополита, который одинъ борется съ Добровольскимъ и отбивается отъ него»...

«Господи» — подумалъ я — «что за напасть такая!.. И А. Ф. Треповъ находитъ, что я долженъ быть принесенъ въ жертву В. Н. Львову; а теперь и Н. П. Раевъ требуетъ отъ меня жертвы»...

«Хорошо» — отвѣтилъ я, послѣ нѣкотораго раздумья: «вѣрнымъ службѣ нужно быть и тогда, когда это невыгодно. Если Вы и митрополитъ считаете этотъ выходъ единственнымъ, то я поѣду, ибо готовъ идти на всевозможныя жертвы, лишь бы только не допустить въ Синодъ проникновенія такихъ негодяевъ, какъ Добровольскій»...

И я поѣхалъ... Я ѣхалъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ идутъ на подвигъ: я отчетливо и ясно сознавалъ, какое страшное оружіе даю въ руки своимъ врагамъ; но всѣ эти опасенія подавлялись идеей поѣздки, сознаніемъ, что я ѣду къ Распутину не для сдѣлокъ съ своею совѣстью, а для борьбы съ нимъ, для защиты правды отъ поруганія, что я жертвую собою ради самыхъ высокихъ цѣлей... И эти мысли успокаивали меня и ободряли...

«Знаю, миленькой; я всегда все знаю» — «Доброволовъ напираетъ; пущай себѣ напираетъ» — сказалъ Распутинъ.

«Какъ пущай» — возразилъ я, съ раздраженіемъ: «развѣ вы не знаете, что это за негодяй; развѣ можно такихъ людей натравливать на Синодъ!.. Мало ли кричатъ о васъ на весь свѣтъ, что вы насѣдаете на министровъ и подсовываете имъ такихъ мерзавцевъ. Вчера Добровольскій былъ у меня, и я его прогналъ и приказалъ не показываться мнѣ на глаза»...

«А потому и кричатъ, что всѣ дурни... Вольно же министрамъ вѣрить всякому проходимцу... Вотъ ты, миленькой,

накричалъ на меня, а того не спросилъ, точно ли я подсунулъ тебѣ Добровола... А можетъ быть онъ самъ подсунулся, да за меня спрятался... Ты, хоть и говоришь, миленькой, что онъ негодящій человѣкъ, а про то и не знаешь, что онъ человѣкоубійца и свою жену на тотъ свѣтъ отправилъ... Пущай себѣ напираетъ, а ты гони его отъ себя. Онъ и на меня напираетъ, и я самъ не могу отвязаться отъ него»... Я былъ ошеломленъ и чувствовалъ себя посрамленнымъ.

Слова Распутина подтвердились буквально: Добровольскій вскорѣ былъ арестованъ, будучи уличенъ въ отравленіи своей жены.

Предо мною было еще одно свидѣтельство довѣрчивости митрополита Питирима и того, что его свиданія съ Распутинымъ вовсе не были такъ часты, какъ объ этомъ кричали, ибо иначе Владыка не терзался бы изъ за Добровольскаго, а путемъ личныхъ переговоровъ съ Распутинымъ убѣдился бы въ томъ, что Добровольскій лишь прикрывался именемъ Распутина такъ же, какъ и многіе другіе проходимцы, разсчитывавшіе на то, что ни одинъ изъ министровъ не отважится, путемъ личныхъ разспросовъ Распутина, провѣрять ихъ слова.

Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ фактъ моего личнаго посѣщенія Распутина сдѣлался извѣстнымъ членамъ Думы и закрѣпилъ за мною прозвище «распутинецъ», что и требовалось доказать тѣмъ, кому это было нужно.

Но, значитъ, министры дѣйствительно считались съ Распутинымъ, если для того, чтобы отбиться отъ негодяевъ и проходимцевъ, пользовавшихся именемъ Распутина, посылали къ нему своихъ Товарищей для переговоровъ, вмѣсто того, чтобы смѣло прогонять отъ себя этихъ проходимцевъ?..

Да, такъ можетъ казаться и, во всякомъ случаѣ, такіе факты, какъ мною приведенный, всегда будутъ имѣть двусмысленную внѣшность. Въ дѣйствительности же здѣсь было иное.. Здѣсь было, вопервыхъ, выраженіе общаго гипноза, созданнаго именемъ Распутина, а во вторыхъ — добросовѣстное желаніе оградить вѣдомство отъ его предполагаемыхъ посягательствъ на него; въ третьихъ, вполнѣ понятное желаніе не допустить огласки факта, диктуемое вѣрноподданническимъ долгомъ.

ГЛАВА LV.

День Св. Іоасафа, 10 декабря 1916 г. Вызовъ въ Царское Село къ Ея Императорскому Величеству.

Было 4 часа дня 10 декабря. Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и былъ погруженъ въ свои обычныя занятія. Раздался телефонный звонокъ и голосъ: «сейчасъ будутъ говорить съ Вами по дворцовому проводу»...

Я взволновался, ибо никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ по этому проводу. У телефона была А. А. Вырубова, сказавшая мнѣ:

«Императрица желаетъ видѣть Васъ. Пріѣзжайте сегодня къ 6 часамъ вечера во дворецъ»...

«Сомнѣній нѣтъ» — быстро пронеслось въ моемъ сознаніи: «Распутинъ обманулъ меня, отрекшись отъ Добровольскаго; нажаловался на меня Императрицѣ, и меня требуютъ къ отвѣту»...

Однако, дѣлать было нечего: быстро собравшись, я поѣхалъ въ Царское Село. Но странно: я не только не волновался, а, наоборотъ, чувствовалъ себя героемъ; я ѣхалъ съ гордымъ сознаніемъ рѣшимости сдѣлать то, чего не удавалось сдѣлать другимъ. Я хотѣлъ сказать Ея Величеству, что не вѣрилъ никакимъ сплетнямъ о Распутинѣ, никакимъ жалобамъ на вмѣшательство его въ служебныя дѣла министровъ, пока самъ въ этомъ не убѣдился; я хотѣлъ нарисовать картину самочувствія министра, вынужденнаго дѣлать выборъ между долгомъ къ совѣсти и опасеніемъ вызвать недовольство Императрицы, и подбиралъ слова, которыя бы сказали, что нельзя создавать такихъ коллизій, ибо иначе среди министровъ не останется ни одного честнаго человѣка, и министерскіе портфели будутъ захвачены такими же проходимцами, какъ Добровольскій»... Такъ я тогда думалъ; а теперь краснѣю за свои мысли.

Вотъ до чего былъ великъ гипнозъ имени Распутина!..

Съ обычною лаской и чарующей привѣтливостью встрѣтила меня Императрица и въ этотъ разъ.

«Вы знаете, кажется, всѣ святыя мѣста въ Россіи» — сказала мнѣ Государыня — «и Я бы хотѣла посовѣтоваться съ Вами, прежде чѣмъ куда нибудь поѣхать... Сначала Я хотѣла бы, вмѣстѣ съ дочерьми, посѣтить Новгородъ, а потомъ Тихвинскій монастырь. Вы, вѣрно, знакомы съ Новгородскими святынями: скажите мнѣ, куда Я должна заѣхать, а Я запишу»...

Я вспомнилъ, что сегодня день Св. Іоасафа, и въ словахъ Ея Величества увидѣлъ одно изъ многочисленнѣйшихъ чудесъ Святителя... Я былъ убѣжденъ и громко высказывалъ свои

мысли, доказывая, что Ихъ Величества до той поры не сдѣлаютъ вѣрной оцѣнки Распутина, пока не увидятъ подлинныхъ старцевъ и подвижниковъ, пока не предпримутъ путешествія по святымъ мѣстамъ... И я молилъ Святителя внушить Ихъ Величествамъ эту мысль и, потому, въ словахъ Государыни Императрицы увидѣлъ отвѣтъ на просьбу, обращенную къ дивному Угоднику Божію.

Я хорошо зналъ Новгородъ... Сдѣлавъ перечень Новгородскихъ святынь, я добавилъ:

«Въ Десятинскомъ монастырѣ проживаетъ и до сихъ поръ великая подвижница, 116 лѣтняя старица Марія Михайловна... Я ѣздилъ къ ней для назиданія еще будучи студентомъ Университета... Она пользуется большимъ почитаніемъ и слыветъ среди народа за прозорливую.»

«Пожалуйста, запишите ея адресъ: Я непремѣнно заѣду» — сказала Императрица, подавая мнѣ карандашъ и кусочекъ почтовой бумаги.

Бесѣда длилась долго и непринужденно. Императрица съ большимъ интересомъ выслушивала мои разсказы о посѣщеніи мною всевозможныхъ обителей, о встрѣчахъ съ подвижниками и старцами, и выражала намѣреніе объѣздить эти мѣста, сказавъ:

«Какъ непонятно, что русскіе такъ любятъ ѣздить на заграничные курорты, вмѣсто того, чтобы посѣщать святыя мѣста, какихъ такъ много въ Россіи... Тамъ они скорѣе бы набрались и физическаго здоровья, и духовныхъ силъ»...

Высказавъ мнѣ благодарность за полученныя указанія, Императрица отпустила меня, сказавъ, что желаетъ ѣхать въ Новгородъ 12 Декабря...

Только вернувшись домой я вспомнилъ, что не спросилъ Государыню, долженъ ли я сопровождать Ея Величество въ этой поѣздкѣ, или нѣтъ. На мой телефонный запросъ, А. А. Вырубова отвѣтила, что Ея Величество желаетъ придать Своей поѣздкѣ частный характеръ, такъ какъ ѣдетъ на богомолье.

«Вотъ и Распутинъ!» — подумалъ я: «Императрица даже не вспомнила о немъ, какъ никогда и не вспоминала ни раньше, ни позже... Распутинъ также сказалъ мнѣ правду о Добровольскомъ, и мои предположенія, что онъ нажаловался на меня Императрицѣ, оказались навѣянными той общей атмосферой, среди которой мы всѣ жили, атмосферою лжи, непровѣренныхъ слуховъ, невысказанныхъ сомнѣній и всякаго рода подозрѣній...» Какъ ни велика была вѣра Императрицы въ Распутина, и какъ ни сильно было его вліяніе, но никто еще не отмѣтилъ того, что это вліяніе было ограничено тѣсными предѣлами области, отведенной «старцамъ», и никогда не выходило за эти предѣлы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ государственные взгляды Импера-

трицы, нашедшіе столь яркое отраженіе въ перепискѣ Ихъ Величествъ, какіе могли принадлежать только мудрой Императрицѣ, а не полуграмотному русскому мужику, хотя, высказывая свои взгляды, Государыня часто и ссылалась на авторитетъ Распутина, желая придать ему бóльшій вѣсъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Ея Величества изъ Новгорода, А. А. Вырубова увѣдомила меня телеграммою о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Императрицу посѣщеніе старицы Маріи Михайловны. Я не буду останавливаться на этомъ впечатлѣніи, нашедшемъ отраженіе въ «Письмахъ» Императрицы къ Государю; скажу лишь, что въ гостинныхъ провинціальной Новгородской аристократіи много шептались по поводу того, что Ея Величество посѣтила, по моему совѣту, старицу, жившую въ такой грязной келіи... . Передавая мнѣ объ этомъ, Императрица сказала:

«Меня всѣ отговаривали отъ посѣщенія старицы, находя, что ея келія, откуда она не выходила 40 лѣтъ, очень грязна. Да, келія дѣйствительно очень грязная; но за то душа ея чистая, и Я никогда не забуду того часа, который провела у нея»...

Эта поѣздка чрезвычайно освѣжила Императрицу. Послѣдующіе дни были заняты заготовленіемъ тѣхъ подарковъ, какіе Ея Величество, впослѣдствіи, передала мнѣ для врученія ихъ какъ старицѣ Маріи Михайловнѣ, такъ и въ тѣ храмы, какіе посѣтила. Я отвезъ ихъ въ Новгородъ къ праздникамъ Рождества Христова... Объ этомъ скажу ниже, а сейчасъ вынуждаюсь сдѣлать довольно большой перерывъ, вызванный убійствомъ Распутина, 17 Декабря 1916 года.

ГЛАВА LVI.

Русское богоискательство.

Всякій фактъ становится понятнымъ только въ историческомъ освѣщеніи. Вотъ почему, прежде чѣмъ перейти къ обрисовкѣ облика Распутина и къ выясненію его роли въ событіяхъ, предшествовавшихъ революціи, нужно сказать нѣсколько словъ о русскомъ богоискательствѣ вообще, а затѣмъ остановиться на религіозной атмосферѣ столичнаго общества, вызвавшей самую возможность появленія Распутина.

Распутинъ — вовсе не случайное явленіе, а чрезвычайно сложный бытовой фактъ русской жизни, и говорить о Распутинѣ безъ историческихъ предпосылокъ — нельзя.

По поводу жизни и смерти Распутина написаны сотни книгъ и десятки тысячъ всякаго рода статей; но въ нихъ нѣтъ

ни одной вѣрной характеристики. Всѣ отзывы о Распутинѣ или грубо тенденціозны и стараются оправдать гоненія, коимъ онъ подвергался, и, въ связи съ этимъ, преступленія дѣлателей революціи, или недостаточно глубоко разъясняютъ природу его дѣйствительнаго облика, или не учитываютъ того спеціальнаго значенія, какимъ онъ пользовался при Дворѣ. Важно сказать, чѣмъ онъ въ дѣйствительности былъ; но не менѣе важно отмѣтить и то, чѣмъ онъ казался въ глазахъ Ихъ Величествъ и тѣхъ людей, которые считали его святымъ. Объ этомъ или ничего не сказано въ обширной литературѣ о Распутинѣ, или сказано очень мало и недостаточно ясно, и этотъ пробѣлъ мнѣ бы и хотѣлось восполнить. Однако же, прежде всего нужно остановиться на русскомъ богоискательствѣ и его исторіи, точнѣе — на ея бѣгломъ очеркѣ, ибо писать исторію русскаго богоискательства значило бы писать исторію Россіи, — трудъ невыполнимый въ условіяхъ нашей горемычной бѣженской жизни, где вмѣсто библіотекъ и историческихъ матеріаловъ приходится пользоваться только скудными обрывками памяти. . . .

Много было въ Россіи разныхъ писателей; но едва ли не всѣ они соблазнялись ароматомъ «неблагонадежности» и вносили въ свои произведенія струи революціоннаго воздуха, не безъ удовольствія ими вдыхаемаго. И только два изъ нихъ были столько же геніальными, сколько и поистинѣ русскими писателями и, къ стыду русскихъ читателей, прошли почти незамѣченными.

Это были Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Первый изъ нихъ написалъ повѣсть: «На горахъ», одно изъ величайшихъ произведеній русской литературы, настоящій русскій эпосъ въ прозѣ. Вотъ что пишетъ мнѣ по поводу этой повѣсти русскій ученый А. В. Стороженко:

«Къ сожалѣнію, русскіе читатели плохо оцѣнили геніальное произведеніе Мельникова, а критика нашихъ толстыхъ журналовъ даже замолчала его, ибо останавливалась преимущественно на произведеніяхъ, отражавшихъ революціонныя вѣянія. . . Въ эпической же повѣсти П. И. Мельникова не было и не могло быть ничего революціоннаго; иначе она не была бы эпическою.

Русское богоискательство нашло въ этой повѣсти свое вѣрнѣйшее отраженіе и представлено въ лицахъ, со всею выпуклостью, свойственной великимъ мастерамъ слова. Картина захватываетъ всѣ слои русскаго народа: и высшую помѣщичью интеллигенцію, и средній купеческій и чиновный кругъ, и простонародье. Господа Луповицкіе, Марія Ивановна Алымова, уѣздный чиновничекъ, съ прозрачной, полинялою доч-

кой, отставной солдатъ, діаконъ — пчеловодъ, разныя бабы — всѣ, по своему, искали Бога и оказались въ хлыстовскомъ «Кораблѣ». Книжникъ и начетникъ Герасимъ Силичъ перепробовалъ что-то восемь или десять «вѣръ» и пришелъ къ заключенію, что только безкорыстная любовь къ обнищалой семьѣ брата можетъ дать ему нравственное успокоеніе. Дуня Смолокурова родилась съ порывами къ неземнымъ областямъ, и, «чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны», по выраженію Пушкина, и чувствуя себя оскорбленной въ своей чистой любви къ Петѣ Самоквасову, поддалась было вліянію хлыстовки Алымовой, но потомъ опомнилась, главнымъ образомъ благодаря бесѣдѣ съ простенькимъ, но вѣрующимъ православнымъ священникомъ, убѣжала съ «корабля» въ міръ, чтобы стать доброю женою раскаявшагося Самоквасова».

Обращаю особенное вниманіе на этотъ психологическій факторъ, на бесѣду съ постороннимъ, простенькимъ священникомъ, давшимъ Смолокуровой возможность посмотрѣть на «корабль» (читайте на Распутина) со стороны.

Предъ читателями повѣсти Мельникова вскрывается самая сущность русской души, а не тѣ ея революціонныя увлеченія, которыя столь лубочно, аляповато изображаются такъ называемыми «народниками» въ родѣ Писаревыхъ, Успенскихъ, Помяловскихъ, Добролюбовыхъ, Рѣшетниковыхъ, Горькихъ и К°.

Войдя въ живой кругъ изображенныхъ въ повѣсти Мельникова русскихъ богоискателей, мы можемъ, подъ его руководствомъ, произвести анализъ побужденій къ богоискательству въ русскомъ народѣ.

Если мужиковъ и бабъ ведетъ къ этому, главнымъ образомъ, лѣнь, стремленіе отмахнуться какъ нибудь отъ ежедневнаго упорнаго труда, прожить какъ птица небесная, не сѣя и не собирая въ житницы, на счетъ хлыстовскаго «корабля», или большевической «коммуны», то интеллигенцію и тонко одаренную натуру толкаютъ — мечтательность и тѣ, прибавлю отъ себя, высокія душевныя движенія, какія были описаны мною въ статьѣ «Природа русской души. Русскія проблемы духа», входящей въ составъ главы 58 ~~36~~ моихъ воспоминаній. Въ погонѣ за великимъ, русская интеллигенція теряла и то малое, что имѣла, мечтала о земномъ раѣ, не удовлетворяясь прозою жизни, и .. потеряла Россію.

«Достойна быть отмѣченною и книга В. В. Розанова: «Апокалиптическія секты», гдѣ приведено много интересныхъ соображеній о хлыстовствѣ и скопчествѣ. Книги Мельникова и Розанова — это введеніе къ изученію богоискательства, для болѣе полнаго ознакомленія съ которымъ надлежало бы остановиться, затѣмъ, на дѣятельности русскихъ мартинистовъ

18 вѣка, послѣдователей испанскаго жида Мартинеса Пасхалиса.

Надежнымъ руководствомъ могутъ служить сочиненія М. Н. Лонгинова о Николаѣ Ивановичѣ Новиковѣ и его кружкѣ, въ которомъ игралъ, между прочимъ, видную роль профессоръ Шварцъ, прадѣдъ министра народнаго просвѣщенія Александра Николаевича Шварца. Личности самого Н. И. Новикова, проф. Шварца, Семена Ивановича Гамалѣи и другихъ членовъ «Дружескаго ученаго Общества» чрезвычайно интересны и привлекательны. Самымъ крупнымъ человѣкомъ среди нихъ былъ, конечно, Н. И. Новиковъ. Онъ стремился «просвѣщать» людей въ смыслѣ понятій французскихъ энциклопедистовъ, но, въ противоположность имъ, искалъ Бога и въ просвѣщеніи видѣлъ способъ привить людямъ человѣколюбіе, христіанскую любовь къ ближнему. Когда въ 1773 году Новиковъ встрѣтился съ пріѣхавшимъ въ Петербургъ энциклопедистомъ Дидро, то его впечатлѣніе выразилось въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ (Дидро) — умный французъ; но ему, какъ невѣрующему, вѣрить нельзя».

Императрица Екатерина, обладая черезъ-чуръ сухимъ умомъ, не понимала Н. И. Новикова и подвергала его преслѣдованію, вмѣсто того, чтобы ему помогать. Между тѣмъ Новиковъ мыслилъ совершенно правильно:

«Всѣ науки сходятся въ религіи: лишь въ ней разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы. Безъ нея никогда не доучитесь, а, притомъ, и не будете спокойны» — вотъ его подлинныя слова.

Въ умѣ Екатерины II можно было подмѣтить интересный изгибъ.

28 Іюня 1744 года она приняла Православіе, а того же 28 Іюня 1762 года — взошла на престолъ. Какимъ то внутреннимъ чутьемъ угадывая, что носитель короны въ Россіи по идеѣ — ктиторъ православной русской церкви, она, вѣроятно, по совѣщанію съ кѣмъ либо изъ іерарховъ, постановила въ день празднованія восшествія ея на престолъ читать на литургіи изъ Апостола 20 стиховъ 16 главы посланія Ап. Павла къ Римлянамъ, начинающейся словами: «Представляю вамъ Фиву, сестру нашу, діакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, какъ прилично святымъ, и помогите ей, въ чемъ она будетъ имѣть нужду у васъ. . . .»

Екатеринѣ, очевидно, хотѣлось, чтобы въ душахъ ея православныхъ подданныхъ сложилось о ней представленіе, какъ о діакониссѣ, по русски — служительницѣ православной Россійской Церкви, что вполнѣ соотвѣтствуетъ православной идеѣ власти. Можно только удивляться необычайной проницательности императрицы Екатерины II. Но по отношенію къ Новикову умъ ей измѣнилъ: богоискателя она стала гнать, какъ

политическаго преступника, и, наконецъ, заточила его въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ Новиковъ просидѣлъ $4^1/_2$ года, до воцаренія Павла. Дѣло Новикова — это одна изъ крупнѣйшихъ ошибокъ умнаго и великаго, въ общемъ, царствованія Екатерины. Желая опираться на религію, она загубила жизнь человѣка, стремившагося будить въ соотечественникахъ религіозныя чувства. Тогдашній митрополитъ Московскій Платонъ считалъ Новикова однимъ изъ лучшихъ своихъ чадъ и всецѣло былъ на его сторонѣ. Напуганная французской революціей, Екатерина II не разобралась въ дѣлѣ.

Профессоръ Шварцъ стремился обосновать науку на религіозныхъ началахъ и читалъ лекціи о трехъ родахъ познанія: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ. Корень полезнаго познанія — вѣра, что Богъ есть «руководитель къ мудрости и исправитель мудрыхъ» (Прем. Сол. 7, 15). «Всякая премудрость — отъ Господа, и съ Нимъ пребываетъ во вѣкъ» (Іис. Сир. 1, 1). Къ сожалѣнію, Шварцъ очень рано умеръ (17-II 1784 г.).

Семенъ Ивановичъ Гамалѣя — былъ глубочайшій мистикъ, какъ то видно изъ рѣчей его, напечатанныхъ во 2-ой части «Магазина свободно-каменьщическаго» (1784 г.). Гамалѣя происходилъ изъ Малороссіи; кажется, имѣлъ много родственнаго съ Сковородой.

Изъ Московскихъ мартинистовъ интересны еще фигуры Лопухина — аристократа, посвятившаго себя печатанію въ собственной типографіи духовнонравственныхъ книгъ мистическаго настроенія; купца Походяшина, пожертвовавшаго буквально все свое состояніе на человѣколюбивыя предпріятія Новикова; писателя Лабзина, оченъ популярнаго потомъ среди хлыстовъ.

Изъ малороссійскихъ богоискателей выдаются въ XVIII вѣкѣ Величковскій и Сковорода. Первый перевелъ «Добротолюбіе», а второй оставилъ цѣлую религіозно-философскую систему, о которой много писали Харьковскіе ученые Зеленогорскій, Багалѣй и др. . . .

Въ царствованіе Александра I интересенъ петербургскій кружокъ богоискателей, съ Татьяной Филипповной Татариновой во главѣ. Она, помнится, была подъ вліяніемъ писаній Лабзина. Къ кружку Татариновой принадлежалъ знаменитый художникъ Боровиковскій, родомъ изъ Миргорода, ближайшій землякъ Гоголя. Его церковная живопись потому столь возвышена и вдохновенна, что онъ самъ въ мистическомъ экстазѣ переживалъ душою тѣ видѣнія, которыя потомъ переносилъ на стѣны храмовъ и въ иконы. Къ Татариновой примыкала баронесса Крюднеръ, съ которой былъ друженъ Императоръ Александръ I. Здѣсь источникъ мистицизма Государя. Въ связи съ мистическимъ настроеніемъ Александра I (въ послѣдніе годы

Его царствованія) сложилась легенда о Его мнимой смерти и о старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, скончавшемъ свои дни въ Томскѣ. Мистическія теченія, связанныя съ Оптиной Пустынью, извѣстны каждому образованному человѣку, и распространяться о нихъ нѣтъ нужды. Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, интересной личности Климента Зедергольма, сына нѣмецкаго пастора, протестанта, принявшаго православіе и иноческій санъ, одного изъ самыхъ преданныхъ учениковъ знаменитаго старца Амвросія Оптинскаго; Константина Николаевича Леонтьева, братьевъ Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Хомякова и др. Хомякова можно изучить основательно по книгѣ проф. Завитневича, о которой имѣется, между прочимъ, замѣчательный отзывъ священика Флоренскаго, въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», напечатанный незадолго до революціи. Свящ. Флоренскій высказываетъ ту мысль, что, возстановляя патріаршество, мы идемъ къ восточному папизму, съ его догматомъ непогрѣшимости папы «ex cathedra», мысль уже неоднократно мною высказываемую. Нашло свое отраженіе русское богоискательство и въ сочиненіяхъ Мережковскаго, Розанова, Булгакова, Бердяева, князей Трубецкихъ, Сергѣя и Евгенія, и, конечно, также у Владиміра Сергѣевича Соловьева, поднявшагося въ своихъ полетахъ мысли на такую высоту, какая дала ему возможность написать «Три разговора», произведеніе исключительное по проникновенности и интуиціи.

Тема о русскомъ богоискательствѣ до того обширна и необъятна, а матеріаловъ для ея изученія, заключающихся лишь частично въ свѣтской литературѣ и сосредоточенныхъ, преимущественно, въ литературѣ святоотеческой, такъ много, что, конечно, не въ бѣгломъ очеркѣ обозрѣть ее.

Я намѣтилъ лишь общія вѣхи того пути, какимъ шли вѣрующіе люди, въ поискахъ Бога, точнѣе литературу по этому вопросу, къ которому возращаюсь въ главѣ 36-ой, указывая начальные и конечные этапы этого пути.

ГЛАВА LVII.

Религіозная атмосфера Петербурга. Предшественники Распутина — архимандритъ Михаилъ, священникъ Григорій Петровъ и косноязычный Митя.

Какова же была религіозная атмосфера Петербурга въ моментъ появленія Распутина? Что представляла собою столичная знать, аристократія, о которой провинція всегда такъ

гордо отзывалась, не находя для нея ни одного добраго слова? Съ духовной стороны столица была и лучше, и чище провинціи. Религіозная атмосфера столицы рѣзко отличалась отъ провинціальной. Въ то время какъ эта послѣдняя отражала опредѣленный индифферентизмъ, жизнь столицы, наоборотъ, представляла исключительно благодарную почву для духовныхъ посѣвовъ. Петербургская аристократія не только чутко отзывалась на религіозные вопросы, но искренно и глубоко искала въ разныхъ мѣстахъ удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ.

Салоны столичной знати точно соревновали между собою въ учрежденіи всевозможныхъ обществъ и содружествъ, преслѣдовавшихъ высокія религіозныя цѣли. Такъ возникли Общество распространенія Священнаго Писанія въ Россіи, Христіанское Содружество Молодежи, Общество распространенія христіанскаго просвѣщенія, Общество Единенія, Кружокъ имени княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой, Братство Святителя Іоасафа и мн. др. Во главѣ каждаго изъ этихъ обществъ стояли представители высшаго столичнаго общества, объединявшіе вокругъ себя лучшихъ людей столицы. Въ притонахъ нищеты, среди чернорабочихъ Петербургской гавани, въ подвалахъ и трущобахъ, въ тюрьмахъ и больницахъ, всегда, и я это подчеркиваю не какъ случайное явленіе, можно было встрѣтить представителей столичной знати, съ евангеліемъ въ рукахъ и всякаго рода приношеніями... Я не упоминаю уже о тѣхъ безчисленныхъ «духовныхъ бесѣдахъ», у графини С. С. Игнатьевой, баронессы Корфъ, камергера Е. Г. Швартца, А. Брянчанинова, Ф. Пистолькорса и др., какія замѣнили собою карты, танцы, журфиксы, и какія сдѣлались обычною принадлежностью каждаго салона, привлекая не только интеллигенцію, но и духовенство... Эти салоны были центромъ, объединявшимъ высшую іерархію съ ея столичною паствою, средоточіемъ религіозной мысли, барометромъ религіознаго настроенія, очень чутко отзывавшимся на каждое религіозное явленіе или событіе церковной жизни. Митрополиты и епископы, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, крупные государственные и общественные дѣятели, писатели и литераторы, были не только обычными посѣтителями этихъ салоновъ, но и активными дѣятелями, выступавшими со своими докладами и рефератами на религіозныя темы... Нужно ли говорить о томъ, что, при этихъ условіяхъ, ни одно явленіе церковной жизни не проходило мимо безъ того, чтобы не найти своей оцѣнки и отраженія въ этихъ салонахъ! Излишне добавлять и то, что такое отраженіе было часто уродливымъ и свидѣтельствовало объ изумительномъ незнакомствѣ столичнаго общества съ церковною областью и о религіозномъ невѣжествѣ. Вопросы христіанскаго соціализма привлекали въ то время

особое вниманіе Петербургскаго общества, и имя доцента Духовной Академіи, архимандрита Михаила (Семенова), выпускавшаго серіи своихъ брошюръ, подъ общимъ заглавіемъ «Свобода и христіанство», пользовалось чрезвычайной популярностью. Эти брошюры ходили по рукамъ, читались нарасхватъ и производили сильнѣйшее впечатлѣніе на тѣхъ, кто не прозрѣвалъ ихъ сущности и не догадывался о намѣреніяхъ автора, еврея, принявшаго православіе, впослѣдствіи перешедшаго въ старообрядчество, съ возведеніемъ въ санъ старообрядческаго епископа, и убитаго при крайне загадочной обстановкѣ...

На смѣну ему явился священникъ Григорій Петровъ. Трудно передать то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ своимъ появленіемъ. Залы, гдѣ онъ читалъ свои убогія лекціи, ломились отъ публики; многотысячная толпа молодежи сопровождала каждый его шагъ; знакомства съ нимъ искало какъ высшее общество, такъ и широкая публика; газеты были переполнены описаніями его лекцій; издательство Сытина не жалѣло ни денегъ, ни бумаги для распространенія его «сочиненій» въ народѣ; фотографическія карточки и портреты его красовались въ витринахъ магазиновъ на Невскомъ, и «общественная» мысль была погружена въ созерцаніе его облика, создавая ему небывалую славу. Даже такіе авторитеты, какъ незабвенный, великій пастырь Земли Русской, О. Іоаннъ Кронштадтскій, не могли поколебать той почвы, на которой утвердился бездарный Григорій Петровъ, человѣкъ неумный, необразованный, этотъ типичный «ораторъ», умѣвшій трескучими фразами прикрывать свое скудоуміе. А между тѣмъ его «сочиненія», въ видѣ мелкихъ брошюръ, съ громкими заглавіями, но крайне тощимъ содержаніемъ, расходились въ милліонахъ экземпляровъ, создавая ему столько же славу, сколько и состояніе; его газетные фельетоны печатались на страницахъ повременной печати, а лекціи, какъ я уже говорилъ, осаждались публикою, жадно прислушивавшейся къ каждому его слову.

Въ чемъ же была причина такого успѣха Григорія Петрова? Она очень несложна. Онъ пѣлъ въ униссонъ съ тѣми, кто былъ хозяиномъ общественнаго мнѣнія, кто, сидя за кулисами, создавалъ его и управлялъ имъ. Лейтъ-мотивомъ его лекцій и сочиненій былъ призывъ къ счастью, къ царствію Божію на землѣ, какое онъ ставилъ въ зависимость отъ переустройства соціальныхъ формъ жизни, достигшихъ, по его мнѣнію, почти полнаго совершенства заграницей... Было ли такое убѣжденіе продуктомъ его собственнаго недомыслія, или же Петровъ сознательно осуществлялъ заданія интернаціонала — сказать трудно; но ясно, что только немногіе прозрѣвали дѣйствительную сущность его дѣятельности; большинство же тянулось къ нему такъ же, какъ и къ архимандриту Михаилу, какъ тянется

къ каждому, отъ кого надѣется услышать новое слово, или получить отвѣтъ на свои сомнѣнія и запросы... И не виноваты эти темные люди, къ какой бы средѣ ни принадлежали, если въ поискахъ этихъ отвѣтовъ наталкивались на ложныхъ пророковъ, посрамлявшихъ ихъ вѣру...

Слава священника Петрова была недолговѣчной... Она стала быстро падать, столько же потому, что общество увидѣло въ немъ такого же христіанскаго соціалиста, какимъ былъ и архимандритъ Михаилъ, только менѣе глубокаго и менѣе искренняго, заимствовавшаго свои мысли изъ сочиненій Функе и др. нѣмецкихъ источниковъ, сколько и потому, что, одурманенный славою, онъ сталъ посягать на исконныя вѣрованія русскаго народа. Это послѣднее обстоятельство отшатнуло отъ него лучшихъ и привлекло худшихъ, именно тѣхъ, кто разсчитывалъ использовать славу Петрова для революціонныхъ цѣлей. Такая попытка не удалась, ибо Св. Синодъ во́ время снялъ съ него священный санъ, послѣ чего личность Петрова утратила интересъ даже для революціонеровъ. Разочарованный теоріями христіанскаго соціализма, оскорбленный въ своихъ надеждахъ на архимандрита Михаила и священника Петрова, религіозный Петербургъ сталъ искать отвѣтовъ на свои сомнѣнія и духовные запросы въ иной плоскости и вступилъ на почву «народной» вѣры, не знающей никакихъ религіозныхъ проблемъ, не сталкивающейся ни съ какими противорѣчіями, не связанной ни съ какою наукою... Сдѣлать это было тѣмъ легче, что въ представителяхъ такой вѣры не ощущалось недостатка... И скоро эти представители, донынѣ вращавшіеся среди Петербургской бѣдноты и богомольныхъ торговцевъ столичныхъ рынковъ, или посѣщавшіе извѣстнаго Петербургу высотою религіозной настроенности инспектора Духовной Академіи архимандрита Ѳеофана, перешагнули пороги великосвѣтскихъ салоновъ и гостинныхъ. Наиболѣе почетное мѣсто среди нихъ занялъ косноязычій Митя. Это былъ совершенно неграмотный крестьянинъ Калужской губерніи и, притомъ, лишенный дара рѣчи, издававшій только нечленораздѣльные звуки. Тѣмъ не менѣе, народная молва надѣлила его необычайными свойствами, видѣла въ немъ святого, и этого факта было достаточно для того, чтобы предъ нимъ раскрылись двери самыхъ фешенебельныхъ салоновъ. Въ тѣхъ звукахъ, какіе онъ издавалъ, безуспѣшно стараясь выговорить слово, въ мимикѣ, мычаніи и жестикуляціяхъ, окружающіе силились угадывать откровеніе Божіе, внимательно всматривались въ выраженіе его лица, слѣдили за его движеніями и дѣлали всевозможные выводы. Увлеченіе высшаго общества «Митей» было такъ велико, что, въ порывѣ религіознаго экстаза, одна изъ воспитанницъ Смольнаго института благородныхъ дѣвицъ пред-

ложила ему свою руку и сердце, какія «Митя», къ ужасу своихъ почитателей, и принялъ. Насколько, однако, дѣвица, вышедшая замужъ за юродиваго, засвидѣтельствовала свою подлинную религіозность, настолько «Митя», женившись на воспитанницѣ Смольнаго института, расписался въ обратномъ и похоронилъ свою славу. Его признали обманщикомъ и мистификаторомъ, и онъ скоро исчезъ съ Петербургскаго горизонта.

Я нисколько бы не удивился, если бы меня спросили: неужели же высшій свѣтъ Петербурга состоялъ изъ съумасшедшихъ людей, способныхъ увлекаться даже такими типами, какъ косноязычій «Митя»? Неужели уровень духовнаго развитія русскаго общества былъ такъ низокъ, что не позволялъ ему различать дѣйствительную святость отъ мнимой!.. Что это, религіозное невѣжество, некультурность или самодурство?! Въ чемъ причина такого непонятнаго явленія, что образованные люди, принадлежащіе къ высшему обществу, и даже представители высшей церковной іерархіи, митрополиты и епископы, преклоняются предъ неграмотнымъ мужикомъ, въ которомъ видятъ полноту нравственныхъ совершенствъ и мудрость даже тогда, когда этотъ мужикъ не въ состояніи произнести ни одного слова, а, будучи косноязычимъ и глухонѣмымъ, издаетъ только нечленораздѣльные звуки?!

Причина этого явленія въ томъ, что этотъ мужикъ сталъ извѣстенъ Петербургу какъ юродивый.

Въ природѣ русской жизни есть много явленій совершенно неизвѣстныхъ Западной Европѣ. Впрочемъ, «Юродство во Христѣ» настолько сложное явленіе, что даже въ Россіи не всѣмъ извѣстно. Спотыкаются въ опредѣленіи этого понятія даже ученые богословы, и это понятно, ибо явленія духовной жизни не укладываются ни въ какую науку, а стоятъ надъ нею. Чтобы понять сущность этого явленія, необходимо сдѣлать психологическій анализъ самой природы русской души и остановиться на русскихъ проблемахъ духа. Я подчеркиваю слово «русскихъ» потому, что, хотя природа души и одинакова у всѣхъ людей, какъ созданій Божіихъ, однако проблемы духа различны... Одни довольствуются малымъ, другіе болѣе требовательны къ себѣ: отъ этого и духовныя устремленія у разныхъ людей различны, и проблемы у нихъ разныя.

ГЛАВА LVIII.

Природа русской души. Русскія проблемы духа.

Истина — едина. Путь къ Истинѣ — одинъ.

Въ разныя времена, разные люди различными способами восходили къ Богу, и потому принято думать, что такихъ путей много. Это — невѣрно.

Путь къ Богу — Одинъ.

Какими бы извилистыми тропинками, сквозь толщу грѣховныхъ наслоеній, сквозь житейскія дебри, ни пробивались люди навстрѣчу къ Богу, но, если они выберутся на прямую дорогу, то непремѣнно встрѣтятся другъ съ другомъ... А, встрѣтившись, будутъ видѣть одинаковыя картины, испытывать одинаковыя впечатлѣнія, будутъ знать одно и тоже. И то, что видѣли и знали и испытывали впереди идущіе, много вѣковъ назадъ, въ глубочайшей древности, то увидятъ, узнаютъ и станутъ испытывать и люди нашего времени, идущіе позади ихъ. И ни время, ни пространство, ни расовыя и національныя особенности, ни различіе вѣрованій, не измѣнитъ этихъ картинъ и видѣній, впечатлѣній и ощущеній, ибо Истина — Едина, Вѣчна и Неизмѣнна.

Пока люди находятся каждый на своей тропинкѣ и еще не вышли на прямую дорогу къ Богу, они Истины не видятъ и Ее не знаютъ... Они настолько далеки отъ Нея, что только найболѣе чуткіе люди вѣрятъ въ Нее и инстинктивно стремятся къ Ней, ищутъ Ее и не довѣряютъ себѣ... Огромное же большинство людей довольствуется выводами своего разума и принимаетъ за Истину то, что открывается ихъ полю зрѣнія... Они не догадываются даже, что съ своего мѣста видятъ ровно столько, сколько видитъ человѣкъ, сидящій на днѣ глубокаго колодца... Они и не могутъ знать больше, ибо ихъ разумъ является пока единственнымъ проводникомъ пріобрѣтаемыхъ ими познаній, а вѣра еще враждуетъ съ нимъ...

Но вотъ они выбрались изъ своихъ дебрей, вышли на прямую дорогу и вереницею потянулись къ Богу... По мѣрѣ движенія впередъ, имъ открываются все новыя и новыя картины; они знакомятся съ ощущеніями людей, шедшихъ этимъ путемъ до нихъ; опытно провѣряютъ ихъ впечатлѣнія и разсказы, выводы собственнаго разума и науки и начинаютъ вѣрить тому, чему раньше не вѣрили. Они знаютъ, что то, что еще не попалось имъ навстрѣчу, при первомъ поворотѣ, то они увидятъ при второмъ, и терпѣливо ждутъ оправданія своей вѣры, какая все болѣе укрѣпляется и все болѣе колеблетъ выводы разума и науки, оказавшіеся, послѣ провѣрки ихъ

личнымъ опытомъ, невѣрными. Прежнія самонадѣянность и самоувѣренность смѣняются смиреніемъ; увеличивается довѣріе къ Промыслу Божіему; наступаетъ спокойствіе... Прошлое, причинявшее столько боли и страданій, создававшее такой мучительный разладъ съ собою, отражавшее на самомъ дѣлѣ только страхъ одиночества, всѣ жертвы, принесенныя ими, чтобы разорвать съ этимъ прошлымъ и выбраться на дорогу къ Богу — все это забыто. Они болѣе не одиноки. Они счастливы, что выбрались на эту дорогу, и, дойдя до перваго привала, успокаиваются на этомъ этапѣ и ... останавливаются. Они нашли себя. Въ условіяхъ новой жизни, они не чувствуютъ болѣе душевнаго разлада; имъ хорошо; они задерживаются на этомъ этапѣ, и нѣтъ у нихъ потребности идти дальше...

Таковыхъ большинство.

Но есть люди, которые не удовлетворяются первымъ этапомъ, а идутъ дальше. Для нихъ недостаточно найти себя: они стремятся найти Бога. Они ищутъ не своего, какъ бы возвышенно оно ни было, не душевнаго спокойствія, какъ результата компромисса между небомъ и землею, а правды, какая требуетъ активной борьбы, истины, не знающей никакихъ компромиссовъ... Они успокаиваются только тогда, когда найдутъ Бога, когда будутъ жить и растворяться въ Немъ.

Стремленіе выбраться изъ дебрей житейскаго омута на путь къ Богу присуще каждому человѣку, и нѣтъ той души, какая бы не слышала зова Божьяго. Но отношеніе къ такому зову у всѣхъ людей разное. Одни вовсе не откликаются на этотъ зовъ; другіе отзываются и идутъ за нимъ, однако только до перваго поворота, до первой встрѣчи съ тѣмъ, чему нужно вѣрить, и противъ чего возстаетъ ихъ разумъ, на котораго они привыкли полагаться. Здѣсь они останавливаются и не идутъ дальше... Довѣріе къ собственному разуму и недовѣріе къ вѣрѣ не пускаютъ ихъ впередъ... Они слышатъ звуки небесъ, но ихъ не постигаютъ; они видятъ впереди идущихъ, но не понимаютъ ни природы ихъ стремленій, ни ихъ точекъ зрѣнія, обезцѣнивающихъ самый міръ и его задачи. Но это ихъ не безпокоитъ. Они уживаются съ противорѣчіями и часто ихъ не замѣчаютъ.

Совершенно исключительное мѣсто среди людей, ищущихъ Бога, занимаетъ русскій человѣкъ. Только у русскаго эти поиски Бога превращаются въ самостоятельное и важнѣйшее дѣло жизни, несовмѣстимое ни съ какимъ другимъ дѣломъ; только у русскаго это дѣло является самоцѣлью, обезцѣнивающей всѣ прочія цѣли, опрокидывающей весь міръ, со всѣми его задачами... И въ этой сферѣ исканій

Бога ни одинъ народъ не проявляетъ такой изумительной добросовѣстности, какъ русскій.

Эта добросовѣстность сказывается не только въ области разрыва съ прошлымъ, какъ бы дорого оно ни было, какъ бы крѣпки ни были связи съ нимъ, не только въ области достиженія новыхъ цѣлей, какъ бы трудны онѣ ни были, но и въ выборѣ способовъ, посредствомъ которыхъ эти цѣли достигаются. Русская душа неохотно покидаетъ свое мѣсто на землѣ и, слыша зовъ Божій, не сразу откликается на него. Но, если раскачается и сорвется съ своего мѣста, то уже ничто не удержитъ ея полета къ небу... Она будетъ летѣть до тѣхъ поръ, пока сброситъ съ себя не только міръское иго, подъ бременемъ котораго изнемогала, но и свою земную оболочку, пока не долетитъ уже до той предѣльной высоты, гдѣ, лицомъ къ лицу, будетъ говорить съ Богомъ.

Этотъ процессъ восхожденія русской души къ Богу нашелъ, къ сожалѣнію, весьма блѣдное отраженіе въ русской литературѣ и выясняется гораздо яснѣе изъ святоотеческихъ твореній, этой безцѣнной сокровищницы потусторонняго знанія, такъ мало, однако, извѣстной людямъ.

Въ своемъ полетѣ къ Богу русская душа ни на шагъ не уклонялась отъ путей, указанныхъ величайшими подвижниками древности, и часто даже оставляла ихъ позади себя.

Вотъ схема восхожденія русской души къ Богу:

Съ момента вступленія на путь къ Богу, или иначе, съ момента своего обращенія къ Богу, русскій рѣзко порываетъ съ прошлымъ.

У него уже нѣтъ середины... Или все, или ничего.

Съ этого момента все прошлое становится ему не только не нужнымъ, но и мѣшаетъ, и пугаетъ его.

Онъ начинаетъ оцѣнивать окружающее съ недосягаемыхъ точекъ зрѣнія, и весь міръ, со всѣми своими задачами, кажется ему безсмыслицей.

Зачѣмъ люди занимаются пустяками — думаетъ онъ — зачѣмъ начинаютъ съ конца и перестраиваютъ свою жизнь въ соотвѣтствіи съ требованіями времени, когда время предъявляетъ все болѣе жестокія требованія, вызывая у лучшихъ людей коллизіи между совѣстью и долгомъ и выбрасывая ихъ за бортъ жизни?!. Развѣ зло такъ неотдѣлимо отъ жизни, что въ жертву ему нужно перестраивать весь укладъ жизни, приспособляясь къ его требованіямъ, развѣ нельзя христіанизировать жизнь и ввести ее въ русло, указанное Богомъ?!. Но отчего же никто не дѣлаетъ этихъ попытокъ?.. Оттого, что никто не доходитъ до конечныхъ этаповъ, а съ полъ-пути поворачиваетъ назадъ; оттого, что никто не хочетъ проникать въ ту область вѣры, гдѣ живетъ Истина, съ какою всѣ встрѣтятся за гробомъ, но какую

можно познать еще на землѣ; оттого, что никто не думаетъ о спасеніи и загробную жизнь считаетъ выдумкой...

И весь міръ кажется ему въ величайшей опасности, и онъ бросается спасать его отъ гибели... Отсюда это тяготѣніе русскаго къ широкимъ масштабамъ, это характерное свойство поучать другихъ, переставлять чужія точки зрѣнія, сочинять проекты спасенія, разрѣшать міровыя проблемы...

Попытки эти не достигаютъ цѣли; душевный разладъ ростетъ; одиночество увеличивается; начинается процессъ углубленія въ сущность своихъ личныхъ переживаній и, съ какихъ бы сторонъ онъ ни разсматривалъ себя и окружающее, онъ приходитъ къ выводу, что нужно начинать съ самого себя. Но этотъ выводъ не только обезцѣниваетъ въ его глазахъ его собственную жизнь и то дѣло, какое онъ дѣлаетъ, но и заставляетъ его видѣть въ окружающемъ повсюду разставленныя вражескія сѣти, какихъ не замѣчали другіе, и, съ неудержимою силою, выталкиваетъ его изъ міра...

Такъ возникли монастыри, эти излюбленныя убѣжища русской одинокой мысли, эти земные очаги небесной правды и истины, пріюты страдающихъ душъ, не нашедшихъ мѣста въ міру.

«Пусть считаютъ меня эгоистомъ, думающимъ только о собственномъ спасеніи» — говоритъ русскій, разрывая свои связи съ міромъ — «но гораздо важнѣе закладывать вѣрный фундаментъ жизни, чѣмъ строить зданіе на невѣрномъ.»

И съ этого момента русская душа, не стѣсняемая мірскими заботами, стремительно поднимается къ небу... Яснѣе чѣмъ когда либо она видитъ, что на землѣ есть только одно осмысленное дѣло, и это дѣло заключается въ систематической и непрерывной работѣ надъ совершенствомъ своего духа...

Слѣдить за состояніемъ своей духовной сущности, изучать природу своихъ страстей и ихъ источникъ, вести борьбу съ ними, обостряя свое духовное зрѣніе и улучшая свою нравственную природу, отдаться всецѣло «стяжанію Святаго Духа», какъ говорилъ Преподобный Серафимъ Саровскій, — вотъ что нужно дѣлать каждому человѣку, вмѣсто того, чтобы заниматься пустяками и дѣлать то дѣло, какое кажется нужнымъ только потому, что люди злы и не желаютъ быть лучше. Когда всѣ это поймутъ, тогда увидятъ, какъ много изъ того, что они дѣлаютъ, не нужно дѣлать, и какъ много нужнаго они не дѣлаютъ. Тогда явятся другія дѣла, и можно будетъ выйти въ міръ и вмѣстѣ работать. А теперь нужно идти все впередъ и набираться новыхъ знаній; нужно все дальше и дальше убѣгать отъ людей и мірской заразы...

И онъ идетъ и идетъ, и все глубже уходитъ въ себя, и предъ нимъ открываются все новые горизонты, новыя цѣли и задачи,

новые способы достиженія ихъ, новыя понятія и новыя точки зрѣнія...

Онъ самъ дѣлается новымъ, испытываетъ неизвѣданныя раньше ощущенія, новые элементы радости и горя, какія переставляютъ всѣ прежнія точки зрѣнія его на жизнь и ея задачи, на свое мѣсто въ ней, на отношеніе къ окружающему и отношеніе послѣдняго къ нему...

Онъ постигаетъ уже слова Апостола Павла: «кто во Христѣ, тотъ новая тварь; древнее прошлое, теперь все новое» (2-е Посл. къ Коринѳ., гл. 5, ст. 17). Ему кажется непонятнымъ интересъ людей къ дѣлу, какое не можетъ быть продолжено въ предѣлахъ вѣчности; кажется страшнымъ это равнодушіе ихъ къ загробной участи; его пугаетъ ихъ беззаботность, это общее желаніе укрыться отъ скорбей и слезъ, отъ всего, что народъ такъ глубоко и мѣтко назвалъ «посѣщеніями Божьими», эта погоня за славой, за радостями и благами жизни... Онъ плачетъ, когда другіе смѣются... Онъ знаетъ цѣну земнымъ радостямъ и бѣжитъ отъ нихъ; ему тяжело, когда его пріобщаютъ къ нимъ; еще тяжелѣе, когда хвалятъ и превозносятъ, привязываютъ къ землѣ и удаляютъ отъ неба...

«Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?.. Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?» (Матѳ., гл. 16, ст. 26) — слышитъ онъ слова Христа Спасителя.

Но, пріобрѣтая новое знаніе, онъ связываетъ себя и новыми обязательствами къ Богу. Чѣмъ выше онъ поднимается, чѣмъ болѣе возрастаетъ, тѣмъ ближе приближается къ Богу, тѣмъ глубже проникаетъ въ его душу свѣтъ Божій, озаряющій глубочайшія нѣдра ея, и предъ нимъ раскрывается во всемъ своемъ необъятномъ значеніи и ужасѣ величайшая Жертва на Голгоѳѣ, отъ которой, въ страхѣ за свое преступленіе, содрогнулся даже тотъ міръ, который пригвоздилъ къ Кресту Божественнаго Страдальца.

Принесенныя имъ жертвы, бѣгство изъ міра, отказъ отъ земныхъ благъ, почестей и славы, добровольная нищета, одиночество монастырской келіи и затворъ, — все это уже перестаетъ удовлетворять чуткую душу русскаго, и онъ ищетъ уже подвиговъ и личныхъ страданій, радостно идетъ имъ навстрѣчу, считаетъ потеряннымъ для Бога тотъ день, когда не плакалъ, сокрушается, когда не страдаетъ, счастливъ, когда изнемогаетъ... Онъ чувствуетъ уже потребность пріобщиться къ страданіямъ Христовымъ...

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, онъ разстается и съ тѣми немногими, какихъ встрѣтилъ, дойдя до него. Тѣ остались; а онъ пошелъ еще дальше.

Міръ, со всѣми своими сокровищами и соблазнами, остался уже далеко позади его . . . внѣшнія связи порваны, привязанностей нѣтъ больше, и ему не нужно вести борьбы съ ними. . . Но у него остались еще природныя страсти, наслѣдственныя и пріобрѣтенныя, и онъ вступаетъ съ ними въ невидимую брань и безжалостно вырываетъ одну за другой, побѣждая «естества чинъ», пока не достигнетъ полной побѣды и превратится въ небеснаго человѣка, или земного ангела. . . Этотъ удивительный процессъ превращенія, духовнаго обновленія и перерожденія самой природы человѣка нашелъ свое отраженіе въ многотомномъ твореніи, извѣстномъ подъ названіемъ «Добротолюбіе» гдѣ съ изумительною правдою, какую каждый человѣкъ можетъ провѣрить на личномъ опытѣ, переданы малѣйшіе изгибы душевныхъ движеній и ощущеній человѣка, стремящагося къ Богу, и указаны пути, пріемы и способы достиженія этой цѣли. . .

Трудно было дать этому творенію болѣе точнаго заглавія, ибо, дѣйствительно, съ того момента, когда человѣкъ вступилъ на путь борьбы съ собственными страстями и увидѣлъ свою собственную грѣховную скверну, съ этого момента онъ сдѣлался снисходительнѣе къ немощамъ другихъ и строже къ самому себѣ, сдѣлался добрѣе, пріобрѣлъ любовь къ добротѣ. . .

Но и на этомъ этапѣ чуткая русская душа, съ природнымъ запасомъ добра, раствореннаго жалостью, не останавливается, а летитъ и летитъ все выше, пока не достигнетъ предѣльныхъ высотъ, пока не долетитъ до Самого Бога и проникнется всепрощеніемъ и любовію. . .

И очищенная личными страданіями, обновленная и возрожденная, съ небесными точками зрѣнія на окружающее, она выходитъ изъ затвора и возвращается въ міръ не судить и карать, а спасать его своею любовію.

Здѣсь подвиги и жертвы, предъ которыми въ изумленіи останавливается человѣческая мысль, предъ которыми содрогалось само Небо, останавливая земныя стихіи, запрещая имъ вредить подвижникамъ, приносившимъ себя въ жертву Богу.

Казалось бы, здѣсь предѣлъ достиженій, и дальше идти некуда. . .

Но русская душа идетъ еще дальше.

Она на высотѣ, откуда всѣмъ видна. Она желаетъ укрыться и бѣжать отъ славы людской. . . Эта слава заслоняетъ образъ Распятаго; она обезцѣниваетъ въ глазахъ русскаго подвижника всѣ его достиженія и принесенныя жертвы. . . Онъ ищетъ страданія и боли, чтобы сораспяться Христу и тѣмъ хотя отчасти заглушить сознаніе той виновности предъ Богомъ, какое не позволяетъ ему забывать о Голгоѳской жертвѣ, дѣлаетъ неспособнымъ испытывать какія либо радости на землѣ. . . Онъ

все отдалъ Богу, пожертвовалъ всѣмъ, отказался отъ всего, сбросилъ съ себя не только грѣховное иго, но и свою земную оболочку, превратился въ земного ангела; а взамѣнъ получилъ только сторицею, вкусилъ только блаженство, извѣдалъ только небесныя ощущенія, и его стали считать за ангела, за святого, и слава земная стала для него еще болѣе тяжкимъ игомъ, чѣмъ его прежнее грѣховное бремя...

И онъ поднимается еще выше и достигаетъ уже такихъ высотъ, откуда только тонкое духовное зрѣніе можетъ его замѣтить... Большинство же не замѣчаетъ его, не понимаетъ, не постигаетъ... Онъ надѣваетъ на себя маску безумія; навлекаетъ на себя гоненія и преслѣдованія, подвергаетъ себя всевозможнымъ истязаніямъ и нравственнымъ пыткамъ, идетъ къ Богу не проторенным путемъ, а выбираетъ самый трудный, какимъ шли лишь немногіе избранники. Это — юродивые во Христѣ. Это люди съ найболѣе тонкой душевной организаціей, найболѣе глубоко чувствующіе и мыслящіе. Это — предѣлъ святости, доступной человѣческимъ силамъ, предѣлъ достиженій...

ГЛАВА LIX.

Юродство во Христѣ. Его содержаніе и психологія.

Въ основѣ этого величайшаго изъ подвиговъ, доступныхъ человѣческимъ силамъ, лежитъ прежде всего сознаніе той страшной виновности предъ Богомъ, какая не только не позволяетъ чуткой душѣ пользоваться никакими благами на землѣ, но и обязываетъ ее страдать и сораспинаться Христу. «И воздухъ тотъ, которымъ дышешь Ты, считаемъ мы стяжаніемъ неправымъ» — вотъ идея этого подвига. Сущность же его заключается въ добровольномъ принятіи на себя поношеній и поруганій въ цѣляхъ довести смиреніе, незлобивость и кротость до предѣльной высоты и развить въ себѣ любовь даже къ своимъ врагамъ и гонителямъ. Это — безпощадная борьба не съ грѣхомъ только и страстями, а съ ихъ источникомъ, борьба съ самолюбіемъ въ его тончайшихъ, неуловимыхъ проявленіяхъ. Въ сущности говоря, даже лучшіе, найболѣе нравственно развитые люди не замѣчаютъ того, что основываютъ все содержаніе своей жизни и характеръ взаимоотношеній съ другими на отношеніи лично къ себѣ. Жить такъ, чтобы снискать себѣ расположеніе и любовь окружающихъ, прожить жизнь такъ, чтобы оставить послѣ себя добрую память, все это азбука общежитія, съ которой знакомятся, вступая въ

жизнь... Вотъ почему даже лучшіе, найболѣе смиренные люди, далекіе отъ славолюбія, гордости, или тщеславія, въ то же время чрезвычайно чувствительны къ тому отношенію, какое къ нимъ питаютъ окружающіе. Стремленіе заслужить любовь окружающихъ, пріобрѣсти довѣріе и уваженіе со стороны возможно бо́льшаго числа людей не только не считается грѣховнымъ, а, наоборотъ, признается естественнымъ и является часто однимъ изъ главныхъ побудительныхъ мотивовъ къ дѣятельности, дающей этимъ людямъ найбольшее нравственное удовлетвореніе. Отсюда понятно, что малѣйшее недоброжелательство, незначительная клевета, недостаточное признаніе ихъ нравственной стоимости, заставляетъ этихъ людей, а такихъ большинство, опускать руки, терять точки опоры и нравственное равновѣсіе и чувствовать себя заброшенными и покинутыми... Настолько велика зависимость средняго человѣка отъ общественнаго мнѣнія.

Психологія такихъ гигантовъ духа, какъ «юродивые», совершенно иная.

Они знаютъ, что въ основѣ даже такого чувства, какъ нравственное удовлетвореніе, лежитъ часто самолюбіе; что нерѣдко нравственное удовлетвореніе черпается изъ нечистыхъ источниковъ и служитъ не наградою совѣсти, а результатомъ компромиссовъ съ нею. Они видятъ, какою цѣною и путемъ какихъ нравственныхъ преступленій пріобрѣтается часто любовь со стороны другихъ. Угожденіе людскимъ страстямъ, непротивленіе злу, поруганіе правды и подмѣна ея требованіями момента, является часто той почвой, какая создаетъ найбольшую популярность между людьми, питаетъ ихъ тщеславіе и самолюбіе, рождая все большую зависимость отъ общественнаго мнѣнія. Не замѣчая того, насколько такая почва шатка, люди вступаютъ на нее тѣмъ охотнѣе, чѣмъ громче рукоплесканія толпы, и скоро дѣлаются жертвой этой толпы, отнявшей у нихъ, взамѣнъ своихъ рукоплесканій, способность даже незначительнаго нравственнаго сопротивленія. Самолюбіе все глубже погружаетъ ихъ въ сферу нравственнаго безразличія, и мнѣніе окружающихъ становится закономъ ихъ совѣсти...

«Юродивые», наоборотъ, думаютъ не о томъ, чтобы снискать себѣ любовь и расположеніе, или оставить добрую послѣ себя память, а о томъ, чтобы прожить жизнь безъ малѣйшихъ уступокъ неправдѣ, и, потому, не только не считаются съ общественнымъ мнѣніемъ, но бросаютъ ему вызовъ, вызываютъ его на поединокъ и ... всегда побѣждаютъ. Побѣждаютъ потому, что они неуязвимы и ничего уже не должны міру, ибо уже разорвали всѣ связи съ нимъ. Здѣсь источникъ того дерзновенія, той смѣлости и силы, съ какими «юродивые» обличаютъ грѣхъ и борятся съ неправдой; здѣсь и причина того,

что ихъ такъ боится русскій народъ; здѣсь, наконецъ, и причина ихъ чрезвычайныхъ успѣховъ... Одного появленія «юродиваго» бываетъ часто достаточно для массоваго пробужденія отъ грѣха, для нравственнаго возрожденія грѣховнаго общества... Кто не знаетъ юродиваго Василія Блаженнаго, предъ которымъ трепеталъ даже Царь Іоаннъ Грозный?!

Но, выполняя свою великую общественную миссію, юродивые преслѣдуютъ и цѣли личнаго нравственнаго совершенствованія... Само собою разумѣется, что обѣ эти цѣли лежатъ въ одной плоскости, и я бы не останавливался на каждой изъ нихъ въ отдѣльности, если бы достиженіе этихъ послѣднихъ цѣлей не связывалось бы съ нѣкоторыми особенностями, свойственными только «юродивымъ во Христѣ». Какими способами ведутъ юродивые борьбу съ грѣхомъ? Эти способы и по формѣ, и по содержанію рѣзко отличаются отъ обычно практикуемыхъ. Въ противоположность тѣмъ, кто связываетъ успѣхъ борьбы съ высотою своего личнаго авторитета, хотя бы такая высота была и наружной, «юродивые», наоборотъ, стараются казаться грѣшниками, скрывая отъ окружающихъ свою дѣйствительную нравственную высоту. Вотъ почему, когда они выступаютъ въ роли обличителей грѣха, ихъ встрѣчаютъ насмѣшками, поруганіями и издѣвательствами. Имъ не вѣрятъ, не признаютъ за ними права обличать другихъ, ихъ гонятъ и преслѣдуютъ до тѣхъ поръ, пока не обнаружится вся дивная красота ихъ нравственнаго облика, такъ тщательно скрываемая за обманчивою внѣшностью, пока Самъ Богъ не засвидѣтельствуетъ ихъ святость... Тогда одно вскользь брошенное слово ихъ творитъ чудеса и перерождаетъ грѣшника; но тогда же юродивые, скрываясь отъ славы людской, удаляются туда, гдѣ ихъ никто не видитъ, гдѣ никто не считаетъ святыми, чтобы въ тишинѣ и молитвѣ снова предаваться тѣмъ подвигамъ, предъ которыми въ изумленіи всегда останавливалась человѣческая мысль.

Для чего это нужно, для чего эти добровольныя бичеванія и поруганія, сознательно и умышленно вызываемыя, эта маска безумія, какую носятъ «юродивые», эти суровые способы борьбы съ личными и чужими грѣхами?!

Отвѣты на эти вопросы всегда останутся непонятными для тѣхъ, кто не представляетъ себѣ конечныхъ предѣловъ сознанія своей виновности предъ Богомъ, исключающихъ возможность пользоваться даже малѣйшими благами жизни при мысли о Распятомъ за насъ Христѣ, пріобщиться къ страданіямъ Котораго является уже потребностью чуткой, не знающей никакихъ компромиссовъ, совѣсти. Что далъ Христосъ міру и что Онъ получилъ отъ міра, отъ людей?! Спасителю негдѣ было приклонить Свою усталую голову; Онъ видѣлъ вокругъ Себя измѣну и предательство; несъ на Своихъ плечахъ грѣхи

всего міра; подвергался преслѣдованіямъ и гоненіямъ, поношеніямъ и надругательствамъ, пока не былъ преданъ мучительной казни на крестѣ, одно представленіе о которой отнимаетъ у чуткой совѣсти право стоять въ сторонѣ отъ Искупительной Жертвы, а обязываетъ къ страданіямъ, какъ выраженію ея покаянія, виновности предъ Богомъ. Могу ли я предаваться веселію и радости при видѣ страданій моихъ отца и матери?! А юродивые, равно какъ и прочіе подвижники, всегда видѣли страданія Христа и никогда ихъ не забывали. Распятый Христосъ всегда былъ предъ ихъ глазами, всегда былъ живымъ укоромъ, всегда звалъ къ Себѣ на Голгофу... И чѣмъ живѣе они слышали этотъ зовъ, тѣмъ радостнѣе шли ему навстрѣчу и шли тѣмъ путемъ, какой всегда и во всѣ времена былъ самымъ труднымъ и тяжелымъ. Легко идти ко Христу тѣмъ, кто имѣетъ спутника, знающаго дорогу, или не встрѣчаетъ препятствій на пути, и неизмѣримо труднѣе двигаться между скалъ и ущелій, наполненныхъ дикими звѣрями, готовыми въ каждый моментъ растерзать васъ. И юродивые шли именно этимъ послѣднимъ путемъ, ибо считали грѣховнымъ всякій иной путь... Легко казаться святымъ тѣмъ, кого признаютъ таковымъ; но неизмѣримо труднѣе удерживаться на опредѣленной нравственной высотѣ тѣмъ, за кѣмъ не признается даже малѣйшихъ нравственныхъ качествъ. «Юродивые» своимъ поведеніемъ и отношеніемъ къ окружающимъ умышленно создавали себѣ такую почву, какая до крайности осложняла ихъ борьбу съ ихъ личными грѣхами, но въ то же время доводила эту борьбу до конечныхъ предѣловъ, искореняющихъ самый источникъ грѣха. Они стояли уже на такой нравственной высотѣ, какая обязывала ихъ вести борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ не тогда только, когда это мнѣніе было противъ нихъ, но и тогда, когда оно было за нихъ, и эта послѣдняя борьба была еще болѣе ожесточенной, упорной и настойчивой... Въ первомъ случаѣ была борьба съ чужими грѣхами, во второмъ — борьба съ личными страстями. И, убѣгая отъ славы людской, удаляя отъ себя поводы для признанія за ними даже обычныхъ качествъ средняго человѣка, эти чистые люди жили въ атмосферѣ гоненій, насмѣшекъ и издѣвательствъ, подвергались поруганіямъ и побоямъ, крестясь крещеніемъ Христовымъ, раздѣляя чашу Христа...

Короче сказать, «юродивые», въ противоположность грѣшникамъ, носившимъ личину святости, были святыми, носившими личину грѣшниковъ.

Жизнь этихъ великихъ людей отвѣчаетъ на вопросъ, почему въ Нагорной Проповѣди отведено послѣднее мѣсто заповѣди, обѣщающей блаженство тѣмъ, кого «поносятъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ». Потому, что для способности

перенести клевету нужно выполнить сперва всѣ предыдущія заповѣди. Нужно ли говорить, что, подъ видомъ святыхъ, носившихъ личину грѣшниковъ, появлялись грѣшники, носившіе личину святости, и что на этой почвѣ создавалось много мистификацій и обмановъ со стороны тѣхъ, кто эксплоатировалъ вѣру народа!.. Нужно ли доказывать, что такое сложное явленіе, какъ «юродство во Христѣ», требующее для распознанія не только духовныхъ познаній, но и духовнаго опыта, могло ввести въ заблужденіе даже іерарховъ, не говоря уже о свѣтской интеллигенціи, не свѣдущей въ духовной литературѣ!

Вотъ почему, на поставленный въ началѣ главы вопросъ, я отвѣчаю опредѣленнымъ утвержденіемъ, что Петербургское общество, во главѣ со своими іерархами, отнеслось съ довѣріемъ даже къ косноязычему «Митѣ» не потому, что было духовно слѣпо, а, наоборотъ, потому, что чрезвычайно чутко отзывалось на всякое явленіе религіозной жизни, предпочитая ошибиться, принявъ грѣшника за святого, чѣмъ наоборотъ, пройти мимо святого, осудивъ его. —

ГЛАВА LX.

Появленіе Распутина. Старчество и его природа.

Какъ, однако, ни печально кончилась карьера Мити Косноязычнаго, тѣмъ не менѣе столичное общество нисколько не было поколеблено въ своемъ отношеніи къ существу, характеру и выраженіямъ «народной» вѣры. Въ ней, и только въ ней, видѣли разрѣшеніе религіозныхъ сомнѣній и отвѣты на запросы духа. И когда на горизонтѣ Петербурга появился Распутинъ, котораго народная молва называла, «старцемъ», пріѣхавшимъ изъ далекой Сибири, гдѣ онъ, якобы, прославился высокою подвижническою жизнью, то общество дрогнуло и неудержимымъ потокомъ потянулось къ нему. Имъ заинтересовались и простолюдинъ, и вѣрующіе представители высшаго общества, монахи и міряне, епископы и члены Государственнаго Совѣта, государственные и общественные дѣятели, объединяемые между собою столько же общимъ религіознымъ настроеніемъ, общими религіозными сомнѣніями, сколько, можетъ быть, и общими нравственными страданіями и невзгодами... Славѣ Распутина предшествовало много привходящихъ обстоятельствъ и, между прочимъ, тотъ фактъ, что извѣстный всему Петербургу высотою духовной жизни и духовнымъ опытомъ архимандритъ Θеофанъ, будто бы, нѣсколько разъ ѣздилъ къ Распутину въ Сибирь и пользовался его духовными наставленіями...

Нужно знать психологію русскаго вѣрующаго, чтобы не удивляться такому явленію. Когда изъ «старца», какимъ онъ былъ въ глазахъ вѣровавшихъ, Распутинъ превратился въ политическую фигуру, тогда легко стало осуждать этихъ людей и усматривать въ ихъ заблужденіи даже низменные мотивы. Но несомнѣннымъ остается фактъ, что, до этого момента, къ Распутину шли не худшіе, а лучшіе, вся вина которыхъ заключалась или въ религіозномъ невѣжествѣ, или въ излишней довѣрчивости къ разсказамъ о «святости» Распутина. Это были тѣ найболѣе требовательные къ себѣ люди, которые не удовлетворялись никакими компромиссами съ своей совѣстью, какіе глубоко страдали въ атмосферѣ лжи и неправды міра и искали выхода въ общеніи съ людьми, съумѣвшими побѣдить грѣхъ и успокоить запросы тревожной совѣсти; тѣ люди, которымъ уже не подъ силу была одинокая борьба съ личными страданіями и невзгодами жизни, и нужна была нравственная опора сильнаго духомъ человѣка. Потянулся къ Распутину тотъ подлинный русскій народъ, который не порвалъ еще своей связи съ народной вѣрой и народнымъ идеаломъ, для котораго вопросы нравственнаго совершенствованія были не только главнѣйшимъ содержаніемъ, но и потребностью жизни. Объ этихъ людяхъ еще Достоевскій въ своихъ «Братьяхъ Карамазовыхъ» сказалъ: «. . . Для смиренной души русскаго простолюдина[1]), измученной трудомъ и горемъ, а главное — всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святыню, или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему: если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе, то все равно, есть на землѣ тамъ то, гдѣ то, святой и высшій; у того зато правда, тотъ зато знаетъ правду; значитъ, не умираетъ она на землѣ, а, стало быть, когда нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится по всей землѣ, какъ обѣщано». . .

Къ числу этихъ истинно русскихъ лучшихъ людей принадлежалъ и архимандритъ Ѳеофанъ, инспекторъ Петербургской Духовной Академіи, для котораго было достаточно услышать о Сибирскомъ подвижникѣ, чтобы потянуться къ нему, съ полною вѣрою въ него. Къ числу этихъ же людей принадлежалъ и непонятый, неоцѣненный русскимъ народомъ Государь Императоръ, глубокая вѣра и величайшее смиреніе Котораго, въ связи съ великими страданіями, выпавшими на Его долю, заставляли Императора, подобно Его Прадѣду, Императору Александру Благословенному, искать общенія съ тѣми, кого весь міръ былъ недостоинъ, кто скрывался отъ людского взора

[1]) Не только простолюдина, но и для каждой смиренной души русскаго человѣка; а душа человѣка интеллигентнаго бываетъ часто еще смиреннѣе души простолюдина. Н. Ж.

въ укромныхъ келіяхъ монастыря и былъ извѣстенъ только ищущимъ Бога... Я никогда не забуду разсказа Государя Императора о свиданіи Ихъ Величествъ съ Пашей Саровской и общеніи съ старцемъ Макаріемъ Ѳерхотурскимъ, гостившимъ одно время въ Царскомъ Селѣ...

Одного этого разсказа было бы достаточно для того, чтобы преклониться предъ красотою и высотою нравственнаго облика Государя и Императрицы... Имѣю право сказать, что я зналъ Государя и Императрицу съ этой стороны, и имѣю основаніе, при расмотрѣніи дальнѣйшихъ событій, исходить изъ совершенно иныхъ отправныхъ точекъ зрѣнія и съ негодованіемъ отвергать созданную интернаціоналомъ гнусную клевету, витавшую вокругъ священныхъ именъ Царя и Царицы.

Я уже сказалъ, что еще задолго до своего появленія въ Петербургѣ Распутинъ былъ извѣстенъ какъ «старецъ», проводившій подвижническую жизнь въ Сибири. Что такое «старецъ?»

Подъ этимъ именемъ разумѣются люди, отмѣченные особою благодатью Божіею, призванные вѣщать волю Божію людямъ, живущіе въ уединеніи, постѣ и молитвѣ, вдали отъ міра, и несущіе въ монастыряхъ, сохранившихъ древніе уставы иноческой жизни, подвигъ «старчества». Институтъ «старчества» сохранился въ Россіи далеко не во всѣхъ монастыряхъ, несмотря даже на то, что является главнѣйшимъ условіемъ успѣха иноческой жизни и неразрывно связанъ съ таинствомъ покаянія, отличаясь отъ послѣдняго тѣмъ, что въ таинствѣ покаянія вѣрующему подается отпущеніе грѣховъ, а въ старчествѣ, какъ откровеніи помысловъ, ниспосылается благодатная помощь для борьбы съ ними. Въ первомъ случаѣ прощается уже совершенный грѣхъ, а во второмъ — совершеніе грѣха предваряется своевременно поданною благодатною помощью чрезъ чистосердечное признаніе въ грѣховномъ помыслѣ, влеченіи къ грѣху, или страсти. Эти тонкія душевныя движенія свойственны преимущественно природѣ русскаго человѣка, всегда недовольнаго собою, всегда ищущаго Бога и ни при какихъ условіяхъ не способнаго удовлетвориться земными благами. Удивительная высота и красота этихъ тонкихъ движеній, переживаній и настроеній нашла свое отраженіе въ духовной литературѣ русскаго народа, съ которою, къ сожалѣнію, незнакома не только западно-европейская, но и русская интеллигенція, благодаря чему многія явленія русской духовной жизни не только невѣрно толкуются и превратно понимаются, но нерѣдко вовсе неизвѣстны.

Въ представленіи русскаго народа «старецъ» есть человѣкъ, ниспосланный Самимъ Богомъ для врачеванія этихъ тонкихъ душевныхъ переживаній и страданій духа, непонятныхъ сред-

нему человѣку, неусваиваемыхъ никакимъ знаніемъ, не постигаемыхъ никакою наукою. Ихъ можетъ понять только обладающій даромъ прозорливости, надѣленный особыми дарами благодати Божіей человѣкъ, растворившій свое сердце такою любовью къ человѣчеству, какая позволила ему вмѣстить въ немъ всю полноту его страданій ... Такимъ старцемъ былъ Амвросій Оптинскій, ставшій прототипомъ старца Зосимы Достоевскаго въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», прототипомъ, къ сожалѣнію, неудачнымъ, ибо Достоевскій зналъ о «старцахъ» только по наслышкѣ и съ сущностью иночества былъ незнакомъ; такимъ былъ Исидоръ Виѳанскій, Варнава Геѳсиманскій, Іосифъ Оптинскій, Анатолій (Зерцаловъ) и мн. др. Такіе старцы живутъ и въ наше время въ монастыряхъ, сохранившихъ институтъ «старчества», въ Оптиной, Глинской, Саровской, Зосимовой и др. пустыняхъ, въ скитахъ Сергіевской и Кіево-Печерской Лавры, на Валаамѣ, въ подмосковныхъ обителяхъ и въ другихъ мѣстахъ, не говоря уже о тѣхъ, которые скрываются отъ людского взора въ многочисленныхъ мелкихъ монастыряхъ, разбросанныхъ на пространствѣ необъятной Россіи, гдѣ ихъ никто не видитъ.

Совершенно ошибочно думать, что только простой народъ ходилъ на поклоненіе къ этимъ старцамъ. Наоборотъ, вѣрующая интеллигенція не только стремилась къ нимъ съ неменьшимъ рвеніемъ, но и жила подъ ихъ руководствомъ и духовнымъ окормленіемъ. Гоголь, Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ, братья Кирѣевскіе, Леонтьевъ и многіе другіе были духовными дѣтьми Амвросія Оптинскаго и Варнавы Геѳсиманскаго, и даже Левъ Толстой ходилъ въ Оптину къ Амвросію, отъ котораго вышелъ, по собственному признанію, значительно поколебавшимся въ своихъ убѣжденіяхъ. И нужны были цѣпкія руки интернаціонала, въ которыхъ находился Толстой, чтобы попытки послѣдняго высвободиться изъ нихъ, попытки, не прекращавшіяся втеченіе многихъ лѣтъ и завершившіяся бѣгствомъ Толстаго въ ту же Оптину, почти наканунѣ своей смерти, кончились бы неудачею... Ходилъ къ Варнавѣ Геѳсиманскому, а, по слухамъ, даже проживалъ въ Геѳсиманскомъ скиту и пресловутый Владиміръ Львовъ, стяжавшій себѣ славу Оберъ-Прокурора Св. Синода, причемъ Варнава отзывался о немъ, какъ объ «одержимомъ бѣсами», еще задолго до революціи, прославившей Львова. И стоитъ, конечно, хотя одинъ разъ въ своей жизни встрѣтиться съ этими исключительными людьми, чтобы признать за ними тотъ несомнѣнный даръ прозорливости, которымъ они обладаютъ. Наряду съ этими, такъ сказать, офиціальными «старцами», несущими въ монастыряхъ возложенное на нихъ послушаніе, въ Россіи встрѣчается еще одинъ типъ людей, неизвѣстный Европѣ. Это такъ называемые «Божьи

люди». Хотя это понятіе общее и распространяется часто и на «юродивыхъ», и на «старцевъ», однако заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя особенности, отличающія «Божьихъ людей» отъ этихъ послѣднихъ. Въ противоположность «старцамъ», эти Божьи люди рѣдко остаются въ монастыряхъ, а преимущественно странствуютъ, переходя съ мѣста на мѣсто, вѣщая волю Божію людямъ и призывая къ покаянію. «Старцы» всегда монахи, тогда какъ между «Божьими людьми» встрѣчаются и міряне; но какъ тѣ, такъ и другіе ведутъ строгую аскетическую жизнь и пользуются равнымъ нравственнымъ авторитетомъ, очень высокимъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Многіе изъ нихъ примыкаютъ къ типу «юродивыхъ во Христѣ», и черты различія между ними часто неуловимы. Исходя изъ борьбы съ неправдою, искореняя малѣйшіе компромиссы съ совѣстью, «Божьи люди» стараются быть живымъ воплощеніемъ правды Христовой на землѣ, проповѣдуемой личнымъ примѣромъ жизни, и отличаются отъ «старцевъ» и «юродивыхъ» только тѣмъ, что стремятся къ достиженію своихъ цѣлей иными способами и путями. Этотъ типъ людей, несмотря на свое древнее происхожденіе, сохранился только въ Россіи и свидѣтельствуетъ не о темнотѣ русскаго народа, а о той его вѣрѣ, какая на Западѣ уже давно утрачена.

ГЛАВА LXI.

Первые шаги Распутина.

Появленію Распутина въ Петербургѣ предшествовала, какъ я уже указывалъ, громкая слава. Его считали, если не святымъ, то, во всякомъ случаѣ, великимъ подвижникомъ. Кто создалъ ему такую славу и вывезъ изъ Сибири, я не знаю, но, въ обрисовкѣ дальнѣйшихъ событій, тотъ фактъ, что Распутину не нужно было пробивать дорогу къ славѣ собственными усиліями, имѣлъ чрезвычайное значеніе. Его называли то «старцемъ», то «юродивымъ», то «Божьимъ человѣкомъ», но каждая изъ этихъ платформъ ставила его на одинаковую высоту и закрѣпляла въ глазахъ Петербургскаго свѣта позицію «святого».

Какъ ни странно сопоставлять имя Распутина съ именемъ «святого», однако въ моихъ словахъ не содержится никакого преувеличенія. Утверждать, что никто не считалъ его таковымъ, такъ же нельзя, какъ нельзя утверждать и противнаго. Одни искренно считали его облагодатствованнымъ, другіе не менѣе искренно видѣли въ немъ воплощеніе діавольскихъ силъ.

Чѣмъ же, въ дѣйствительности, былъ Распутинъ?

Я уже подчеркивалъ ту мысль, что Распутина нельзя разсматривать внѣ связи съ общеполитическимъ положеніемъ Рос-

сіи и, потому, прошу сосредоточить особое вниманіе на томъ, — ктó считалъ его праведникомъ, а кто — одержимымъ. На сторонѣ первыхъ стояли Ихъ Величества, епископы Ѳеофанъ и Гермогенъ, А. А. Вырубова, ея шуринъ А. Э. фонъ-Пистолькорсъ и очень немногочисленный кругъ столичной аристократіи, какую ни при какихъ условіяхъ нельзя было заподозрить въ неискренности... На сторонѣ вторыхъ стояла Государственная Дума, печать и... толпа, какая увеличивалась по мѣрѣ удаленія отъ столицы и того мѣста, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ Распутинъ.

Можетъ быть, этотъ одинъ фактъ дастъ психологу матеріалъ для размышленій: можетъ быть не случайнымъ покажется, что оппозиція къ Царю, династіи и престолу сливалась съ оппозиціей къ Распутину?!.

Былъ ли Распутинъ агентомъ интернаціонала, игравшимъ политическую роль и выполнявшимъ опредѣленныя заданія, оправдывалъ ли онъ свою славу наличностью выдающихся качествъ, или изъ ряда выходившихъ преступленій?

Нѣтъ, ничего подобнаго не было.

Ничьимъ агентомъ Распутинъ не былъ, никакой политической роли не игралъ, никакихъ особенностей, отличавшихъ его отъ заурядныхъ представителей его среды, не имѣлъ; никакихъ выдающихся преступленій не совершалъ... .

Но, тогда, на чемъ же зиждилась его слава? Чѣмъ же объясняется, что его имя прогремѣло на весь міръ и сдѣлалось синонимомъ зла, достигшаго своихъ крайнихъ предѣловъ?

Объясняется это тѣмъ, что Распутинъ, въ моментъ своего появленія въ Петербургѣ, а можетъ быть и раньше, попалъ въ сѣти агентовъ интернаціонала, которые желали использовать полуграмотнаго мужика, имѣвшаго славу праведника, для своихъ революціонныхъ цѣлей. Вотъ почему въ первые моменты появленія Распутина въ Петербургѣ такъ усиленно раздувалась его слава, какъ «святого», открывшая предъ нимъ двери великосвѣтскихъ гостинныхъ и великокняжескихъ салоновъ и приведшая его во дворецъ; вотъ почему, съ еще большимъ азартомъ, раздувалась впослѣдствіи противоположная слава, приведшая къ его убійству людьми, одураченными тѣмъ же интернаціоналомъ.

Что это такъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо, конечно, каково бы ни было его благотворное вліяніе на здоровье Наслѣдника Цесаревича, но этотъ одинъ фактъ еще не сдѣлалъ бы Распутина святымъ, какъ равно посѣщеніе какого нибудь кабака не сдѣлало бы его воплощеніемъ діавольскихъ силъ... Надъ созданіемъ славы Распутина работали невидимые агенты интернаціонала, имѣвшіе, въ лицѣ окружавшихъ Распутина еврейчиковъ, бойкихъ сотрудниковъ: здѣсь велась

тонкая и очень сложная игра, здѣсь осуществлялись давно задуманныя революціонныя программы...

Мы еще не знаемъ, мы даже не догадываемся о тѣхъ геніальныхъ пріемахъ, какіе пускаются интернаціоналомъ въ обращеніе для достиженія его цѣлей. Они такъ же легко превращаютъ ангела въ демона, какъ и демона въ ангела; іудейская мораль противоположна христіанской и открываетъ чрезвычайный просторъ для самыхъ тонкихъ преступленій и злодѣяній, имѣющихъ обратную внѣшность и безъ промаха попадающихъ въ цѣль.

Этой тонко задуманной и умѣло проводимой революціонной программы, конечно, никто не замѣчалъ. Не замѣчала ее широкая публика, не замѣчалъ и Распутинъ, даже не догадывавшійся, что являлся намѣченною жертвою интернаціонала. Онъ былъ типичнымъ олицетвореніемъ русскаго мужика и, несмотря на свою природную хитрость и несомнѣнный умъ, чрезвычайно легко попадалъ въ разставленныя сѣти. Хитрость и простодушіе, подозрительность и дѣтская довѣрчивость, суровые подвиги аскетизма и безшабашный разгулъ, и надъ всѣмъ этимъ фанатическая преданность Царю и презрѣніе къ своему собрату-мужику — все это уживалось въ его натурѣ, и, право, нуженъ или умыселъ, или недомысліе, чтобы приписывать Распутину преступленія тамъ, гдѣ сказывалось лишь проявленіе его мужицкой натуры.

Именно потому, что онъ былъ мужикъ, именно по этой причинѣ онъ и не учитывалъ, что близость ко Двору налагаетъ уже обязательства, что каждый приближенный къ Царю есть прежде всего стражъ имени Государева, что не только въ Царскомъ Дворцѣ, но и за порогомъ его, нужно вести себя такъ, чтобы своимъ поведеніемъ не бросать тѣни на Священныя Имена. Не учитывалъ Распутинъ и того, что русскій народъ дорого цѣнитъ свою вѣру въ тѣхъ, кого считаетъ «святыми», требуя отъ нихъ, взамѣнъ преклоненія предъ ними, абсолютной нравственной чистоты и проявляя къ нимъ, въ этомъ отношеніи, очень строгія требованія. Достаточно малѣйшаго сомнѣнія въ чистотѣ ихъ нравственнаго облика, чтобы имъ вмѣнилось въ преступленіе и то, что составляетъ обычную человѣческую слабость, мимо чего, при другихъ условіяхъ и въ отношеніи къ другимъ людямъ, проходятъ безъ вниманія; достаточно самаго незначительнаго проступка, чтобы вчерашній «святой» былъ объявленъ сегодня преступникомъ.

Ничего этого Распутинъ не учитывалъ и, потому, когда его звали въ гости — онъ ѣхалъ; давали вино и спаивали его — онъ пилъ и напивался; предлагали потанцовать — онъ охотно пускался вплясъ, въ присядку, танцуя камаринскую подъ оглушительный громъ рукоплесканій умиравшей со смѣху публи-

ки... Но, неужели, можно серьезно говорить о томъ, что Распутинъ сознавалъ въ этотъ моментъ преступность своего поведенія?.. Онъ не сознавалъ даже того, что его высмѣиваютъ съ самыми гнусными и преступными намѣреніями, что хитростью и обманомъ, умышленно завлекаютъ въ разставленныя сѣти для того, чтобы поглумиться надъ Священными Именами Царя и Царицы, считавшихъ его подвижникомъ. Распутинъ былъ до того далекъ отъ такихъ предположеній, что отправлялся на званные вечера не иначе, какъ въ шелковой голубой рубахѣ, и хвалился тѣмъ, что получилъ ее въ подарокъ отъ Императрицы.

Нѣтъ, психологія крестьянской натуры мнѣ понятна, и я не нахожу данныхъ для того, чтобы приписать этимъ дѣйствіямъ Распутина криминальный характеръ.

Я зналъ одного схимника, человѣка сравнительно не стараго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ у крестьянъ, всегда приглашавшихъ его въ качествѣ «свадебнаго генерала» на свадебныя торжества... Безъ этого схимонаха не обходилось ни одно деревенское торжество.

Величавою поступью, въ полномъ схимническомъ одѣяніи, торжественно входилъ онъ въ избу, садился на почетномъ мѣстѣ, держалъ себя чинно, мало говорилъ, еще меньше вкушалъ, но... выдерживалъ свою позицію только... до первой рюмки. Но вотъ раздалось пиликаніе скрипокъ и задорные звуки бубенъ и... схимникъ протягивалъ руку за второй рюмкой, потомъ еще и еще и... русская натура не выдерживала, прорывалась, и схимникъ пускался вплясъ, и такъ отплясывалъ «гопака», что вызывалъ зависть даже у деревенскихъ парней. Такое «искушеніе» настигало схимника при каждомъ деревенскомъ торжествѣ; въ остальное же время онъ запирался въ своей келіи, вымаливалъ свой грѣхъ предъ Богомъ, и его видѣли только гдѣ нибудь въ темномъ уголкѣ храма... Его поведеніе нисколько не колебало его престижа у крестьянъ, которые ограничивались только однимъ замѣчаніемъ: «ослабѣлъ батюшка; а раньше, когда былъ помоложе, то куда лучше танцовалъ; да и на ногахъ держался тверже»...

Совершенно несомнѣнно, что, принимая приглашенія на званные вечера со стороны людей ему неизвѣстныхъ, не подозрѣвая съ ихъ стороны умысла, Распутинъ только тщеславился своею извѣстностью и славою, не зная того, какою дорогою цѣною ему придется искупить ихъ...

Нѣтъ, неизмѣримо бо́льшими преступниками были тѣ, кто съ гнусными и преступными намѣреніями злоупотреблялъ довѣріемъ и простотою Распутина, чѣмъ Распутинъ, который имъ вѣрилъ. Онъ былъ такъ же искрененъ, когда обнаруживалъ предъ Государемъ свои качества, какъ и тогда, когда, не бу-

дучи заинтересованъ мнѣніемъ окружавшихъ, обнаруживалъ предъ ними свои недостатки... Да и кто же сталъ бы дѣйствовать иначе?.. Въ глазахъ Царя каждый хотѣлъ казаться святымъ; а той школы, какая превращаетъ великосвѣтскихъ мерзавцевъ въ джентльменовъ, Распутинъ, будучи мужикомъ, не проходилъ и искренно выкладывалъ наружу свои недостатки, быть можетъ даже не считая ихъ недостатками, или же раскаяваясь въ нихъ.

Однако, къ стыду глумившихся надъ Распутинымъ нужно сказать, что онъ распоясывался въ ихъ обществѣ только потому, что не питалъ къ нимъ ни малѣйшаго уваженія и мнѣніемъ ихъ о себѣ нисколько не былъ заинтересованъ. Ко всѣмъ же прочимъ людямъ, не говоря уже о Царскомъ Дворцѣ, отношеніе Распутина было иное. Онъ боялся уронить себя въ ихъ мнѣніи и держался всегда безупречно. Я нѣсколько разъ встрѣчался съ Распутинымъ въ 1910 году, то въ Петербургской Духовной Академіи, то въ частныхъ домахъ, и онъ производилъ на меня, хорошо знакомаго съ монастырскимъ бытомъ и со «старцами», такое впечатлѣніе, что я даже провѣрялъ его у болѣе духовно свѣдущихъ людей и сейчасъ еще помню отзывъ епископа Гермогена, сказавшаго мнѣ: «Это рабъ Божій: Вы согрѣшите, если даже мысленно его осудите»...

Отзывъ епископа Гермогена, сдѣлавшагося впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ яростныхъ гонителей Распутина, не убѣдилъ меня въ святости послѣдняго, но является очень характернымъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что Распутинъ дѣйствительно казался святымъ тѣмъ, кто считалъ его таковымъ и подходилъ къ нему, какъ къ святому. Однако справедливость требуетъ признать, что Распутинъ не только ничего не дѣлалъ для того, чтобы его считали святымъ, а, наоборотъ, до крайности тяготился такимъ отношеніемъ къ себѣ. Очень характерный разсказъ приводитъ Ф. В. Винбергъ на страницахъ своей интересной книги «Крестный Путь», полной чрезвычайно тонкихъ психологическихъ наблюденій и великолѣпно написанной.

«...Одна изъ русскихъ женщинъ» — говоритъ Ф. В. Винбергъ — «горячая патріотка, старая писательница, владѣвшая многими тайнами масонства, за что вытерпѣла немало мукъ и горя въ своей жизни, рѣшилась ѣхать прямо къ Распутину и ребромъ поставить ему вопросъ: Знаетъ ли онъ, какой вредъ приноситъ Россіи. По странной случайности, день ея поѣздки совпалъ съ днемъ 16 Декабря 1916 года, т. е. кануномъ убійства Григорія Распутина. Въ ея лицѣ, какъ будто бы, Богъ посылалъ Распутину послѣднее предостереженіе, которому не суждено было, однако, измѣнить уже окончательно преднамѣтившагося хода событій.

Дверь у Распутина, на ея звонокъ, отворилъ какой то полковникъ, встрѣтившій ее вопросомъ: «Вамъ что угодно, сударыня?»

«Могу ли я видѣть Григорія Ефимовича Распутина?»

«Батюшки нѣтъ дома, и вообще онъ никого не принимаетъ.»

Нѣтъ правилъ безъ исключенія, полковникъ... Быть можетъ Ваше «нѣтъ дома» означаетъ, что онъ именно дома... Тогда разрѣшите ужъ Васъ просить передать ему мою карточку. Если господина Распутина, дѣйствительно, нѣтъ, то очень жаль, но ничего не подѣлаешь, въ другой разъ я уже не пріѣду: тащиться то мнѣ Богъ вѣсть откуда... Однако, удовлетворите, полковникъ, любопытство старухи: почему назвали Вы Распутина «батюшкой»? Что онъ — священникъ, діаконъ, монахъ, или, можетъ быть, Вашъ beau père?

Григорія Ефимовича всѣ такъ называютъ...

Какъ Вамъ не стыдно, полковникъ, что же это у Васъ за стадное чувство такое! Ну, назвали бы его Григоріемъ Ефимовичемъ, или просто Распутинъ, а то вдругъ — батюшка!..

Полковникъ смѣшался и, растерянно теребя въ рукѣ карточку посѣтительницы, вдругъ неожиданно спросилъ:

А какъ прикажете доложить о Васъ Григорію Ефимовичу?

Голубчикъ, у Васъ въ рукахъ моя карточка... И, ради Бога, ничего не докладывайте, а просто передайте или... прочтите эту карточку.

Полковникъ ушелъ, попросивъ ее пройти въ гостинную.

Тамъ находилось нѣсколько дамъ, изъ которыхъ двѣ между собою непринужденно болтали по французски...

Черезъ нѣсколько минутъ, въ комнату вошелъ Распутинъ.

При входѣ его, всѣ сидѣвшія дамы, кромѣ вновь прибывшей, встали, бросились къ нему, стараясь поцѣловать у него руки и... концы вышитой рубахи, въ которой онъ былъ.

Досадливо отъ нихъ отмахнувшись, Распутинъ подошелъ къ писательницѣ и, заложивъ руки за поясъ, спросилъ:

Это ты, матушка, меня хотѣла видѣть? Что тебѣ надо-ть?

Ничего не отвѣтила ему посѣтительница, а только долгимъ и пристальнымъ взглядомъ посмотрѣла на него, точно желая проникнуть въ душу... Говорятъ, Распутинъ обладалъ магическимъ, удивительнымъ взглядомъ; но когда глаза его встрѣтились съ глазами этой маленькой старушки, онъ не выдержалъ и... потупился.

— Что это ты на меня смотришь такъ!.. Какъ то особенно, пробормоталъ онъ.

Въ это время онъ услышалъ ея голосъ:

Я пришла задать Вамъ нѣсколько вопросовъ, Григорій Ефимовичъ. До этого намъ встрѣчаться не приходилось; послѣ этой встрѣчи — врядъ ли когда увидимся. Про Васъ я очень

много слышала, ничего добраго, но много плохого... Вы должны отвѣтить мнѣ, какъ священнику на духу: отдаете ли Вы себѣ отчетъ, какъ Вы вредите Россіи? Знаете ли Вы, что Вы — лишь слѣпая игрушка въ чужихъ рукахъ, и въ какихъ именно?

— Ой, барыня, никто еще и никогда со мною такимъ тономъ не говаривалъ...

Что-жъ Вамъ на эти вопросы отвѣчать?

— Читали ли Вы Русскую Исторію, любите ли Царя, какъ Его надо любить?

— Исторію, по совѣсти скажу, не читалъ — вѣдь я мужикъ простой и темный, читаю по складамъ только, а ужъ пишу — и самъ подчасъ не разберу...

А Царя то, какъ мужикъ, во-какъ люблю, хоть, можетъ, противъ Дома Царскаго и грѣшенъ во многомъ; но невольно, клянусь крестомъ... Чувствуется, матушка-голубушка, что конецъ мой близокъ... Убьютъ то меня — убьютъ, а мѣсяца такъ чрезъ три — рухнетъ и Царскій Тронъ. Спасибо Вамъ, что пришли — знаю, что поступили, какъ сердце велѣло. И хорошо мнѣ съ Вами, и боязно: какъ будто съ Вами есть еще кто-то... А какъ бы Вы поступили на моемъ мѣстѣ?

— Будь я на Вашемъ мѣстѣ, я бы уѣхала въ Сибирь, да спряталась бы тамъ такъ, чтобъ обо мнѣ и слухи замолкли, и слѣды пропали...

Много еще говорила съ Распутинымъ старая писательница, и онъ слушалъ ее жадно, какъ бы впитывая каждое слово...

Наконецъ, она поднялась и стала прощаться...

Распутинъ шелъ сзади, говоря: — ужъ я проведу васъ самъ...

— Скажите, Григорій Ефимовичъ, спросила его она: почему Васъ всѣ Ваши поклонники и поклонницы называютъ «батюшкой», цѣлуютъ Вамъ руки, края рубахи? Вѣдь это же гадость! Почему Вы позволяете?

Распутинъ усмѣхнулся и, показывая по направленію гостиной рукою, сказалъ: «А спросите вотъ этихъ дуръ... Постой, я уже ихъ прожучу»...

При прощаніи, подавая руку Распутину, писательница съ удивленіемъ увидѣла, какъ онъ вдругъ склонился и горячо поцѣловалъ ея руку.

— Матушка-барыня, голубушка Ты моя. Ужъ прости Ты меня, мужика, что на «ты» Тебя величаю... Полюбилась Ты мнѣ, и отъ сердца это говорю. Перекрести Ты меня, хорошая и добрая Ты... Эхъ, какъ тяжело у меня на душѣ... Маленькая ручка, освобожденная вновь отъ перчатки, осѣнила Распутина крестнымъ знаменіемъ, и онъ услышалъ: «Господь съ Тобою, братъ во Христѣ»...

Она ушла. Распутинъ долгое время стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, точно здѣсь оставалось одно его тѣло, а его грѣшную душу взяла она, явившаяся къ нему ангеломъ смерти...

А черезъ двѣнадцать часовъ, на Мойкѣ, Распутинъ покончилъ земные разсчеты (Ф. В. Винбергъ. Крестный Путь, стр. 304—307).

Съ разныхъ сторонъ можно разсматривать этотъ знаменательный разсказъ; но одною изъ самыхъ характерныхъ останется та, какая подтвердитъ уже высказанную мысль, что Распутинъ казался «святымъ» лишь тѣмъ, кто его считалъ за таковаго... Съ тѣми же, кто въ немъ видѣлъ только русскаго мужика, съ тѣми онъ не лицемѣрилъ и въ святости своей не убѣждалъ, а, наоборотъ, даже смирялся предъ ними.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ и характерный случай, переданный мнѣ Петромъ Николаевичемъ Ге, который, однажды, встрѣтился случайно съ Распутинымъ въ вагонѣ желѣзной дороги и спросилъ его:

«Почему Вами такъ интересуются и возятъ Васъ изъ дома въ домъ?»

«А это, миленькой, потому, что я знаю жизнь», отвѣтилъ Распутинъ.

П. Н. Ге улыбнулся и спросилъ:

«А Вы дѣйствительно ее знаете?»

Распутинъ тоже улыбнулся и простодушно отвѣтилъ:

«Нѣтъ, я ее не знаю, но они думаютъ, что я знаю... Пущай себѣ думаютъ»... Извѣстна и телеграмма Распутина епископу Тобольскому Варнавѣ: «милой, дорогой, пріѣхать не могу, плачутъ мои дуры, не пущаютъ»... Въ этихъ двухъ отвѣтахъ сказался весь несложный обликъ Распутина.

Развѣ это не типичные отвѣты благодушнаго русскаго мужика, могущаго даже не имѣть никакихъ другихъ недостатковъ, кромѣ тѣхъ, которые въ своей совокупности даютъ представленіе о мужицкой психологіи? И, разумѣется, Распутинъ свѣтился отраженнымъ свѣтомъ и прошелъ бы совершенно не замѣченнымъ въ исторіи русской жизни, если бы за его спиною не стоялъ интернаціоналъ, если бы онъ не былъ орудіемъ въ рукахъ этого интернаціонала.

Вопросъ лишь въ томъ, былъ ли Распутинъ сознательнымъ, или безсознательнымъ орудіемъ послѣдняго?..

И печать, и общество, и стоустая молва доказывали и продолжаютъ доказывать, что Распутинъ былъ сознательнымъ орудіемъ и «работалъ» за деньги. Я лично думалъ и продолжаю думать, что это неправда, и что онъ былъ орудіемъ безсознательнымъ. Думаю я такъ потому, что мое убѣжденіе вытекаетъ изъ цѣлаго ряда логическихъ и историческихъ предпосылокъ, а также изъ данныхъ, добытыхъ слѣдственнымъ матеріаломъ

и установившихъ абсолютное безкорыстіе Распутина. Еврейчики, правда, желали его подкупить и связать его волю преступными обязательствами; но ихъ замыслы разбились о фанатическую преданность Распутина Царю, послѣ чего тактика была измѣнена, и вся дальнѣйшая игра велась уже на страстяхъ Распутина, на удовлетвореніи его мелкаго самолюбія и тщеславія, и притомъ велась настолько умѣло, что Распутинъ не только не замѣчалъ этой игры, но даже не догадовался о ней...

ГЛАВА LXII.

У барона Раушъ-фонъ-Траубенбергъ.

Насколько Распутинъ широко распоясывался въ обществѣ тѣхъ людей, мнѣніемъ которыхъ не дорожилъ, настолько онъ слѣдилъ за собою тамъ, гдѣ ему было выгодно производить впечатлѣніе. Онъ настолько успѣшно достигалъ эту послѣднюю цѣль и до того въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ подчинять себѣ окружавшихъ, что на этой почвѣ создавались легенды, приписывающія ему совершенно необычайныя качества и чудодѣйственную силу. Значительную долю его успѣха въ этой области нужно, конечно, отнести къ религіозному невѣжеству столичной знати; однако отрицать за Распутинымъ умѣнія удерживаться на позиціи, на которой его утвердила народная молва, не приходится.

Не помню по какому случаю, я былъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней въ церкви Духовной Академіи на богослуженіи. Въ храмѣ я встрѣтилъ своего сослуживца по Государственной Канцеляріи А. Э. фонъ-Пистолькорсъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ моихъ сослуживцевъ, которые тянулись ко мнѣ, мучились религіозными сомнѣніями и жили въ атмосферѣ церковной мысли. Выпущенный недавно изъ Пажескаго корпуса, А. Э. фонъ-Пистолькорсъ былъ совсѣмъ еще юноша, проявлявшій исключительное горѣніе духа и съ юныхъ лѣтъ мечтавшій объ иночествѣ, стремившійся къ подвигамъ... Теоретически знакомый съ житіями подвижниковъ Церкви, плѣнявшими его воображеніе, онъ, конечно, не имѣлъ никакого опыта, и неудивительно, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ, побѣжавшихъ навстрѣчу Распутину, котораго искренно считалъ «старцемъ» и къ которому чувствовалъ безграничное довѣріе, утверждая, что на себѣ лично испыталъ его чудодѣйственную силу. Эта его слѣпая, но чистая и безкорыстная вѣра въ Распутина создавала ему безчисленное множество огорченій, какія онъ мужественно и стойко переносилъ

въ убѣжденіи, что страдаетъ за правду. Гнусная и ничѣмъ не брезгающая клевета, пользуясь тѣмъ, что А. Э. Фонъ-Пистолькорсъ былъ женатъ на младшей дочери Оберъ-Гофмейстера А. С. Танѣева, сестрѣ А. А. Вырубовой, а его мать, княгиня Палѣй, была замужемъ за великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ, безжалостно травила его, относя и его къ числу «темныхъ силъ», окружавшихъ Престолъ, и приписывая его вѣрѣ въ Распутина корыстные расчеты.

Распутинъ старался чрезъ посредство А. Э. фонъ-Пистолькорса расширять кругъ своихъ знакомыхъ и тѣмъ закрѣплять свое положеніе, причемъ сосредоточивалъ свое преимущественное вниманіе на лицахъ, занимавшихъ извѣстное положеніе и имѣвшихъ связи. Не менѣе горячо стремился къ этой же цѣли и А. Э. фонъ-Пистолькорсъ, желавшій окружить Распутина людьми, преданность которыхъ Престолу была внѣ сомнѣній. Такое желаніе было логичнымъ и вытекало изъ его вѣры въ Распутина, какъ святого. При всемъ томъ, А. Э. фонъ-Пистолькорсу долго не удавалось познакомить меня съ Распутинымъ. Я оспаривалъ его мнѣніе о святости послѣдняго и, не имѣя причинъ отзываться о Распутинѣ дурно, ибо лично не зналъ его, а тому что говорилось не придавалъ значенія, я ограничивался лишь указаніемъ на то, что истинные «старцы» въ Петроградѣ не проживаютъ, на автомобиляхъ не ѣздятъ, въ гостяхъ ни у кого не бываютъ, а сидятъ себѣ въ монастыряхъ и считаютъ грѣхомъ выходить даже изъ келіи, памятуя иноческое правило: «никто не возвращается въ свою келію такимъ, какимъ изъ нея вышелъ».

Однако мои доводы были безсильны поколебать пламенную вѣру А. Э. фонъ-Пистолькорса, и онъ объяснилъ мой скептицизмъ только незнакомствомъ съ Распутинымъ. Какъ то однажды А. Э. фонъ-Пистолькорсъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ. Это было въ 1908, или въ 1909 году. Я впервые встрѣтился у него съ Распутинымъ. Впечатлѣніе отъ вечера получилось такое, что мнѣ хотѣлось заплакать... Страннымъ показался не Распутинъ, который держался такъ, что мнѣ было жалко его; а страннымъ было отношеніе къ нему окружавшихъ, изъ коихъ одни видѣли въ каждомъ, ничего не значущемъ, вскользь брошенномъ, словѣ его — прорицаніе и сокровенный смыслъ, а другіе, охваченные благоговѣйнымъ трепетомъ, боязливо подходили къ нему, прикладываясь къ его рукѣ... Какъ затравленный заяцъ озирался Распутинъ по сторонамъ, видимо стѣсняясь, но въ тоже время боясь неосторожнымъ словомъ, жестомъ или движеніемъ разрушить обаяніе своей личности, неизвѣстно на чемъ державшееся... Были ли на этомъ вечерѣ тѣ, кто притворялся и лицемѣрилъ, не знаю... Можетъ быть и были... Но большинство дѣйствительно искренно

было убѣждено въ святости Распутина, и это большинство состояло изъ отборныхъ представителей самой высокой столичной знати, изъ людей самой чистой и высокой религіозной настроенности, виноватыхъ только въ томъ, что никто изъ нихъ не имѣлъ никакаго представленія о природѣ истиннаго «старчества».

Подробности этой первой встрѣчи съ Распутинымъ описаны мною на страницахъ моихъ воспоминаній за предыдущіе годы, и я не буду ихъ повторять. Съ теченіемъ времени, Распутинъ пріобрѣталъ все большую увѣренность въ себѣ, а въ описываемый мною моментъ, быть можетъ, даже сознавалъ себя призваннымъ поучать и наставлять другихъ.

Увидя меня, А. Э. фонъ-Пистолькорсъ подошелъ ко мнѣ и сталъ горячо упрашивать меня ѣхать съ нимъ, послѣ богослуженія, на Васильевскій Островъ, къ барону Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, куда поѣдетъ и Распутинъ и будетъ «говорить»... Въ то время проповѣди Распутина вызывали сенсацію... Онъ не любилъ говорить длинныхъ рѣчей, а ограничивался отрывистыми словами, всегда загадочными, и краткими изреченіями, а отъ пространныхъ бесѣдъ — уклонялся. Желаніе А. Э. фонъ-Пистолькорса было мнѣ понятно; но, не имѣя ни малѣйшаго представленія о баронѣ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, съ которымъ я нигдѣ не встрѣчался и не былъ знакомъ, я только удивился приглашенію А. Э. фонъ-Пистолькорса ѣхать съ нимъ въ незнакомый домъ, къ неизвѣстнымъ мнѣ людямъ.

«Но никто изъ насъ не знакомъ съ барономъ» – живо возразилъ А. Э. фонъ-Пистолькорсъ — «а мы всѣ туда ѣдемъ: баронъ далъ Григорію Ефимовичу свою столовую и позволилъ ѣхать кому угодно» — сказалъ А. Э. фонъ-Пистолькорсъ.

Какъ я ни отбивался, однако мнѣ пришлось уступить просьбѣ и, чрезъ нѣсколько минутъ, автомобиль примчалъ насъ на Александровскую улицу, къ дому, гдѣ жилъ баронъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ.

Когда мы вошли въ столовую, то уже застали тамъ Распутина, сидѣвшаго за столомъ въ обществѣ неизвѣстныхъ намъ лицъ. Тамъ были и представители аристократіи, и какіе то подозрительные типы, умильно засматривавшіе ему въ глаза, льстившіе ему и громко восхвалявшіе его... Одинъ изъ нихъ, ни къ кому, въ частности, не обращаясь, кричалъ о своемъ исцѣленіи «отцомъ Григоріемъ», и можно было бы подумать, что онъ умышленно создавалъ Распутину рекламу, если бы послѣдній очень рѣзко не оборвалъ его. Въ углу комнаты, не смѣя подойти къ столу, стояла какая то женщина, обращавшая на себя всеобщее вниманіе... Ея неестественно раскрытыя глаза были устремлены на Распутина; она была охвачена эк-

стазомъ и видимо сдерживала себя, истерически вздрагивая и что то причитывая...

«Это генеральша О. Лохтина» — шепнулъ мнѣ на ухо А. Э. фонъ-Пистолькорсъ: «она бросила мужа и дѣтей и пошла за Григоріемъ Ефимовичемъ, убѣжденная въ томъ, что Распутинъ — воплощенный Христосъ».

«Куда я попалъ!» — подумалъ я: «съумасшедшій домъ, съумасшедшіе люди»...

Распутинъ угрюмо сидѣлъ за столомъ и громко щелкалъ орѣхи.

Увидя А. Э. фонъ-Пистолькорса и меня, онъ оживился и, безцеремонно прогнавъ отъ себя какихъ то молодыхъ людей, посадилъ А. Э. фонъ-Пистолькорса по одну сторону, а меня — по другую и началъ «говорить».

Мнѣ трудно передать его образную рѣчь, и я вынужденъ, къ сожалѣнію, изложить ее литературнымъ языкомъ, вслѣдствіе чего рѣчь потеряетъ свой характерный колоритъ.

«Для чего это-ть вы пришли сюда?» — началъ Распутинъ: «на меня посмотрѣть, или поучиться какъ жить въ міру, чтобы спасти свои души?»..

«Святой, святой!» — взвизгнула въ этотъ моментъ стоявшая въ углу генеральша О. Лохтина.

«Помалкивай, дура» — оборвалъ ее Распутинъ.

«Чтобы спасти свои души, надо-ть вести богоугодную жизнь, говорятъ намъ съ амвоновъ церковныхъ священники да архіереи... Это справедливо... Но какъ же это сдѣлать?».. Бери Четьи-Минеи, житія святыхъ, читай себѣ, вотъ и будешь знать какъ», отвѣчаютъ. Вотъ я и взялъ Четьи-Минеи и житія святыхъ и началъ ихъ разбирать и увидѣлъ, что разные святые разно спасались, но всѣ они покидали міръ и спасеніе свое содѣлывали то въ монастыряхъ, то въ пустыняхъ... А потомъ я увидѣлъ, что Четьи-Минеи описываютъ жизнь подвижниковъ съ той поры, когда они уже подѣлались святыми... Я себѣ и подумалъ — здѣсь, вѣрно, что то не ладно... Ты мнѣ покажи не то, какую жизнь проводили подвижники, сдѣлавшись святыми, а то, **какъ** они достигли святости... Тогда и меня чему нибудь научишь. Вѣдь между ними были великіе грѣшники, разбойники и злодѣи, а про то, глянь, опередили собою и праведниковъ... Какъ же они опередили, чѣмъ дѣйствовали, съ какого мѣста поворотили къ Богу, какъ достигли разумѣнія и, купаясь въ грѣховной грязи, жестокіе, озлобленные, вдругъ вспомнили о Богѣ, да пошли къ Нему?! Вотъ что ты мнѣ покажи... А то, какъ жили святые люди, то не резонъ; разные святые разно жили, а грѣшнику невозможно подражать жизни святыхъ.

Увидѣлъ я въ Четьи-Минеи и еще, чего не взялъ себѣ въ толкъ. Что ни подвижникъ, то монахъ... Ну, а съ мірскими то какъ? Вѣдь и они хотятъ спасти души, нужно и имъ помочь и руку протянуть»...

«Протяни, помоги!» — не выдержала генеральша О. Лохтина: «Ты, Ты все можешь, все знаешь, Христосъ, Христосъ!» — кричала несчастная и забилась въ истерикѣ, протягивая руки къ Распутину...

«Замолчи, дура!» — строго прикрикнулъ Распутинъ — «я тебя»...

«Не буду, не буду» — взмолилась О. Лохтина.

«Прогоню тебя, дуру: скажу не пущать, этакая» — сердито оборвалъ ее Распутинъ.

«Ну, а ты чего таращишь на меня глаза?» — повернулся Распутинъ къ одному изъ своихъ поклонниковъ, съ необычайнымъ умиленіемъ глядѣвшаго на него и пожиравшаго Распутина глазами, жадно ловя каждое его слово.

Тотъ смутился, а Распутинъ продолжалъ:

«Значитъ, нужно придти на помощь и мірянамъ, чтобы научить ихъ спасать въ міру свои души. Вотъ, примѣрно, министръ Царскій, али генералъ, али княгиня какая, захотѣли бы подумать о душѣ, чтобы, значитъ, спасти ее... Что-же, развѣ имъ тоже нужно бѣжать въ пустыню или монастырь?! А какъ же служба Царская, а какъ же присяга, а какъ же семья, дѣти?! Нѣтъ, бѣжать изъ міра такимъ людямъ не резонъ. Имъ нужно другое, а что нужно, того никто не скажетъ, а всѣ говорятъ: «ходи въ храмъ Божій, соблюдай законъ, читай себѣ Евангеліе и веди богоугодную жизнь, вотъ и спасешься.»

И такъ и дѣлаютъ, и въ храмъ ходятъ, и Евангеліе читаютъ, а грѣховъ, что ни день, то больше, а зло все растетъ, и люди превращаются въ звѣрей...

А почему?.. Потому, что еще мало сказать: «веди богоугодную жизнь», а нужно сказать, какъ начать ее, какъ оскотинившемуся человѣку, съ его звѣриными привычками, вылѣзть изъ той ямы грѣховной, въ которой онъ сидитъ; какъ ему найти ту тропинку, какая выведетъ его изъ клоаки на чистый воздухъ, на Божій свѣтъ. Такая тропинка есть. Нужно только показать ее. Вотъ я ее и покажу.»

Нервное напряженіе достигло уже крайнихъ предѣловъ, съ О. Лохтиной снова случился истерическій припадокъ, и Распутинъ, чрезвычайно рѣзко, снова накричалъ на нее, приказавъ вывести ее изъ комнаты.

«Спасеніе въ Богѣ... Безъ Бога и шагу не ступишь... А увидишь ты Бога тогда, когда ничего вокругъ себя не будешь видѣть... Потому и зло, потому и грѣхъ, что все заслоняетъ Бога, и ты Его не видишь. И комната, въ кото-

рой ты сидишь, и дѣло, какое ты дѣлаешь, и люди, какими окруженъ — все это заслоняетъ отъ тебя Бога, потому то ты и живешь не по Божьему, и думаешь не по Божьему. Значитъ что то да нужно сдѣлать, чтобы хотя увидѣть Бога... Что же ты долженъ сдѣлать?»...

При гробовомъ молчаніи слушателей, съ напряженіемъ слѣдившихъ за каждымъ его словомъ, Распутинъ продолжалъ:

«Послѣ службы церковной, помолясь Богу, выйди въ воскресный или праздничный день за городъ, въ чистое поле... Иди и иди все впередъ, пока позади себя не увидишь черную тучу отъ фабричныхъ трубъ, висящую надъ Петербургомъ, а впереди прозрачную синеву горизонта... Стань тогда и помысли о себѣ... Какимъ ты покажешься себѣ маленькимъ, да ничтожнымъ, да безпомощнымъ, а вся столица въ какой муравейникъ преобразится предъ твоимъ мысленнымъ взоромъ, а люди — муравьями, копошащимися въ немъ!.. И куда дѣнется тогда твоя гордыня, самолюбіе, сознаніе своей власти, правъ, положенія?.. И жалкимъ, и никому не нужнымъ, и всѣми покинутымъ осознаешь ты себя... И вскинешь ты глаза свои на небо и увидишь Бога, и почувствуешь тогда всѣмъ сердцемъ своимъ, что одинъ только у тебя Отецъ — Господь Богъ, что только Одному Богу нужна твоя душа, и Ему Одному ты захочешь тогда отдать ее. Онъ Одинъ заступится за тебя и поможетъ тебѣ. И найдетъ на тебя тогда умиленіе... Это первый шагъ на пути къ Богу.

Можешь дальше и не идти, а возвращайся назадъ въ міръ и становись на свое прежнее дѣло, храня, какъ зеницу ока, то, что принесъ съ собою.

Бога ты принесъ съ собою въ душѣ своей, умиленіе при встрѣчѣ съ нимъ стяжалъ и береги его, и пропускай чрезъ него всякое дѣло, какое ты будешь дѣлать въ міру. Тогда всякое земное дѣло превратишь въ Божье дѣло и не подвигами, а трудомъ своимъ во славу Божію спасешься. А иначе трудъ во славу собственную, во славу твоимъ страстямъ, не спасетъ тебя. Вотъ это и есть то, что сказалъ Спаситель: «царство Божіе внутри васъ.» Найди Бога и живи въ немъ и съ нимъ и хотя бы въ каждый праздникъ, или воскресеніе, хотя бы мысленно отрывайся отъ своихъ дѣлъ и занятій и, вмѣсто того, чтобы ѣздить въ гости, или театры, ѣзди въ чистое поле, къ Богу.»

Распутинъ кончилъ. Впечатлѣніе отъ его проповѣди получилось неотразимое и, казалось бы, самые злѣйшіе его враги должны были признать ея значеніе. Онъ говорилъ о теоріи богоугодной жизни, о томъ, чего такъ безуспѣшно и въ разныхъ мѣстахъ искали вѣрующіе люди и, безъ помощи учителей и наставниковъ, не могли найти. Ихъ не удовлетворяли общіе

отвѣты, имъ нужно было нѣчто конкретное, и то, чего они не получали отъ своихъ пастырей, то, въ этотъ моментъ, казалось, нашли у Распутина.

Что новаго, неизвѣстнаго людямъ, знакомымъ съ святоотеческою литературою, сказалъ Распутинъ? Ничего!

Онъ говорилъ о томъ, что «начало премудрости — страхъ Божій», что «смиреніе и безъ дѣлъ спасеніе», о томъ, что «гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать» — говорилъ, словомъ, о найболѣе извѣстныхъ каждому христіанину истинахъ; но онъ облекъ эти теоретическія положенія въ такую форму, какая допускала ихъ опытное примѣненіе, указывала на конкретныя дѣйствія, а не въ форму философскихъ тумановъ, съ ссылками на цитаты евангелистовъ, или апостольскія посланія.

Я слышалъ много разныхъ проповѣдей, очень содержательныхъ и глубокихъ; но ни одна изъ нихъ не сохранилась въ моей памяти; рѣчь же Распутина, произнесенную 15 лѣтъ тому назадъ, помню и до сихъ поръ и даже пользуюсь ею для возгрѣванія своего личнаго религіознаго настроенія.

Въ его умѣніи популяризировать Божественныя истины, умѣніи, несомнѣнно предполагавшемъ извѣстный духовный опытъ, и заключался секретъ его вліянія на массы. И неудивительно, если истерическія женщины, подобныя О. Лохтиной, склонныя къ религіозному экстазу, считали его святымъ.

ГЛАВА LXIII.

Аудіенція Государя Императора, данная Распутину, и впечатлѣніе, произведенное имъ на Царя.

Первые шаги Распутина рождали несомнѣнно двойственное впечатлѣніе. Для всякаго, хотя бы только поверхностно знакомаго съ природою «старчества» и видѣвшаго дѣйствительныхъ «старцевъ», было ясно, что Распутинъ не принадлежитъ и не можетъ принадлежать къ нимъ. Этого не допускалъ прежде всего его образъ жизни, позволявшій ему проживать въ столицѣ и посѣщать своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, тогда какъ настоящіе «старцы» живутъ въ монастыряхъ и считаютъ грѣхомъ покидать даже свою келію, а тѣмъ болѣе выходить за ограду монастыря... При всемъ томъ, нѣкоторыя дѣйствія Распутина были положительно необъяснимы. Удостовѣрено, съ несомнѣнностью факта, нѣсколько случаевъ исцѣленія имъ больныхъ; извѣстны его загадочныя предска-

занія; общепризнано и его вліяніе на болѣзнь Наслѣдника Цесаревича. . .

Вотъ почему религіозный Петербургъ занялъ въ отношеніи его среднюю позицію, теряясь въ истинномъ представленіи о немъ и препочитая относиться къ нему скорѣе съ довѣріемъ, чтобы «не согрѣшить» предъ Богомъ, чѣмъ открыто порицать его. Многіе попросту даже боялись Распутина и, не отрицая его вліянія на окружавшихъ, но не умѣя объяснить его, опасались осуждать Распутина.

Такой позиціи держались и іерархи, въ томъ числѣ и архимандритъ Ѳеофанъ, возведенный вскорѣ въ санъ епископа и назначенный ректоромъ Петербургской Духовной Академіи, а за ними и благочестивые міряне. . . Осуждали и бранили Распутина только религіозно индифферентные люди, которые одинаково недовѣрчиво относились даже къ о. Іоанну Кронштадтскому, къ епископу Ѳеофану и къ прочимъ подвижникамъ, не укладывавшимся въ рамки ихъ религіознаго міросозерцанія, точнѣе раціонализма. А мнѣніе этихъ людей не только не колебало позиціи, занятой Распутинымъ, а еще болѣе укрѣпляло ее, вызывая протестъ противъ общаго безвѣрія и равнодушія къ мистицизму со стороны тѣхъ, кто видѣлъ въ «старцахъ», «юродивыхъ», «Божьихъ людяхъ», лишь пережитокъ старины, или отраженіе религіознаго невѣжества. Неудивительно, что какъ іерархи, такъ и благочестивые міряне, въ своихъ отношеніяхъ къ Распутину основывались на народной молвѣ, а не на сужденіяхъ этихъ, ни во что не вѣровавшихъ, людей. Говорятъ, что гораздо легче пріобрѣсти позицію «святого», чѣмъ удержаться на ней, и что нужно уже имѣть много личныхъ данныхъ для того, чтобы оставаться на этой предѣльной высотѣ человѣческой славы. Я думаю — наоборотъ.

Съ моей точки зрѣнія удержать позицію «святого» легче, чѣмъ пріобрѣсти ее, ибо отъ святого уже не требуется доказательствъ его святости: этого никто не смѣетъ дѣлать; ему вѣрятъ на слово, не подвергая критикѣ ни дѣйствій, ни поступковъ; всякій его шагъ, всякая мысль, всякій поступокъ признаются выраженіемъ воли Божіей; его наставленія, совѣты и указанія не только связываютъ, но и обязываютъ, и малѣйшее сомнѣніе, или недовѣріе къ его святости, трактуются уже какъ величайшій грѣхъ. Даже въ поступкахъ, явно, казалось бы, идущихъ въ разрѣзъ съ моралью, или обычаемъ, усматривается отраженіе «юродства», т. е. глубоко сокрытыя цѣли, умышленно прикрытыя обманчивою внѣшностью. Вотъ почему, когда въ общество стали проникать дурные слухи о Распутинѣ, то имъ неохотно вѣрили и признавали въ нихъ умышленное желаніе опорочить «святого». Да и кто изъ вѣрующихъ дерзнулъ бы первымъ разоблачить «святого» и тѣмъ признать свое нрав-

ственное превосходство предъ нимъ?! Исторія являла намъ примѣры, когда человѣчество проходило мимо своихъ святыхъ и пророковъ, не замѣчая ихъ, или побивало камнями и распинало тѣхъ, въ чью святость не вѣрило; но обратные примѣры такого отношенія къ признаннымъ святымъ наблюдались только у гонителей вѣры въ Бога; но таковымъ никто не желалъ быть въ этотъ періодъ славы Распутина и довѣрія къ нему со стороны найболѣе благочестивыхъ людей. Вотъ почему никакія выступленія противъ Распутина, имѣвшія мѣсто позднѣе, со стороны официіальныхъ представителей власти, не имѣли и не могли имѣть успѣха, ибо являлись въ глазахъ Государя выступленіями гонителей не Распутина, а гонителей вѣры...

Отъ великокняжескихъ салоновъ до Царскаго Дворца разстояніе не большое, и Распутинъ быстро его перешагнулъ. Какъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ состоялось знакомство Царя и Царицы съ Распутинымъ, я не знаю. По одной версіи, его представилъ Ихъ Величествамъ епископъ Ѳеофанъ; по другой — это знакомство состоялось чрезъ посредство Великой Княгини Милицы Николаевны... Какое же впечатлѣніе произвелъ Распутинъ на Царя?

Та высокая стѣна, которая издавна отдѣляла Царскій Дворъ отъ русскаго общества, неизбѣжно вызывала полное незнакомство послѣдняго съ обликомъ Царя. Придетъ время, когда исторія скажетъ, что никто изъ Предшественниковъ Государя Николая II не дѣлалъ большихъ усилій для того, чтобы разрушить это средостѣніе и приблизиться къ народу, что никто болѣе не старался разрушить эту стѣну... Вспомнитъ исторія и Императрицу Александру Ѳеодоровну, это воплощеніе истиннаго христіанскаго смиренія и простоты, съ такою любовію и довѣрчивостью протягивавшей Свои руки народу и отдавшей Себя безраздѣльно служенію его нуждамъ...

Что представлялъ Собою Государь Императоръ?

Это былъ прежде всего богоискатель, человѣкъ, вручившій Себя безраздѣльно волѣ Божіей, глубоко вѣрующій христіанинъ высокаго духовнаго настроенія, стоявшій неизмѣримо выше тѣхъ, кто окружалъ Его, и съ которыми Государь находился въ общеніи. Только безграничное смиреніе и трогательная деликатность, о которыхъ единодушно свидѣтельствовали даже враги, не позволяли Государю подчеркивать Своихъ нравственныхъ преимуществъ предъ другими... Только невѣжество, духовная слѣпота, или злой умыселъ могли приписывать Государю все то, что впослѣдствіи вылилось въ форму злостной клеветы, имѣвшей своей цѣлью опорочить Его, поистинѣ, священное имя. А что это имя было дѣйствительно священнымъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что одинъ изъ соціалистовъ-революціонеровъ,

еврей, которому было поручено обслѣдованіе дѣятельности Царя, послѣ революціи, съ недоумѣніемъ и тревогою въ голосѣ, сказалъ члену Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи А. Ф. Романову: «Что мнѣ дѣлать! Я начинаю любить Царя»... Не повтореніе ли это словъ разбойника на Голгоѳѣ?! Не голосъ ли Іуды: «распялъ Кровь Неповинную?!»

Эта высокая стѣна между Царскимъ Дворомъ и обществомъ, благодаря которой пріѣздъ ко Двору имѣли только офиціальныя лица и тѣ немногія изъ частныхъ лицъ, благонадежность которыхъ была внѣ сомнѣній, свидѣтельствуетъ о томъ, что первая аудіенція, данная Царемъ русскому мужику, была возможна при условіи надѣленія этого мужика какими либо необычайными свойствами и совершенно исключительными качествами. И это было сдѣлано, кстати сказать, тѣми, кто, впослѣдствіи, корилъ Царя за то, что Царь имъ повѣрилъ. Кто зналъ Государя Императора Николая II, точнѣе, кто умѣлъ распознать за декораціями царскаго сана Его дѣйствительный обликъ «человѣка», тотъ зналъ и то, насколько Государь тяготился Своимъ высокимъ званіемъ Монарха, насколько родственна Его духу была та религіозная атмосфера, какая окружала людей, презрѣвшихъ всѣ блага міра и живущихъ идеей спасенія души; тотъ зналъ и то, какою скорбью омрачалась душа Государя при мысли о томъ, что Онъ не можетъ, подобно Своимъ подданнымъ, отдаться всецѣло Своимъ духовнымъ влеченіямъ и хотя бы посѣтить обители, прославленныя жизнью подвижниковъ.

Я помню тотъ глубокій вздохъ, какой вырвался изъ груди Государя, сказавшаго мнѣ, что даже поѣздка на Валаамъ, куда Государь стремился, не могла состояться изъ-за политическихъ причинъ. Помню и разсказъ о томъ, какими трудностями было обставлено свиданіе Царя и Царицы съ Пашею Саровскою, въ Дивѣевѣ, и то воодушевленіе, съ какимъ Государь разсказывалъ о Своихъ впечатлѣніяхъ отъ этого свиданія... Само собою разумѣется, что Распутинъ, коему предшествовала громкая слава «старца», имя котораго гремѣло въ Петербургѣ, и о которомъ Государь постоянно слышалъ восторженные отзывы отъ окружающихъ, въ томъ числѣ отъ іерарховъ и даже Своего духовника, произвелъ на Государя сильное впечатлѣніе. Неизбалованный любовью общества, видя вокругъ Себя измѣну и предательство, тяготясь придворною сферою, съ ея ложью и лукавствомъ, Государь сразу же проникся довѣріемъ къ Распутину, въ которомъ увидѣлъ прежде всего воплощеніе русскаго крестьянства, какое такъ искренно и глубоко любилъ, а затѣмъ и «старца», какимъ его сдѣлала народная молва. Такому впечатлѣнію способствовала, конечно, и манера Распутина держать себя. Я подчеркивалъ уже эту манеру, когда

говорилъ, что Распутинъ совершенно не реагировалъ на окружающую обстановку, которая нисколько его не связывала, и держалъ себя совершенно свободно, не дѣлая различія между людьми. Сопоставляя отношеніе къ Себѣ со стороны придворныхъ круговъ, проникнутыхъ единственной цѣлью произвести выгодное впечатлѣніе на Государя и, въ стремленіи достигнуть эту цѣль, не брезгавшихъ никакими средствами, Государь невольно дѣлалъ выводъ въ пользу Распутина, усматривая въ его угловатости и даже безцеремонности лишь выраженіе его простодушія и искренности. Идеологія Распутина была, конечно, несложной и заключала въ себѣ обычныя представленія русскаго крестьянина о Богѣ-Карателѣ и Царѣ — источникѣ милости и правды. Любовь Распутина къ Царю, граничившая съ обожаніемъ, была дѣйствительно непритворной, и въ признаніи этого факта нѣтъ противорѣчій. Царь не могъ не почувствовать этой любви, какую оцѣнилъ вдвойнѣ, потому что она исходила отъ того, кто являлся въ Его глазахъ не только воплощеніемъ крестьянства, но и его духовной мощи... Да и не было у Государя основаній отнестись къ Распутину иначе. Менѣе всего могъ Государь предполагать, что тѣ люди, которые ввели Распутина во Дворецъ, умышленно надѣлили его тѣми качествами, которыхъ онъ не имѣлъ. Дальнѣйшее поведеніе Распутина при Дворѣ только укрѣпило его позицію, ибо онъ не злоупотреблялъ довѣріемъ Государя, а, наоборотъ, увеличивалъ его, проявляя изумительное для крестьянина безкорыстіе, отказываясь отъ Царскихъ даровъ и всякихъ привилегій, съ единственною цѣлью не поколебать въ глазахъ Государя позиціи «старца», на которой стоялъ и съ которой во Дворцѣ никогда не сходилъ. Съ этою цѣлью Распутинъ и воздерживался отъ политическаго общенія съ Государемъ, опасаясь выходить за предѣлы религіозной сферы, отведенной «старцамъ». Между Государемъ и Распутинымъ возникла связь на чисто религіозной почвѣ: Государь видѣлъ въ немъ только «старца» и, подобно многимъ искренно религіознымъ людямъ, боялся нарушить эту связь малѣйшимъ недовѣріемъ къ Распутину, чтобы не прогнѣвать Бога. Эта связь все болѣе крѣпла и поддерживалась столько же убѣжденіемъ въ несомнѣнной преданности Распутина, сколько, впослѣдствіи, и дурными слухами о поведеніи Распутина, которымъ Государь не вѣрилъ, какъ потому, что они исходили отъ невѣрующихъ людей, такъ и потому, что они неслись изъ Государственной Думы, удѣльный вѣсъ которой, понятно, не могъ быть высокимъ въ глазахъ Государя...

ГЛАВА LXIV.

Родители Государыни Императрицы Александры Өеодоровны.

Какое же впечатлѣніе произвелъ Распутинъ на Императрицу?

Мы поймемъ это впечатлѣніе только тогда, когда ознакомимся съ духовнымъ обликомъ Ея Величества, съ наслѣдственными чертами, унаслѣдованными Государыней Императрицей отъ родителей, съ обстановкою ея родительскаго очага, съ заложенными въ раннемъ дѣтствѣ духовными основами.

Духовный обликъ Ея Величества очень ярко и выпукло выясняется изъ кощунственно опубликованной переписки Императрицы съ Государемъ Императоромъ, а заложенныя въ дѣтствѣ духовныя основы — изъ переписки матери Ея Величества, Великой Герцогини Алисы Гессенской, съ королевою Англійскою Викторіей, матерью герцогини, въ промежутокъ между 1864 и 1878 гг. Переписка эта была издана въ 1886 году, спустя 8 лѣтъ послѣ смерти Великой Герцогини, и составила книжку подъ заглавіемъ: «Alice, Großherzogin von Hessen und bei Rhein, Prinzessin von Großbritannien und Irland. Mitteilungen aus ihrem Leben und aus ihren Briefen. Darmstadt 1886.» (1.)

Къ разсмотрѣнію этой послѣдней книжки я и хочу перейти.

Какъ ни скуденъ этотъ матеріалъ, однако онъ даетъ возможность достаточно ярко обрисовать какъ духовный обликъ матери Государыни Александры Өеодоровны, такъ и наслѣдственныя черты Императрицы, условія и обстановку Ея дѣтства, природу Ея характера, и потому, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію писемъ Императрицы къ Государю, необходимо на немъ остановиться. Духовный складъ человѣка слагается въ раннемъ дѣтствѣ, и условія семейной обстановки часто предопредѣляютъ черты характера, склонности и убѣжденія. Въ этомъ отношеніи Великая Герцогиня Алиса находилась въ исключительно счастливыхъ условіяхъ, унаслѣдовавъ отъ своихъ родителей, королевы Англійской Викторіи и принца Альберта, тѣ черты, какія отнесли ее къ числу не только образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, но и христіанскихъ подвижницъ, и вызвали самое неподдѣльное и глубокое преклоненіе, о которомъ и донынѣ свидѣтельствуетъ поставленный ей памятникъ въ Дармштадтѣ.

Относясь съ трогательной любовью къ своей матери, королевѣ Викторіи, что видно изъ каждаго письма цитируемой нами книги, Великая Герцогиня благоговѣла предъ памятью

отца, принца Альберта, который былъ идеаломъ ея жизни. Вотъ какими словами рисуетъ она обликъ своего отца:

«Je älter ich werde, desto vollkommener, erhebender und edler steht des teuren Papas Bild vor meiner Seele. Solch ein ganzes, nur der Pflicht gewidmetes, so freudig und anspruchlos durchgeführtes Leben bleibt auf alle Zeiten etwas unaussprechlich Schönes und Großes. Und wie war er bei allem zärtlich, liebevoll und heiter! Ich kann niemals bei anderen, welche ihn nicht gekannt haben, von ihm sprechen, ohne daß mir, wie jetzt, die Tränen in die Augen treten. Er war und ist mein Ideal. Ich habe nie einen Mann gekannt, den man ihm zur Seite stellen könnte oder der so wie er dazu angetan war, treu geliebt und bewundert zu werden..» (Alice, стр. 360.) (2.)

Въ письмѣ отъ 12 Декабря 1867 года, Великая Герцогиня пишетъ своей матери:

«Der teure geliebte Papa ist und wird immer unsterblich sein. Das Gute, das er getan, die großen Ideen, welche er in der Welt verbreitet, das edle und selbstlose Beispiel, welches er gegeben, wird fortleben, wie er, dessen bin ich gewiß, fortleben wird, als einer der besten, reinsten, gottähnlichsten Männer, welche in diese Welt hienieden gekommen sind. Jetzt und in der Zukunft wird sein Beispiel andere zu höheren und reineren Zielen anspornen, und ich bin überzeugt, der teure Papa hat nicht umsonst gelebt».... (Hid., стр. 205.) 3.).

Въ дальнѣйшемъ раскрывается такая идиллія семейной жизни родителей Великой Герцогини, такая пламенная любовь между ними, какая создавала совершенно особую благодатную атмосферу домашняго очага, въ условіяхъ котораго росла и воспитывалась мать будущей русской Императрицы, подъ сѣнью котораго зарождались, созрѣвали и крѣпли ея духовныя основы и особенности ея духовнаго склада. Процессъ ея духовнаго развитія не нашелъ, къ сожалѣнію, отраженія въ цитируемыхъ нами письмахъ, такъ какъ послѣднія были написаны уже послѣ того, какъ этотъ процессъ закончился, и духовный складъ Великой Герцогини вполнѣ опредѣлился. Но характеръ этого послѣдняго обрисовывается въ письмахъ очень ясно и свидѣтельствуетъ о тѣхъ особенностяхъ духовнаго облика Великой Герцогини, какія почти цѣликомъ перешли по наслѣдству къ ея дочери, Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Великая Герцогиня получила глубокое и разностороннее образованіе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ выдержки изъ ея писемъ, гдѣ имѣются указанія на тѣ книги, какія она читала и какими интересовалась.

«... Ich lese eben ein Buch von Herrn von Arneth, enthaltend die Briefe Maria Theresias an Maria Antoinette von 1770—1780.».. (стр. 93). (4.)

«Ich lese sehr viel ernste Bücher» говоритъ Великая Герцогиня въ письмѣ отъ 31 Мая 1865 года (стр. 103). (5.) Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ, вѣроятно отвѣчая на вопросъ своей матери, Великая Герцогиня останавливается и на подробностяхъ: «Ich lese eben jenes äußerst interessante Werk: «Geschichte von England von Pauli, deutsch, welches mit dem Wiener Kongreß im Jahre 1815 beginnt und, glaube ich, sehr ausführlich und zuverlässig ist. Es enthält auch eine Skizze der Regierung Georgs III. und ist so gut geschrieben, daß man es kaum weglegen kann» (стр. 107). (6.)

Далѣе, указывая на свой преимущественный интересъ къ историческимъ и научнымъ произведеніямъ, Великая Герцогиня говоритъ о своемъ знакомствѣ съ учеными, отъ которыхъ она получала книги для чтенія и съ которыми вмѣстѣ читала.

«Ich lese sehr viel, besonders Geschichts- und wissenschaftliche Werke, und ich habe einige sehr gelehrte Bekanntschaften, mit welchen ich lese, oder die mir Bücher empfehlen . . .» (стр. 260). (7.)

Однимъ изъ нихъ былъ знаменитый Фридрихъ Давидъ Штраусъ, съ которымъ Великая Герцогиня познакомилась осенью 1868 года и котораго приблизила къ себѣ, не прерывая съ нимъ общенія втеченіе всего времени жизни Штрауса въ Дармштадтѣ (стр. 247).

При всемъ томъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что главный интересъ Великой Герцогини сосредоточивался, все же, на книгахъ религіознаго содержанія. Издатель писемъ Великой Герцогини, лично ее знавшій, говоритъ въ своемъ послѣсловіи къ книгѣ, что всѣ ея столы были покрыты книгами религіознаго содержанія на всѣхъ языкахъ.

«Ich erinnere mich, daß alle ihre Tische mit religiösen Büchern in allen Sprachen bedeckt waren, und daß sie mir einige davon empfohlen hat. . .» (Стр. 419.) (8.)

Объ этомъ, впрочемъ, свидѣтельствуетъ и сама Великая Герцогиня, упоминая часто о проповѣдяхъ Робертсона, какія производили на нее такое неотразимое впечатлѣніе, что она считала ихъ наилучшими среди всѣхъ прочихъ, какія знала (стр. 384). Эти проповѣди, какія обыкновенно читались по воскресеніямъ вслухъ (стр. 103), отрывали Великую Герцогиню отъ повседневныхъ заботъ, подчасъ очень тяжелыхъ, и, наряду съ прочими условіями, о которыхъ будетъ сказано ниже, возносили ея душу къ Богу.

Съ впечатлѣніемъ отъ проповѣди «Безвозвратное Прошедшее» (т. II. проп. 22) Великая Герцогиня дѣлится въ письмѣ къ матери отъ 31 Мая 1865 года и описываетъ его такими словами:

«. . . Sonntags lesen wir Robertsons Predigten. In der zweiten Abteilung ist eine: «die unwiederbringliche Vergangenheit», für

junge Leute so ermunternd, so nützlich. Louis[1]) las sie mir bei seiner Rückkehr von Schwerin, nach Annas Tod,[2]) vor. In der Tat, ein kurzes Leben, und man empfindet die Ungewißheit des Lebens und die Notwendigkeit der Arbeit, Selbstverlängerung, christlichen Liebe und aller der Tugenden, nach welchen wir trachten sollten. O, möchte ich sterben, nachdem ich meine Arbeit getan, ohne daß ich durch Unterlassung des Guten gesündigt habe, der Fehler, in welchen man am leichtesten verfällt!. Da unser Leben so ruhig ist, gewährt es uns viel Zeit zu ernsten Nachdenken, und ich gestehe, es ist entmutigend zu finden, wie oft man fehlt, wie klein der Fortschritt im Besserwerden ist . . .» (стр. 103). (9.)

Не только наука и литература занимали Великую Герцогиню.

Живопись и музыка, въ области которыхъ она достигла такихъ успѣховъ, какіе позволяли ей выставлять картины на выставкахъ и принимать участіе въ домашнихъ концертахъ наряду съ первоклассными артистами, также наполняли ея досуги:

«Verkehr mit bedeutenden Männern eines jeden Faches, mochten es Künstler, Gelehrte oder Techniker sein, war ihr Genuß. Sie liebte es, hinein zu blicken in die Werkstatt ihrer Gedanken und zeigte einen echt deutschen Respekt vor dem Ernst der Arbeit in der Wissenschaft. Von den Künsten liebte und übte sie vornehmlich Malerei und Musik. In beiden erhob sie sich weit über das gewöhnliche Maß begabter Dilletanten. Sie zeichnete leicht, sicher und kräftig, mit entschiedenem Talent für Komposition und reicher Erfindungsgabe; sie malte mit feinem Sinn für Farbenstimmung, besonders glücklich in Wasserfarben. In der Musik leistete sie, was die rasche Auffassung und das Spielen auch sehr schwieriger Werke vom Blatt betrifft, vorzügliches; ihr Geschmack war hier wie in jeder Kunst streng und klassisch, den Meistern einer ernsten, gedankenschweren Behandlung zugetan. Vor allen waren Bach, Beethoven, Mendelsohn und Brahms ihre Lieblinge . . .» (стр. 417). (10.)

Однако, при всемъ томъ, было бы ошибочнымъ сдѣлать выводъ, что Великая Герцогиня вращалась только въ области отвлеченныхъ интересовъ. Напротивъ, это была натура дѣятельная, энергичная, независимая и самостоятельная, не только не терявшаяся при встрѣчахъ съ жизненными испытаніями и невзгодами, но и умѣвшая указывать другимъ выходы изъ положенія.

«Bei allem Respekt vor rein theoretischer, wissenschaftlicher Betrachtung der Dinge, in der sie einen bedeutenden Geist begriffen

---

[1]) Великій Герцогъ Людовигъ IV, супругъ герцогини Алисы.

[2]) Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, сестра Людовига IV, скончавшаяся 16 Апрѣля 1865 года.

fand, war ihr Sinn doch im Grunde praktisch gerichtet. In Zeiten der Gefahr, wenn die größten Ansprüche an ihre Leistung gemacht wurden, schienen ihre Kräfte sich zu erhöhen; hier bewies sie wirklich eines Herrschers Natur, der ruhig bleibt, wenn alles um ihn her den Kopf verliert...» (стр. 416). (11.)

Эта послѣдняя черта, источникъ которой коренился въ нѣдрахъ религіознаго сознанія Великой Герцогини, была наиболѣе характерной, и на ней слѣдуетъ остановиться подробнѣе. Религія была для Великой Герцогини не только теоретическимъ, внутреннимъ исповѣданіемъ вѣры, не только живымъ дѣломъ, которому она отводила главное мѣсто въ жизни, но и опорою этой жизни, совѣтникомъ и другомъ, съ которымъ Великая Герцогиня никогда не разлучалась, который все знаетъ и понимаетъ, никогда не измѣнитъ и не обманетъ, съ которымъ не страшно ни при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Религія не только проникала въ толщу ея повседневныхъ занятій, налагая конкретныя, подчасъ очень тяжелыя обязательства, но и заставляла Великую Герцогиню искать дѣлъ, отвѣчающихъ религіознымъ требованіямъ, что сдѣлалось уже потребностью ея религіознаго чувства. Въ этомъ отношеніи Великая Герцогиня была безсознательно проникнута духомъ Православія, и тѣ формы, въ какихъ находило свое выраженіе ея религіозное сознаніе, были чрезвычайно близки и родственны Православію и такъ ярко подтверждали основное положеніе о единствѣ пути къ Богу и единствѣ ощущеній, идущихъ этимъ путемъ, тожествѣ перспективъ.

«Vertrauen auf Gott! Immer und beständig in meinem Leben fühle ich, daß dies meine Stütze und meine Stärke ist, und es nimmt zu, wie die Tage vergehen; meine Gedanken in die Zukunft sind licht und dies trägt dazu bei, daß die kleineren Klagen und Sorgen der Gegenwart vor den warmen Strahlen des Lichtes verschwinden, welches unser Führer ist...» (стр. 37). (12.)

Такая живая, дѣятельная вѣра не могла, конечно, не переставлять точекъ зрѣнія на окружающее, на задачи и отношеніе къ нимъ, и понятно, почему Великая Герцогиня называетъ земную жизнь только странствованіемъ, приготовленіемъ къ загробной жизни, и видитъ родину на небѣ.

«Unser ganzes Leben sollte Vorbereitung und Erwartung der Ewigkeit sein» (13), говоритъ она въ письмѣ отъ 24 Іюля 1865 года (стр. 109). Далѣе, «das Leben ist nur eine Pilgerfahrt» (14.), (стр. 137). «Das Leben ist solch eine Pilgerfahrt und so ungewiß ist seine Dauer, daß alle geringeren Sorgen vergessen und leicht zu tragen sind, wenn man bedenkt, wofür man lebt..» (стр. 154) (15.) «Die Heimat ist dort...». (стр. 408). (16.)

И Великая Герцогиня не только не забывала о своемъ христіанскомъ долгѣ, не только разсматривала сквозь призму

его все окружающее, но и слѣдила за своимъ духовнымъ ростомъ, работала надъ собою, не теряла связи съ небомъ. Благодарная за ниспосылаемыя Богомъ милости, Герцогиня сознавала, какъ мало достойны люди этихъ милостей, какъ мало даютъ Богу взамѣнъ ихъ, и, въ письмѣ отъ 30 Декабря 1865 г., пишетъ:

«. . . traurig ist daran zu denken, wie unsere Sanduhr abläuft und wie wenig Gutes doch dabei ist, im Vergleich mit den zahllosen Segnungen, die uns zuteil werden». . . (стр. 120). (17.)

Отношеніе ея къ скорбямъ и испытаніямъ отражало глубокое пониманіе ихъ психологіи и ничѣмъ не расходилось съ точками зрѣнія, установленными нашей святоотеческою литературою, конечно, незнакомой Великой Герцогинѣ. Такое совпаденіе нисколько не удивительно, ибо всѣ, идущіе вѣрнымъ путемъ къ Богу, видятъ и знаютъ одно и тоже.

«Gottes Barmherzigkeit ist wirklich groß, und er sendet einen Balsam, um das verwundete, zerrissene Herz zu trösten und ihm Linderung zu schaffen, und lehrt uns, uns in unsere Sorgen zu schikken, auf daß wir wissen, wie wir sie tragen sollen» (стр. 212). (18.)

Таковъ былъ духовный складъ Великой Герцогини, содержаніе ея внутренней духовной сущности. Какъ же выражалась такая сущность во внѣ, въ какія внѣшнія формы воплощалась въ жизнь?! Цитируемая нами книга даетъ обстоятельный отвѣтъ и на этотъ вопросъ.

Я уже указывалъ на то, что эти формы были очень родственны Православію. Къ этому можно добавить, что Великая Герцогиня глубоко усвоила себѣ и самую идею подвига и стремилась къ нему, столько же ради того, чтобы помочь ближнему, сколько и во имя христіанскаго долга. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и пространное письмо отъ 5 Марта 1864 года, въ которомъ Великая Герцогиня описываетъ одинъ изъ такихъ подвиговъ, умоляя мать никому объ этомъ не разсказывать: «aber bitte, sage es niemandem, denn hier weiß keine Seele, außer Louis und meine Damen, etwas davon . . .» (стр. 71) (19.) Уходъ за ранеными и больными въ лазаретахъ и больницахъ и посѣщеніе разнаго рода благотворительныхъ учрежденій и пріютовъ нищеты входили въ программу каждаго дня. Великая Герцогиня не ограничивалась существующими учрежденіями, но и открывала новыя, обращая особое вниманіе на безпомощное положеніе престарѣлыхъ, лишенныхъ возможности личнымъ трудомъ заработать себѣ средства къ жизни Помощью со стороны такихъ учрежденій пользовались не только живущіе въ нихъ, но и тѣ бѣдные, которые, за недостаткомъ мѣста, оставались на городскихъ квартирахъ и юти-

лись на чердакахъ и въ подвалахъ. Эти послѣдніе были особенно близки сердцу Великой Герцогини, и она нерѣдко лично посѣщала ихъ. И цѣль, и результаты такихъ посѣщеній, какъ видно изъ приводимаго письма, рѣзко отличались отъ обычныхъ. Какъ то однажды Великая Герцогиня, въ сопровожденіи своей придворной дамы, отправилась «incognito» къ одной бѣдной прачкѣ, жившей въ трущобахъ старой части Дармштадта. Много усилій потребовалось, прежде чѣмъ Великая Герцогиня отыскала ее, пройдя маленькій грязный дворъ и поднявшись по темной лѣстницѣ на чердакъ. Тамъ она застала бѣдную больную женщину, лежавшую вмѣстѣ съ маленькимъ Baby на кровати. Тутъ же находились ея мужъ и еще четверо ребятъ. Мужъ не имѣлъ заработка, а дѣти были такъ малы, что не ходили даже въ школу и не могли служить подспорьемъ для родителей, и въ семьѣ царила страшная нужда, такъ какъ имѣлось всего 4 крейцера. Великая Герцогиня выслала изъ помѣщенія придворную даму и дѣтей и, вмѣстѣ съ мужемъ, сварила бѣдной женщинѣ обѣдъ, взяла у нея дитя, которому промыла больные глаза, привела въ порядокъ постель, убрала помѣщеніе и, два раза посѣтивъ больную, оставила ее лишь послѣ того, какъ облегчила ея горе и нужду и оказала дѣйствительную помощь ближнему. Письмо заканчивается такими словами: «. . . Es tat dem Herzen wohl, in solcher Armut so richtiges Gefühl zu finden. . . Denke Dir dieses Elend und Mißgeschick! Wenn man nie irgendwelche Armut sieht und immer nur unter Hofleuten lebt, tritt die Herzlichkeit in den Hintergrund und ich fühle das Bedürfnis, das wenige Gute zu tun, was in meinen Kräften liegt». . . (стр. 71—72). (20.)

Въ другой разъ Великая Герцогиня, спустившись въ подвалъ и заставъ тамъ еще болѣе тяжелую картину, потребовала горячей воды и, засучивъ рукава, собственноручно вымыла кучу бѣлья, сваленную въ углу.

Подобныхъ случаевъ въ жизни Герцогини было много, и всѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, что идею христіанской помощи ближнему она связывала съ личными трудами и подвигами. . . Тамъ же, гдѣ подвиги, тамъ смиреніе, и въ этомъ отношеніи жизнь Великой Герцогини даетъ очень много характерныхъ иллюстрацій. Трудовой день Герцогини начинался въ 6 часовъ утра и заканчивался послѣ 10 часовъ вечера (стр. 51). «Das Leben ist für die Arbeit da und nicht zum Vergnügen» (21.) пишетъ Великая Герцогиня къ матери 29 Августа 1866 г. (стр.157); а въ чемъ заключалась эта работа, мы видѣли изъ предыдущаго, когда отмѣчали, что, съ точки зрѣнія Великой Герцогини, земная жизнь должна быть только приготовленіемъ къ вѣчности, къ загробной жизни. Таковъ духовный обликъ матери Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Обратимся теперь къ отцу Императрицы, Великому Герцогу Гессенскому Людвигу IV.

Обликъ отца, посколько онъ находитъ свое отраженіе въ письмахъ Великой Герцогини, рисуется въ чрезвычайно привлекательныхъ краскахъ. Смѣлый, безстрашный полководецъ на войнѣ, разсудительный, спокойный и умный государственный дѣятель, Великій Герцогъ былъ въ тоже время и рѣдкимъ семьяниномъ, любящимъ мужемъ и отцомъ, для котораго семейный очагъ былъ не только главнымъ, но и единственнымъ мѣстомъ отдыха. Между супругами царило не только трогательное единодушіе, но и нѣжная взаимная любовь и уваженіе, и Великая Герцогиня, считая свой бракъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ на землѣ, часто писала своей матери о томъ, что не знаетъ даже, чѣмъ заслужила такое счастье, и за что Господь изливаетъ на нее Свои милости въ такомъ изобиліи. Въ письмѣ отъ 24 Іюня 1862 г., Великая Герцогиня пишетъ:

«Wenn ich sage, daß ich meinen Mann liebe, ist das kaum genug, es ist eine Liebe und Achtung, welche täglich, stündlich zunimmt, welche auch er mir durch alle möglichen Rücksichten und eine so zärtlich liebende Art erweist. Was war das Leben früher gegen das, was es jetzt geworden ist? Es ist ein so geheiligter Friede, an seiner Seite, seine Frau zu sein; es ist ein solches Gefühl der Sicherheit, und wir beide haben, wenn wir zusammen sind, unsere Welt unter uns, welche nichts anrühren oder stören kann. Mein Los ist wirklich ein begnadetes — doch was habe ich getan, um diese warme und inbrünstige Liebe zu verdienen, welche mein geliebter, angebeteter Louis mir erweist? Ich bewundere sein gutes und edles Herz mehr als ich sagen kann. Wie er mich liebt, weißt Du, und er wird Dir ein guter Sohn sein. Jeden Tag liest er mir aus «Westward ho» vor, das ich sehr schön und interessant finde... Ich bin immer ganz ungeduldig, bis ich seinen Schritt die Treppe heraufkommen höre und sein liebes Gesicht sehe, wenn er zurückkehrt»... (стр. 31). (22.)

Въ письмахъ къ матери, Великая Герцогиня часто останавливается на своихъ чувствахъ къ мужу и въ письмѣ отъ 9 Декабря 1867 года, между прочимъ, пишетъ:

«Wenn Louis zu Hause und frei ist.. habe ich alles, was die Welt mir geben kann, denn ich bin wirklich niemals glücklicher als an seiner teuren Seite, und die Zeit vermehrt nur unsere Zuneigung und bindet uns fester aneinander»... (стр. 204). (23.)

Такое духовное сродство было возможно, конечно, только при общности религіознаго міровоззрѣнія супруговъ, создававшаго общіе идеалы и стремленія. Религія протестанта, чуждая мистическихъ отвлеченій, проникала въ глубокія нѣдра жизни Великаго Герцога, и онъ ни на минуту не забывалъ не только о своихъ обязанностяхъ христіанина, но и о томъ, что,

по своему положенію, обязанъ былъ идти впереди прочихъ, подавая примѣръ отношенія къ христіанскому долгу другимъ. Въ этомъ отношеніи вся жизнь Великаго Герцога была соткана изъ цѣлаго ряда мелкихъ, единичныхъ фактовъ, составлявшихъ обычное содержаніе каждаго дня и рисовавшихъ величіе его души... Очень характерный случай описывается Великой Герцогиней въ письмѣ отъ 17-го Августа 1874 года изъ Blankenberghe:

«Gestern rettete Louis eine Dame vom Ertrinken. Er badete — die Wellen gingen hoch, da hörte er einen Hilferuf und sah eine Badende mit den Wellen kämpfen — sie verlor den Grund, ihr Mann versuchte ihr zu helfen, war aber erschöpft und ließ sie los, ebenso ihr Schwager, und Louis fühlte seine Kraft schwinden, aber sie behielt ihre Geistesgegenwart und schwamm auf der Oberfläche. Er ließ sie dann los, bis eine Welle sie ihm wieder nahe brachte, erfaßte ihre Hand und brachte sie heraus, selbst ganz erschöpft. Ich war nicht mehr in der See, denn die Wellen waren so furchtbar, daß ich meinen Grund mehrmals verlor und aus Furcht vor einem Unglücksfall früher herausging. Die Dame ist eine Mrs. J. Sligo, eine Schottländerin, und sie hat mir eben geschrieben, um Louis zu danken»... (стр. 354). (24.)

Частная жизнь Великогерцогской четы поражала своею скромностью и ничѣмъ не отличалась отъ жизни людей средняго круга и достатка. Офиціальные пріемы были рѣдки, и ими одинаково тяготились обѣ стороны. Часы досуга Великогерцогская чета проводила въ кругу семьи, отвлекаясь отъ нея или заботами о помощи ближнимъ, что обязывало къ посѣщенію разнаго рода благотворительныхъ учрежденій, или вынужденными пріемами офиціальныхъ лицъ. Таковъ былъ общій фонъ семейнаго очага, подъ сѣнью котораго росли и воспитывались ихъ дѣти. Какъ же относились къ нимъ родители, каковы были взгляды ихъ на задачи воспитанія дѣтей?..

Письма Великой Герцогини отвѣчаютъ и на этотъ вопросъ.

Въ письмѣ, отъ 25-го Іюня 1870 года, къ матери, имѣется характерное указаніе:

«Ich fühle ganz dasselbe wie Du hinsichtlich der Verschiedenheit des Standes und wie es vor allem für Fürsten und Fürstinnen von Wichtigkeit ist, zu wissen, daß sie nicht besser als andere sind, noch höher als andere stehen, es sei denn kraft eigenen Verdienstes, und daß ihnen nur doppelte Pflicht obliegt, für andere zu leben und ihnen ein Beispiel zu geben, gut und bescheiden zu sein — und ich hoffe, meine Kinder werden so heranwachsen».... (стр. 262). (25.)

На этомъ основномъ фундаментѣ Великая Герцогиня строила все зданіе воспитанія своихъ дѣтей и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ «frei von allem Stolz auf ihre Stellung..

welche ohne das, was ihr innerer Wert daraus machen kann, nichts ist»... (стр. 261). (26.)

Среди найденныхъ послѣ смерти Великой Герцогини писемъ имѣется одно, заготовленное для будущаго воспитателя ея сына, герцога Эрнеста-Людвига, написанное за недѣлю до ея смерти. Давая руководственныя указанія воспитателю, Великая Герцогиня говоритъ, что ея сынъ долженъ быть» ein Edelmann in vollstem Sinne des Wortes, ohne Prinzendünkel, bescheiden, unegoistisch, hilfreich, mit jenen Eigenschaften, welche vor allem die englische Erziehungsmethode zu entwickeln strebt: Pflichtbewußtsein, Ehrgefühl und Wahrheitsliebe und der Achtung vor Gott und dem Gesetze, die allein wahrhaft frei machen»... (стр. 409). (27.)

И умная мать успѣшно достигала намѣченныхъ цѣлей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и письмо отъ 25-го Декабря 1867 года:

«Meine Kinder wollen einer Anzahl armer Kinder am Neujahrstag eine Bescheerung machen. Es ist so gut, sie frühzeitig zu lehren, freigebig und mildtätig gegen die Armen zu sein. Sie wollen sogar einige ihrer Sachen und solche, die nicht zerbrochen sind, hergeben»... (стр. 205).

Еще болѣе характерную иллюстрацію взглядовъ Великой Герцогини на задачи воспитанія дѣтей мы находимъ въ ея письмѣ отъ 14 Іюня 1871 года, въ которомъ она пишетъ:

«Alle meine Kinder sind Naturfreunde, und ich suche das zu entwickeln, so viel in meinen Kräften steht. Es bezeichnet das Leben und niemals wird es ihnen an Unterhaltung fehlen, wenn sie imstande sind, die tausend Schönheiten und Wunder der Natur um sich her zu suchen und zu finden. Sie sind sehr glücklich und zufrieden und ich finde immer, daß, je weniger Leute sie haben, sie desto weniger brauchen und die Freude an dem, was sie wirklich besitzen, um so größer ist. Ich erziehe meine Kinder einfach und mit so wenigen Bedürfnissen, als ich es irgendwie vermag, und lehre sie vor allen Dingen, selbst für sich und andere zu sorgen, damit sie unabhängig werden»... (стр. 291). (28.)

Съ большимъ вниманіемъ слѣдила за воспитаніемъ своихъ внуковъ и королева Викторія, которая, какъ видно изъ письма Великой Герцогини отъ 16-го Ноября 1874 года, придерживалась весьма строгихъ методовъ воспитанія, не допускала того, чтобы дѣтей баловали и удѣляли имъ слишкомъ много вниманія. По этому вопросу между матерью и дочерью возникала обширная переписка, причемъ Великая Герцогиня оправдывалась отъ подозрѣній въ излишней заботливости о дѣтяхъ и подтверждала, что добросовѣстно слѣдуетъ указаніямъ матери, стараясь развивать въ дѣтяхъ самостоятель-

ность и независимость, для чего избѣгала частаго общенія съ дѣтьми и навлекала на себя даже жалобы со стороны мужа, находившаго, что она удѣляетъ своимъ дѣтямъ слишкомъ мало времени (стр. 258—359).

Тѣмъ не менѣе, однако, заботы о дѣтяхъ заставляли Великую Герцогиню интересоваться даже медицинскою литературою и пріобрѣтать спеціальныя познанія, чтобы имѣть возможность оказать нужную помощь до прихода врача (стр. 93—94). Самый тщательный уходъ за здоровьемъ дѣтей не могъ, однако, предотвратить послѣдствій той болѣзни, какая была, нужно думать, наслѣдственной въ семьѣ Великаго Герцога. Эта болѣзнь, «гемофилія», передаваясь мужскому поколѣнію, выражалась въ томъ, что кровь гемофилитика не имѣла свойствъ сгущаться, какъ у нормальнаго организма: стѣнки артерій и венъ больного были до того хрупки, что всякій ушибъ или даже чрезмѣрное усиліе могли вызвать разрывъ сосудовъ и повлечь за собою кровоизліяніе со смертельнымъ исходомъ. Болѣзнь унаслѣдовалъ младшій сынъ Великой Герцогини Frittie, скончавшійся въ дѣтствѣ отъ кровоизліянія, явившагося послѣдствіемъ неосторожнаго ушиба. Болѣзнь ребенка причиняла жестокія страданія матери, и въ письмѣ отъ 1-го Февраля 1873 года Великая Герцогиня описываетъ одинъ изъ бывшихъ случаевъ кровотеченія изъ уха, настолько сильнаго, что никакія средства не могли остановить его втеченіе сутокъ (стр. 323—324).

Часы досуга проходили или въ чтеніи духовныхъ книгъ, или въ молитвѣ, при чемъ эти молитвы являлись не только возношеніемъ души къ Богу, въ моменты отрѣшенія отъ обычныхъ дѣлъ и занятій, а какъ бы самостоятельнымъ и нужнѣйшимъ дѣломъ. Великая Герцогиня молилась вмѣстѣ съ своими дѣтьми, пріучала ихъ къ религіозному мышленію, вырабатывала у нихъ опредѣленное религіозное міровозрѣніе и особенно внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы дѣти не ограничивались лишь теоретическимъ исповѣданіемъ вѣры, а воплощали бы религію въ жизнь. Поэтому, не довольствуясь обычными утренними и вечерними молитвами, Великая Герцогиня пріучала дѣтей, между прочимъ, и къ духовнымъ пѣснопѣніямъ и вмѣстѣ съ ними пѣла духовныя пѣсни, относя такое занятіе къ числу важнѣйшихъ дѣлъ каждаго дня. Здѣсь сказался очень тонкій психологическій пріемъ, коимъ мудрая мать желала подчеркнуть, что еще мало вѣрить, а нужно имѣть и мужество всегда и при всякихъ случаяхъ исповѣдовать свою вѣру, не нужно стыдиться ея, что обычно наблюдается въ дѣтскомъ возрастѣ, а затѣмъ входитъ въ привычку.

«Ich fühle das Bedürfnis zu beten; ich singe gern geistliche Lieder mit meinen Kindern und jedes hat sein Lieblingslied».. (стр. 419). (29.)

Таково было настроеніе, общій фонъ и характеръ родительскаго очага Императрицы Александры Θеодоровны. . .

Кратки и отрывочны эти свѣдѣнія; онѣ не охватываютъ даже въ полномъ объемѣ содержанія цитированной мною книги, не касаются одного изъ важнѣйшихъ данныхъ, способнаго пролить свѣтъ на психологію той внутренней борьбы въ области религіозной, какую вела Великая Герцогиня, и о которой въ помянутой нами книгѣ имѣются лишь отдаленные намеки въ послѣсловіи ея издателя: «So wenig sie jemals an dem Werte und Wesen praktischer Religiosität irre wurde, so sehr sie in allen Stunden der Not und Angst immer wieder zum Worte der heiligen Schrift, das ihr sehr vertraut und lieb war, zurückkehrte, so hatte sie doch mit dem theoretischen Zweifel Herrschaft zu ringen. Es scheint ein jahrelanger Kampf gewesen zu sein» . . . . (стр. 418). (30.)

Исторія восполнитъ недостающее, а благодарное потомство, воздвигнувшее Великой Герцогинѣ великолѣпный памятникъ въ Дармштадтѣ, озаботится, въ свое время, опубликованіемъ и тѣхъ данныхъ, какія сейчасъ сосредоточены въ архивахъ Великогерцогскаго Двора и извѣстны лишь близкимъ, и какія озарятъ еще большимъ сіяніемъ свѣтлый обликъ родителей Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Приложеніе.

Переводъ нѣмецкаго текста главы LXIV: „Родители Государыни Императрицы Александры Θеодоровны“.

1. «Алиса, Великая Герцогиня Гессенская и Рейнская, Принцесса Великобританіи и Ирландіи. Сообщенія изъ ея жизни и писемъ. Дармштадтъ, 1886 г.»

2. «Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ совершеннѣе, возвышеннѣе и благороднѣе стоитъ предъ моею душею обликъ моего отца. Жизнь, съ такою радостью и смиреніемъ отданная только служенію долгу, является во всякомъ случаѣ чѣмъ то невыразимо прекраснымъ и великимъ. И какимъ онъ былъ всегда нѣжнымъ, любвеобильнымъ и яснымъ! Я никогда не могу говорить о немъ съ другими, которые его не знали, безъ того, чтобы слезы, какъ и сейчасъ, не выступали на глазахъ. Онъ былъ и остался моимъ идеаломъ. Я никогда не знала никого, кого бы можно было поставить съ нимъ рядомъ, и который былъ бы такъ любимъ и достоинъ удивленія. (Алиса, стр. 360.)

3. «Дорогой и любимый отецъ есть и всегда будетъ безсмертенъ. То хорошее что онъ сдѣлалъ, тѣ большія идеи, какія онъ распространилъ по свѣту, его благородный и самоотверженный примѣръ, какой онъ далъ, будутъ жить такъ же какъ

и онъ самъ, въ чемъ я убѣждена, какъ одинъ изъ лучшихъ, чистѣйшихъ и богоподобныхъ людей, явившихся въ міръ. И теперь, и въ будущемъ его примѣръ будетъ возвышать и заставлять другихъ стремиться къ высшимъ цѣлямъ, и я увѣрена, что дорогой отецъ не даромъ прожилъ свою жизнь»... (Тамъ же, стр. 205.)

4. «Я какъ разъ читаю книгу г. фонъ-Арнета, содержащую письма Маріи Терезіи къ Маріи Антуанеттѣ за 1770-1780 гг.» (Стр. 93.)

5. Я читаю очень много серьезныхъ книгъ»... (стр. 103.)

6. Я читаю сейчасъ одно изъ замѣчательно интересныхъ произведеній «Исторія Англіи, Паули», по нѣмецки, которая начинается съ Вѣнскаго конгресса 1815 г. и кажется мнѣ очень обстоятельной и достовѣрною. Она содержитъ въ себѣ и очеркъ царствованія Георга III и такъ хорошо написана, что едва можно оторваться отъ нея».. (стр. 107).

7. «Я читаю очень много, особенно историческія и научныя произведенія, и имѣю нѣсколько ученыхъ знакомыхъ, съ которыми вмѣстѣ читаю, или которые даютъ мнѣ книги»... (стр. 260).

8. Я« вспоминаю, что всѣ ея столы были покрыты книгами религіознаго содержанія на всѣхъ языкахъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ она одолжала мнѣ»... (стр. 419).

9. «По воскресеніямъ мы читаемъ проповѣди Робертсона. Во второй части есть проповѣдь: «Невозвратное Прошедшее» для молодежи, такая подбодряющая, такая полезная. Людвигъ читалъ ее мнѣ послѣ возвращенія своего изъ Шверина на похороны Анны. Въ самомъ дѣлѣ, какая короткая жизнь, и какъ ощущаешь эту неизвѣстность жизни и необходимость въ работѣ, самоотверженіи, христіанской любви и всякихъ добродѣтелей, къ которымъ мы должны стремиться. О, если бы я могла умереть, только закончивъ всю мою работу, безъ того, чтобы не согрѣшить противъ Добра, — ошибка, въ которую легче всего впасть. Такъ какъ наша жизнь протекаетъ спокойно, то есть много времени, чтобы серьезно все обдумать, и я сознаю, что ужасно видѣть, какъ часто приходится падать, и какъ незначительны успѣхи въ самоусовершенствованіи»... (стр. 103).

10. «Общеніе съ извѣстнѣйшими людьми каждой спеціальности, будь то художники, ученые, или представители техническихъ знаній — было ея потребностью. Она любила вникать въ сущность вопроса и обнаруживала чисто нѣмецкое отношеніе къ научной работѣ. Изъ искусствъ она особенно любила и упражнялась въ живописи и музыкѣ. Въ обоихъ она возвышалась значительно надъ обычнымъ уровнемъ диллетантовъ. Она рисовала легко, увѣренно и сильно, съ ярко вы-

раженнымъ талантомъ въ области композиціи и съ богатѣйшею изобрѣтательностью. Она рисовала съ тонкимъ знаніемъ созвучія красокъ, особенно счастливо морскіе сюжеты. Въ музыкѣ она достигла такого совершенства, что преодолѣвала труднѣйшія страницы, и здѣсь ея вкусъ, какъ и во всякой другой области, былъ строго классическимъ. Среди прочихъ — Бахъ, Бетховенъ, Мендельсонъ и Брамсъ — были ея любимцами»... (стр. 417).

11. «При всей склонности къ чисто теоретическому научному разсматриванію окружающихъ явленій, что такъ отличало ее, она имѣла практическій умъ. Въ моменты опасности, предъявлявшіе къ ней свои найбольшія требованія, ея силы, казалось, только выростали. Здѣсь сказывалась природа истинной властительницы, которая остается спокойною и тогда, когда всѣ вокругъ теряютъ голову»... (стр. 416).

12. «Вѣра въ Бога!» Всегда и безпрестанно я чувствую въ своей жизни, что это — моя опора, моя сила, какая крѣпнетъ съ каждымъ днемъ. Мои мысли о будущемъ свѣтлы, и теплые лучи этого свѣта, какой является нашимъ спутникомъ въ жизни, разгоняютъ испытанія и скорби настоящаго»... (стр. 37).

13. «Вся наша жизнь должна быть приготовленіемъ и ожиданіемъ вѣчности»... (стр. 109).

14. «Жизнь — только странствованіе»... (стр. 137).

15. «Жизнь — это такое странствованіе, и такъ неизвѣстна его длительность, что легко забываются и переносятся всѣ маловажныя заботы и огорченія, когда думаешь, для чего живешь»... (стр. 154).

16. «Родина — тамъ»... (стр. 408).

17. «Грустно подумать, какъ пробѣгаютъ часы нашей жизни, и какъ мало сдѣлано добра въ сравненіи съ тѣми неисчислимыми благословеніями, какія выпали на нашу долю»... (стр. 120).

18. «Милосердіе Божіе дѣйствительно велико, и Онъ посылаетъ бальзамъ на израненное, истерзанное сердце, чтобы дать ему облегченіе и, посылая намъ испытанія ,учитъ насъ тому, какъ мы должны переносить ихъ»... (стр. 212).

19. «...но прошу тебя никому ничего не говорить, ибо ни одна душа здѣсь ничего объ этомъ не знаетъ, кромѣ Людвига и моихъ дамъ»... (стр. 71).

20. «Это было очень полезно для сердца найти въ обстановкѣ такой нищеты столь вѣрное ощущеніе. Подумай только, какое бѣдствіе и злой рокъ! Когда никогда не видишь настоящей бѣдности и всегда вращаешься въ придворной средѣ, чувство сердечности охладѣваетъ, и я чувствую потребность дѣлать то малое добро, что въ моихъ силахъ»... (стр. 71—72).

21. «Жизнь дана для работы, а не для наслажденія»... (стр. 157).

22. «Когда я говорю, что люблю своего мужа, то это едва достаточно: здѣсь и любовь и уваженіе, какія увеличиваются съ каждымъ днемъ и часомъ, и какія и онъ, съ своей стороны, выражаетъ мнѣ такъ нѣжно и любовно. Чѣмъ была моя жизнь раньше въ сравненіи съ настоящею!.. Это — такое святое ощущеніе быть его другомъ, чувствовать такую увѣренность и, когда мы вдвоемъ, то имѣемъ тотъ міръ, какого никто не можетъ ни отнять отъ насъ, ни нарушить. Моя судьба дѣйствительно благословенна, но, все же, что же я сдѣлала, чтобы заслужить такую горячую и усердную любовь, какую даетъ мнѣ мой дорогой Людвигъ! Я восхищаюсь его добрымъ и благороднымъ сердцемъ больше, чѣмъ могу сказать. Какъ онъ меня любитъ — ты знаешь, и онъ будетъ тебѣ хорошимъ сыномъ. Каждый день онъ читаетъ мнѣ, »Westward ho» и я нахожу это восхитительнымъ и интереснымъ. Я всегда такъ нетерпѣлива, пока не услышу его шаговъ по лѣстницѣ и не увижу его милаго лица, когда онъ возвращается домой»... (стр. 31).

23. «Когда Людвигъ дома и свободенъ,... тогда я имѣю все, что мнѣ можетъ дать весь міръ, ибо я никогда не бываю счастливѣе, чѣмъ тогда, когда нахожусь возлѣ него, и время только увеличиваетъ наше единеніе и все тѣснѣе привязываетъ другъ къ другу»... (стр. 204).

24. «Вчера Людвигъ спасъ одну утопавшую. Онъ купался — волны поднимались высоко; вдругъ онъ услышалъ крикъ о помощи и увидѣлъ, какъ одна изъ купавшихся боролась съ волнами, выбиваясь изъ силъ... Ея мужъ пробовалъ спасти ее, но захлебнулся и выпустилъ ее изъ рукъ, тоже и шуринъ; тогда Людвигъ, набравшись силъ, сдѣлалъ попытку схватить ее, но она выскользнула изъ его рукъ, и волна снова выбросила ее на поверхность. Людвигъ выждалъ, пока новая волна приблизила къ нему утопавшую, и, схвативъ ее крѣпко за руку, выплылъ съ нею на берегъ, до крайности истощенный... Я не была уже въ озерѣ, ибо волны были такъ ужасны, что я часто теряла дно и, изъ боязни несчастія, вышла раньше на берегъ. Утопавшая оказалась г-жею И. Злиго, шотландткой, и она только что написала мнѣ письмо, прося поблагодарить Людвига за спасеніе ея жизни»... (стр. 354).

25. «Я чувствую буквально тоже, что и ты относительно различія положеній и то, какъ важно князьямъ и княжнамъ знать, что они ничѣмъ не лучше прочихъ людей, хотя и стоятъ выше ихъ, и что это положеніе налагаетъ на нихъ двойную обязанность жить для другихъ и подавать имъ примѣръ быть добрыми и скромными, и я надѣюсь, что мои дѣти выростутъ такими»... (стр. 262).

26. «свободными отъ всякой гордости своимъ положеніемъ... которое, безъ того, что составляетъ ихъ внутренняя сущность, само по себѣ ничего не стоитъ»... (стр. 261).

27. «благороднымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, безъ княжескихъ капризовъ, скромнымъ, не эгоистомъ, отзывчивымъ, со всѣми качествами, къ развитію которыхъ стремится англійскій методъ воспитанія: сознаніемъ долга, чувствомъ чести и любви къ правдѣ, почитаніемъ Бога и законовъ, что одно даетъ истинную свободу»... (стр. 409).

28. «Всѣ мои дѣти — друзья природы, и я стремлюсь развить это, посколько это въ моихъ силахъ. Это обогащаетъ жизнь и всегда будетъ важно, когда они будутъ въ состояніи отыскивать и находить вокругъ себя тысячи красотъ и чудесъ природы. Они счастливы и довольны, и я всегда нахожу, что чѣмъ меньше людей подлѣ нихъ, тѣмъ меньше они въ нихъ нуждаются, и то, что они имѣютъ, доставляетъ имъ только большую радость. Я воспитываю своихъ дѣтей просто, съ наименьшими потребностями, и учу ихъ во всѣхъ случаяхъ служить самимъ себѣ и заботиться о другихъ, чтобы сдѣлать ихъ самостоятельными»... (стр. 291).

29. «Я чувствую потребность молиться. Я охотно пою духовныя пѣснопѣнія съ моими дѣтьми, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое любимое пѣснопѣніе»... (стр. 419).

30. «Какъ ни ясны и безошибочны были ея взгляды въ области религіозной практики, какъ ни часто она обращалась каждый разъ, въ горѣ и нуждѣ, къ словамъ Священнаго Писанія, что такъ согласовалось съ ея настроеніемъ, однако ей приходилось выдерживать жестокую борьбу съ теоретическими сомнѣніями. И, кажется, что эта борьба была долголѣтней»... (стр. 418).

ГЛАВА LXV.

Прибытіе Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Россію и ея первыя впечатлѣнія.

Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна была четвертою дочерью Великаго Герцога Гессенскаго Людвига IV и его супруги, герцогини Алисы, и родилась 6-го Іюня 1872 года. Въ числѣ воспріемниковъ при крещеніи были Императоръ Александръ III, тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ, и его Супруга Императрица Марія Ѳеодоровна, и этотъ фактъ давалъ окружавшимъ поводъ называть новорожденную принцессу Алису будущей русской Императрицей. А. А. Танѣева, въ

своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, что во время посѣщенія Государыней Императрицей Маріей Александровной Дармштадта, въ семидесятыхъ годахъ, Великая Герцогиня Гессенская Алиса привела показать ей всѣхъ своихъ дѣтей и принесла на рукахъ и маленькую принцессу Алису. Императрица Марія Александровна, обернувшись къ своей фрейлинѣ, баронессѣ Пиларъ, произнесла, указывая на принцессу: «Baisez lui la main: elle sera votre future Impératrice.» (Страницы изъ моей жизни. А. А. Танѣевой (Вырубовой). Русская Лѣтопись, кн. IV, стр. 24). Такое убѣжденіе, съ ранняго дѣтства привитое принцессѣ, сдѣлалось настолько всеобщимъ и до того прочно укоренилось при Гессенскомъ Дворѣ, что впослѣдствіи проникло и въ ея сознаніе и, можетъ быть, было первымъ толчкомъ, родившимъ у нея тотъ интересъ къ Россіи и ко всему русскому, какой затѣмъ превратился въ горячую любовь къ ея новой Родинѣ и позволилъ ей сказать: «Я болѣе русская, чѣмъ многіе другіе» (Письмо Ея Величества къ Государю Императору, № 355, т. II, стр. 187).

Съ ранняго дѣтства принцесса Алиса стала обнаруживать склонность къ сосредоточенности и самоуглубленію и замѣтно выдѣлялась среди дѣтей своего возраста. Ея дѣтская душа безсознательно тянулась къ Богу и жила въ атмосферѣ религіозной мысли, и принцессу называли въ семьѣ не иначе, какъ «Das Licht der Welt» и «Sonnenschein». Послѣднее прозвище утвердилось за нею и сопутствовало ей втеченіе всей ея послѣдующей жизни. 6-ти лѣтъ отъ роду, принцесса Алиса лишилась своей матери, и ея послѣдующіе годы протекали, главнымъ образомъ, при дворѣ Англійской Королевы. Объ этомъ періодѣ ея жизни мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній; однако несомнѣнно, что при Англійскомъ Дворѣ царила таже атмосфера, и основы, заложенныя въ семьѣ родителей, получали лишь дальнѣйшее свое развитіе.

12-ти лѣтней дѣвочкою, Императрица Александра Өеодоровна въ первый разъ пріѣхала въ Петербургъ на свадьбу своей сестры, Великой Княгини Елисаветы Өеодоровны, и познакомилась съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Николаемъ Александровичемъ, которому въ то время было 16 лѣтъ. А. А. Танѣева разсказываетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, объ одномъ эпизодѣ изъ жизни маленькой принцессы Алисы въ этотъ періодъ. Наслѣдникъ подарилъ ей, однажды, маленькую брошку. Принцесса сперва приняла ее, но потомъ раздумала, полагая, что не должна была принимать подарка. Не зная, какъ вернуть подарокъ, чтобы не обидѣть Наслѣдника, принцесса, на дѣтскомъ балу, въ Аничковомъ Дворцѣ, потихоньку втиснула брошку въ руку Наслѣдника, который былъ очень огорченъ этимъ и подарилъ эту брошку своей сестрѣ. (Стр. 24).

Съ годами увлеченіе росло; но принцессѣ, нужно думать, приходилось выдерживать борьбу съ своимъ чувствомъ, ибо, какъ при Англійскомъ Дворѣ, такъ и при Гессенскомъ, относились несочувственно къ перемѣнѣ религіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Великой Герцогини Алисы отъ 12-го Ноября 1872 года, написанное по поводу предполагавшагося брака Великаго Князя Владиміра Александровича съ принцессою Маріей Мекленбургъ-Шверинской:

«Die Kaiserin von Rußland schrieb neulich, daß die Verbindung mit Marie von Mecklenburg ganz unmöglich ist, da sie ihren Glauben nicht wechseln will. Ich hoffe, alle anderen deutschen Prinzessinnen werden ihrem Beispiele folgen» (Alice,' стр. 313).

Столь же опредѣленными были точки зрѣнія на вопросъ и при Англійскомъ Дворѣ. Однако, къ тому времени, когда принцесса Алиса сдѣлалась невѣстою Наслѣдника Цесаревича, колебаній уже не было, ибо принцесса успѣла уже настолько глубоко ознакомиться съ Православіемъ, что перемѣна религіи перестала страшить ее.

Вотъ какими словами описываетъ А. А. Танѣева первыя впечатлѣнія принцессы Алисы, по пріѣздѣ ея въ Россію, въ качествѣ Цесаревны:

«Въ это время смертельно заболѣлъ Императоръ Александръ III, и ее вызвали, какъ будущую Цесаревну, въ Крымъ. Императрица съ любовью вспоминала, какъ встрѣтилъ ее Императоръ Александръ III, какъ онъ надѣлъ мундиръ, когда она пришла къ нему, показавъ этимъ свою ласку и уваженіе. Но окружающіе встрѣтили ее холодно, въ особенности, разсказывала она, княжна А. А. Оболенская и графиня Воронцова. Ей было тяжело и одиноко: не нравились шумные обѣды, завтраки и игры собравшейся семьи, въ такой моментъ, когда тамъ, наверху, доживалъ свои послѣдніе дни и часы Государь Императоръ. Затѣмъ переходъ ея въ Православіе и смерть Государя. Государыня разсказывала, какъ она, обнимая Императрицу-Мать, когда та отошла отъ кресла, на которомъ только что скончался Императоръ, молила Бога помочь ей сблизиться съ Нею. Потомъ длинное путешествіе съ гробомъ Государя по всей Россіи, и панихида за панихидой. «Такъ я въѣхала въ Россію», разсказывала она: «Государь былъ слишкомъ поглощенъ событіями, чтобы удѣлять мнѣ много времени, и я холодѣла отъ робости, одиночества и непривычной обстановки. Свадьба наша была какъ бы продолженіемъ этихъ панихидъ, только что меня одѣли въ бѣлое платье». Свадьба была въ Зимнемъ Дворцѣ. Тѣ, кто видѣли Государыню въ этотъ день, говорили, что она была безконечно грустна и блѣдна.

Таковы были въѣздъ и первые дни молодой Государыни въ Россіи. Послѣдующіе мѣсяцы мало измѣнили ея настроеніе.

Своей подругѣ, графинѣ Рантцау, (фрейлинѣ Принцессы Прусской), она писала: «Я чувствую, что всѣ, кто окружаетъ моего мужа, неискренни, и никто не исполняетъ своего долга ради долга и ради Россіи. Всѣ служатъ ему изъ за карьеры и личной выгоды, и я мучаюсь и плачу цѣлыми днями, такъ какъ чувствую, что мой мужъ очень молодъ и неопытенъ, чѣмъ всѣ пользуются». Государыня цѣлыми днями была одна. Государь днемъ былъ занятъ съ министрами; вечера же проводилъ съ своей матерью (жившей тогда въ томъ же Аничковомъ дворцѣ), которая въ то время имѣла большое на него вліяніе. Трудно было молодой Государынѣ первое время въ чужой странѣ. Каждая молодая дѣвушка, выйдя замужъ и попавъ въ подобную обстановку, легко могла бы понять ея душевное состояніе. Кажущаяся холодность и сдержанность Государыни начались съ этого времени почти полнаго одиночества, и ее находили непривѣтливой. . . .»

Кто не стоитъ въ сторонѣ отъ жизни и въ цѣпи случайныхъ, отрывочныхъ фактовъ видитъ отраженіе того, что они дѣйствительно выражаютъ, тотъ увидитъ въ этомъ краткомъ отрывкѣ лишь кусочекъ общей грандіозной картины, скрывавшей подпольную работу преступниковъ, толкавшихъ Россію навстрѣчу ея ужасному будущему. Не пришло еще время, которое бы открыло глаза ослѣпленному человѣчеству на работу того «Незримаго Правительства», задачи котораго заключаются въ ликвидаціи христіанства и гибели вѣковой христіанской культуры. Работа эта ведется тысячелѣтіями и на пути къ своимъ достиженіямъ встрѣчаетъ все меньше препятствій со стороны инертной массы. Натискъ на Россію начался давно. Убійство Императора Павла I и отравленіе Императора Николая I, убійство Императора Александра II и отравленіе Императора Александра III — все это лишь этапы дѣятельности того «Незримаго Правительства», въ существованіе котораго не всѣ даже вѣрятъ, до того искусно и глубоко запрятаны корни преступной работы этой шайки тайныхъ агентовъ революціи.

Такъ называемая «Эпоха великихъ реформъ» была начальнымъ пунктомъ планомѣрной, активной дѣятельности «Незримаго Правительства» въ Россіи, заложившей прочный фундаментъ для дальнѣйшаго развитія революціонныхъ начинаній. Какъ ни почтенны были заглавія каждой отдѣльной реформы, но всѣ онѣ объединялись общей идеей, нашедшей свое выраженіе въ лозунгѣ «Царь и народъ», и скрывавшей за собою цѣль — устранить одно изъ главнѣйшихъ препятствій на пути къ революціоннымъ достиженіямъ, общеніе народа съ интеллигенціей, для чего нужно было подорвать довѣріе народа къ образованному классу и озлобить противъ него.

Властная рука Императора Александра III положила предѣлъ дальнѣйшему развитію преступной работы, и то, что не удалось сдѣлать въ царствованіе Императора Александра III, то было рѣшено закончить въ царствованіе Императора Николая II.

Отсюда эта крайняя поспѣшность, эта стремительная, лихорадочная дѣятельность тайныхъ агентовъ революціи, не отражавшая даже системы, эти непрекращающіеся въ царствованіе Императора Николая II удары по Россіи и династіи. Ходынка, Японская война, революція 1905 года, Государственная Дума, война 1914 года и, какъ предѣлъ достиженій, революція 1917 года, гибель Россіи и династіи — все это лишь осуществленіе давно намѣченныхъ этаповъ общей программы «Незримаго Правительства», далеко еще не исчерпанной и включающей въ себѣ идею всемірной революціи, какъ способа ликвидаціи христіанства.

Въ описываемое нами время, главнѣйшимъ тормазомъ для осуществленія намѣченныхъ программъ былъ союзъ съ Германіей, и къ расторженію этого союза были направлены всѣ усилія «Незримаго Правительства». Вражда между Россіей и Германіей искусственно развивалась съ обѣихъ сторонъ, и къ концу царствованія Императора Александра III отношенія между монархіями обострились уже настолько, что Россія предпочла союзъ съ республиканской Франціей сохраненію прежней дружбы съ Германіей.

Здѣсь источникъ того отношенія, какое встрѣтила со стороны окружавшихъ прибывавшя въ Россію нѣмецкая принцесса Алиса Гессенская, будущая русская Императрица. Отсюда этотъ холодный пріемъ и недоброжелательство, отсюда эта планомѣрная, систематически развиваемая травля, не знающая предѣловъ злоба и гнусная клевета.

ГЛАВА LXVI.

Духовный обликъ Императрицы Александры Ѳеодоровны. А. А. Вырубова. Знакомство Ея Величества съ Распутинымъ.

Впечатлѣніе, произведенное Распутинымъ на Императрицу — было еще сильнѣе чѣмъ то, какое онъ произвелъ на Царя. Этотъ фактъ имѣетъ глубокія психологическія основы. Придетъ время, когда объ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоронѣ будутъ напечатаны цѣлые томы, и Ея имя будетъ жить въ памяти потомства, какъ имя Праведницы. Таковы уже законы извра-

щенной природы человѣчества, распинающаго тѣхъ, кому потомство ставитъ памятники.

Много разныхъ причинъ, главнымъ образомъ политическихъ, создали ту почву, на которую вступила Императрица Александра Ѳеодоровна, тогда еще принцесса Алиса Гессенская, въ первый же моментъ Своего пріѣзда въ Россію. Обострившіяся къ концу царствованія Императора Александра III отношенія между Россіей и Германіей не могли, конечно, не отразиться на отношеніи къ Нѣмецкой Принцессѣ, коей суждено было сдѣлаться Русской Императрицей. Такое отношеніе политическихъ и общественныхъ круговъ къ Принцессѣ Гессенской находило, къ несчастью, поддержку даже въ тѣсномъ домашнемъ кругу Царской Семьи, гдѣ молодую Императрицу встрѣтили, въ лучшемъ случаѣ, равнодушно, чтобы не сказать недружелюбно. Только очень немногіе знали, какое великое духовное богатство принесла Императрица Александра въ приданное Своему новому отечеству, какія великія традиціи предковъ Она унаслѣдовала, какую святую мать Она имѣла, какими глубокими моральными началами Она была проникнута. Мало кто зналъ и о тѣхъ дарованіяхъ, какими Императрица была надѣлена, о ея умѣ, о глубинѣ и широтѣ ея христіанскаго міровоззрѣнія... О Ней въ лучшемъ случаѣ судили лишь по Ея офиціальнымъ ученымъ дипломамъ; но мало кто интересовался взглянуть на то, что скрывали за собою эти дипломы, и каковъ былъ въ дѣйствительности нравственный обликъ Императрицы. А между тѣмъ, Императрица, точно умышленно, прятала Свои качества и дарованія, вела крайне замкнутую жизнь, что объяснялось гордостью и высокомѣріемъ, тогда какъ въ дѣйствительности тамъ была, съ одной стороны, застѣнчивость, а съ другой — сознаніе того тяжелаго чувства, какое испытываетъ всякій глубокій человѣкъ, принуждаемый отдавать дань свѣтской мишурѣ...

Подавленная безжалостнымъ отношеніемъ придворныхъ круговъ, настаивавшихъ на офиціальныхъ выѣздахъ и пріемахъ и усматривавшихъ въ нихъ найболѣе соотвѣтствующую форму общенія съ обществомъ, Императрица сказала мнѣ однажды: «Я не виновата, что застѣнчива. Я гораздо лучше чувствую Себя въ храмѣ, когда меня никто не видитъ; тамъ Я съ Богомъ и народомъ... Императрицу Марію Ѳеодоровну любятъ потому, что Императрица умѣетъ вызывать эту любовь и свободно чувствуетъ Себя въ рамкахъ придворнаго этикета; а Я этого не умѣю, и Мнѣ тяжело быть среди людей, когда на душѣ тяжело»...

Какъ много сказано этими немногими словами, и, поистинѣ, нужно самому научиться страдать, чтобы умѣть понять Императрицу. Если велики были страданія Государя Импера-

тора, уподоблявшаго Себя Св. Іову Многострадальному, то страданія Императрицы Александры Ѳеодоровны были еще больше. Всякое несчастіе, всякая неудача, всякій невѣрный шагъ, какъ въ частной жизни Царской Семьи, такъ и въ политической жизни государства, точно умышленно, связывался съ именемъ Императрицы, и этотъ психозъ принялъ такіе размѣры, что даже въ широкой публикѣ стали говорить о томъ, что Императрица принесла несчастіе Россіи. Такое убѣжденіе не только отзывалось глубокими страданіями чуткой и воспріимчивой души Императрицы, но сдѣлалось даже Ея собственнымъ убѣжденіемъ, еще болѣе связывавшимъ Ее и заставлявшимъ еще глубже уединяться и въ общеніи съ Церковью искать утѣшенія и духовныхъ силъ. Вся жизнь Императрицы была проникнута религіознымъ содержаніемъ, какое растворялось лишь Ея горячею любовью къ Россіи и русскому народу. Благо этого народа было дыханіемъ Ея жизни. Теперь это уже не личное мнѣніе автора, а фактъ, ставшій извѣстнымъ всему міру и обличающій издателей «Писемъ Императрицы къ Государю Императору». И нужно было дѣйствительно горячо любить Россію, чтобы, будучи иностранкой, такъ глубоко изучить языкъ и литературу чуждаго раньше народа и проникнуться Православіемъ настолько, чтобы усвоить духъ его... Здѣсь, въ полной мѣрѣ, сказалась и тренировка иностранки, то уваженіе къ требованіямъ религіи, какое отличаетъ вѣрующаго протестанта отъ вѣрующаго православнаго. Для перваго религія — жизнь; для второго — только исповѣданіе, часто ни къ нему не обязывающее. Самыя, казалось бы, важныя требованія религіи, для всѣхъ обязательныя, не только не выполняются, но часто даже неизвѣстны православнымъ. По ученію православной Церкви, каждый христіанинъ обязанъ имѣть духовника, общеніе съ которымъ должно быть непрерывнымъ, а не только въ моментъ исповѣди. Никто не вправѣ мѣнять своихъ духовниковъ по своему выбору и желанію, а долженъ пользоваться тѣмъ, въ приходѣ котораго живетъ. Велѣнія духовника безусловны: его требованія выше закона и подлежатъ выполненію при всякихъ условіяхъ. Ведя своихъ духовныхъ дѣтей къ Богу, онъ руководитъ ихъ жизнью, провѣряетъ и очищаетъ ихъ совѣсть, связываетъ и разрѣшаетъ и даетъ за нихъ отвѣтъ Богу. Такова теорія; а въ дѣйствительности объ этой теоріи не всѣ православные даже знаютъ... Совершенно иную картину мы наблюдаемъ у вѣрующаго протестанта, или католика. Тамъ религія жизненна; тамъ она растворяется въ мелочахъ повседневной жизни, проникаетъ въ толщу жизни, обязываетъ къ конкретнымъ дѣйствіямъ, налагаетъ опредѣленныя обязанности; тамъ религія — сама жизнь.. Само собою разумѣется, что, войдя въ лоно Православія, Им-

ператрица прониклась не только буквою, но и духомъ его, и, будучи вѣрующей протестанткой, привыкшей относиться къ религіи съ уваженіемъ, выполняла ея требованія не такъ, какъ окружавшіе Ее люди, любившіе только «поговорить о Богѣ», но не признававшіе за собою никакихъ обязательствъ, налагаемыхъ религіею.

Исключеніе составляла одна только Анна Александровна Вырубова, бывшая Фрейлина Государыни, старшая дочь Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею, оберъ-гофмейстера А. А. Танѣева, несчастно сложившаяся личная жизнь которой рано познакомила ее съ тѣми нечеловѣческими страданіями, какія заставили ее искать помощи только у Бога, ибо люди были уже безсильны помочь ей. Общія страданія, общая вѣра въ Бога, общая любовь къ страждущимъ, создали почву для тѣхъ дружескихъ отношеній, какія возникли между Императрицею и А. А. Вырубовою.

Жизнь А. А. Вырубовой была поистинѣ жизнью мученицы, и нужно знать хотя одну страницу этой жизни, чтобы понять психологію ея глубокой вѣры въ Бога и то, почему только въ общеніи съ Богомъ А. А. Вырубова находила смыслъ и содержаніе своей глубоко-несчастной жизни. И, когда я слышу осужденія А. А. Вырубовой со стороны тѣхъ, кто, не зная ея, повторяетъ гнусную клевету, созданную даже не личными ея врагами, а врагами Россіи и Христіанства, лучшей представительницей котораго была А. А. Вырубова, то я удивляюсь не столько человѣческой злобѣ, сколько человѣческому недомыслію... И когда Императрица ознакомилась съ духовнымъ обликомъ А. А. Вырубовой, когда узнала, съ какимъ мужествомъ она переносила свои страданія, скрывая ихъ даже отъ родителей; когда увидѣла ея одинокую борьбу съ человѣческой злобой и порокомъ, то между Нею и А. А. Вырубовой возникла та духовная связь, которая становилась тѣмъ большей, чѣмъ больше А. А. Вырубова выдѣлялась на общемъ фонѣ самодовольной, чопорной, ни во что не вѣровавшей, знати. Безконечно добрая, дѣтски довѣрчивая, чистая, не знающая ни хитрости, ни лукавства, поражающая своею чрезвычайною искренностью, кротостью и смиреніемъ, нигдѣ и ни въ чемъ не подозрѣвающая умысла, считая себя обязанной идти навстрѣчу каждой просьбѣ, А. А. Вырубова, подобно Императрицѣ, дѣлила свое время между Церковью и подвигами любви къ ближнему, далекая отъ мысли, что можетъ сдѣлаться жертвою обмана и злобы со стороны дурныхъ людей... Вотъ почему, когда пронесся слухъ о появленіи «старца» Распутина, А. А. Вырубова встрепенулась и была одною изъ первыхъ, побѣжавшихъ ему навстрѣчу. Въ этомъ порывѣ сказалось столько же желаніе найти въ общеніи съ «старцемъ»

личную духовную поддержку, сколько и желаніе дать ее несчастной Императрицѣ. При какихъ обстоятельствахъ произошло знакомство Императрицы съ Распутинымъ, я не знаю; но знаю, что, прежде чѣмъ познакомиться съ нимъ, а затѣмъ и въ послѣдующее время, послѣ знакомства, Императрица, не довѣряя собственному впечатлѣнію, запрашивала отзывовъ о Распутинѣ у Своего духовника, имѣвшаго въ глазахъ Ея не только личный, но и церковный авторитетъ. Это обстоятельство упускается изъ виду, или умышленно замалчивается, между тѣмъ имѣетъ чрезвычайное значеніе. Авторитетъ духовника былъ въ глазахъ Императрицы настолько высокъ, что связывалъ личную волю, исключалъ свободу личнаго мнѣнія, обязывалъ къ безпрекословному послушанію, былъ, словомъ, такимъ, какимъ и долженъ быть въ глазахъ каждаго истинно вѣрующаго православнаго, претворяющаго религію въ жизнь. И совершенно понятно, что Государыня увидѣла въ лицѣ Распутина того, кто былъ «старцемъ» не только въ глазахъ широкихъ массъ населенія, но и въ глазахъ Ея духовника. ..Въ Своемъ отношеніи къ Распутину Императрица стояла на такой же высотѣ, на какой стояла вся «Святая Русь» предъ келіей старца Амвросія Оптинскаго, или хибаркою преподобнаго Серафима... Въ этихъ отношеніяхъ находила свое лучшее выраженіе вся красота нравственнаго облика Императрицы, Ея глубочайшая вѣра, Ея смиреніе, преданность волѣ Божіей. . . Эта черта, свойственная только русскому человѣку, ищущему, въ моментъ душевной боли, общенія съ святыми людьми, старцами и подвижниками, вмѣсто того, чтобы «разсѣяться» и бѣжать въ гости, или въ театръ, такъ глубоко бы сроднила Императрицу Александру Ѳеодоровну съ русскимъ народомъ, если бы между Нею и народомъ не была воздвигнута врагами Россіи и династіи стѣна, скрывавшая Ея дѣйствительный обликъ, если бы цѣлая армія, въ милліоны рукъ, не трудилась бы надъ этой преступной работою. . . Не вызывалъ сомнѣнія у Императрицы Распутинъ еще потому, что составлялъ именно то явленіе русской жизни, какое особенно привлекало Императрицу, видѣвшую въ его лицѣ воплощеніе образовъ, съ коими Она впервые ознакомилась въ русской духовной литературѣ.

Этотъ типъ «печальниковъ», «странниковъ», «юродивыхъ», обнимаемыхъ общимъ понятіемъ «Божьихъ людей», былъ особенно близокъ душѣ Императрицы. Короче говоря, Императрица Александра Ѳеодоровна была не только Русскою Императрицею, но и Русскою женщиною, насквозь проникнутою тѣми свойствами, какія возвеличили образъ русской женщины и возвели Ее на заслуженный пьедесталъ.

И съ этого пьедестала Императрица не сходила, и выполнила Свой долгъ предъ Россіей, предъ Церковью и личной совѣстью до конца. И если, тѣмъ не менѣе, Она не была понята русскимъ народомъ, то только потому, что была настолько выше общаго уровня Своего народа и стояла на такой уже высотѣ, какая требовала духовнаго зрѣнія, чтобы быть замѣтной.

ГЛАВА LXVII.

Дурная слава Распутина и ея послѣдствія.

О Распутинѣ такъ много говорилось и писалось, что для того, чтобы разобраться въ его истинномъ обликѣ и раскрыть игру тѣхъ, кто окружалъ его съ завѣдомо преступными цѣлями, выполняя заданія интернаціонала, необходимо сперва установить рѣзкія грани, отдѣлявшія извѣстные періоды его жизни до и послѣ появленія въ Петербургѣ.

Первый періодъ протекалъ въ далекой Сибири и въ точности мало кому извѣстенъ. Общая молва утверждала, что Распутинъ былъ кающимся грѣшникомъ, что въ своей молодости онъ велъ разгульную жизнь и губилъ полученные отъ Бога таланты; что затѣмъ благодать Божія вновь коснулась его, онъ раскаялся и подвигами самобичеванія, паломничествами по святымъ мѣстамъ, молитвою и постомъ, старался заглушить въ себѣ укоры совѣсти и достигъ такихъ успѣховъ, что Господь простилъ ему его грѣхи и возвеличилъ. . . Было ли это такъ, или здѣсь отразилась только склонность русскаго народа къ таинственнымъ легендамъ, я не знаю. Однако, долю правды въ этихъ разсказахъ можно допустить, ибо Распутинъ, еще задолго до своего появленія въ Петербургѣ, имѣлъ репутацію подвижника и привлекалъ къ себѣ не только своихъ односельчанъ, но и жителей сосѣднихъ губерній, и слухъ о его подвижнической жизни дошелъ даже до столицы, откуда архимандритъ Ѳеофанъ, инспекторъ Петербургской Духовной Академіи, не разъ, будто бы, ѣздилъ къ Распутину, почитая его за праведника.

Нѣтъ данныхъ утверждать, чтобы слава Распутина, какъ подвижника, раздувалась бы въ этотъ періодъ времени искусственно, усиліями дѣлателей революціи. Живя въ далекой Сибири, Распутинъ былъ еще внѣ поля зрѣнія и наблюденія интернаціонала и, вѣроятно, обладалъ дѣйствительно какими либо качествами и особенностями, выдвинувшими его на поверхность и заставившими говорить о немъ.

Интернаціоналъ сосредоточилъ на Распутинѣ свое вниманіе лишь послѣ пріѣзда послѣдняго въ Петербургъ и только использовалъ его доброе имя подвижника, раздувая его славу и окружая это имя ореоломъ святости.

Возможно, что архимандритъ Ѳеофанъ, посѣщая Распутина въ Сибири, и пригласилъ его въ Петербургъ. Монахъ исключительной настроенности и огромнаго авторитета, имѣвшій большое вліяніе на студентовъ академіи и производившій на окружающихъ сильнѣйшее впечатлѣніе, сосредоточившій на себѣ вниманіе Высочайшаго Двора и, въ частности, Императрицы Александры Ѳеодоровны, избравшей его Своимъ духовникомъ, архимандритъ Ѳеофанъ былъ всегда окруженъ тѣми «Божьими людьми», какіе уносили его въ надземный міръ, въ бесѣдахъ съ которыми онъ отрывался отъ мірской суеты... Сюда, въ этотъ центръ истинной монашеской жизни и духовнаго дѣланія, нашелъ дорогу и косноязычій Митя; сюда же проникъ и Распутинъ, склонившійся предъ высотою нравственнаго облика архимандрита Ѳеофана и усердно распространявшій тогда славу о подвижнической жизни послѣдняго...

Какъ ни велико преступленіе русскаго общества, не съумѣвшаго распознать козней интернаціонала и своими криками о Распутинѣ, вмѣсто того, чтобы замалчивать это имя, содѣйствовавшаго успѣху преступной работы интернаціонала, однако, будучи безпристрастнымъ, нужно признать, что эти козни были дѣйствительно тонко задуманы и еще болѣе тонко проведены въ жизнь... Въ томъ фактѣ, что архимандритъ Ѳеофанъ не только принималъ у себя Распутина, но даже навѣщалъ его въ Сибири, Петербургъ могъ усмотрѣть дѣйствительно достаточное оправданіе своей вѣрѣ въ Распутина... Слава Распутина разросталась все болѣе, и предъ нимъ раскрывались все чаще двери не только гостинныхъ высшей аристократіи, но и великокняжескіе салоны... А нужно знать, что такое «слава», чтобы этому не удивляться... И добрая, и дурная слава одинаково связываютъ обѣ стороны. Въ первомъ случаѣ подходятъ къ человѣку съ тою долею предубѣжденія въ его пользу, какая исключаетъ возможность критики и безпристрастной оцѣнки; во второмъ случаѣ еще болѣе рѣзко наблюдается такая связанность, увеличивающая мнительность и подозрительность со стороны того, о комъ говорятъ дурно, и заставляющая тѣхъ, кто говоритъ о немъ дурно, видѣть въ каждомъ словѣ послѣдняго, въ каждомъ его движеніи, лишь отраженіе своихъ подозрѣній и заранѣе сложившагося мнѣнія. О томъ же, что первоначально добрая слава о Распутинѣ, а затѣмъ дурная, искусственно раздувались интернаціоналомъ, объ этомъ, конечно, мало кто догадывался. Успѣху Распутина способствовалъ и тотъ фактъ, что столичная знать, въ средѣ

которой онъ вращался, вообще не просвѣщенная въ религіозномъ отношеніи, не имѣвшая общенія съ духовенствомъ, или не удовлетворявшаяся этимъ общеніемъ, но въ тоже время интересовавшаяся религіозными вопросами, была весьма мало требовательна и трактовала его какъ «старца», далекая отъ мысли подвергать критикѣ его слова и дѣйствія... Да въ этомъ и не было надобности, вѣрнѣе возможности, столько же потому, что Распутинъ говорилъ отрывочными, не связанными между собою, фразами и намеками, которыхъ невозможно было разобрать, сколько и потому, что его слава зиждилась не на его словахъ, а на томъ впечатлѣніи, какое онъ производилъ своею личностью на окружающихъ. Чопорное великосвѣтское общество было застигнуто врасплохъ при встрѣчѣ съ дерзновенно смѣлымъ русскимъ мужикомъ, не дѣлавшимъ никакого различія между окружающими, обращающимся ко всѣмъ на «ты», не связаннымъ никакими требованіями условности и этикета и совершенно не реагировавшимъ ни на какую обстановку. Его вниманія не привлекала ни роскошь великокняжескихъ салоновъ и гостинныхъ высшей аристократіи, ни громкія имена и высота положенія окружавшихъ его лицъ. Ко всѣмъ онъ относился снисходительно милостиво, всѣхъ разсматривалъ, какъ «алчущихъ и жаждущихъ правды», и на вопросы, къ нему обращаемые, давалъ часто мѣткіе отвѣты. И эта внѣшняя незаинтересованность производимымъ впечатлѣніемъ, въ связи съ несомнѣннымъ безкорыстіемъ Распутина, удостовѣреннымъ впослѣдствіи документально слѣдственнымъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе располагала вѣрующихъ людей въ его пользу.

И во всякомъ случаѣ къ доброй славѣ Распутина нужно отнести то, что онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ интернаціонала, не использовалъ выгодъ своего положенія для измѣны Царю, а, наоборотъ, разрушилъ козни враговъ Россіи своею фанатическою преданностью къ Царю, въ признаніи которой нѣтъ противорѣчій ни съ чьей стороны...

Къ Царю онъ прошелъ; славу «святого» воспринялъ; сладко спалъ и вкусно ѣлъ; а отъ подкупа и преступленій, къ какимъ обязывала его эта слава, не только отказался, но даже выдалъ Царю преступниковъ, чѣмъ еще болѣе закрѣпилъ свое положеніе... Съ этого поворотнаго пункта начинаются уже жестокая травля Распутина и его дурная слава... Не успѣвъ съ одного конца, еврейчики зашли съ другого и геніально использовали ту близость, точнѣе то довѣріе, какое питали къ Распутину Ихъ Величества, и стали ковать ему противоположную славу. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что Распутинъ, какъ я уже указывалъ, съ трудомъ удерживаясь на занятой имъ позиціи «святого» и оставаясь въ не свойственной ему

средѣ, или въ обществѣ людей, мнѣніемъ которыхъ не дорожилъ, распоясовался, погружался въ грѣховный омутъ, какъ реакцію отъ чрезмѣрнаго напряженія и усилій, требуемыхъ для неблагодарной роли «святого», и давалъ поводъ говорить о себѣ дурно. Этого было достаточно для того, чтобы использовать имя Распутина въ цѣляхъ дискредитированія священнаго имени Монарха...

Періодъ славы Распутина, какъ «святого», кончился.

Наступилъ второй періодъ славы противоположной.

Все чаще и чаще стали раздаваться сначала робкіе, единичные голоса о безнравственности Распутина, о его отношеніяхъ къ женщинамъ; слухи эти поползли, и скоро вся Россія, а за нею и Европа, заговорили о Распутинѣ, какъ воплощеніи вѣкового зла Россіи.

Будемъ внимательно слѣдить за послѣдовательнымъ развитіемъ діавольски хитрой игры интернаціонала.

Слава Распутина, какъ «святого», была нужна для того, чтобы вызвать къ нему довѣріе Государя и Императрицы; противоположная слава была нужна для обратной цѣли, для того, чтобы опорочить Священныя Имена.

Какими же способами достигалась эта послѣдная цѣль, какими орудіями ковалась эта послѣдняя слава?

Что Распутинъ за порогомъ Дворца велъ несдержанный образъ жизни, въ этомъ нѣтъ сомнѣній; однако вполнѣ безспорнымъ является и тотъ фактъ, что его искусственно завлекали въ разставленныя сѣти, учиняли всевозможные подлоги, фотографируя всякаго рода пьяныя оргіи и вставляя затѣмъ, въ группу присутствовавшихъ, его изображеніе; создавали возмутительныя инсценировки, съ цѣлью рекламировать его поведеніе и пр.

Кто же это дѣлалъ, и кому это было нужно?

А между тѣмъ наивное, или, вѣрнѣе, политически невоспитанное и безтактное общество все болѣе неистовствовало и все громче кричало о его поведеніи, не догадываясь о томъ, какой ударъ династіи наноситъ этими криками, отвѣчавшими лишь интересамъ революціи и ея заданіямъ.

Малѣйшее противодѣйствіе этимъ слухамъ вызывало гоненія противъ смѣльчаковъ, которыхъ клеймили прозвищемъ «распутинецъ». Игра велась такъ тонко, что многіе, изъ одного только опасенія прослыть «распутинцами», съ удвоенной энергіей кричали о преступленіяхъ Распутина, не стѣсняясь создавать ихъ въ своемъ воображеніи.

А дѣлателямъ революціи только этого и нужно было.

Клевета, не встрѣчавшая на своемъ пути никакихъ преградъ, дѣлала свое гнусное, черное дѣло, обрушиваясь, главнымъ образомъ, на Императрицу.

Отношеніе общества къ Ея Величеству все болѣе обострялось и принимало настолько недопустимыя формы, что вызывало даже жалобы со стороны Императрицы, обычно крайне сдержанной и слезами смывавшей наносимыя Ей обиды. Всѣмъ памятно письмо къ Государынѣ княгини Васильчиковой, о которомъ Императрица, въ бесѣдѣ со мною, отзывалась съ великой горечью, называя письмо недопустимымъ столько же по содержанію, сколько и по формѣ, и притомъ, наполненнымъ клеветою. . . Памятенъ мнѣ и другой разсказъ Императрицы, такъ ярко отразившій Ея нравственное величіе.

Начальница Епархіальнаго женскаго училища въ Царскомъ Селѣ, г-жа Курнатовская, при встрѣчѣ съ Императрицею, не только не поклонилась, а демонстративно отвернулась въ сторону. Разсказывая мнѣ объ этомъ, Императрица добавила: «зачѣмъ она это сдѣлала и, притомъ, въ присутствіи Моихъ дочерей; зачѣмъ оскорбила мать въ глазахъ дѣтей!.. Я бы не обратила вниманія на ея неучтивость; но Мнѣ было тогда такъ больно не столько за Себя, сколько за дочерей». . .

Я былъ до того возмущенъ наглостью начальницы училища, призванной воспитывать своихъ питомицъ и подающей такой преступный примѣръ, что заявилъ Государынѣ о своемъ намѣреніи немедленно же удалить такую начальницу, считая абсолютно невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе ея въ должности. Однако Императрица взяла съ меня слово не только не увольнять начальницу, но даже запретила мнѣ передать послѣдней содержаніе Ея бесѣды со мною.

Никому, конечно, не приходила мысль о томъ, что безсовѣстная, злостная, безжалостная клевета на Императрицу, на Которой интернаціоналъ сосредоточилъ весь odium поведенія Распутина, была связана съ единственною цѣлью вооружить еще болѣе общественное мнѣніе противъ Германіи и приблизить моментъ разрыва съ нею. Въ Распутинѣ видѣли лишь явленіе мѣстной жизни, рожденное нездоровымъ мистицизмомъ и безнравственностью общества; но мало кто прозрѣвалъ истинную природу этого явленія, хотя и рожденнаго на русской почвѣ, но имѣвшаго огромное международное значеніе. А между тѣмъ дурная слава о Распутинѣ все болѣе увеличивалась и, чѣмъ искреннѣе желали лучшіе, но близорукіе люди засвидѣтельствовать свою преданность династіи и любовь къ Государю, тѣмъ громче кричали о Распутинѣ, не замѣчая того, что ихъ голоса сливались съ голосами, исходившими отъ Государственной Думы, еврейской прессы и тѣхъ худшихъ людей, для которыхъ обликъ Распутина не имѣлъ никакого значенія, и которые преслѣдовали только одну цѣль — всячески унизить престижъ Царя и династіи. Революція потому и удается, что задумывается всегда худшими, а выпол-

няется, нерѣдко, и лучшими, но слѣпыми людьми. И какъ въ первомъ случаѣ, создавая Распутину славу «святого», интернаціоналъ пользовался лучшими людьми, введенными имъ въ заблужденіе, такъ и позднѣе, эти же лучшіе, обманутые въ своей вѣрѣ въ Распутина, выступили впереди прочихъ въ своихъ «разоблаченіяхъ» и содѣйствовали той дурной славѣ Распутина, какая, въ этотъ моментъ, была такъ нужна интернаціоналу. Замѣчательно, что въ обоихъ случаяхъ лучшіе русскіе люди исходили изъ своего личнаго отношенія къ Распутину, забывая, что центральнымъ мѣстомъ былъ Царь и династія, а не личность Распутина. . .Достойно вниманія и то обстоятельство, что слава Распутина, какъ «старца», гремѣла только въ Петербургѣ, а дурная слава пронеслась по всей Россіи, распространилась по Европѣ и перешагнула даже океанъ, гдѣ американскіе журналы и газеты изощрялись надъ созданіемъ опредѣленной репутаціи Русскаго Царя и Его Семьи и отводили Распутину цѣлыя страницы, помѣщая его портреты и освѣщая его личность нужными интернаціоналу красками. Однако этотъ фактъ проходилъ даже незамѣченнымъ. . . Впрочемъ, цѣль была уже на половину достигнута. Престижъ Царя и династіи падалъ все ниже; слѣпое общество, вторившее голосу интернаціонала и обвинявшее въ этомъ Распутина, еще громче кричало о немъ; а война съ Германіей была уже объявлена. . . Манифестъ о войнѣ вызвалъ всеобщее ликованіе, вѣрнѣе, бѣснованіе, и только немногіе видѣли въ немъ величайшую побѣду интернаціонала.

Среди этихъ немногихъ былъ и полуграмотный Распутинъ, который прислалъ изъ Сибири двѣ телеграммы Его Величеству, умоляя «не затѣвать войны», и связывая съ нею роковыя послѣдствія для Россіи и династіи.

Однако Россія катилась въ бездну съ неумолимостью рока.

ГЛАВА LXVIII.

„Разоблаченія“ и отношеніе къ нимъ Государя и Императрицы.

Замѣчательно, какое непостижимое легкомысліе проявило столичное общество при первомъ же камнѣ, брошенномъ въ Распутина интернаціоналомъ, съ какою легкостью повѣрило «разоблаченіямъ» и той клеветѣ, какая распространялась вокругъ его имени. Съ понятіемъ о «Святости» не соединимо, конечно, никакое преступленіе; но, съ точки зрѣнія уголовнаго кодекса, никакихъ преступленій за Распутинымъ не чис-

лилось: все сводилось только къ проявленіямъ его мужицкой натуры. Казалось бы, не только лойяльность, но простое благоразуміе и тактъ должны были бы, въ корнѣ, пресѣчь распространеніе слуховъ, порочащихъ имя того, кто пользовался довѣріемъ Царя и Царицы, но не раздувать этихъ слуховъ до размѣровъ, бросавшихъ тѣнь даже на Священныя Имена. Однако общество иначе поняло свою задачу. Вчерашній святой былъ объявленъ сегодня шарлатаномъ, и общество въ ужасѣ отшатнулось отъ него, боясь запачкаться его грязью. И, какъ первыми побѣжали навстрѣчу Распутину лучшіе, найболѣе религіозные люди, такъ теперь эти же люди первыми выступили противъ него, охваченные негодованіемъ и горечью разочарованія. Болѣе всѣхъ страдалъ, конечно, епископъ Ѳеофанъ. Призвавъ къ себѣ Распутина, Владыка потребовалъ отъ него объясненія позорящихъ его слуховъ, подъ угрозою разоблаченія его въ глазахъ Государя и Императрицы. Распутинъ, не отдававшій себѣ отчета въ томъ, въ чемъ заключались его «преступленія», исходившій въ оцѣнкѣ своего поведенія изъ мужицкихъ точекъ зрѣнія, не удовлетворилъ своими объясненіями епископа Ѳеофана, подобно другимъ уже видѣвшаго въ Распутинѣ олицетвореніе зла. Наступилъ моментъ не только жгучей, невыразимо тяжелой душевной боли, но и моментъ открытой борьбы съ тѣмъ, кто уже успѣлъ пустить при Дворѣ глубокіе корни и доказать свою преданность Царю и Престолу цѣлымъ рядомъ дѣйствій, оправдавшихъ въ глазахъ Царя даже его репутацію «старца». Какъ, однако, ни глубоки были душевныя страданія епископа Ѳеофафа, какъ ни ясно было для него, что разочарованіе въ Распутинѣ лишитъ его не только прежняго обаянія, но и того нравственнаго авторитета, которымъ онъ пользовался при Дворѣ, какъ, наконецъ, ни очевидно было, что его миссія не будетъ имѣть успѣха, ибо свяжетъ его съ общей оппозиціей къ Престолу, для которой личность Распутина не играла никакой роли, и какая только прикрывалась его именемъ, тѣмъ не менѣе епископъ Ѳеофанъ мужественно сознался въ своей ошибкѣ, разсказалъ Государю о поведеніи Распутина и умолялъ Царя объ удаленіи его. Вслѣдъ за епископомъ Ѳеофаномъ подобнаго рода ходатайства были возбуждены и со стороны дворцоваго коменданта В. А. Дедюлина,[1]) товарища минитра Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Джунковскаго, князя Орлова и другихъ лицъ. Неумолимая логика вещей, однако, дѣлала свое дѣло. Епископъ Ѳеофанъ, а за нимъ и всѣ прочіе, шедшіе его путемъ и боровшіеся съ Распутинымъ тѣми же средствами, т. е. исходившіе изъ фактовъ, рисовав-

[1]) Послѣдовавшая вскорѣ послѣ этого смерть В. А. Дедюлина была истолкована какъ кара Божія за выступленіе противъ Распутина.

шихъ безнравственное поведеніе Распутина, впадали въ немилость Государя и теряли довѣріе. Между Распутинымъ и Царской Семьей возникла уже духовная связь, разорвать которую было невозможно тѣми способами, какими пользовался епископъ Өеофанъ, а за нимъ и всѣ прочіе. Тамъ, гдѣ отношенія между людьми основаны на внѣшнихъ факторахъ, тамъ ихъ легко разрушить, обезцѣнивая эту внѣшность. Тамъ же, гдѣ онѣ коренятся на глубокихъ духовныхъ связяхъ, тамъ внѣшность не играетъ никакой роли. Тѣмъ меньшее значеніе имѣла внѣшность въ данномъ случаѣ, когда ни Государь, ни Императрица не вѣрили и не могли вѣрить ей. Когда Дума, или окружавшіе Государя люди, указывая на несоотвѣтствіе того или иного лица, просили о его отставкѣ, тогда Государь до того часто шелъ навстрѣчу этимъ просьбамъ, что далъ В. М. Пуришкевичу даже поводъ произнести его крылатое слово «чехарда». Но отношеніе къ назначаемымъ или удаляемымъ лицамъ базировалось у Государя на соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи ихъ требованіямъ политическаго момента. Когда же требованіе объ удаленіи отъ Двора было предъявлено Государю въ отношеніи лица, не занимавшаго никакого служебнаго положенія, не игравшаго никакой политической роли, полуграмотнаго мужика, въ преданности котораго Государь неоднократно убѣждался, а слухамъ о дурномъ поведеніи котораго не вѣрилъ, то такое требованіе являлось въ глазахъ Государя оскорбительнымъ и справедливо разсматривалось какъ вторженіе въ частную жизнь Монарха. Съ офиціальными лицами Государь былъ связанъ, такъ сказать, служебными связями и разставался съ ними, когда этого требовали государственные интересы, и даже прихоти Думы. Но съ Распутинымъ у Царя была связь духовная, и этою связью Государь не желалъ пренебрегать въ угоду Думѣ, или по требованію общества и прессы.

Въ данномъ случаѣ это былъ, помимо прочихъ причинъ, и вопросъ самолюбія Царя, не желавшаго дѣлаться игрушкою въ рукахъ Думы и прессы, не только распоряжавшихся Царскими министрами, но и посягавшихъ на частную жизнь Государя. Но основанія для отказа Государя идти навстрѣчу этимъ требованіямъ вытекали не только изъ означенныхъ внѣшнихъ причинъ, а были гораздо глубже. И напрасно историкъ будетъ ихъ искать въ упрямствѣ Государя и Императрицы, или въ Ихъ безразличіи къ поведенію Распутина. Я имѣлъ уже случай неоднократно указывать на то, что поведеніе Распутина при Дворѣ было безупречнымъ, не подавало и не могло подавать никакихъ поводовъ къ сомнѣніямъ не только въ его нравственной чистотѣ, но и въ тѣхъ дарахъ, коими онъ былъ надѣленъ, какъ «старецъ». Нравственная высота, на которой стояли Ихъ Величества въ Своемъ отношеніи къ Распутину,

разумѣется, внѣ всякихъ сомнѣній. Но именно потому, что Государь и Императрица стояли на этой высотѣ, именно по этой причинѣ всѣ обличавшіе Распутина разсматривались Ихъ Величествами какъ сошедшіе съ этой высоты, потому ли, что сдѣлались жертвою обмана со стороны другихъ, или потому, что носили только маску благочестія, не имѣя его. Допустить, чтобы тѣ люди, которые ввели Распутина во Дворецъ, могли такъ грубо ошибиться и признать шарлатаномъ того, кого раньше признавали святымъ, Ихъ Величества не могли и скорѣе повѣрили въ измѣну этихъ лицъ, чѣмъ въ искренность, или справедливость ихъ отзывовъ о Распутинѣ.

Какія же основанія для недовѣрія къ Распутину имѣлись у Ихъ Величествъ? На его сторонѣ были — разоблаченія придворныхъ интригъ, предупрежденные террористическіе акты, обнаруженіе предательства Думы, благотворное вліяніе на здоровье Наслѣдника-Цесаревича, неподлежавшая никакому сомнѣнію преданность къ Царской Семьѣ, простая, безискусственная любовь къ Государю, наконецъ, доказанная способность къ гипнотическимъ внушеніямъ, создавшая ему репутацію «старца»... Все это были плюсы, а не минусы. Противъ же него были обвиненія о развратномъ поведеніи, исходившія отъ Думы, прессы и тѣхъ людей, духовный цензъ которыхъ не былъ высокъ въ глазахъ Государя. Правда, среди этихъ послѣднихъ былъ и епископъ Ѳеофанъ; но вѣдь отъ ошибокъ никто не застрахованъ, и Государь легко могъ сдѣлать такое предположеніе. Создавалась ли почва для чрезвычайнаго довѣрія Царя къ Распутину умышленно и искусственно, или оправдывалась дѣйствительными основаніями, — это безразлично; но очевидно, что, при наличности такой почвы, всякая попытка подорвать авторитетъ Распутина дурными отзывами о его поведеніи была покушеніемъ съ негодными средствами. Вокругъ Престола было такъ много лжи, предательства и лукавства, такъ много интригъ и неискренности, что такая попытка въ отношеніи человѣка, преданность котораго была доказанной, являлась, кромѣ того, и неразумной. Могъ ли Государь повѣрить дурнымъ отзывамъ о Распутинѣ, когда, будучи проникнутъ глубочайшей любовію къ Своему народу и работая, какъ Лично выразился, «за четверыхъ», встрѣчалъ къ Себѣ одно только недовѣріе и видѣлъ вокругъ Себя только измѣну и предательство?!

Могла ли повѣрить такимъ отзывамъ и Императрица, отдавшая Себя всецѣло служенію русскому народу и встрѣчавшая открытое недоброжелательство, какое позволили Ея Величеству сказать мнѣ однажды: «не смущайтесь и не огорчайтесь никакою клеветою: это участь каждаго, перешагнувшаго Нашъ порогъ».

При всемъ томъ, довѣріе Ихъ Величествъ къ Распутину базировалось, какъ я указывалъ, не на внѣшнихъ данныхъ, а на убѣжденіи, что Распутинъ былъ «старцемъ». Вотъ почему въ борьбѣ общества съ Распутинымъ Государь и Императрица занимали позицію исключительной нравственной высоты, будучи убѣждены, что ,защищая «старца», Они защищаютъ въ его лицѣ все достояніе Русской Церкви, съ ея святынями, со всѣмъ многообразіемъ ея мистическаго содержанія, съ ея «старцами», «юродивыми», «Божьими людьми» и пр. И чѣмъ громче поносили имя Распутина, чѣмъ чаще требовали его удаленія, тѣмъ рѣшительнѣе было противодѣйствіе Царя, тѣмъ ярче вырисовывался на фонѣ этой борьбы, рожденной, по мнѣнію Царя, невѣріемъ, лучезарный обликъ и нравственная мощь Государя, готоваго для защиты Церкви и подвижниковъ ея принести въ жертву не только Свое имя, но и Свою жизнь.

Правдоподобнымъ казалось Ихъ Величествамъ и замѣчаніе Распутина о томъ, что его бранятъ только царскіе враги... Эту мысль Распутинъ внушалъ Государю въ формѣ загадочныхъ изрѣченій и предсказаній, къ несчастью, впослѣдствіи подтвердившихся.

«Буду я, будетъ и Царь и Россія; а какъ меня не будетъ, не станетъ тогда ни Царя, ни Россіи».

Въ устахъ «старца» такія загадочныя фразы производили, конечно, свое дѣйствіе. Вотъ почему движеніе, поднятое Думой, обществомъ и печатью противъ Распутина, такъ сильно раздражало и огорчало Государя и истолковывалось какъ вмѣшательство въ сферу не только частной, но болѣе этого, въ сферу духовной жизни Государя. Трагизмъ Государя и Императрицы заключался въ томъ, что Распутинъ не былъ «старцемъ».

Но это нужно было доказать; а доказать это было, очевидно, невозможно тѣми способами, какими пользовались епископъ Ѳеофанъ и прочія лица, ссылаясь на поведеніе Распутина. Въ отношеніи же нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и Ихъ Величествъ, никакія доказательства навѣрное не достигли бы цѣли, ибо для однихъ Распутинъ былъ только Распутинымъ, а для другихъ, проникнутыхъ вѣрою въ него — «старцемъ». Интересный случай приводится на страницахъ «Русской Лѣтописи», кн. 2, стр. 17 изъ доклада А. Ф. Романова «Императоръ Николай II и Его Правительство», составленнаго на основаніи данныхъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи, учрежденной для разслѣдованія «преступленій» Царя и Его правительства.

«Жена одного генерала, при допросѣ ея Комиссіей, называла Распутина «старцемъ», прошедшимъ «всѣ степени добра», утверждая, что онъ исцѣлилъ ее. Она нѣсколько лѣтъ лежала

больная безъ ногъ, тщетно обращалась къ врачамъ въ Россіи и заграницей и начала ходить только послѣ того, какъ обратилась къ Распутину. На вопросъ, знала ли она, что Распутинъ пьяница и разгульный человѣкъ — отвѣчала: «нѣтъ, не знала и этому не вѣрю». Когда же Муравьевъ (предсѣдатель Комиссіи) заявилъ ей: — «Я Вамъ говорю, что это установленный фактъ», она спокойно отвѣтила: «для меня не имѣетъ никакого значенія то, что вы говорите. Я была больна и выздоровѣла: онъ старецъ».

Сдѣлать отсюда выводъ, что Распутинъ былъ дѣйствительно «святой», нельзя; однако для исцѣленной имъ генеральши онъ былъ и навсегда останется святымъ, и никакіе доводы противъ не будутъ въ состояніи поколебать ея вѣры въ него, а останутся въ ея глазахъ не только безсмысленными, но и безнравственными... Такимъ онъ былъ и въ глазахъ А. А. Вырубовой, предсказавъ ея несчастный бракъ, а затѣмъ исцѣливъ ее; такимъ былъ и въ глазахъ Ихъ Величествъ, считавшихся, помимо прочихъ причинъ, и съ тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, какое Распутинъ имѣлъ на здоровье Наслѣдника-Цесаревича...

О томъ же, въ какомъ объемѣ и въ какихъ размѣрахъ могло учитываться это послѣднее вліяніе, нужно спросить мать, имѣющую единственнаго сына. Вѣра менѣе всего связана съ объектомъ, а всегда является субъективнымъ началомъ. Субъективное воспріятіе часто назависимо отъ объекта. Можетъ зарождаться и существовать даже безъ объекта. И одинъ и тотъ же фактъ, являющійся для одного объектомъ пламенной вѣры, не производитъ впечатлѣнія на другого. Эти мысли подробнѣе развиты во вновь вышедшей книгѣ профессора богословія Вассаарскаго колледжа, Вилліама Банкрофтъ-Хилла: «Жизнь Христа». Говоря о Богоявленіи на рѣкѣ Іорданѣ (Маркъ 1, 10—11 ст.), профессоръ пишетъ: «Были ли-видѣніе и голосъ объективными, т. е. увидѣлъ-ли и услышалъ-ли бы ихъ посторонній наблюдатель? Вопросъ этотъ для насъ не важенъ: каковы бы ни были объективные факты, только субъективное имѣетъ значеніе; не то, что достигло глазъ и слуха Іисуса и Іоанна, но то, что произвело впечатлѣніе на ихъ души. Если мы откинемъ объективность, мы этимъ не отрицаемъ реальность факта и не дѣлаемъ его менѣе божественнымъ. Доказательства, кажется, сильнѣе за то, что впечатлѣніе было субъективнымъ, такъ какъ у Матѳея голосъ обращенъ къ Іоанну, а у Марка и Луки голосъ обращенъ къ Іисусу; кромѣ того, Матѳей говоритъ, что «отверзлись Ему небеса», т. е. какъ будто Ему одному».

Или «если бы во время Преображенія случайно проходилъ мимо какой нибудь пастухъ, онъ не увидѣлъ бы ничего, кромѣ

четырехъ человѣкъ на молитвѣ; но это было дѣйствительнымъ и глубокимъ переживаніемъ. Вѣдь и голосъ съ неба, о которомъ говорится у Іоанна (12, 30), однимъ казался просто громомъ, а другимъ — голосомъ ангела, говорившимъ на неизвѣстномъ языкѣ — все это подтверждаетъ заключеніе, что здѣсь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, извѣстіе было для души, а не для внѣшняго уха».

Для вдумчивыхъ людей Распутинская проблема не представляла никакой загадки, и тотъ фактъ, что одни считали его праведникомъ, а другіе — одержимымъ, былъ совершенно понятенъ. Одни видѣли его такимъ, какимъ онъ былъ въ Царскомъ Дворцѣ или у барона Раушъ-фонъ-Траубенберга, а другіе — такимъ, какимъ онъ былъ въ кабакѣ, выплясывая «камаринскую».

ГЛАВА LXIX.

Борьба съ „Царизмомъ" и ея пріемы.

Кончился второй періодъ. Программа, имѣвшая цѣлью создать Распутину такую славу развратника, чтобы отъ него въ паникѣ разбѣгались прежніе почитатели и чистые люди съ тѣмъ, чтобы разносить эту славу подсюду, была исчерпана. Я уже указывалъ, что найболѣе чистые люди, но малодушные и робкіе, были настолько терроризованы именемъ Распутина, что боялись даже признаваться въ томъ, что его видѣли, и тѣмъ громче кричали о немъ, чѣмъ больше боялись скомпрометтировать себя его именемъ. Но какое значеніе могли имѣть сужденія этихъ людей, удѣльный вѣсъ которыхъ въ глазахъ интернаціонала былъ высокъ?! Все это были просто вѣрущіе, мистически настроенные люди, могущіе создавать великолѣпную декорацію, но не пригодные для первыхъ ролей... Важны были не они, а люди, чье мнѣніе могло имѣть политическое значеніе; а эти люди на подобныя обвиненія Распутина не обращали никакого вниманія, какъ и вообще Распутинымъ не интересовались. Нужно было выдумать что либо болѣе вѣское... И вотъ открывается третій періодъ, когда къ обвиненіямъ въ дурномъ поведеніи Распутина присоединяется обвиненіе во вмѣшательствѣ его въ государственныя дѣла... Стоустая молва подхватываетъ эти слухи, и скоро вся Россія заговорила о томъ, что не Царь, а Распутинъ управляетъ Россіей, смѣняетъ и назначаетъ министровъ и пр. и пр... Лагерь противниковъ Распутина сталъ наполняться новыми резервами. Предводительствуемыя Думою, туда шли цѣлыя арміи, состоявшія не только изъ людей, чье нравственное чувство возмущалось безнравствен-

ностью Распутина, но, главнымъ образомъ, изъ людей, усматривавшихъ въ лицѣ Распутина государственнную опасность и считавшихъ себя обязанными съ нею бороться. Программа интернаціонала разыгривалась, какъ по нотамъ. Зарегистрированы случаи провокаціи именно со стороны тѣхъ людей, которые усматривали въ лицѣ Распутина «государственную опасность». Эти люди, среди которыхъ были и члены Думы, выдававшіе себя за друзей Распутина, завлекали его въ кабаки, спаивали и въ пьяномъ видѣ фотографировали, а затѣмъ пріобщали вновь добытые документы къ слѣдственному матеріалу... Съ какою цѣлью? Чтобы удалить Распутина отъ Двора?.. Нисколько! Наоборотъ, они были заинтересованы въ обратномъ: имъ было, въ этотъ моментъ, вдвойнѣ важно еще болѣе закрѣпить позицію Распутина при Дворѣ, чтобы имѣть основанія для обвиненій Царя въ томъ, что Онъ окружаетъ Себя людьми, подобными Распутину...

Распутинъ очутился въ положеніи затравленнаго звѣря и, стремясь сохранить свою позицію при Дворѣ, сдѣлался мнительнымъ и подозрительнымъ и видѣлъ въ окружавшихъ его не преданныхъ ему учениковъ, жаждавшихъ духовной пищи, а коварныхъ предателей, искавшихъ его гибели.

Такъ какъ дурная слава исходила изъ разнообразныхъ круговъ общества и фиксировалась Думою и прессою, то скоро Распутинъ сталъ въ оппозицію ко всѣмъ. Къ Думѣ онъ питалъ органическую ненависть и видѣлъ въ ней сборище революціонеровъ, похитившихъ Царское Самодержавіе и мечтавшихъ о ниспроверженіи Трона и династіи; къ духовенству и высшей іерархіи относился отрицательно, обвиняя ихъ въ томъ, что они не знаютъ народной вѣры, не понимаютъ своего назначенія и, вмѣсто того, чтобы составлять оплотъ Престола, стоятъ въ сторонѣ отъ него, точно участь его ихъ не касается; къ министрамъ относился скептически; общество называлъ стадомъ барановъ и дѣлалъ исключеніе только для тѣхъ, кто не вызывалъ въ немъ ни малѣйшихъ сомнѣній со стороны своей преданности Царю. Но, считая враговъ Царя своими врагами, Распутинъ, въ тоже время, считалъ и своихъ враговъ врагами Царя, а такъ какъ число этихъ послѣднихъ все болѣе увеличивалось, то скоро въ глазахъ Распутина все общество, съ Думою во главѣ, стало казаться ему обществомъ измѣнниковъ и предателей. Въ своемъ неудержимомъ стремленіи спасти Царя и Россію отъ этихъ измѣнниковъ, Распутинъ базировался только на личномъ впечатлѣніи, забывая, что теперь его окружали уже не прежніе мистически настроенные люди, а проходимцы и нравственно нечистоплотные люди, разсчитывавшіе на его темноту и невѣжество, мечтавшіе о карьерѣ и проникнутые мелкими низменными цѣлями. Эти люди, въ большинствѣ слу-

чаевъ, принадлежали къ типу тѣхъ мелкихъ департаментскихъ чиновниковъ, тупыхъ и бездарныхъ, какихъ вездѣ много, спеціальность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы интриговать противъ своего начальства, и вожделѣнія которыхъ не простирались дальше мѣста столоначальника, или начальника отдѣленія. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, имѣли успѣхъ у Распутина; но не у министровъ, которымъ Распутинъ, подъ ихъ диктовку, писалъ свои записки, съ трогательными обращеніями «миленькой мой», хотя часто и дѣлалъ это, лишь бы отвязаться отъ надоѣдливыхъ просьбъ. Не нужно доказывать, что этого рода записки никогда не касались вопросовъ государственныхъ, или бы отражали вмѣшательство Распутина въ сферу государственнаго управленія. Эти обвиненія были умышленно пристегнуты, что являлось послѣдовательнымъ и логичнымъ со стороны тѣхъ, кто стремился доказать, что не Государь, а Распутинъ управляетъ Россіей, а министры получаютъ свои назначенія лишь послѣ предварительной рекомендаціи Распутина. Само собой разумѣется, что не Государь, назначавшій министровъ преимущественно изъ состава членовъ Думы, руководствовался мнѣніемъ Распутина, а, наоборотъ, Распутинъ старался вторить мнѣнію Государя, предназначавшаго отвѣтственный постъ тому, или иному лицу, не только поздравляя это лицо съ назначеніемъ, но и внушая ему мысль о своемъ посредничествѣ. . . Этимъ способомъ, чтобы увеличить свой удѣльный вѣсъ, пользовался, кстати сказать, и небезъизвѣстный въ Петербургѣ князь Андрониковъ, разсылая вновь назначавшимся сановникамъ поздравительныя письма и иконы и выражая радость по случаю ихъ назначенія. Я лично никогда не видѣлъ князя Андроникова и ни писемъ, ни иконъ отъ него не получалъ; но это не мѣшало, однако, интернаціоналу отнести и меня къ числу лицъ, составлявшихъ общество такъ называемыхъ «темныхъ силъ», разумѣется, въ тѣхъ же цѣляхъ, какія преслѣдовались и игрою именемъ Распутина. Не всѣ были героями настолько, чтобы пожертвовать Государю и Россіи свое имя и репутацію нравственно незапятнаннаго человѣка; но всѣ, принимавшіе высокія назначенія, знали, на что они идутъ, и что ихъ ожидаетъ, знали, что чистые вчера, они будутъ сегодня оклеветаны и названы «распутинцами» и погибнутъ во мнѣніи общества.

Однако такое прозвище имѣло не только личное значеніе. Раньше нужно было имѣть очень много данныхъ для того, чтобы поколебать положеніе министра, пользовавшагося довѣріемъ Царя и общества. Теперь достаточно было назвать его «распутинцемъ» для того, чтобы лишить его всякаго довѣрія, той почвы, какая, послѣ учрежденія Думы, была единственной, дававшей ему возможность осуществлять его должностныя

функціи. Въ глазахъ Думы всѣ министры скоро сдѣлались «распутинцами»; ихъ появленіе на думской кафедрѣ вызывало крики возмущенія; ихъ государственная работа обезцѣнивалась и аннулировалась Думою подъ громкіе апплодисменты засѣдавшихъ въ Думѣ агентовъ интернаціонала. Создалась презумпція, что Царь и правительство во власти Распутина и губятъ Россію. . . Отсюда одинъ шагъ до требованія перемѣны не только въ личномъ составѣ правительства, на что кроткій Царь такъ безропотно и часто отзывался, разставаясь съ преданными Ему людьми, но и перемѣны всей системы государственнаго управленія. . . Въ лексиконѣ русскихъ словъ появилось новое слово «царизмъ», какъ источникъ всего того зла, какое въ дѣйствительности заключалось въ тѣхъ, кто его выдумалъ.

Насколько бережно охраняли Царь и Царица репутацію Своихъ министровъ, доказываетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что, будучи связаны съ Распутинымъ только духовною связью, Ихъ Величества никогда не вели никакихъ разговоровъ съ ними о Распутинѣ. Это была Ихъ частная сфера, въ которую Ихъ Величества совершенно не считали возможнымъ вводить лицъ, связанныхъ съ Дворомъ только офиціальными, служебными связями. Записки, какія Распутинъ писалъ министрамъ, касались, главнымъ образомъ, вопросовъ мелкаго чиновнаго обихода, перемѣщеній, или повышеній по службѣ, ускоренія находящихся въ производствѣ дѣлъ и пр., и были тѣмъ болѣе безобидны, что Распутинъ, какъ доказано слѣдствіемъ, не пользовался ими съ корыстными цѣлями и за свое посредничество не бралъ денегъ, хорошо зная, что такое посредничество рождало часто противоположные результаты. Допустить обратное значило бы засвидѣтельствовать ординарную нечестность министровъ; но именно къ этой послѣдней цѣли и стремился интернаціоналъ, ради этого и была учреждена впослѣдствіи, послѣ революціи, Чрезвычайная Слѣдственная Комиссія, задача которой заключалась именно въ томъ, чтобы зафиксировать такую нечестность правительства. Однако эта же Комиссія, въ лицѣ своихъ достойнѣшихъ членовъ А. Ф. Романова и В. М. Руднева, не только не нашла «преступленій» у низвергнутаго революціей правительства, но, съ негодованіемъ, опровергла взведенную клевету, приподнявъ и завѣсу, скрывавшую ея источникъ.

Распутинъ былъ, такимъ образомъ, только ширмой, скрывавшей интернаціоналъ, и, чѣмъ громче о немъ кричали, тѣмъ больше выростали эти ширмы, за которыми прятались дѣйствительныя «темныя силы» интернаціонала.

ГЛАВА LXX.

Убійство Распутина.

Кончился третій період. Наступилъ четвертый и послѣдній.

Событія роковымъ образомъ близились къ развязкѣ. Война съ Германіей велась съ крайнимъ ожесточеніемъ. Настроеніе общества съ неудержимою силою стало обнаруживать чрезвычайную ненависть къ нѣмцамъ, какъ виновникамъ войны, и въ рукахъ интернаціонала очутился еще одинъ новый козырь. У полуграмотнаго мужика хватило разума настолько, чтобы громко высказываться противъ войны, и теперь «распутинцемъ» стали считать и тѣхъ, кто раздѣлялъ его точку зрѣнія. О безнравственности Распутина уже забыли: о ней никто уже не говорилъ, эта тема была уже исчерпана. Затихли крики и о его вмѣшательствѣ въ область внутренняго управленія государствомъ, ибо фактически эта область находилась въ рукахъ Думы и прогрессивной общественности. На смѣну явился новый odium — симпатіи къ нѣмцамъ. Положеніе Государя и Императрицы становилось все болѣе тягостнымъ, и мысль объ убійствѣ Распутина явилась отвѣтомъ столько же на желаніе лишить Ихъ Величествъ одного изъ преданныхъ людей, которому Они вѣрили, сколько и по болѣе глубокимъ мотивамъ — освободиться отъ того, кто былъ въ данный моментъ наиболѣе опаснымъ для интернаціонала человѣкомъ. Нужно было быть слѣпымъ, чтобы не замѣчать этой ловкой и искусной игры интернаціонала и, тѣмъ не менѣе, ее не замѣчали даже тѣ одураченные послѣднимъ люди, которые, пропагандируя идею убійства Распутина, шли противъ самихъ себя. Конечно, предположеніе, что Распутинъ могъ имѣть какое либо вліяніе на Государя въ области внѣшней политики, было столько же вздорнымъ, какъ и разговоры о его вліяніи вообще; но, коль скоро такое убѣжденіе существовало, постолько очевидно, что, убивая Распутина, ярый германофилъ Пуришкевитъ убивалъ въ его лицѣ не своего противника, а своего союзника. Что это такъ, доказывать не нужно, ибо Распутинъ былъ убитъ не тогда, когда Дума, общество и печать возмущались его безнравственнымъ поведеніемъ, и не тогда, когда обвиняли его во вмѣшательствѣ въ область внутренняго управленія Россіей, а тогда, когда, подъ вліяніемъ неудачъ на войнѣ, возникли слухи о сепаратномъ мирѣ съ Германіей, созданные тѣмъ же интернаціоналомъ, и въ его лицѣ стали видѣть уже агента Германіи, а въ лицѣ Императрицы его союзницу. Еще не пришло время для

оцѣнки событій послѣднихъ лѣтъ царствованія благороднѣйшаго Государя Императора **Николая Александровича**; но безпристрастная исторія скажетъ, насколько слухи о сепаратномъ мирѣ были безпочвенны, какъ скажетъ и то, кѣмъ и съ какою цѣлью они создавались. Итакъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, интриги интернаціонала, пріемы, коими онъ пользовался для своихъ революціонныхъ цѣлей въ стремленіи разрушить русскую государственность и уничтожить Россію, пользуясь Распутинымъ, какъ орудіемъ, имѣли 4 этапа.

Первый — выразился въ томъ, чтобы, созданіемъ Распутину славы «святого», вызвать къ нему чрезвычайное довѣріе Царя и использовать Распутина, съ помощью подкупа, для непосредственныхъ террористическихъ актовъ. Этотъ пріемъ не достигъ цѣли, ибо Распутинъ оказался настолько фанатически преданнымъ Государю, что дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи были оставлены, а выданныя имъ лица частью понесли заслуженную кару, частью разбѣжались.

Второй — выразился въ созданіи противоположной славы необычайно порочнаго человѣка. Этотъ пріемъ оказался удачнѣе, ибо Распутинъ самъ подавалъ поводъ говорить о себѣ дурно, былъ несдержанъ и интересовался только мнѣніемъ Двора, не считаясь съ мнѣніемъ прочихъ. Тѣмъ не менѣе, личность Распутина и здѣсь, такъ же какъ и въ первомъ случаѣ, не играла никакой роли, ибо важно было доказать не то, что Распутинъ безнравственный человѣкъ, а то, что Государь окружаетъ Себя безнравственными людьми. Задача сводилась къ цѣли дискредитировать личности Государя и Императрицы.

Третій этапъ выразился въ обвиненіяхъ Распутина, уже достаточно опороченнаго предыдущими усиліями, во вмѣшательствѣ въ область внутренняго управленія Имперіей. Насколько успѣшно была достигнута эта послѣдняя цѣль, я уже указывалъ, когда говорилъ, что всякое, вновь назначаемое на высокій постъ, лицо признавалось ставленникомъ Распутина, и что этотъ психозъ принялъ такіе грандіозные размѣры, при которыхъ никакая государственная работа была невозможна, и не потому только, что надъ этими лицами тяготѣло подозрѣніе, или открытое обвиненіе въ симпатіяхъ къ Распутину, а прежде всего потому, что, лишенныя довѣрія Думы, они не были въ силахъ провести ни одного законопроекта: бойкотъ Думы парализовалъ ихъ дѣятельность.

Четвертымъ и послѣднимъ этапомъ интернаціонала было — обвиненіе Распутина во вмѣшательствѣ въ сферу международной политики. Это обвиненіе рѣшило его участь, и 17 Декабря 1916 года онъ былъ предательски убитъ англійскими агентами интернаціонала, избравшими палачемъ . . . германофила Пуришкевича.

Невѣроятное совершилось.

Невѣроятно, чтобы русское общество, считающее себя культурнымъ, повѣрило бы гнусной клеветѣ интернаціонала и оскорбило бы подозрѣніями въ безнравственности Царскую Семью.

Невѣроятно, чтобы имена Распутина и Императрицы произносились бы вмѣстѣ съ загадочными улыбками и низменными предположеніями.

Невѣроятно, чтобы общество повѣрило небылицѣ о вмѣшательствѣ Распутина въ область внутренняго управленія и въ сферу международной политики.

Невѣроятно, чтобы ярый германофилъ В. М. Пуришкевичъ оказался бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ненавистныхъ ему англичанъ, присудившихъ Распутина къ смерти изъ опасенія сепаратнаго мира съ Германіей, къ чему Пуришкевичъ болѣе чѣмъ кто другой стремился и о чемъ такъ громко кричалъ.

Невѣроятно, чтобы общество помогало интернаціоналу разрушить Россію и промѣняло благороднѣйшаго Царя сначала на бездарнаго Родзянку, затѣмъ на масона князя Львова, истеричнаго труса Керенскаго, и, наконецъ, на сатанистовъ Ленина и Троцкаго, съ тѣмъ, чтобы въ мукахъ голода, рабски, подло умирать у подножья распятой ими Россіи. . .

И однако, всѣ эти невѣроятности стали фактомъ, о которомъ будущія поколѣнія будутъ вспоминать съ краскою стыда за своихъ предшественниковъ. Въ своемъ отношеніи къ интригамъ интернаціонала, русское общество не проявило не только предусмотрительности и дальновидности, но даже обычной осторожности и ума, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Распутинъ былъ самымъ зауряднымъ явленіемъ русской жизни. Это былъ Сибирскій мужикъ, со всѣми присущими русскому мужику качествами и недостатками. Вѣра есть понятіе субъективное и творитъ чудеса, безотносительно къ объекту; а предшествующая слава, какую создали Распутину истеричныя женщины и мистически настроенные люди, еще до его появленія въ Петербургѣ, являлась сама по себѣ гипнозомъ. Однако, она не имѣла бы никакого значенія и не сыграла бы никакой роли, если бы на Распутинѣ не сосредоточилъ своего вниманія интернаціоналъ, окружившій его, на первыхъ же порахъ его появленія въ столицѣ, своими агентами-еврейчиками и учитывавшій невѣжество Распутина, какъ условіе успѣха своей игры съ нимъ. На фонѣ столичной жизни появлялись дѣйствительно святые люди, какъ, напримѣръ, незабвенный молитвенникъ Земли Русской О. Іоаннъ Кронштадтскій, который бы могъ сыграть огромную политическую роль въ жизни государства; однако такіе люди умышленно замалчивались интернаціона-

ломъ, и святость ихъ не рекламировалась ни обществомъ, ни печатью. Дѣло было не въ святости, а въ надѣленіи этимъ качествомъ темнаго мужика, котораго можно было бы легче использовать для опредѣленныхъ цѣлей. Но этого не удалось дѣлателямъ революціи. Распутинъ оказался честнѣе, чѣмъ они думали, измѣнилъ не Царю, а жидамъ, и отсюда — месть, на какую способны только іудеи. Интернаціоналъ прекрасно учитывалъ, что въ отношеніи такого рыцаря чести и долга и христіанина такой голубиной чистоты, какимъ былъ Императоръ Николай II, никакое другое орудіе, съ помощью котораго можно было бы подорвать уваженіе къ Государю, не достигнетъ цѣли, и что нужно пустить въ ходъ то, какое примѣняется въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда нѣтъ другихъ... клевету.

Интернаціоналъ хорошо это учитывалъ... Но почему не учитывало этихъ интригъ русское общество, остается непонятнымъ и необъяснимымъ. Какъ могло общество раздувать славу Распутина, безразлично хорошую или худую, зная, что каждое слово о Распутинѣ увеличиваетъ число царскихъ враговъ? Какъ могло быть близорукимъ настолько, чтобы идти, въ лицѣ даже своихъ лучшихъ представителей, рука объ руку съ Думою и прессою, зная дѣйствительное отношеніе послѣднихъ къ Царю и династіи? Какъ не принимало никакихъ мѣръ къ замалчиванію имени Распутина, а, наоборотъ, противодѣйствовало тѣмъ, кто это дѣлалъ, оскорбляя ихъ низменными предположеніями, зная, что такое замалчиваніе является въ борьбѣ съ интернаціоналомъ единственнымъ средствомъ, единственнымъ щитомъ, отражающимъ удары противъ Царя и Его Семьи?! Я не говорю уже объ активной защитѣ своего Государя отъ подлыхъ обвиненій, объ активномъ опроверженіи злостной клеветы... Но, если подвигъ молчальничества являлся невыполнимымъ для русскаго общества, привыкшаго критиковать и осуждать, а въ послѣднее время рабски вторившаго еврейской прессѣ, находившей, что въ Россіи все плохо, то какимъ образомъ общество, въ лицѣ даже своихъ іерарховъ, не понимало того, что нравственный авторитетъ Распутина могъ быть уничтоженъ не полицейскими протоколами и дознаніями о его поведеніи, а только болѣе высокимъ авторитетомъ другого лица?.. Вѣдь высота нравственнаго авторитета измѣряется не служебнымъ положеніемъ, а другими мѣрками, и какое же значеніе могли имѣть въ глазахъ Государя отзывы о Распутинѣ министровъ, генераловъ, или даже представителей офиціальной церкви?! Слово истиннаго «старца», какихъ и донынѣ много на Руси, имѣло бы, конечно, бо́льшее значеніе, чѣмъ мнѣніе всего Синода или генералитета, и сюда должны были быть направлены усилія тѣхъ, кто былъ наивенъ настолько, чтобы усматривать въ Распутинѣ «государственную опасность».

Не былъ Распутинъ въ моихъ глазахъ «святымъ»... Не былъ онъ и тѣмъ преступникомъ, какимъ сдѣлала его народная молва... Но, каковы бы ни были его преступленія, онъ все же неповиненъ въ томъ, въ чемъ повинны его физическіе и моральные убійцы — въ клятвопреступленіи и измѣнѣ присягѣ Божьему Помазаннику, не повиненъ въ томъ страшномъ грѣхѣ, который навлекъ на Россію праведный гнѣвъ Божій.

И всякій честно мыслящій человѣкъ скажетъ о Распутинѣ то же, что говорю я, на этихъ страницахъ моихъ воспоминаній, и что до меня сказали А. Ф. Романовъ и В. М. Рудневъ, А. А. Вырубова, А. А. Мордвиновъ и многіе другіе, чистые люди, думавшіе такъ, какъ Богъ велитъ, а не такъ, какъ приказываютъ думать жиды.

Революція побѣдила. Прогрессивное общество получило то, чего такъ страстно желало, къ чему, цѣною насилія и крови, такъ неудержимо стремилось... Но Богъ поругаемъ не бываетъ.

По горькой ироніи судьбы, какъ принято выражаться, а, въ дѣйствительности, по непреложнымъ законамъ Бога, новое, «отвѣтственное» правительство, явившееся на смѣну «безотвѣтственному», состоявшему, якобы, изъ ставленниковъ Распутина, очутилось въ плѣну у цѣлой арміи подлинныхъ «Распутиныхъ», въ плѣну у Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, предъ которымъ дѣйствительно трепетало, велѣнія котораго рабски выполняло до тѣхъ поръ, пока этотъ Совѣтъ не разогналъ ставшее ему не нужнымъ правительство, бросивъ Россію на окончательное растерзаніе большевикамъ..... Интеллигенція и народъ понесли заслуженную кару.....

Измѣнники и предатели, генералъ-адъютанты Рузскій и Корниловъ, оба вышедшіе изъ народа, крестьянскія дѣти, взысканные милостями Государя, зазнавшіеся хамы, предавшіе своего Царя, погибли позорною смертью. Первый былъ зарубленъ шашками въ Пятигорскѣ и полуживымъ зарытъ въ могилу, предварительно имъ самимъ вырытую; второй былъ разорванъ на клочки бомбою. Зазнавшійся Гучковъ, о которомъ говорили, что онъ съ кулаками выступалъ противъ Царя, требуя отреченія, извѣдалъ не разъ чужихъ кулаковъ, будучи избиваемъ не только кулаками, но и палками... Бездарный и глупый Родзянко, домогавшійся президентскаго кресла въ Россійской республикѣ, примирился со скромной ролью псаломщика въ Сербіи, пользуясь своимъ зычнымъ голосомъ не для громогласныхъ рѣчей съ Думской кафедры, а для чтенія Апостола въ Бѣлградскомъ Соборѣ.

Нужно ли продолжать этотъ списокъ?! Нѣтъ, нужно открыть свои духовныя очи, чтобы понять, что значатъ слова Бога: «Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ»... Центральнымъ мѣстомъ революціи былъ не Распутинъ, какъ думали

и продолжают думать наивные люди, а преступное революціонное прошлое прогрессивной общественности, оторванной отъ Церкви, безвѣрной, невѣжественной въ пониманіи государственныхъ задачъ, горделивой въ своей самонадѣянности... И каковы бы ни были усилія интернаціонала, онѣ бы не достигли цѣли, если бы «прогрессивная» общественность выступила на защиту исконныхъ началъ русской государственности, на защиту своего Православія и Самодержавія. Она этого не сдѣлала, сознательно пренебрегла своимъ долгомъ предъ Богомъ и Царемъ и ввергла Россію въ состояніе такого ужасающаго хаоса, изъ коего вывести ее можетъ только Богъ и только Царь... Святыя имена Царя и Царицы и Царскихъ Дѣтей будутъ сіять вѣчнымъ свѣтомъ, въ ореолѣ святости, а горделивыя имена клятвопреступниковъ, измѣнившихъ Помазаннику Божію, перейдутъ въ исторію, какъ синонимы измѣны и предательства, тупоумія, бездарности и безпросвѣтной глупости.

ГЛАВА LXXI.

Аудіенція у Ея Величества. Поѣздка въ Новгородъ.

Возвращаюсь къ продолженію моего прерваннаго повѣствованія.

Слѣдуя обычаю, отъ котораго я не отступалъ втеченіе многихъ лѣтъ, я имѣлъ въ виду провести Рождественскіе праздники гдѣ либо въ монастырѣ, вдали отъ шума столицы. Однако, наканунѣ своего отъѣзда изъ Петербурга, я былъ вызванъ къ Ея Величеству, и аудіенція измѣнила мои первоначальные планы. Прошло всего нѣсколько дней послѣ убійства Распутина, событія, причинившаго Государынѣ такъ много боли. Ея Величество была подавлена жестокостью убійцъ и въ первый разъ заговорила со мною о Распутинѣ, точнѣе о его убійцахъ.

«Подумайте, какой ужасъ, какъ жестоко, какъ гадко и отвратительно!.. И это совершили наши... родные, племянники Государя!.. Въ какое время мы живемъ! Нѣтъ, этого нельзя такъ оставить!.. Убійцы должны быть наказаны, кто бы они ни были» — говорила Императрица, волнуясь.

«Нѣтъ, нѣтъ, Ваше Величество, не надо!» — вырвалось у меня: «они получатъ возмездіе отъ Бога, и сознаніе вины будетъ казнить ихъ до самаго гроба... Сейчасъ они слѣпы, ничего не сознаютъ, и наказаніе создастъ имъ только ореолъ мучениковъ; но скоро откроется у нихъ духовное зрѣніе, и тогда они будутъ

чувствовать себя не героями, какъ сейчасъ, а преступниками и убійцами»...

Государыня, казалось мнѣ, нѣсколько успокоилась, и разговоръ коснулся Новгорода и тѣхъ порученій, какія Ея Величество желала возложить на меня, ради чего и вызвала къ Себѣ. Передавъ мнѣ о заготовленныхъ иконахъ и лампадахъ для Новгородскихъ храмовъ и монастырей, Ея Величество просила меня поѣхать въ Новгородъ и передать Высочайшіе подарки, а также вручить икону и старицѣ Маріи Михайловнѣ. Въ тотъ же день ящики съ иконами были доставлены чрезъ курьера на вокзалъ, и я выѣхалъ въ Новгородъ, предувѣдомивъ архіепископа Новгородскаго Арсенія о своемъ пріѣздѣ и прося владыку дать мнѣ помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ. Само собою разумѣется, что, обращаясь съ этою просьбою, я имѣлъ въ виду не личныя удобства, а руководствовался исключительно соображеніями деликатности по отношенію къ архіепископу, опасаясь, что мое пребываніе въ гостинницѣ могло быть истолковано, какъ невниманіе къ Владыкѣ, тѣмъ болѣе, что мой пріѣздъ въ Новгородъ имѣлъ отчасти официальный характеръ, какъ предпринятый во исполненіе воли Ея Величества. Архіепископа Арсенія я зналъ давно, ибо моя предыдущая служба протекала въ Государственной Канцеляріи, и въ Маріинскомъ Дворцѣ я часто встрѣчался съ Владыкою, какъ съ членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ. Я привыкъ цѣнить въ его лицѣ выдающагося администратора и восхищался удивительнымъ подборомъ личнаго состава духовенства въ его епархіи, гдѣ чуть ли не въ каждомъ селѣ были подвижники, со многими изъ которыхъ я былъ знакомъ лично. Я слышалъ, кромѣ того, и лестные отзывы объ архіепископѣ Арсеніи и со стороны Государственнаго Секретаря С. Е. Крыжановскаго, и этого одного мнѣнія было достаточно для того, чтобы я руководился въ своихъ отношеніяхъ къ Владыкѣ чувствомъ самаго искренняго доброжелательства и расположенія, даже безотносительно къ его духовному сану, преклоняться предъ которымъ меня научили съ дѣтства.

Когда поѣздъ подошелъ къ перрону, я увидѣлъ чрезъ окно вагона какого то монаха, вѣроятно знавшаго меня, который быстро вскочилъ въ мое купе, отрекомендовался экономомъ архіерейскаго дома и заявилъ, что присланъ архіепископомъ Арсеніемъ... Выгрузивъ, съ помощью о. эконома и носильщиковъ, ящики, числомъ около дюжины, если не больше, я направился къ выходу, гдѣ стояли маленькія сани въ одну лошадь, настолько узкія и неудобныя, что я едва помѣстился въ нихъ въ своей шинели...

«Чей это выѣздъ?» — не удержался я спросить, не допуская, чтобы Владыка могъ имѣть таковой, но въ тоже время не рѣ-

шаясь еще осудить архіепископа за невниманіе къ его гостю, какое бы позволило ему выслать за мною такія сани.

«Мой» — смиренно отвѣтилъ о. экономъ...

«Что это, умыселъ, или невоспитанность?» — подумалъ я, невольно задѣтый такимъ невниманіемъ, такъ старательно подчеркнутымъ.

«Куда же мы положимъ эти ящики?» — спросилъ я о. эконома.

«Какъ нибудь справимся» — отвѣтилъ онъ и началъ накладывать ихъ на передокъ къ кучеру до тѣхъ поръ, пока кучеръ не огрызнулся, заявивъ, что изъ за ящиковъ не видитъ дороги. Тогда о. экономъ сталъ перекладывать ихъ мнѣ на колѣни и взвалилъ цѣлую гору, а самъ примостился кое какъ на полозьяхъ, и мы двинулись. Повидимому, не въ обычаѣ Новгородскихъ извощиковъ выѣзжать на вокзалъ къ приходу поѣзда, ибо ихъ не было, и я былъ лишенъ возможности облегчить свой переѣздъ въ архіерейскій домъ, мельчайшія подробности котораго мнѣ памятны даже до сего времени. Однако худшее было еще впереди.

Кое какъ, съ постоянными остановками на пути, я все же добрался къ цѣли. На порогѣ архіерейскаго дома меня встрѣтилъ послушникъ и провелъ въ помѣщеніе, для меня приготовленное. Это были три комнаты нижняго, полуподвальнаго этажа архіерейскаго дома, повидимому необитаемыя. Стояли трескучіе морозы; однако въ этихъ комнатахъ было еще холоднѣе, чѣмъ на дворѣ... Въ одной изъ комнатъ стояла шатающаяся во всѣ стороны, на кривыхъ погнутыхъ ножкахъ, желѣзная кровать, покрытая бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, не первой свѣжести. Подлѣ нея такой же, рыночной стоимости, умывальникъ, использовать который оказалось невозможнымъ, ибо вода замерзла и превратилась въ ледяную массу. Я обратилъ на это вниманіе послушика, который простодушно замѣтилъ: «Да, вотъ смотрите, и въ графинѣ тоже замерзла; развѣ здѣсь можно жить... Туть споконъ вѣка никто не жилъ, даромъ что комнаты»...

Не считая возможнымъ спросить послушника, почему мнѣ отведено необитаемое помѣщеніе въ домѣ, но въ тоже время, зная свою склонность къ простудѣ, я очень волновался при мысли о томъ, какъ проведу ночь въ этихъ «комнатахъ».

«Можно ли пройти къ Владыкѣ?» — спросилъ я послушника.

«Нѣтъ, они сами позовутъ» — отвѣтилъ онъ.

И часа полтора я просидѣлъ въ этомъ ужасномъ помѣщеніи, закутавшись въ шубу, чтобы не окоченѣть отъ холода. Наконецъ пришелъ гонецъ, возвѣстившій, что «Его Высокопреосвященство могутъ меня принять.»

«Царь не заставлялъ Себя ждать часами» — невольно подумалъ я, поднимаясь на второй этажъ къ Владыкѣ и весь дрожа отъ холода.

Однако и въ пріемномъ залѣ, поразившемъ меня своими колоссальными размѣрами, мнѣ пришлось подождать не менѣе часа, пока раскрылись двери сосѣдней комнаты, и на порогѣ появился, въ какомъ то странномъ одѣяніи, не то въ рясѣ, не то въ халатѣ, архіепископъ Арсеній.

«Это хитонъ, подарокъ Антіохійскаго патріарха Григорія» — сказалъ архіепископъ и залился своимъ характернымъ смѣхомъ.

Но мнѣ было не до смѣха. Я не могъ не видѣть этой понятной мнѣ, неумной игры, какая нашла свое выраженіе и въ посылкѣ на вокзалъ саней эконома, и въ предоставленіи мнѣ необитаемаго помѣщенія въ домѣ, и, наконецъ, въ умышленной встрѣчѣ въ халатѣ. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ сквозили умыселъ и тенденція подчеркнуть свою независимость іерарха отъ оберъ-прокуратуры: все было шито бѣлыми нитками и притомъ грубо — неопрятно.

Однако, въ стремленіи подчеркнуть эту тенденцію, Владыка забылъ, что выходилъ за предѣлы самой обычной учтивости и благовоспитанности, обязательныхъ по отношенію къ гостю, чѣмъ вдвойнѣ обязалъ меня къ соблюденію моихъ обязательствъ по отношенію къ нему, какъ къ хозяину. Я даже вида не подалъ, что замѣчаю его игру, и на его вопросы отвѣтилъ, что доѣхалъ благополучно и очень доволенъ отведеннымъ мнѣ помѣщеніемъ.. Передавъ Владыкѣ о цѣли своего пріѣзда въ Новгородъ, я просилъ распорядиться внести ящики въ залъ, чтобы, въ присутствіи Владыки, вскрыть ихъ. Тамъ оказались драгоцѣнныя иконы и лампады, первыя съ собственноручными подписями Императрицы и Царскихъ Дочерей на обратной сторонѣ, вторыя съ Царскими вензелями. Потому ли, что архіепископъ былъ тронутъ этими знаками Царскаго вниманія, потому ли, что изъ моего разсказа узналъ, что, въ день своего отъѣзда въ Новгородъ, я былъ у Ея Величества и тепло отзывался о его дѣятельности, или потому, что мое смиреніе, не позволившее мнѣ обнаружить свое огорченіе, обезоружило его, но только Владыка сталъ проявлять ко мнѣ такое вниманіе, какое должно было, казалось, загладить первыя непріятныя впечатлѣнія. Спустя нѣкоторое время Владыка провелъ меня въ основанный имъ Историческій музей, гдѣ трудами Владыки было собрано много историческихъ цѣнностей. Я не могъ не отдать должнаго энергіи архіепископа, хотя понравился мнѣ не столько музей, сколько тотъ обычай, о которомъ Владыка мнѣ разсказалъ и которому ежегодно слѣдовалъ, привозя тюремнымъ сидѣльцамъ на Пасху красное яичко. Осмотрѣвъ музей, я отправился

съ визитомъ къ губернатору Иславину, а затѣмъ объѣхалъ Новгородскіе монастыри, посѣтивъ и 116-лѣтнюю подвижницу Марію Михайловну, жившую въ Десятинскомъ монастырѣ, которой также привезъ подарокъ отъ Императрицы, драгоцѣнную икону, съ собственноручной надписью Ея Величества на оборотной сторонѣ. Старица очень засуетилась, была чрезвычайно тронута Царскимъ подаркомъ и, въ свою очередь, стала искать глазами какого либо подарка для Императрицы, но ничего не могла отыскать въ своей убогой кельѣ, гдѣ, кромѣ ветхихъ иконъ, да бутылки съ лампаднымъ масломъ, не было другихъ вещей... Ея взоръ остановился на древнемъ образѣ Божіей Матери: не имѣя силъ подняться съ своего ложа, старица просила меня передать ей икону... Долго разсматривая образъ и творя про себя молитву, старица вручила мнѣ эту икону со словами: «Отдай ее Царицѣ-Голубушкѣ. Пусть благословитъ этою иконою Свою дочку, какая первою выйдетъ замужъ»... Потомъ старица нашла подлѣ себя жестянку съ чаемъ, отсыпала горсть въ бумажку и поручила передать чай въ подарокъ Императрицѣ. Долго бесѣдовалъ я съ старицею, которую давно зналъ и которую навѣщалъ въ каждый пріѣздъ свой въ Новгородъ: я разспрашивалъ ее о грядущихъ судьбахъ Россіи, о войнѣ...

«Когда благословитъ Господь кончиться войнѣ?» — спросилъ я старицу.

«Скоро, скоро» — живо отвѣтила старица, а затѣмъ, пристально посмотрѣвъ на меня своими чистыми, бирюзовыми глазами, какъ то невыразимо грустно сказала: «а рѣки еще наполняются кровью; еще долго ждать, пока наполнятся, и еще дольше, пока выступятъ изъ береговъ и зальютъ собою землю»...

«Неужели же и конца войнѣ не видно?» — спросилъ я, содрогнувшись отъ ея словъ.

«Войнѣ конецъ будетъ скоро, скоро» — еще разъ подтвердила старица — «а мира долго не будетъ»...

Чрезъ нѣсколько дней старица скончалась... Правду она прорекла: «война» давно кончилась, а мира и до сего времени нѣтъ....

Былъ сочельникъ, и Владыка сталъ собираться къ губернатору на елку, пригласивъ и меня съ собою. Къ подъѣзду подкатила великолѣпная карета-возокъ, запряженная кровными орловскими рысаками... Я невольно улыбнулся, сопоставивъ владычный выѣздъ съ тѣмъ, какой былъ высланъ за его гостемъ, и подумалъ о томъ, какъ много нужно для того, чтобы, не будучи бариномъ, сдѣлаться имъ.

Съ большимъ безпокойствомъ я возвращался домой. Мысль о томъ, какъ я проведу ночь въ отведенномъ мнѣ помѣщеніи,

пугала меня. Я зналъ свою склонность къ простудѣ и то, что достаточно только одной струи холоднаго воздуха во время сна, или малѣйшаго сквозняка, чтобы свалить меня въ постель... Однако, деликатность удерживала меня отъ того, чтобы въ этомъ признаться хозяину, не позаботившемуся о своемъ гостѣ. По возвращеніи домой, владыка поднялся къ себѣ наверхъ, откуда скоро вернулся обратно, неся въ рукахъ свои сочиненія въ нѣсколькихъ томахъ и прося меня принять ихъ отъ него въ подарокъ.

«Что то холодновато у васъ, какъ будто» — сказалъ владыка: «помѣщеніе, правда, не отапливалось; но, къ вашему пріѣзду, я приказалъ протопить; да видно мало топили» — говорилъ владыка, а въ это время паръ изо рта архіепископа такъ и валилъ, какъ дымъ отъ папиросы.

Я промолчалъ. Пожелавъ мнѣ «покойной ночи», владыка простился и ушелъ въ свои жарко натопленные покои. На другой день я проснулся съ температурою въ 39°. Я горѣлъ какъ въ огнѣ.

Какъ я продержался на ногахъ первый день праздника, какъ выстоялъ литургію въ соборѣ, а затѣмъ присутствовалъ на пріемѣ архіепископомъ должностныхъ лицъ города, приносившихъ ему праздничное поздравленіе, — я не помню, но къ вечеру мнѣ сдѣлалось до того дурно, что я объявилъ архіепископу свое рѣшеніе немедленно вернуться въ Петербургъ.

«Поѣздъ отходитъ въ 1 часъ ночи... Подождите меня, вмѣстѣ поѣдемъ: у меня свой вагонъ» — сказалъ владыка, даже не освѣдомившись о причинахъ такого внезапнаго рѣшенія.

На другой день утромъ я пріѣхалъ домой... Безъ посторонней помощи я уже не могъ взойти по лѣстницѣ и, добравшись въ квартиру, тотчасъ же свалился въ постель. Градусникъ показывалъ 39,8. Три недѣли я пролежалъ въ постели и только въ срединѣ Января оправился настолько, что могъ сдѣлать Ея Величеству докладъ о своей злополучной поѣздкѣ въ Новгородъ. Эта болѣзнь имѣла роковыя послѣдствія не столько для меня, сколько для того дѣла, съ которымъ связывалась моя служебная поѣздка на Кавказъ, куда я долженъ былъ выѣхать въ первыхъ числахъ Января и куда выѣхалъ только 25 Января... Возвратясь въ Петербургъ 24 Февраля, я не успѣлъ, въ виду революціи, не только осуществить намѣченныхъ предположеній, но даже сдѣлать доклада Св. Синоду о произведенной мною ревизіи.

Такъ кончился 1916-й годъ.

ГЛАВА LXXII.

1917 годъ.

Докладъ Ея Величеству о поѣздкѣ въ Новгородъ. Высочайшій рескриптъ на имя начальницы Харьковскаго Женскаго Епархіальнаго Училища Е. Н. Гейцыгъ.

Оправившись отъ болѣзни, я испросилъ Высочайшую аудіенцію у Государыни и поѣхалъ въ Царское Село съ докладомъ о своей поѣздкѣ въ Новгородъ и съ заготовленнымъ для подписи Ея Величества рескриптомъ на имя начальницы Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища Евгеніи Николаевны Гейцыгъ. Это было въ началѣ Января 1917 года.

Докладъ длился недолго и, передавъ Императрицѣ подарки отъ старицы Маріи Михайловны, какія Государыня приняла и отнесла въ сосѣднюю комнату, я сталъ разсказывать о дѣятельности Е. Н. Гейцыгъ и ея самоотверженной работѣ, закончивъ разсказъ такими словами:

«Эти маленькіе, скромные труженики всегда въ тѣни: ихъ никто не замѣчаетъ, они и не ждутъ ничего; а между тѣмъ оказанное имъ съ высоты Престола вниманіе такъ бы осчастливило ихъ, вдохнуло бы такъ много энергіи и новыхъ силъ. Е. Н. Гейцыгъ имѣетъ уже портретъ Государя Императора, съ собственноручнымъ подписаніемъ Его Величества, и, можетъ быть, Вашему Величеству было бы угодно пожаловать ей и Вашъ портретъ, при рескриптѣ на ея имя... Такіе люди малы предъ людьми, но велики предъ Богомъ»... Мнѣ не нужно было говорить дальше, ибо никто не былъ ближе и дороже сердцу Царицы, какъ именно эти скромные, никому невѣдомые маленькіе люди. Съ материнской любовью, готовой раскрыть свои объятія каждому подобному труженику, выслушала меня Императрица и затѣмъ взяла у меня рескриптъ, внимательно прочитала его и одобрила текстъ.

Подойдя, затѣмъ, къ маленькому дамскому письменному столику, Государыня хотѣла подписать его, но въ чернильницѣ не оказалось чернилъ.

«Сколько лакеевъ, а никто ничего не дѣлаетъ: только и умѣютъ стоять на одномъ мѣстѣ»: — сказала Государыня благодушно и ушла въ сосѣднюю комнату въ поискахъ чернила.

Я невольно улыбнулся, ибо, дѣйствительно, во Дворцѣ было много слугъ; но они умѣли только мастерски поворачивать головы въ разныя стороны, не двигаясь съ мѣста, и провожать глазами проходившихъ мимо, но, конечно, ни для чего другого не были пригодны.

Подписавъ рескриптъ, Ея Величество вручила его мнѣ вмѣстѣ со Своею фотографической карточкою, съ собственноручнымъ автографомъ.

Я былъ безмѣрно счастливъ, что мнѣ удалось порадовать старушку Е. Н. Гейцыгъ, и увидѣлъ въ этихъ знакахъ милости Императрицы награду Святителя Іоасафа за то, что Е. Н. Гейцыгъ явилась первою провозвѣстницею славы Святителя въ Харьковской епархіи, однимъ изъ самыхъ горячихъ сотрудниковъ моихъ въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ для житія Святителя и послѣдовавшаго засимъ прославленія великаго Угодника Божія.

Нѣсколько дней спустя, не помню по какому поводу, я былъ снова вызванъ къ Ея Величеству.

Я засталъ Государыню грустной и встревоженной. Дѣлатели революціи продолжали, съ непостижимымъ рвеніемъ, дѣлать свое гнусное, черное дѣло, забрасывая Императрицу безжалостною, жестокою клеветою и привлекая къ своему «дѣлу» все большее число сознательныхъ и безсознательныхъ сотрудниковъ, помощниковъ и пособниковъ. Обычно сдержанная, не ищущая извнѣ ни помощи, ни поддержки, ни даже простого участія, Императрица, на этотъ разъ, подѣлилась со мною своими горестными переживаніями и разсказала о письмахъ княгини Васильчиковой, члена Государственнаго Совѣта Оберъ-егермейстера Балашова, а также о безобразной выходкѣ начальницы Царскосельскаго епархіальнаго женскаго училища Курнатовской, о чемъ я уже упомянулъ на предыдущихъ страницахъ.

Выходка г-жи Курнатовской до крайности ошеломила меня, и я сдѣлалъ невольное сопоставленіе между Е. Н. Гейцыгъ, самоотверженной провинціальной труженицей, беззавѣтно преданной Престолу и горячо любившей Государыню, и г-жею Курнатовскою, жившей по сосѣдству съ Царскимъ Дворцомъ, свидѣтельницей не только подвиговъ, но и страданій Императрицы.

Чѣмъ дальше были люди отъ Престола, тѣмъ преданнѣе были, и чѣмъ ближе подходили къ подножію Престола, чѣмъ большими милостями пользовались отъ Царя и Царицы, тѣмъ большими измѣнниками и предателями являлись. Однако, связанный запрещеніемъ Ея Величества, я могъ чувствовать только презрѣніе къ г-жѣ Курнатовской, но не имѣлъ возможности немедленно же уволить ее отъ должности, что, однако, хотѣлъ сдѣлать послѣ возращенія съ Кавказа, на ревизію, куда долженъ былъ уѣхать чрезъ нѣсколько дней.

Это была п о с л ѣ д н я я аудіенція, и послѣ этого я уже не видѣлъ Императрицы. . . Уничтоживъ Россію, революція укрыла отъ ея взора Царя и Царицу, Господь отнялъ Своего Помазанника, и неизвѣстно, когда вернетъ Его. . .

ГЛАВА LXXIII.

Отъѣздъ на Кавказъ. Туапсинская Иверско-Алексѣевская Женская Община.

Еще задолго до перехода своего на службу въ Вѣдомство Православнаго Исповѣданія, я осаждался разнаго рода просителями, прибѣгавшими къ моей помощи и заступленію. Какъ я ни уклонялся отъ этихъ просителей, какъ ни убѣждалъ ихъ въ томъ, что, состоя на службѣ въ Государственной Канцеляріи и вѣдая только мертвое канцелярское дѣло, я не имѣю ни связей, ни вліянія въ «сферахъ», и что, въ лучшемъ случаѣ, могъ бы ограничить свое участіе къ нимъ передачею ихъ просьбъ и прошеній по принадлежности тому или иному министру, но отъ этого не уменьшалось ни количество поступавшихъ ко мнѣ письменныхъ обращеній, ни число личныхъ посѣтителей. Въ этомъ случаѣ я какъ бы дополнялъ собою графиню Софію Сергѣевну Игнатьеву, въ двери которой ломились эти маленькіе люди, въ полномъ убѣжденіи, что всесильная графиня, или какъ ее называли эти люди — «мать-владыка» — все можетъ. Графиня же, нерѣдко, направляла своихъ просителей ко мнѣ, а я своихъ — къ графинѣ. Просьбы, съ которыми къ намъ обращались, были самаго разнообразнаго содержанія и часто не имѣли никакого отношенія къ церковнымъ сферамъ.

На этой почвѣ рождались нерѣдко комическіе эпизоды.

Пришелъ ко мнѣ, однажды, какой то іеромонахъ, прибывшій изъ Ташкента, и просилъ меня похлопотать о разрѣшеніи использовать развалины какой то пограничной крѣпости для предполагаемой имъ постройки монастыря. Онъ былъ такъ увлеченъ своей идеей, разсказывалъ о ней съ такимъ жаромъ, глаза горѣли такимъ неподдѣльнымъ огнемъ вдохновенія, а перспективы видѣть на мѣстѣ этихъ развалинъ дивную обитель такъ манили его и до того плѣняли, что онъ былъ всецѣло во власти своей идеи и произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Я съ интересомъ слушалъ его разсказъ и мысленно искалъ путей помочь ему. Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе углублялся въ подробности своего разсказа, выяснилось, что, прибывъ въ Петербургъ, онъ прежде всего направился къ Оберъ-Прокурору В. К. Саблеру, отъ котораго узналъ, что, прежде чѣмъ использовать бывшую крѣпость подъ монастырь, нужно получить разрѣшеніе военнаго министра В. А. Сухомлинова. Іеромонахъ бросился къ военному министру, который объяснилъ, что, по стратегическимъ соображеніямъ, означенную крѣпость нельзя превращать въ монастырь, и отказалъ іеромонаху въ его просьбѣ. Тогда іеромонахъ подалъ прошеніе на

Высочайшее имя, но и тамъ получилъ отказъ. Выслушавъ его разсказъ, я не удержался, чтобы не разсмѣяться.

«Дорогой батюшка, да я и радъ былъ бы помочь вамъ, но вѣдь вы обошли уже всѣ инстанціи, и даже самъ Государь Императоръ отказалъ вамъ. Что же я могу сдѣлать?»..

Какъ ни резонно было мое замѣчаніе, но іеромонахъ не унимался и доказывалъ, что съ самаго начала дѣло было поведено неправильно, и что, если бы онъ не началъ съ В. К. Саблера, а заявился бы сначала къ графинѣ С. С. Игнатьевой, или ко мнѣ, то и дѣло бы пошло по иному.

Велика была его вѣра, но, увы, она не спасла его дѣла.

Такою же дорогою дошла къ дверямъ моей квартиры и начальница Иверско-Алексѣевской обители въ Туапсе, монахиня Маріамъ, и разсказала мнѣ свою поистинѣ трагическую исторію.

Проживала въ Екатеринодарѣ зажиточная мѣщанская семья, богобоязненная и религіозно настроенная, жившая на попеченіи старика отца и состоявшая изъ трехъ дочерей, одна другой краше. Въ числѣ знакомыхъ этой семьи былъ и старецъ Софроній, котораго молва называла великимъ подвижникомъ, и за которымъ толпы народа ходили слѣдомъ, признавая его святымъ. Почитала старца Софронія и помянутая семья и, когда старикъ-отецъ заболѣлъ и лежалъ уже на смертномъ одрѣ, то, призвавъ къ себѣ старца Софронія и указавъ ему на своихъ юныхъ дочерей, сказалъ ему:

«Тебѣ я поручаю чистыя и невинныя души дѣтей моихъ. Береги ихъ и доведи до Престола Божьяго»... Сказавъ это, старикъ скончался, а сироты остались на попеченіи старца Софронія, который посовѣтовалъ имъ распродать все ихъ имущество и на вырученныя деньги основать монастырь, принять иночество и подвигами и трудами спасать свои чистыя души вдали отъ заразы мірской. Такъ онѣ и сдѣлали. Долго длились поиски удобнаго мѣста, пока не отыскалось подходящаго, подлѣ Туапсе, въ одномъ изъ живописныхъ ущелій Кавказскихъ горъ. Работа закипѣла, и не прошло и двухъ лѣтъ, какъ на купленномъ участкѣ возникли монастырскіе корпуса и былъ заложенъ фундаментъ для каменнаго храма... Временно же богослуженіе совершалось въ домовой церкви, при покояхъ начальницы общины.

Все болѣе и болѣе ширилась слава юной Алексѣевской общины, и начальница уже заручилась согласіемъ Преосвященнаго Андрея, епископа Сухумскаго, о переименованіи общины въ монастырь. Какъ свѣча предъ Богомъ горѣла юная обитель среди Кавказскихъ горъ; какъ трудолюбивыя пчелы работали сестры-подвижницы день и ночь надъ Божьимъ дѣломъ. Монахиня Маріамъ и ея сестры не только отдали обители

все свое имущество, но перевезли туда тѣла ихъ покойныхъ родителей, самое дорогое, что имѣли, мечтая быть похороненными рядомъ съ этими, безконечно дорогими имъ, могилками. Старецъ Софроній проживалъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ обители, гдѣ ему построили келію, и откуда онъ приходилъ на богослуженіе въ юную, созданную и его мыслью, и его трудами обитель... Тихо и мирно протекала жизнь обители, пока прежній благочинный не получилъ иного назначенія, а на его мѣсто былъ назначенъ настоятель одного изъ храмовъ г. Туапсе, священникъ Красновъ, или Красницкій, точно не помню его фамиліи.

Съ него и начались тѣ ужасы, какіе, въ результатѣ, разгромили обитель и разсѣяли сестеръ по всему бѣлу свѣту...

Этотъ священникъ имѣлъ двухъ сыновей — ярыхъ революціонеровъ, побывавшихъ не только въ тюрьмѣ, но, кажется, и на каторгѣ, и самъ былъ революціонеромъ и страшнымъ человѣкомъ... Онъ вошелъ въ довѣріе къ епископу Андрею, также извѣстному своими антимонархическими взглядами, и епископъ, вчера созидавшій юную обитель, сталъ сегодня разрушать ее, но не своими руками, а руками своего замѣстителя, преосвященнаго Сергія Сухумскаго.

«Да какъ же это!» — взмолилась несчастная монахиня Маріамъ къ епископу Андрею, покидавшему Сухумскую епархію и переѣзжавшему въ Уфу: «вы же сами помогали все время обители, а теперь наговорили столько дурного противъ нея новому Владыкѣ»...

«Ничего, ничего» — утѣшалъ епископъ Андрей, вооружая одновременно противъ обители своего замѣстителя и всецѣло довѣряясь благочинному-революціонеру, создавшему непередаваемо гнусную легенду о безнравственномъ поведеніи старца Софронія и объ отношеніяхъ къ нему сестеръ молодой общины. Какъ только былъ пущенъ такой слухъ, такъ Преосвященный Сергій сталъ буквально терзать обитель своими ревизіями и дознаніями, пока, наконецъ, не разогналъ всѣхъ сестеръ, съ начальницею монахинею Маріамъ, и назначилъ новую начальницу, которая привезла съ собою и новыхъ сестеръ, а прежнихъ пустилъ по бѣлу свѣту...

Разсказавъ исторію разгрома обители, монахиня Маріамъ добавила, что объ этой исторіи извѣстно и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ, съ любовью пріютившей у себя часть разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ сестеръ Алексѣевской общины, и графинѣ С. С. Игнатьевой, и очень многимъ другимъ, съ негодованіемъ отвергавшимъ гнусную клевету и желавшимъ всемѣрно помочь ей. Разсказъ монахини Маріамъ былъ такъ искрененъ, сама она производила такое глубокое впечатлѣніе своею пламенною вѣрою, своею, не внушавшей мнѣ ни малѣй-

шаго сомнѣнія, чистотою, а имя Преосвященнаго Андрея (въ мірѣ князя Ухтомскаго) было такъ хорошо мнѣ извѣстно, какъ имя «передового» и путаннаго человѣка, что, выслушавъ этотъ разсказъ, я немедленно же полетѣлъ къ Оберъ-Прокурору В. К. Саблеру и горячо просилъ его заступиться за несчастную обитель. Я имѣлъ, кромѣ того, и добрые отзывы объ обители и со стороны своего начальника, Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта С. В. Безобразова, владѣльца небольшого имѣнія, расположеннаго вблизи Алексѣевской общины, также просившаго меня заступиться за разоренную обитель. Поэтому я ѣхалъ къ В. К. Саблеру въ полномъ убѣжденіи, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе докладами епископа Сергія, о которомъ то-же отзывались неодобрительно. . .

«Что за странный обычай» — сказалъ я В. К. Саблеру: «каждый разъ, когда требуется оклеветать другого, пользуются непремѣнно обвиненіемъ въ безнравственномъ поведеніи. . . Вѣдь ясно, почему избираютъ именно это, а не другое какое либо обвиненіе. . . Всякое иное допускаетъ провѣрку; а это труднѣе всего провѣрить, и ему легче всего вѣрятъ. . . Кто же станетъ совершать безнравственные поступки при свидѣтеляхъ, и, слѣдовательно, какая цѣна такимъ свидѣтельскимъ показаніямъ! И, притомъ, обвиненія совершенно неправдоподобны: старцу Софронію, говорятъ, уже 80 лѣтъ». . . .

«Это ничего не значитъ» — многозначительно отвѣтилъ В. К. Саблеръ и засмѣялся.

Такъ моя миссія у В. К. Саблера ничѣмъ и не кончилась.

Какъ я ни убѣждалъ Оберъ-Прокурора, что единственная просьба монахини Маріамъ заключается въ командированіи кого либо для производства тщательной ревизіи на мѣстѣ, для ознакомленія съ революціонною дѣятельностью благочиннаго обители; какъ я ни доказывалъ, что нельзя же подвергать такимъ непосильнымъ испытаніямъ вѣру создателей обители, отдавшихъ послѣдней все свое имущество и изгнанныхъ изъ обители, брошенной въ руки тѣмъ, кто теперь глумится надъ этою вѣрою, но В. К. Саблеръ былъ непреклоненъ и сказалъ лишь, что я всегда всѣмъ вѣрю и всегда во всемъ ошибаюсь, что у него имѣются безспорныя доказательства виновности какъ старца Софронія, такъ и сестеръ обители, въ томъ числѣ и монахини Маріамь. Прошло нѣсколько лѣтъ. . .

Я вошелъ въ Синодъ въ качествѣ Товарища Оберъ-Прокурора и немедленно же заявилъ, что дѣло Иверско-Алексѣевской общины должно быть разслѣдовано, ибо нельзя дѣлать выводовъ только на основаніи однихъ письменныхъ донесеній съ мѣста, не провѣривъ ихъ и не видѣвъ даже старца Софронія. . . Мое заявленіе встрѣтило оппозицію со стороны іерарховъ, признававшихъ донесенія Преосвященныхъ безапелля-

ціонными и усматривавшихъ въ провѣркѣ ихъ чуть ли не оскорбленіе епископа. Съ этимъ взглядомъ я не согласился и настоялъ на своей личной поѣздкѣ, правда, только въ Январѣ 1917 года, ибо моя поѣздка, подъ разными предлогами, затягивалась. 25 Января я выѣхалъ на Кавказъ, заѣхавъ, по пути, въ Харьковъ для врученія Высочайшаго рескрипта начальницѣ женскаго епархіальнаго училища Е. Н. Гейцыгъ.

Тормозилась моя поѣздка не только Синодомъ, но и ... А. Осѣцкимъ, задерживавшимъ выдачу прогонныхъ денегъ и мстившимъ мнѣ за многое, въ томъ числѣ и за то, что я не допустилъ его поѣздки въ Москву на праздники Рождества Христова. Ссылаясь на необходимость обревизовать какое то Синодальное училище — не помню теперь въ точности какое — А. Осѣцкій намѣренъ былъ выѣхать въ Москву во главѣ цѣлой комиссіи чиновъ Хозяйственнаго Управленія и подалъ соотвѣтствующій рапортъ Оберъ-Прокурору, который и разрѣшилъ поѣздку, о чемъ и предувѣдомилъ меня. Въ качествѣ Товарища Оберъ-Прокурора, я, не имѣя права входить въ разсмотрѣніе вопроса по существу, долженъ былъ ограничиться лишь утвержденіемъ ассигновки на поѣздку. Когда А. Осѣцкій явился ко мнѣ за этимъ и представилъ мнѣ эту ассигновку, исчисленную имъ въ нѣсколько тысячъ рублей, то эта сумма была признана мною чрезмѣрной, и я не только не утвердилъ ассигновки, но и сообщилъ Н. П. Раеву, что въ такой поѣздкѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности, ибо Москва имѣетъ Синодальное управленіе, какое и можетъ обревизовать училище и донести о своей ревизіи Св. Синоду. Н. П. Раевъ не былъ мелочнымъ и не только не обидѣлся на меня, но даже выразилъ мнѣ благодарность и свое разрѣшеніе взялъ назадъ.

Слухи объ этой поѣздкѣ проникли въ печать, и въ газетахъ появилась статья, подъ заглавіемъ: «Увеселительная поѣздка А. Осѣцкаго въ Москву», въ которой хорошо освѣдомленный о вопросѣ авторъ высмѣивалъ А. Осѣцкаго и доказывалъ, что, какъ ни хитро была задумана и обставлена поѣздка, однако А. Осѣцкому не удалось обойти Товарища Оберъ-Прокурора.

Все это до крайности взбѣсило А. Осѣцкаго и, въ результатѣ, при исчисленіи прогонныхъ денегъ на мою поѣздку на Кавказъ, разсчитанную на мѣсячный срокъ, мнѣ было отпущено всего около 700—800 рублей, если не ошибаюсь. Такова была мелкая месть мелкаго человѣка! Отпущенная сумма, конечно, не смутила меня, и перерасходъ былъ покрытъ моими личными средствами, ибо, разумѣется, я не считалъ для себя возможнымъ входить въ пререканія по этому вопросу съ г. Осѣцкимъ.

ГЛАВА LXXIV.

Евгенія Николаевна Гейцыгъ.

Трудно передать то настроеніе, тотъ духовный подъемъ, какой, по милости Ея Величества, благостнѣйшей Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, охватилъ всю Харьковскую епархію, склонившуюся предъ начальницею женскаго епархіальнаго училища Евгеніею Николаевною Гейцыгъ въ признаніи ея великихъ заслугъ предъ епархіею, нашедшихъ трогательную оцѣнку съ высоты Престола. Въ лѣтописяхъ епархіальной жизни именной Высочайшій Рескриптъ скромной провинціальной труженицѣ былъ, конечно, событіемъ необычайнымъ, не имѣвшимъ примѣра, и неудивительно, что это торжество было залито не виномъ и шампанскимъ, а слезами умиленія, исторгавшими горячія молитвы къ Богу о здравіи и благоденствіи Императрицы. Прибывъ, вмѣстѣ въ архіепископомъ Антоніемъ, 28 Января 1917 года, въ епархіальное училище, я засталъ тамъ начальницу Е. Н. Гейцыгъ, окруженную дѣтьми, учительскимъ персоналомъ и мѣстнымъ духовенствомъ.

Прочитавъ Высочайшій рескриптъ и вручивъ его Е. Н. Гейцыгъ, я обратился къ ней съ такими словами:

«Глубокоуважаемая Евгенія Николаевна, привѣтствую васъ съ великою радостью. Ваша дѣятельность, проникнутая смиреніемъ и любовію, не укрылась отъ любящаго взора Царицы-Подвижницы, сердцу которой такъ близки тѣ скромные труженики, какіе не ищутъ славы людской, какіе въ безмолвіи и тишинѣ совершаютъ свое великое дѣло служенія ближнимъ предъ очами Божіими. Вы избрали себѣ подвигъ воспитанія и образованія дочерей православнаго духовенства, съ великою любовію и самоотверженіемъ несете этотъ подвигъ свыше 33 лѣтъ, свидѣтельствуя своимъ примѣромъ о томъ, какъ много могутъ сдѣлать силы одного человѣка, проникнутаго любовію къ дѣлу, той любовію, какая низводитъ благодатную помощь на всякое дѣло Божіе. Можетъ быть, и вы встрѣчали препятствія на пути; можетъ быть, и ваша душа скорбѣла, изнемогая подъ бременемъ тяжелой ноши; но вы донесли свое бремя до конца, до той минуты, когда оно уже перестало быть бременемъ и сдѣлалось благомъ, сдѣлалось для васъ радостью. «Иго Мое благо и бремя Мое легко»: если этихъ словъ Христа не понимаютъ, если имъ не вѣрятъ, то только потому, что люди нетерпѣливы и часто сбрасываютъ съ себя иго, на нихъ Христомъ возложенное, раньше срока, предопредѣленнаго Богомъ, не хотятъ донести его до того момента, когда самое тяжкое иго, самое нестерпимое страданіе превращается въ радость, рождая живую связь съ Богомъ, вызывая слезы благодарности. И для васъ насталъ этотъ моментъ. Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ было угодно осчастливить васъ высокомилостивымъ рескриптомъ, пожаловать вамъ Свой портретъ съ собственноручнымъ начертаніемъ и повелѣть мнѣ лично вручить вамъ эти знаки Высочайшаго къ вамъ благоволенія. Я счастливъ исполнить волю Ея Величества, счастливъ тѣмъ болѣе, что вижу здѣсь выраженіе неисповѣдимыхъ Путей Божіихъ, вижу въ этомъ знакѣ источникъ не только земной радости, но и благословеніе небесное. О, если бы поскорѣе открылись у людей очи духовныя,

и они научились бы видѣть въ своей жизни и въ окружающемъ отраженіе Путей Божіихъ, отраженіе этой вѣчносущной связи, какая соединяетъ небо и землю! Не вы-ли явились первою провозвѣстницею славы святителя Іоасафа, угодника Божія, особенно близкаго сердцу каждаго изъ насъ, особенно любимаго и дорогого?! Сколько любви вложили вы въ дѣло прославленія его, когда это дѣло только зачиналось! Не Онъ ли, Святитель, вдохновлялъ васъ въ вашей работѣ, подкрѣплялъ въ трудахъ, нашедшихъ такую трогательную оцѣнку съ высоты Престола, со стороны нашей возлюбленнѣйшей Царицы?!

Храните же этотъ дорогой рескриптъ, какъ благословеніе свыше; храните на память о Государынѣ, вся жизнь которой проникнута пламенной любовью къ Богу и Его святымъ угодникамъ. И да будетъ ваша радость радостью для всѣхъ, кому дорого то святое дѣло, какое вы дѣлаете, кто понимаетъ святую миссію православнаго духовенства».

Вслѣдъ за мною, обратился съ привѣтствіемъ къ Евгеніи Николаевнѣ архіепископъ Антоній, сказавшій слѣдующую рѣчь:

Съ своей стороны долженъ заявить, достоуважаемая Евгенія Николаевна, что радость ваша является радостью всѣхъ насъ, отъ души сочувствующихъ и вамъ, и училищу, и призрѣваемымъ здѣсь галичанамъ, потому что всѣ мы, т. е. Харьковское духовенство, равно и ваши сослуживцы, и сослуживицы, наблюдая ваше самоотверженное, исполненное материнской любви служеніе Богу и ближнимъ, хотя и выражали вамъ неоднократно благодарность, любовь и уваженіе, но всегда сознавали, что ваша исключительная ревность ко врученному вамъ святому дѣлу далеко не оцѣнена по достоинству въ современной жизни, и послѣдняя остается въ отношеніи къ вамъ несправедливою до тѣхъ поръ, пока за ваши исключительные труды не послѣдуетъ исключительное, необычное въ вашей скромной долѣ воздаяніе, далеко превышающее предѣлы нашей епархіи. Вотъ почему, можно сказать, вся епархія радовалась, когда вы два года тому назадъ удостоились получить портретъ Государя Императора съ собственноручною подписью. Сегодня высокій сановникъ вручилъ вамъ такой же портретъ Государыни Императрицы, но еще при милостивомъ рескриптѣ съ торжественнымъ признаніемъ вашихъ заслугъ по разнымъ отраслямъ вашей дѣятельности. Только теперь всѣ мы, непосредственные свидѣтели послѣдней, можемъ утѣшить себя словами: «наконецъ-то наша Евгенія Николаевна награждена по достоинству». Мы видимъ вашу радость, но знаемъ и вашу скромность, и потому не погрѣшимъ, если скажемъ, что духовенство и ваши питомцы и присутствующіе здѣсь галичане радуются больше васъ самихъ, ибо то, что исполнить мы всѣ не имѣли силъ, совершено теперь Высочайшей властью. Радуемся мы еще и тому, что въ прочитанномъ рескриптѣ благоволительный Высочайшій взоръ палъ и на дорогое намъ скромное училище, и на любезныхъ намъ бѣженцевъ-галичанъ, и на опекаемыхъ мѣстнымъ духовенствомъ нашихъ страдальцевъ воиновъ. Напутствуемая молитвами благодарныхъ вамъ старыхъ и молодыхъ друзей, идите же бодро впередъ въ служеніи любви и милосердія, подъ благоволительнымъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Не могу не использовать случайно сохранившихся газетныхъ вырѣзокъ и не привести отвѣтныхъ рѣчей глубоко растроганной Е. Н. Гейцыгъ. Къ сожалѣнію, текста Высочайшаго Рескрипта, напечатаннаго въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» за 1917 годъ, мнѣ не удалось отыскать.

Обращаясь ко мнѣ, Е. Н. Гейцыгъ сказала:

Князь Николай Давидовичъ! Приношу Вамъ мою глубочайшую, горячую благодарность за доставленную мнѣ радость и счастье снова получить Высочайшее благоволеніе. Ея Императорское Величество Государыня Императрица, какъ мать и воспитательница, сочувственно отнеслась, по докладу Вашему, къ трудамъ старой воспитательницы и удостоила меня Высочайшей награды. Въ далекой молодости, въ началѣ службы моей, я была удостоена высокомилостиваго пожеланія Его Величества Государя Императора Александра Александровича, тогда Наслѣдника, нести легко обязанности воспитательницы; и вотъ теперь, на закатѣ жизни моей, я осчастливлена Высочайшей оцѣнкою почти полувѣковой дѣятельности моей Ихъ Императорскими Величествами. Что выше радости моей?!

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Вы, Князь, доставили мнѣ большое удовольствіе, посѣтивши училище. Едва взглянули Вы на дѣтей и на нашу обстановку, Вы сразу оцѣнили труды нашей училищной корпораціи и обратили большое вниманіе на мой докладъ о моихъ ближайшихъ помощницахъ — воспитательницахъ, на ихъ тяжелый трудъ въ нашемъ обширномъ и многочисленномъ училищѣ... Возвратившись въ Петроградъ, Вы немедленно откликнулись и выразили сердечное желаніе пойти навстрѣчу воспитательницамъ и воспитанницамъ... Все, что Вы могли замѣтить въ средѣ дѣтей симпатичнаго и хорошаго, въ часъ Вашего пребыванія у насъ, все это достигнуто далеко не легкими трудами моихъ чудныхъ, дружныхъ, идеальныхъ сослуживцевъ и сослуживицъ, и въ эту счастливую минуту, имѣя въ рукахъ Высочайшій милостивый рескриптъ и драгоцѣнный портретъ Ея Величества, я раздѣляю съ ними этотъ Высокій Царскій даръ и горячо благодарю ихъ всѣхъ за помощь мнѣ. Отъ всего сердца благодарю моихъ достойнѣйшихъ, дорогихъ воспитательницъ, сотрудницъ по призрѣнію дѣтей-галичанъ, заботою и участіемъ которыхъ дѣти чувствуютъ себя въ училищѣ, какъ въ семьѣ родной; благодарю и великихъ подвижницъ милосердныхъ сестеръ... Не ихъ ли содѣйствію и усердію я обязана милостивымъ вниманіемъ Ея Величества къ нашимъ галичанамъ и раненымъ?!

Ваше Сіятельство! Еще разъ осмѣливаюсь просить Васъ, просить и молить, не забывайте моихъ дорогихъ воспитанницъ, помогите имъ все съ тою же любовію стремиться въ родное имъ училище, все съ тѣмъ же самоотверженіемъ нести великій трудъ воспитанія дѣтей, святую службу Царю, Царицѣ, Церкви и Отечеству, и Васъ, глубокоуважаемый князь, мы назовемъ своимъ благодѣтелемъ. Моя же благодарная молитва о Васъ, князь, Святителю Іоасафу. Да сохранитъ Онъ Васъ и да поможетъ Вамъ на новомъ пути Вашей дѣятельности. Отъ имени всей училищной корпораціи, моихъ бывшихъ и настоящихъ воспитанницъ, имѣю честь просить Ваше Сіятельство повергнуть наши вѣрноподданническія чувства къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.»

Затѣмъ, обращаясь къ архіепископу Антонію, Е. Н. Гейцыгъ сказала:

«Въ нынѣшнемъ торжественномъ днѣ моемъ я снова вижу Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, вижу Ваше участіе, Ваше содѣйствіе, Ваше архипастырское благоволеніе. Никакія слова не способны выразить моихъ душевныхъ чувствъ благодарности... Примите мой глубокій, земной поклонъ, Владыка святый.»

И Е. Н. Гейцыгъ преклонила колѣна предъ архипастыремъ.

Я видѣлъ радость, но видѣлъ и волненіе Евгеніи Николаевны и, чтобы пріободрить ее, сказалъ ей:

«Я вижу Вашу радость и радость всего Харьковскаго духовенства, для котораго Вы такъ много сдѣлали, и испытываю чувство величайшаго

нравственнаго удовлетворенія отъ сознанія, что Вы пріобщили и меня къ Вашей общей радости. Да послужитъ же для Васъ эта радость источникомъ новыхъ духовныхъ силъ въ дѣлѣ, какое, въ своемъ конечномъ итогѣ, увѣнчаетъ Васъ и наградой небесной, а для насъ всѣхъ — свидѣтельствомъ того, что вѣрная служба Богу и Царю никогда не укроется отъ взора ни Царя Небеснаго, ни Царя земнаго. Всякій путь труденъ только тогда, когда человѣкъ смотритъ внизъ, считая камни, о которые спотыкается, или назадъ, измѣряя пройденное разстояніе. . . Тамъ же, гдѣ смотрятъ впередъ, видя предъ собою идеалъ, гдѣ идутъ съ вѣрою въ дѣло и любовью къ нему, окрыленные надеждою дойти до цѣли, тамъ не замѣчаютъ препятствій, какъ бы велики они ни были. . . Вотъ Вы дошли къ цѣли и теперь вѣрно и не вспомните о тѣхъ преградахъ и препятствіяхъ, съ которыми вели борьбу, точно ея и не было вовсе. Теперь отдохните отъ трудовъ Вашихъ, съ сознаніемъ честно выполненнаго долга. Я знаю о вѣрноподданническихъ чувствахъ Вашихъ и всей корпораціи Вашей и, конечно, съ чувствомъ особой радости засвидѣтельствую о нихъ предъ Ихъ Величествами.»

После моихъ словъ, выступилъ на средину ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, предсѣдатель совѣта училища, протоіерей І. П. Знаменскій, и обратился ко мнѣ съ нижеслѣдующей рѣчью:

«Ваше Сіятельство! Пользуюсь настоящимъ обстоятельствомъ, чтобы выразить свое и корпораціи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища удовольствіе по поводу того, что Ваше Сіятельство въ свое двухкратное посѣщеніе училища имѣли возможность ознакомиться съ состояніемъ училища, оцѣнить достоинства начальницы училища, Евгеніи Николаевны Гейцыгъ, и исходатайствовать ей высшую награду — изъявленіе Монаршаго благоволенія Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, выраженное въ Высочайшемъ Ея Величества Рескриптѣ и пожалованіи портрета Ея Велвчества.

Евгенію Николаевну я знаю 23 года, со времени своего перехода въ 1894 году въ г. Харьковъ на должность ректора Харьковской Семинаріи. Въ теченіе этихъ 23 лѣтъ, я имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ дѣятельностью Евгеніи Николаевны, какъ начальницы училища, такъ какъ въ епархіальномъ училищѣ, подъ ея руководствомъ, у меня воспиталось 6 дочерей.

Но особенно близко я узналъ сложность и многосторонность работы Евгеніи Николаевны и ея энергію въ исполненіи своихъ обязанностей съ 1913 года, когда я назначенъ былъ предсѣдателемъ совѣта училища. Я увидѣлъ, что труды начальницы Харьковскаго Епархіальнаго училища естественно осложняются съ каждымъ годомъ вслѣдствіе расширенія училища и увеличенія въ немъ числа воспитанницъ, которыхъ при вступленіи Евгеніи Николаевны въ училище было 300—350, а въ настоящее время ихъ около 900. . . Тогда было только въ одномъ классѣ по 2 отдѣленія, а всего не болѣе 7 классовъ, а въ настоящее время только въ 7 и 8 классахъ по два отдѣленія, а во всѣхъ остальныхъ по три отдѣленія, а всего 20 отдѣленій. Всякому должно быть совершенно понятно, какое должно быть громадное напряженіе силы воли и энергіи въ дѣятельности начальницы такого многолюднаго учебнаго заведенія, чтобы держать его на такой высотѣ въ нравственно-воспитательномъ отношеніи, какою отличается Харьковское Епархіальное женское училище, воспитанницы котораго охотно и безъ всякихъ испытаній принимаются въ Харьковскія высшія учебныя заведенія — высшіе женскіе курсы, медицинскій и коммерческій институты, а также усиленно приглашаются земскими учрежденіями, уѣздными училищными совѣтами и инспекторами народныхъ училищъ не только Харьковской, но и другихъ сосѣднихъ губерній, и Харь-

ковскимъ Епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ и его отдѣленіями, преимущественно предъ другими кандидатами, на должности сельскихъ учительницъ.

И не смотря на эту громадную тяжесть своихъ прямыхъ обязанностей по должности начальницы училища, въ послѣдніе годы, когда надъ нашимъ отечествомъ разразилась страшная, кровопролитная война, когда во внутреннія губерніи потянулись массы бѣженцевъ, какъ русскихъ, такъ и изъ несчастной разоренной Галиціи, Евгенія Николаевна нашла въ себѣ достаточно силы и энергіи, чтобы принять самое дѣятельное участіе въ устроеніи этихъ несчастныхъ людей, которые должны были покинуть свои разрушенныя жилища. Она состоитъ дѣятельнымъ членомъ епархіальнаго бѣженецкаго и прикарпатскаго комитетовъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ она исполняетъ даже обязанности казначея. Но съ особою силою ея материнская заботливость и теплота чувства проявились въ отношеніи къ дѣтямъ галичанамъ, потерявшимъ на родинѣ отцевъ и матерей. Еще въ Декабрѣ 1914 г. первая партія дѣтей-галичанъ направлена была въ г. Харьковъ и нашла теплый пріютъ въ епархіальномъ училищѣ. Евгенія Николаевна приняла ихъ, какъ самая нѣжная и заботливая мать. Она встрѣтила ихъ на вокзалѣ, доставила ихъ въ училище, въ количествѣ около 100 человѣкъ, обмыла, одѣла, обула, нашла добрыхъ благотворителей, которые нѣкоторыхъ изъ дѣтей приняли къ себѣ, или взяли на себя обязанность ихъ воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ, размѣстила ихъ, по указанію Высокопреосвященнѣйшаго архипастыря, по духовнымъ учебнымъ заведеніямъ, причемъ на долю епархіальнаго училища осталось до 15 дѣвочекъ-галичанокъ, по гимназіямъ, институтамъ, кадетскимъ корпусамъ, чѣмъ вызвала съ ихъ стороны горячія отвѣтныя чувства, выражающіяся доселѣ въ ихъ благодарственныхъ къ ней письмахъ. Евгенія Николаевна несетъ на себѣ также главную тяготу завѣдыванія лазаретомъ епархіальнаго духовенства, помѣщающимся въ больницѣ епархіальнаго училища.

На основаніи всего высказаннаго мною, я беру на себя смѣлость заявить, что Ваше Сіятельство отмѣтили своимъ вниманіемъ и испрошеніемъ Высочайшей награды достойнѣйшую.

Выражая все это предъ Вашимъ Сіятельствомъ, принося Вамъ глубокую благодарность за высокую честь, оказанную нашей начальницѣ, я присоединяюсь къ только что выраженной Вамъ просьбѣ Евгеніи Николаевны: не оставьте, Ваше Сіятельство, своимъ высокимъ вниманіемъ Харьковское духовенство, которое напрягаетъ всѣ силы къ тому, чтобы обезпечить духовно-учебныя заведенія Харьковской епархіи всѣмъ необходимымъ, и корпорацію служащихъ въ епархіальномъ училищѣ, которые съ полнымъ усердіемъ трудятся, чтобы держать училище на должной учебно-воспитательной высотѣ.

Вамъ же, достоуважаемая Евгенія Николаевна, отъ лица Харьковскаго духовенства, за всѣ Ваши труды по благоустроенію училища приношу глубокій поклонъ.»

Какъ билось мое сердце, какъ искренно и глубоко я воспринималъ каждое слово этихъ скромныхъ тружениковъ, возлагавшихъ на меня такъ много надеждъ и упованій!.. И, всѣмъ сердцемъ сочувствуя нуждамъ обездоленнаго духовенства, я думалъ только о томъ, какъ бы не посрамить этихъ упованій, какъ бы оправдать возлагаемыя на меня надежды:..

Отвѣчая на рѣчь протоіерея І. П. Знаменскаго, я сказалъ:

«Глубокочтимый отецъ протоіерей!

Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, я вмѣнилъ себѣ въ долгъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за работою тѣхъ самоотвержен-

ныхъ тружениковъ, которые часто вѣдомы одному только Богу, тѣхъ смиренныхъ дѣлателей дѣла Божьяго на землѣ, которыхъ заслоняютъ собою люди сильные и недобрые, которые дѣлаютъ свое дѣло не напоказъ, не для славы людской, или собственной, а для славы Божіей, которые малы предъ людьми, но велики предъ Богомъ. Отыскивать этихъ людей, подкрѣплять ихъ силы, поддерживать ихъ бодрость духовную, какую часто неоткуда брать этимъ обезсиленнымъ людямъ, защищать ихъ, помогать бороться съ препятствіями извнѣ — это не только долгъ моей совѣсти, не только одна изъ задачъ моей службы, но и прямое повелѣніе нашего благочестивѣйшаго, возлюбленнѣйшаго Государя Императора, какое я обязанъ выполнять. И я, съ своей стороны, прошу Васъ всѣхъ помочь мнѣ въ этомъ. Несправедливости на землѣ много, и мы всѣ одинаково должны бороться съ нею и приходить на помощь не тогда, когда о ней уже громко кричатъ, а гораздо раньше, когда о защитѣ еще не смѣютъ, не рѣшаются просить. Только тогда мы получимъ и возможность подкрѣплять во-время невидныхъ работниковъ на нивѣ Божіей, увеличивать ихъ вѣру въ тяжелый трудъ, выпавшій имъ въ удѣлъ, давать имъ нужныя силы, вдохновлять къ работѣ. Ваша просьба не оставлять безъ вниманія интересовъ духовенства и, въ частности, сельскаго — наполовину уже исполнена. Положеніе духовенства, и особенно сельскаго, мнѣ хорошо вѣдомо. Не безъ участія Промысла Божія, первые годы моей службы протекли въ деревнѣ, и я не только хорошо знаю нужды сельскихъ пастырей, но знаю и то, какъ много государство имъ обязано. Тамъ впервые, на мѣстахъ, я научился и любить, и уважать нашего пастыря-подвижника; тамъ впервые я познакомился и съ тою красотою его духовнаго облика, какая и сейчасъ стоитъ такъ живо предъ моими глазами. Смиреніе — великая сила; но пользоваться ею не умѣютъ. Истинное смиреніе неразлучно съ чистотою, и тогда это всепобѣждающая сила, предъ которой склоняется и власть. И деревня являла мнѣ эту силу въ лицѣ тѣхъ немощныхъ, скромныхъ пастырей, которые даже въ своемъ приходѣ не всѣмъ были замѣтны. Сердечному участію Оберъ Прокурора Св. Синода Н. П. Раева къ нуждамъ духовенства вы обязаны тѣмъ, что важнѣйшія мѣропріятія въ области нашей церковно-государственной жизни уже на пути къ осуществленію. Возглавляемая митрополитомъ Питиримомъ комиссія заканчиваетъ свои работы по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, а состоявшая подъ моимъ предсѣдательствомъ междувѣдомственная комиссія по выработкѣ пенсіоннаго устава духовенству уже внесла выработанный проектъ въ законодательныя учрежденія. Вы можете быть твердо увѣрены въ томъ, что Ваши нужды составляютъ предметъ горячей заботы Оберъ-Прокуратуры, свято выполняющей предуказанія Государя Императора.»

Не успѣлъ я кончить, какъ изъ толпы выпорхнула какая то очень привѣтливая и бойкая дѣвица, оказавшаяся одною изъ бывшихъ воспитанницъ училища, и, подбѣжавъ вплотную къ Е. Н. Гейцыгъ, засыпала ее своими звонкими словами, полными неподдѣльнаго воодушевленія. Нисколько не смущаясь обстановкою, Лидія Загоровская отчетливо и ясно передала начальницѣ привѣтствіе отъ имени воспитанницъ училища и сказала слѣдующее:

«Дорогая и любимая Евгенія Николаевна!

Что солнце въ небѣ красное — то Государь нашъ батюшка съ своей Царицей-радостью. Ласкаетъ грѣетъ солнце — такъ свѣтъ, любовь и животворная радость льются съ высоты Монаршаго трона. . . Это мы видимъ, съ восторгомъ чувствуемъ и переживаемъ сейчасъ въ свѣтлыя минуты вашего праздника, собравшаго насъ всѣхъ сюда. За Ваши великіе труды

— Вамъ новая милость отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Мы, бывшія воспитанницы Ваши, случайно узнавъ объ этомъ выдающемся событіи въ Вашей жизни, поспѣшили къ Вамъ, чтобы раздѣлить съ Вами Вашу радость.

Всегда для всѣхъ насъ Вы были нѣжная, любящая, заботливая мать. Всегда всѣ мы воспитанницы любили и любимъ Васъ, какъ могутъ любить дѣти свою дорогую мать. Поэтому сегодняшній день — день радости и для Васъ, и для насъ. Правда, Вамъ некогда оглянуться на ниву Вашей жизни. Вы въ неустанномъ трудѣ: то въ работахъ по училищу, то у постели больныхъ, то въ хлопотахъ объ обездоленныхъ галичанахъ, о бѣженцахъ несчастныхъ, въ трудѣ честномъ, высокомъ, благородномъ — по завѣтамъ Христа...

И въ эту минуту высокой радости, невольно хочется намъ оглянуться на все сдѣланное Вами, на все то доброе, къ чему такъ идутъ слова Спасителя: «Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ, такъ что сѣющій и жнущій вмѣстѣ радуются»...

Кончилось торжество... Гостямъ былъ поданъ чай, послѣ котораго я, вмѣстѣ съ архіепископомъ Антоніемъ, уѣхалъ изъ училища, увозя о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія... Посѣтивъ, затѣмъ, нѣсколько мужскихъ гимназій, гдѣ я присутствовалъ на урокахъ Закона Божьяго, сдѣлавъ визиты преосвященному викарію и Харьковскому губернатору, я на другой день, утромъ, уѣхалъ въ Ростовъ, съ сознаніемъ выполненнаго нравственнаго долга предъ училищемъ и его начальницею.

Это торжество было и лебединою пѣснью Е. Н. Гейцыгъ.

Вскорѣ послѣ него, Евгенія Николаевна скончалась, съ благодарною молитвою за Царя и Царицу на устахъ.

Я вспомнилъ заключительныя слова привѣтствія Лидіи Загоровской:

«Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ»...

ГЛАВА LXXV.

Прибытіе въ Ростовъ. Депутація Галичанъ. Проф. П. Верховскій. „Самый плохой ученикъ“.

Хотя поѣздъ прибылъ въ Ростовъ поздно вечеромъ, однако въ царскихъ комнатахъ Ростовскаго вокзала собрались для моей встрѣчи не только должностныя лица, но и группа проживавшихъ въ Ростовѣ бѣженцевъ-галичанъ. Отпустивъ первыхъ, я занялся послѣдними, устроилъ нѣчто вродѣ маленькаго засѣданія, на которомъ выслушалъ обращенныя ко мнѣ просьбы, сводившіяся, главнымъ образомъ, къ заботѣ о помѣщеніи дѣтей въ мѣстныя гимназіи и огражденіи ихъ отъ вліянія уніатскаго духовенства, борьба съ которымъ становилась все болѣе

трудною ввиду того, что уніаты располагали большими средствами и, пользуясь бѣдствіями православныхъ галичанъ, переманивали ихъ въ унію. Жалобы эти раскрыли предо мною очень тонкую и сложную игру католическаго епископа графа Шептицкаго и составили содержаніе спеціальнаго доклада Св. Синоду, въ которомъ я ходатайствовалъ объ отпускѣ средствъ на борьбу съ уніатской пропагандой и доказывалъ, что, сберегая лишнюю копѣйку, Св. Синодъ теряетъ чадъ Православной Церкви. Докладъ былъ иллюстрированъ разительными примѣрами, свидѣтельствовавшими о тѣхъ пріемахъ, коими гр. Шептицкій и его агенты пользовались для уловленія православныхъ галичанъ въ лоно католической церкви.

Изъ дальнѣйшей бесѣды я узналъ, что среди профессоровъ эвакуированнаго въ Ростовъ Варшавскаго университета находится и профессоръ П. В. Верховскій, и я передалъ ему приглашеніе явиться ко мнѣ утромъ слѣдующаго дня.

Было уже поздно; я отпустилъ галичанъ и направился въ свой вагонъ.

На другой день утромъ, оберъ-секретарь Ростовскій, сопровождавшій меня въ поѣздкѣ, доложилъ мнѣ о приходѣ профессора П. В. Верховскаго.

Предо мною предсталъ маленькій, невзрачный человѣкъ, съ нервными движеніями и характернымъ выраженіемъ глазъ. Я почти безошибочно опредѣлялъ по этому выраженію людей «ищущихъ», но ничего не нашедшихъ. Еще въ болѣе рѣзкой степени было выражено такое «исканіе» въ глазахъ прославившагося іеромонаха Антонія Булатовича, надѣлавшаго столько шума своею книгою объ Имени Божіемъ, создавшей Аѳонскую ересь имябожниковъ.

Я очень любезно принялъ профессора П. В. Верховскаго и, указавъ ему на то, что былъ очень огорченъ его статьею, появившейся вслѣдъ за моимъ назначеніемъ, просилъ его объяснить мнѣ ея мотивы и основанія.

Профессоръ сталъ что-то говорить, не помню теперь уже что; я же, воспользовавшись короткою паузою, спросилъ его:

«Помните ли Вы, Павелъ Владиміровичъ, ту семью, въ которой вы жили въ раннемъ Вашемъ дѣтствѣ и юности; среди членовъ этой семьи были и лютеране... Помните ли Вы, какъ эти лютеране заразились Вашею пламенною дѣтскою вѣрою и приняли православіе; какъ Вы не пропускали ни одного богослуженія въ храмѣ, прислуживали епископу, держа предъ нимъ евангеліе; какъ, слѣдуя голосу своей чуткой дѣтской души, Вы стремились къ иночеству, проживая на Валаамѣ, пребывая въ тѣснѣйшемъ общеніи со старцами и подвижниками...

Скажите мнѣ, профессоръ: когда Вы были ближе къ Богу, спокойнѣе, счастливѣе, — тогда-ли, когда безъ критики, слѣпо, по-дѣтски, вѣрили и тянулись къ Богу, какъ цвѣтокъ къ солнцу, или теперь, когда это бывшее раньше тяготѣніе разсматривается Вами какъ дѣтское увлеченіе, даже больше, какъ нѣчто не нужное и вредное... Неужели же Вы разорвали эти самыя лучшія, самыя дорогія страницы Вашей жизни?!»

Профессоръ былъ ошеломленъ: мои слова застали его врасплохъ. Онъ недоумѣвалъ, откуда мнѣ извѣстны эти, быть можетъ имъ самимъ забытыя, страницы его жизни и ... онъ не зналъ, что отвѣтить. Мнѣ казалось, что, воскресивъ ихъ въ его памяти, я задѣлъ самое больное его мѣсто, и мнѣ стало его жалко.

«Не думайте, Павелъ Владиміровичъ» — продолжалъ я — что я обиженъ Вашею статьею. Заблуждались Вы добросовѣстно; писали о томъ, что искренно исповѣдовали, не зная меня лично — обижать меня умышленно не собирались. Но значеніе Вашихъ статей — широкое; онѣ обижаютъ религіозное чувство каждаго человѣка, вѣрующаго просто, не по ученому; вносятъ соблазнъ и сумбуръ въ умы, отягощаютъ ихъ сомнѣніями... И я въ дѣтствѣ и въ юности не выходилъ изъ храма; и я провелъ всю свою юность въ келіяхъ старцевъ, и не было монастыря, котораго бы я не посѣтилъ; нѣтъ и теперь дня, чтобы я не тосковалъ по Валааму, по Оптиной, или Сарову... Не привелось мнѣ тамъ остаться навсегда; но я не измѣнилъ правдѣ дѣтскихъ воспріятій и ощущеній и вижу въ нихъ единственный отвѣтъ на всѣ тѣ вопросы, какіе Вы разрѣшаете теперь эмпирическимъ путемъ... Вы пробуете переустраивать церковную жизнь раціоналистическими способами, хотите ввести ее въ несвойственное ей русло. Но Церковь не должна смѣшиваться съ государствомъ, а должна стоять надъ нимъ; не должна ассимилироваться съ «новыми» требованіями жизни, а должна всегда стоять на одномъ мѣстѣ, какъ скала, какъ маякъ; «прогресса» въ области религіи, изъ которой церковь черпаетъ свое начало и животворную силу — не можетъ и не должно быть; наоборотъ, намъ нужно повернуть церковную жизнь назадъ, къ требованіямъ забытой всѣми «Книги Правилъ»...

Не помню, что мнѣ сказалъ въ отвѣтъ проф. П. В. Верховскій. Помню лишь, что мы дружески разстались съ нимъ: крѣпко пожимая мнѣ руку, онъ на прощаніе замѣтилъ, что, если бы былъ знакомъ со мною раньше, то не написалъ бы своей статьи.

Разставшись съ нимъ, я, въ сопровожденіи нѣсколькихъ галичанъ, объѣхалъ мужскія гимназіи и посѣтилъ реальное училище, гдѣ присутствовалъ на урокахъ закона Божія.

Жалкія я вынесъ оттуда впечатлѣнія. Одна рутина, а жизни — не было. Одинъ изъ законоучителей, представляя мнѣ учениковъ выпускного класса, сказалъ мнѣ: «вотъ этотъ — самый лучшій въ классѣ; а вотъ этотъ — самый плохой.» Меня передернуло отъ такой безтактности: я недоумѣвалъ, спрашивая себя, неужели пастырь церкви, предъ которымъ раскрываются десятки тысячь душъ его пасомыхъ, такъ мало изучилъ человѣческую душу; неужели онъ не понималъ того, что, аттестуя такъ своего ученика предъ всѣмъ классомъ и въ присутствіи того, предъ которымъ трепетали не только запуганныя дѣти, но и ихъ начальство, онъ терзалъ душу ребенка, создавалъ одно изъ тягостныхъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, какія будутъ, быть можетъ, всю жизнь давить сознаніе ошельмованнаго, оконфуженнаго юноши...

И, подойдя къ нему, желая загладить непріятное и тяжелое впечатлѣніе отъ словъ батюшки, я спросилъ «самаго плохого ученика»:

«А вы посѣщаете Церковь въ праздники и воскресенія?»

«А какъ же; и наканунѣ хожу на всенощную» — бойко отвѣтилъ онъ.

«А случалось ли вамъ, идя по улицѣ, встрѣчаться съ нищими?»

«О да, часто; теперь ихъ особенно много» — послѣдовалъ отвѣтъ.

«Что же вы дѣлали, когда встрѣчались съ ними? Подавали ли имъ милостыню, сколько можно?» — продолжалъ я спрашивать.

У мальчика заблестѣли глаза, и онъ живо отвѣтилъ:

«Всегда давалъ, когда были деньги»...

«Тогда вы — самый лучшій ученикъ въ классѣ» — отвѣтилъ я ему.

Священникъ былъ нѣсколько сконфуженъ, а весь классъ торжествовалъ.

«Самый плохой ученикъ» тоже сіялъ отъ радости. Позорное клеймо было съ него снято.

По выходѣ изъ класса, я посовѣтовалъ законоучителю бережнѣе относиться къ впечатлительной дѣтской душѣ.

ГЛАВА LXXVI.

Прибытіе въ Туапсе. Главноначальствующій Сорокинъ. Монахиня Маріамъ. Священникъ Красновъ. Старецъ Софроній.

Изъ Ростова я направился въ Туапсе. Поѣздъ прошелъ чрезъ Екатеринодаръ ночью, и я только позднѣе узналъ, что на вокзалѣ ждали моего прибытія мѣстныя власти и духовенство, получившія, безъ моего вѣдома, извѣщеніе о моемъ отъѣздѣ изъ Ростова въ Туапсе. Я разсчитывалъ заѣхать въ Екатеринодаръ лишь на обратномъ пути, по окончаніи сложнаго дѣла ревизіи Иверско-Алексѣевской общины.

Стояли жестокіе морозы; снѣжная вьюга замела желѣзнодорожные пути: я съ трудомъ доѣхалъ до Туапсе. Еще сложнѣе было добраться до обители, скрытой въ глубокомъ ущельѣ Кавказскихъ горъ и буквально задавленной снѣгомъ. Мудрые основатели монастырей обычно созидаютъ ихъ въ мѣстахъ неприступныхъ и нерѣдко даже умышленно портятъ дороги, чтобы оградить обитель отъ какого бы то ни было общенія съ міромъ. Добраться до обители можно было только пѣшкомъ, по узенькой тропинкѣ, что зимою представлялось вдвойнѣ затруднительнымъ... Въ это время обитель въ буквальномъ смыслѣ слова была отрѣзана отъ міра.

Несмотря на ужасную мятель, меня встрѣтили, по прибытіи въ Туапсе, мѣстныя власти, во главѣ съ военнымъ, отрекомендовавшимся мнѣ «главноначальствующимъ Сорокинымъ».

Отрапортовавъ мнѣ по военному, Сорокинъ сталъ говорить...

Я не помню его имени, званія и чина,; неувѣренъ и въ томъ, не перепуталъ ли я его фамиліи; но то, что онъ говорилъ, я слышу еще сейчасъ.

«Вотъ уже скоро 10 лѣтъ, какъ Иверско-Алексѣевская община плачетъ горькими слезами, а еще и до сихъ поръ никто не утеръ ея слезъ... Но, видно, услышалъ Господь молитвы обиженныхъ: знаемъ мы, ради чего Вы пріѣхали и съ чѣмъ уѣдете отъ насъ... Разбойники получатъ свое, и половина ихъ уже попряталась; они знаютъ, что Вы спуску имъ не дадите... Знаете-ли Вы, гдѣ зараза? Она сидитъ въ священникѣ Красновѣ; самъ онъ революціонеръ, да и сыновей своихъ по своему воспиталъ, и не разъ уже они по тюрьмамъ сидѣли. Какъ явился сюда Красновъ, такъ и пошли у насъ разгромы, да бунты, да разныя революціонныя вспышки, не въ одномъ, такъ въ другомъ мѣстѣ... А я этихъ революціонеровъ — нагайкою. Они вѣдь смѣлы тогда, когда власть труслива; а какъ

видятъ, что власть ихъ не боится, такъ они сами въ трусовъ превращаются... Сдѣлалъ я на нихъ облаву разъ, сдѣлалъ другой разъ, переловилъ ихъ, да пустилъ въ ходъ нагайку разъ, пустилъ ее два, а для третьяго раза и надобности уже не оказалось... Присмирѣли, да въ глаза стали смотрѣть... Тогда я ихъ на работу...

«Чтобы у меня все здѣсь было» — сказалъ я имъ. «И чтобы серебрянная звонкая монета была, и продовольствіе чтобы было, и чтобы никакихъ очередей подлѣ лавокъ не стояло, и чтобы въ изобиліи крупчатую муку, какую контрабандою жиды вывозятъ, достали...» «Живо!» скомандовалъ я: «а не то опять подъ нагайку поставлю»... «А чрезъ недѣлю все и получилось; а мнѣ никто изъ этихъ разбойниковъ даже угрожать не осмѣлился» — закончилъ свой разсказъ Сорокинъ.

Въ томъ, что Сорокинъ говорилъ правду, а не величался своими подвигами — у меня сомнѣній не было... Объ этомъ свидѣтельствовалъ не только онъ самъ своимъ видомъ смѣлаго, рѣшительнаго человѣка, привыкшаго къ стремительнымъ дѣйствіямъ и никогда не опаздывавшаго, умѣвшаго мастерски ловить моментъ и пользоваться имъ, но и то, что я увидѣлъ, пріѣхавъ въ Туапсе, гдѣ ровно ничего не напоминало не только о томъ, что Россія была уже на самомъ канунѣ революціи, но гдѣ не было даже признаковъ переживаній военнаго времени, гдѣ никто не говорилъ о войнѣ и не испытывалъ ея послѣдствій, гдѣ всего было вдоволь, и царилъ образцовый порядокъ... Я сопоставилъ мысленно провинцію съ столицею и, въ отвѣтъ на слова Сорокина, похвалилъ его за необычайную энергію.

«Не я» — все болѣе воодушевляясь, сказалъ Сорокинъ — «а моя нагайка навела тотъ порядокъ, какой Вы изволили отмѣтить. Что такое власть безъ нагайки?» — скептически вопросилъ себя Сорокинъ и сдѣлалъ безнадежный жестъ рукою. И онъ былъ тысячу разъ правъ!

Оберъ-секретарь Ростовскій доложилъ мнѣ о приходѣ монахини Маріамъ, и Сорокинъ откланялся, заявивъ, что на вокзалѣ будетъ ждать моихъ дальнѣйшихъ распоряженій. Я же воспользовался его уходомъ, чтобы занести его имя въ общій списокъ тѣхъ лицъ, о которыхъ намѣренъ былъ сдѣлать спеціальный докладъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Давно я не видѣлъ матушку Маріамъ и былъ радъ снова встрѣтиться съ нею. Я видѣлъ, какъ трепетало ея сердце надеждою на скорый конецъ выпавшихъ на ея долю тяжкихъ испытаній; видѣлъ ея слезы, скрывавшія неувѣренность въ исходѣ ревизіи; видѣлъ опасеніе, что я могу запутаться въ густыхъ сѣтяхъ интриги, что мнѣ будетъ трудно разобраться въ тѣхъ ловкихъ хитросплетеніяхъ, какія вкладывали въ ин-

криминируемые ей факты иное содержаніе... Путаница была, дѣйствительно, большая, слѣды и нити преступленій были давно заметены, и разобраться въ дѣлѣ, возникшемъ 10 лѣтъ тому назадъ, законченномъ и сданномъ въ архивъ, было бы трудно, если бы въ немъ не былъ замѣшанъ священникъ-революціонеръ, о которомъ я не слышалъ ни одного добраго отзыва ни съ чьей стороны, и котораго всѣ огульно осуждали, если бы революціонная пресса не раздувала моей поѣздки на Кавказъ и не клеймила меня за попытки заново пересмотрѣть все дѣло злополучной Иверской общины... Эти привходящія обстоятельства, въ связи съ отзывами Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта С. В. Безобразова и другихъ лицъ, говорили мнѣ, что мое чутье меня не обманывало, и что матушка Маріамъ и ея обитель сдѣлались жертвой какой то очень сложной интриги, и что ихъ нужно спасти...

Вмѣстѣ съ матушкою Маріамъ вошелъ въ мой вагонъ-салонъ и старецъ Софроній. Ему я особенно порадовался и, выславъ остальныхъ, остался съ нимъ наединѣ. Предо мною стоялъ старецъ, съ длинной, бѣлой, какъ снѣгъ, бородой, на рѣдкость благолѣпный и располагавшій къ себѣ. Его движенія, полныя достоинства, величавая поступь, чудные глаза и ясный взоръ говорили мнѣ, что онъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ его сдѣлали тѣ, кто оклеветалъ его.

«Знаете-ли вы, что говорятъ о васъ»? — спросилъ я — «въ какихъ блудодѣяніяхъ васъ обвиняютъ, въ какомъ страшномъ грѣхѣ развращенія обители васъ уличаютъ?»...

«Какъ не знать, батюшка, знаю» — твердо, смотря на меня въ упоръ своими темно-карими, бархатными глазами, отвѣтилъ старецъ: «Да ты, батюшка, и самъ то не вѣришь тому, что говорятъ; иначе бы сюда и не пріѣхалъ; что же мнѣ то говорить!»..

«Отъ Бога правды не укроешь» — сказалъ я: «вотъ за нею я и пріѣхалъ, чтобы узнать, по правдѣ ли вы страдаете въ разсѣяніи, послѣ разгрома вашей обители, или за правду терпите, и врагъ позавидовалъ вамъ, да наказалъ васъ за то, что воздвигли лишній престолъ Божій, на которомъ Безкровная Жертва стала приноситься Господу»...

«Истиннымъ путемъ подходить изволите къ дѣлу» — вставилъ старецъ.

«Чѣмъ нибудь же нужно объяснить то, что стало слышно уже по всей Россіи» — продолжалъ я — «что васъ сестры обители и въ ванну сажали, и купали васъ, и разныя безчинства продѣлывали съ вами и надъ вами. Не подобаетъ такимъ слухамъ витать вокругъ благочестивой жизни старца...

Хотя я и догадываюсь въ чемъ тутъ дѣло, а спросить васъ мнѣ нужно по долгу охраны славы монашеской отъ поруганія»..

«Вотъ, батюшка, именно то, о чемъ ты догадываться изволишь, именно это и есть самая настоящая правда, ибо ты догадываешься, что я и точно сидѣлъ въ ваннѣ, да безъ намѣреній гнусныхъ... Тебѣ я скажу все и ничего не утаю; а другимъ не говорилъ, ибо не хотѣлъ тѣшить діавола. Изнемогать я сталъ отъ болѣзней, а наипаче отъ суставного ревматизма... Проживалъ я въ полѣ, спалъ часто на сырой землѣ, а хоть и случалось иной разъ имѣть келію, добрыми людьми въ даръ приносимую, но и тамъ, бывало, не согрѣвался... Такъ и застудилъ плоть свою грѣшную... А поворачивать въ міръ, коли я бѣжалъ изъ него, не подобало; и въ пустыняхъ, вдали отъ людей, протекала жизнь моя... Подъ старость же болѣзнь стала пригибать меня къ землѣ все больше; только и спасался отъ нея, когда залѣзалъ высоко на нары и парился въ банѣ... Знали это сестры обители, да всякій разъ, когда я приходилъ къ нимъ въ обитель, на богослуженіе, онѣ и затапливали жарко баню, куда я и уходилъ послѣ церкви... Оно точно, что провожали меня до порога бани не одна сестра, а чуть ли не всѣ вмѣстѣ; но т о л ь к о провожали и т о л ь к о до п о р о г а; а дальше провожала уже клевета людская, сатанинскими ковнями порожденная. Такъ то, батюшка мой, такъ было дѣло, а другого ничего не было. Обвиняли меня и въ томъ, что я деньги собиралъ на обитель, да себѣ ихъ въ карманъ клалъ. Что я ходилъ за сборомъ денегъ, и люди добрые ихъ давали мнѣ, то правда; а что клалъ ихъ себѣ въ карманъ, то неправда; по записямъ расходнымъ монастырскимъ видно, сколько я принесъ денегъ, и на какой предметъ онѣ израсходованы. Будешь провѣрку дѣлать — посмотри. Вотъ, батюшка мой, ты самъ первымъ о козняхъ сатанинскихъ заговорить изволилъ... Диву дивишься, что о нихъ даже вельможи Царскіе упоминаютъ, а пастыри церковные забываютъ!.. Что ему, діаволу, наша малая обитель, скудельному сосуду уподобляемая, коли онъ своими ковнями весь міръ опуталъ, да первѣе всего всю святую Русь, со всѣми ея обителями и святынями, сокрушить собирается!.. Развѣ око духовное не постигаетъ, гдѣ онъ, какимъ вихремъ налетаетъ, какою радостью тѣшится, взирая на беззаботность людскую?! Не прозрѣвающій его ковней слѣпымъ прозываться долженъ; а спотыкнется вожатый, то попадаютъ и всѣ, кого онъ ведетъ за собою... Что повелишь, батюшка родимый, еще сказать тебѣ?......

Коли съумѣешь распознать его козни, то сразу же до правды доберешься, и обитель сію возвеличишь, и виновниковъ проучишь, и Бога своими дѣяніями прославишь, и врага посрамишь»...

Старецъ Софроній поклонился мнѣ низко въ поясъ и величавою поступью вышелъ изъ вагона.

Поручивъ оберъ-секретарю вызвать священника Краснова, я воспользовался перерывомъ, чтобы записать свою бесѣду со старцемъ Софроніемъ и пріобщить ее къ протоколамъ дознанія...

Сомнѣній въ правдивости разсказа старца Софронія у меня не было никакихъ. Не менѣе очевидна была и полная его невиновность, ибо очевидно, что съ цѣлью разврата, болѣе возможнаго и менѣе рискованнаго въ мірѣ, никто монастырей не строитъ и изъ міра не бѣгаетъ... Но мое личное убѣжденіе въ его невиновности требовало обоснованія фактическими данными; не могъ я также связать съ разгромомъ обители и революціонную дѣятельность священника Краснова, и все дѣло продолжало казаться мнѣ невыясненнымъ, несмотря на то, что чутье подсказывало мнѣ правду и настойчиво опровергало взведенную на обитель клевету.

Въ вагонъ вошелъ священникъ Красновъ и поздоровался со мною. Онъ держалъ себя такъ же свободно и непринужденно, какъ и старецъ Софроній; онъ сохранялъ такое же сознаніе личнаго достоинства; а между тѣмъ какая получалась разница въ впечатлѣніи... Быть честнымъ съ самимъ собою значитъ — не имѣть никакого предубѣжденія, значитъ — проявлять абсолютное безпристрастіе; я не могъ упрекнуть себя въ томъ, что въ тотъ моментъ грѣшилъ противъ этого положенія. Но я не могъ не видѣть, что каждое движеніе, каждый жестъ Краснова отражалъ какое то внутреннее бурленіе, какой то протестъ, враждебность, какую то увѣренность въ томъ, что, какъ бы отчаянна ни была его борьба со мною, но побѣдителемъ въ ней останется онъ... Я улавливалъ его мысли, и это производило на меня непріятное впечатлѣніе...

«Да и что вамъ разслѣдовать» — сказалъ онъ достаточно развязно: «сколько уже этихъ ревизій и дознаній ни производилось, а фактовъ никому не удалось опровергнуть... Что было, то было, и несправедливости въ отношеніи обители никакой не было учинено»...

«Да, батюшка, факты имѣютъ значеніе» — отвѣтилъ я: «какъ оправданіе, такъ и обвиненіе строются на фактахъ... Но, вѣдь, и то нужно помнить, что не всегда заглавіе отвѣчаетъ содержанію главы; не всегда факты, имѣющіе одинаковую наружность, имѣютъ и одинаковое содержаніе... За примѣрами ходить не приходится: каждому изъ насъ приписываютъ, нерѣдко, и то, чего нѣтъ» — сказалъ я, сдѣлавъ намекъ на его репутацію революціонера.

«Это то такъ; но, если Вы сдѣлаете личное дознаніе, то убѣдитесь въ безпристрастіи предыдущихъ» — отвѣтилъ Красновъ.

«За этимъ только я и пріѣхалъ» — сказалъ я, приступивъ къ допросу священника и записавъ его показанія...

Простившись съ нимъ, я распорядился, чтобы Сорокинъ сопровождалъ меня въ обитель, куда я немедленно же и отправился.

ГЛАВА LXXVII.

Иверско-Алексѣевская Община. Дознаніе.

Въ сопровожденіи Сорокина и оберъ-секретаря Ростовскаго, я, кое какъ, добрался на автомобилѣ до подножія горы, въ ущельѣ которой укрывалась отъ мірского взора Иверская обитель. Дальше нужно было уже карабкаться по узенькимъ тропинкамъ, перейдя предварительно на противоположный берегъ протекавшаго у подножія горы ручья... Это препятствіе казалось мнѣ настолько непреодолимымъ, что у меня опустились руки... Ручей превратился въ широкую, бурливую рѣку; бушующія волны пѣнились и вздымались и напоминали собою стремитѣльный бѣгъ водопада, одинъ видъ котораго вызывалъ у меня головокруженіе. Ни перейти, ни переѣхать этого ручья не было возможности. Сообщеніе съ обителью поддерживалось только очень рискованнымъ веревочнымъ, качающимся во всѣ стороны, мостикомъ, безъ перилъ, прикрѣпленнымъ на тонкихъ палкахъ сомнительной крѣпости къ обоимъ берегамъ... Стоило только ступить ногою на этотъ мостикъ, чтобы онъ закачался во всѣ стороны, напоминая собою сѣтчатый гамакъ... Много попытокъ дѣлалъ я для того, чтобы перейти этотъ мостикъ, но ни одна не удалась, и я не знаю, чѣмъ бы все кончилось, если бы ко мнѣ не подбѣжалъ шофферъ автомобиля и, взявъ меня на свои богатырскія плечи, не перенесъ меня на берегъ. Облегченно вздохнулъ я, очутившись на берегу; но еще болѣе обрадовался, увидѣвъ тамъ дроги въ одну лошадь, какимъ то чудомъ туда прибывшіе, по распоряженію всюду поспѣвавшаго Сорокина.

Хотя обитель и знала о моемъ прибытіи, но меня никто не встрѣтилъ, и я, вмѣстѣ съ оберъ-секретаремъ, довольно долго блуждалъ, прежде чѣмъ нашелъ какую то сестру, которая и привела насъ въ гостинницу... Вьюга, между тѣмъ, не унималась: мы были буквально засыпаны снѣгомъ и изрядно продрогли.

Вскорѣ, по вызову моему, явились въ гостинницу игуменія и сестры, и началось дознаніе. Я не буду останавливаться на скучныхъ подробностяхъ, на сбивчивыхъ и завѣдомо ложныхъ показаніяхъ, на попыткахъ виновныхъ сестеръ во что бы то ни стало опорочить матушку Маріамъ и оправдать себя. Я скажу лишь объ одной изъ нихъ, если не ошибаюсь, монахинѣ

Даріи или Дорофеѣ — не помню точно ея имени — исполнявшей обязанности казначеи обители. Это была женщина примѣчательная во многихъ, если не во всѣхъ, отношеніяхъ. Огромная, сильная, мужеподобная, съ чрезвычайно наглядно выраженной мускулатурою, она производила впечатлѣніе подавляющее.

Въ ней не только не было ничего женскаго, но даже просто человѣческаго. Глядя на нее, я невольно вспомнилъ слышанный отзывъ о монахахъ одного изъ профессоровъ Московской Духовной Академіи, сказавшаго, что, принимая ангельскій чинъ, монахи нерѣдко теряютъ человѣческій образъ.

««Итакъ, матушка казначея, что вы можете сказать по поводу клеветы, разгромившей сію обитель?» — спросилъ я эту удивительную, неестественнаго вида женщину.

«Что я могу сказать! Говорила и буду говорить то, что и всѣ говорятъ... Спросите лучше бывшую начальницу нашу Маріамъ... Красавицу»... рѣзко отвѣтила мать-казначея, съ какою то непередаваемою ѣдкостью подчеркивая послѣднее слово.

«А вы давно казначеей?» — спросилъ я: «были ли вы казначеей и при матушкѣ Маріамъ, или стали нести это послушаніе только при новой начальницѣ?». Мать Дарія запнулась и не сразу отвѣтила мнѣ: это ничтожное обстоятельство направило мои слѣды въ совершенно другую сторону.

«Я застала матушку Дарію казначеей, когда прибыла сюда въ качествѣ начальницы общины, назначенная Преосвященнымъ» — скромно и тихо сказала игуменія.

«Кто же васъ назначилъ казначеей?» —спросилъ я матушку Дарію...

«А извѣстное дѣло кто... Архіерей. Не сама же я себя назначила» — отвѣтила она рѣзко.

Изъ допроса сестеръ прежняго состава, жившихъ въ обители при матушкѣ Маріамъ, выяснилась совершенно иная картина, чѣмъ та, какую отражали всѣ бывшія раньше дознанія. Обнаружилось, что монахиня Дарія всячески добивалась получить мѣсто казначеи и интриговала противъ своей предшественницы; что на этой почвѣ происходили частыя препирательства съ начальницею, матушкою Маріамъ, кончившіяся угрозою удалить ее изъ обители... На этотъ фактъ почему то не было обращено должнаго вниманія; однако онъ и явился ключомъ къ разгадкѣ всей путаницы, приведшей къ разгрому обители. Для меня уже было ясно, съ какою цѣлью монахиня Дарія добивалась казначейскаго мѣста, и мнѣ нужно было только найти ея любовника. Потребовалось свыше недѣли, чтобы разобраться въ хорошо запрятанныхъ слѣдахъ; однако они были найдены и блестяще подтвердили мои догадки. Лю-

бовникомъ казначеи оказался одинъ изъ Ростовскихъ лавочниковъ, поставлявшій провіантъ для обители, заинтересованный не столько «прелестями» маститой казначеи, сколько сбытомъ своего товара. Раньше ему этого не удавалось: товаръ брали въ другомъ мѣстѣ. Со вступленіемъ Даріи въ обязанности казначеи, счастье повернулось въ его сторону...

Я до сихъ поръ недоумѣваю, какимъ образомъ этотъ фактъ, удостовѣряемый такъ выпукло и несомнѣнно счетами обители, допускавшими полную возможность провѣрки, ускользнулъ отъ наблюденія тѣхъ, кто ,по порученію Сухумскаго епископа, производилъ дознанія и ревизіи...

Революціонная дѣятельность священника Краснова не нашла ни малѣйшаго отраженія въ разгромѣ обители, и этого рода обвиненія не подтвердились; но священникъ Красновъ, будучи благочиннымъ обители и производя дознаніе, по порученію епископа, былъ сугубо виноватъ въ томъ, что не только не обратилъ на указанный фактъ вниманія, но, какъ оказалось, самъ же назначилъ монахиню Дарію казначеей, всячески ее поддерживалъ и руководствовался исключительно ея точками зрѣнія. Поставилъ я въ вину и епископу Сергію то легкомысліе, какое позволило ему всецѣло довѣриться протоколамъ дознанія священника Краснова и послать соотвѣтствующее донесеніе въ Синодъ, не сдѣлавъ попытки предварительно лично провѣрить полученное имъ дознаніе.

Закончивъ производство дознанія, выслушавъ еще прибывшаго въ Туапсе мѣстнаго старожила, корреспондента «Новаго Времени» г. Кривенко, горячо заступавшагося за обитель и за невинно пострадавшую матушку Маріамъ, я отправился въ Сухумъ, къ Преосвященному Сергію.

Страшно при мысли, какъ близокъ къ намъ Господъ Богъ, какъ трогательны Его заботы, съ какою любовью Господь оберегаетъ и охраняетъ человѣка на каждомъ шагу, и какъ мало замѣчаютъ это люди!..

И понятно, почему не замѣчаютъ.

Потому что для того, чтобы замѣтить попеченіе Божіе, нужно сначала научиться видѣть козни сатанинскія, видѣть, съ какою силою и злобою, съ какою непостижимою хитростью діаволъ опутываетъ человѣка своими сѣтями, какъ влагаетъ въ тѣ, или иные факты иное содержаніе, съ какимъ мастерствомъ подмѣниваетъ истину, наконецъ, съ какою силою безпрерывно, безостановочно, набрасывается на немощнаго человѣка.

Я зналъ, что то дѣло, ради котораго я пріѣхалъ въ Туапсе, было угодно Господу Богу, но не было угодно діаволу, и я ждалъ его нападеній, ждалъ его мести... И она не замедлила придти... Но Милосердный Господь спасъ меня...

Стояла дивная погода... Солнце свѣтило такъ ярко, и небо и море ласкали взоръ своею синевою... У берега стояла моторная лодка...

Я и сказалъ Сорокину. что предпочелъ бы доѣхать хотя бы до Гагръ въ этой лодкѣ... Ко мнѣ присоединились еще какіе то генералъ съ женою и сѣли въ лодку. Сорокинъ же замѣтилъ, что, во всякомъ случаѣ, распорядится, чтобы автомобиль слѣдовалъ по берегу и не упускалъ бы изъ вида лодки, чтобы я въ любой моментъ могъ бы имъ воспользоваться...

Такъ мы и сдѣлали... Я никогда не ѣздилъ на моторныхъ лодкахъ и въ первый моментъ испытывалъ удовольствіе... Однако это былъ только моментъ. Когда лодка выѣхала въ открытое море, то поднялся такой вѣтеръ, что несчастную лодку заливало водою и большую часть пути она плыла не на поверхности, а подъ водою, вызывая панику у генеральши, оглашавшей лодку душу раздирающими криками... Насъ бросало во всѣ стороны, и даже опытный машинистъ чувствовалъ, что ему не справиться съ разбушевавшейся стихіей. Я уже былъ вдвойнѣ подавленъ и особенно страдалъ при мысли о томъ, что погибну, и мнѣ не придется спасти Иверскую обитель...

Какимъ образомъ мы пристали къ берегу, я не помню... Помню лишь, что большая толпа крестьянъ вбродъ направилась къ лодкѣ и каждаго изъ насъ на рукахъ повыносили на берегъ, гдя меня ожидалъ автомобиль, куда сѣлъ и генералъ, съ полумертвою отъ страха генеральшей...

Возблагодарили мы Господа за свое спасеніе и поѣхали, разбитые и перепуганные, дальше, пока не добрались до Гагръ, гдѣ я и остался ночевать, ибо не имѣлъ уже силъ ѣхать дальше...

Въ это время пребывалъ въ Гаграхъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, но я засталъ его больнымъ, лежавшимъ въ постелѣ, и не могъ его видѣть.

На другой день утромъ я выѣхалъ въ Сухумъ и подѣлился съ Преосвященнымъ Сергіемъ результатами произведенной ревизіи, повидимому, озадачившими Владыку. Однако я хорошо помню, что Преосвященный отстаивалъ прежнія точки зрѣнія, заступался за благочиннаго, священника Краснова, и весьма неодобрительно отзывался о монахинѣ Маріамъ.

Такова уже власть клеветы! Пустить ее легко, повѣрить — еще легче; а освободиться отъ ея гипноза трудно.

Въ тотъ же день, взявъ у Преосвященнаго Сергія протоколы прежнихъ дознаній и всю переписку по дѣлу Иверско-Алексѣевской общины, я уѣхалъ въ Туапсе, а оттуда въ Новороссійскъ.

Встрѣтился я въ Гаграхъ и съ Новороссійскимъ губернаторомъ, стяжавшимъ себѣ добрую славу умнаго и энергичнаго администратора. Съ нимъ я и провелъ большую часть дня. Къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію.

ГЛАВА LXXVIII.

Новороссійскъ, Екатеринодаръ и Ставрополь.

Въ Новороссійскѣ меня встрѣтилъ вице-губернаторъ г. Сенько-Поповскій, извѣстный мнѣ, по отзывамъ, за человѣка церковнаго и религіознаго, и повезъ меня въ городъ. Не помню подробностей своего пребыванія въ Новороссійскѣ. Въ памяти осталось лишь посѣщеніе начальной церковно-приходской школы, состоявшей изъ крошечныхъ дѣтей, гдѣ на мой вопросъ, почему Христосъ-Спаситель любитъ дѣтей, одинъ изъ учениковъ, самый маленькій, ребенокъ лѣтъ 6—7, отвѣтилъ мнѣ:

«Потому, что и мы всѣхъ любимъ»...

Какой мудрый отвѣтъ! Я залюбовался этимъ ребенкомъ, готовымъ тутъ же проявить свою ласку и доказать правду своихъ словъ, и подумалъ о томъ, до чего чиста дѣтская душа, и сколько мудрости заключалъ бы въ себѣ этотъ отвѣтъ, если бы выражалъ не безсознательное дѣтское чувство, а исповѣданіе взрослаго человѣка...

Изъ Новороссійска я отправился въ Екатеринодаръ.

На перронѣ меня встрѣтилъ епископъ Іоаннъ, съ духовенствомъ, и Наказной Атаманъ, генералъ Бабичъ,[1]) съ мѣстными властями.

Съ епископомъ Іоанномъ я уже раньше встрѣчался. Это былъ добрый, хорошій, робкій и смиренный человѣкъ, жившій, однако, не въ ладу со своимъ духовенствомъ, обвинявшимъ Владыку въ излишней мягкости и нерѣшительности, а главное — въ неумѣніи проповѣдовать. Это послѣднее качество никогда не являлось въ моихъ глазахъ достоинствомъ, и къ подобнаго рода обвиненіямъ я относился скептически... Но достаточно и самаго незначительнаго обвиненія для того, чтобы запугать робкаго человѣка и держать его въ страхѣ; и я понималъ, почему епископъ Іоаннъ чувствовалъ себя неувѣренно и, понимая это, старался пріободрить и поддержать его.

Прекрасное впечатлѣніе произвелъ на меня и бравый Наказной Атаманъ, генералъ Бабичъ. Я помню, съ какимъ восторгомъ онъ отзывался о послѣднемъ призывѣ новобранцевъ, какъ искренно восхищался молодыми солдатами, ихъ безудержной смѣлостью и дисциплиной... И точно, прибывъ въ Екатеринодаръ, я засталъ на вокзалѣ большую толпу новобранцевъ, веселыхъ, радостныхъ, беззаботно плясавшихъ и распѣвавшихъ пѣсни... Но стоило только генералу Бабичу, шедшему ко мнѣ въ вагонъ, показаться на перронѣ, какъ эта огромная

---

[1]) Разстрѣлянъ большевиками въ началѣ революціи.

толпа новобранцевъ мгновенно стихла и, съ застывшими на лицахъ улыбками, вытянулась предъ нимъ во фронтъ, сіяющая и радостная.

«О, преступники-кадеты» — подумалъ я — «зачѣмъ вы разлагаете русскій народъ, зачѣмъ отравляете своимъ ядомъ этихъ простодушныхъ парней, съ огромными руками, съ широкими улыбками до ушей, съ телячьимъ выраженіемъ глазъ на глупыхъ лицахъ. . .»

«Нѣтъ, генералъ» — отвѣтилъ я Наказному Атаману: извѣрился я въ этой толпѣ. Сегодня она съ нами, а завтра пойдетъ противъ насъ. . . Былъ я Земскимъ Начальникомъ, погружался въ толщу народа и вынесъ заключеніе, что эта толпа тогда только хороша, когда боится. . . а, если потеряетъ страхъ, то растерзаетъ своихъ же благодѣтелей. Жилъ въ моемъ участкѣ богатый помѣщикъ, купецъ Панѣвинъ, человѣкъ богобоязненный, одинокій, содержавшій на свой счетъ церковь и школу, что обходилось ему ежегодно не менѣе 5—6 тысячъ рублей. Задумалъ онъ жениться, поѣхалъ въ Москву и долженъ былъ скоро вернуться въ свое имѣніе, съ молодою женою. . . Это было въ 1905 году, въ началѣ революціи. . . И вотъ, въ ожиданіи его пріѣзда, крестьяне собрались на сходѣ для рѣшенія такого вопроса: нужно ли убивать только его одного, или, вмѣстѣ съ нимъ, и его молодую жену. . . Голоса раздѣлились... Одни говорили, что не стоитъ убивать женщину; а другіе, наоборотъ, доказывали, что, если убивать, такъ убивать обоихъ сразу, а имѣніе раздѣлить поровну между крестьянами. . . Донесли мнѣ объ этомъ замыслѣ, и я выѣхалъ въ село и созвалъ сходъ. . . Учитывая крестьянскую психологію, я спросилъ сходъ, за что же село собирается убивать своего благодѣтеля, да вдобавокъ и его молодую, ни въ чемъ неповинную, жену, и кто же будетъ содержать церковь и школу, и получилъ буквально такой отвѣтъ:

«Оно точно, что некому будетъ; а про то сказываютъ, что нужно поубивать обоихъ, а за что — мы и сами не вѣдаемъ: люди мы темные». . .

Хотя я и зналъ о революціонной пропагандѣ, особенно развившейся въ то время въ Полтавской губерніи и терроризовавшей населеніе, однако этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ меня, и я подвергъ село жестокому наказанію, за что въ награду получилъ анонимныя письма съ проклятіями и угрозами. Пока толпа въ нашихъ рукахъ, она идетъ за нами, а какъ очутится въ рукахъ нашихъ враговъ, — пойдетъ противъ насъ, ибо не имѣетъ никакихъ убѣжденій и не исповѣдуетъ никакихъ принциповъ» — закончилъ я.

Генералъ Бабичъ тяжело вздохнулъ, видимо согласившись со мною.

Послѣ скромнаго завтрака у епископа, я, вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Іоанномъ, епархіальнымъ миссіонеромъ протоіереемъ Розановымъ и другими лицами, посѣтилъ женское епархіальное училище, а затѣмъ, разставшись съ духовенствомъ, поѣхалъ въ мужскую гимназію, гдѣ меня ожидали.

Встрѣченный директоромъ, учительской корпораціей и учениками, я прошелъ въ классы, гдѣ присутствовалъ на урокахъ, а затѣмъ, прощаясь съ учениками, обратился къ нимъ съ нижеслѣдующей рѣчью:

«Милыя дѣти!

Если бы вы знали, какой чистой радостью наполняется мое сердце всякій разъ, когда я встрѣчаюсь и бесѣдую съ такими же дѣтьми, какъ вы; сколько дорогихъ воспоминаній давно минувшаго дѣтства и юности воскресаетъ у меня въ памяти при встрѣчѣ съ вами! Вотъ и сейчасъ, глядя на васъ, собранныхъ здѣсь въ рекреаціонномъ залѣ по случаю моего пріѣзда, я вновь переживаю былыя ощущенія. Много лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою воспитанникомъ Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, я стоялъ въ такомъ же рекреаціонномъ залѣ и, вмѣстѣ съ прочими воспитанниками и учебнымъ персоналомъ Коллегіи, ожидалъ пріѣзда директора департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. М. Аничкова. Я помню, какъ вошелъ директоръ въ залъ и поздоровался съ нами; помню, какъ суетились директоръ Коллегіи и воспитатели, озабоченные должнымъ пріемомъ высокаго гостя, и какъ мы, воспитанники, пересмѣивались между собою, подвергая жестокой критикѣ каждый жестъ и каждое движеніе сановника. Все это я хорошо помню даже сейчасъ... О томъ же, что говорилъ намъ сановникъ въ своей пространной рѣчи, я совершенно не помню: до того наше вниманіе было отвлечено внѣшностью. И вотъ теперь я самъ очутился въ положеніи этого сановника и признаюсь, что мнѣ бы не хотѣлось, чтобы въ вашей памяти сохранилась только внѣшняя картина моего посѣщенія вашей гимназіи, а хотѣлось бы, чтобы вы запомнили и тѣ мои слова, какія я намѣренъ сказать вамъ.

Всякая школа есть прежде всего школа жизни, и всякая наука должна давать вамъ не только знанія, но и умѣніе ими пользоваться во благо церковной, государственной и личной жизни. Однако, эта цѣль никогда не будетъ достигнута, если въ вашемъ распоряженіи будутъ однѣ только знанія. Для того, чтобы использовать пріобрѣтаемыя въ школѣ знанія для общаго блага, нужно еще одно условіе, о которомъ часто забываютъ, но которое является краеугольнымъ камнемъ всякаго знанія. Это условіе было предъявлено Самимъ Господомъ еще первымъ людямъ въ раю, надѣленнымъ величайшими зна-

ніями и мудростью; это условіе предъявляется Господомъ даже Ангеламъ на небѣ, безплотнымъ духамъ, одареннымъ высшими свойствами, и называется оно послушаніемъ. Вдумайтесь глубже въ сущность этого требованія и вы увидите въ немъ то основное начало, какое опредѣляетъ характеръ отношенія людей между собою. Пріучайтесь прежде всего владѣть собою, т. е. находиться въ послушаніи у своей собственной совѣсти; повинуйтесь требованіямъ, предъявляемымъ къ каждому человѣку заповѣдями Божіими и нравственнымъ закономъ; выполняйте требованія долга и чести, вѣжливости и, гдѣ бы вы ни находились и что бы ни дѣлали, не забывайте никогда, что есть старшіе, коимъ вы обязаны послушаніемъ. Въ этомъ основа законовъ общежитія, сущность конституціи человѣческаго рода. Если вы выростите и сдѣлаетесь взрослыми, а, вступивъ въ жизнь, начнете осуществлять на разнообразныхъ поприщахъ свою дѣятельность и войдете въ отношенія съ окружающими васъ людьми, то вы увидите, что главнымъ ядомъ, разрушающимъ нашу государственность, общественность, семейную и личную жизнь, являются своеволіе и непослушаніе; что этотъ ядъ впитывается человѣкомъ въ самую раннюю пору его жизни, и что діаволъ, съ величайшею хитростью и обманомъ, продолжаетъ дурачить людей тѣми же способами, какими пользовался въ отношеніи первыхъ людей въ раю. Сначала дѣти не слушаются родителей, затѣмъ своихъ учителей и воспитателей, затѣмъ, дѣлаясь взрослыми и вступая въ жизнь — своихъ начальниковъ и, наконецъ, возстаютъ противъ всякой власти, противъ всякаго закона и порядка, губятъ государство и общество, семью и себя самихъ, т. е. дѣлаютъ именно то, чего отъ нихъ требуетъ діаволъ. Козни діавольскія разнообразны, и нужно имѣть великій духовный опытъ, чтобы ихъ замѣтить, а тѣмъ паче бороться съ ними. Однако, пока человѣкъ остается смиреннымъ и послушнымъ, онъ еще внѣ сѣтей діавольскихъ. Съ того же момента, когда у него впервые заронилось сомнѣніе въ своемъ долгѣ къ старшимъ, и онъ началъ сначала критиковать предъявляемыя къ нему требованія, а затѣмъ пересталъ повиноваться имъ, съ этого момента онъ уже во власти діавола. Мы все чаще и чаще слышимъ возраженія о томъ, что не всегда требованія, къ намъ предъявляемыя ,справедливы, что не всегда нужно выполнять ихъ... Однако, какъ бы убѣдительны ни были такія возраженія, нужно знать разъ навсегда, что подсказаны онѣ діаволомъ. Какъ бы несправедливы ни были эти требованія, но ни дѣти не имѣютъ права судить своихъ родителей, ни подначальные своихъ начальниковъ. Всякая власть, отъ Бога данная, есть власть безусловная, и повиноваться ей безъ критики и разсужденій обязанъ каждый изъ насъ; ибо тотъ, кто получилъ такую власть, тотъ самъ будетъ отвѣ-

чать предъ Богомъ въ томъ, какъ онъ ею пользовался. Наше же дѣло — только повиноваться. Удерживаясь на этой позиціи, повинуясь даже требованіямъ, кажущимся несправедливыми, исходящимъ отъ представителей законной власти, вы сдѣлаете меньше зла, чѣмъ тогда, когда станете противиться имъ. Въ этомъ не только требованіе нашей совѣсти, но и требованіе міровой гармоніи; нарушеніе его приводитъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ. Безконечная любовь Божія, надѣляя человѣка благами, среди которыхъ знанію отведено одно изъ первыхъ мѣстъ, обставила пользованіе этими благами извѣстными условіями. Я указалъ вамъ на то, какое благо обезпечитъ вамъ наибольшую пользу отъ пріобрѣтенныхъ вами въ школѣ знаній, и прошу васъ помнить, что, какъ бы велики ни были ваши знанія, но онѣ не дадутъ вамъ блага, если вы не научитесь умѣнію ими пользоваться, и какъ бы велико ни было такое умѣніе, но внѣ требованій послушанія — не будетъ пользы отъ вашихъ знаній ни для васъ, ни для окружающихъ, ни для церкви, ни для государства. Ибо только то знаніе есть знаніе дѣйствительное, какое въ результатѣ даетъ не гордость и кичливость, а смиреніе, кротость и незлобіе, всецѣлое преданіе себя волѣ Божіей и послушаніе.»

Въ тотъ же день, 16 Февраля, я проѣхалъ изъ гимназіи въ соборъ, а оттуда въ нововоздвигнутый великолѣпный храмъ Екатеринодарскаго общества трезвости, гдѣ меня встрѣтили трезвенники, съ протоіереемъ В. Розановымъ во главѣ, поднесшимъ мнѣ хлѣбъ-соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ и привѣтствовавшимъ меня пространною рѣчью. Отца протоіерея я зналъ уже давно... Это былъ одинъ изъ пламенныхъ защитниковъ правды, смѣло заступившійся за разгромленную Иверско-Алексѣевскую общину и тотчасъ послѣ моего назначенія прибывшій въ Петербургъ, съ ходатайствомъ о производствѣ ревизіи и личномъ моемъ пріѣздѣ въ Туапсе... Обращаясь ко мнѣ съ рѣчью, онъ говорилъ не столько о дѣятельности трезвенниковъ, сколько о вопіющемъ дѣлѣ Иверской общины и благодарилъ меня за исполненное мною обѣщаніе и произведенную ревизію, раскрывшую правду...

Я восхищался превосходнымъ храмомъ въ древне-русскомъ стилѣ, созданнымъ трудами о. протоіерея, восторгался его кипучею дѣятельностью и, отмѣтивъ ее въ своей отвѣтной рѣчи, закончилъ ее такими словами:

Глубокочтимый отецъ протоіерей!

Благодарю Васъ за любезныя слова, съ которыми Вы обратились ко мнѣ; благодарю и за хлѣбъ-соль... Каждому человѣку Милосердный Господь даетъ возможность сдѣлать въ жизни хотя одно маленькое доброе дѣло и испытать радость нрав-

ственнаго удовлетворенія, источникъ коего кроется въ сознаніи исполненнаго долга къ Богу и ближнему. Вамъ угодно было остановиться на цѣли моего пріѣзда въ Екатеринодаръ, связанной отчасти съ печальнымъ дѣломъ Иверско-Алексѣевской Общины въ Туапсе , и выразить надежду, что, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, обиженныя сестры вернутся въ созданную ими обитель, въ свое родное гнѣздо, и утрутъ моими руками свои слезы. Скажу откровенно, что, если это и случится, то я не вправѣ буду приписать себѣ такую заслугу, ибо явился къ вамъ спустя почти 10 лѣтъ послѣ разгона сестеръ изъ разрушенной вражескими кознями обители Иверской, послѣ того какъ вы не побоялись стать на защиту обиженныхъ, угнетаемыхъ сильнѣйшими, раскрыть эти козни и ихъ источникъ, довести о нихъ до свѣдѣнія Св. Синода и тѣмъ создать почву для моего участія въ этомъ печальномъ дѣлѣ. Моя заслуга лишь въ томъ, что я откликнулся на вашъ призывъ; но въ этомъ — мой долгъ. Я могу только сердечно благодарить васъ за предоставленную мнѣ возможность отстоять вмѣстѣ съ вами поруганную правду и пресѣчь дальнѣйшія интриги торжествовавшихъ донынѣ враговъ. Вы хотѣли бы, чтобы я вышелъ утѣшеннымъ изъ этого храма Божія. Я выхожу отсюду разстроганнымъ, ибо вижу, что вы ведете борьбу не только за трезвость, понимаемую въ обычномъ значеніи этого слова, но и за духовное трезвеніе. И тѣмъ дороже ваши труды, что вы совершаете великое дѣло Божіе безъ шума, безъ поддержки и помощи сверху, а сами здѣсь, на мѣстахъ, рождаете святыя начинанія и осуществляете ихъ. Мнѣ дороги именно эти невидные, скромные, труженики, и я уже имѣлъ случай высказывать, по инымъ поводамъ и въ другихъ мѣстахъ, свои мысли о томъ, что вмѣняю себѣ въ особый долгъ службы своей находить этихъ тружениковъ и всѣми доступными мнѣ способами поддерживать ихъ силы и увеличивать запасы ихъ духовной бодрости и энергіи».

Вечеромъ того же дня я уѣхалъ въ Ставрополь, не вспомню сейчасъ за какимъ дѣломъ. Посѣтивъ престарѣлаго архіепископа Агафодора и его викарія, епископа Михаила, я направился въ обратный путь, заѣхавъ, по дорогѣ, въ Таганрогъ.

ГЛАВА LXXIIX.

Таганрогъ. Легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузмичѣ.

Съ Таганрогомъ связана легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузмичѣ, а эта легенда, одна изъ красивѣйшихъ и глубокихъ, до того занимала, такъ захватывала меня, а, послѣ истори-

ческаго труда генерала Н. Шильдера, склоннаго видѣть въ ней историческій фактъ, такъ влекла меня въ Таганрогъ, что я использовалъ представившійся мнѣ случай и остановился на день въ этомъ городѣ, живущемъ и донынѣ воспоминаніями о незабвенномъ Императорѣ Александрѣ I Благословенномъ. Трудно выразить словами, почему имя этого Государя такъ дорого, такъ близко моему сердцу, почему каждая строка изъ жизни его волновала и плѣняла меня, почему я чувствовалъ къ Нему, вѣрнѣе — къ Его блаженной памяти, такую же горячую любовь, какъ и къ родному Ему по духу Императору Николаю II. Оба были мистиками, оба были Благословенными, и души обоихъ тяготились короною и порфирою и стремились къ небу... Я хорошо знаю, чѣмъ должна быть власть, какъ знаю и то, почему тяжко ея бремя, почему она обречена на то, чтобы всегда смотрѣть внизъ, и не вправѣ оглядываться по сторонамъ, тѣмъ болѣе парить подъ небесами, какъ не вправѣ это дѣлать укротитель дикихъ звѣрей, подчиняющій ихъ гипнозу своего пристальнаго взора, иначе будетъ разорванъ на части... И, однако, сколько драматизма при встрѣчѣ съ сочетаніемъ нѣжной психики тонко одаренной натуры и грубой власти!

Не знаю почему, но поѣздъ прибылъ въ Таганрогъ только поздно ночью... Я, однако, еще бодрствовалъ, занятый составленіемъ разнаго рода докладовъ; не спалъ и оберъ-секретарь Ростовскій. Встрѣчи я не ожидалъ, тѣмъ болѣе въ такой поздній часъ. Каково же было мое удивленіе, когда, выглянувъ въ окна вагона, я увидѣлъ, что подлѣ него толпилось чуть ли не все мѣстное духовенство, при орденахъ и въ камилавкахъ... Едва поѣздъ остановился, какъ въ мой вагонъ вошелъ благочинный и сталъ усиленно добиваться пріема, ссылаясь на приказъ своего епископа. Оберъ-секретарь не менѣе категорично заявлялъ, что пріема въ этотъ поздній часъ не будетъ, что я, не желая никого безпокоить ночью, пріѣду къ Преосвященному Іоанну утромъ, къ 8 часамъ... Однако батюшки буквально ломились въ двери вагона и усиленно настаивали на личномъ свиданіи, ссылаясь на какіе то весьма срочные вопросы... Пропустивъ благочиннаго, оберъ-секретарь уже не могъ справиться съ остальными, и скоро весь вагонъ наполнился представителями Таганрогскаго духовенства, заставившими меня принять ихъ... Благочинный заявилъ мнѣ, что Преосвященный Іоаннъ ожидаетъ меня и не ляжетъ спать, пока я не пріѣду. Къ нему присоединились прочіе и, какъ я ни отбивался, однако батюшки чуть не силою вытащили меня изъ вагона, усадили въ автомобиль и повезли по темнымъ улицамъ погруженнаго въ глубокій сонъ Таганрога въ ярко освѣщенные покои Преосвященнаго. Однако,

привезя меня туда, они мгновенно куда то скрылись и оставили меня и оберъ-секретаря Ростовскаго въ огромной пріемной архіерейскаго дома. Не сразу показался и Преосвященный Іоаннъ. Я недоумѣвалъ, что бы это означало. . . Вскорѣ, однако, мое недоумѣніе объяснилось . Владыка заказалъ своему повару такой ужинъ, что бѣдняга никакъ не могъ съ нимъ справиться. . . Прошло не менѣе часа прежде, чѣмъ меня позвали въ столовую, гдѣ столъ буквально ломился подъ тяжестью разставленныхъ на немъ блюдъ. Я никогда не видалъ такого подавляющаго количества яствъ и питей и былъ увѣренъ, что столъ не выдержитъ тяжести и рухнетъ. Это было нѣчто совершенно невообразимое и ни съ чѣмъ несообразное... Даже самому хозяину, епископу-монаху, было зазорно глядѣть на эту картину, рождавшую не аппетитъ, а самое искреннее негодованіе, отъ проявленія котораго меня удерживало только нежеланіе конфузить Владыку въ присутствіи его подначальныхъ. . . Однако же этотъ ужинъ испортилъ мое настроеніе, и я ждалъ только момента, чтобы поскорѣе вернуться въ свой вагонъ.

На другой день Владыка, пребывая безотлучно подлѣ меня, возилъ меня по всему городу, по мѣстнымъ церквямъ, гимназіямъ и училищамъ. Поѣхали мы съ нимъ и за городъ, на кладбище, гдѣ былъ погребенъ мѣстно чтимый за святого Таганрогскій подвижникъ и, наконецъ, въ домъ, гдѣ скончался Императоръ Александръ I.

Самый убѣжденный скептикъ, войдя въ этотъ домъ, повѣритъ легендѣ о старцѣ Ѳеодорѣ Кузмичѣ. Объяснить почему — трудно; но это чувствуется. И нѣтъ въ Таганрогѣ никого, кто бы этой легендѣ не вѣрилъ. И внѣшность этого дома, и его стѣны ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ домовъ Таганрога; а между тѣмъ, всякій входящій въ этотъ домъ испытываетъ тоже, что и входя въ церковь, или въ хибарку преподобнаго Серафима, гдѣ, казалось, всякая вещь пропитана святостью, насыщена неземными элементами.

О многомъ нужно было бы написать, останавливаясь на «святости неодушевленныхъ предметовъ», или «флюидахъ святости», но это завлекло бы меня слишкомъ далеко; скажу лишь, что легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузмичѣ никогда не являлась въ моихъ глазахъ «легендою», а, послѣ посѣщенія Таганрога, стала казаться мнѣ несомнѣннымъ историческимъ фактомъ.

ГЛАВА LXXX.

Возвращеніе въ Петербургъ и первыя впечатлѣнія.

Возвратясь въ Петербургъ 24 Февраля 1917 года, я засталъ въ столицѣ необычайное возбужденіе, которому, однако, не придалъ никакого значенія. Русскій человѣкъ, вѣдь, способенъ часто прозрѣвать далекое будущее, но еще чаще не замѣчать настоящаго. Менѣе всего я могъ думать, что тѣ ужасныя перспективы, о которыхъ я предостерегалъ своими рѣчами, и которыя чуяло мое сердце, уже настали, и что Россія находится уже во власти революціи... Я не хотѣлъ, я не могъ этому вѣрить. Проѣхавъ передъ тѣмъ тысячи верстъ, я видѣлъ не только полнѣйшее спокойствіе и образцовый повсюду порядокъ, но и неподдѣльный патріотическій подъемъ; я встрѣчался съ высшими должностными лицами, со стороны которыхъ не замѣчалъ ни малѣйшей тревоги за будущее; всѣ были увѣрены въ скоромъ и побѣдоносномъ окончаніи войны и, въ откровенныхъ бесѣдахъ со мною, жаловались только на то, что одинъ Петербургъ, точно умышленно, создаетъ панику, а Государственная Дума разлагаетъ общественное мнѣніе ложными свѣдѣніями о положеніи на фронтѣ. Видѣлъ я и возвращавшихся съ фронта солдатъ, и направлявшихся на фронтъ новобранцевъ, и любовался ихъ бодрымъ настроеніемъ и веселыми лицами, ихъ увѣренностью въ несомнѣнной побѣдѣ, ихъ молодцоватымъ видомъ и выдержкою. Не испытывало никакихъ лишеній и населеніе. Всего было вдоволь; цѣны на предметы первой необходимости и пищевые продукты, по сравненію съ столичными цѣнами, ничѣмъ не отличались отъ довоенныхъ; въ обращеніи была даже звонкая монета; никакихъ «очередей» на югѣ Россіи не существовало вовсе, и на обратномъ пути въ Петербургъ я сдѣлалъ даже запасъ тѣхъ продуктовъ, достать которыхъ въ столицѣ было уже невозможно. Вездѣ царили примѣрный порядокъ и дисциплина, и мой салонъ-вагонъ слѣдовалъ изъ Туапсе до самаго Петербурга совершенно безпрепятственно, несмотря на то, что прибылъ въ столицу лишь за три дня до самой страшной революціи, какую видѣлъ міръ. Такъ же спокойно переѣхалъ я съ Николаевскаго вокзала на Литейный проспектъ, № 32, въ свою квартиру, гдѣ меня встрѣтили заявленіемъ, что за время моего мѣсячнаго отсутствія не произошло ничего особеннаго, и что все благополучно.

Правда, со стороны курьера Федора, приставленнаго ко мнѣ А. Осѣцкимъ, всегда смотрѣвшаго на меня исподлобья, лукаваго и неискренняго, я встрѣтилъ какое то особенное чувство радости по случаю моего пріѣзда домой, заставляв-

шее его съ какимъ то особеннымъ умиленіемъ засматривать мнѣ въ глаза; но этого курьера я уже хорошо зналъ и объяснялъ себѣ его поведеніе новымъ желаніемъ выманить у меня деньги, что ему уже два раза удавалось... Первый разъ, когда, заливаясь слезами, онъ получилъ отъ меня деньги на поѣздку домой, подъ предлогомъ навѣстить больного брата; и второй разъ, когда прилетѣлъ ко мнѣ ,убитый горемъ, съ заявленіемъ о томъ, что его отецъ находится при смерти, а у него нѣтъ денегъ, чтобы поѣхать домой и хотя бы предъ смертью проститься съ отцомъ... Оба раза онъ получилъ отъ меня деньги, но никуда не ѣздилъ... Когда же его отецъ умеръ, и я пристыдилъ его за такое хамское отношеніе къ умиравшему старику, то Федоръ, нисколько не смущаясь и тѣмъ, что обманулъ меня, цинично отвѣтилъ: «все равно, я ничѣмъ бы не помогъ, а только истратилъ бы деньги напрасно»...

И теперь, видя его умильную морду, я думалъ, что онъ и въ третій разъ собирается подъ какимъ нибудь новымъ предлогомъ выманить у меня деньги... Наскоро разложивъ свои вещи и успѣвъ лишь протелефонировать Оберъ-Прокурору Н. П. Раеву о своемъ пріѣздѣ, я отправился на засѣданіе въ Св. Синодъ. Настроеніе іерарховъ было бодрое и спокойное: никто изъ нихъ не выражалъ тревоги, и только одинъ митрополитъ Московскій Макарій передалъ, что его карета была застигнута на Невскомъ толпою хулигановъ, не желавшихъ ее пропустить на Сенатскую Площадь; но подоспѣвшая полиція разогнала толпу, и онъ благополучно доѣхалъ въ Синодъ. Этотъ разсказъ вызвалъ лишь остроты со стороны прочихъ іерарховъ, увидѣвшихъ въ этомъ эпизодѣ указаніе на то, что пришла пора старцу уйти на покой. Какъ и всегда, засѣданіе Синода закончилось въ обычное время; члены Синода разъѣхались по домамъ, а я остался въ своемъ служебномъ кабинетѣ для текущихъ дѣлъ и пріема просителей. Черезъ день было назначено новое засѣданіе Синода: дѣла шли своимъ обычнымъ порядкомъ, и ничто не предвѣщало ужасной катастрофы, разразившейся чрезъ два дня. Однако, признаки ея становились уже замѣтными. Возвращаясь домой, я видѣлъ скопища народа на перекрестныхъ улицахъ, причемъ всѣ отмалчивались, и никто не хотѣлъ объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло. Я слышалъ ружейные выстрѣлы; не могъ не замѣтить отсутствія трамвайнаго движенія, но не придавалъ этому значенія, тѣмъ болѣе, что вездѣ говорилось о какихъ то незначительныхъ безпорядкахъ на Выборгской сторонѣ, къ которымъ, за послѣднее время, всѣ успѣли уже привыкнуть . Вечеромъ, въ блаженномъ невѣдѣніи совершавшагося, я вышелъ изъ дому по направленію къ Владимірскому проспекту и здѣсь увидѣлъ бѣжавшихъ въ паникѣ людей, разгоняемыхъ дворниками, сно-

сившихъ какія то бревна на мостовую и устраивавшихъ заторы... Выполняли ли они чужія заданія, или дѣйствовали по собственной инціативѣ — узнать не удалось...

«Что вы дѣлаете, зачѣмъ загромождаете проѣздъ»? — спросилъ я одного изъ нихъ.

«Проходи, проходи! скоро узнаешь» — послѣдовалъ грубый отвѣтъ.

То и дѣло раздавались полицейскіе свистки; но стоило городовому подойти на свистокъ, какъ его окружала большая толпа самаго разнообразнаго люда и лишала его возможности установить порядокъ.

Изъ предосторожности, я взялъ извощика, желая вернуться домой... Однако я вынужденъ былъ скоро отпустить его. Толпа не пропускала извощика, и проѣхать на Невскій оказалось невозможнымъ. Я сдѣлалъ огромный кругъ, дойдя переулками до площади Зимняго Дворца ,и вышелъ на Литейный проспектъ съ противоположной стороны, у набережной Невы. Ночь прошла тревожно: слышались безпрестанные ружейные выстрѣлы, трещали пулеметы... Однако, не только мирные жители, но даже власти не отдавали себѣ, повидимому, отчета въ томъ, что въ дѣйствительности происходитъ.

ГЛАВА LXXXI.

Первые шаги революціи.

Слѣдующій день былъ еще грознѣе предыдущаго.

Распространились слухи, что безпорядки на Выборгской Сторонѣ не только не подавлены, а, наоборотъ, все болѣе усиливаются, что къ рабочимъ примкнуло населеніе, и полиція безсильна навести порядокъ, что, пожалуй, придется вызвать на помощь войска... Въ тоже время робко высказывалась и мысль, что войска ненадежны, и можно ожидать осложненій... Всѣ, въ одинъ голосъ, повторяли, что населеніе до крайности возбуждено недостаткомъ продовольствія и все болѣе увеличивающейся. дороговизною въ столицѣ. Но тѣ, кто, съ ранняго утра, лично дежурилъ часами въ «очередяхъ», подлѣ магазиновъ и лавокъ съ пищевыми продуктами, говорили иное и, со словъ лавочниковъ и торговцевъ, передавали такіе факты, которымъ нельзя было не вѣрить и выдумать которыхъ было невозможно. Такъ, напримѣръ, указывалось на то, что первые 10—20 человѣкъ, составлявшихъ «очередь», были агентами Государственной Думы, скупавшими, подъ угрозой насилія, за большія деньги, весь товаръ въ магазинахъ и лавкахъ, какой,

затѣмъ, свозился въ подвалы Таврическаго Дворца, или же распродавался по спекулятивнымъ цѣнамъ другимъ лицамъ. Въ связи съ недостаткомъ керосина, приводились факты, когда въ частныхъ квартирахъ тѣхъ же агентовъ керосиномъ наполнялись даже суповыя чашки, стаканы и кухонная утварь. Что эти факты не были измышлены, засвидѣтельствовали послѣдующіе дни революціи, когда, тотчасъ послѣ паденія власти, появились огромные запасы хлѣба, а цѣны на пищевые продукты настолько понизились, что достигли почти нормальныхъ до военнаго времени: Дума приписала такое явленіе своей распорядительности и участію къ народнымъ нуждамъ, остававшимся, якобы, въ пренебреженіи у «царскаго» правительства.

Вѣрю я этимъ фактамъ еще и потому, что всякая «революція» есть ложь: она начинается и проводится надувательствомъ и обманомъ, ибо есть порожденіе діавола — отца лжи. Только одураченные люди вносятъ свои имена въ исторію революціонныхъ теченій; истинные же главари и руководители никогда никому неизвѣстны, ибо скрываются подъ чужими именами. Безпокойство росло. Слухи, самые разнообразные слухи, долетали до меня со всѣхъ сторонъ. И эти слухи нервировали меня еще больше, чѣмъ то, что ихъ вызывало. Я слышалъ отовсюду ружейные залпы и характерные звуки пулеметовъ; видѣлъ предъ собою бѣгущихъ въ паникѣ людей, съ растерянными лицами и широко раскрытыми отъ ужаса глазами, и испытывалъ то ощущеніе, какое охватываетъ каждаго, въ моментъ приближающейся грозы, когда, гонимыя вѣтромъ, зловѣщія тучи и отдаленные раскаты грома вызываютъ состояніе безпомощности и такъ смиряютъ гордаго человѣка. Вечеромъ, чтобы разогнать тоску, я поѣхалъ къ своей кузинѣ, баронессѣ Н. С. Бистромъ, жившей на Марсовомъ полѣ, въ домѣ Принца Ольденбургскаго, № 3. Съ отпечаткомъ ужаса на лицѣ встрѣтилъ меня баронъ Р. Ф. Бистромъ.

«Неужели же вы не видите, что происходитъ?» — волновался онъ: «это не безпорядки, какіе могутъ быть подавлены полицейскими мѣрами; это — революція, угрожающая Престолу и династіи... Знаете-ли Вы, что говорятъ?! Говорятъ, что нашъ мѣстный гарнизонъ ненадеженъ и откажется стрѣлять... Если это случится, тогда конецъ всему... Вамъ, на Литейномъ, не видно того, что происходитъ здѣсь, на Марсовомъ... Здѣсь съ ранняго утра митинги и процессіи, съ красными флагами. Здѣсь вѣдь Павловскія казармы!»..

И, дѣйствительно, съ каждой минутой положеніе становилось все болѣе грознымъ. У подъѣзда стоялъ автомобиль барона, и я воспользовался имъ для того, чтобы поскорѣе вернуться домой.

«Что это происходитъ у васъ?» — спросилъ я шоффера: «я только что вернулся изъ провинціи; тамъ вездѣ спокойно; всѣ знаютъ, что не сегодня-завтра конецъ войны; всѣ работаютъ; а здѣсь вотъ чѣмъ занимаются, устраиваютъ забастовки, безпорядки, сами ничего не дѣлаютъ и правительству мѣшаютъ»...

«Какъ что!» — отвѣтилъ шофферъ, раньше всегда учтивый и великолѣпно дрессированный, считавшійся на отличномъ счету у барона: «ѣсть вѣдь нужно не только господамъ! Что же дѣлать, коли правительство не только обманываетъ народъ, а даже стало уже голодомъ морить его... Нѣтъ, ужъ этого мы не допустимъ, постоимъ за себя»...

Я точно очнулся и понялъ все... По возвращеніи домой, я немедленно протелефонировалъ барону: «Будьте осторожны съ Вашимъ шофферомъ: онъ распропагандированъ и, при первой возможности, предастъ Васъ.»

Въ тоже время я телефонировалъ министру внутреннихъ дѣлъ, подробно рисуя свои впечатлѣнія и дѣлясь своими тревогами.

А. Д. Протопоповъ отвѣтилъ: «Если революція и будетъ въ Россіи, то не раньше, какъ чрезъ 50 лѣтъ»...

Кому же и знать, что происходитъ въ дѣйствительности, какъ не министру внутреннихъ дѣлъ!.. Отвѣтъ былъ такъ ясенъ и простъ, такъ увѣренъ и категориченъ, что я заснулъ эту ночь совершенно спокойно, не обращая вниманія ни на ружейные выстрѣлы, раздававшіеся подъ окнами квартиры, ни на возбужденіе на улицѣ, не прекращавшееся втеченіе цѣлой ночи.

Эта увѣренность въ невозможности революціи явилась впослѣдствіи большимъ козыремъ въ рукахъ враговъ А. Д. Протопопова, указывавшихъ на то, что со стороны министра внутреннихъ дѣлъ такая неосвѣдомленность являлась, во всякомъ случаѣ, непростительною. Я думаю иначе и объясняю отвѣтъ министра тѣмъ, что онъ болѣе, чѣмъ кто другой, былъ убѣжденъ въ невозможности бороться съ революціонерами мѣрами администраціи, зналъ объемъ и размѣры революціонной пропаганды и видѣлъ единственный выходъ въ примѣненіи военной силы, какая ни въ комъ не вызывала сомнѣній со стороны своей лойяльности и преданности Престолу.

Того же, что Петербургъ, со всѣмъ своимъ военнымъ округомъ, находился уже въ рукахъ предателя Рузскаго, а столичный гарнизонъ выполнялъ директивы послѣдняго, шедшія въ разрѣзъ съ распоряженіями мѣстной власти, того, конечно, никто не зналъ... Не зналъ и самъ Государь Императоръ, довѣрчиво отдавшійся въ руки этого гнуснѣйшаго изъ измѣнниковъ, генерала Рузскаго.

ГЛАВА LXXXII.

Памятное засѣданіе Св. Синода, 26 февраля 1917 г.

На 26 Февраля было назначено засѣданіе Св. Синода, и я раньше обыкновеннаго вышелъ изъ дому. То, что я увидѣлъ на улицахъ, заставило меня очень усомниться въ словахъ, сказанныхъ наканунѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ни трамваевъ, ни извощиковъ уже не было, и я, съ большимъ трудомъ, вынужденъ былъ пробираться чрезъ толщу крайне возбужденной и озлобленной толпы, собиравшейся на улицахъ, въ разныхъ частяхъ столицы. Встрѣчались по пути и процессіи, съ красными флагами и революціонными плакатами, съ надписью: «Да здравствуетъ Интернаціоналъ!» Попадались навстрѣчу и жидки, съ сіяющими лицами, явленіе для столицы необычайное... Движеніе было стихійнымъ; но въ тоже время замѣчалась опытная рука, руководившая имъ. Казалось, что каждый выполнялъ полученное заданіе. Такъ, напримѣръ, идя переулками, ибо путь къ Невскому былъ уже загражденъ, я видѣлъ какъ не только подростки, но и малыя дѣти ложились на мостовую при видѣ приближавшагося извощика съ сѣдокомъ и преграждали ему путь, заставляя поворачивать обратно, но въ тоже время свободно пропускали грузовики съ вооруженными до зубовъ солдатами... Я не могъ отрѣшиться отъ недоумѣній и спрашивалъ себя, отчего же власть позволяетъ разростаться этому стихійному движенію и не останавливаетъ его, отчего втеченіе этихъ трехъ дней со времени моего возвращенія въ Петроградъ не предпринималось ничего для того, чтобы обуздать эту толпу, чувствовавшую себя хозяиномъ положенія и державшую въ паникѣ все населеніе столицы... И глядя на эти безчинства, я, идя въ Синодъ и еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ происходившемъ, намѣчалъ программу тѣхъ мѣръ, какія могли быть приняты Синодомъ въ помощь администраціи, съ цѣлью воздѣйствовать на сбитую съ толку, обезумѣвшую толпу...

Съ большимъ трудомъ я добрался до Сенатской Площади, къ зданію Св. Синода. Изъ іерарховъ не всѣ прибыли... Отсутствовалъ и Оберъ-Прокуроръ Н. П. Раевъ. Предъ началомъ засѣданія, указавъ Синоду на происходящее, я предложилъ его первенствующему члену, митрополиту Кіевскому Владиміру, выпустить воззваніе къ населенію, съ тѣмъ, чтобы таковое было не только прочитано въ церквахъ, но и расклеено на улицахъ. Намѣчая содержаніе воззванія и подчеркивая, что оно должно избѣгать общихъ мѣстъ, а касаться конкретныхъ событій момента и являться грознымъ предупрежденіемъ Церкви, влекущимъ, въ случаѣ ослушанія, церковную кару, я до-

бавилъ, что Церковь не должна стоять въ сторонѣ отъ разыгривающихся событій, и что ея вразумляющій голосъ всегда умѣстенъ, а въ данномъ случаѣ даже необходимъ. «Это всегда такъ» — отвѣтилъ митрополитъ: «Когда мы не нужны, тогда насъ не замѣчаютъ; а въ моментъ опасности къ намъ первымъ обращаются за помощью.» Я зналъ, что митрополитъ Владиміръ былъ обиженъ своимъ переводомъ изъ Петербурга въ Кіевъ; однако такое сведеніе личныхъ счетовъ въ этотъ моментъ опасности, угрожавшей, быть можетъ, всей Россіи, показалось мнѣ чудовищнымъ. Я продолжалъ настаивать на своемъ предложеніи, но мои попытки успѣха не имѣли, и предложеніе было отвергнуто. Принесло бы оно пользу, или нѣтъ, я не знаю, но характерно, что моя мысль нашла свое буквальное выраженіе у католической церкви, выпустившей краткое, но опредѣленное обращеніе къ своимъ чадамъ, заканчивавшееся угрозою отлучить отъ св. причастія каждаго, кто примкнетъ къ революціонному движенію. Достойно быть отмѣченнымъ и то, что ни одинъ католикъ, какъ было удостовѣрено впослѣдствіи, не принималъ участія въ процессіяхъ съ красными флагами.

Какъ ни ужасенъ былъ отвѣтъ митрополита Владиміра, однако допустить, что митрополитъ могъ его дать въ полномъ сознаніи происходившаго, конечно, нельзя. Митрополитъ, подобно многимъ другимъ, не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что въ дѣйствительности происходило, и его отвѣтъ явился не отказомъ высшей церковной іерархіи помочь государству въ моментъ опасности, а самымъ заурядным явленіемъ оппозиціи Синода къ Оберъ-Прокуратурѣ, съ которымъ я, несмотря на кратковременность своего пребыванія въ должности Товарища Оберъ-Прокурора, имѣлъ случаи часто встрѣчаться.

Съ тяжелымъ чувствомъ сознанія этой неспаянности и разъединенности людей, призванныхъ къ одному и тому же дѣлу, идущихъ къ одной цѣли и мѣшающихъ другъ другу вмѣсто того, чтобы оказывать взаимную поддержку, я возвращался домой... Возбужденіе на улицахъ, между тѣмъ, все болѣе разросталось. Предположеніе, что войска откажутся повиноваться и присоединятся къ бунтовщикамъ, превратилось въ фактъ, ужасныя послѣдствія котораго трудно было даже учесть. Сѣрыя солдатскія шинели все чаще и чаще стали появляться въ толпѣ; вмѣсто вчерашней стрѣльбы изъ за угла, шла открытая перестрѣлка вдоль и поперекъ улицъ, и каждый прохожій чувствовалъ себя точно въ западнѣ, не зная, какъ выбраться изъ опаснаго мѣста... Я то и дѣло сворачивалъ то въ одинъ переулокъ, то въ другой, и затѣмъ возвращался обратно, скрываясь въ подворотняхъ. Прошло много времени, пока я добрался до Литейнаго проспекта, пользуясь всевозможными

потайными ходами и внутренними дворами. Ночь прошла крайне тревожно. Въ различныхъ частяхъ города виднѣлись зарева пожаровъ; Литейный проспектъ былъ окутанъ густыми облаками дыма: горѣло зданіе Окружного Суда... Трещали пулеметы, гудѣли мчавшіеся въ карьеръ грузовики, съ высоко поднятыми красными флагами.

ГЛАВА LXXXIII.

Облавы.

День 27 Февраля явилъ уже подлинную картину революціи, бывшей въ началѣ только мятежемъ горсти взбунтовавшихся солдатъ... Появились грузовики, развозившіе по всѣмъ частямъ города революціонныя прокламаціи, какія разбрасывались на улицахъ и жадно подбирались населеніемъ. Опредѣленно называлось имя англійскаго посла сэра Бьюкенена, какъ одного изъ главныхъ руководителей революціи... Изъ окна моей квартиры я видѣлъ, какъ мои курьеры то и дѣло бросались на мостовую, ловили разбрасываемыя прокламаціи и жадно ихъ читали. Я не могъ не замѣтить, въ связи съ этимъ, перемѣны ихъ настроенія и того, какъ прежнее подобострастіе смѣнялось грубостью и развязностью. Прошелъ слухъ объ арестѣ высшаго сановника Имперіи, бывшаго министра юстиціи, нынѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, И. Г. Щегловитова. Слухъ скоро подтвердился. Въ этотъ же день вышелъ первый № «Извѣстій солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ», съ перечнемъ арестованныхъ, среди которыхъ имя Ивана Григорьевича значилось первымъ. Я вызвалъ къ себѣ жившаго по сосѣдству со мною директора канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода, В. И. Яцкевича, и спросилъ его:

«Не пора ли и намъ приготовляться къ аресту? посмотрите, что происходитъ» — сказалъ я, не допуская, въ тоже время, даже мысленно этой возможности...

«Что Вы, что Вы!» — засмѣялся В. И. Яцкевичъ: «кому Вы сдѣлали что нибудь дурное? Кого — кого, а Васъ уже навѣрное не тронутъ» — повторилъ Викторъ Ивановичъ мои собственныя мысли. Я былъ такъ увѣренъ въ себѣ, сознавалъ, что относился къ своему служебному долгу съ такою щепетильностью и добросовѣстностью, что никто, и при умышленномъ желаніи, не нашелъ бы на моей совѣсти даже тѣни повода къ моему аресту... Но я не сознавалъ того, что именно это отсутствіе поводовъ и являлось самымъ главнымъ поводомъ, и

что въ моемъ положеніи находились всѣ, входившіе въ составъ правительства...

Совершенно ошибочно предположеніе, что моментъ опасности мгновенно рождаетъ стремленіе къ бѣгству, съ цѣлью отъ нея укрыться. Эти соображенія обыкновенно являются задолго до наступленія опасности; а, при встрѣчѣ съ нею лицомъ къ лицу, рождается, наоборотъ, удивительная покорность судьбѣ, изчезаетъ всякое желаніе противиться ей, наступаетъ какая то чрезвычайная апатія ко всему окружающему...

Не успѣлъ В. И. Яцкевичъ уйти, какъ ко мнѣ вбѣжалъ, весь запыхавшись и дрожа отъ волненія, мой преданный слуга и сообщилъ мнѣ, что мои казенные курьеры предались на сторону бунтовщиковъ, грозятъ мнѣ и могутъ ежеминутно меня выдать разбушевавшейся черни, и что я долженъ немедленно скрыться. «Куда?» — могъ только спросить я, указавъ на стрѣльбу на улицахъ и на совершенную невозможность выйти изъ квартиры...

«Нѣтъ, ужъ, положимся на волю Божію: бѣжать некуда; да и не подобаетъ мнѣ скрываться бѣгствомъ; да и народъ, можетъ быть, скоро образумится, и все пойдетъ опять по прежнему» — говорилъ я, все еще не допуская безнадежности положенія.

Въ этотъ моментъ послышались громкій, безпрерывный звонокъ и неистовый стукъ въ дверь...

«Открывать?» — спросилъ меня лакей, поблѣднѣвъ какъ мѣлъ и растерянно смотря на меня широко раскрытыми глазами, полными ужаса.

«Открывай» — сказалъ я, перекрестившись.

Въ квартиру ворвалась толпа пьяныхъ солдатъ, подъ предводительствомъ жидка, лѣтъ 16-ти, и разбрелась по комнатамъ, разсматривая вещи и любуясь убранствомъ квартиры. Одинъ изъ нихъ началъ грубо, съ помощью штыка, открывать шкафы и, увидѣвъ въ одномъ изъ нихъ два кулька бѣлой, пшеничной муки, привезенной мною съ Кавказа сестрѣ и еще не отправленной по назначенію, поднялъ страшный крикъ... Подлѣ него суетился жидокъ, готовый обвинить меня въ сокрытіи предметовъ первой необходимости, что въ тотъ моментъ являлось самымъ ужаснымъ преступленіемъ... Вдругъ раздался крикъ изъ моего кабинета: «Товарищи, расходись, здѣсь намъ дѣлать нечего: это присяжный повѣренный»... Оказалось, что одинъ изъ солдатъ, забравшись ко мнѣ въ кабинетъ, увидѣлъ висѣвшую на стѣнѣ бронзовую, позолоченную цѣпь Земскаго Начальника, долго разсматривалъ ее, вертѣлъ въ рукахъ во всѣ стороны и, признавъ ее за цѣпь адвоката, предъ сословіемъ которыхъ, какъ творцовъ революціи, обязанъ былъ благоговѣть, бережно повѣсилъ ее обратно на стѣну, а затѣмъ

скомандовалъ расходиться... Солдаты мгновенно собрались и въ образцовомъ порядкѣ вышли изъ квартиры; но жидокъ, все же, отобралъ муку и взвалилъ ее на плечи здоровенному дѣтинѣ, послушному какъ баранъ, и глупому, какъ оселъ... На площадкѣ лѣстницы стоялъ перепуганный В. И. Яцкевичъ; за нимъ его жена и дѣти.

«Гдѣ здѣсь живетъ генералъ?» — спросилъ одинъ изъ солдатъ.

«Я генералъ, только штатскій» — отвѣтилъ Викторъ Ивановичъ.

«Намъ штатскихъ не нужно; гдѣ военный?»

«Здѣсь нѣтъ военныхъ» — послѣдовалъ отвѣтъ.

И пьяная компанія стала спускаться съ лѣстницы, провожаемая подобострастными курьерами.

«Слава Богу» — осѣнилъ я себя крестнымъ знаменіемъ — «что то будетъ дальше!»

Я положительно не зналъ, что дѣлать. Одинъ совѣтовалъ бѣжать, не теряя ни одной минуты, но какъ и куда — не объяснялъ; другой, наоборотъ, совѣтовалъ непремѣнно оставаться на мѣстѣ, говоря, что иначе будетъ еще хуже; третій завѣрялъ, что опасность уже миновала, что у меня уже былъ обыскъ, и что ко мнѣ никто не придетъ... Я лично ни въ чемъ не разбирался и чувствовалъ такое состояніе безразличія ко всему окружающему, что утратилъ самую способность желать чего либо. Я зналъ только, что нужна перемѣна, безразлично въ какую сторону, къ лучшему или худшему, ибо это томительное состояніе подавленности предъ неизвѣстнымъ, таинственнымъ грядущимъ было уже настолько тяжелымъ и до того угнетало меня, что отнимало всѣ мои силы...

ГЛАВА LXXXIV.

Торжество хама.

Наступило 28-ое Февраля. Кабинетъ почти въ полномъ составѣ былъ уже арестованъ. Предсѣдатель совѣта министровъ, министры, ихъ товарищи, начальники отдѣльныхъ частей, командующій Петроградскимъ военнымъ округомъ, градоначальникъ и многіе другіе, послѣ ареста, были увезены въ министерскій павильонъ Государственной Думы, гдѣ содержались подъ стражей... Не значились въ спискѣ, опубликованномъ въ «Извѣстіяхъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ», лишь министръ земледѣлія А. А. Риттихъ, Государственный Секретарь С. Е. Крыжановскій и Оберъ-Прокуроръ Св. Синода

Н. П. Раевъ. Послѣднему я много разъ телефонировалъ; но телефонъ не отвѣчалъ. Для меня было вполнѣ очевидно, что очередь дойдетъ и до меня, и я даже удивлялся тому, что еще не арестованъ. Всякій стукъ въ дверь, всякій звонокъ нервировалъ меня ужасно; между тѣмъ, они раздавались безпрерывно, и въ квартиру являлись неизвѣстные люди то за сборомъ провизіи для солдатъ, то за пожертвованіями на революцію, съ громкими призывами къ гражданскому долгу... Всѣ эти люди были въ большинствѣ случаевъ студентами университета или технологическаго института, одураченная зеленая молодежь, разукрашенная красными бантами. Не отдавая себѣ отчета въ послѣдствіяхъ, я пробовалъ вступать съ нѣкоторыми изъ нихъ въ бесѣды, но, конечно, безуспѣшно. Они были убѣждены, что являются апостолами правды, и меня не слушали. Пользуясь промежутками между выстрѣлами, почти безпрерывно раздававшимися на улицѣ, я то и дѣло подходилъ къ окну своей квартиры и вотъ что я увидѣлъ. Предъ окнами проходила одна процессія за другою. Всѣ шли съ красными флагами и революціонными плакатами и были увѣшаны красными бантами... Вотъ прошла процессія дворниковъ; за нею двигалась процессія базарныхъ торговокъ; отдѣльную группу составляли горничныя, лакеи, приказчики изъ магазиновъ... Всѣ неистово кричали и требовали увеличенія жалованья; всѣ были пьяны, пѣли революціонныя пѣсни и грозили «господамъ»; всѣ были куплены, наняты за деньги, всѣ выполняли данное имъ заданіе... Къ нимъ примыкала уличная толпа, дѣти и подростки, визгомъ и криками создававшіе настроеніе крайней озлобленности и безграничной ненависти. Это была типичная картина массоваго гипноза; это было нѣчто, непередаваемо ужасное. Стоило бы крикнуть какому нибудь мальчишкѣ: «бей, рѣжь», чтобы эта обезумѣвшая толпа взрослыхъ людей мгновенно растерзала бы всякаго, кто подвернулся бы въ этотъ моментъ, и сдѣлала бы это съ наслажденіемъ, съ подлинною радостью. На лицахъ у всѣхъ была видна эта жажда крови, жажда самой безжалостной, звѣрской расправы, все равно надъ кѣмъ... Это было зрѣлище бѣсноватыхъ, укротить которыхъ можно было только пальбою изъ орудій.

И, глядя на эти ужасы, я боялся не столько ареста, сколько этой звѣрской расправы обезумѣвшей толпы, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, уже многіе сдѣлались ея жертвами, и кровь лилась безостановочно... Такъ, передавали, что на Выборгской Сторонѣ какого то генерала разрубили на куски и бросили въ Неву; на Обводномъ каналѣ звѣрски замучено нѣсколько офицеровъ и пр. А мои казенные курьеры ходили возлѣ меня, смотря злобно, исподлобья, съ опредѣленнымъ намѣреніемъ чѣмъ либо задѣть меня и нарваться на мое замѣчаніе. Раньше

трепетавшіе, подобострастные, они теперь сами начали вступать со мною въ разговоръ, громко одобряя революцію, а курьеръ Федоръ цинично заявилъ даже: «Оно, конечно, господа насъ раньше обманывали, а мы, темные люди, того не замѣчали... Ну, а теперь, какъ открыли намъ глаза, такъ мы и взаправду все увидѣли»...

«Если останешься живъ, такъ и не то еще увидишь», не утерпѣлъ я.

Въ этотъ моментъ послышался стукъ въ дверь, и Федоръ какъ стрѣла вылетѣлъ въ переднюю, не спросивъ даже, открывать ли дверь, или нѣтъ. Чрезъ нѣсколько минутъ въ мою квартиру входила громадная толпа вооруженныхъ до зубовъ, полупьяныхъ солдатъ, въ шапкахъ и папиросахъ во рту, а Федоръ, злорадно улыбаясь, увивался подлѣ меня, особенно громко выговаривая «Ваше Сіятельство» и переглядываясь съ солдатами, конечно съ цѣлью еще больше вооружить ихъ противъ меня.

Я рѣзко прогналъ его и приказалъ не смѣть больше показываться мнѣ на глаза... Можетъ быть, этой рѣзкости я былъ обязанъ тѣмъ, что солдаты нѣсколько пріосанились и въ первый моментъ, будто, даже растерялись.

«Что вамъ надо?» — спросилъ я солдатъ.

Солдаты замялись, и одинъ изъ нихъ неувѣренно и нерѣшительно спросилъ: «Гдѣ здѣсь живетъ офицеръ?»

«Въ моей квартирѣ нѣтъ офицеровъ» — отвѣтилъ я громко, и толпа въ 20—30 человѣкъ, правда на этотъ разъ безъ провожатаго-жида, разбрелась по комнатамъ, улыбаясь и переглядываясь между собою, не дѣлая ни угрозъ, ни попытокъ ограбить мою квартиру, а проявляя даже благодушіе. Растерянно бродили они молча по комнатамъ, съ любопытствомъ разсматривали картины и портреты и чувствовали себя, повидимому, въ глупѣйшемъ положеніи, не зная, зачѣмъ пришли... Нѣкоторые изъ солдатъ останавливались предъ зеркалами и, снимая шапку, приглаживали волосы гребенкою... И, глядя на этихъ парней, еще такъ недавно смиренныхъ и безропотныхъ, я сознавалъ, что не могу измѣнить къ нимъ своего прежняго, любовнаго отношенія, не могу смотрѣть на нихъ иначе, какъ на «деньщиковъ», прославившихся своею преданностью офицеру и его семьѣ, своимъ трудолюбіемъ, способностями и усердіемъ... И не можетъ же быть того, чтобы ихъ успѣли въ нѣсколько дней испортить настолько, что они превратились изъ прежнихъ парней въ жестокосердныхъ звѣрей... Нѣтъ, этого не можетъ быть — думалъ я: нужно только найти удобный случай, чтобы заглянуть къ нимъ въ душу, попробовать раскрыть имъ, глупымъ, глаза... Переходя изъ комнаты въ комнату, одинъ изъ солдатъ очутился въ моемъ рабочемъ кабинетѣ,

стѣны котораго были уставлены драгоцѣнными иконами-подношеніями разнаго рода обществъ и депутацій, отъ селъ и городовъ, отъ бывшихъ сослуживцевъ, крестьянскихъ сходовъ и пр.

И вновь совершилось чудо милости Божіей.

Изъ кабинета раздалась команда:

«Расходись... Здѣсь, вѣрно, святой человѣкъ живетъ: намъ тутъ дѣлать нечего»...

И покорная этому голосу солдата, обезоруженнаго ликами Спасителя, Матери Божіей, Святителя Николая, Святителя Іоасафа и Преподобнаго Серафима, глядѣвшими на него и проникавшими въ его душу, толпа, виновато улыбаясь, почтительно удалилась изъ моей квартиры, ничего не тронувъ.

Избѣжалъ я опасности и въ этотъ разъ.

ГЛАВА LXXXV.

Мой арестъ.

Страшный день 28 Февраля, унесшій, какъ передавали, такъ много жертвъ, окончился настолько благополучно для меня, что ,убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія въ Петроградѣ, я сталъ собираться съ отъѣздомъ къ сестрѣ, жившей на разстояніи нѣсколькихъ станцій отъ столицы. Я обдумывалъ лишь способы добраться съ вещами до вокзала, рѣшивъ взять съ собою и свою личную прислугу, а ключъ отъ квартиры сдать директору канцеляріи Оберъ-Прокурора В. И. Яцкевичу, въ безопасности котораго былъ увѣренъ.

Два раза являлись ко мнѣ вооруженные солдаты и въ третій разъ, навѣрное, болѣе не придутъ: такъ думалъ я, оправдывая свое рѣшеніе и ссылками на отсутствіе поводовъ къ аресту. На другой день я проснулся раньше обыкновеннаго, и къ 7 часамъ утра уже былъ готовъ къ отъѣзду.

Въ этотъ моментъ раздался пронзительный звонокъ, и въ квартиру ворвались вооруженные солдаты, причемъ одинъ изъ нихъ, спросивъ у курьера, гдѣ Товарищъ Оберъ-Прокурора, направился ко мнѣ и передалъ мнѣ приказъ Керенскаго о моемъ арестѣ. На мое требованіе предъявить мнѣ приказъ, солдатъ отвѣтилъ, что приказъ былъ устный, что автомобиль ждетъ у подъѣзда, и всякое сопротивленіе безполезно. Я былъ не столько испуганъ, сколько подавленъ униженіемъ своей личности. Краска стыда предъ прислугою, свидѣтельницею этого униженія, предъ своими подчиненными, съ злорадствомъ,

любопытствомъ и удивленіемъ разсматривавшими своего начальника, предъ которымъ они еще вчера пресмыкались и котораго сегодня готовы были закидать камнями, заливала мои щеки. «Скрыться, скрыться куда нибудь подальше, чтобы никто не видѣлъ этого позора, никто бы не радовался моему униженію!» — эта мысль была единственнымъ содержаніемъ моихъ ощущеній и переживаній въ моментъ моего ареста. А тутъ, какъ нарочно, изъ всѣхъ дверей высунулись и чиновники канцеляріи, и курьеры, и каждый по своему оцѣнивалъ событіе, впиваясь глазами въ своего главнаго начальника, спускавшагося съ лѣстницы подъ конвоемъ солдатъ, униженнаго и поруганнаго... У подъѣзда никакого автомобиля не было, и меня, какъ арестанта, повели посреди улицы, сквозь толпы до крайности возбужденной, озлобленной, разъяренной черни.

Толпа ревѣла, гоготала, грозила кому то и чему то и бросала камнями въ каждаго, кто казался ей подозрительнымъ... Я не сомнѣвался, что буду разорванъ на части, но въ то же время опытно позналъ, что самые страшные моменты рождаютъ самое невозмутимое спокойствіе. Насколько велико было мое волненіе, когда я спускался съ лѣстницы своей квартиры, настолько велико было спокойствіе теперь. Я не зналъ, куда меня ведутъ, и не интересовался этимъ. Никогда еще я не испытывалъ такой невозмутимости духа и крѣпости вѣры, какъ въ этотъ моментъ. И, если бы толпа стала рвать меня на части, то я былъ убѣжденъ, что не почувствовалъ бы даже физической боли, до того чудесно духъ господствовалъ тогда надъ плотью, до того далеко было отъ меня все, вокругъ меня происходившее... Толпа, между тѣмъ, кричала: «кого ведете? фараона? бей его! чего смотришь!»... И въ этотъ моментъ огромный камень пролетѣлъ мимо меня, задѣвъ конвойнаго солдата. Тотъ взялъ на прицѣлъ и собирался выстрѣлить въ толпу, но его удержали другіе. «Магометанина повели. А еще управлялъ нашей Церковью!» — неслось съ другой стороны. Я невольно улыбнулся...

«Кого ведете?» — раздалось снова при поворотѣ на Фурштадтскую.

«Проваливай! нечего спрашивать: кого ни вести, да вести. Не твоего ума дѣло» — отвѣчали конвойные...

«Именно» — подумалъ я: «лишь бы только вести, а кого — все равно»...

Эти отвѣты солдатъ, полные природнаго русскаго юмора, до того располагали меня къ нимъ, что я даже желалъ услышать еще какой нибудь вопросъ и интересовался, какой получится отвѣтъ...

Но я приближался уже къ Таврическому Дворцу, и чѣмъ ближе я подходилъ къ нему, тѣмъ скопленіе народа было больше,

и какъ я, такъ и мои конвойные, скоро затерялись въ толпѣ. При желаніи, мнѣ легко было бы скрыться и, конечно, ни одинъ изъ конвойныхъ меня бы не нашелъ. Но эта мысль даже не приходила мнѣ въ голову: напротивъ, я отыскивалъ въ толпѣ затерявшихся конвойныхъ, спрашивая ихъ, куда мнѣ идти и что дѣлать съ собою...

Десятки тысячъ народа, главнымъ образомъ рабочіе и солдаты, окружали зданіе Государственной Думы... Сквозь толщу этой толпы, съ большими усиліями, медленно продвигались грузовики, съ вооруженными солдатами и арестованными генералами, въ шинеляхъ на красной подкладкѣ, при видѣ которыхъ толпа приходила въ неистовство и забрасывала несчастныхъ генераловъ камнями... Съ помощью конвойныхъ, я кое какъ пробрался къ фронтону зданія Думы и вошелъ въ вестибюль. Конвойные, признавъ свою миссію законченной, оставили меня; а я, очутившись въ вестибюлѣ, не зналъ, что дѣлать дальше. Я сознавалъ только одно: что моя дальнѣйшая участь зависитъ только отъ меня одного... Ни порядка, ни системы, ни малѣйшей организаціи во всей этой вакханаліи не было. Я могъ бы остаться въ Думѣ, гдѣ меня мало кто зналъ, и никто бы не спросилъ меня, зачѣмъ я явился; я могъ бы такъ же свободно выйти, съ помощью какого либо знакомаго члена Думы, изъ Таврическаго Дворца и, конечно, никакой погони за мною бы не было. Но самая мысль объ обманѣ казалась мнѣ недопустимою; а опасеніе, что вмѣсто меня арестуютъ моихъ близкихъ, было такъ велико, что, увидѣвъ предъ собою какого то штатскаго, я разсказалъ ему объ обстоятельствахъ своего ареста и просилъ его указать мнѣ, куда я долженъ идти.

«Идите въ Министерскій Павильонъ; тамъ всѣ ваши товарищи по заключенію; а, впрочемъ, какъ знаете» — сказалъ онъ на ходу и быстро куда то скрылся.

Я обратился къ другому: тотъ тоже указалъ на Министерскій павильонъ, причемъ далъ мнѣ въ помощь солдата, который и провелъ меня въ этотъ павильонъ, ибо я не зналъ дороги.

Нѣтъ словъ передать, во что превратился Таврическій Дворецъ!.. Базарная площадь провинціальнаго города, во дни ярмарки, въ праздничный день, казалась чище, чѣмъ залы этого историческаго дворца, заплеванные, покрытые шелухой подсолнуховъ, окурками папиросъ, и утопавшіе въ грязи...

Я встрѣтился по пути съ Милюковымъ и его быстро бѣгающими, хитрыми глазами крысы... Онъ былъ окруженъ жидками, солдатами и рабочими, у которыхъ заискивалъ и предъ которыми принималъ умильныя, предупредительныя позы. «Преступникъ и предатель!» — подумалъ я, глядя на него съ презрѣніемъ.

Я видѣлъ знакомыхъ членовъ Думы, еще такъ недавно искавшихъ моего расположенія, а теперь сдѣлавшихъ видъ, что меня не замѣчаютъ...

«О, люди, люди! какъ вы подлы и лукавы! А между тѣмъ всѣ вы требуете, чтобы васъ считали героями, и обижаетесь на тѣхъ, кто васъ таковыми не считаетъ» — думалъ я, глядя на этихъ членовъ Думы, сегодня отрекавшихся отъ того, у кого вчера заискивали... Видѣлъ я и пастырей Церкви, членовъ Думы; но ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ даже движенія въ мою сторону; а между тѣмъ еще такъ недавно они приносили мнѣ горячія благодарности за проведеніе пенсіоннаго Устава духовенства; еще такъ недавно величались моимъ вниманіемъ къ ихъ нуждамъ...

Было 9 часовъ утра 1-го Марта, когда я вошелъ въ Министерскій Павильонъ Государственной Думы.

ГЛАВА LXXXVI.

Первый день заключенія.

«Министерскимъ Павильономъ» называлась одна изъ пристроекъ къ Таврическому Дворцу, соединяющаяся крытымъ корридоромъ съ главнымъ зданіемъ. Тамъ обыкновенно собирались пріѣзжавшіе въ Думу министры. Я ни разу не бывалъ въ этомъ помѣщеніи и вошелъ въ него впервые лишь въ день своего ареста. Пройдя корридоръ, раздѣлявшій павильонъ отъ главнаго зданія, я очутился въ небольшой, почти квадратной, очень свѣтлой комнатѣ, съ двумя высокими окнами, выходившими въ садъ. Окна и двери были увѣшаны тяжелыми бархатными драпировками; посреди комнаты стоялъ длинный столъ, вокругъ него кресла, а вдоль стѣнъ узенькіе диванчики, безъ спинокъ, стоявшіе раньше въ аванзалѣ Дворца.

Въ этой комнатѣ находились: Военный Министръ Бѣляевъ, Начальникъ Главнаго Управленія Удѣловъ, Генералъ-Адъютантъ князь Кочубей, Министръ Статсъ-Секретарь по Финляндскимъ Дѣламъ генералъ Марковъ, финляндскій генералъ-губернаторъ Зейнъ, командующій Петроградскимъ военнымъ округомъ генералъ Хабаловъ, Петроградскій градоначальникъ генералъ Балкъ, съ своимъ помощникомъ, директоръ Морского кадетскаго корпуса, вице-адмиралъ Карцовъ, бывшій членъ Государственнаго Совѣта, В. Ф. Треповъ, сенаторъ М. М. Боровитиновъ, членъ Государственнаго Совѣта Г. Г. Чаплинскій, начальникъ жандармскаго управленія, имени котораго не припоминаю, Петроградскій полиціймейстеръ генералъ Григорьевъ

и еще нѣсколько лицъ, съ коими я раньше не былъ знакомъ, и имена которыхъ исчезли изъ моей памяти.

Въ сосѣднихъ комнатахъ находились Предсѣдатель Совѣта министровъ князь Голицынъ, министръ финансовъ Баркъ, министръ народнаго просвѣщенія Кульчицкій, сенаторъ Утинъ и многіе другіе... Въ каждой комнатѣ, а также у дверей, стояли часовые. Втеченіе дня прибывали все новыя лица и при мнѣ были доставлены, подъ конвоемъ, министръ Торговли и Промышленности, князь Шаховской, и бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ, причемъ у послѣдняго голова была разбита и забинтована... Передавали ужасныя подробности о томъ, какъ солдаты едва вырвали несчастнаго Маклакова изъ рукъ озвѣрѣвшей толпы, желавшей растерзать его только за то, что онъ былъ раньше министромъ. Подлѣ арестованныхъ суетились жидки, семинаристы, выпущенные на свободу политическіе преступники. Каждый изъ нихъ старался быть отмѣнно и изысканно вѣжливымъ, внимательнымъ и предупредительнымъ. Обращаясь къ арестованнымъ, они говорили: «когда мы сидѣли въ тюрьмахъ, то вы надѣвали на насъ кандалы; а вотъ мы угощаемъ васъ папиросами»; и тутъ же появлялся огромный деревянный подносъ съ табакомъ и папиросами, которыя предлагались желающимъ, и отъ которыхъ всѣ отказывались. Откуда то явились и сестры милосердія, съ бѣлыми платочками на головѣ. Были ли это настоящія сестры милосердія, или же переодѣтыя курсистки, съ уголовнымъ прошлымъ, я не знаю, но одна изъ нихъ завоевала самыя искреннія симпатіи со стороны арестованныхъ, коимъ оказывала весьма цѣнныя услуги. Она открыто возмущалась чинимымъ насиліемъ, была посредницею въ перепискѣ заключенныхъ съ родными, съ большимъ искусствомъ и самоотверженіемъ выполняла разнаго рода порученія, а, по выходѣ моемъ на свободу, даже писала мнѣ, обѣщая свою помощь моимъ товарищамъ по заключенію. Къ сожалѣнію, ея письма исчезли въ общей массѣ бумагъ и документовъ, похищенныхъ у меня большевиками, и ея имя не сохранилось въ моей памяти.

Тотчасъ по моемъ приходѣ былъ принесенъ чай, причемъ сестры извинялись за скромную сервировку и жаловались на то, что солдаты растащили салфетки, ножи и вилки... Все это говорилось шопотомъ, съ оглядкою на часовыхъ. Всѣ чувствовали себя сконфуженными и были въ крайне подавленномъ состояніи духа. Надъ каждымъ тяготѣло обвиненіе въ страшныхъ государственныхъ преступленіяхъ: многіе, въ томъ числѣ и я, наивно ждали суда надъ собою, въ чемъ насъ завѣряли... Но въ чемъ именно будутъ обвинять насъ, какія обвиненія будутъ предъявлены — никто не зналъ, ибо никто не сознавалъ за собою даже тѣни какихъ либо служебныхъ

правонарушеній; всѣ были не только добросовѣстными, но и самоотверженными работниками, проникнутыми самыми глубокими идейными побужденіями.

Тихо, вполголоса, бесѣдовали мы другъ съ другомъ, дѣлясь своими впечатлѣніями и разсказывая объ обстоятельствахъ своего ареста.

Въ этотъ моментъ послышались какой то шумъ и суета за дверьми, и въ нашу комнату пожаловалъ Керенскій. За нимъ, сѣменя ногами, какъ то въ припрыжку, двигалась цѣлая свита, его адъютанты и солдаты.

«Господа» — обратился къ намъ Керенскій, именовавшій себя тогда министромъ юстиціи и Генералъ-Прокуроромъ: «никто изъ васъ не долженъ считать себя арестованнымъ. Какъ министръ юстиціи, я отдалъ приказъ о выѣздѣ вашемъ изъ вашихъ квартиръ только потому, что желалъ сохранить ваши жизни. Народный гнѣвъ противъ слугъ прежняго режима столь великъ, что каждый изъ васъ, оставаясь на своей квартирѣ, рисковалъ своею жизнью и легко могъ бы сдѣлаться жертвою народной расправы. Кто же будетъ арестованъ, тотъ въ этомъ помѣщеніи не останется, а будетъ переведенъ въ другое. Надѣюсь, что нѣтъ жалобъ на условія, васъ окружающія? Ваши нужды мною предусмотрѣны»...

Рѣчь была порывистая, нервная; каждое слово сопровождалось выкриками и жестикуляціями, причемъ Керенскій ударялъ пальцами правой руки о столъ съ такой силой, что пальцы были окровавлены... Въ послѣдующіе разы онъ являлся уже съ забинтованной рукой. Отвѣтомъ на эту рѣчь было гробовое молчаніе.

И не потому мы молчали, что намъ нечего было сказать Керенскому въ отвѣтъ, а потому, что всѣ, въ равной мѣрѣ, испытывали величайшее презрѣніе къ нему, видѣли эти гнусные пріемы, эту его ложь и недоумѣвали, зачѣмъ ему нужно было оправдываться предъ нами и прикрывать свою ложь трескучими фразами, рисоваться своимъ великодушіемъ. Была ли съ его стороны только глупость, или Керенскій и въ самомъ дѣлѣ, отдавая приказъ о нашемъ арестѣ, желалъ укрыть насъ отъ народнаго гнѣва?.. Но тогда, почему же онъ не давалъ намъ возможности спасаться, безъ его помощи, отъ озвѣрѣвшей массы, какую самъ же натравилъ на насъ? Почему не разрѣшилъ свободнаго выѣзда изъ Петербурга, хотя бы тѣмъ, кого хватали, безъ разбора, а затѣмъ, продержавъ въ Думѣ, или въ иныхъ мѣстахъ, выпускали на улицу?.. Не могъ же онъ не знать того, что мы оставались на своихъ квартирахъ, рискуя каждое мгновеніе быть растерзанными толпою, только потому, что были честными людьми и не считали возможнымъ «удирать», чтобы тѣмъ самымъ не подвергать опасности своихъ

родныхъ и близкихъ, или каждаго, случайно зашедшаго къ намъ на квартиру, знакомаго... Не могъ онъ не знать, что, руководствуясь этими благородными мотивами, мы не только не дѣлали попытокъ къ бѣгству, а даже сами являлись въ Думу, какъ сдѣлали А. Д. Протопоповъ и другіе, отдавая себя въ руки палачей, сознательно принося себя въ жертву горячо любимой нами Россіи. Преступникомъ никто изъ насъ не былъ; укрываться отъ преслѣдованій никто не учился: такіе пріемы претили нашему нравственному чувству, и вотъ почему Керенскому не стоило ни малѣйшаго труда арестовать всѣхъ насъ... Но величаться такою побѣдою, конечно, могъ только глупый человѣкъ.

Съ Керенскимъ я не былъ знакомъ, но встрѣчалъ его въ Думѣ. Это былъ типичный еврей-неврастеникъ. По бумагамъ онъ значился православнымъ, но въ дѣйствительности, какъ утверждали, былъ внѣбрачнымъ сыномъ еврейки Кирбисъ, вышедшей замужъ за православнаго, который и усыновилъ младенца Аарона, давъ ему имя Александръ... Внѣшній обликъ Керенскаго, его манера говорить и держать себя, его однобокая идейность, фанатизмъ и трусливость — все это обличало въ немъ подлиннаго еврея. Онъ былъ весь на пружинахъ, упивался славою и вѣрою въ себя и свое призваніе. Безмѣрно честолюбивый, онъ не сознавалъ, что производилъ впечатлѣніе глупаго, бездарнаго актера провинціальнаго театра, и что надъ нимъ смѣялись даже тѣ, кто создавалъ ему его славу. Это былъ совершенно невмѣняемый человѣкъ, производившій до крайности гадливое впечатлѣніе...

Окинувъ взоромъ Наполеона присутствовавшихъ, Керенскій гордо вышелъ изъ комнаты, но былъ остановленъ княземъ Кочубеемъ, который, съ чувствомъ величайшаго достоинства, заявилъ, что арестованъ по «ошибкѣ», и потребовалъ освобожденія. Хотя всѣ арестованные находились въ такомъ же положеніи, но Керенскій точно очнулся и, подобострастно извиваясь предъ сановитымъ княземъ, быстро заговорилъ: «да, да, я знаю, произошла досадная ошибка. Я сейчасъ-же сдѣлаю распоряженіе, сейчасъ, сейчасъ»... Смѣривъ презрительно жалкую фигуру Керенскаго, величественный князь Кочубей отошелъ отъ него... Съ такимъ же заявленіемъ обратился къ Керенскому и В. Ф. Треповъ и также получилъ обѣщаніе быть выпущеннымъ на свободу. И, дѣйствительно, въ этотъ же день оба оставили павильонъ. Вмѣсто нихъ привели Олонецкаго губернатора, случайно захваченнаго по пути въ Петроградъ и ѣхавшаго съ докладомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, не зная о разыгравшейся революціи, и какого то полковника, надъ которымъ Керенскій жестоко издѣвался, обвиняя его въ сопровожденіи политическихъ преступниковъ на висѣлицу; въ

порывѣ крайней злобы, онъ сорвалъ съ полковника орденъ Св. Владиміра III степени, что до крайности возмутило всѣхъ. Подумать только, какая наглость! Жидъ Керенскій срываетъ царскій орденъ у русскаго полковника!

Подали обѣдъ... Подлѣ меня сидѣлъ вице-адмиралъ Карцовъ, и мы вспомнили, что еще въ Октябрѣ 1915 года сидѣли рядомъ за Царскимъ столомъ, въ Ставкѣ, въ день тезоимѣнитства Наслѣдника-Цесаревича... Казалось, такъ недавно это было, а теперь... Вице-адмиралъ былъ очень блѣденъ и ничего не ѣлъ, а вмѣсто этого опорожнялъ одну солонку за другой, что обратило мое вниманіе и встревожило меня. Не могъ онъ и сидѣть спокойно въ креслѣ, а постоянно вставалъ и часами шагалъ по комнатѣ... День сталъ склоняться къ вечеру. Наступила ночь, но никто не спалъ: всѣ какъ то замерли, сидя въ креслахъ, на подоконникахъ... Усталые солдаты стояли на часахъ...

ГЛАВА LXXXVII.

Наблюденія и замѣтки.

Хотя заключенные и принадлежали, въ большей или меньшей степени, къ одному обществу, но по рангу и положенію отличались другъ отъ друга, и такое невольное уравненіе ихъ на почвѣ общаго безправія, позора и униженія давало психологу обширный и интересный матеріалъ для наблюденія. Въ этой обстановкѣ раскрывалась подлинная сущность каждаго, не прикрытая ни высотою положенія, раньше занимаемаго, ни служебными правами, раньше принадлежащими. Здѣсь были уже не прежніе начальники и подчиненные, не прежніе сановники и скромные чиновники, а были люди, отличавшіеся другъ отъ друга только своимъ нравственнымъ содержаніемъ.

Какъ относились эти люди другъ къ другу? Какъ держали себя внѣ рамокъ своего прежняго положенія?

Защищали ли они тѣ принципы, какіе исповѣдовали, и противъ которыхъ воздвигнуто теперь гоненіе, или, по трусости и малодушію, отрекались отъ нихъ? Всѣ ли остались вѣрными долгу совѣсти и присяги, или, въ минуту личной опасности, измѣнили ему?!

Всѣ ли сохранили чувство собственнаго достоинства, или, наоборотъ, стремились заручиться расположеніемъ новой власти?!

Эти вопросы напрашивались сами собою при встрѣчѣ съ поведеніемъ каждаго отдѣльнаго заключеннаго, дававшимъ мнѣ интересный матеріалъ для замѣтокъ. Въ противополож-

ность тѣмъ измѣнникамъ и предателямъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу, которые вызвали революцію, и о которыхъ нечего говорить, всѣ заключенные держали себя съ величайшимъ достоинствомъ и своимъ поведеніемъ вызывали даже недоумѣніе у насильниковъ, ожидавшихъ, что, лишенные власти и обезоруженные, прежніе сановники сдадутъ свои позиціи и будутъ искать ихъ расположенія, хотя бы только затѣмъ, чтобы облегчить свою участь...

Но они этого не дождались. Какъ ни хорохорился Керенскій, какими бы званіями себя ни облекалъ, но онъ хорошо зналъ, что импонировалъ только жидамъ, а въ нашихъ глазахъ, да, пожалуй, и въ глазахъ массъ, оставался тѣмъ же бездарнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, безъ практики, какимъ и былъ раньше. Онъ могъ переломить насъ, но заставить согнуться не былъ въ силахъ, а между тѣмъ добивался только этого послѣдняго, полагая,что благоволеніе прежнихъ сановниковъ укрѣпитъ его власть и оправдаетъ его преступленія... Вотъ почему онъ отдалъ распоряженіе, чтобы приставленные къ намъ для наблюденія жидки и бывшіе тюремные сидѣльцы ни въ чемъ бы насъ не стѣсняли и старались бы вызвать наше довѣріе и расположеніе къ новой власти. Когда же этого не удалось, а каждый изъ насъ продолжалъ оставаться на своей прежней позиціи, или вовсе уклоняясь отъ бесѣдъ съ этими приставленниками, или исповѣдуя свои прежнія убѣжденія, то Керенскій, изъ чувства мелкой мести, запретилъ всякіе разговоры между заключенными... Но и этой жестокой, безжалостной мѣрою онъ ничего не достигъ и, видя ея безцѣльность, вскорѣ отмѣнилъ ее. Психологія нашихъ ощущеній и переживаній совершенно не понималась имъ. Керенскій убѣжденъ былъ, что, лишивъ насъ свободы, онъ заставитъ насъ идти на какія угодно жертвы, чтобы вернуть ее обратно, тогда какъ на самомъ дѣлѣ никто изъ насъ не дѣлалъ даже попытокъ уходить изъ министерскаго павильона, одни потому, что и уходить было некуда, ибо ихъ квартиры были разграблены чернью и солдатами, другіе потому, что боялись даже показаться на улицѣ, изъ опасенія быть растерзанными озвѣрѣвшей толпой... И, когда Керенскій появлялся къ намъ въ послѣдующіе разы, а заходилъ онъ въ нашу комнату каждый день, нѣсколько разъ, предлагая нѣкоторымъ пропуски изъ Думы, то принимали эти пропуски только тѣ, кто имѣлъ возможность выѣхать изъ Петрограда; прочіе же отказывались, предпочитая оставаться въ Думѣ, вмѣсто того, чтобы подвергаться риску вернуться въ свою прежнюю квартиру.

Я уже сказалъ, что заключенные держали себя съ величайшимъ достоинствомъ, не обнаруживая ни малѣйшихъ поползновеній облегчать свою участь сдѣлками со своею совѣстью..

Но особенное впечатлѣніе произвелъ на меня военный министръ генералъ Бѣляевъ. Я раньше мало зналъ его: встрѣчался съ нимъ раза два въ Маріинскомъ Дворцѣ; но въ первый же день своего заключенія почувствовалъ къ нему величайшее уваженіе. Онъ держалъ себя не только съ достоинствомъ, но и съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, чего и не скрывалъ отъ тѣхъ, кто прислуживалъ ему, стараясь заручиться его вниманіемъ. Онъ сурово отклонялъ всякія попытки жидковъ вступать съ нимъ въ разговоры, и на его лицѣ было написано такое отвращеніе ко всему происходившему, такая горечь оскорбленія, нанесеннаго ему самимъ фактомъ его ареста, что вертѣвшіеся предъ нимъ жидки видѣли въ немъ не заключеннаго, а министра, который былъ и остался министромъ.

Много геройства проявилъ и Петроградскій полиціймейстеръ генералъ Григорьевъ, который, на сдѣланное ему часовымъ замѣчаніе, такъ распекъ этого солдата, что тотъ схватился за ружье, съ намѣреніемъ выстрѣлить... На крикъ прибѣжалъ Керенскій, на котораго генералъ Григорьевъ, не учитывая возможныхъ послѣдствій, также порядкомъ накричалъ, указывая на распущенность солдата... Однако раздраженіе генерала только смирило Керенскаго, который ограничился лишь призывомъ къ порядку. «Скоты, мало имъ арестовать человѣка; еще издѣваются надъ нимъ!» — пронеслось вслѣдъ уходившимъ; однако какъ Керенскій, такъ и его свита должны были сдѣлать видъ, что не слышатъ этихъ словъ генерала Григорьева. А задѣвшій генерала часовой сталъ проявлять двойную почтительность.

Генералъ Григорьевъ былъ прямымъ, честнымъ, смѣлымъ и преданнымъ Царю служакою, и запугать его было трудно. «Будь всѣ такими» — подумалъ я — «революція бы не удалась. Керенскіе держатся лишь малодушіемъ и трусостью окружающихъ». Не могу безъ уваженія вспомнить и прочихъ товарищей по заключенію...

Шпіоны и провокаторы усердно слѣдили за нами, однако ничего не достигли. И чѣмъ болѣе рѣзко мы отвѣчали имъ, тѣмъ болѣе они смирялись. Я замѣтилъ, что одинъ изъ приставленниковъ, какой то юноша 18—19 лѣтъ, не сводилъ съ меня глазъ и точно ждалъ удобнаго момента, чтобы вступить со мною въ разговоръ. И, дѣйствительно, улучивъ этотъ моментъ, онъ подошелъ ко мнѣ вплотную и выпалилъ:

«Вашъ Синодъ вдвойнѣ виноватъ предъ народомъ, такъ какъ умышленно тормозилъ его развитіе»...

Я посмотрѣлъ на болвана и спокойно спросилъ его:

«Почему вы пришли къ такому несправедливому заключенію?»

«Какъ почему!» — запальчиво спросилъ юноша, оказавшійся семинаристомъ; «а зачѣмъ вы насильно загоняли народъ въ церкви и школы? .. Вѣдь это насильственное обученіе Закону Божію дѣтей, даже не христіанскихъ вѣроисповѣданій, какихъ, я слышалъ, много на Кавказѣ, гдѣ есть и евреи, и магометане, вѣдь это же возмутительное издѣвательство надъ свободою!»

Я не могъ не улыбнуться, глядя на этого болвана, и сказалъ ему:

«Въ первый разъ слышу, чтобы народъ насильно загоняли въ церкви, или евреи и магометане насильно обучались бы Закону Божію... Объ этомъ вамъ нарочно наговорили, а вы и повѣрили»...

«Какъ наговорили!» — вспыхнулъ семинаристъ: «мой отецъ сельскій священникъ, и я это лучше знаю, чѣмъ вы»...

«Несчастный отецъ!» — подумалъ я.

Послѣднія слова семинаристъ сказалъ громче, чѣмъ позволяла обстановка, гдѣ разговоръ велся вполголоса, и, потому, въ мою сторону оглянулись нѣкоторые изъ заключенныхъ. Ко мнѣ подошли Г. Г. Чаплинскій, сенаторъ М. М. Боровитиновъ, мой прежній сослуживецъ по Государственной канцеляріи, и приставленный для наблюденія за нами еврей Барошъ. Разговоръ продолжался.

«Вотъ князь говоритъ, что Синодъ не чинилъ никакихъ насилій надъ народомъ» — сказалъ семинаристъ, обращаясь къ подошедшимъ.

«А въ чемъ онѣ выразились, могу ли узнать?» — любезно спросилъ сенаторъ Боровитиновъ.

«Въ обдирательствѣ народа» — отвѣтилъ семинаристъ, съ пафосомъ.

Спокойно, толково и умно началъ сенаторъ Боровитиновъ указывать глупому семинаристу значеніе религіи въ государствѣ; но тотъ твердилъ свое:

«Государство не имѣетъ права тратить народныя деньги на содержаніе поповъ; а кто желаетъ, тотъ пусть на свои собственныя деньги заказываетъ себѣ обѣдни, молебны, или панихиды и все, что тамъ себѣ захочетъ» — повторялъ семинаристъ заученныя фразы, насвистанныя тѣми, кто ликвидацію христіанства ставилъ своею цѣлью.

«А сколько, полагаете вы, нужно будетъ заплатить священнику за обѣдню?» — не удержался я.

«Какъ сколько?!. Ну, 50 рублей, пожалуй»...

«Значитъ, только богатые будутъ ходить въ церковь; а бѣднымъ то, какъ быть?» — донималъ я семинариста.

Онъ огрызнулся и сказалъ:

«Я же вамъ сказалъ уже, что мой отецъ священникъ, и что я лучше васъ знаю, что дѣлается въ селахъ. Народу церковь не нужна; все это выдумки поповъ, чтобы обирать народъ»...

«Вотъ, если вы это дѣйствительно докажете» — отвѣтилъ я — «тогда можно будетъ говорить и о прекращеніи государственной помощи церкви; а теперь, наоборотъ, нужно ее удвоить именно для того, чтобы не было жалобъ на священниковъ. Но вы этого никогда не докажете, ибо какія бы нововведенія ни вводили, а все же не заставите русскій народъ ѣсть колбасу въ Страстную пятницу»...

Семинаристъ, недовольный, отошелъ.

Слушавшій, съ интересомъ, нашъ разговоръ, еврей Барошъ улыбался.

Семинаристъ, однако, вскорѣ вернулся и, точно вспомнивъ о чемъ то, сказалъ:

«Государство перекраивается. Мы дѣлимъ его на совершенно новыя клѣтки... Возможно, что мы используемъ и нѣкоторыхъ прежнихъ старорежимныхъ чиновниковъ; но въ какую клѣтку садить васъ и вамъ подобныхъ, мы рѣшительно не знаемъ. Въ новой Россіи вамъ мѣста не будетъ» — закончилъ онъ торжественно...

«А вы создайте ее сначала, а потомъ уже распредѣляйте наши роли» — отвѣтилъ я семинаристу, обезоруживъ его улыбкой, какой не могъ сдержать, при видѣ, какъ закатился смѣхомъ отъ словъ семинариста еврей Барошъ, державшійся, кстати сказать, очень корректно и учтиво по отношенію къ каждому изъ насъ.

Семинаристъ, раздосадованный, ушелъ.

ГЛАВА LXXXVIII.

Отреченіе государя.

Вѣсть объ отреченіи Государя Императора отъ Престола дошла къ намъ сравнительно поздно. Мы узнали о ней только 3 Марта.

Какъ ни феерична была декорація «безкровной» революціи, залившей потоками крови всю Россію, какъ ни дико было это безумное ликованіе массъ и велико упоеніе властью бездарныхъ проходимцевъ, явившихся на смѣну прежней власти, какъ ни трескучи были ихъ громовыя рѣчи, ихъ истерическіе выкрики о завоеваніяхъ революціи, съ призывами углублять эти завоеванія, однако не нужно было быть психологомъ, что-

бы замѣтить, что вся эта декорація, вся эта шумиха и пріемы, коими пользовались «завоеватели», скрывали за собою не силу, а слабость, и что творцы революціи, до момента отреченія Государя отъ Престола, чувствовали себя не героями дня, а кандидатами на висѣлицу.

Правда, прежнее правительство, почти въ полномъ составѣ, было въ ихъ рукахъ и, обезоруженное, содержавшееся подъ стражею, опасности не представляло. Но былъ Царь, была милліонная армія, въ подавляющемъ числѣ преданная Царю... И не безъ основанія эти «избранники народа» боялись этой арміи, ибо знали, что рота преданныхъ Царю солдатъ была бы въ силахъ разогнать ихъ и вздернуть на висѣлицу. И знали объ этомъ не только активные дѣятели революціи, но и всѣ, кромѣ тѣхъ, кому объ этомъ вѣдать надлежало.

Иначе почувствовали себя творцы революціи послѣ отреченія Государя.

Еще такъ недавно въ Ставкѣ царили полное спокойствіе и увѣренность въ побѣдѣ; еще такъ недавно оттуда неслись жалобы на Петербургъ и его растлѣвающее вліяніе на тылъ; но теперь измѣна охватила и Ставку, и всякое сообщеніе изъ Петрограда учитывалось не какъ интрига Думы, а какъ свидѣтельство такого положенія, единственнымъ выходомъ изъ котораго являлись уступки наглымъ требованіямъ зазнавшагося Родзянки.

Свершилось то, чему суждено было свершиться; однако исторія скажетъ, что не революція вызвала отреченіе Государя, а, наоборотъ, насильственно вырванный изъ рукъ Государя актъ отреченія вызвалъ революцію. До отреченія Государя была не революція, а солдатскій бунтъ, вызванный честолюбіемъ глупаго Родзянки, мечтавшаго о президентскомъ креслѣ. Послѣ отреченія наступила подлинная революція, каковая, въ первую очередь, смела съ своего пути того же Родзянку и его присныхъ.

Съ момента отреченія Императора, временное правительство облегченно вздохнуло. Оно добилось не только отреченія, но и своего признанія Высочайшею Властью, и еще вчера пресмыкавшееся предъ чернью, бросавшее ей на растерзаніе вѣрныхъ слугъ Царскихъ, укрѣплявшее свое положеніе цѣною унизительныхъ и преступныхъ уступокъ, временное правительство сегодня рѣшило стать на путь законности и твердости, сознавая необходимость, изъ одного только чувства самосохраненія, обуздать озвѣрѣвшую массу, въ которой видѣло уже не дѣтей богоноснаго народа, а взбунтовавшихся рабовъ.

Я, съ любопытствомъ, наблюдалъ эти попытки, ни минуты не сомнѣваясь въ томъ, что онѣ не будутъ имѣть успѣха. Все, совершавшееся предъ моими глазами, все поведеніе времен-

наго правительства и его пріемы, всѣ эти безостановочныя рѣчи, приказы, распоряженія, декреты, вся эта ни съ чѣмъ несообразная суета, эти ночныя засѣданія, съ истерическими выкриками, громогласныя рѣчи съ портиковъ и балконовъ, увѣшанныхъ красными тряпками — все это казалось мнѣ до того глупымъ, что я недоумѣвалъ, какимъ образомъ взрослые люди могутъ ставить себя сознательно въ такое глупое положеніе, и какъ они не сознаютъ, что имъ вторятъ другіе только страха ради іудейска, только потому, что толпа была уже терроризована и боялась громко думать...

Значитъ, тамъ была не только одна глупость, но были и сознательный умыселъ, стремленіе къ опредѣленной, заранѣе намѣченной цѣли, примѣненіе заранѣе выработанныхъ средствъ, осуществленіе опредѣленной программы...

Конечно! Но объ этихъ «программахъ»знали только тѣ немногіе, кто связывалъ революцію съ..... еврейскимъ вопросомъ; кто видѣлъ въ этой вакханаліи только способъ достиженія вѣковѣчныхъ еврейскихъ цѣлей, сводившихся къ міровому владычеству, къ уничтоженію христіанства и порабощенію всего міра. Но такихъ людей было мало, и даже въ составѣ временнаго правительства было больше глупцовъ, чѣмъ активныхъ дѣятелей революціи... Они тѣшились своимъ званіемъ министровъ, наивно воображали себя таковыми; а на самомъ дѣлѣ были только глупенькими пѣшками въ рукахъ тѣхъ, кто, играясь съ ними, велъ свою собственную линію, насмѣхаясь надъ ними.

Погруженный въ свои думы, я не замѣтилъ, какъ вошелъ къ намъ въ комнату генералъ Ренненкампфъ. Какимъ образомъ онъ очутился въ министерскомъ павильонѣ, былъ ли онъ арестованъ раньше и содержался въ другой комнатѣ, или же былъ въ этотъ только день доставленъ къ намъ — я не знаю.

Представительный, сановитый, съ Георгіемъ на шеѣ, генералъ Ренненкампфъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ заключеннымъ, не только не чувствовалъ себя подавленнымъ, а, наоборотъ, былъ точно доволенъ своимъ арестомъ, держалъ себя свободно, увѣренно, совершенно не реагируя на обстановку и вызывая даже улыбки со стороны окружавшихъ... Онъ, съ большимъ воодушевленіемъ, разсказывалъ о своихъ побѣдахъ на фронтѣ, лишь изрѣдка, мимоходомъ, останавливаясь на катастрофѣ подъ Сольдау, если не ошибаюсь, въ которой его обвиняли. Въ этотъ моментъ откуда то появился злодѣй Кирпичниковъ, тотъ самый унтеръ-офицеръ или фельдфебель, который взбунтовалъ Волынскій полкъ, за что отъ Керенскаго или Гучкова, не знаю точно, получилъ Георгіевскій крестъ. Съ видомъ и сознаніемъ героя, онъ сталъ разсказывать, захлебываясь отъ удовольствія, о своихъ подвигахъ... Я не

видѣлъ человѣка болѣе гнуснаго. Его бѣгающіе по сторонамъ, маленькіе, сѣрые глаза, такіе же какъ у Милюкова, съ выраженіемъ чего то хищническаго, его манера держать себя, когда, въ увлеченіи своимъ разсказомъ, онъ принималъ театральныя позы, его безмѣрно наглый видъ и развязность— все это производило до крайности гадливое впечатлѣніе, передать котораго я не въ силахъ. Желая обратить на себя вниманіе бывшихъ сановниковъ, съ какимъ то лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдя за производимымъ впечатлѣніемъ, онъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую и разсказывалъ заключеннымъ о своихъ преступленіяхъ, разсчитывая получить похвалу и поощреніе. . .

Этого добивался, впрочемъ, не только унтеръ-офицеръ Кирпичниковъ, но и главковерхъ Керенскій, воплощавшій въ тотъ моментъ всю полноту власти. Какъ ни безоружны были представители прежней власти, но они были сановники и въ глазахъ пришельцевъ таковыми и остались. . .

Кирпичниковъ не ошибся въ разсчетѣ. Не успѣлъ онъ еще закончить разсказа о своихъ предательствѣ и измѣнѣ, какъ къ нему подошелъ генералъ Ренненкампфъ и, дружески трепля его по плечу, сталъ хвалить его за геройство. Кирпичниковъ, умиленный словами генерала, сіялъ отъ восторга и только и могъ выговаривать за каждымъ генеральскимъ словомъ: «такъ точно, Ваше Высокопревосходительство», глотая буквы и произнося эти слова характерною солдатскою скороговоркою. . .

Въ порывѣ взаимнаго умиленія, генералъ-отъ-кавалеріи и унтеръ-офицеръ бросились, затѣмъ, другъ другу въ объятія и... трижды облобызались. . .

Эта сцена произвела на окружавшихъ такое угнетающее впечатлѣніе, что съ генераломъ Ренненкампфомъ перестали разговаривать и сторонились отъ него. Кирпичниковъ, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіи разстрѣлянъ добровольцами. . . Какова дальнѣйшая судьба генерала Ренненкампфа, я не знаю.[1])

«Видите-ли» — сказалъ мнѣ мой сосѣдъ: «теперь генералы отъ кавалеріи братаются съ солдатами, которымъ сами же отдали свою власть». . .

«Былъ одинъ Распутинъ, а теперь что ни рабочій и солдатъ, то Распутинъ. Предъ каждымъ изъ нихъ и министры, и генералы гнутъ спины и ломаютъ шапки» — сказалъ другой.

«Сравненіе, для Распутина обидное, ибо, во-первыхъ, ни министры, ни генералы предъ нимъ и шапокъ не ломали, и спины не гнули, а во-вторыхъ, Распутинъ, хотя и любилъ выпить, а послѣ выпивки пускаться впляс, но онъ и въ церковь ходилъ, и въ Бога вѣровалъ, и Царя почиталъ» — сказалъ третій.

«Правильно» — подумалъ я.

---

[1]) Разстрѣлянъ большевиками. Прим. издателя.

ГЛАВА LXXXIX.

Страшная ночь.

Съ каждымъ днемъ настроеніе заключенныхъ становилось все болѣе нервнымъ. Никакихъ обвиненій никому не предъявлялось; разговоры о преданіи суду оказались выдумкою; а между тѣмъ каждую ночь изъ нашей комнаты увозили, неизвѣстно куда, то одного, то другого обреченнаго... Одни говорили, что въ Петропавловскую крѣпость, другіе — что въ Выборгскую тюрьму. Каждый изъ насъ ждалъ подобной же участи, ибо всѣ находились въ одинаковомъ положеніи, не сознавая за собою никакихъ преступленій, и никто не зналъ, чѣмъ руководились новыя власти, примѣняя къ арестованнымъ различные пріемы отношенія. Самочувствіе наше отягощалось еще и тѣмъ, что, вслѣдъ за отреченіемъ Государя Императора отъ Престола, отношеніе къ намъ рѣзко перемѣнилось: началось тонкое издѣвательство надъ нами; явился фотографъ, сдѣлалъ группу, какая вскорѣ появилась въ журналѣ «Огонекъ», съ подписью «Арестованные сановники въ министерскомъ павильонѣ Государственной Думы». Къ тому же Керенскій запретилъ намъ разговаривать другъ съ другомъ.

Мы сидѣли молча, испытывая чрезвычайную нервную усталость. Только одинъ вице-адмиралъ Карцовъ безпрестанно шагалъ по комнатѣ, обращая на себя всеобщее вниманіе. Вдругъ онъ неожиданно сѣлъ подлѣ меня и шепотомъ сказалъ мнѣ:

«Великое дѣло — молчаніе: оно имѣетъ чрезвычайное воспитательное значеніе. Мудрецы были подвижники-монахи!»...

«Да,» — отвѣтилъ я: «если это добровольный подвигъ, а не насиліе, не истязаніе, не пытка»...

«Нѣтъ, все равно, это важно» — отвѣтилъ вице-адмиралъ и сталъ довольно пространно развивать свою мысль.

Я не помню подробностей его рѣчи, но хорошо помню, что все время, съ крайнимъ безпокойствомъ, слѣдилъ за логическими скачками ея, сознавая, что вице-адмиралъ дошелъ уже до тѣхъ предѣловъ нравственнаго изнеможенія, при которыхъ мысль отказывается служить ему.

Внезапно, прервавъ свою рѣчь на полъ-словѣ, вице-адмиралъ быстро сорвался съ своего мѣста, схватилъ стоявшую на столѣ солонку, быстро опорожнилъ ее и сталъ шагать по комнатѣ, забывъ о начатой и неоконченной бесѣдѣ со мною... Мнѣ сдѣлалось жутко.

Начало смеркаться... Наступила ночь...

Заключенные просили разрѣшенія погасить электрическій свѣтъ въ комнатѣ, горѣвшій всѣ предыдущія ночи и мѣшавшій

сну. Просьба была уважена. Такъ же какъ и раньше, мы размѣстились на своихъ прежнихъ мѣстахъ, причемъ мнѣ посчастливилось занять узенькій диванчикъ, стоявшій въ глубокомъ проходѣ въ смежную комнату, между двумя массивными дверьми... Стѣны были такъ толсты, что диванчикъ почти помѣщался въ проходѣ, и только незначительная его часть выступала въ нашу комнату. Спускавшаяся съ дверей тяжелая драпировка образовывала нѣчто вродѣ шатра, и я чувствовалъ себя тамъ довольно уютно... Въ этомъ укромномъ мѣстѣ и велась та примѣчательная бесѣда съ солдатомъ, о которой я разскажу ниже... Рядомъ со мною, на такомъ же диванчикѣ, помѣщался Г. Г. Чаплинскій, великій мастеръ разсказывать жидовскіе анекдоты, и мы еще долго болтали, прежде чѣмъ заснули... Вдругъ, часа въ три ночи, внезапно раздался выстрѣлъ, а вслѣдъ за нимъ душу раздирающій крикъ вице-адмирала Карцова, смѣшанный съ плачемъ и стенаніями: «дайте мнѣ умереть! За что вы мучаете меня, за что издѣваетесь надо мною... Всю жизнь свою я былъ богобоязненнымъ человѣкомъ, честно служилъ Богу и Царю; за что же такое наказаніе!.. О Господи, за... что же». Мы не успѣли очнуться, какъ въ комнату ворвались вооруженные солдаты и, при абсолютной темнотѣ, стали стрѣлять во всѣ стороны... Только и видны были огоньки, вылетавшіе изъ дулъ ружей... Было что то невообразимо ужасное. Не сознавая, что происходитъ, я приподнялся на диванѣ... По мелькнувшему предо мною силуэту я видѣлъ, что солдатъ направилъ дуло своего ружья въ меня... Я инстинктивно наклонилъ голову и закрылъ лицо руками... Въ этотъ моментъ пуля пролетѣла на волосокъ отъ моей головы и пробила насквозь дверь, куда упирался диванчикъ, на которомъ я сидѣлъ... Я не зналъ, раненъ ли я, или нѣтъ... Но прошла минута, за ней другая; выстрѣлы продолжали раздаваться, а я не чувствовалъ боли... Значитъ, Господь спасъ меня — подумалъ я; а какъ другіе... Есть ли убитые, раненые?...

Кто то открылъ свѣтъ... Глупые солдаты не сдѣлали этого раньше...

Вице-адмиралъ Карцовъ продолжалъ стонать, и вокругъ него суетились другіе... Оказалось, что несчастный вице-адмиралъ, не выдержавъ нравственной пытки, сдѣлалъ, въ припадкѣ остраго помѣшательства, попытку лишить себя жизни, для чего набросился на часового, желая пронзить себя насквозь острымъ штыкомъ ружья... Часовой, не предполагая покушенія на самоубійство, а думая, что вице-адмиралъ желалъ его обезоружить, выстрѣлилъ въ него въ упоръ, и между ними завязалась борьба... Выстрѣлъ часового, въ связи съ просьбою погасить на эту ночь свѣтъ въ комнатѣ, былъ понятъ, какъ сигналъ къ вооруженному возстанію заключенныхъ, къ ко-

торымъ, якобы, явилась помощь, съ цѣлью освободить ихъ изъ заключенія, въ результатѣ чего трусливый и перепуганный Керенскій, не разобравъ, въ чемъ дѣло, отдалъ приказъ стрѣлять въ насъ... Такова была одна версія; другіе же говорили, что солдаты по собственной инціативѣ начали стрѣльбу.

Господу Богу было угодно чудеснымъ образомъ сохранить жизни всѣхъ узниковъ. Несмотря на то, что солдаты, коихъ было не менѣе десяти человѣкъ, стрѣляли въ абсолютной темнотѣ, въ разныхъ направленіяхъ, въ комнатѣ небольшихъ размѣровъ, гдѣ находилось около 20 человѣкъ, ни одинъ изъ насъ не былъ раненъ... И только на стѣнахъ, дверяхъ и окнахъ виднѣлись слѣды ружейныхъ пуль...

На крикъ вице-адмирала Карцова прибѣжалъ Керенскій, а за нимъ докторъ, называвшій себя графомъ Оверомъ, и сестры... Нужно было зашить раны вице-адмирала, изъ коихъ одна была штыковая, а другая пулевая, къ счастью обѣ не опасныя для жизни, а затѣмъ сдѣлать перевязку. Однако, какъ ни старался молодой докторъ, почти юноша, приступить къ операціи, ему никакъ не удавалось проткнуть иглу и сдѣлать шовъ. Своими неумѣлыми пріемами онъ мучилъ вице-адмирала, причиняя нестерпимую боль и вызывая отчаянные крики. Отстранивъ его, сестры милосердія кое какъ перевязали раны, изъ которыхъ кровь лилась ручьями, и несчастный адмиралъ былъ увезенъ въ госпиталь. Впослѣдствіи обнаружилось, что юноша, выдававшій себя за доктора, графа Овера, былъ фельдшерскимъ ученикомъ, бѣглымъ каторжникомъ... Какимъ образомъ онъ очутился въ Думѣ и втерся въ довѣріе Керенскаго, никто не зналъ... Когда все стихло, мы снова улеглись ,удивляясь прочности человѣческаго организма, подвергавшагося такимъ испытаніямъ и продолжавшаго здравствовать...

Однако, не успѣли мы забыться, какъ раздался громкій голосъ:

«Чаплинскій»...

Бѣдняга вскочилъ, задрожавъ отъ волненія...

«Одѣвайтесь!» — скомандовалъ голосъ.

«Боже мой, что же будетъ» — шепталъ онъ дрожащими губами, стараясь быстро одѣваться и не находя, отъ волненія, нужныхъ вещей.

«Помолитесь обо мнѣ» — просилъ онъ...

Я далъ ему иконку Божіей Матери, изящную, миніатюрную, какую всегда носилъ при себѣ, и Г. Г. Чаплинскій, съ умиленіемъ приложившись къ ней, взялъ ее съ собою.

Мы простились, и онъ, въ сопровожденіи конвойныхъ, былъ увезенъ, какъ передавали, въ Петропавловскую крѣпость, чтобы, быть можетъ, раздѣлить участь своего покровителя,

И. Г. Щегловитова. Больше я его не видѣлъ, и дальнѣйшая его участь мнѣ неизвѣстна. Никогда не забуду этого страшнаго момента разлуки... Насколько покойно себя чувствовали пребывавшіе въ министерскомъ павильонѣ, настолько ужасно было самочувствіе увозимыхъ въ крѣпость и тюрьмы... Тамъ ихъ участь зависѣла всецѣло отъ настроенія звѣрей-часовыхъ, которыхъ боялось даже такъ называемое временное правительство, не имѣвшее силы справиться съ озвѣрѣвшими солдатами и въ угоду имъ бросавшее въ крѣпость ни въ чемъ неповинныхъ людей...

Я уже не могъ заснуть больше въ эту кошмарную ночь... Я чувствовалъ, какъ силы начинали покидать меня... Начало свѣтать...

Но мысль о томъ, что, еще нѣсколько часовъ тому назадъ, я находился на волосокъ отъ смерти, и что Господь такъ явно, такъ чудесно спасъ меня, поддерживала мои силы, и я молилъ Бога не о жизни, а о томъ только, чтобы хотя предъ смертью удостоиться Св. Причастія Христовыхъ Тайнъ.

Въ эту самую ночь, какъ я потомъ узналъ, моя святая мать также не спала и втеченіе всей ночи читала акафистъ Святителю Николаю, молясь Угоднику Божію о моемъ спасеніи...

ГЛАВА XC.

Бесѣда съ солдатомъ.

Опасаясь, что заключенные не выдержатъ болѣе того режима, какой, при прежнемъ правительствѣ, не практиковался даже среди каторжанъ, напуганный несчастнымъ случаемъ съ вице-адмираломъ Карцовымъ, Керенскій отмѣнилъ свой нелѣпый, жестокій и безжалостный приказъ, запрещавшій заключеннымъ разговаривать между собою... Въ тоже время и отношеніе караульныхъ солдатъ и прочихъ наблюдающихъ за нами измѣнилось, и они старались, будто, загладить впечатлѣніе прошедшей ночи...

Я сидѣлъ въ своей нишѣ, куда ежеминутно заглядывалъ то одинъ, то другой. Приподнявъ драпировку, заглянулъ ко мнѣ и одинъ изъ караульныхъ солдатъ. Эти послѣдніе, въ отличіе отъ часовыхъ, стоявшихъ какъ истуканы, подлѣ дверей и оконъ, свободно расхаживали по комнатамъ и, бравируя развязностью съ бывшими сановниками, подходили то къ одному, то къ другому, вступая въ разговоры.

«Можно?» — спросилъ меня солдатъ, собираясь садиться на диванчикъ, напротивъ меня...

«Садитесь» — отвѣтилъ я.

«Вы, я слышалъ, князь... Что-жъ, это ничего» — сказалъ онъ.

«Дуракъ» — подумалъ я.

«Вы, говорятъ, управляли нашею Церковью?» — продолжалъ онъ, желая завязать разговоръ.

«Церковью управляетъ Духъ Святой» — отвѣтилъ я.

«Оно то такъ» — возразилъ бородатый дѣтина — «а про то, значитъ, законы писались людьми, да писались такъ, что батюшки, и онъ сдѣлалъ удареніе на «и», ограбляли мужичка, вонъ оно что» — самодовольно сказалъ солдатъ.

«Что то я про это не слышалъ» — отвѣтилъ я. «А въ какой губерніи или въ уѣздѣ, примѣрно въ какомъ селѣ, производились такіе грабежи? Разскажите пожалуйста... Что грабежами занимались крестьяне и часто за это подъ судъ попадали — это всѣмъ извѣстно, а чтобы батюшки грабили народъ среди бѣла дня, да оставались безъ наказанія, я что то не слышалъ объ этомъ... Что нибудь да не такъ здѣсь»...

«Оно не то, примѣрно сказать, чтобы производилось ограбленіе, а, такъ сказать, вымогательство, потому, значитъ, какъ не заплотишь, такъ тебя и не повѣнчаетъ, али чего и другого не совершитъ; потому, значитъ, что ты сначала дай, а потомъ получай; иначе и производить ничего не станетъ, а еще скажетъ — иди себѣ туда, откуда пришелъ... Вотъ они попы то какіе у насъ: безъ денегъ и обѣдни править не станетъ... Я ему говорю — выправьте мнѣ, батюшка, молебенъ, али панифиду, а онъ мнѣ — а ты сколько мнѣ дашь за то, что я выправлю?.. Вотъ тутъ и пойдетъ торговля; я ему полтинникъ, а онъ мнѣ — подавай цѣлковый... Какъ же тутъ не входить въ соблазнъ? Ну, и выругаешь его, да съ тѣмъ и пойдешь, потому что и не резонъ все это»...

Вопросъ о положеніи и нуждахъ сельскаго духовенства имѣлъ въ моихъ глазахъ настолько исключительное значеніе, являлся до того важнымъ, что, съ перваго же момента своего вступленія въ должность, я провелъ въ междувѣдомственной комиссіи, подъ своимъ предсѣдательствомъ, законопроектъ о пенсіонномъ Уставѣ духовенства и принималъ самое горячее участіе въ работахъ, подготовлявшихъ законопроектъ о жалованьѣ духовенству... Оба законопроекта были уже готовы, и только революція погубила ихъ, такъ же какъ погубила и многія другія благодѣтельныя начинанія... Вотъ почему, въ отвѣтъ на слова солдата, я, забывъ обстановку, забывъ условія, въ какихъ находился, и свое положеніе узника, не зная, съ какими намѣреніями пришелъ ко мнѣ бесѣдовать этотъ солдатъ, не удержался, чтобы не раскрыть ему глаза и вразумить его.

Я уже говорилъ, что никакъ не могъ себя заставить повѣрить въ искренность той метаморфозы, какая превратила нашего благодушнаго и дисциплинированнаго солдата въ дикаго звѣря. Я былъ убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ было не превращеніе, а рабскій страхъ предъ поработившей солдата силою, которой онъ подчиняется по принужденію, а не по убѣжденію. И та замѣчательная бесѣда, какая приводится мною ниже, блестяще оправдала мои предположенія. На общемъ фонѣ момента такая бесѣда была явленіемъ до того необычайнымъ, что не только содержаніе ея, но даже самый фактъ ея возможности можетъ показаться маловѣроятнымъ, если принять во вниманіе душевное состояніе заключенныхъ и тѣ условія, въ которыхъ они находились, когда сотни глазъ слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, когда они были терроризованы настолько. что даже боялись громко думать...

Страннымъ можетъ показаться и внезапная метаморфоза съ солдатомъ, начавшимъ свой разговоръ со мною революціонеромъ, дерзко возстававшимъ противъ духовенства, и, послѣ первой же моей фразы, превратившагося въ убѣжденнаго монархиста...

Этотъ фактъ легко объясняется тѣмъ, что въ описываемое мною время каждый человѣкъ видѣлъ въ другомъ измѣнника, шпіона и предателя; всѣ были буквально порабощены ложью и говорили не то, что думали, а то, что, по ихъ мнѣнію, нужно было говорить въ тотъ моментъ... Когда же люди, истомленные этою вынужденною ложью, встрѣчались съ тѣми, кому вѣрили, тогда разверзались ихъ уста, и со дна ихъ души выплывали ихъ истинныя убѣжденія, какія они высказывали тѣмъ съ большею откровенностью, чѣмъ съ большими усиліями ихъ раньше скрывали... Тоже случилось и съ солдатомъ, который подошелъ ко мнѣ ощупью, точно зондируя почву, а, убѣдившись въ томъ, что я не выдамъ его, раскрылъ предо мною свою душу, съ ея подлиннымъ содержаніемъ. Я привелъ эту примѣчательную бесѣду въ свидѣтельство истиннаго отношенія народа къ «народнымъ избранникамъ» и въ доказательство того, насколько гнусна была пущенная Керенскимъ клевета о какомъ то народномъ гнѣвѣ противъ Царя и царскихъ министровъ... Не довѣріемъ народа было избрано и первое время держалось Временное Правительство, а терроромъ, ложью и обманомъ... Что касается приводимаго въ бесѣдѣ факта воскресенія умершаго мальчика, то объ этомъ фактѣ мнѣ разсказывалъ іеромонахъ Памва въ Оптиной пустынѣ, называя и имя мальчика, и село, гдѣ онъ жилъ...

Къ сожалѣнію, имена, за давностью времени, исчезли изъ моей памяти; но самый фактъ запечатлѣлся въ ней...

Приспособляясь къ уровню его развитія, я, излагая свои мысли понятнымъ ему языкомъ, сказалъ ему слѣдующее:

«Скажите мнѣ, пожалуйста, слышали ли вы когда нибудь, чтобы еврей бранилъ своего раввина, а магометанинъ своего муллу? . . Не спрашивали ли вы самихъ себя, почему это только православные христіане бранятъ своихъ священниковъ? Не подозрительнымъ ли вамъ кажется, что и бранятъ то не старые, разумные люди, а молодые, чуть ли не мальчишки. . . Почему это такъ? . . И для магометанина его Коранъ, и для еврея его Талмудъ являются самыми священными книгами, а ихъ пастыри самыми уважаемыми людьми, которыхъ они содержатъ не такъ, какъ православный народъ своихъ священниковъ... Тамъ что ни раввинъ, что ни мулла, богачи, въ сравненіи съ которыми наши сельскіе священники — нищіе; а между тѣмъ никто изъ нихъ не кричитъ, что ихъ пастыри грабятъ народъ. . . А попробуйте вы, православные, сказать только одно дурное слово противъ муллы, или раввина, и васъ на части разорвутъ, ибо эти люди для магометанъ и евреевъ неприкосновенны. Вы же не только позволяете другимъ глумиться и издѣваться надъ вашими священниками, но еще и сами это дѣлаете, не замѣчая даже того, кто васъ этому учитъ. . . Посмотрите хотя бы теперь, кто сейчасъ васъ окружаетъ, какъ жидки подняли свои головы и сколько ихъ даже здѣсь, въ Думѣ». . .

«Тс, тс» — прошепталъ солдатъ и, наклонившись ко мнѣ, шепотомъ произнесъ: «еще услышитъ поганый; ихъ какъ чертей въ болотѣ развелось здѣсь; такъ и норовятъ, сукины сыны, вынюхать что нибудь». . .

«Вотъ видите, до чего вы дожили, что приходится пархатаго жида бояться. А посмотрите на Керенскаго, развѣ не видно, кто онъ?». . .

«Да, оно точно; сейчась видно, что жидъ. . . И визжитъ же какъ жидъ, да и въ паршахъ весь, такъ отъ него и несетъ какъ отъ чумы, холера паскудная, а какъ куражится; все въ свои руки прибралъ, а почему. . . Потому, что сопротивленія, сукиному сыну, не оказали; а я бы самъ съ нимъ справился, задавилъ бы какъ собаку, да еще бы сапогомъ морду ему растопталъ, чтобы и на томъ свѣтѣ не осмѣлился бы показать свою жидовскую морду Пречистому». Я чуть чуть не разсмѣялся, любуясь образной рѣчью своего собесѣдника, и, увѣрившись окончательно въ его лойяльности, продолжалъ:

«Такъ вотъ и знайте же, кто натравляетъ васъ и на Царя, и на помѣщика, и на священника. . . Еще съ перваго дня Рождества Христа Спасителя жидъ Иродъ задумалъ убить Спасителя, издавъ приказъ объ избіеніи младенцевъ. . . Вотъ съ какихъ поръ идетъ эта страшная война противъ Іисуса Христа и христіанства. . . А какъ же жиды могутъ уничтожить хри-

стіанскую вѣру на землѣ, когда христіанъ сотни милліоновъ, а жидовъ только небольшая горсть, капля въ морѣ...

Вотъ они и начали дурманить христіанъ, да понемногу прибирать въ свои руки сначала деньги, ибо за деньги всегда можно было купить все, что нужно, даже совѣсть людскую»...

«Это точно» — перебилъ меня солдатъ: «теперь деньги разбрасываются страсть какъ... У каждаго солдата чуть не по тысячѣ въ карманѣ; а извѣстное дѣло, что деньги эти жидовскія, сами же солдаты признавались»...

«Значитъ, я правду говорю»? — спросилъ я...

«Какъ можно, святую правду изволите говорить, Ваше Сіятельство»...

«Ну, такъ слушайте же дальше... Когда они прибрали себѣ въ свои руки деньги, тогда стали издавать газеты, и скоро весь міръ сталъ думать такъ, какъ хотѣлось жидамъ... А чуть что было не такъ, не по ихнему, то они убивали своихъ противниковъ, натравливали одинъ народъ на другой, устраивали революціи и войны, какія разоряли народы; а жиды отъ этихъ войнъ и революцій наживались... Затѣмъ начали они свергать царскіе престолы и устраивать республики... А зачѣмъ?.. Затѣмъ, чтобы начальниками республикъ ставить своихъ же ставленниковъ... Съ Царемъ, вѣдь, справиться жиду трудно; а президентъ республики въ его рукахъ и дѣлаетъ то, что жидъ приказываетъ... Вотъ, когда во Франціи свергли царскій тронъ, то сейчасъ же, по приказу жидовъ, стали гнать Церковь, выбрасывать изъ квартиръ крестъ христіанскій, запретили обучать дѣтей Закону Божію и пр. Тоже будетъ и у насъ... Потому то и страшенъ жиду Царь, что стоитъ ему поперекъ дороги».

«Это точно» — вставилъ солдатъ: «Царь нашъ Батюшка стоялъ пархатому поперекъ дороги и не допускалъ святынь до оскверненія... Извѣстно же, не даромъ былъ Царскій Манифестъ, чтобы не допускать вхожденія жидамъ въ православные храмы, чтобы, значитъ, не оскверняли ихъ»...

Хотя я и сомнѣвался въ существованіи такого манифеста, но, не опровергая этого факта, отвѣтилъ солдату:

«Видите-ли, какъ заботился Помазанникъ Божій о своемъ народѣ, какъ оберегалъ святую вѣру православную! Жида даже близко къ храму не подпускалъ... А теперь что?! Жиды не только входятъ въ наши храмы, но входятъ въ шапкахъ, съ папиросами въ зубахъ; а вы, православные, молчите, и не только молчите, но и сами имъ помогаете... Видѣли-ли вы когда нибудь, чтобы рота жидовъ, подъ предводительствомъ православнаго христіанина, шла бы осквернять, или разрушать еврейскую синагогу?! А вотъ роту православныхъ солдатъ, подъ предводительствомъ жидка, идущую осквернять и громить пра-

вославные храмы — вы всѣ видѣли. Вотъ откуда идетъ зараза, вотъ кто учитъ васъ возставать и противъ вашихъ батюшекъ; а вы вѣрите хитрости и повторяете ихъ слова... Мыслимое ли дѣло, чтобы горсть жидовъ могла командовать цѣлыми арміями православныхъ солдатъ и ихъ руками свергнуть Престолъ даже самого Царя?!»

«То развѣ мы сдѣлали!» — сказалъ солдатъ; «то было дѣло господское»...

«Хорошо господское дѣло! А что бы сдѣлали господа, если бы не опирались на солдатъ!.. И между господами были и будутъ христопродавцы и жидовскіе прислужники; но сколько бы ихъ ни было, но безъ вашей помощи они ничего бы не могли сдѣлать. Вы должны имѣть свою голову на плечахъ и знать, что нѣтъ ничего дороже на землѣ, какъ наше Православіе, что потому то Самъ Богъ и помазалъ Царя на царство и назвалъ Своимъ Помазанникомъ, что вручилъ охрану Церкви и Вѣры Православной Одному Царю... И пока есть Царь, до тѣхъ поръ не страшны никакія нападки на вѣру христіанскую, а какъ не будетъ Царя, тогда некому будетъ заступиться за Церковь, и будутъ тогда жиды изгонять васъ изъ вашихъ храмовъ, и тогда явится антихристъ... И не будетъ вамъ тогда помощи ни отъ Бога, ни отъ людей, и Господь отступится отъ васъ, отыметъ Свою благодать, ибо нѣтъ бóльшаго грѣха, какъ посягательство на Священное Имя Царя.

И вотъ этотъ ужасный грѣхъ, это величайшее преступленіе уже совершилось. Царя уже нѣтъ на Престолѣ... Остались лишь вѣрные Царскіе слуги, которые вотъ здѣсь заперты и не могутъ уже и рта раскрыть, ибо ихъ со всѣхъ сторонъ караулятъ жиды; да вотъ священники, которые бы могли еще сказать вамъ правду, да глаза ваши открыть... За что же вы поносите ихъ?.. Вѣдь священникъ — самый нужный вамъ человѣкъ!.. Онъ посредникъ между Богомъ и вами, онъ васъ креститъ и вѣнчаетъ и хоронитъ, и грѣхи съ васъ снимаетъ, и таинствами Христовыми къ Богу пріобщаетъ, и молится за васъ... Что же вы будете дѣлать безъ него?! Кто же научилъ васъ называть его грабителемъ?

«Да, извѣстное дѣло, кто» — отвѣтилъ до крайности взволнованный солдатъ.

«Вѣдь и онъ — человѣкъ» — продолжалъ я— «и ему нужно прокормиться и накормить семью... И развѣ бы онъ просилъ у васъ копѣйку, если бы вы доброхотно ему давали ее и заботились бы о немъ, берегли его, шли бы навстрѣчу его нуждамъ... Вотъ я былъ три года Земскимъ Начальникомъ въ Полтавской губерніи, жилъ въ селѣ; а въ своемъ участкѣ, гдѣ была сотня селъ, если не больше, видѣлъ только святыхъ батюшекъ, а о грабителяхъ такъ и совсѣмъ не слышалъ... Не-

правда это, клевета, жидовскія все это штуки, а вы темные, одурманенные люди, имъ вѣрите, да еще сами разносите дурную славу о вашихъ собственныхъ батюшкахъ, вмѣсто того, чтобы покрыть какой нибудь грѣхъ, если онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ... Не всѣ же батюшки плохи: были и есть между ними и очень хорошіе... Но почему же о хорошихъ никто не говоритъ? Почему, чѣмъ лучше священникъ, тѣмъ сильнѣе замалчивается его имя? Почему о такихъ газеты ничего не писали и не пишутъ?! Потому, что жиды боятся Православія и его силы... Знаете-ли вы о священникѣ Егорѣ Коссовѣ, Спасъ-Чекряковскомъ... Это сельскій священникъ села Спасъ-Чекряки, Тульской епархіи.

«Нѣтъ, слыхать не приходилось» — отвѣтилъ солдатъ.

«Много, много лѣтъ тому назадъ, отецъ Егоръ былъ назначенъ приходскимъ священникомъ въ это село. Приходъ былъ очень бѣдный, всего 14 дворовъ; такъ себѣ хуторокъ маленькій. Церкви тамъ настоящей не было, а стояла ветхая, покосившаяся часовенька, шелевками сбитая, гдѣ и отправлялось богослуженіе, и такъ было въ ней холодно, что даже Св. Дары въ Чашѣ замерзали... Семья у о. Егора была большая, а прокормиться было нечѣмъ... И милостыни подать было некому... Вотъ и взмолился батюшка Егоръ къ Богу и поплелся пѣшкомъ въ Оптину Пустынь, къ великому старцу Амвросію Оптинскому, съ жалобою на свою горемычную жизнь и за благословеніемъ перемѣнить приходъ.

Старецъ Амвросій выслушалъ о. Егора, долго смотрѣлъ на него, а потомъ какъ замахнется на него палкой, да какъ ударитъ ею по спинѣ о. Егора, такъ тотъ чуть безъ оглядки не убѣжалъ отъ него...

«Бѣги, бѣги назадъ!» — кричалъ Амвросій; «бѣги, слѣпой... На тебѣ вотъ какая благодать Божія почиваетъ, а ты вздумалъ бѣжать съ прихода... За тобою скоро будутъ бѣгать люди, а не тебѣ бѣжать отъ людей»...

Вернулся о. Егоръ домой и затворился въ своей убогой церковкѣ, и денно и нощно взывалъ къ Царицѣ Небесной, Матери Божіей, о помощи... И скоро прошла о немъ молва по всей Русской Землѣ, какъ объ Угодникѣ Божіемъ, великомъ прозорливцѣ и молитвенникѣ. Дошла и до меня его слава. И потянулись къ о. Егору и простолюдинъ, и знатный, и богачъ, и бѣднякъ, и простецъ и ученый... А вмѣсто ветхой церковки, стоялъ уже, ко времени моего посѣщенія села, храмъ величиною съ нашего Исаакія, а вокругъ него каменные корпуса... И чего только тамъ не было... И гостинницы для пріѣзжающихъ, и богадѣльни для стариковъ, и всякаго рода ремесленныя мастерскія, и школы для дѣтей; да и село разрослось такъ, что вмѣсто 14 дворовъ стало уже больше сотни... Свыше трехъ

милліоновъ было затрачено на всѣ эти постройки, какъ мнѣ говорили. И не было дня, чтобы къ о. Егору не пріѣзжали со всѣхъ концовъ Россіи. Простой народъ ходилъ къ нему пѣшкомъ чуть ли не изъ Сибири.

Вотъ, пріѣхалъ я къ батюшкѣ Егору и хотѣлъ по душѣ съ нимъ поговорить. Пріѣхалъ нарочно въ будній день, чтобы у батюшки было бы больше свободнаго времени и чтобы не тревожить его въ воскресный день. Нужно было изъ Бѣлева шестьдесять верстъ проѣхать на таратайкѣ, и, выѣхавъ въ 6 часовъ утра, я только къ вечеру доѣхалъ. Прихожу къ нему въ домикъ, а мнѣ говорятъ — батюшка въ церкви. Иду въ церковь, а она биткомъ набита народомъ, всѣ то съ бутылками, то съ кувшинами, то съ какими то банками, стоятъ. Спрашивую, почему это, и мнѣ говорятъ, что батюшка освящаетъ воду, послѣ чего она становится цѣлебною, и больные выздоравливаютъ.

И точно, это была правда: иначе бы не ѣздили къ нему за водою. .

Пробираюсь я ближе къ батюшкѣ, черезъ толпу, и вотъ слышу:

«Батюшка, у меня на прошлой еще недѣлѣ корову украли; гдѣ мнѣ ее искать?»—спрашиваетъ о. Егора мужикъ. А о. Егоръ отвѣчаетъ: «вотъ подожди, спрошу Бога; приди завтра, завтра скажу»... Приходитъ этотъ человѣкъ на другой день, и батюшка говоритъ ему: «твою корову увелъ такой то въ сосѣднее село!» — и называетъ батюшка и вора, и то село: «пойди къ урядннку и забери корову; она невредима»... Слышу и такой вопросъ: «батюшка, за меня сватаются двое, да не знаю, за кого выходить; за кого скажешь, за того и пойду»...

Батюшка тутъ же отвѣчаетъ: «сохрани Боже выходить за Степана, онъ душегубъ; а выходи за Петра; онъ, хотя и бѣдный, но съ нимъ спокойно проживешь» — и счастливая дѣвка почти бѣгомъ выбѣжала изъ храма»...

Видите-ли, что дѣлаетъ благодать Божія, какая сила у молитвы!.. Такъ вотъ о такихъ то священникахъ газеты не пишутъ, а знаютъ о нихъ только тѣ, кто самъ ищетъ ихъ»...

«А о священникѣ Алексѣѣ Гнѣвушевѣ, села Бартсурманъ, Симбирской губерніи, Курмышскаго уѣзда, ничего не слыхали?» — спросилъ я.

«Нѣтъ, тоже не слышалъ» — отвѣтилъ солдатъ.

«О. Егоръ и понынѣ здравствуетъ, а о. Алексѣй Гнѣвушевъ скончался 85 лѣтъ еще въ 1848 году. А былъ онъ современникомъ Преп. Серафима, который говорилъ про него: »Вотъ труженикъ, который, не имѣя обѣтовъ монашескихъ, стоитъ выше многихъ подвижниковъ. Онъ какъ звѣзда горитъ на христіанскомъ небосклонѣ»... Такъ вотъ этотъ о. Алексѣй

былъ истинно святымъ... Однажды даже онъ воскресилъ мертваго» — сказалъ я.

«Да не будто?» — изумился солдатъ.

«Теперь этому могутъ и не повѣрить; такъ далеко ушли люди отъ Бога; а, между тѣмъ, Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что, если люди будутъ имѣть вѣру хотя бы въ горчишное зерно, то станутъ творить даже болѣе того, что творилъ Самъ Спаситель... Святые это и доказали своею жизнью и подвигами; они и по водамъ ходили, и мертвыхъ воскрешали, и изъ огня невредимыми выходили, и стихіи земныя укрощали, и никто то тогда не удивлялся этому, потому что всѣ знали, что Господь былъ и остался тѣмъ же, а перемѣняются только люди... А для вѣрующаго все возможно, по слову Спасителя...»

«А кого же воскресилъ батюшка?» — спросилъ солдатъ.

И въ отвѣтъ на его вопросъ, я разсказалъ ему объ этомъ необычайномъ фактѣ, переданномъ мнѣ іеромонахомъ Памвою въ Оптиной пустынѣ и сохранившемся въ мельчайшихъ подробностяхъ въ моей памяти.

ГЛАВА XCI.

Воскрешеніе мальчика.

«Умеръ въ приходѣ священника Гнѣвушева мальчикъ лѣтъ двѣнадцати...

Онъ точно родился ангеломъ; такъ его всѣ и считали за ангела... Куда бы онъ ни приходилъ, онъ вездѣ приносилъ съ собою небо... Прибѣжитъ онъ въ какую либо избу, а тамъ мужики дерутся, или бабы таскаютъ одна другую за волосы... Постоитъ онъ молча на порогѣ, и слова никому не скажетъ... Только изъ лучистыхъ глазъ его точно свѣтъ небесный такъ и искрится во всѣ стороны. И какъ увидятъ его, такъ мигомъ всѣ стихаютъ... А какъ стихнетъ все, онъ и улыбнется... Да какъ?.. Такъ, будто вспыхнетъ весь и озаритъ своимъ сіяніемъ и сдѣлается самъ такимъ яснымъ, да свѣтлымъ, что тьма грѣховная, людская предъ нимъ и растаетъ, точно ея и не было, и начнутъ люди обниматься, и плакать, и просить прощенія, передъ тѣмъ чуть не убивъ другъ друга... А мальчикъ вспорхнетъ и побѣжитъ къ другому куда нибудь... И замѣтили люди, что онъ не спроста бѣгалъ и не наугадъ выбиралъ тѣхъ, до кого бѣгалъ, а всегда являлся туда, гдѣ шли споры, да драки; замѣтили они и то, что стоило мальчику показаться, чтобы водворялся миръ... Вотъ и прозвали они его ангеломъ...

Онъ и точно былъ похожъ на ангела: золотые кудри свисали ему на плечи; а глаза были большіе, синіе; какъ улыбнется, такъ весь и засіяетъ; только не было крыльевъ, а то совсѣмъ былъ бы ангелъ, тоненькій такой и стройный... Къ тому же онъ и никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а только молчалъ, да смотрѣлъ пристально, точно насквозь все видѣлъ...

И порхалъ онъ изъ одной избы въ другую; только отъ винной лавки убѣгалъ и даже близко къ ней не приближался... И никто не слышалъ отъ него ни одного слова, развѣ родителямъ своимъ что нибудь скажетъ... А родители его были простые крестьяне, ничего не понимали, что онъ говорилъ, а только молились на него, какъ на святого... Да и мудрено было его понять, когда онъ говорилъ о небѣ, а не о землѣ, разсказывалъ что ему говорили ангелы...

Вотъ случилось въ селѣ какое то торжество... Перепились мужики, и пошелъ разгулъ по всему селу, и продолжался онъ чуть ли не цѣлую недѣлю, и кончился онъ, какъ всегда, побоищемъ; летѣли чубы и космы во всѣ стороны.

А мальчикъ взялъ, да и умеръ... Тутъ только протрезвились мужики, и поднялся такой вопль, что хмѣля какъ не бывало... Рвали они себѣ волосы на головѣ, винили себя за смерть мальчика; бабы выли и причитывали, и все село, окруживъ избу родителей мальчика, днемъ и ночью не расходилось, а все каялось предъ Богомъ, забывъ и о работѣ, и о своемъ хозяйствѣ... А мальчикъ, точно живой, лежалъ въ гробикѣ, и сквозь закрытые глазки его свѣтилась улыбка... Какъ посмотрятъ на него, такъ то одного, то другого безъ чувствъ и вынесутъ изъ избы... И цѣлую недѣлю не хоронили его, пока не показались уже признаки разложенія, и на ручкахъ появились зеленыя пятна... Тогда понесли гробикъ въ церковь... Началось отпѣваніе... Отъ слезъ и рыданій не могли ни священникъ служить, ни пѣвчіе пѣть... Только къ пяти часамъ можно было начать подходить къ послѣднему цѣлованію... Что творилось въ Церкви, передать невозможно... Всѣ стояли съ зажженными свѣчами, точно на Пасхальной заутренѣ... А какъ взглянетъ кто нибудь на мальчика, да какъ увидитъ его улыбку, такъ и взвизгнетъ и пластомъ упадетъ на полъ, безъ чувствъ... Каждый вѣдь обвинялъ себя въ его смерти; а на тѣхъ, кто пьянствовалъ, да дрался, такъ даже жалко было смотрѣть...

Вдругъ изъ алтаря раздался крикъ священника... Стоя предъ престоломъ, съ высоко поднятыми къ небу руками, онъ, съ величайшимъ дерзновеніемъ, взывалъ къ Богу, громко на весь храмъ:

«Боже мой, Боже мой! Ты видишь, что нѣтъ у меня силъ дать отроку сему послѣдняго цѣлованія... Не попусти же

меня старца, раба Твоего іерея, уйти изъ храма сего посрамленнымъ, да не посмѣется надо мною, служителемъ Твоимъ, врагъ рода человѣческаго, что я, по немощи своей, прервалъ требу сію:. . . Но не по силамъ она мнѣ. . . Внемли стенаніямъ и плачу раскаявшихся, внемли страданіямъ родительскаго сердца, внемли моему старческому воплю. . . Не отнимай отъ насъ отрока сего, Тобою намъ даннаго во исправленіе, для вразумленія, для прославленія Имени Твоего Святого. . . Не Ты ли, Господи, сказалъ, что дашь намъ все, о чемъ мы съ вѣрою будемъ просить Тебя! Не Ты ли, Милосердный, сказалъ намъ: «просите, и дастся вамъ». . . О, Боже Праведный, въ храмѣ семъ нѣтъ никого, кто бы смогъ подойти къ отроку сему съ цѣлованіемъ послѣднимъ. . . Нѣтъ этихъ силъ и у меня, старца... Боже нашъ, помилуй насъ, услыши насъ, Господь мой и Богъ мой. . .

И вдругъ въ алтарѣ все стихло. . .

Нѣсколько мгновеній спустя, слышно было, какъ священникъ упалъ на колѣни, предъ престоломъ, съ громкимъ воплемъ:

«Такъ, Господи, такъ, но воскреси же отрока сего, ибо Ты все можешь, Ты нашъ Господь и Вседержитель. . . по смиренію своему, а не по гордости дерзаю». . . И какъ въ страшную грозу, за ослѣпительною молніею, раздается оглушительный ударъ грома ,такъ въ отвѣтъ на вопль поверженнаго предъ престоломъ Божіимъ старца, раздался пронзительный крикъ изъ церкви. . .

Оглянувшись, священникъ увидѣлъ, что мальчикъ сидѣлъ въ гробу, оглядываясь по сторонамъ. . .»

Я не кончилъ. . . Рыданія бѣднаго солдата прервали мой разсказъ. . .

«Спасите мою бѣдную, окаянную душу, научите дѣтей моихъ, чтобы не погибли ихъ души» — говорилъ онъ, громко всхлипывая. . . И вдругъ, порывисто схвативъ меня за руку, поцѣловалъ ее, заливъ ее горячими слезами. . .

«Вотъ онъ, нашъ подлинный русскій народъ» — думалъ я, глядя на него. . . «И какую клевету взвели на него, несчастнаго! Какъ жестоко обманули и посмѣялись надъ нимъ».

Когда солдатъ нѣсколько успокоился, я сказалъ ему:

«Такъ вотъ, братъ, какіе на Руси бываютъ сельскіе священники». . .

Солдатъ продолжалъ всхлипывать и вытирать слезы своими мозолистыми, закорузлыми руками. . .

И какъ дороги были мнѣ въ тотъ моментъ эти руки; какъ легко было использовать ихъ и для геройскаго подвига, и для преступленія. . .

«А съ мальчикомъ что, живъ ли онъ, бѣдненькій? Послала ли ему Матерь Божія здоровьица?» — спросилъ меня солдатъ. «А старичекъ то Божій, пошли же ему Господь Царствіе Небесное, еще долго прожилъ въ селѣ?»...

«А я вотъ, все договорю по порядку» — отвѣтилъ я.

«Какъ увидѣлъ священникъ, что мальчикъ сидитъ въ гробу, такъ онъ опять упалъ на колѣни предъ престоломъ и, тихо плача, сталъ благодарить Бога за чудо, а потомъ, опираясь на руку діакона, молча подошелъ къ гробу; а возлѣ гроба то что творилось, нельзя и передать даже, цѣлое столпотвореніе... Женщины наперерывъ тянулись, съ плачемъ, къ мальчику, чтобы завязать ему глаза, а онъ даже не отбивался отъ нихъ и молча глядѣлъ на нихъ своими глазками, точно пеленою подернутыми... И только къ одной изъ нихъ наклонился и сказалъ ей на ухо: «не надо»... А она такъ на всю церковь и закричала: «голубочекъ мой, ангелочекъ нашъ, не надо, такъ и не надо»... Насилу протиснулся священникъ къ гробу, взялъ мальчика на руки, отнесъ въ алтарь и, опустившись на колѣни, посадилъ его на стулъ, да такъ, стоя на колѣняхъ, и причастилъ его Св. Тайнъ, ибо отъ потрясенія не могъ уже стоять на ногахъ; а затѣмъ передалъ воскресшаго отрока родителямъ, которые и увезли его домой...

А священникъ не только не ушелъ изъ храма, но потребовалъ на средину церкви стулъ, сидя отслужилъ молебенъ Спасителю и прочиталъ акаѳистъ Божіей Матери... Отъ крайняго потрясенія и волненій, священникъ уже не могъ ни стоять, ни выйти изъ храма... Такъ на этомъ же стулѣ его и принесли домой и уложили въ постель, гдѣ онъ съ недѣлю пролежалъ... Послѣ этого чуда, батюшка прожилъ еще три года, и теперь надъ его могилою творится столько чудесъ, что прихожане возбуждаютъ ходатайство о его прославленіи и причтеніи къ лику святыхъ. А мальчикъ, послѣ своего чудеснаго воскресенія, прожилъ еще шесть лѣтъ и умеръ на девятнадцатомъ году...»

«Это не сказку я разсказывалъ вамъ, а то, что было. Еще и сейчасъ живы люди, которые помнятъ и батюшку Гнѣвушева, и мальчика»...

«А кто знаетъ объ этомъ чудѣ?.. Только тѣ, кто его видѣлъ, да десятка два другихъ, кому о немъ разсказали... Въ газетахъ объ этомъ не писали, да и никогда не напишутъ»...

«Небось, коли бы жидъ воскресъ, такъ написали бы» — сказалъ солдатъ съ досадою; «всему бы свѣту стало извѣстно; такъ загалдѣли бы, что и въ ушахъ бы зазвенѣло»...

«То то и есть» — отвѣтилъ я. «А развѣ это единственное чудо въ Православной Церкви? мало ли было чудесъ по молитвамъ Оптинскихъ старцевъ Амвросія, Анатолія, Іосифа, или

Варнавы Геѳсиманскаго, Исидора Виѳанскаго, или, хотя бы, нашего дорогого батюшки отца Іоанна Кронштадтскаго?.. О нихъ не только не писали, а нарочно замалчивали; а, если и писали, то не для того, чтобы прославить вѣру христіанскую, а чтобы надругаться надъ нею. Откуда же повыходили эти святые люди?.. Всѣ они вышли изъ вашихъ же селъ и деревень... Кто же поносилъ этихъ людей?»

«Да ужъ извѣстное дѣло кто» отвѣтилъ солдатъ: «не даромъ то они, чтобъ ихъ на томъ свѣтѣ черти на куски разодрали, разсказывали солдатамъ, что нашу вѣру христіанскую господа выдумали, чтобы, значитъ, себя прославлять, да насъ въ темнотѣ держать, что у насъ что ни святой, то князь... И Александръ Невскій — князь, и Владиміръ Святой — князь, и благовѣрная Ольга — княгиня, и Анна Кашинская — княгиня, и Борисъ и Глѣбъ — князья... А, вѣстимо, солдаты, развѣсивъ уши, слушали, ну и, конечно, грозили господамъ.»

«Въ томъ и бѣда, что люди вы темные, а жиды умнѣе васъ... Святыхъ князей да княгинь по пальцамъ можно перечесть; а вотъ святыхъ, что вышли изъ народа, и ученые не пересчитаютъ. Начиная со св. Апостоловъ и кончая преподобнымъ Серафимомъ, всѣ были простого званія, большею частью даже неграмотные... А почему же жиды натравливаютъ васъ на князей, да на образованныхъ, на господъ?..»

«Вѣстимо, по зависти... Онъ, хочь и милліонщикъ, а жидъ; а тутъ, значитъ, баринъ настоящій, хотя и безъ состоянія»...

«Нѣтъ, не потому; а потому, что образованнаго человѣка имъ одурачить труднѣе, чѣмъ темнаго... Потому, что они насъ боятся и знаютъ, что мы одни учили васъ уму-разуму и открывали вамъ глаза и защищали васъ, чтобы вы не попались имъ въ руки. Вы сами виноваты, что насъ не слушали... Мы берегли Царя, Вѣру Христіанскую, васъ самихъ берегли; а они все разрушали... Вотъ мы и стояли имъ поперекъ дороги и мѣшали имъ. Значитъ, имъ и нужно было избавиться отъ насъ... Они и работали годами, десятилѣтіями, и вооружали васъ же, коихъ мы защищали и на пользу которыхъ работали, противъ насъ; а вы имъ вѣрили... А теперь уже дошло до того, что стоитъ только крикнуть на улицѣ: «князь», чтобы толпа разорвала его на куски... И чего только не валили на насъ: мы и такіе, и сякіе, и христопродавцы, и враги народа, и, чѣмъ больше на насъ клеветали, тѣмъ больше вы вѣрили... Вотъ, когда меня, какъ арестанта, вели подъ конвоемъ въ Думу, то толпа гоготала: «магометанина повели, а еще нашей Православной Церковью управлялъ, нехристъ»... Хорошо, еще, что никто не крикнулъ «князь»; а то бы разорвали на куски... Имъ, жидамъ, значитъ, нужно было завѣрить народъ, что Царь приставляетъ къ церковнымъ дѣламъ не только не православ-

ныхъ, но даже нехристіанъ, а дураки этому и вѣрили; и сейчасъ всему дурному повѣрятъ, а правду такъ и слушать не хотятъ... Вотъ насъ и заперли сюда, какъ самыхъ страшныхъ вашихъ враговъ... А вотъ вы возьмите, да и присмотритесь хорошенько, гдѣ ваши враги, а гдѣ друзья... Можетъ быть тогда вмѣсто насъ посадите тѣхъ, кто насъ сюда заперъ, да теперь и командуетъ вами... Вѣрьте мнѣ, что здѣсь всѣ самые настоящіе друзья ваши, хорошіе, разумные, богобоязненные люди, которыхъ жиды заперли сюда только потому, что ихъ боятся, а главное — боятся, чтобы они не открыли вамъ глаза и не сказали бы вамъ того, что вотъ я сейчасъ вамъ говорю... Посмотрите, хотя бы, вотъ на этого жандармскаго генерала; какая у него свѣтлая, святая душа: онъ на груди, подъ своимъ мундиромъ, икону Святителя Николая носитъ и съ нею никогда не разстается; шагу, безъ молитвы къ Угоднику, не ступитъ... Или вотъ градоначальникъ, генералъ Балкъ; подойдите къ нему, да поговорите съ нимъ, откройте ему свою душу, и вы увидите, что онъ вамъ тоже самое скажетъ, что вы и отъ меня слышите. Подойдите къ любому, какихъ вы здѣсь видите, да совѣстью своею испытайте ихъ и провѣрьте ихъ; тогда скажете, гдѣ ваши друзья, а гдѣ — враги...

«Нѣтъ, не попуститъ Господь, чтобы вы здѣсь остались; не должонъ попустить» — убѣжденно сказалъ солдатъ.

«Да что толку теперь, если и выпустятъ» — сказалъ я: »куда я пойду, коли и идти некуда; кому я буду служить, когда нѣтъ ни Царя, ни народа? Развѣ мы можемъ служить вотъ этимъ жидамъ, развѣ совѣсть позволитъ намъ измѣнить Царской присягѣ?.. Вы только подумайте, какимъ нужно быть злодѣемъ, чтобы поднять руку на Царя! Подумайте только, что вы надѣлали, отдавшись имъ въ руки... Работали то эти преступники своею головою, но вашими руками, и безъ васъ они ничего бы не добились... Понимаете-ли вы, что я говорю?»..

«Какъ не понимать, все чувствуемъ» — отвѣтилъ солдатъ: «да развѣ только я это понимаю? Всѣ понимаютъ»...

«Какъ всѣ?» — удивился я: «развѣ бы мнѣ повѣрили, если бы я вотъ вышелъ на улицу, да сказалъ бы солдатамъ то, что вамъ говорю? Развѣ бы меня не разорвали на клочья?»...

«Да то они больше отъ страха; а въ одиночку всѣ бы повѣрили, потому что правду и дуракъ видитъ; статочное ли дѣло, куда ни глянь — вездѣ жидъ... Развѣ не видно, что-жъ ужъ развѣ мы и въ самомъ дѣлѣ непонимающіе?! Да имъ отъ насъ не уйти! Еще вспомнятъ насъ» — говорилъ солдатъ съ досадою.

«Ну, вотъ я все разсказалъ вамъ... Что же вы будете теперь дѣлать?» — спросилъ я.

«Какъ что?» — удивился солдатъ; «пусть мнѣ ночью повстрѣчается жидъ, хоть бы самъ Керенскій, я такъ набью ему

морду, да столько реберъ переломаю, что и лѣчить уже не нужно будетъ, и докторамъ провожать его на тотъ свѣтъ не придется, самъ пойдетъ къ чертямъ»...

«Потому я и спросилъ васъ, что зналъ, что вы такъ скажете» — отвѣтилъ я: «а я скажу вамъ, что это никакъ невозможно, потому что грѣхъ всегда будетъ грѣхомъ»...

«А какъ же намъ избавиться отъ этакой чумы? Передавитъ она насъ, холера»...

«Хорошо. Ну, а чѣмъ жиды брали?.. Больше деньгами заманивали?.. Вотъ вы и не берите отъ нихъ денегъ, въ жидовскихъ лавкахъ ничего не покупайте, даромъ, что тамъ дешевле; компаніи не водите съ ними, обходитесь безъ нихъ, не слушайте того, что они говорятъ вамъ и чему васъ учатъ, не вѣрьте имъ ни одному слову, держитесь за начальство, Царемъ поставленное, а главное — за вашего священника, отъ котораго, кромѣ добра, вы ничего не увидите, если будете уважать его... Вотъ тогда жидъ и увидитъ, что ему нечего будетъ дѣлать у васъ; онъ себѣ и уйдетъ, откуда пришелъ, и вреда вамъ отъ него никакого не будетъ... А что толку, если набьешь ему морду, или переломаешь ребра?! Пользы не будетъ, а грѣхъ будетъ»...

«Звиняйте, Ваше Сіятельство; такъ намъ и офицеры на войнѣ говорили, чтобы не смѣли, значитъ, жида трогать, а онъ вонъ какъ голову поднялъ... А по нашему, по простонародному, ихъ бы нужно было передавить всѣхъ, до единаго, да бросить въ канаву, а въ христіанскомъ государствѣ такой нечисти больше не заводить... Ужъ больно господа то нянчились съ жидами, ужъ будто они и въ самомъ дѣлѣ люди»...

«Такъ то оно такъ, да теперь уже поздно даже говорить объ этомъ» — отвѣтилъ я: «коли они успѣли одурачить русскій народъ, отнять отъ васъ Царя и Царскихъ слугъ, вашихъ вѣрныхъ друзей и защитниковъ... Теперь уже некому защищать васъ, теперь вы сами должны защищаться... Вотъ я и хочу, напослѣдокъ, сказать, какъ это нужно дѣлать... Всѣ вы запуганы теперь и думаете не такъ, какъ нужно думать, и дѣлаете не то, что совѣсть велитъ дѣлать... Вотъ, взять хоть бы васъ!.. Вы зачѣмъ сюда приставлены?.. Чтобы присматривать за нами и выдать насъ Керенскому, въ случаѣ бы кто либо изъ насъ его выругалъ, или бы не такъ о новой власти отозвался, какъ бы имъ хотѣлось... Такъ?»

«Такъ точно. Да не дождется онъ, сукинъ сынъ, чтобы я васъ ему выдалъ». — «Вотъ, значитъ, и выходитъ, что вашу то душу, христіанскую, православную, я знаю лучше, чѣмъ Керенскій, если вступилъ съ вами въ этотъ разговоръ». — «Да куда же ему, жидюгѣ, знать Рассейскую душу» — съ крайнимъ отвращеніемъ, сплюнувъ, сказалъ солдатъ...

Я едва не разсмѣялся не столько даже отъ словъ, сколько отъ того чрезвычайнаго отвращенія, съ какимъ онѣ были сказаны.

«Именно» — отвѣтилъ я: «но вотъ такую же душу православную имѣете не только вы одинъ, но и всѣ эти дурни, съ ружьями въ рукахъ, которые гоняются теперь за нами, господами, потому, что жиды научили ихъ это дѣлать. Съумѣйте добраться до нутра этой загубленной души, какъ я добрался до вашей, научите ихъ тому, чему нужно научить, а главное — научите держаться другъ за друга, чтобы, значитъ, куда одинъ идетъ, то чтобы за нимъ и другіе шли. То, чего не сдѣлаешь въ одиночку, то осилишь вмѣстѣ, и тогда не страшно будетъ... Пусть себѣ жидъ говоритъ, что хочетъ, а когда начнетъ кидаться на Церковь, то вы разомъ и прикрикнете: «не смѣй, ибо Церковь — домъ Божій». Когда онъ начнетъ поносить Царя, то вы всѣ разомъ крикнете: «не смѣй, ибо Царь — Помазанникъ Божій». Когда начнетъ глумиться надъ священниками, то вы крикнете: «не смѣй, ибо священникъ — служитель алтаря Божія». Когда начнетъ натравливать васъ на властей, то вы скажите, что власти отъ Бога поставлены, а когда жидъ будетъ вооружать васъ противъ помѣщиковъ, то вы скажите ему, :«не твой это помѣщикъ, а нашъ; онъ намъ и заработокъ даетъ, и учитъ насъ, и Церкви и школы содержитъ, и въ нуждѣ помогаетъ»... Вотъ и завертится жидъ и ни съ какого конца къ вамъ не зайдетъ, плюнетъ себѣ и пойдетъ въ другое мѣсто искать дураковъ, которые его будутъ слушать, развѣсивъ уши... Вотъ какъ нужно бороться съ жидами... Тоже самое нужно вамъ дѣлать и сейчасъ ... Слушайте, что будутъ говоритъ вамъ жиды, но ни одному ихъ слову не вѣрьте и ни одному приказу ихъ не подчиняйтесь. Когда васъ наберется много, когда откроете всѣмъ глаза, тогда идите — вызволяйте Царя. Пока же Царя не будетъ, никто ничѣмъ вамъ не сможетъ помочь; а какъ освободите Царя, тогда мы всѣ вернемся на свои прежнія мѣста и попрежнему будемъ служить вамъ»...

«А дозволите-ли вы явиться къ вамъ на фатеру, значитъ, когда васъ отсюда выпустятъ?» — спросилъ солдатъ.

«Когда же это будетъ!» — отвѣтилъ я, безнадежно махнувъ рукою.

«Будетъ безпремѣнно» — сказалъ солдатъ.

«Когда выпустятъ, тогда въ тотъ же день и приходите, ибо здѣсь мнѣ дѣлать нечего, и я вѣрно уѣду изъ Петербурга.»

«Безпремѣнно приду» — отвѣтилъ солдатъ и, записавъ мой адресъ, протянулъ мнѣ свою мозолистую руку и вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА XCII.

Освобожденіе.

Бросая вокругъ себѣ молніеносные взоры, Керенскій торжественно вступилъ въ нашу комнату... За нимъ плелась его свита, штатскіе и военные, окруженные со всѣхъ сторонъ вооруженными солдатами. Оглянувшись по сторонамъ, Керенскій сталъ въ театральную позу и, гордо поднявъ голову вверхъ, громко крикнулъ:

«Жеваховъ, Вы свободны»...

Вручивъ мнѣ пропускъ, онъ такъ же величаво вышелъ изъ комнаты. Меня обступили со всѣхъ сторонъ и начали поздравлять... Подошелъ и бородатый солдатъ, и, уже не стѣсняясь присутствовавшихъ, истово перекрестился и громко сказалъ: «Слава Богу»... Вмѣстѣ со мною получили пропуски министръ Финансовъ Баркъ, министръ Торговли и Промышленности князь Шаховской и сенаторъ Утинъ. Когда мы собрались покидать нашу комнату, къ намъ подбѣжалъ еврей Барошъ, о которомъ я уже упоминалъ, отмѣчая его, достойное всякаго уваженія, отношеніе къ заключеннымъ, и обратился къ намъ съ просьбою дать ему на память наши автографы, что нѣкоторые изъ насъ и сдѣлали... Откуда то появилась и та сестра милосердія, о которой я уже вспоминалъ, и тоже выразила радость по случаю нашего освобожденія, обѣщая мнѣ хлопотать за оставшихся и даже писать мнѣ письма, что она и сдѣлала... Въ сопровожденіи Бароша, мы, вчетверомъ, и вышли изъ зданія Думы, съ трудомъ протискиваясь чрезъ толпы солдатъ, заполнившія всѣ залы и проходы Таврическаго Дворца, и очутились на Шпалерной улицѣ, гдѣ и разстались другъ съ другомъ... Взявъ извощика, я благополучно прибылъ къ себѣ въ квартиру на Литейный проспектъ, № 32. Это было утромъ, 5-го Марта 1917 года.

Какъ преступникъ, скрывающійся отъ погони, ѣхалъ я закоулками, прячась отъ взоровъ знакомыхъ... Поруганный и обезславленный, сгорая отъ стыда, я думалъ о томъ, какъ покажусь на глаза своимъ бывшимъ подчиненнымъ, своей прислугѣ... Подъѣхавъ къ квартирѣ, я быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ и нервно нажалъ электрическую кнопку... На звонокъ выбѣжали мои преданные слуги и со слезами бросились мнѣ на шею, благодаря Бога за мое избавленіе. Перебивая другъ друга, они начали разсказывать обо всемъ, что происходило въ мое четырехдневное отсутствіе.

«Какъ только Васъ увели» — начали они — «сейчасъ же ворвались пьяные солдаты и стали громить квартиру, а курьеръ Федоръ водилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ и показывалъ, гдѣ

Ваши собственныя вещи, а гдѣ казенныя. Онъ и серебро Ваше подсунулъ имъ, хотя мы и запрятали его такъ, что и найти его было трудно. Казенныхъ вещей они не тронули, а ваши собственныя забрали... Насилу отвоевали иконы, а то бы и иконы взяли. Рылись они и въ столахъ, по ящикамъ, но ничего тамъ не нашли; только столы штыками попортили... А деньги и бумаги мы раньше взяли и носили въ карманахъ... Какъ только они ушли, мы стали паковать вещи, чтобы отправить ихъ Вашей сестрѣ... Вотъ и чемоданы почти готовы»...

И они повели меня въ кабинетъ, гдѣ, среди комнаты, стояли корзины и чемоданы и лежали повсюду разбросанныя вещи. Я прошелъ въ другія комнаты. Вездѣ были слѣды разрушенія... Дорогая казенная, позолоченная мебель была частью уничтожена, и опрокинутыя кресла, съ изломанными ножками, лежали на полу; шелковыя драпировки на окнахъ были изорваны; книги и дорогіе альбомы разбросаны въ безпорядкѣ; окурки папиросъ валялись на дорогихъ коврахъ... Я не зналъ, что дѣлать, къ чему приступать, за что приниматься... А директоръ Хозяйственнаго Управленія А. Осѣцкій, котораго я собирался предать суду, будучи крайне озлобленъ противъ меня и торжествуя, благодаря революціи, побѣду надо мною, всячески мстилъ мнѣ, предъявляя чрезъ курьеровъ требованія немедленно очистить квартиру для новаго Оберъ-Прокурора В. Львова... Однако исполнить этого требованія не представлялось возможнымъ, ибо одна библіотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ и занимавшая цѣлую комнату, не могла быть вывезена, столько же потому, что я и не зналъ, куда увозить ее, сколько и потому, что такая перевозка стоила бы огромныхъ денегъ, какихъ у меня не было... У меня опускались руки, и я не зналъ, что дѣлать...

Въ поискахъ выхода изъ положенія, я протелефонировалъ члену Думы, В. П. Шеину, съ которымъ меня связывала давнишняя дружба, прося его немедленно пріѣхать. Онъ жилъ тогда по сосѣдству, на Бассейной. Чрезъ полъ-часа В. П. Шеинъ прибылъ и, увидя картину полнаго разгрома моей квартиры, опустился въ изнеможеніи въ одно изъ уцѣлѣвшихъ креселъ и заплакалъ.

«Василій Павловичъ» — сказалъ я; «здѣсь отчасти и Ваша вина. Вы ли не знали меня, Вамъ ли не были извѣстны даже тайники моей души?! Не мы ли вмѣстѣ мечтали съ Вами о монастырѣ, о бѣгствѣ изъ міра, не мы ли одинаково тяготились вотъ этой самой мишурой, какая еще вчера такъ ярко блестѣла, а сегодня превратилась въ мусоръ?! Кто же лучше Васъ зналъ о томъ, какъ мало она привлекала меня, какъ преступна была пущенная противъ меня клевета, какою сатанинскою ложью было окутано мое имя?! Не однѣ ли и тѣ же причины держали

насъ въ міру и не пускали за ограду монастырскую, подлѣ которой мы съ дѣтства блуждали съ мыслью укрыться за ея стѣнами?!»

«Да» — глубоко вздохнувъ, сказалъ В. П. Шеинъ — «я все, все зналъ»...

«Но отчего же Вы не заступились за меня?!» А я, вѣдь, такъ крѣпко надѣялся на Васъ; я былъ такъ увѣренъ, что Вы удержите безумца отъ его преступленій, не позволите ему забросать меня клеветою... Я ли стремился вотъ въ эту квартиру, когда изъ своей собственной два раза бѣжалъ, когда два раза просилъ объ отставкѣ, разоряя собственное гнѣздо? Вспомните, о чемъ я писалъ Вамъ изъ Боровскаго монастыря!»

«Я обо всемъ говорилъ Львову; да развѣ его можно было уговорить; развѣ Вы думаете, что онъ имѣлъ въ виду Вашу личность... Тамъ была система, а не онъ, шалый человѣкъ» — отвѣтилъ В. П. Шеинъ...

«Нѣтъ, Василій Павловичъ, Вы не герой»...

«Да, князь, я не герой» — тихо сказалъ В. П. Шеинъ.

«Помогите же мнѣ теперь» — взмолился я: «я не знаю что дѣлать, куда я заберу свою библіотеку.. Можетъ быть, ее можно будетъ оставить въ квартирѣ?»

«Нѣтъ, нѣтъ», — горячо возразилъ В. П. Шеинъ: «Львовъ такъ озлобленъ противъ Васъ, что ни за что не согласится»...

«Да за что же онъ такъ озлобился? Что я ему сдѣлалъ? Я вѣдь почти незнакомъ съ нимъ, только разъ и видѣлъ у Васъ?» — удивился я...

«Ахъ, княже, княже, Вы все свое... Поймите же, что Ваша личность не причемъ. Вы его политическій, а не личный врагъ. Вы были членомъ Правительства, а онъ членомъ оппозиціи къ Правительству; вотъ и весь сказъ... Хотите, я спрошу сенатора Утина? У него большая квартира; можетъ быть, онъ возьметъ библіотеку»...

«Хорошо, спросите» — отвѣтилъ я.

Однако сенаторъ Утинъ до того перепугался взять на сохраненіе библіотеку того, кто только сегодня, одновременно съ нимъ, былъ выпущенъ изъ Думы, что категорически отказалъ просьбѣ В. П. Шеина.

Такой же страхъ проявили и мои родные, бароны Бистромъ, которые и слышать не захотѣли о моей библіотекѣ, сказавъ, что, чего добраго, и ихъ за это арестуютъ. Горе добраго В. П. Шеина было едва ли не больше моего...

Я зналъ его искреннее расположеніе ко мнѣ, его глубоко честную натуру, содержаніе его духовной сущности, и былъ однимъ изъ немногихъ, которые его понимали. И онъ зналъ это и отвѣчалъ мнѣ самой искренней преданностью; но, будучи смиреннымъ и безгранично деликатнымъ, онъ не въ состоянія былъ

часто оказывать должнаго сопротивленія тамъ, гдѣ бы слѣдовало, ибо не рожденъ былъ для борьбы. Это былъ прирожденный монахъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Связала меня съ нимъ сначала общая служба въ Государственной Канцеляріи, гдѣ онъ былъ помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственного Совѣта и одновременно профессоромъ Гражданскаго Права въ училищѣ Правовѣдѣнія, пока не перешелъ на должность Начальника Законодательнаго Отдѣла Думы, а затѣмъ былъ выбранъ членомъ Думы... Но главное, что меня связывало съ нимъ, были общность нашихъ духовныхъ стремленій и общность тѣхъ препятствій, какія стояли на пути къ нимъ... Вскорѣ послѣ революціи, В. П. Шеинъ принялъ иноческій постригъ и въ санѣ архимандрита управлялъ Троицкимъ Подворьемъ на Фонтанкѣ, въ Петроградѣ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Петроградскимъ митрополитомъ Веніаминомъ, разстрѣлянъ большевиками.

Посмотрѣли мы вопросительно другъ на друга, не зная, что дѣлать и что предпринимать, чтобы спасти библіотеку, и... простились другъ съ другомъ. В. П. Шеинъ ушелъ домой, а я обѣщалъ навѣстить его предъ своимъ отъѣздомъ изъ Петрограда...

Между тѣмъ агенты Львова и курьеры Осѣцкаго то и дѣло являлись въ квартиру, торопя меня очистить ее. Отложивъ попеченіе о библіотекѣ, я сталъ упаковывать другія вещи, главнымъ образомъ иконы... Въ пріемномъ залѣ находился очень цѣнный образъ Святителя Іоасафа, кисти знаменитаго Верещагина, писанный масляннными красками на кипарисной доскѣ, высотою около двухъ аршинъ, въ массивной золотой рамѣ, вѣсомъ свыше двухъ пудовъ...

Уступая моей просьбѣ, директоръ канцеляріи Оберъ-Прокурора В. П. Яцкевичъ согласился помѣстить его временно въ канцеляріи и прислалъ четырехъ курьеровъ, чтобы вынести изъ моей квартиры... Это была моя первая встрѣча съ курьерами послѣ возвращенія изъ Думы... Наглые и развязные до ареста, они теперь еще менѣе церемонились со мною и относились ко мнѣ, какъ къ подлинному арестанту... Одинъ изъ нихъ, старикъ, съ длинной, сѣдой бородой, увѣшанный золотыми и серебрянными медалями, внушавшій къ себѣ своимъ видомъ и осанкою невольное почтеніе и пользовавшійся особымъ вниманіемъ съ моей стороны, сказалъ въ пространство, ни къ кому, въ частности, не обращаясь: «оно точно, въ молодости, я былъ пропащій человѣкъ, пьяница; какъ свинья подъ заборами валялся я; а вотъ, съ возрастомъ пришелъ въ себя, остепенился, почетъ и уваженіе пріобрѣлъ... А тутъ что?! Пообвѣшали себя иконами да, сидя въ своихъ хоромахъ, насъ обманывали. А еще господами прозывались, да министрами

себя подѣлали, да власть всякую къ рукамъ своимъ поприбирали, и не подступись, значитъ»...

«Дѣлай, что приказано, а не хочешь — убирайся прочь отсюда!» не утерпѣлъ я.

Какъ лютый звѣрь посмотрѣлъ на меня курьеръ, злобно сверкая глазами, но тотчасъ же принялся за работу и присмирѣлъ... И вспомнилъ я отзывъ крестьянина о своемъ сосѣдѣ, добромъ, безгранично мягкомъ человѣкѣ: «и что же это за баринъ, коли никому изъ насъ ни разу въ морду не далъ»...

ГЛАВА XCIII.

Сестра.

Долженъ сознаться, что, не только послѣ своего освобожденія изъ заключенія, но и долгое время спустя, я все еще не сознавалъ того, что происходитъ въ дѣйствительности... Свое освобожденіе я истолковалъ какъ свидѣтельство своей реабилитаціи и былъ увѣренъ, что нахожусь въ полной безопасности и застрахованъ отъ какихъ либо посягательствъ на свою личность. Казалось мнѣ также, что и революція уже закончилась, ибо Дума, стремившаяся къ перевороту и свергнувшая съ престола Царя, достигла того, чего хотѣла, и держала власть въ своихъ рукахъ. Вотъ почему я испытывалъ только щемящую боль сердца отъ сознанія содѣяннаго Думою преступленія противъ Помазанника Божія, горѣлъ негодованіемъ противъ измѣнниковъ, нарушившихъ присягу, но въ отношеніи личной безопасности былъ совершенно спокоенъ и строилъ планы на будущее, собираясь ѣхать въ Царское Село, а затѣмъ къ матери, въ Кіевъ. Мысль о Государѣ не покидала меня ни на одно мгновеніе. «Что долженъ думать Государь, глядя на окружающую Его измѣну даже со стороны тѣхъ, кто пользовался Его милостями... Что долженъ думать о тѣхъ, кто изъ трусости и малодушія, опасаясь за свою собственную участь, отрекается теперь отъ Царя, какъ Апостолъ Петръ отъ Христа, кто спасается бѣгствомъ изъ столицы, даже не оглянувшись въ сторону Царскаго Села, гдѣ томится, лишенный свободы, подъ надзоромъ солдатъ, Государь Императоръ!»..

«Нѣтъ» — говорилъ я себѣ — «я не буду въ этомъ числѣ: я докажу Тебѣ, Государь, что былъ Твоимъ вѣрнымъ слугою и не покину Тебя въ минуту опасности»...

И, охваченный этими мыслями, я спокойно вышелъ на улицу, съ цѣлью узнать на вокзалѣ о часахъ отхода поѣзда въ Царское Село... Однако, не успѣлъ я дойти до угла Бас-

сейной, какъ услышалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя отчаянную перестрѣлку и увидѣлъ толпы бѣгущихъ изъ Эртелева переулка людей, увѣшанныхъ красными бантами... Къ моему удивленію, я замѣтилъ въ этой толпѣ и своихъ знакомыхъ, которые, при встрѣчѣ со мною, стыдливо прикрывали рукою красныя тряпочки въ петлицахъ и продолжали бѣжать дальше... Я вернулся домой... Прислуга моя, занятая упаковкою вещей, не замѣтила, какъ я вышелъ изъ квартиры, и была очень удивлена моимъ звонкомъ.

«Да развѣ можно выходить на улицу!» — всплеснула она руками: «Стрѣляютъ и днемъ и ночью, безъ умолку; патроновъ бы на двѣ войны хватило; а еще жаловались, что нечѣмъ воевать... Вотъ уже скоро недѣля, какъ мы точно въ тюрьмѣ: никуда не выходимъ и, если бы не подъ бокомъ лавочка, то съ голоду бы перемерли. Да и въ лавочку безъ солдата нельзя пройти: того и гляди, кто нибудь прицѣпится»...

«Зачѣмъ же они стрѣляютъ?» — наивно спросилъ я: «вѣдь все уже получили, что хотѣли; чего же имъ еще нужно?»...

Въ этотъ моментъ раздался звонокъ, и въ дверяхъ показалась моя сестра. Стараясь казаться спокойной, сестра сказала: «А я думала, что ты въ Петропавловской крѣпости: газеты такъ писали... Ко мнѣ доходили такіе ужасы, что я уже не могла выдержать и сама пріѣхала, чтобы узнать о тебѣ. Думала, что даже въ живыхъ тебя не застану»...

И сестра начала разсказывать о томъ, какъ, втеченіе нѣсколькихъ часовъ, она, въ сопровожденіи носильщика, съ вещами, шла пѣшкомъ съ Николаевскаго вокзала на Литейную, ежеминутно скрываясь отъ выстрѣловъ въ подворотняхъ, а тамъ, гдѣ ихъ не было, прислоняясь къ стѣнамъ домовъ...

«Какъ просвиститъ надъ самой головой пуля, и немножко стихнетъ, я опять сдѣлаю два-три шага; а затѣмъ снова спрячусь въ какомъ нибудь проходѣ и опять пойду... Такъ и дошла благополучно до Литейной... Здѣсь уже немножко тише стало»...

«Какъ тише!» — съ ужасомъ вскрикнулъ я: «я самъ только что вернулся и, если бы не спрятался въ лавочку, то навѣрное убили бы»...

«А что творится на Знаменской площади, такъ и передать невозможно» — продолжала сестра: «Вся площадь залита кровью, и трупы валяются на мостовой; много раненыхъ, которые лежатъ въ снѣгу и стонутъ»...

«Но какъ же ты рѣшилась на такой страшный подвигъ? Теперь всѣ бѣгутъ изъ Петрограда, а ты ѣдешь сюда, въ этотъ адъ?! Революція, какъ оказывается, не только не кончилась, а только еще больше разгорается, и неизвѣстно, чѣмъ все это кончится... Уѣзжай, ради Бога, скорѣй; а я, если успѣю, то

пріѣду къ тебѣ или сегодня вечеромъ, или завтра, если нельзя будетъ пробраться въ Царское Село, а, если будетъ можно, то нѣсколькими днями позже... Но какъ же ты дойдешь до вокзала?» — спросилъ я съ безпокойствомъ...

Самъ Господь пришелъ къ намъ на помощь... Въ этотъ моментъ явился провѣдать меня мой бывшій лакей Иванъ, взятый въ солдаты: подъ его охраною, сестра тотчасъ же ушла обратно на вокзалъ...

Проводивъ сестру, я пригласилъ къ себѣ В. И. Яцкевича, имѣя въ виду посовѣтоваться съ нимъ о томъ, какъ пробраться въ Царское Село...

Изъ бесѣды съ нимъ я узналъ, что какъ онъ, такъ и Осѣцкій, тоже были арестованы и препровождены въ Думу, но скоро были выпущены... Я не столько слушалъ, сколько смотрѣлъ на Виктора Ивановича... Предо мною стоялъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, какого я раньше зналъ: до того, втеченіе этихъ четырехъ дней моего отсутствія, онъ измѣнился и похудѣлъ... Я съ трудомъ скрывалъ свое изумленіе, глядя на то, во что его превратили пережитыя имъ волненія... Узналъ я и о томъ, что арестованъ былъ, но также скоро выпущенъ изъ Думы, митрополитъ Петроградскій Питиримъ, и что ему разрѣшено было выѣхать, согласно его просьбѣ, на Кавказъ, куда Владыка и уѣхалъ... Позднѣе уже я узналъ подробности ареста митрополита и то, при какихъ обстоятельствахъ совершился его переѣздъ изъ Александро-Невской лавры въ Думу...

Когда автомобиль, съ конвойными солдатами, охранявшими Владыку, встрѣтился съ озвѣрѣвшей толпою, то послѣдняя, окруживъ автомобиль, остановила его, а одинъ изъ солдатъ, вскочивъ на подножку, раскрылъ дверцу и сталъ вытаскивать митрополита изъ автомобиля съ тѣмъ, чтобы бросить Владыку на растерзаніе толпы. Раздирая ротъ, безумецъ кричалъ во все горло, обвиняя митрополита въ разныхъ преступленіяхъ... Въ этотъ моментъ шальная пуля попала ему въ самый ротъ: заливась кровью, солдатъ замертво упалъ у ногъ митрополита... Толпа словно очнулась, мгновенно разступилась, и автомобиль прослѣдовалъ дальше...

В. И. Яцкевичъ былъ въ чрезвычайно удрученномъ состояніи духа и испытывалъ то, что въ эти дни испытывали всѣ честные вѣрноподданные, коимъ предъявлялось требованіе о присягѣ новому правительству...

Колебаніямъ не было конца... Прежняя присяга Царю связывала; а манифестъ объ отреченіи Государя отъ престола точно разрѣшалъ новую присягу...

«Никогда никому я не присягну» — отвѣтилъ я: «Отреченіе Государя недѣйствительно, ибо явилось не актомъ доброй

воли Государя, а насиліемъ. Лично для меня не существуетъ ни малѣйшихъ сомнѣній на этотъ счетъ... Кромѣ законовъ государственныхъ, у насъ есть и законы Божескіе, а мы, съ Вами, знаемъ, что, по правиламъ Св. Апостоловъ, недѣйствительнымъ является даже вынужденное сложеніе епископскаго сана: тѣмъ болѣе недѣйствительнымъ является эта узурпація священныхъ правъ Монарха шайкою преступниковъ. Для меня Государь былъ и навсегда остается Государемъ и, конечно, ни Керенскимъ, ни Родзянкамъ я присягать не стану», сказалъ я.

«Я тоже такъ думаю» — отвѣтилъ В. И. Яцкевичъ.

Изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ, какъ съ В. И. Яцкевичемъ, такъ и съ другими лицами, выяснилась абсолютная невозможность, минуя Керенскаго, добраться до Царскаго Села. Пропускъ къ Государю былъ строжайше запрещенъ, и новая власть сдѣлала все для того, чтобы отстранить отъ Государя преданныхъ Его Величеству людей, а всякаго рода попытки проникнуть въ Царское Село вызывали новыя репрессіи по отношенію къ Государю и Царской Семьѣ.

Этого одного факта было, конечно, достаточно, чтобы эти попытки прекратились... Одни только солдаты были хозяевами положенія, и на этихъ то солдатъ я возлагалъ всѣ свои надежды, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода изъ Думы моего собесѣдника...

ГЛАВА XCIV.

Солдатъ и его племянникъ.

Каждый часъ моего пребыванія въ квартирѣ, на Литейномъ, убѣждалъ меня, что мое личное положеніе ни въ чемъ не измѣнилось, и что я снова могу быть схваченъ и уведенъ въ ту же Думу, или куда либо въ другое мѣсто... Подъ окнами моей квартиры пьяные солдаты громили винные погреба Удѣльнаго вѣдомства, помѣщавшіеся въ зданіи Удѣловъ; по улицамъ двигались тѣ же процессіи, съ красными флагами, что и раньше; не прекращалась перестрѣлка; и никакихъ признаковъ власти, способной укротить продолжавшую безчинствовать озвѣрѣвшую толпу, я не замѣчалъ... Гдѣ же эта власть и въ чьихъ она рукахъ? — спрашивалъ я себя и не находилъ отвѣта... Противъ кого же бунтуетъ толпа теперь, если получила все, что хотѣла, если нѣтъ больше ни Царя, ни Царскихъ министровъ?

«Какіе то два солдата спрашиваютъ васъ» — доложили мнѣ.

Я вздрогнулъ... «Кто такіе, что имъ нужно?» — спросилъ я.

«Говорятъ, изъ Думы»...

Въ кабинетъ вошелъ мой думскій собесѣдникъ, съ какимъ то другимъ солдатомъ, совсѣмъ еще юнымъ парнемъ, съ огромнѣйшими руками.

«Племянникъ мой» — сказалъ солдатъ: «сестры моей сынъ; ничего себѣ парень; а зовутъ, значитъ, Лександромъ»...

«Братъ, значитъ, моей матери» — пояснилъ парень, указывая на солдата, и улыбнулся во весь ротъ...

Эти двѣ фигуры явились такъ кстати, внесли въ мою душу столько мира и тишины, что я несказанно обрадовался ихъ приходу и усадилъ ихъ на диванъ, какъ самыхъ дорогихъ гостей...

«Ничего, мы постоимъ» — отказывались они, смущенно оглядываясь по сторонамъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, садитесь» — сказалъ я: «не вы первые сидѣли на этомъ диванѣ; а настоящіе господа никогда не гнушались народа и не только сажали его рядомъ съ собою, но еще и чаемъ угощали»...

«Что и говорить» — отвѣтилъ солдатъ: «на рукахъ у барина своего, дай ему Господь Царствіе Небесное, я и выросъ, можно сказать, почти что въ комнатахъ.

«Ну а ты, Александръ, гдѣ росъ, что такимъ большимъ выросъ?» — спросилъ я парня, любуясь его молодцоватымъ видомъ...

«Извѣстное дѣло, въ деревнѣ» — отвѣтилъ онъ, ухмыляясь и показывая свои зубы, бѣлые какъ у негра...

«А въ школѣ обучался?» — спросилъ я.

«А какъ же, церковную превзошелъ» — отвѣтилъ онъ.

«А послѣ школы что дѣлалъ? Вѣрно, такъ, безъ дѣла, въ деревнѣ болтался?»...

«Нѣтъ, зачѣмъ: я въ экономію поступилъ, да тамъ, значитъ, на мѣстѣ былъ, пока въ солдаты не забрали»...

«Что же ты дѣлалъ въ экономіи, доволенъ ли былъ мѣстомъ?»...

«Все дѣлалъ: и въ саду работалъ, и дрова кололъ, и воду возилъ... Только разъ одинъ, какъ заставили меня колодезь рыть, такъ я и бросилъ работу къ чертямъ: нахальная была работа, ну ее къ черту; я, значитъ, и погнушался ею»...

«Чего же ты погнушался?» — спросилъ я, улыбаясь — «работа, какъ работа»...

«Да дивчата, значитъ, начали чипляться... Какъ залѣзешь въ самую то яму, такъ не та, такъ другая ушатъ воды и выльютъ на голову, и вылѣзешь изъ ямы весь въ грязи, какъ чертъ... Да я на нихъ безъ униманія; но сама работа сильно нахальная была; я и доложился барину, баринъ и отставилъ.»

И глядя на это дитя природы, этого безхитростнаго, чистаго парня, съ безграничной добротою сердца, природными кротостью и смиреніемъ, я страдалъ при мысли о томъ, какое великое преступленіе совершали тѣ, кто систематически, планомѣрно вооружалъ народъ противъ помѣщиковъ... Какъ разительно отличались крестьяне, оставшіеся въ селѣ, отъ тѣхъ, кто только соприкасался съ помѣщичьими усадьбами и проникался, хотя поверхностно, царившимъ въ нихъ духомъ!.. Какая клевета заключалась въ томъ, что народъ, якобы, развращался въ этихъ усадьбахъ!.. Нѣтъ, эти усадьбы были продолженіемъ сельской школы и онѣ то спасали народъ отъ развращенія и хулиганства. Гибель деревни началась съ бѣгства крестьянъ въ города и на фабрики за заработками, а это явленіе шло параллельно съ разореніемъ помѣщиковъ...

«Ну, говорите, зачѣмъ пришли?» — сказалъ я солдатамъ: «говорите на чистоту все; здѣсь никого нѣтъ, никто не услышитъ... Александръ» — обратился я къ парню — «ну, вотъ, скажи мнѣ, что ты думаешь, глядя на все, что происходитъ?.. Жалко тебѣ Царя?»

«Какъ не жалко!» — отвѣтилъ парень: «Съ эдакой высоты, да стягли ни за что ни про что»...

«Вы же сами и стащили» — сказалъ я.

«Дозвольте слово сказать» — вмѣшался солдатъ: «не мы это сдѣлали, и такого страшнаго грѣха, не приведи Матерь Божія, никогда бы на свою душу не взяли... А, хотя и точно въ этомъ грѣхѣ повинны солдаты, что за господскими спинами стояли, но тѣ солдаты не братья намъ, а душегубы, отъ коихъ намъ, первымъ, житья никакого не было... Развѣ то были солдаты, войско Царское, да еще гвардейское... То были новобранцы, чортъ знаетъ что, а не солдаты; озорники деревенскіе, надъ которыми расправы никакой не чинилось, даромъ что жалобы поступали... Еще какъ была по деревнямъ розга, тогда еще боялись; а какъ и розгу отмѣнили, тогда и пошли сыны, да внуки, отцовъ и дѣдовъ по зубамъ бить, и некому стало жаловаться... Бросишься, бывало, къ Земскому, а онъ и присудитъ либо къ штрафу, либо къ аресту... А имъ развѣ что, штрафы да аресты, коли они и въ тюрьму сами набивались, потому, значитъ, что работать не хотѣли, а въ тюрьмѣ задаромъ и кормили и поили, а еще и заработокъ, по шести гривенъ въ день, давали, что дворъ подметутъ, или что другое сдѣлаютъ... А сколько ихъ было, озорниковъ то?.. И десятка по селамъ не набиралось, а про то все село въ страхѣ держали, душегубы... А то такъ и еще хуже бывало: пойдешь къ Земскому, а онъ и оправдаетъ такого... Вотъ эта то жалость начальственная и распустила деревню: отвыкъ народъ отъ наказанія и дѣлалъ что хотѣлъ, и никого не боялся... А будь

строгость настоящая, то ничего бы и не случилось» — закончилъ солдатъ...

Я вспомнилъ свои былыя впечатлѣнія и либеральный Уѣздный Съѣздъ, отмѣнявшій всякое строгое наказаніе; вспомнилъ, какъ либеральная интеллигенція няньчилась не съ народомъ, а съ его отбросами; какъ власти безнаказанностью развращали деревню, объясняя природный консерватизмъ русскаго крестьянина его жестокостью; вспомнилъ, какъ, однажды, волостной судъ, въ полномъ составѣ, явился ко мнѣ, тогда Земскому начальнику, и на колѣняхъ умолялъ не отмѣнять приговора о тѣлесномъ наказаніи; какъ осужденный въ тюрьму на полтора мѣсяца просилъ меня продлить срокъ наказанія до трехъ мѣсяцевъ, желая уклониться отъ тяжелой полевой работы ... и я отвѣтилъ солдату:

«Правду вы говорите, святую правду... Все это я не только самъ видѣлъ и хорошо знаю, но даже писалъ объ этомъ въ газетахъ и журналахъ[1]); да мнѣ не вѣрили, а еще говорили, что я не люблю народа... Потому и писалъ, что любилъ... И всякій, кто дѣйствительно любитъ народъ, тотъ зналъ, что нужно было дать всему селу защиту отъ горсти хулигановъ, которые все село держали въ страхѣ... А, если бы въ свое время давали мальчишкамъ розги, то спасли бы ихъ души, удержали бы отъ преступленій»...

«Истину изволите говорить» — сказалъ солдатъ...

«Но» — возразилъ я — «правда и то, что вы сами не помогали вашимъ начальникамъ, а покрывали своихъ хулигановъ и, иной разъ, и поймать ихъ было трудно»...

«Справедливо» — отвѣтилъ солдатъ — «бывало и это... А почему?.. Потому, значитъ, что народъ уже извѣрился въ начальствѣ и зналъ, что хулигана или оправдаетъ начальство, или оштрафуетъ на гривенникъ; а тотъ и начнетъ тогда свою месть совершать... Вотъ и боялись, потому и покрывали... А знай народъ, что вышелъ настоящій законъ, что такого хулигана, или изъ села вышлютъ, или настоящее наказаніе предпишутъ, то на другой день ни одного хулигана въ селахъ не оказалось бы, и полиціи бы дѣлать нечего было»...

Кто зналъ деревню и жилъ въ ней, тотъ зналъ и то, насколько глубоко правъ былъ солдатъ...

«Вообще, порядка не производилось» — вставилъ парень, заставивъ солдата съ недоумѣніемъ посмотрѣть на него...

Я тоже невольно улыбнулся въ отвѣтъ на такое глубокомысленное замѣчаніе парня и ожидалъ, что онъ скажетъ дальше..

---

[1]) «Письма Земскаго Начальника» печатались на страницахъ издававшагося княземъ В. П. Мещерскимъ журнала «Гражданинъ», за 1902—1905 гг.

«Взять бы, примѣрно, позапрошлый годъ» — продолжалъ парень: «я только однимъ одинъ разъ далъ жиду легонько по мордѣ; а онъ какъ началъ меня таскать по судамъ, такъ я и деньгами отъ него не могъ откупиться... И деньги мои пропали, и на цѣлую недѣлю на отсидку, значитъ, подъ арештъ, пошелъ, даромъ что жиду заплатилъ, чтобы ослобонилъ меня... Развѣ можно христіанскую душу за жидовскую морду подъ арештъ сажать?!»...

Я посмотрѣлъ на его огромныя руки и, невольно улыбаясь, сказалъ ему:

«Ты вѣрно такого тумака далъ, что ему и скулы своротилъ»...

«Да нѣтъ же: такъ легонько только поцарапалъ; да онъ, нечистая сила, началъ уже кричать, когда я только подходилъ къ нему и бить еще не начиналъ».

«Предъ закономъ всѣ равны и, если бы тебя жидъ побилъ, то и его бы наказали по закону», сказалъ я.

«То то и есть, что равны; а развѣ можно равнять жида съ православнымъ? Какое же здѣсь равненіе, коли онъ жидъ, а я крещенный» — негодовалъ парень.

Я съ любовью посмотрѣлъ на него, глубоко понимая психологію русскаго народа, въ понятіяхъ котораго не укладывается представленіе о возможности равенства съ иновѣрцами и особенно евреями, къ коимъ крестьянинъ чувствуетъ органическую ненависть, какъ къ врагамъ Христа — Спасителя.

«Нѣтъ, братъ, непорядки точно были, и много ихъ было, да не тамъ, гдѣ вы ихъ видѣли» — сказалъ я: «А заключались эти непорядки, главнымъ образомъ, въ томъ, что слушались вы не тѣхъ, кого нужно было слушаться. Я самъ былъ Земскимъ Начальникомъ и хорошо знаю вашу деревню. Вотъ какъ было дѣло: На одной сторонѣ стоялъ самъ Царь-Батюшка, а за нимъ первымъ стоялъ вашъ сельскій священникъ, а за священникомъ — Земскій, потомъ полиція: всѣ эти Царскіе слуги были приставлены для васъ, чтобы порядки наводить, да васъ отъ зла оберегать... А противъ Царя и Его вѣрныхъ слугъ стояли враги ваши, которые и мѣшали работу производить, рыскали по селамъ, вооружали васъ то противъ священника, котораго вы обижали, то противъ Земскаго, которому вы смертью угрожали, то противъ помѣщиковъ, которыхъ вы жгли и разоряли, то противъ становогo, которому отдыха не давали, заставляя его даже по ночамъ рыскать по селамъ и ловить негодяевъ и злодѣевъ. Вотъ три года я оставался Земскимъ, да вся моя работа только въ томъ и состояла, что я ловилъ революціонныя прокламаціи по селамъ, подавлялъ бунты, усмирялъ, судилъ, да рядилъ васъ; а для настоящей то работы и времени не было. Однѣхъ судебныхъ дѣлъ въ моемъ участкѣ было до

двадцати тысячъ ежегодно; гдѣ же тутъ было думать о чемъ прочемъ?!. Вотъ за то, что не слушались вы Царскихъ слугъ, Господь и отнялъ ихъ отъ васъ, а теперь — хочешь-не-хочешь, а придется слушаться враговъ... Царскіе слуги, по добротѣ своей и жалости къ вамъ, иной разъ, и точно прощали виноватаго; а вотъ это то начальство, какое пришло намъ на смѣну, будетъ казнить и праваго и наведетъ такую строгость, что вы стонать будете и не будете знать, куда дѣваться.»

«Оно точно» — отвѣтилъ мнѣ солдатъ — «истину говорите; а про то, я еще разъ скажу, коли бы по деревнямъ была настоящая власть, то ничего бы и не случилось, и народъ жилъ бы по Божьему. Тамъ, гдѣ власть, взять бы Земскаго, была смѣлою да строгою — тамъ все шло по иному. Мужикъ ищетъ правды, а строгости не боится»...

Что я могъ возразить солдату, если онъ указалъ на первопричину всѣхъ причинъ, родившихъ зло, разложившихъ нравы, опустошившихъ народную душу, указалъ на Либерализмъ, доведшій Россію до гибели, на Безвѣріе, лежавшее въ основѣ этого либерализма, искавшаго дешевыхъ эффектовъ, но такого далекаго, такого чуждаго пониманію нравственныхъ началъ и отвѣтственности предъ ними?!

«Что же намъ теперь дѣлать» — научите насъ — «мы за тѣмъ и пришли?»...

«Васъ мнѣ учить нечему, ибо, если бы всѣ солдаты были на васъ похожи, то не было бы и революціи... Идите въ свои казармы, да говорите другимъ то, что знаете сами; открывайте глаза тѣмъ, кого одурманили; а, когда васъ наберется много, идите въ Думу и требуйте назадъ Царя, ибо безъ Царя не будетъ порядка, и враги передавятъ васъ» ..

«Оно то такъ, да какъ бы намъ зацѣпиться за кого нибудь старшаго, кто, значитъ, повелъ бы насъ; а мы хоть и сейчасъ пойдемъ вызволять Царя и прогонимъ нечистую силу», сказалъ солдатъ.

Несчастные, обманутые люди! Что я могъ сказать имъ въ отвѣтъ, когда зналъ, что ихъ распропагандированные товарищи разорвали бы на куски каждаго, кто рѣшился бы пойти къ нимъ спасать ихъ, когда психозъ проникъ уже въ самую толщу народа, и вся Россія превратилась въ съумасшедшій домъ!

«Ну, идите себѣ съ Богомъ» — отпустилъ я ихъ — «но помните, что безъ Царя Россіи нѣтъ и не будетъ.»

Вотъ каковъ онъ въ дѣйствительности, нашъ подлинный русскій народъ — подумалъ я — смотря вслѣдъ уходившимъ солдатамъ... Будутъ его проклинать, будутъ называть христопродавцемъ, будутъ жестоко казнить за содѣянныя имъ преступленія, коимъ имени нѣтъ, такъ они страшны. Но станутъ обвинять его тѣ, кто будетъ судить о немъ по дѣйствіямъ

его отбросовъ, по всему тому, что отражало его темноту и малодушіе, его природный страхъ предъ всякимъ начальствомъ, а не его сущность духовную... Не виноватъ былъ народъ, что ощупью добирался до правды, что былъ отгороженъ высокою стѣною отъ каждаго, способнаго проникнуть въ его душу и заглянуть въ нее; не виноватъ въ томъ, что поддавался внушеніямъ тѣхъ, кто вооружалъ его противъ интеллигенціи и вызывалъ недовѣріе къ ней. Но стоило ему отыскать подлиннаго барина, стоило увѣриться въ доброжелательствѣ и искренности послѣдняго, чтобы онъ раскрылъ бы предъ нимъ свою душу такъ, какъ раскрывалъ ее предъ духовникомъ своимъ, или предъ старцами въ обителяхъ монастырскихъ. И тогда обнаруживалась вся красота его души, его безпомощность въ борьбѣ съ темнотою, какая давила и мучила его, его настоящее отношеніе къ подлинной интеллигенціи, отъ которой онъ ждалъ себѣ помощи потому, что чутьемъ угадывалъ ея любовь къ нему, потому, что гораздо болѣе вѣрилъ ей, чѣмъ разночинцу... И, если разночинцы взяли верхъ и завладѣли народомъ, то виновата сама интеллигенція, измѣнившая своему долгу предъ Богомъ и Царемъ и увлекшая и народъ за собою... Но, завладѣвъ его темнотою, эти разночинцы не могли завладѣть душою народа, въ глубинахъ которой осталась и любовь къ Богу, и преданность Царю... Неправда и то, что народъ измѣнилъ присягѣ Царской. Тамъ была измѣна не народа, не простого солдата, съ закорузлыми, мозолистыми руками, а измѣна его начальниковъ, использовавшихъ его рабское послушаніе, его темноту и неспособность къ самостоятельной мысли, скованной вѣковымъ невѣжествомъ, и, притомъ, начальниковъ, вышедшихъ изъ его же крестьянской среды, какихъ народъ, чутьемъ отличающій подлиннаго барина, тѣмъ больше боится, чѣмъ больше ненавидитъ...

Нѣтъ, не погибла еще Россія! Можетъ быть, и долго еще будетъ она корчиться въ страданіяхъ, и много времени пройдетъ, пока она снова, омытая слезами, возродится къ новой жизни, и засіяетъ въ ней престолъ Царя, Помазанника Божія; но это время наступитъ, ибо нѣтъ той силы, какая бы могла убить сердце Россіи, искоренить духъ народа, его инстинктивное чутье правды и влеченіе къ ней... И, какъ бы ни мудрили съ народомъ, какія бы идеи ни прививали, но придетъ время, когда онъ, съ негодованіемъ, сброситъ съ себя чуждое ему ярмо и слезами раскаянія загладитъ свои грѣхи предъ Богомъ и предъ Царемъ, внѣ Которыхъ нѣтъ жизни, нѣтъ правды...

На другой день, наскоро собравъ свои вещи, я уѣхалъ къ сестрѣ... Я могъ это сдѣлать только благодаря той помощи, какую мнѣ оказали эти солдаты.

Заключеніе.

Какія же картины рисуетъ намъ описанный періодъ времени съ высоты птичьяго полета? Что видно тѣмъ, кто замѣчаетъ не только единичные факты повседневной жизни, но и концепцію ихъ, и причины, ихъ родившія?!

Сведеніе политическихъ счетовъ между Россіей и Германіей варварскими способами, безмѣрные ужасы войны, кровь, заливавшую все большія пространства?! Или революціонное броженіе внутри страны, измѣну исконнымъ русскимъ началамъ, рядъ преступленій противъ Бога, Царя и династіи, Распутинскую эпопею?!

Нѣтъ, это все видѣли даже неосмысленныя дѣти.

Духовное око наблюдателя проникало глубже и видѣло не только то, что лежало на поверхности, но и то, что находилось подъ нею и прикрывалось ею; видѣло слѣдующія картины:

I.

Безвѣріе.

Ни прозрачная область вѣры, ни отчетливыя велѣнія Божіи, руководствуясь которыми человѣчество могло бы выработать совершенно ясную программу жизни и обезпечить прочные законы общежитія, ни безчисленные примѣры людей, слѣдовавшихъ этимъ велѣніямъ, доказавшихъ ихъ реальную силу и достигшихъ предѣловъ святости, не устранили того непонятнаго съ перваго взгляда факта, что каждый человѣкъ вѣритъ по своему, что христіанская религія не объединила человѣчества въ общности идеаловъ, въ единствѣ цѣлей, въ защитѣ возвѣщенныхъ Христомъ-Спасителемъ истинъ отъ поруганія и забвенія.

На смѣну архаическому богопониманію, явилось новое богопониманіе, которое, отвергнувъ старое, не создало ничего новаго и, въ результатѣ, человѣчество, оторванное отъ своего религіознаго центра, стало катиться по наклонной плоскости и очутилось въ тупикѣ, изъ котораго имѣется только одинъ выходъ — Возвращеніе къ Старому.

Истина, которую вездѣ ищутъ и не находятъ потому, что не знаютъ, въ чемъ она заключается, живетъ не въ міру, а внѣ міра, за тою оградою, гдѣ скрывались и сейчасъ скрываются люди «не отъ міра сего», знающіе эту истину и громко кричащіе о ней.

Пусть были и будутъ мистификаторы и обманщики, эксплоатировавшіе не столько вѣру, сколько суевѣріе народное, его склонность ко всему таинственному и мистическому: но они безсильны умалить значеніе грозныхъ предостереженій Преподобнаго Серафима, іеросхимонаха Глинской пустыни Иліодора, или о. Іоанна Кронштадскаго... Слишкомъ нѣжное это твореніе — Истина, слишкомъ свято ея содержаніе, чтобы она могла оставаться въ міру, на его базарѣ; слишкомъ грѣшными стали люди, чтобы ее видѣть своими грѣшными очами... И видятъ ее и познаютъ тѣ, кто подвигами, слезами и страданіями обостряютъ свое духовное зрѣніе, кто, хотя и живетъ въ міру, но самъ «не отъ міра сего».

Всякая религія, а православная по преимуществу, есть религія опыта; а опытъ часто противорѣчитъ выводамъ и заключеніямъ горделиваго ума. И даже такіе великіе люди, какимъ былъ Н. В. Гоголь, проведшій только короткое время въ Оптиной пустыни, въ общеніи съ Оптинскими старцами, и опытно познавшій Истину, пришелъ въ ужасъ отъ своихъ писаній и уничтожилъ то, что бы могло еще болѣе закрѣпить за нимъ славу геніальнаго писателя. Это потому, что никакому уму не дано придти къ выводамъ религіознаго опыта, ибо дороги у нихъ разныя. Проведите, напримѣръ, параллель между Винэ, Берсье, Ренаномъ и Гарнакомъ съ одной стороны и нашими православными учителями Церкви и богословами — съ другой; сравните толкованія Евангелія иностранныхъ богослововъ съ толкованіями Св. Іоанна Златоустаго, Ѳеофилакта Болгарскаго, или епископа Михаила... У первыхъ всѣ толкованія разнятся другъ отъ друга, тогда какъ написаны почти въ одно время; у послѣднихъ — всѣ сходны между собою, хотя и писались разными людьми, на протяженіи разныхъ вѣковъ... И это потому, что первые влагали въ свои толкованія выводы ума,а вторые — фиксировали выводы религіознаго опыта, провѣряли евангельскія истины личными подвигами. Это понятно, ибо, если Истина едина и пути къ ней едины, то и впечатлѣнія и ощущенія будутъ едиными.

Русскій человѣкъ знаетъ это лучше, чѣмъ кто либо другой.

Здѣсь беретъ свое начало и хожденіе по монастырямъ, и розыски старцевъ, и священный трепетъ предъ «юродивыми», и припаданіе къ св. мощамъ, словомъ все то, что признается теперь отжившими формами архаическаго богопониманія...

Но это не пережитокъ той эпохи, когда люди думали, что Бога можно умолить, задобрить, укланять такъ же, какъ это дѣлаютъ въ отношенiи своенравнаго и сердитаго человѣка; что къ Богу полезно найти протекцiю въ лицѣ Угодника, забѣжать съ чернаго хода чрезъ приближенныхъ; здѣсь не отраженiе Среднихъ вѣковъ, когда торговали св. мощами, амулетами, индульгенцiями, истекавшее, въ свою очередь, изъ обрядовъ и обихода временъ язычества и первобытныхъ религiй, съ ихъ фетишами и тотемами.

Нѣтъ. Здѣсь — тоска по идеалу, инстинктивное тяготѣнiе къ чему то лучшему и совершенному, рождаемое сознанiемъ своей скверны; здѣсь одно изъ выраженiй сознанiя своей виновности предъ Богомъ.

«Хотя я и грѣшенъ и мерзокъ въ очахъ Божiихъ, но я самъ это сознаю и страдаю отъ этого сознанiя, силюсь вырваться изъ грязи и . . . не могу. Но ты лучше, чище меня, ближе къ Богу, ты знаешь какъ сдѣлаться лучше: такъ научи же меня» — вотъ психологiя хожденiя русскаго по старцамъ, по святынямъ. Найдетъ русская душа такого старца — и предъ нами картины, извѣстныя каждому, знакомому съ жизнеописанiемъ подвижниковъ благочестiя, и какiя видѣли всѣ, кто зналъ Амвросiя Оптинскаго, о. Iоанна Кронштадтскаго и многихъ другихъ. Не найдетъ живого старца — потянется къ Угоднику Божiю, и къ новопрославленному побѣжитъ еще скорѣе, чѣмъ къ прежнимъ, и по вѣрѣ своей получаетъ просимое, возрождается духовно, набирается новыхъ силъ для борьбы съ житейскими невзгодами, встрѣчается съ подлинными чудесами. Какое же значенiе имѣетъ случайная встрѣча съ обманщиками и мистификаторами, злоупотреблявшими такою вѣрою? Какъ бы часты ни были примѣры такихъ злоупотребленiй и эксплоатацiи религiознаго чувства вѣрующихъ, они все-же не сдѣлаютъ такую вѣру — суевѣрiемъ. Нѣтъ, здѣсь не суевѣрiе, съ какимъ нужно бороться, а самая подлинная вѣра, выраженiе самой подлинной живой связи съ Богомъ, какую нужно всемѣрно возгрѣвать и всемѣрно поддерживать.

И вотъ эту то связь образованная интеллигенцiя въ своемъ большинствѣ и утратила, и не только утратила, но и разорвала ее у народа, уча его новому богопониманiю, надъ чѣмъ такъ усердно трудилась литература 40-хъ и 60-хъ годовъ, воспитавшая рядъ нигилистическихъ поколѣнiй, и въ результатѣ — одни перестали вѣрить въ Бога по гордости своего ума, другiе — по лѣности, третьи потому, что было некогда вѣрить, некогда выполнять свои обязательства къ Богу. Жизнь была загнана въ такое русло, гдѣ она протекала внѣ какой либо связи съ Богомъ, гдѣ люди обходились безъ Бога, гдѣ каждый шагъ

этой жизни отражалъ глумленіе надъ Божескими законами, попраніе заповѣдей Божіихъ, дерзкіе вызовы Богу.

Куда дѣвалась самая идея спасенія души?

Какимъ стало дѣйствительное содержаніе человѣческой жизни нашего времени?

Грубый матеріализмъ, удовлетвореніе низменныхъ страстей, безмѣрное лицемѣріе и лукавство, поражающая нечистота во взаимныхъ отношеніяхъ — взаимное надувательство, безграничная злоба, ненависть и презрѣніе другъ къ другу и... ложь, какъ единственный регуляторъ этихъ отношеній...

Какіе люди стали выплывать на поверхность жизни, кого стали окружать ореоломъ славы, за кѣмъ шла толпа?..

Это все были возстававшіе противъ Бога, сознательные и безсознательные служители сатаны. Удѣломъ же прочихъ людей были гоненія и клевета.

Люди раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, ожесточенно враждующихъ другъ съ другомъ... Не такъ просты причины, ихъ раздѣлившія: дѣло вовсе не въ отдѣльныхъ «вопросахъ», въ несходствѣ точекъ зрѣнія, въ расовой ненависти, а въ томъ, что люди стали рости и развиваться на разныхъ фундаментахъ, на подмѣненныхъ ложью нравственныхъ понятіяхъ и началахъ.

Съ точки зрѣнія мечтателей-революціонеровъ, нерѣдко искреннихъ и добросовѣстныхъ людей, преслѣдовавшіе ихъ представители законной правительственной власти казались такими же преступниками, какъ этимъ послѣднимъ — революціонеры. Каждая сторона дѣйствовала въ полномъ убѣжденіи, что защищаетъ правду и борется съ неправдою.

Недавно появились воспоминанія В. Н. Фигнеръ, съ крикливымъ заглавіемъ: «Когда часы жизни остановились.» Объ этой книгѣ издатель газеты «Руль» І. Гессенъ далъ, не помню въ какомъ N, восторженный отзывъ, вырѣзки котораго у меня случайно сохранились... Приведя нѣсколько выдержекъ изъ книги, г. Гессенъ закончилъ свою рецензію такими словами:

«Разсказъ объ этой потрясающей борьбѣ духа и воли захватываетъ своимъ эпическимъ спокойствіемъ, благородною простотою и чарующей искренностью и подымаетъ читателя на тѣ горнія высоты, на которыхъ душа очищается отъ житейской грязи и пошлости... Эта книга должна получить самое широкое распространеніе»...

Гдѣ же эти горнія высоты, и въ чемъ усмотрѣлъ ихъ г. Гессенъ?

Вотъ одна изъ нихъ: «... Когда наступила расплата» — пишетъ В. Н. Фигнеръ — «то искренность моихъ убѣжденій я могла доказать только твердымъ пріятіемъ, перенесеніемъ всей возложенной на меня кары»..,

«Это пріятіе» — поясняетъ г. Гессенъ — «выразилось и въ томъ, что, когда, послѣ свыше двадцатилѣтняго заключенія, она получаетъ извѣстіе о Высочайшемъ помилованіи (замѣна вѣчной каторги двадцатилѣтней), она разсматриваетъ это какъ несчастіе, ибо, при разставаніи съ матерью, послѣднимъ обѣщаніемъ было, что мать не будетъ просить о помилованіи.

И чрезъ 20 лѣтъ В. Н. Фигнеръ готова порвать съ горячо любимою матерью за то, что та своего слова не сдержала[1].»

«Однако» — говоритъ дальше І. Гессенъ — «пріятіе» кары не есть смиреніе.» Главное содержаніе книги — это исторія двадцатилѣтней борьбы, на два фронта — внѣшній и внутренній. Борьба съ тюремнымъ начальствомъ была тяжелою и стоила страшныхъ жертвъ, но, какъ это ни странно съ перваго взгляда, беззащитные, отъ всѣхъ сторонъ отрѣзанные узники голыми руками умѣли одерживать побѣды надъ своими мучителями. Главный интересъ, однако, представляетъ борьба внутренняя, борьба съ самимъ собою. «Бороться, преодолѣвать, побѣдить себя, побѣдить болѣзнь, безуміе, смерть... Преодолѣвать — значило разогнать темноту души, отодвинуть все, что темнитъ глазъ»...

Чѣмъ же хвастается В. Н. Фигнеръ?

Своимъ безграничнымъ самомнѣніемъ, уязвленнымъ самолюбіемъ отъ сознанія непризнаваемой за нею общественной стоимости, тою сатанинскою гордостью, какая толкала ее не только на борьбу съ Помазанникомъ Божіимъ, но даже ставила предъ нею такія безумныя цѣли, какъ побѣду надъ «болѣзнью», «безуміемъ», «смертью», т. е. побѣду надъ Господомъ Богомъ?!

Что хотѣла сказать В. Н. Фигнеръ своею книгою?

Что злая и неумная женщина можетъ повѣсить себя на зло другому, или стремилась убѣдить читателя въ томъ, что ей не были даже знакомы тѣ неуловимыя, нѣжныя, тонкія движенія женской души, какія даютъ въ итогѣ величайшее нравственное достиженіе — смиреніе?

А что В. Н. Фигнеръ была до конца искренна съ собою, она доказала тѣмъ, что до конца оставалась во власти непомѣрной гордыни и не съумѣла познать Христа даже втеченіе 20 лѣтъ одиночнаго заключенія... Но какая же цѣна такой искренности, съ точки зрѣнія христіанскихъ требованій, предъявляемыхъ къ человѣку Богомъ? Всѣ фанатики и изувѣры, всѣ гонители и распинатели Христа были искренними.

Погубили В. Н. Фигнеръ гордость, безмѣрное самолюбіе, абсолютное невѣжество въ области христіанской мысли.

---

[1]) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

Не менѣе характерно и признаніе другого революціонера, А. Амфитеатрова, уже нами цитированнаго.

«Монархическую позицію я сдалъ не сразу» — говоритъ онъ: «почти три года промотался въ самыхъ мучительныхъ сомнѣніяхъ[1]) предъ загадками политической и соціальной правды, шатаясь маятникомъ между зовомъ прирожденнаго демократизма[2]) и воскресшихъ уроковъ свободолюбивой юности съ одной стороны и монархическими привычкой и суевѣріемъ съ другой.»

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ искренности и А. Амфитеатрова; но онъ такая же жертва собственной гордыни и самомнѣнія, какъ и В. Н. Фигнеръ.

Всѣ эти мечтатели-революціонеры, хотя и были добросовѣстными искателями, но сами, часто того не сознавая, искали только собственной славы, не удовлетворяясь заглавіемъ, съ которымъ родились, и стремясь часто или къ самымъ прозаическимъ цѣлямъ, или, подобно В. Н. Фигнеръ, пытаясь передѣлать по своему весь міръ, включительно до законовъ мірозданія.

Въ основѣ — все тѣже гордость и безвѣріе.

Когда мысль отрывается отъ религіознаго центра и бросается въ хаосъ человѣческихъ измышленій, тогда она неизбѣжно попадаетъ въ разставленныя діаволомъ сѣти и, одурманенная рукоплесканіями невѣжественной толпы, жадно вкушаетъ ядовитую сладость человѣческой славы, начинаетъ служить діаволу въ полномъ убѣжденіи, что служитъ Богу.

Такой переходъ вызываетъ, конечно, «самыя мучительныя сомнѣнія», и «загадокъ» на пути, конечно, много.

Но для истиннаго христіанина, самымъ характернымъ признакомъ котораго является именно это смиреніе, столь ненавистное діаволу, не существуетъ никакихъ загадокъ въ области политической и соціальной правды, и голоса совѣсти онъ не смѣшиваетъ съ зовомъ «прирожденнаго демократизма».

И вотъ эти ослѣпленные гордостью и самомнѣніемъ люди стали одинъ за другимъ попадать въ разставленныя сѣти и тащить за собою другихъ. Только безвѣріемъ однихъ, нравственнымъ безразличіемъ другихъ, невѣжествомъ, мечтательностью и сентиментальностью третьихъ, объясняется тотъ фактъ, что еврейство, раздѣляющее весь міръ на евреевъ и не — евреевъ, возвѣстившее, что только одни евреи происходятъ отъ Бога, всѣ же прочіе люди отъ діавола, что «евреи болѣе пріятны Богу, чѣмъ ангелы» — такъ умѣло, на протяженіи вѣковъ, подчиняло своему вліянію христіанскія народности, пользуясь то платными агентами, то горячими головами идеа-

---

[1]) А. Амфитеатровъ. Изъ воспоминаній. Руль, № 595, 11 Ноября (29 Октября 1920 г.)

[2]) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

листовъ-мечтателей, не потрудившихся даже заглянуть въ Талмудъ, чтобы ознакомиться съ его моралью, съ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ еврейство строитъ свои планы завоеванія всего міра. Въ свое время архіепископъ Саратовскій и Царицынскій Алексій написалъ замѣчательный по глубинѣ научный трактатъ «Мораль Талмуда», прошедшій совершенно незамѣченнымъ («Церковныя Вѣдомости» за 1913 г., № 44); между тѣмъ, этотъ трактатъ могъ бы образумить во время не одну увлекавшуюся горячую голову и спасти добросовѣстныхъ мечтателей отъ разочарованія. Такихъ разочарованій было много, но они тщательно замалчивались. Широкая публика знала біографіи лишь закоренѣлыхъ, упорныхъ революціонеровъ, но не посвящалась въ біографіи той несчастной, сбитой съ толку молодежи, которая сводила концы съ жизнью самоубійствомъ, или же становилась жертвою наемныхъ убійцъ.

Оторванные отъ Бога, люди стали бродить впотьмахъ, не зная куда идти и что дѣлать съ собою.

При этихъ условіяхъ, какое значеніе могли имѣть предостерегающіе голоса тѣхъ немногихъ людей, какіе составляли исключеніе на этомъ черномъ фонѣ, если люди перестали слышать голосъ Самого Бога, если считали, что переросли Бога, а загробную жизнь, нравственныя начала и отвѣтственность предъ ними стали признавать выдумкою, полезною, какъ полицейская мѣра, для обузданія дикарей, но для прочихъ необязательною?

Что же удивительнаго, если былъ отвергнутъ и предостерегавшій голосъ Святителя Божія Іоасафа, а повѣрившій этому голосу былъ признанъ съумасшедшимъ и посаженъ въ домъ для умалишенныхъ?!

Но Богъ поругаемъ не бываетъ!..

Недремлющій врагъ, избравшій еврейство своимъ орудіемъ, только использовалъ уже готовую почву, рожденную безвѣріемъ...

Разразилась война 1914 года, а за нею революція 1917 года.

II.

Результаты.

И война 1914 года не была войною между русскими и нѣмцами, а была войною между Монархіей и Анархіей, между Христіанствомъ и собирательнымъ Антихристомъ— еврействомъ. И революція не была выраженіемъ «народнаго гнѣва противъ Царя и Его правительства», а была она лишь плодами Безвѣрія, самомнѣнія и гордости людской.

Не современнымъ стало говорить теперь объ антихристѣ, о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи Христа Спасителя...

Если люди настолько далеко ушли отъ правды, что перестали узнавать ее; если въ явленіяхъ повседневной жизни не прозрѣваютъ промыслительныхъ путей Божіихъ, ведущихъ къ предопредѣленнымъ Господомъ цѣлямъ; если ниспосылаемыя Богомъ испытанія, для пробужденія и вразумленія людей, всегда застаютъ ихъ врасплохъ и кажутся тѣмъ болѣе неожиданными, чѣмъ болѣе онѣ ужасны, то кто же способенъ разсмотрѣть признаки приближенія кончины міра, явленія антихриста и Суда Божія надъ міромъ?! И кто же повѣритъ пророку, если бы онъ даже явился въ наше время?!

А между тѣмъ пророки были и сейчасъ живутъ среди насъ, и одинъ изъ нихъ повѣдалъ всему міру «тайну беззаконія», издавъ свою замѣчательную книгу «Сіонскіе протоколы». Можно съ увѣренностью сказать, что судьба всего міра зависитъ отъ того, какъ міръ отнесется къ этимъ «протоколамъ».

Повѣритъ предостерегающему голосу Божію, приметъ милующую Руку Господню, и Милосердный Отецъ Небесный, въ Своемъ безмѣрномъ милосердіи, отсрочитъ уготованные сроки Суда Своего надъ міромъ и помилуетъ людей...

Не повѣритъ этому голосу — и тогда наступитъ всеобщая гибель...

Однако, признаковъ такой вѣры все еще нѣтъ, изумленіе духовно-зрячихъ людей при видѣ всеобщаго ожесточенія, охваченнаго неимовѣрною злобою міра, становится все бо́льшимъ.

Изумленіе вызываетъ не то, что въ своей совокупности рождаетъ у Западной Европы убѣжденіе въ некультурности Россіи, ея отсталости и дикости, а изумленіе вызываетъ Западная Европа, помогающая Антихристу и своими усиліями содѣйствующая своей Собственной гибели и ликвидаціи міровото начала — христіанства.

Изумленіе вызываютъ не попытки еврейства поработить Россію, а то, что Западная Европа уже давно порабощена евреями и этого не замѣчаетъ, что утратила національное чутье и очутилась въ цѣпкихъ рукахъ интернаціонала, выжидающаго только гибели Россіи для того, чтобы пожрать Европу, какъ свою добычу.

Великая столько же пространствомъ, сколько и своею духовною мощью, но смиренная и кроткая, Россія прозрѣваетъ грядущія судьбы Европы, видитъ неумную и близорукую игру Англіи и Франціи, но не осуждаетъ ни той, ни другой, ибо знаетъ, что эти несчастныя страны обречены на гибель, въ порядкѣ очереди, установленной интернаціоналомъ, такъ же, какъ и Россія, что программы интернаціонала столь же необъятны, какъ и геніальны, и сводятся къ одной цѣли — ликви-

даціи христіанства, какъ единственнаго препятствія для завоеванія міра и достиженія вѣковыхъ цѣлей еврейства. Въ чемъ же заключаются эти цѣли?

Стремленіе вернуть себѣ первенство среди народовъ и истребить ненавистныхъ христіанъ никогда не покидало евреевъ, и исторія всего міра есть исторія тѣхъ чрезвычайныхъ усилій, съ которыми евреи добивались достиженія этой цѣли. Медленно, но упорно, настойчиво и дружно идутъ евреи къ цѣли и, если цивилизованный міръ не остановитъ этого страшнаго натиска, то въ скоромъ времени отъ христіанской культуры ничего не останется, и весь міръ, вся вселенная будетъ стонать подъ игомъ этого отверженнаго, проклятаго Богомъ, жестоковыйнаго народа. Нужно только пристальнѣе всмотрѣться въ грядущія перспективы, чтобы содрогнуться отъ ужаса при мысли о возможности порабощенія христіанъ народностью, которой чужда и ненавистна христіанская мораль... Нужно оглянуться назадъ, въ область исторіи, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько эти перспективы уже близки...

Свою работу по завоеванію міра и истребленію христіанскихъ народностей евреи обставили такою глубокою тайною, прикрыли такою непроницаемою завѣсою, обезпечили ея успѣхъ такими геніальными способами, что только очень немногіе замѣчали истинную природу этой преступной работы. Поверхностный взоръ наблюдателя не могъ замѣтить отраженія этой работы ни въ первые вѣка христіанской эры, когда гоненіе на христіанъ было открытымъ и узаконялось правительственною властью, ни позднѣе, въ философскихъ и соціалистическихъ теоріяхъ XVIII—XIX вѣка, рожденныхъ еврействомъ. Идеологія еврейства черпала свои корни въ нѣдрахъ библейской морали, искаженной Талмудомъ, проводилась въ жизнь подъ лозунгами, наружно отражавшими высокія идеалистическія стремленія и имѣвшими большой успѣхъ у молодежи и у такъ называемыхъ передовыхъ, но мало образованныхъ людей, служившихъ діаволу въ полномъ убѣжденіи, что служатъ Богу. Какъ много было тѣхъ, кто въ лозунгѣ — свобода, равенство и братство — видѣлъ высокій христіанскій идеалъ, и какъ мало было тѣхъ, кто прозрѣвалъ за этимъ лозунгомъ его дѣйствительное содержаніе — свободу для революціонной пропаганды стѣсненнаго въ своихъ дѣйствіяхъ неравенствомъ съ другими народами и лишеннаго братскаго общенія съ ними еврейства... Впрочемъ, я не буду распространяться... Каждый христіанинъ обязанъ знать наизусть книгу С. А. Нилуса «Великое въ маломъ»... Тамъ, во второй части ея, онъ найдетъ «Протоколы Собраній Сіонскихъ Мудрецовъ», которые откроютъ ему глаза на роль и задачи еврейства во всемірной исторіи человѣчества... Цитировать эту книгу — значитъ переписать ее всю цѣликомъ. Доста-

точно сказать, что въ первый годъ революціи въ Россіи эта книга скупалась агентами революціи за десятки тысячъ рублей, а позднѣе она была конфискована, и хранившіе ее предавались безжалостнымъ мученіямъ и казни.

Я ограничусь здѣсь выдержками изъ другой книжки. Это брошюра нынѣ проживающаго въ Италіи А. В. Амфитеатрова: «Происхожденіе антисемитизма». II часть. Еврейство — какъ духъ революціи.» — Брошюрка составляетъ содержаніе лекцій, читанныхъ авторомъ въ Парижѣ, осенью 1905 года, въ самый разгаръ первой революціи въ Россіи, вѣроятно, еврейчикамъ-эмигрантамъ. . .

Исходя изъ принципа, что антисемитизмъ — откровенный и неразлучный спутникъ монархическаго начала, и что гибель извѣчнаго антисемитическаго зла можетъ и должна воспослѣдовать только въ томъ республиканскомъ союзѣ народныхъ народоправствъ, который создастъ пролетарская побѣда въ современной борьбѣ классовъ, Амфитеатровъ, съ пафосомъ, восклицаетъ:

«Да, евреи дѣлали революцію, всегда ее дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать, до тѣхъ поръ, покуда революція не побѣдитъ міра соціалистическимъ переустройствомъ, покуда старыя деспотіи и буржуазныя конституціи не падутъ въ прахъ подъ дыханіемъ тѣхъ демократическихъ равенствъ, во имя которыхъ геній еврейскихъ эбіоновъ, за VIII столѣтій до Р. Х., исправлялъ старые кочевые Моисеевы законы соціалистическими статьями Второзаконія. . . Евреи не могутъ не дѣлать революціи активной или пассивной, потому что соціальная революція во имя закона справедливости — ихъ характеръ, ихъ назначеніе, ихъ исторія среди народовъ. . .

«Еврейство — единственный народъ, котораго союзъ опирается не на искусственную политическую лѣпку тѣхъ или иныхъ границъ и условій управленія, но на огромныя философскія идеи, независимыя отъ границъ и превосходящія всѣ условія управленія. . . Еврейство разлилось по Европѣ и странамъ, воспріявшимъ ея цивилизацію, какъ живой законъ соціальной совѣсти. Въ этомъ весь смыслъ его историческаго разсѣянія, въ этомъ его международная заслуга и отсюда его жуткія международныя страданія. . .

«Два раза соціальная совѣсть, воплощаемая еврействомъ, торжествовала надъ міромъ огня, меча и золота. Первый разъ, когда она родила и выдѣлила изъ себя евангельскій идеалъ. Второй періодъ переживаемъ мы. Періодъ, когда пробуждающаяся совѣсть Европы вооружилась догматами великихъ соціалистовъ, рожденныхъ и воспитанныхъ еврействомъ, чтобы разрушить свои церкви, государства, сословія, неравенство классовъ для того Новаго Іерусалима, о которомъ первые сны

разсказалъ намъ еврей Исаія, а послѣдніе систематическіе планы — еврей Марксъ. Да, еврейство — революціонная сила въ мірѣ... И это не потому только, что евреямъ худо живется среди народовъ въ своемъ разсѣяніи, и что они изнемогаютъ въ безправномъ страданіи отъ подозрительныхъ гоненій... Еврейское революціонерство далеко не простой и грубый отвѣтъ на преслѣдованія еврейства. Тѣ, кто угадали въ погромахъ въ чертахъ осѣдлости, въ разновидностяхъ Гетто — съ одной стороны, въ еврейскомъ революціонерствѣ — съ другой, элементы классовой борьбы, глубоко правы... Еврей осужденъ на революціонерство потому, что въ громахъ Синая ему заповѣдано быть соціалистическимъ ферментомъ въ тѣстѣ міра, видоизмѣняющаго типы буржуазнаго рабства. Евреи никогда не были довольны ни однимъ правительствомъ, подъ власть котораго отдавала ихъ историческая судьба. И не могутъ они быть довольны и не будутъ, потому что идеалъ совершенной демократіи, заложенный въ душѣ ихъ, нигдѣ еще не былъ осуществленъ. А борьба за этотъ идеалъ — вся ихъ исторія...

«... Въ голосахъ Лассаля, Маркса, въ революціонныхъ дѣйствіяхъ русско-еврейскихъ вождей освободительной эпохи мы слышимъ неизмѣнными вопли старыхъ эбіонитовъ, громы Исаіи, плачъ Іереміи, благодатную уравнительную утопію Гиллела и Іисуса... Еврейство, какъ таковое, никогда не можетъ стать ни буржуазнымъ цѣлымъ, ни сознательнымъ орудіемъ буржуазной силы»... —

Казалось бы, этихъ выдержекъ достаточно для того, чтобы понять психологію каждой революціи и предостеречь народы Европы отъ опасности того соціалистическаго рая, изъ котораго бѣжалъ этотъ же Амфитеатровъ... Но слѣпое и глухое человѣчество, отдающее себя добровольно въ рабство еврейству, продолжаетъ пребывать въ томъ состояніи опьяненія, или точнѣе сатанинскаго обольщенія, изъ котораго его не выводятъ даже еще болѣе откровенныя признанія интернаціонала, нашедшія свое отраженіе въ дальнѣйшихъ положеніяхъ невѣжественнаго Амфитеатрова.

«Если Павлово христіанство», говоритъ Амфитеатровъ: «вошло въ міръ, чтобы выработать союзы, теорію и этику буржуазнаго строя, то іудейство, со всѣми его потомственными подраздѣленіями въ религіяхъ и философіи, осталось жить и терзаться въ мірѣ, чтобы сохранить ему соціализмъ.»

«Церковное христіанство, будь оно Пія X, будь оно Побѣдоносцева, потому и не христіанство, что оно отреклось отъ Іисусова іудаистическаго соціализма...» (!)

«Марксъ лишь доказываетъ, утверждаетъ и развиваетъ Исаію, Гиллела, Іисуса.»

«Поздно строить новыя государства, когда соціализмъ работаетъ въ милліоны рукъ, чтобы разрушить старыя, и именно еврейскія руки въ работѣ этой — на первой очереди, на первомъ счету»...

... «Соціальная энергія еврейства неизмѣнно обращалась съ враждой къ каждой государственной власти, къ каждой формѣ правленія, какія вырабатывала для Іудеи и Израиля эпоха ихъ самостоятельности. Вопросъ отечества, какъ территоріальности, никогда не игралъ для еврейства роли рѣшительнаго «быть или не быть»: онъ, въ лучшемъ случаѣ, оставался лишь возможностью, которая можетъ быть, можетъ и не быть, а еврейство съ нею и безъ нея, все равно останется безсмертнымъ»...

... «Территоріальная роль самостоятельнаго еврейскаго государства всегда была очень ничтожною сравнительно съ еврейскимъ распространеніемъ и вліяніемъ между иными народами»...

... «Изъ всѣхъ территоріальныхъ идей сіонизма народною можетъ быть только палестинская, освященная историческими преданіями и мессіаническими мечтами. Но между нею и дѣйствительностью стоятъ тысячи непреодолимыхъ преградъ, построенныхъ политикою, исторіею и, наконецъ, самою природою, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ соревновавшей съ людьми въ безжалостномъ убійствѣ злополучной страны обѣтованной. Въ древности идея Іудеи была идеей храма. Такою она осталась и въ воображеніи средневѣкового еврейства, увлекавшагося десятки разъ мессіаническими призывами разныхъ то энтузіастовъ, то помѣшанныхъ, то шарлатановъ; такою живетъ и сейчасъ въ темныхъ и нищихъ хатахъ Западнаго и Юго-Западнаго края, гдѣ стучатъ паяльниками старики, съ библейскими бородами, облитыми слезами въ часы ритуальныхъ воспоминаній объ Іерусалимѣ... Но вѣдь дѣти и внуки этихъ сѣдыхъ бородъ — это уже Бундъ, это соціалъ-демократія, это — сознательный пролетаріатъ. Очень можетъ быть, что уже не далеко время, когда они бросятся, въ рядахъ всепролетарской арміи, на великолѣпныя христіанскія и мусульманскія зданія нынѣшняго Сіона, чтобы замѣнить ихъ побѣжденныя эмблемы красными знаменами и девизами: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь»...

... «Христосъ и Яхве одинаково умерли, а имя мертвыхъ сильно только надъ мертвыми; живые думаютъ о живомъ и работаютъ на жизнь. Будущее жизни не за государственнымъ зиждительствомъ, но за соціалистическимъ смерчемъ, сметающимъ съ лица земли границы государствъ. Соціализмъ — религія настоящаго, творящая будущее. Ну, а святымъ этой религіи ни храмовъ, ни куреній, ни жертвъ не понадобится»...

. . . «Неутомимый и ѣдкій разлагатель государственности, еврейство — концентрація освободительной идеи въ человѣчествѣ. Оно никогда не могло и никогда не сможетъ вмѣститься ни въ какую государственную клѣтку». . .

. . . «Не еврейству надо бѣжать изъ среды народовъ, которые обязаны ему лучшими и чистѣйшими вдохновеніями своей мысли, а народы, освобождающіеся изъ подъ старыхъ государственныхъ формъ, должны заботиться, чтобы еврейство было гарантировано и убережено отъ послѣднихъ злобныхъ натисковъ этихъ отживающихъ формъ, которыя отрицать и побѣждать еврейство учило Европу со временъ Царя Езекіи и, наконецъ, выучило и побѣдило. Въ дни приближающихся пролетарскихъ побѣдъ еврейству надо быть не за тридевять земель въ своемъ домашнемъ углу, а на пирѣ побѣды, на почетномъ мѣстѣ, какъ старѣйшему изъ бойцовъ торжествующей арміи.»

(А. Амфитеатровъ. Происхожденіе антисемитизма. II часть. Еврейство, какъ духъ революціи. стр. 39—53. Берлинъ 1906 г.)

Итакъ, революція, какъ откровенно признаются евреи и ихъ прислужники, есть прежде всего бунтъ противъ Христа-Спасителя, тотъ бунтъ, который такъ глубоко и вѣрно былъ понятъ Достоевскимъ, сказавшимъ, что «жиды погубятъ Россію». Въ основѣ всякаго революціоннаго движенія лежитъ прежде всего религіозный элементъ, а соціальные факторы всегда и вездѣ являлись лишь декораціями для отвода глазъ толпы. И можно только удивляться недомыслію тѣхъ людей, которые не съумѣли разсмотрѣть сквозь толщу соціальныхъ и философскихъ идей еврейства ихъ глубочайшей ненависти къ Христу, пролитая кровь Котораго была проклятіемъ этихъ пособниковъ сатаны, сыновъ погибели. Вотъ та единственная почва, которая вызвала эту общую ненависть къ еврейству со стороны всѣхъ народовъ міра, и эта ненависть не только не уменьшается, а увеличивается по мѣрѣ роста христіанской культуры, несмотря даже на то, что христіанство является религіей любви и всепрощенія. . . Еврейство поставило всему міру альтернативу — «за или противъ Христа» — и міръ раздѣлился на два лагеря, ожесточенно враждующихъ другъ съ другомъ и даже до нашихъ дней не разрѣшившихъ этой проблемы. Исторія всего міра была, есть и будетъ исторіей этой борьбы, и второе пришествіе Христа-Спасителя застанетъ эту борьбу въ той стадіи, когда уже не будетъ сомнѣній въ побѣдѣ еврейства, ибо къ тому времени сила сопротивленія христіанства будетъ окончательно сломлена, и не останется вѣры на землѣ. Отдалить этотъ моментъ еще въ нашихъ силахъ, но для этого мы должны во всей глубинѣ изучить еврейскій вопросъ и умѣть различать въ природѣ христіанства элементы, запрещающіе ненависть къ ближнему, отъ элементовъ,

обязывающихъ къ борьбѣ съ дерзкими хулителями Христа и гонителями Церкви. Мы должны стряхнуть съ себя тотъ религіозный индифферентизмъ, который открылъ еврейству такъ много широкихъ возможностей и позволилъ ему, подъ видомъ соціалистическихъ и философскихъ теорій, искоренять евангельскій идеалъ, смыслъ и идею нашей жизни.

Революція, такимъ образомъ, всегда опытъ, всегда проба силъ кагала, всегда опредѣленное заданіе той международной организаціи, которая съумѣла, съ помощью своихъ огромныхъ капиталовъ, взять судьбы міра въ свои руки. Но этотъ опытъ до того глубоко и тонко задуманъ, что исполнителями его часто являются идейные и чистые люди, не подозрѣвающіе всей гнусности побужденій, низменности и предательства со стороны тѣхъ, во власти которыхъ они находятся и чьи велѣнія исполняютъ. Народъ же, какъ таковой, никогда революціи не дѣлаетъ: народъ всегда остается стадомъ, идущимъ за тѣмъ, кто ведетъ его. Я не хочу сказать этимъ, что народъ всегда, при всякихъ условіяхъ жизни, доволенъ и безропотенъ и вовсе не реагируетъ на политическую жизнь страны. Обобщеній, конечно, быть не можетъ. . .

Но даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ недовольство народа вызывается чаще мѣстными причинами, чѣмъ характеромъ политическаго курса страны и, чѣмъ народъ культурнѣе, тѣмъ бережнѣе относится къ своему законодательному аппарату, тѣмъ болѣе боится порчи государственной машины.

Революція же всегда направлена къ одной опредѣленной цѣли — ломкѣ законодательнаго аппарата и разрушенію государственной машины.

Повторяю, не только каждая революція, гдѣ бы она ни возникала и какими бы мотивами ни объяснялась, но и каждая соціалистическая теорія, какъ подготовительная стадія къ революціи, отражаетъ не недовольство народа, въ широкомъ смыслѣ, а недовольство еврейской части народа, борьбу еврейства съ христіанствомъ. Вотъ почему революція удается тамъ, гдѣ подорваны нравственные устои общества и, обратно, не имѣетъ успѣха тамъ, гдѣ они крѣпки. Вотъ почему всякой революціи предшествуетъ долголѣтняя и сложная подготовительная работа, которая начинается съ колебанія нравственныхъ устоевъ, разрушенія моральныхъ принциповъ, съ проповѣди нигилизма, продолжается всевозможными соціалистическими утопіями, расчитанными на невѣжество и аморальность населенія, и заканчивается открытыми гоненіями на церковь. Такимъ образомъ, въ основѣ успѣха революціи лежитъ религіозный индифферентизмъ народа и, слѣдовательно, только пробужденіе религіозныхъ по-

нятій человѣчества въ состояніи противодѣйствовать злобному натиску еврейства на весь христіанскій міръ.

Народы Земли!.. Вы были предупреждены объ опасности совершеннаго истребленія еврействомъ... Часъ вашей гибели близокъ!..

Милосердный Господь во всякое время готовъ спасти васъ: діаволъ во всякій моментъ — погубить васъ. Свободная воля человѣка не стѣснена въ выборѣ и можетъ склониться къ Христу или къ антихристу.

Вотъ почему о днѣ и часѣ гибели міра, который будетъ и часомъ второго пришествія Христа-Спасителя, не знаютъ даже Ангелы на небѣ...

Не знаютъ потому, что приблизить или отдалить этотъ страшный часъ — во власти свободной воли человѣка.

Забудьте національную и политическую рознь, объединитесь во Христѣ и вокругъ Христа, ибо только организованная христіанская армія вселенной будетъ въ силахъ, именемъ Креста Господня, побѣдить еврейство, армію сатаны...

III.

Судъ Божій.

Однимъ изъ способовъ, коимъ творцы революціи пользуются для достиженія своихъ цѣлей, является такъ называемый гнѣвъ народа.

Этотъ гнѣвъ берется у народа на прокатъ, только на извѣстное время, и вызывается искусственнымъ внѣдреніемъ въ сознаніе народныхъ массъ убѣжденія въ томъ, что революція есть наказаніе за преступленіе.

Дѣлатели революціи всегда выдвигаютъ на первый планъ такое объясненіе, какое должно оправдать въ глазахъ народа звѣрства, допускаемыя якобы для искорененія неправды, для защиты угнетеннаго народа отъ произвола его поработителей, для раскрѣпощенія его изъ оковъ рабства, словомъ для торжества правды и высокихъ идеаловъ. Такой подоплекѣ революціи, какъ массовому протесту «народа» противъ чинимыхъ надъ нимъ насилій, всегда вѣрили глупые люди, вѣрятъ и сейчасъ.

Неудивительно, если и до сихъ поръ, на страницахъ всякаго рода газетъ и журналовъ, конечно, только еврейскихъ, все еще продолжаютъ писать объ этихъ ужасныхъ преступленіяхъ и совершенно понятной «мести народа».

Въ Сербіи, напр., я не встрѣчалъ ни одного человѣка, считающаго себя образованнымъ, который бы не постарался выразить своего гадливаго отношенія къ Россіи, гдѣ, по его

мнѣнію, революція была необходима, чтобы освободить народъ отъ издѣвавшейся надъ нимъ аристократіи; гдѣ на одной сторонѣ были только князья и графы, а на другой — мужики, рабы этой аристократіи. Думаютъ такъ не только въ одной Сербіи, а вездѣ, гдѣ желаютъ жиды, чтобы такъ думали...

Нечего и говорить о томъ, что главная тяжесть преступленій предъ народомъ обрушивалась на Государя Императора и на Государыню Императрицу. Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ «преступленіямъ» въ предреволюціонное время вѣрили даже люди независимой мысли...

Но вотъ нашелся честный человѣкъ, В. М. Рудневъ, коему было поручено произвести дознаніе объ этихъ «преступленіяхъ», и коего ни въ какомъ случаѣ нельзя было заподозрить въ пристрастіи, ибо, будучи товарищемъ прокурора провинціальнаго окружного суда, онъ могъ быть скорѣе предубѣжденнымъ противъ Царя и вѣрить распространяемой клеветѣ, разобраться въ которой было въ провинціи трудно... И вотъ этотъ честный человѣкъ крикнулъ на весь міръ:

«Я просмотрѣлъ всѣ архивы Дворцовъ, Личную переписку Государя и могу сказать: Императоръ — чистъ какъ кристалъ.»

И голосъ этого одного мужественнаго и честнаго человѣка заставилъ замолчать милліоны враждебныхъ Государю голосовъ, и теперь о «преступленіяхъ» Государя никто не смѣетъ и подумать.

Появились кощунственно опубликованныя «Письма» Государыни Императрицы къ Государю Императору: бросили воры украденный ими драгоцѣнный ящикъ съ письмами въ толпу и... пристыженная толпа смолкла, ибо увидѣла, что и Императрица — чиста какъ кристалъ.

Осталось Царское правительство... Многіе изъ министровъ погибли ужасною смертью только за то, что были министрами; многіе, оставшіеся въ живыхъ, продолжаютъ еще подвергаться травлѣ и злостной клеветѣ. Но въ чемъ же заключались «преступленія» этихъ министровъ, кто изъ обвинителей выдвинулъ противъ нихъ хотя бы одно конкретное обвиненіе?

Но, если бы даже и были такія преступленія, то за что же «гнѣвъ народа» обрушился на всю Россію, за что погибли десятки милліоновъ ни въ чемъ неповинныхъ людей? Весь міръ содрогнулся отъ неслыханныхъ размѣровъ этого гнѣва, отъ ужаснаго наказанія, ниспосланнаго на Россію...

Но въ чемъ же ея преступленіе?!

Да, революція есть дѣйствительно наказаніе за преступленіе, но наказаніе не дѣлателей революціи за преступленія противъ народа, а наказаніе Божіе за преступленія противъ заповѣдей и законовъ Божіихъ.

И гдѣ бы мы ни искали причинъ обрушившагося на Россію великаго горя, гдѣ бы ни искали слѣдовъ этихъ преступленій, какія бы чрезвычайныя комиссіи ни собирали и въ какихъ бы архивахъ ни рылись, но найдемъ мы эти причины только въ одномъ мѣстѣ — въ Библіи.

Не только мы, но весь міръ спрашиваетъ, за что такъ глубоко страдаетъ Россія; но, вѣрно, мало кто знаетъ, что даже этотъ вопросъ является буквальнымъ исполненіемъ слова Божія:

«. . . И скажутъ всѣ народы: за что Господь такъ поступилъ съ сею землею? какая великая ярость гнѣва Его! И скажутъ: за то, что они оставили завѣтъ Господа Бога отцовъ своихъ. . .» (Второзаконіе, гл. 29, ст. 24—25).

Съ неменьшею опредѣленностью указываетъ на непреложные законы возмездія и пророкъ Іеремія.

«. . . И если вы скажете: за что Господь Богъ нашъ дѣлаетъ намъ все это, то отвѣчаю: такъ какъ вы оставили Меня и служили чужимъ богамъ въ землѣ своей, то будете служить чужимъ въ землѣ не вашей». . . (Іерем. 5, 19).

Это — не гнѣвъ Божій въ представленіи первобытнаго человѣка, это лишь напоминаніе о томъ, что законы Бога вѣчны, и нарушеніе ихъ неизбѣжно вызываетъ опредѣленныя послѣдствія. Поясняя эту мысль, пророкъ Іеремія говоритъ далѣе:

«. . . Слушай, земля: Вотъ Я приведу на народъ сей пагубу, плодъ помысловъ ихъ, ибо они словъ Моихъ не слушали и законъ Мой отвергли» (Іерем. 6 19).

Нѣтъ, всегда столько же грѣховными, сколько и безсмысленными будутъ попытки объяснять міровыя несчастія гнѣвомъ, или карою Божіей, когда они являются лишь результатомъ нарушенія установленныхъ Господомъ законовъ мірозданія, подмѣны ясныхъ, отчетливыхъ и благихъ велѣній Божіихъ человѣческими измышленіями. Наоборотъ, въ законахъ возмездія отражается величайшее благо: иначе люди давно бы перерѣзали другъ друга. . .

«. . . Когда суды Твои совершаются на землѣ, тогда живущіе научаются правдѣ». . . (Исаіи, 26, 9).

Прочитаемъ внимательно главу 26 Левитъ, гл. 28 Второзаконія, книгу пророка Исаіи, главы 3, 6, 9, 10, 24, 33, 43, 58, 59, 65, книгу пророка Іереміи, Плачъ Іереміи, книгу пророка Іезекіиля, — и мы поймемъ, за что страдаетъ Россія. Велики, безмѣрно велики эти страданія; но милосердіе Господне еще больше. Израненная и растерянная мысль ищетъ выхода, обращаетъ пробудившаяся совѣсть свой взоръ къ Богу и съ высоты небесной слышитъ гласъ Божій:

«. . . Не увидишь болѣе народа свирѣпаго, народа съ глухою невнятною рѣчью, съ языкомъ страннымъ, непонятнымъ» (Исаіи, 33, 19).

Слышитъ раскаявшійся человѣкъ и гласъ Бога къ этому свирѣпому народу:

«. . . Горе тебѣ, опустошитель, который не былъ опустошаемъ, и грабитель, котораго не грабили. Когда кончишь опустошеніе, будешь опустошенъ и ты; когда прекратишь грабежи, разграбятъ и тебя». . . (Исаіи, 33, 1).

И, слыша эти обѣтованія Божіи, успокаивается человѣкъ, и воскресаетъ у него заря надежды на милость Божію, и крѣпнетъ эта надежда. . .

По существу вѣра есть подлинное, истинное знаніе. По формѣ же, вѣра есть вѣра, и безплодны попытки утверждать ее въ сердцахъ тѣхъ, кто не имѣетъ ея. Вѣра есть даръ Божій, съ которымъ рождается каждый человѣкъ. Невѣрующихъ младенцевъ и дѣтей не существуетъ. Тѣ, кто утратилъ этотъ даръ, пусть обратятся къ Богу и получатъ его. Я же считаю лишнимъ вдаваться въ полемику съ невѣрующими, а ограничусь лишь указаніемъ на то, что Библія, несмотря на несомнѣнныя талмудическія наслоенія, есть самая замѣчательная изъ всѣхъ книгъ на землѣ, ибо олицетворяетъ собою тотъ подлинный нравственный законъ — lex scripta, какой данъ Богомъ для руководства людямъ въ ихъ земной жизни. Это — кодексъ нравственныхъ понятій и наставленій, изложенныхъ въ формѣ обязательственныхъ отношеній человѣка къ Богу и ближнему, и содержащій въ себѣ всю полноту законовъ и постановленій Божіихъ, съ указаніемъ послѣдствій за несоблюденіе ихъ. Тотъ, Кто создалъ законы природы и законы эволюціи, подчинивъ ихъ дѣйствію все сущее на землѣ, Тотъ постепенно возводилъ и человѣка отъ простыхъ понятій къ болѣе сложнымъ, а, потому, и вѣщалъ Свою волю въ формахъ, доступныхъ пониманію людей въ разныя эпохи ихъ развитія. Совершенно понятно, что библейскія формы откровенія Божія кажутся намъ устарѣвшими; однако тотъ, кто присмотрится къ содержанію, сокрытому за этими формами, тотъ увидитъ, что Новый Завѣтъ не только не отмѣнилъ Ветхаго, но что многое изъ ветхозавѣтныхъ откровеній и донынѣ еще не исполнилось, а разсчитано на послѣдующія времена. Ограничивать, посему, значеніе Библіи только предѣлами Библейскаго времени, или относить ея содержаніе только къ ветхозавѣтному Израилю, не то же ли, что признавать всеобщіе міровые законы, открываемые на пространствѣ вѣковъ учеными разныхъ національностей, имѣвшими значеніе лишь для тѣхъ, кто открылъ ихъ, или для ихъ соотечественниковъ?! Съ точки зрѣнія своего внѣшняго содержанія, Ветхій Завѣтъ Библіи распадается на три отдѣла, изъ коихъ одинъ, наименьшій, посвященъ исторіи Израильскаго народа, другой, болѣе значительный, откровенію Божію, данному Израилю и разсчитанному какъ на ближайшее, такъ и

на послѣдующее время, а третій, самый значительный отдѣлъ — откровенію Божію, данному всему роду человѣческому на весь періодъ существованія міра, до конца временъ, явленія антихриста и второго пришествія Христа Спасителя.

И, черпая свои выводы изъ откровенія Божія, я думаю, что истекаютъ уже уготованные Господомъ сроки возмездія, и загорается заря новой жизни, новой не по формѣ и своему укладу, а по духу, по силѣ преданности, вѣрности и любви къ Помазаннику Божію, возлюбленному Господомъ Государю Императору Николаю Александровичу и Его святой Семьѣ.

«Не бойся, ибо Я съ тобою; отъ востока приведу племя твое и отъ запада соберу тебя» (Исаія 43, 5).

Не вѣрю я, что Господь навсегда отнялъ отъ насъ нашего Царя, ибо иначе Пророкъ Божій не сказалъ бы:

«Отведетъ Господь тебя и царя твоего, котораго ты поставишь надъ собою, къ народу, котораго не зналъ ни ты, ни отцы твои»... (Второзаконіе 28, 36).

Думаю, поэтому, что Господь лишь отвелъ, укрылъ Помазанника Своего до той поры, пока, омытая слезами раскаянія, очистившаяся отъ своихъ грѣховныхъ язвъ, освободившаяся отъ тѣхъ своихъ Помысловъ, какія довели ее до нынѣшняго ея состоянія, Россія будетъ помилована Богомъ.

Но, если вѣрно, что безпримѣрное въ исторіи злодѣяніе въ Екатеринбургѣ дѣйствительно совершилось, то Россія не имѣетъ права молить у Господа пощады... Пусть не всѣ были виноваты въ преступленіи, которому нѣтъ имени; но ни одинъ чуткій человѣкъ не долженъ укрываться отъ его послѣдствій. Всѣ должны пріобщиться къ страданіямъ Праведниковъ и личнымъ горемъ, и страданіями, и слезами, искупить страшный грѣхъ предъ Богомъ, предъ Помазанникомъ Божіимъ и Его Святымъ Семействомъ.

«Мнѣ отмщеніе — Азъ воздамъ.»

Цѣна 1 долларъ.

Можно покупать у автора: Italia. Puglia. Bari. Via Carbonara. Chiesa Russa Principe Gewakhov.

И у издателя: München, Schraudolphstraße 6. Winberg.